ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2018. № 426. Январь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2018. № 426. January

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 426 Январь 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Волков И.О. «Шекспировский текст» повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир»: образы героев 5
Завгородний А.М. Рецепция поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» во Франции: между двумя мировыми войнами XX в. 14
Зверев А.С. Графическая связность: линейно-синтагматический статус японских пунктуационных показателей 27
Корычанкова С., Крюкова Л., Олицкая Д. Перцептивная картина мира в поэтическом переводе (на материале русского и немецкого переводов стихотворения О. Бржезины «Взгляд смерти») 39

ИСТОРИЯ

Ахмедов Т.А. Борьба лидера Рабочей партии Курдистана А. Оджалана за свободу и политическую деятельность в конце 90-х гг. XX в. 47
Башкуев В.Ю. Медико-санитарные экспедиции Наркомздрава РСФСР в Тувинской Народной Республике и становление тувинского здравоохранения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.) 52
Бурдина Е.Н. Власть, продразвёрстка и сибирское крестьянство накануне восстания 1921 г. 64
Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Христианское мировоззрение как источник изменений в системе уголовного наказания в Великобритании в XVIII в. 74
Груздинская В.С., Метель О.В. Институт красной профессуры: проблемы институционального строительства (1921–1923 гг.) 82
Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирская реформа М.М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма 88
Данилова Л.Н., Тишко А.Б. Развитие педагогических вузов России и Германии в 20-е гг. XX в.: сравнительный анализ образовательной среды 94
Ефремов А.В. Вклад предприятий ВПК Удмуртии в развитие социальной сферы и инфраструктуры республики в 1945–1956 гг. 101
Кирилюк Д.В. Трудности преподавания русского языка в школах Югры в 1945–1953 гг. 107
Козельчук Т.В. Административный надзор за исполнением обязательных постановлений в контексте изучения повседневности (на материалах Курганского округа в 1923–1930 гг.) 114
Кондратьева Т.Н. Борис Фёдорович Поршнев – заочный участник дискуссии о формациях и споров о торговом капитализме (начало 1930-х гг.) 123
Конопьянова Л.О. Официальная помощь развитию Японии в странах АСЕАН 130
Мельников В.П., Федоров Р.Ю. Роль природных криогенных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока 133
Морозова Т.И. Конфликт в Бурят-Монгольском обкоме РКП(б): формальные и неформальные практики борьбы за власть (март – ноябрь 1925 г.) 142
Перцев Н.В. Аборигенные городки Нижнего Приобья XV–XVI вв.: торговый аспект 154
Саблин В.А. Крестьянское хозяйство на Европейском Севере России во второй половине 1920-х гг.: опыт типологизации 159
Степкин В.В. Виа Долороза в пещерах урочища Малые Дивы на Среднем Дону 167

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary scientific journal

№ 426 January 2018

CONTENTS

PHILOLOGY

Volkov I.O. The Shakespeare text of the story "A Lear of the Steppes" by I. Turgenev: characters' images 5
Zavgorodnii A.M. Reception of N.V. Gogol's *Dead Souls* in France: between the two world wars of the 20th century 14
Zverev A.S. The graphic coherence: studying the syntagmatic status of Japanese punctuation markers 27
Korycankova S., Kryukova L., Olitskaya D. The perceptual picture of the world in poetic translation (in Russian and German translations of the poem "Pohled Smrti" by O. Březina) 39

HISTORY

Akhmedov T.A. The struggle for freedom and political activities of the leader of the Kurdistan Workers' Party A. Öcalan in the late 1990s 47
Bashkuev V.Yu. Medical and sanitary expeditions of the People's Commissariat of Health of the RSFSR in the Tuvan People's Republic and the development of Tuvinian healthcare (late 1920s – mid-1930s) 52
Burdina E.N. Power, prodrazvyorstka and the Siberian peasants on the eve of the uprising of 1921 64
Vasileva S.A., Erlihson I.M. Christian ideology as a source of transformation of the penal system in Britain in the eighteenth century 74
Gruzdinskaya V.S., Metel O.V. The Institute of Red Professors: the problems of institution building (1921–1923) 82
Dameshek L.M., Dameshek I.L. Siberian reforms of 1822 by Speransky as a manifestation of the principles of imperial regionalism 88
Danilova L.N., Tishko A.B. Development of pedagogical higher schools in Russia and Germany in the 1920s: a comparative analysis of the educational environment 94
Efremov A.V. The contribution of the Udmurt military-industrial complex to the development of the social sphere and the infrastructure of the Republic in 1945–1956 101
Kirilyuk D.V. Problems in teaching the Russian language in Yugra schools in 1945–1953 107
Kozelchuk T.V. Administrative supervision of the implementation of binding resolutions in the context of everyday life studies (on materials of the Kurgan District in 1923–1930) 114
Kondratieva T.N. Boris Porshnev, an absentee participant in the discussion on formations and controversies about merchant capitalism (early 1930s) 123
Konopyanova L.O. Japan's ODA cooperation with ASEAN countries 130
Melnikov V.P., Fedorov R.Yu. The role of natural cryogenic resources in traditional subsistence systems of the peoples of Siberia and the Far East 133
Morozova T.I. A conflict in the Buryat-Mongol Regional Committee of the Russian Communist Party of the Bolsheviks: formal and informal tactics of the power game (March–November 1925) 142
Pertsev N.V. Aboriginal small towns of the Lower Ob of the 15th–16th centuries: the trade aspect 154
Sablin V.A. Peasant farming in the European North of Russia in the second half of the 1920s: the experience of typologization 159
Stepkin V.V. Via Dolorosa in the caves of the Malye Divy area in the Middle Don 167

Степнов А.О., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Этика взаимоотношений в университетской корпорации г. Томска на примере конфликта на юридическом факультете Томского университета весной–летом 1917 г. 180
Сушко А.В. Исторические идеи и политические практики сибирского сепаратизма 192
Шацкая Е.А. История становления и развития учреждений для подготовки сотрудников полиции (милиции) (на примере Забайкальского края) 207
Шевченко С.А. Развитие дорожной системы штата Вашингтон (1889–1913 гг.). Правовой аспект 211
Шерстова Л.И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири 217
Шульц Э.Э. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии и проблемы возникновения, развития и падения Веймарской республики 223

ПЕДАГОГИКА

Капилевич Л.В., Гузырь В.В. Экспериментальный «зонтичный» формат магистерской программы «Инжиниринг реабилитационных и вспомогательных технологий» 229
Строкова Т.А. О подготовленности студентов к исследовательской деятельности 234

ПРАВО

Князьков А.С. Тактико-криминалистические задачи расследования следственно-оперативной группой многоэпизодной преступной деятельности 238
Колотков М.Б. Просмотр частной корреспонденции в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: организационно-правовые основы и роль в борьбе с террором 243

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 250

Stepnov A.O., Nekrylov S.A., Fominykh S.F. The ethic of relationships in the university corporation of Tomsk on the example of the conflict at the Faculty of Law of Tomsk University during the spring and summer of 1917 180
Sushko A.V. Historical ideas and the political practice of Siberian separatism 192
Shatskaya E.A. The history of the formation and development of institutions for the training of police officers (militia) (on the example of Zabaykalsky Krai) 207
Shevchenko S.A. Road system development in the State of Washington (1889–1913). The legal aspect 211
Sherstova L.I. The concept of the frontier and the Russian development of Siberia 217
Shults E.E. The November Revolution of 1918 in Germany and problems of emergence, development and falling of the Weimar Republic 223

PEDAGOGICS

Kapilevich L.V., Guzyr V.V. The experimental “umbrella” format of the master’s program “Engineering of Rehabilitation and Auxiliary Technologies” 229
Strokova T.A. Students’ readiness for research activities 234

LAW

Knyazkov A.S. Tactical and forensic problems of investigation of multi-incident criminal activities by a crime scene investigation group 238
Kolotkov M.B. Examination of private correspondence in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries: the legal framework and the role in the fight against terror 243

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 250

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/426/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1-31

И.О. Волков

«ШЕКСПИРОВСКИЙ ТЕКСТ» ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «СТЕПНОЙ КОРОЛЬ ЛИР»: ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу трагедии У. Шекспира «Король Лир» и повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир» (1870). Рассматривается особенность моделирования образов действующих лиц (главных и второстепенных героев), выявляются моменты художественного сближения двух произведений. Устанавливается значимость осмысления русским писателем национального материала через опыт английского драматурга.
Ключевые слова: И.С. Тургенев; Шекспир; «Степной Король Лир»; «Король Лир».

В 1864 г. И.С. Тургенев в письме Фридриху Боденштедту, уверяя своего друга в искреннем сочувствии к «Немецкому шекспировскому обществу», назвался «ярым шекспирианцем» [1. Т. 6. С. 192]. Таким образом писатель не просто причислил себя к кругу обожателей и почитателей творчества английского поэта, но также обозначил себя как отчаянного шекспировского энтузиаста.

Вопрос о характере соотношения повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир» (1870) с трагедией Уильяма Шекспира «Король Лир» был поставлен современниками сразу после появления произведения в печати. А.А. Фет в письме к И.П. Борисову от 25 октября 1870 г. охарактеризовал ее как «философско-эстетическую критику на “Лира” Шекспира» [2. Т. 8. С. 485]. Позже Н.Н. Страхов, на которого «Степной Король Лир» «произвел довольно сильное впечатление» [3. С. 269], назвал историю степного помещика пародией на шекспировскую пьесу – автор якобы «переложил Шекспира на русские нравы, пародировал одну из чудеснейших его драм» [4. С. 28]. И.А. Гончаров, сначала приравняв повесть к «Запискам охотника», позже отозвался о ней как о карикатуре: «Можно ли так издеваться над трагическою, колоссальною фигурою короля Лира и ставить это великое имя ярлыком над шутовскою фигурою грязного и глупого захолустника…» [5. С. 435]. Определение повести как пародии и карикатуры на трагедию английского драматурга наложило в дальнейшем отпечаток на особенности ее восприятия и интерпретации.

В литературоведении XX в. первая значимая попытка выявления и интерпретации шекспировского пласта повести принадлежит Л.М. Лотман – она оказалась первым и практически единственным исследователем, изучавшим шекспировскую проблематику произведения с активным привлечением чернового и белового автографов [6]. Тщательность проделанного ею анализа подтверждает обоснованность постановки вопроса о шекспировской природе «Степного Короля Лира».

Практически одновременно с Л.М. Лотман к «Степному Королю Лиру» в свете трагедии Шекспира обратился Ю.Д. Левин [7]. Однако его интерпретация «шекспировского текста» повести Тургенева во многом оказывается противоположна выводам ленинградской исследовательницы. По мнению ученого, перенесение трагедии Лира в условия глубокой провинции служит выполнению одной единственной задачи – обличение «темного царства». Следовательно, обращение Тургенева к Шекспиру связано с сатирическим низведением необоснованных претензий Харлова на значимость своего положения в мире.

Вслед за Ю.Д. Левиным отказывает Харлову в его «королевских» притязаниях и Э.Н. Неверова [8]. Подчеркивая неслучайность обращения писателя в конце 1860-х гг. к шекспировской коллизии, исследовательница считает величие главного героя мнимым, совершенно не соответствующим лировскому. Вопрос о традиции Шекспира в повести 1870 г. также затрагивает Е.Г. Новикова в своей диссертации [9], утверждая, что английский драматург сыграл определяющее значение именно в эпическом наполнении повести.

В последнее десятилетие наблюдается всплеск интереса к «Степному Королю Лиру». Были сделаны попытки выявить психологическую сущность образа главного героя повести с позиции национальной типологии [10], через категорию культурной памяти [11], мортальный мотив [12], поэтику портретирования [13] и т.д. Но важная и актуальная проблема шекспировской «наследственности» до сих пор остается открытой.

Создавая повесть с очевидной ориентацией на традицию английского драматурга, Тургенев, безусловно, внес в ее структуру элементы, которые бы обозначили моменты художественного сближения. Эта установка проявилась на уровнях жанра, сюжета, конфликта, образов героев, пространства. Однако писатель не ставил перед собой задачи буквального воспроизведения формы и содержания трагедии «Король Лир» – это бы означало недопустимое упрощение художественного замысла. Опыт Шекспира не заслонял для Тургенева проблему осмысления собственно национального материала, но служил значимым ориентиром в моделировании трагических по своей сути характеров и образов.

Акцент на шекспировскую образность, поставленный автором уже в названии, далее значимо отзывается в экспозиции, где читателю представляют «человек шесть, собравшихся в один зимний вечер у старинного университетского товарища» [1. Т. 8. С. 159], которые заводят речь о шекспировских типах. Прежде чем перейти к королю Лиру, каждый из них назвал по одному герою, с которым (со всей условностью) ему довелось встретиться в реальности: Гамлет, Отелло,

Фальстаф, Ричард III и Макбет. Перечисление имен не остается простым упоминанием в разговоре – отдельные моменты этих типов или частные детали произведений получают реализацию в ходе дальнейшего драматического повествования.

Так, рефлексивная природа *Гамлета* входит в образную составляющую Мартына Петровича – герой оказывается склонен к тому, чтобы периодически впадать в состояние меланхолии. Во-первых, он предается мучительным размышлениям о смысле человеческого существования и неизбежности смерти. Во-вторых, его беспокоит вопрос о границах собственной силы и власти, что перекликается с вопрошанием Датского принца – «Быть или не быть – таков вопрос; / Что благородней духом – покоряться / Пращам и стрелам яростной судьбы / Иль, ополчась на море смут, сразить их / Противоборством?» [14. Т. 6. С. 70].

Упоминание Тургеневым трагедии «Отелло» может указывать на параллель образов *Яго* и Слёткина. В обоих случаях они являют собой воплощение хищного мира. Главное для героев – личная выгода, в достижения которой они готовы на большие преступления. Яго у Шекспира «не делает зло ради зла, он не “демоническое существо”, но живой человек» [15. С. 219]. Все его коварство направлено только на получение желаемого – лейтенантского поста. Ради собственной выгоды существует и тургеневский Слёткин. Он услужлив и любезен до тех пор, пока дело не доходит до его личной выгоды: «…он тотчас терялся от жадности, до слез даже доходил; из-за тряпки готов канючить целый день, сто раз напомнит о данном обещании, и обижается и пищит, если оно не тотчас исполняется» [2. Т. 8. С. 171]. Яго плетет против Отелло и Кассио интриги, в результате которых объятый ревностью Отелло убивает Дездемону и закалывается сам, умирает обманутый Родриго, а Кассио получает ранение. К печальным последствиям приводят и козни Слёткина: под его влиянием дочери Харлова лишают отца самостояния, делают зависимым от них, а затем выгоняют из собственной комнаты. Итогом интриг также становится гибель главного героя.

Образные черты *Фальстафа* отражены во второстепенном герое повести – Житкове, которого прочат в мужья Евлампии. Неудачливый и жадный персонаж Тургенева схож с Фальстафом уже своим внешним видом: в возрасте, толстый, неуклюжий. Отставной майор называет себя воином: «царю служил верой-правдой» [2. Т. 8. С. 194], а персонаж Шекспира является рыцарем и вхож в королевский двор. Оба героя нацелены на выгодную женитьбу – получение богатого приданого: Фальстаф пытается выбрать между миссис Форд и миссис Пейдж («Виндзорские насмешницы»), а Житков уже видит своей женой младшую дочь Харлова. Окружающим очевидна неуместность героев в роли женихов (сами авторы подчеркивают эту несостоятельность), однако «претенденты» не желают признавать очевидного и в результате самообмана терпят полное фиаско.

Аллюзия на *Ричарда III* из одноименной хроники связана в повести, прежде всего, с образом коня. После раздела имения у Харлова забирают его лошадь – «чахлую, тридцатилетнюю кобылу» [Там же. С. 162], которая получила рану в Бородинском сражении. Лишение лошади стало для него символом потери «царской» и отцовской власти. Это непосредственно отсылает к заключительным словам 4-й сцены V акта трагедии Шекспира: «Коня, коня! Венец мой за коня!» [14. Т. 1. С. 577]. Король Ричард, теряя в бою коня, оказывается легкоуязвим – это знак его поражения, за которым следуют потеря трона и смерть[1].

Наконец, в повести Тургенева присутствует интертекстуальная отсылка к трагедии *«Макбет»*. Описывая ужасную непогоду, во время которой скитавшийся по степи Харлов приходит в дом к Наталье Николаевне, герой-рассказчик дает следующее изображение: «Везде стояли засоренные мертвыми листьями лужи; крупные волдыри, то и дело лопаясь и возрождаясь, вскакивали и скользили по ним» [2. Т. 8. С. 204]. «Волдыри», о которых упоминает рассказчик, подобны «пузырям земли» из трагедии Шекспира: «То – пузыри, которые рождает / Земля, как и вода. Но где ж они?» [14. Т. 7. С. 13]. В обоих случаях пузыри и волдыри как элементы в описании природной стихии предваряют череду дальнейших трагических событий.

От отдельных шекспировских «вкраплений» Тургенев переходит к моделированию конкретных художественных образов, обнаруживающих свою специфику на материале обыкновенной российской действительности.

Король Лир – Мартын Харлов

В центре драматического действия трагедии Шекспира и повести Тургенева находится герой – представитель конкретного национального мира, наделенный мощью характера и силой безграничной власти (обусловленной исторически и многократно усиленной собственным представлением). Его королевская позиция существует в непосредственной связи с личной, семейной – Тургенев подобно Шекспиру делает отцовство одним из значимых аспектов развития трагического конфликта. Однако, в отличие от британского монарха, степной помещик имеет лишь двух дочерей[2], которые предают и отвергают своего отца, т.е. он оказывается лишен варианта Корделии. Соответственно, в своей трагической истории Харлов избавлен не только от мук вины в несправедливости подозрений, но также оставлен и без необходимости надежды на прощение. Вместо отца эти мучения всей тяжестью ложатся на младшую дочь – Тургенев даже по-своему моделирует сцену прощения / непрощения в финале повести.

Истоком разрушительных противоречий главного героя в обоих произведениях служит именно личность гордого властителя: характер выказываемых притязаний к миру оказывается вне соответствия с истинностью собственной эгоистической природы. Тургенев в сложной психологии Мартына Харлова на первый план также выдвигает терзающий его страх смерти, который звучит и в ситуации с Лиром, но не в столь резонированном виде. Русский писатель сталкивает внутри чувствующего мира героя мучительное ожидание смерти с необъятной страстью гордыни. Если у Шекспира король на протяжении всего действия пытается разобраться в причинах несправедли-

вого и жестокого устройства человеческого мира, то подобным масштабом мысли наделяется и степняк Тургенева: со всей простотой и обыденностью своего сознания он стремится познать смысл существования, неуклонно стремящегося к смерти.

Древний британский монарх, потомок легендарных королей, наследник их многовекового величия олицетворяет собой абсолютную силу, волю и власть. Он упивается могуществом, ощущает себя на вершине человеческого мира. Но ореол всевластья заслоняет от него реальную действительность, заставляя жить в мире иллюзий. Король неспособен отличить правду от лжи, любовь от ненависти, лесть от искренности. Поэтому суровое вторжение объективного мира в сферу его существования приводит к катастрофе, которая обретает огромные масштабы. Трагедия одной личности отзывается в пределах целого мира: раздробленность государства, война с Францией.

В повести Тургенева степной помещик Мартын Харлов тоже претендует на положение монарха. В образном плане его фигура через историю рода и особенности характера соотносится с легендарной личностью средневековой Руси царем Иваном Грозным. Герой осознает себя как царя, владеющего поместьем-державой и имеющего подданных-крепостных. Наделенный богатырской силой, физической мощью, он больше всего гордится «своим званием, происхождением, своим умом-разумом» [2. Т. 8. С. 160]. Для Харлова верность дочерей всегда была априорной, не вызывающей сомнений – подобно Лиру он считает себя по природе олицетворением силы и власти. Поэтому, решаясь разделить имение, Мартын Петрович вначале абсолютно уверен в беспрекословном повиновении дочерей: он, как и герой Шекспира, считает, что, сбрасывая с дряхлых плеч своих “ярмо забот” [16. С. 51], сохраняет «Королевский титул / И честь, с ним сопряженную» [Там же. С. 54]. А когда на него обрушивается действительное положение вещей, также терпит абсолютный крах.

Представляя Лира в облике старца, Шекспир одновременно делает указание на славу его молодости – в прошлом он был доблестным воином: «Когда-то было время: мог бы я / Моею острой саблей их заставить / Попрыгать всех» [Там же. С. 170]. Последним проявлением воинского духа стала месть за убийство Корделии – король закалывает «раба, который вешал дочь» [Там же]. Таким же ратным воином несколько десятилетий назад был и Харлов – во время войны 1812 г. состоял в партизанских отрядах. Героическую природу он выказывает вновь, когда разрушает крышу нового флигеля. В этот момент Мартын Петрович чувствует себя воином, отбивающимся «от лихих татарских людей, от воров литовских» [1. Т. 8. С. 220]. Слова героя наводят на прямую ассоциацию со свержением монголо-татарского ига и борьбой против польско-литовского нашествия во время Смуты.

Важной деталью, сближающей Харлова с шекспировским Лиром, оказывается мотив охоты. Британский монарх в середине первого акта появляется впервые в доме Гонерильи, возвращаясь именно со звериной ловли. Указание на это дается в речи самой Гонерильи, которая в ожидании прибытия отца наставляет своего дворецкого: «Помни ж: как с охоты / Приедет он, скажи, что я больна. / С ним говорить не стану я…» [16. С. 66]. Интересно отметить и символический план выражения этого мотива в трагедии: «ловлей» Лира занимаются две его старшие дочери, договариваясь своим небрежным и надменным обращением смирить отца, сократить объем его притязаний.

Герой Тургенева также является охотником, в повести на это дважды обращается внимание. Сначала рассказчик упоминает о шумной заячьей охоте, которую ведет Харлов: «так заатукал на лежавшего возле дороги зайца, что стон и звон стояли у меня в ушах до самого вечера» [2. Т. 8. С. 163]. Затем уже сам герой говорит об этом увлечении своей юности: «Тебе бы все с ружьем баловаться! В младых летах будучи, и я по этой дорожке бегал» [Там же. С. 202]. Символическое значение охоты здесь также срабатывает, но не в столь явном виде, как у Шекспира: в роли главного «охотника» на имение Харлова выступает Василий Слёткин.

Скитающийся по пустынной степи Лир словно в языческом ритуале обращается к природным стихиям, призывая их ко всеобщему разрушению – для него мир перевернулся, привычный порядок вещей нарушен. Он просит разбросать «…по ветру семена, / Родящие людей неблагодарных» [16. С. 107], т.е. не допустить повторения его собственной истории. Практически прямая отсылка к этому присутствует в повести Тургенева. Мартын Петрович, рассказывая Наталье Николаевне обо всех своих бедах и лишениях после раздела имения, поверяет ей и те мучительные мысли, которые терзали его: «перебью, перешвыряю всех, чтобы и на семена не осталось... Будут знать!» [2. Т. 8. С. 207–208]. Этот несостоявшийся бунт Харлова в более грозной форме будет реализован в финале повести.

В степи к Лиру приходит полнота осознания драмы своего положения, он прозревает и в этот момент становится способен к состраданию ко всем «бедным, нагим несчастливцам» [16. С. 111]. На фоне бушующей стихии Лир от сугубо личного переживания поднимается до обозрения общечеловеческого несчастья. Подобная эволюция происходит и с героем Тургенева. Находясь в полном одиночестве у пруда, он впервые задумался, «пользу кому в жизни сделал» [2. Т. 8. С. 208]. Харлов вспоминает о своих крестьянах, которых «век заедал»: «И какая их теперь судьба: была яма глубока и при мне – что греха таить, а теперь и дна не видать!» [Там же].

В комнате на ферме около замка Глостера король Лир в состоянии сумасшествия устраивает суд над дочерями: «…суд открыт. / Я их зову к ответу» [16. С. 117]. Это процесс безумных над жестокими – Том из Бедлама (Эдгар) в роли судьи, Шут – его помощник, Кент – присяжный, сам Лир выступает как потерпевший и обвинитель. Будучи не в силах противостоять коварству дочерей и не имея возможности отомстить, король созывает театрализованное судилище – в нем все перевернуто, наполнено горьким юмором и гротеском. «Безумный суд» не может выполнить предназначения реального, но он приносит временное облегчение главному герою – Лир засыпает, и его относят в Дувр. Желание короля восстановить попранное отцов-

ское право реализуется только на уровне воображаемом, эмоционально-психологическом.

Суд над неблагодарными детьми устраивает и Мартын Харлов – это кульминационная сцена в развитии остродраматического действия повести, момент его наивысшего напряжения. Герой стремится собственноручно разрушить кров, который он оставил детям. В тексте произведения (гл. XXIV) Тургенев выделяет курсивом слово «кров», а в речи персонажей (Сувенира и Харлова) оно повторяется одиннадцать раз. Уничтожение крова становится символом харловского гнева и возмездия. Мартын Петрович хочет лишить неблагодарных дочерей дома, того пристанища, в котором ему самому было жестоко отказано. В момент разорения крыши предстает настоящим безумцем, яркие изменения происходят и в его внешнем облике: «неуклюже-проворно двигалась исчерна-серая масса»; «совершенным медведем показался он мне» [2. Т. 8. С. 215]. Трагическая фигура степного помещика на крыше флигеля отзывается истинно лировским колоритом: «Резкий ветер обдувал его со всех сторон, вздымая его склоченные волосы», «местами краснело его голое тело сквозь прорехи разорванного платья»; «страшно было слышать его дикое, хриплое бормотание» [Там же. С. 216].

Обвиняя Евлампию и Анну в жестокой неблагодарности, Харлов произносит суд и над самим собой, признается в собственной повинности: «буду правду говорить: больше всех виноват я сам» [Там же. С. 207]. Эту вину он находит именно в непомерной гордости. Заключительное осуждающее слово произносят «подданные» Харлова. В день похорон Мартына Петровича вокруг царило «общее, бесповоротное отчуждение, осуждение» [Там же. С. 223] – крестьяне, выступающие в роли народного судьи, все разом ощутили вину, «грех, в который впало харловское семейство» [Там же. С. 221], и, не сговариваясь между собой, единогласно решили: «обидели!».

Проблему вины и безвинности человека в трагедии Шекспира ставит сам Лир. На время лишенный чувства действительности, «причудливо убранный цветами» [16. С. 124], король произносит: «Нет в мире виноватых! Нет, я знаю!» [Там же. С. 144]. В безумном состоянии он постигает закон мирозданья: человеческие страдания, как и радости, являются следствием действия универсальной надличностной силы – смерти. Она вносит изначальный трагизм в само существование человека, поэтому перед ее лицом любые различия стираются, все уравнивается и поиск виноватых оказывается бессмысленным.

Риторическое восклицание Лира Тургенев превращает в антиномию, дополняя его словами «нет и правых». Он впервые говорит об этом в повести «Переписка» (1854): «Да и кто, скажите на милость, кто бывает когда-нибудь в чем-нибудь виноват – один? Или, лучше сказать, все мы виноваты, да винить то нас все-таки нельзя. Обстоятельства нас определяют; они наталкивают нас на ту или другую дорогу, и потом они же нас казнят» [2. Т. 5. С. 26].

Мартын Харлов в ходе развития действия испытывает поочередную смену своего состояния. В начале повести – это гордый и властный помещик, далее, после «сонного мечтания», – уже мучительно размышляющий о своей смерти и несовершенной душе, а по завершению раздела имения – терзаемый сомнениями и неуверенностью. Жестокая неблагодарность семьи делает из него сначала подавленного и униженного нахлебника, а затем превращает в оскорбленного изгнанника. Наконец, придя «за спасением» в дом Натальи Николаевны, Харлов испытывает стыд и раскаяние, которые тут же контрастно сменяются гневным негодованием – «взрывом».

Толчком к изменению харловского состояния становятся критические точки в ходе действия. К таким стимулам можно отнести: явление «вороного жеребенка» во сне, чтение масонского журнала, слова Сувенира и стряпчего о возможной дочерней неблагодарности и строптивое поведение Евлампии, действительная неблагодарность семьи, «выселение» из кабинета, упреки Сувенира. Таким образом, Харлов проходит через вереницу драматических испытаний (лишения и страдания), которые в момент наивысшего напряжения резко обрываются смертью, но не получают окончательного разрешения.

Эта траектория физического и психологического движения Харлова отсылает к эволюции образа короля Лира. Герой Шекспира в самый момент раздела королевства, с одной стороны, сталкивается с любовью Корделии и верностью Кента, однако интерпретирует их совершенно противоположно – черствость души, измена и предательство, а с другой – обманывается ложной любовью Реганы и Гонерильи. Поочередное пребывание у дочерей, лишающих отца свиты и приюта, заставляет Лира усомниться в собственной мудрости. Потрясения приводят британского монарха к безумию, которое «не является, конечно, патологическим сумасшествием: это напор бурных чувств изнутри» [15. С. 141–142]. Новый выход короля в реальность, сопровождаемый встречей с Корделией, приносит и новые смятения. Наконец, происходит заточение в темницу, где по приказу Эдмонда совершается казнь младшей дочери. Лир не выносит довершающего удара и умирает, оплакивая смерть Корделии.

Особой насыщенностью отличается палитра чувств, испытываемых Лиром в ходе развития трагедии: самодовольство и гордость (раздел страны, речи Гонерильи и Реганы) – разочарование, гнев и ненависть (молчание Корделии, непокорность Кента) – уверенность – раздражение и негодование (приезд к Гонерилье) – настороженность и озабоченность – гнев и возмущение (приезд в дом Глостера) – оскорбленность и мстительность, отчаяние и ужас (скитание по степи) – жалость и сострадание (размышление у шалаша) – опустошенность и помешательство (встреча с Томом) – стыд, вина и сожаление (встреча с Корделией) – готовность, решимость и радость (заключение под стражу) – печаль, горе, отчаяние (убийство Корделии).

Спектр переживаний Мартына Петровича столь же многообразен, однако Тургенев на первый план выдвигает две определяющие страсти, которые по своему накалу превосходят все остальные, они гложут его постоянно и борются между собой – это страх смерти и гордыня. Их столкновение приводит к тому, что Харлов не может определить путь собственного «по-

реформенного» существования. Раздирающие его противоречия приводят к печальному следствию.

Корделия и Гонерилья – Евлампия

Евлампия Харлова по своей роли в развитии истории «степного короля Лира» соответствует двум персонажам шекспировской пьесы – Гонерилье и Корделии. От старшей дочери Лира в ней угадываются жестокость, надменность, гордая непреклонность и презрение. Тургенев не дает изображения того, как она обращается со своим отцом после раздела имения, не создает больших сцен диалога, но по отдельным деталям собирается яркая характеристика. Во-первых, Евлампия не проявляет искренней благодарности в эпизоде оглашения раздельного акта – кланялась отцу только по принуждению, потому что он этого требовал (приказывал). А когда Сувенир и стряпчий высказали свои сомнения в дочерней верности, она не стала (в отличие от Анны) разубеждать Харлова, уверять в обратном, а лишь хранила невозмутимое молчание. Во-вторых, прогуливая вместе со Слёткиным по Еськовской роще, Евлампия запела старинную песню. В ней совершенно очевидно звучат мотивы отцеубийства. Это отсылает к тому, как в трагедии Шекспира Гонерилья, видя в сестре соперницу, отравляет ее с помощью яда.

Сходство Евлампии с Корделией столь же значительно. У Шекспира Лир вместе с разделом имения хотел устроить свадьбу младшей дочери, для чего пригласил двух претендентов на ее руку – короля Французского и герцога Бургундского. Последний, узнав, что Корделия остается без приданого, отказывается от своего предложения. В повести Тургенева несколько раз акцентируется внимание на замужестве героини – Евлампию готовятся выдать за майора Жидкова. Однако после раздела имения эти планы рушатся, а корыстолюбивый жених остается ни с чем.

Отказ Корделии уподобиться сестрам в лести и лжи приводит короля в ярость, он видит в этом поступке проявление гордыни, высокомерия и нелюбви – «Так молода и так черства ты сердцем!» [16. С. 53]. Однако все оказывается кардинально противоположно – Корделия не лицемерит именно из любви к отцу. Эта мнимая неверность дочери приводит к необратимым печальным последствиям – отвергая Корделию, Лир открывает путь для собственного изгнания. Подобным образом строптивое поведение Евлампии оказывает разрушительное воздействие на Мартына Петровича. После проявления непокорности младшей дочерью – «…точно каменная! истукан истуканом! Неужто же она не чувствует?» [2. Т. 8. С. 189] – Харлова начинают терзать мучительные сомнения. Гордыня Евлампии со всей силой ударяет по самолюбию отца.

Когда Харлов в порыве гнева и мести бросился разорять крышу своего имения, Евлампия старается успокоить отца, усмирить его ярость. Она признает свою вину перед ним и обещает вернуть все обратно: «Полно, отец <…> не поминай прошлого. Ну, поверь же мне; ты всегда мне верил. Ну, сойди; приди ко мне в светелку, на мою постель мягкую. Я обсушу тебя да согрею; раны твои перевяжу, вишь, ты руки себе ободрал. Будешь ты жить у меня, как у Христа за пазухой, кушать сладко, а спать еще слаще того» [2. Т. 8. С. 218].

Речь Евлампии, явно исполненная в фольклорном мотиве, отсылает к той заботе, которая была проявлена Корделией по отношению к Лиру. Чтобы спасти отца от жестокости сестер, младшая дочь короля приводит с собой в Британию французское войско. Она помогает переправить Лира в Дувр, приглашает врача для лечения его души и тела, а палатка во французском лагере становится ему защитой: «О небеса благие! / Пошлите исцеленье тяжким ранам, / Восстановите силы, защитите / Отца, от горя ставшего младенцем!» [16. С. 150].

Создавая образ Евлампии, Тургенев намеренно не выстраивает абсолютной параллели с шекспировской Корделией. В трагедии английского драматурга младшая дочь Лира выступает в роли своеобразной спасительницы своего отца. А.В. Дружинин в предисловии к переводу называет Корделию «светлым ангелом, кротким божеством дивной драматической поэмы» [17. С. 23–24]. Этот «светлый ангел» примиряет героя с миром, снимает для него остроту внешних и внутренних противоречий. В обоюдном всепрощении Лир и Корделия приходят к согласию.

Подобного «освобождения» для своих героев Тургенев не предполагал. Харлов не может до конца смириться со своим новым положением – его мучает оскорбленное отцовское чувство, давит попранная гордость, даже смерть не способна разрешить дисгармонию мира и избавить его от противоречий. Не получает покоя и Евлампия. Страстная природа героини, доставшаяся ей от Харлова («что у меня, что у ней: нрав все едино. Казацкая кровь – а сердце, как уголь горячий!») [2. Т. 8. С. 189], также не допускает покорности. Смерть отца и ощущение в этом своей вины наложило на героиню сильный отпечаток. Она уходит из дома и становится Богородицей у хлыстов-раскольников.

В черновом автографе повести Тургенев посвящает отдельную главу описанию уходящей из имения Евлампии. Этот эпизод был переходным между изображением героини в момент смерти, похорон Харлова и сценой встречи с ней героя-рассказчика спустя девятнадцать лет. Вероятно, у Тургенева уже на раннем этапе работы оформилась мысль о драматической судьбе младшей дочери после добровольного изгнания. Здесь очевидно контрастное сопоставление воспоминания рассказчика о золотистом блеске солнца, на котором когда-то «так стройно рисовался ее образ», и нынешней «темной, закутанной» фигурой, идущей по «мертвому снегу» [18]. Не случайно на память повествователю приходит и пение Евлампии (мотив убийства), и васильковый венок (знак сладострастия). Символическое значение этих примет по-своему воплотится в дальнейшей судьбе героини.

Автор акцентирует внимание на особом проявлении в облике Евлампии чувства самоотчужденности – «надменное и почти дикое “не тронь меня”» [18]. Это стремление к одинокому скитанию перекликается с состоянием Мартына Петровича во время бессмысленного ужения у пруда – он тоже просит оставить

его в покое. Во всей полноте ощущая вину в смерти отца, Евлампия отчаянно бежит от того места, где совершилась трагедия. Однако ее путь отличен от пути богомолья и покаяния, она будет блуждать в одиночестве пока не найдет равноценного воплощения тяги к отрешенному существованию и одновременно желанию повелевать.

Регана – Анна

Старшая дочь Мартына Петровича впервые появляется в повести во время «посольского приема», когда герой-рассказчик приезжает посмотреть харловскую «державу». Анна описывается как «гордячка»: «держалась чинно и холодно», «недобрая улыбочка бродила по ее губам, по щекам, в тени длинных ресниц» [2. Т. 8. С. 169]. Но, несмотря на всю гордость и самодовольство, перед отцом она ведет себя смирно и услужливо. Подобно Регане Анна горячо и покорно изъявляет свою благодарность во время раздела имения. Неожиданно прозвучавшие из уст Сувенира и стряпчего слова сомнения вызывают у нее ненависть: «...так и впилась глазами в говорившего, и уж, конечно, более злого, змеиного и в самой злобе более красивого лица я не видывал!» [Там же. С. 186]. Сравнение героини со змеей символично, к нему добавляется указание на сходство голоса Анны с криком хищной птицы. Змеиные и хищнические черты – это прямая параллель с образом коварной Реганы.

Дочь Лира расчетлива и практична, после гибели мужа она строит планы нового счастливого брака с Эдмундом («Мой герцог умер; мы в ладу с Эдмундом, / И я его не уступлю сестре») [16. С. 138] и одновременно подговаривает дворецкого сестры убить Глостера («А ежели случится / Тебе изменника слепого встретить, / То вспомни, что за голову его / Назначена хорошая награда») [Там же]. Кроме того, Шекспир наделяет Регану явно маскулинными чертами, когда ставит ее во главе войска герцога Корнуэльского.

Со временем остается вдовой и Анна Мартыновна, причем соседи-помещики однозначно признают ее виновной в смерти Слёткина («кому же не известно, что она мужа своего отравила?») [2. Т. 8. С. 225]. На практичную деловитость харловский дочери герой-рассказчик обращает особое внимание, когда вновь встречается с ней спустя «больше пятнадцати лет». В округе она считается примерной хозяйкой, у которой «Повиновение крестьян – образцовое... Воспитание детей – образцовое! Голова! Мозги!» [Там же]. Но к этому признанию примешивается подозрение в неизменном лукавстве: «Продувная шельма! – вмешался другой, менее деликатный владелец, – мягко стелет, да жестко спать!» [Там же]. Ловкость и прагматика хозяйственной Анны, которым удивляются и не смеют противиться другие степные помещики, так же, как и у Шекспира, уподобляют ее мужчине.

Герцог Корнуэльский и Эдмонд – Слёткин

Сходство Василия Слёткина с герцогом Корнуэльским основывается, во-первых, на его положении в сюжетной структуре повести – он является мужем одной из дочерей, то есть приходится Харлову зятем. Во-вторых, на пересечение двух образов указывает характер действий и поступков тургеневского героя: вместо благодарности Харлову за полученный дар он наносит ему одну обиду за другой. Слёткин практически собственноручно забирает у «степного Лира» экипаж, лишает жалованья, отлучает от него казачка Максимку, наконец, выгоняет его из собственной комнаты. Он безжалостно издевается над своим тестем, низводит до положения нахлебника. Все это отсылает к тем жестокостям, которые совершает герцог Корнуэльский, – за благодеяние платит оскорблением: приказывает посадить безвинного Кента в колодки, отпускает униженного Лира из замка в бушующую стихию, вырывает глаза у беззащитного Глостера.

Другая параллель образов оказывается еще более явной. Эдмунд – это побочный сын Глостера, из-за условий своего рождения лишенный всех прав и преимуществ, поставленный во второй ряд после брата Эдгара. Такая «побочность» существования оказывает на него разрушительное воздействие. Он решает жестокостью и ложью устроить свое будущее: «Я хитростью богат – и я сумею / Завоевать все то, что нужно мне» [16. С. 67]. Знатным происхождением не может похвастаться и Слёткин: «…сирота, сын мелкого чиновника, поверенного по делам у матушки, и ее воспитанник» [2. Т. 8. С. 170]. Пресмыкаясь перед Мартыном Петровичем, всячески стараясь ему угодить, он втайне жаждет завладеть всем его имуществом.

В трагедии Шекспира Эдмонд соблазняет старших сестер Лира, настраивает их друг против друга, заставляет плести опасные интриги. У Тургенева Слёткин, который «был вообще весьма недурен собой» [Там же. С. 171], вступает в любовную связь с Евлампией. В его подчинении оказываются обе сестры: «А что вы о дочерях спрашивать изволили, то разве в них есть какая своя воля? Володькины холопки!» [Там же. С. 206].

Однако Слёткин в отличие от герцога и Эдмонда не является столь же смелым и решительным, не раскаивается и, следовательно, не пытается искупить свою вину. Герой-рассказчик, описывая зятя Харлова, подчеркивает ничтожность его природы: «…терялся от жадности, до слез даже доходил; из-за тряпки готов канючить целый день» [Там же. С. 171]. Когда Харлов забрался на крышу флигеля и начал ее разрушать, Слёткин «совсем ожидовел» – схватился за ружье и «перебегал короткими шагами с места на место» [Там же. С. 216]. Он не решается стрелять в Мартына Петровича, только лишь целится и грозит ему. Трус и горе-богатырь – такую исчерпывающую характеристику получает герой от своего тестя.

Шут – Сувенир

Функция шутовского персонажа в трагедии Шекспира исключительна – провозглашать правду и разоблачать ложь. Шут обладает знанием истины, которое пока недоступно Лиру, он свободно прозревает то, к чему король придет только путем глубоких страданий. Этой правдой шут терзает непонимающего Лира. У Тургенева в роли шута выступает «некто Бычков» – человек без имени и родного угла. Ему дали «с

младых ногтей» знаковое прозвание – Сувенир, т.е. что-то напоминающее о событиях прошлого[3]. Харлову Бычков постоянно припоминал якобы вину в смерти своей сестры, бывшей замужем за Мартыном Петровичем: «Вы сестрицу Маргариту Тимофеевну за что уморили?» [2. С. 166].

Обличительную функцию шута Сувенир выполняет в тот момент, когда происходит разделение харловского поместья. Он высказывает сомнение по поводу верности Анны и Евлампии своему отцу и после его «отречения»: «…а вот мы посмотрим, по вкусу ли ему самому придется это великодушие, когда его, раба божия, голой спиной... да на снег!» [Там же. С. 186]. А когда Харлов решается примириться со своим положение и покорно приходит под защиту Натальи Николаевны, Сувенир начинает терзать его своими насмешками: «Великий основатель знаменитого рода Харловых, воззри на своего потомка! Каков он есть?» [Там же. С. 210]. Тургеневский шут понимает, что теперь Мартын Петрович по своему положению сравнялся с ним, лишился собственного крова и вынужден просить «чужого хлеба»: «А теперь небось таким же приживальщиком стал, как и аз грешный! Что Мартын Харлов, что Сувенир проходимец – теперь все едино! Подачками тоже кормиться будет!» [Там же]. Это, безусловно, отсылает к сравнявшимся позициям Лира и его шута в трагедии Шекспира.

Также показательна в шекспировской пьесе особенность обращения шута к Лиру. Он называет его nuncle (от mine uncle) – дядя, дядюшка, дяденька, т.е. считает чуть ли не кровным родственником. Сувенир тоже обозначает близкое родство между собой и Харловым, постоянно именуя его «братцем»: «Ох, как вы меня испугали, братец почтеннейший!» [Там же. С. 211]; «Мартын Петрович! братец, простите великодушно!» [Там же. С. 218]. Это вновь указывает на постепенное уравнивание шутовской и королевской позиций.

Интересно, что в трагедии Шекспира «шут появляется только в тот момент, когда Лир впервые начинает видеть, что все вокруг него не совсем так, как он предполагал. Когда же прозрение Лира достигает своего завершения, шут исчезает» [15. С. 143]. После гибели Харлова с Сувениром происходит кардинальная перемена – он почти навсегда замолкает, на него находит «тревожная и подлая меланхолия» – передвигаясь на цыпочках, он бессмысленно шептал: «Чичас!» [2. Т. 8. С. 222].

Под одеждой шекспировского шута обнаруживаются «большой ум и большое сердце» [15. С. 142]. Этот персонаж – воплощение народной мудрости, вынужденной скрываться за буффонной маской. С одной стороны, шутовской колпак дает герою возможность говорить свободно и открыто, пренебрегать сословными запретами. Но с другой – он обрекает своего носителя на абсолютное унижение. В этом противоречии заключается трагическая составляющая фигуры шута.

В повести Тургенева положение Сувенира не получает столь высокого звучания. За его насмешливо-обличительными речами не скрывается огромной внутренней силы. Однако автор дал герою возможность понять всю тяжесть последствий сказанных им слов: Сувенир сознает свою вину в том, что довел Харлова до разрушительного гнева, приведшего к гибели. Он даже пытается попросить у «братца» прощение, но раскаяние остается безответным. Примечательно, что в черновом автографе окончание повести включало в себя небольшой фрагмент, рассказывающий о дальнейшей судьбе Сувенира: «Он умер от перелома ноги, свалившись с лестницы в пьяном виде, и перед смертью все твердил, что это, мол, мне за Мартына Петровича: он меня столкнул» [18].

Герцог Бургундский – Житков

Оба героя – несостоявшиеся женихи младшей из дочерей гордого властителя. Герцог Бургундский был согласен взять в жены Корделию в том случае, «когда / Венчанный Лир лишь только согласится / Дать дочери обещанную часть» [16. С. 58]. Лишая Корделию приданого, Лир лишает ее и жениха в лице герцога.

Подобное происходит и в истории с Евлампией. Майор Житков, которого Наталья Николаевна прочит в будущие мужья младшей дочери Харлова, ощущает себя уже почти состоявшимся владетелем большей половины харловского имения: «Целую роту в порядке содержал, по струнке ходили, а это что же-с? Плевое дело» [2. Т. 8. С. 173]. Мартын Петрович приглашает Житкова на оглашение раздельного акта: «Ему как жениху следует!» [Там же. С. 176]. Поведение майора на этом торжественном собрании красноречиво: услышав, что усадебный дом Харлов отдает Евлампии, Житков облизнулся и поспешил выразить свою признательность – «нагнулся вперед всем корпусом» [Там же. С. 183]. Он также явился на крыльцо для объявления «высочайшей» воли крестьянам и дворовым, а во время молебна с водосвятием «благородно, по-военному, чуть-чуть помахивал пальцами между третьей и четвертой пуговицей мундира» [Там же. С. 185]. Наконец, когда Сувенир и стряпчий выразили Мартыну Петровичу свои сомнения относительно верности и признательности дочерей, Житков подталкивал Евлампию в бок, призывая ее развеять все подозрения, а потом и сам «выставил было грудь и ногой слегка топнул» [Там же. С. 187].

После раздела «державы» Житков, как и бургундский герцог, лишился возможности выгодной женитьбы. Но если в случае Шекспира причиной послужил самостоятельный отказ расчетливого претендента, то в тургеневском варианте корыстному герою помешали внешние обстоятельства – «приказ» Слёткина.

Кент – казачок Максимка

Образом «великого верноподданного» Кента Тургенев открыто восхищался, о чем свидетельствует его письмо к А.В. Дружинину: «Я прослезился (à la lettre) над ним. Все эти характеристики – все воззрение верно, широко, глубоко – исполнено любви и свободы» [1. Т. 3. С. 187]. Кент у Шекспира – это символ правды, верности и чести. Обличая ложь и вразумляя короля, он в ответ получает обвинение в измене и изгнание. Но в облике незнакомца он все же остается надежным защитником

Лира: «Пришла пора служить, назло изгнанью / Заботиться о бедном короле / И много дела взять к себе на плечи» [16. С. 76]. Кентовское служение Лиру – это не проявление признака врожденного рабства, холопства, но искренняя самоотверженность, результат чистой преданности человека человеку.

По своим функциям Кенту в повести Тургенева соответствует казачок Максимка – четырнадцатилетний дворовый паренек, который пребывает на «службе» у Харлова. Характер его служения в отдельных чертах напоминает верноподданническую позицию героя Шекспира. Казачок Максимка – это единственный человек, который находится рядом с Харловым во время его меланхолического состояния. Он или принимался «с обычным перерубанием слов и перестановлением ударений» [2. Т. 8. С. 164] читать Мартыну Петровичу журнал «Покоящийся трудолюбец», или петь «тончайшим голоском заунывную песенку» [Там же].

Максимка неизменно сопровождал «короля» в его лихих разъездах по деревенской округе: «...прижавшись всем телом и лицом к своему барину и упираясь босыми ногами в заднюю ось дрожек, он казался листиком или червяком, случайно приставшим к воздвигавшейся перед ним исполинской туше» [Там же. С. 162]. После того, как Харлов все имение оказывает дочерям, он теряет казачка (как и Лир Кента) – его отдают на учение к шорнику. Максимка последний раз видится с Мартыном Петровичем в момент разорения крыши флигеля, тот призывает к себе своего «оруженосца»: «Полезай ко мне, Максимушка, слуга мой верный <…> станем вместе отбиваться от лихих татарских людей, от воров литовских!» [Там же. С. 220].

Наконец, когда Харлов падает с крыши и расшибается, казачок Максимка выказывает верность и преданность умирающему хозяину: «...приблизился, стал на одно колено и, далеко отставив другую ногу, както театрально поддерживал руку бывшего своего барина» [2. Т. 8. С. 220]. Театральность позы героя заставляет усомниться в его искренности, однако далее рассказчик опровергает это недоверие: в день похорон Харлова Максимка «выводил на клиросе такие теноровые ноты, что в искренности его преданности покойнику, конечно, уже никто сомневаться не мог!» [2. Т. 8. С. 222].

У Шекспира образ Кента представлен в плане исключительно героическом – он сражается за короля (поединок с Освальдом), претерпевает от него наказание из-за своей верности (сажают в колодки), уводит его от гибели (сопровождает в степи и по пути в Дувр). Такой высокой позиции у казачка Максимки нет. Если Кент умудрен опытом и закален в сражениях, то герой Тургенева – это всего лишь простоватый паренек, каким-то образом попавший в услужение к сумасбродному барину. В его описании преобладает ироническая окраска, которая несовместима с образом «великого верноподданного». Но значимо, что в этой роли «паладина» Максимку видит, прежде всего, сам «степной Лир». Именно Мартын Петрович приблизил к себе этого деревенского юношу и наделил его такими функциями, которые хотя бы отдаленно могли напоминать служение королю. Важно отметить, что жест коленопреклонения, использованный Максимкой при прощании с Харловым, со всей очевидностью отсылает к поведению рыцаря – знак глубокого почтения и преданности.

Таким образом, совершенно очевидно, что Тургенев строит свою повесть по художественной канве трагедии Шекспира – это ярко проявлено уже на примере образов героев. Однако речь идет не о формальном соотношении (похож / не похож), а об особенностях художественного моделирования. Каждое действующее лицо повести Тургенева (как и пьесы английского драматурга) обладает индивидуальностью и самостоятельностью, занимает определенное значимое (нагруженное особым смыслом) место в ходе разворачивания «лировской» драмы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мотив потери коня Тургенев реализует в рассказе 1872 г. «Конец Чертопханова», делая при этом прямую отсылку к «Ричарду III» Шекспира.

[2] Этот решение автора ввести в действие повести только двух дочерей, которые предают отца, интересно сопоставить с шекспировским опытом Бальзака, у которого в романе «Отец Горио» лировский герой также не имеет третьей дочери, этически противостоящей своим сестрам. Безусловно, с опытом Бальзака был знаком и Тургенев.

[3] Слово «сувенир» происходит от французского *souvenir* – воспоминание, память, напоминание [19. С. 798].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1982 (издание продолжается).
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. М. : Наука, 1978–1986.
3. Письма Н.Н. Страхова Ф.М. Достоевскому / публ. А.С. Долинина // Шестидесятые годы: материалы по истории литературы и общественному движению. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. С. 255–281.
4. Страхов Н.Н. Последние произведения Тургенева // Заря. 1871. № 2. С. 1–32.
5. Гончаров И.А. Избранные письма // Гончаров И.А. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Гослитиздат, 1955. Т. 8. С. 231–502.
6. Лотман Л.М. Примечание к повести «Степной король Лир» // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. Сочинения : в 15 т. М. ; Л. : Наука, 1965. Т. 10. С. 482–501.
7. Левин Ю.Д. Шестидесятые годы // Шекспир и русская культура / под ред. М.П. Алексеева. М. ; Л. : Наука, 1965. С. 407–544.
8. Неверова Э.Н. Шекспировская тема в интерпретации И.С Тургенева (повесть «Степной король Лир») // Русская литература : сб. науч. трудов. Алма-Ата, 1972. Вып. III. С. 24–31.
9. Новикова Е.Г. Жанровая динамика малой прозы И.С. Тургенева 1860-х годов : дис. … канд. филол. наук. Томск, 1983. 215 с.
10. Фомина Е.С. Национальная характерология в прозе И.С. Тургенева : дис. … д-ра филос. наук. Тарту, 2014. 149 с.
11. Свахина О.В. Функция культурной памяти в повестях И.С. Тургенева 1850–1870-х годов : дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 210 с.
12. Шиманова Е.Ю. Мотив смерти в прозе И.С. Тургенева : дис. … канд. филол. наук. Самара, 2006. 156 с.

13. Каурова Е.М. Поэтика портрета в повестях И.С. Тургенева : дис. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2010. 193 с.
14. Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 т. М. : Искусство, 1960.
15. Морозов М.М. Театр Шекспира. М. : Всерос. театр. общество, 1984. 305 с.
16. Король Лир. Трагедия в пяти действиях Шекспира / пер. А.В. Дружинина. СПб., 1857. 176 с.
17. Дружинин А.В. Вступление к переводу // Король Лир. Трагедия в пяти действиях Шекспира / пер. А.В. Дружинина. СПб., 1857. С. 2–48.
18. Tourguéniev I. L'Infortunée. Le Roi Lear de la steppe. L'Exécution de Tropmann. Mazon. 26. M. 12 : manuscrits parisiens // Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. 1801–1900. Slave 85. Manuscrits parisiens XII.
19. Ганшина К.А. Французско-русский словарь. М. : Рус. яз., 1982. 912 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 ноября 2017 г.

THE SHAKESPEARE TEXT OF THE STORY "A LEAR OF THE STEPPES" BY I. TURGENEV: CHARACTERS' IMAGES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 5–13.
DOI: 10.17223/15617793/426/1

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Keywords: I. Turgenev; Shakespeare; "A Lear of the Steppes"; "King Lear".

The article is about the comparative analysis of the tragedy "King Lear" by Shakespeare and of Turgenev's story "A Lear of the Steppes". During all his life and creative work, Turgenev was occupied with research, understanding and popularization of Shakespeare's discoveries in the "artistic study of human nature". Shakespeare's belief in the human being organically combined with his own humanistic principles. Creating a story with an evident orientation toward the English dramatist's tragedy, Turgenev included elements in its structure which would designate moments of artistic rapprochement. This arrangement developed at the levels of the genre, the plot, the conflict, the characters' images and the space. However, the writer did not see the problem of a literal reproduction of the form and content of "King Lear": it would have meant an intolerable simplification of the artistic conception. Shakespeare's experience did not hide the problem of the understanding of national material from Turgenev but served as a significant reference point in modeling the tragic tempers and images. The accent on Shakespeare's figurativeness, the author already expressed in the title, later shows in the exposition where a reader can see "six persons sitting in the house of their old fellow student one winter evening" who are speaking about Shakespeare's types. Before starting to talk about King Lear, each of them names one character they have met in reality: Hamlet, Othello, Falstaff, Richard III and Macbeth. The list of the names does not remain a simple mention: certain moments of all these types or particular details of the works are represented in the further narration. From separate Shakespeare's "insertions" Turgenev goes to the modeling of particular artistic images which show their specificity in the material of the usual Russian reality. Making the story on the artistic basis of Shakespeare's tragedy, Turgenev tries the roles of the tragedy characters on his own ones. The author puts a representative of a specific national world who has a strong temper and the might of a boundless power in the center of the dramatic action. The representative is Martin Harlov, a steppe landowner who fairly aspires to the role of the proud monarch. The writer makes almost all characters participate in the large-scale "King Lear" drama. The writer gives everyone their own individuality and independence, and determines their important (laden with a particular meaning) place in the tragic history.

REFERENCES

1. Turgenev, I.S. (1982–cont.) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
2. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
3. Dolinin, A.S. (1940) Pis'ma N.N. Strakhova F.M. Dostoevskomu [Letters of N.N. Strakhov to F.M. Dostoevsky]. In: Piksanov, N.K. & Tsekhnovitser, O.V. (eds) *Shestidesyatye gody: materialy po istorii literatury i obshchestvennomu dvizheniyu* [The sixties: materials on the history of literature and the social movement]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
4. Strakhov, N.N. (1871) Poslednie proizvedeniya Turgeneva [The last works by Turgenev]. *Zarya*. 2. pp. 1–32.
5. Goncharov, I.A. (1955) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Works: in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: Goslitizdat. pp. 231–502.
6. Lotman, L.M. (1965) Primechanie k povesti "Stepnoy korol' Lir" [Note to the story "A Lear of the Steppes"]. In: Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 28 t. Sochineniya: v 15 t.* [Complete works and letters: in 28 vols. Works: in 15 vols]. Vol. 10. Moscow; Leningrad: Nauka.
7. Levin, Yu.D. (1965) Shestidesyatye gody [The sixties]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Shekspir i russkaya kul'tura* [Shakespeare and Russian culture]. Moscow; Leningrad: Nauka.
8. Neverova, E.N. (1972) Shekspirovskaya tema v interpretatsii I.S Turgeneva (povest' "Stepnoy korol' Lir") [Shakespeare's theme in the interpretation of I.S. Turgenev (the story "A Lear of the Steppes")]. In: Smirnova, N.S. (ed.) *Russkaya literatura* [Russian Literature]. Is. 3. Alma-Ata: [s.n.].
9. Novikova, E.G. (1983) *Zhanrovaya dinamika maloy prozy I.S. Turgeneva 1860-kh godov* [The genre dynamics of small prose of I.S. Turgenev of the 1860s]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
10. Fomina, E.S. (2014) *Natsional'naya kharakterologiya v proze I.S. Turgeneva* [National characterology in I.S. Turgenev's prose]. Philosophy Dr. Diss. Tartu.
11. Svakhina, O.V. (2008) *Funktsiya kul'turnoy pamyati v povestyakh I.S. Turgeneva 1850–1870-kh godov* [The function of cultural memory in the stories of I.S. Turgenev of the 1850s–1870s]. Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
12. Shimanova, E.Yu. (2006) *Motiv smerti v proze I.S. Turgeneva* [The motif of death in the prose of I.S. Turgenev]. Philology Cand. Diss. Samara.
13. Kaurova, E.M. (2010) *Poetika portreta v povestyakh I.S. Turgeneva* [The poetics of the portrait in the stories of I.S. Turgenev]. Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.
14. Shakespeare, W. (1960) *Polnoe sobranie sochineniy: v 8 t.* [Complete works: in 8 vols]. Translated from English. Moscow: Iskusstvo.
15. Morozov, M.M. (1984) *Teatr Shekspira* [Shakespeare's theater]. Moscow: Vseros. teatr. obshchestvo.
16. Shakespeare, W. (1857) *Korol' Lir. Tragediya v pyati deystviyakh Shekspira* [King Lear. The tragedy in five acts by Shakespeare]. Translated from English by A.V. Druzhinin. St. Petersburg: V tipografii Glavnago shtaba Ego Imperatorskago Velichestva po voenno-uchebnym zavedeniyam.
17. Druzhinin, A.V. (1857) Vstuplenie k perevodu [Introduction to the translation]. In: Shakespeare, W. (1857) *Korol' Lir. Tragediya v pyati deystviyakh Shekspira* [King Lear. The tragedy in five acts by Shakespeare]. Translated from English by A.V. Druzhinin. St. Petersburg: V tipografii Glavnago shtaba Ego Imperatorskago Velichestva po voenno-uchebnym zavedeniyam.
18. National Library of France. Department of Manuscripts. 1801–1900. Slaves 85. Paris Manuscripts XII. Mazon. 26. M. 12: Paris manuscripts. Tourguéniev, I. *L'Infortunée. Le Roi Lear de la steppe. L'Exécution de Tropmann* [The Unfortunate. A Lear of the Steppes. Execution of Tropmann.].
19. Ganshina, K.A. (1982) *Frantsuzsko-russkiy slovar'* [French-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

Received: 30 November 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 14–26. DOI: 10.17223/15617793/426/2

УДК 821.161.1

А.М. Завгородний

РЕЦЕПЦИЯ ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» ВО ФРАНЦИИ: МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ XX в.

Изучаются особенности французского восприятия «Мертвых душ» Н.В. Гоголя в период между двумя эпохальными событиями. Обращается внимание на исторический контекст, в условиях которого проявилась особая роль русской эмиграции в усвоении французами гоголевского произведения. Анализируются новые интерпретации поэмы, ставшие доступными франкоязычному читателю, в том числе благодаря французским славистам. Отмечается высокая значимость появления новых более качественных переводов для рецепции данного произведения во Франции. Ряд источников, использованных в статье, впервые вводится в научный оборот отечественного литературоведения.

Ключевые слова: Гоголь; «Мертвые души»; рецепция; символизм; Монго; французский перевод; Легра.

Революция 1917 г. и последующее заключение Брест-Литовского мирного договора не могли не сказаться на отношении французов к России, ее культуре вообще и литературе в частности. Именно в последней они зачастую искали объяснение эпохальным переменам в России: «…начиная с 1815 г., момента окончания великого противостояния с Наполеоном, развитие революционных идей надо было искать уже не напрямую в политической и социальной истории России <…> они (идеи. – *А.З.*) нашли себе место под стеклянным покровом, под которым они смогли притаиться и с тех пор беспрепятственно проходить сквозь него – сквозь покров литературы» [1. P. 28].

К творчеству Гоголя в этом смысле было приковано особое внимание: «Для нас, сегодня, неужели не очевидно, что эта удивительная русская революция[1] по сути реализует мысли Гоголя и Тургенева, Толстого, Достоевского и Горького, как наша революция реализовала идеи Вольтера и Монтескье, Дидро и Жан-Жака Руссо? В комедии *Ревизор* Гоголь беспощадно высмеивает пресловутую бюрократию, а после, в *Мертвых душах*, он выражает то социальное сострадание, ту любовь к человеку, которые заставляют самого Вогюэ вспомнить о нашем Мишле и нашем Викторе Гюго» [2. P. 1]. При этом, как справедливо отмечает Клод де Грев, этот период для большинства французов был временем, когда смешались недоверие и завороженность по отношению к новой России [3. С. 211]. Об этом же применительно к тому периоду писал Илья Эренбург: «…на Москву смотрят все – одни с надеждой, другие с опаской» [4. С. 417]. С одной стороны, это выразилось, как отмечает П. Берков, в отмене преподавания русского языка в лицеях [5. С. 752], с другой – во Франции наблюдался «новый всплеск любопытства по отношению к произведениям, создававшимся в старой России» [3. С. 211]. «Мертвые души» не стали исключением.

Но прежде чем начать рассмотрение рецепции поэмы в указанный период, хотелось бы обратиться к некоторым имеющимся на тот момент результатам проникновения «Мертвых душ» во французское культурное пространство, в том числе на уровнях, напрямую не связанных с литературой. На основании имеющихся в нашем распоряжении документов можно заключить, что поэма стала входить – правда, только избранные главы – в число обязательных произведений для изучения в университетах Парижа (главы 1–3 и последняя с 1917 г. по 1922 г.) [6–8], Лиона (главы 1–3 с 1918 по 1919 г.; часть 1 с 1920 по 1926 г.) [8; 9. P. 152; 10. P. 78; 11. P. 117; 12. P. 115; 13. P. 115] и Лилля (главы 1–3 и последняя с 1917 по 1919 г.; часть 1, главы V, VI, VIII с 1920 по 1922 г.)[2] [6; 7; 14]. В театрах проходили чтения отрывков из поэмы [15. P. 3], осуществлялись постановки ее фрагментов [16. P. 4; 17. P. 6]. Киностудия *Markus* планировала снять фильм по мотивам «Мертвых душ» [18. P. 3]. С героями поэмы начинают соотносить персонажей новых литературных произведений [19. P. 4]. «Мертвые души» становятся объектом цитирования в изданиях, посвященных самым различным сферам деятельности. Например, статья «Роскошь одежд в Древней Франции», вышедшей в журнале *La Soierie de Lyon* (Шелковая промышленность Лиона) начинается так: «В “Мертвых душах” Николай Гоголь ставит следующий вопрос: “Мирская роскошь – это нечто полезное и хорошее, или бесполезное и гибельное?” ([20. P. 37] – *А.З.*)» [21. P. 10]. Однако здесь имеется один нюанс – это не слова Гоголя, а измышления переводчика Шаррьера, так ему свойственные [22. С. 30].

Тем не менее очевидно, что не имей Гоголь авторитета, а «Мертвые души» – определенной известности, не было бы и цитаты. А вот как использует поэму автор статьи, посвященной статистике: «Необходимо оперировать живой статистикой, а не пытаться коллекционировать мертвые души наподобие знаменитого героя Гоголя» [23. P. 1]. Не обошлось и без курьезных контекстов. Так, сразу несколько газет приблизительно в одно и то же время поведали французскому читателю о шутке Л.Н. Толстого, в которой он, «помогая» американской поклоннице вспомнить название своего произведения, более всего взволновавшее ее, произносит: «“Мертвые души”, вероятно?»… [24. P. 2; 25. P. 173; 26. P. 2; 27. P. 2]. Такая ситуация вокруг гоголевского творения на «обиходном» уровне, полагаем, складывалась во многом благодаря критическим, литературоведческим и переводным работам.

Пожалуй, первым значимым событием в рассматриваемый период рецепции «Мертвых душ» во Франции стал выход в 1922 г. третьего перевода поэмы – Марка Семенова [28. P. 3]. В переводе Семенова не было столько опущений, сколько их было в варианте

Моро и столько добавлений, сколько у Шаррьера. Уже один этот факт позволял рассчитывать на достойную судьбу данной работы во французском культурном пространстве. Но в целом к данному переводу подошли бы непереводоведческие эпитеты «умеренный», «сдержанный». Такая характеристика, с одной стороны, подчеркивает добротность работы, но с другой – может свидетельствовать об искаженной передаче богатого, своеобразного, не имеющего ничего общего с «умеренностью» языка Гоголя. Стоит отметить, что переводчик был выходцем из России. Как мы увидим далее, именно эмигранты станут играть одну из ведущих ролей в освоении гоголевской поэмы во Франции, о которой там все еще «слишком мало знали» [29. P. 1].

Если третий перевод пришлось ждать более шестидесяти лет, то четвертый появился спустя всего три года, в 1925 г. За год до этого, в разгар работы над переводом, переводчик Анри Монго дал интервью газете *Comœdia* [30. P. 2], интересное как с переводческой, так и с литературоведческой точки зрения. Монго полагал, что поэма должна стать во Франции такой же популярной, как «Дон Кихот» или «Гулливер», и пока не являлась таковой лишь из-за плохих переводов. Чуть позднее издательство *Bossard*, в котором Монго был одним из главных сотрудников [31. P. 25], предваряя появление нового перевода уточнило, что у существующего[3] «вы найдете “концовку”, которой нет в оригинале. Переводчик (Шаррьер. – *А.З.*) посчитал, что завершение романа Гоголя было слишком внезапным; подумал, что наш темперамент не приспособится к такому резкому окончанию и добавил к тексту заключение» [32. P. 2]. С одной стороны, мы здесь еще раз убеждаемся в правильности предположения М.Л. Михайлова, что французский читатель (по крайней мере, в середине XIX в.) требовал от романа развязки [33. С. 226], а с другой – понимаем, что все это время французы читали, изучали и анализировали искаженного Гоголя. В свое время А. Лейтес напишет, что такая работа Шаррьера «сбивала с толку некоторых зарубежных рецензентов и критиков, которые, не зная русского языка, зачастую писали свои поверхностные отзывы о “Мертвых душах” на основе такого рода переводческих изделий» [34. С. 147].

В том же интервью Монго отмечал, что гоголевское произведение – «пробный камень для переводчика; оно создает для него тысячи проблем» [30. P. 2]. Он полагал, что Гоголь определенно знал *Жиль Бласа* и поэтому ему казалось необходимым при переводе придать поэме плутовской оттенок. Задаваясь вопросом, необходимо ли при этом пытаться передавать максимально точно индивидуальность стиля писателя, он отвечал: «Насколько возможно, но нельзя забывать, что письмо убивает, а дух оживляет» [Ibid.]. Хороший переводчик, по его мнению, напоминает хорошего писателя – один должен поставить себя на место своего персонажа, другой – войти в положение автора; он должен знать его характер, его жизнь, его эпоху и должен улавливать даже неочевидные авторские интенции. Сравнивая Гоголя с Достоевским, которого он также пытался познать подобным образом[4], Монго отмечал, что первый более труден для понимания: «Если бы Достоевский обладал одним из самых лучших стилей, то он был бы возможно величайшим писателем всех литератур. У Гоголя стиль более изысканный, но его нелегко переводить. Какие диковинные выражения! Какие сочные колоритные словечки! Необходимо отыскивать эквивалентные образы! Сколько времени уходит на раздумья…» [30. P. 2]. Такой подход к переводу не ограничивался лишь словами. В. Бутчик вспоминает, что когда А. Монго переводил Гоголя, он «посвящал свои редкие часы досуга чтению современных Гоголю произведений, чтобы лучше проникнуться лексикой той эпохи» [31. P. 36]. Неудивительно, что и результат получился соответствующим, хотя, разумеется, без определенного таланта достигнуть его было бы невозможно[5]. Как заявила Клод де Грев, «*событием* в истории перевода и, шире, в истории рецепции Гоголя стал перевод “Мертвых душ”, выполненный в 1925 г. Анри Монго» [3. С. 216]. Об этом свидетельствует и включение именно его в престижную французскую книжную серию «Bibliothèque de la Pléiade» («Библиотека плеяды»)[6].

Многие анонсы в печатных изданиях того времени повторяли издательскую помету, вынесенную на заглавную страницу труда Монго: «Единственный полный, соответствующий оригинальному тексту перевод, снабжённый историей создания произведения, вариантами его основных редакций и фрагментами, исключенными цензурой» (например, см.: [35. P. 164]). Все это вошло в пространное предисловие, подробные комментарии в сносках и, собственно, в сам текст.

Большинство информации, предоставляемой Монго французским читателям, основывалось на российских литературоведческих источниках, отрывках из «Авторской исповеди» и некоторых письмах Гоголя, но в тексте звучат и его собственные выводы. Первая глава, по мнению Монго, написана «легко, полуигриво» [36. P. 39]. Главы с II по V, изобилующие диалогами, удались, как он считает, лучше всего – «драматический жанр, кажется, особенно подходит таланту Гоголя» [Ibid.]. В следующих же он видит, что Гоголь «возвращается к повествовательной форме, где реалистические фрагменты постепенно уступают место лирическим излияниям», которые «вторгнуться в главу XI в ущерб композиции» [Ibid.]. Монго обращает внимание, что «отдаленность поэта от России лишь подчеркивает такую лирическую тенденцию» [Ibid.]. Он считает, что еще при написании первой части «Мертвых душ» Гоголь мало что знал о реальной жизни в провинции, что личные наблюдения, на которых он основывался, были очень ограничены, во второй же части, полагает он, автор и подавно руководствовался только интуицией. Гоголь, отмечает Монго, «воспринимает Россию сквозь дымку “прекрасного далека”; он доверяется вдохновению, этому персту божию, только указанию которого уже тогда его религиозный дух подсказывает ему строго следовать» [Ibid. P. 40]. Занятная авантюра, из которой родился замысел поэмы, приобретает, по мнению переводчика, символическое значение: «Чичиков теперь не только пройдоха, мошенник, играющий по-

крупному; это еще и Гоголь, ищущий живые души, а найдя лишь мертвые, начинающий заниматься своей собственной» [36. P. 40]. Подтверждение своей мысли Монго находит в письмах Гоголя и в самой поэме. «Великолепную сцену обсуждения умерших в главе VI» [Ibid.] он считает кульминационным моментом произведения: «Именно здесь автор, отождествляясь с героем, оказывается увлеченным своей мечтой» [Ibid. P. 40–41].

Главная идея «Мертвых душ», по Монго, которую, как он считает, можно вынести в эпиграф поэмы – «не будьте мертвыми душами» [Ibid. P. 69–70]. Он полагает, что другие трактовки также возможны, но они могут лишь подкрепить основную мысль. Пытаясь взглянуть на поэму и самого Гоголя с религиозной точки зрения, Монго заявляет, что «мы должны признать, что он – исходя даже более из своей жизни, чем из своего произведения – достиг цели, к которой стремился» [Ibid. P. 70]. При формулировании этой цели переводчик прибегает к цитате из пророчества Исаии: «И союз ваш со смертью рушится, и договор ваш с преисподнею не устоит» (Ис 28:18).

Монго признает, что при первом прочтении «Мертвые души» могут показаться «картиной – заключенной в подходящую рамку плутовского романа – русского патриархального режима на закате своих дней» [Ibid.]. И если попробовать рассмотреть поэму под этим углом зрения, то обнаружатся источники, которые, полагает он, могли бы лежать в ее основе. Их он делит на три типа. К первому типу источников, определяющих общую тональность, он относит в первую очередь Сервантеса, затем Лесажа и «возможно даже Стерна и Жан-Поля» [Ibid.]. Ко второму типу источников, влияющих на «некоторые детали» [Ibid. P. 71], принадлежат, по его мнению, русские подражатели Лесажа, среди которых он выделяет Нарежного («Аристион, или Перевоспитание», «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова») и Булгарина («Иван Выжигин»). Третий тип – это личные наблюдения самого Гоголя (немногочисленные) и его друзей.

При повторном прочтении «Мертвых душ», полагает Монго, читатель обращает внимание уже не столько на художественные аспекты, сколько на ход мысли автора. И тогда становится понятно, что «первая часть произведения – единственная завершенная, и как следствие, только по ней и можно адекватно судить о всем произведении – это поэма пошлости и человеческой низости» [Ibid. P. 72]. В ней, по Монго, недостатки рассматриваются «сквозь лупу и <…> аккумулируются в отдельном персонаже, который становится синтезом, символом этих пороков» [Ibid.]. Здесь он имеет в виду персонажей из первой части, герои второй части для него – фигуры локального значения. Единственный, кого он выделяет особо – это Петух, который «поднимается до “типа”» [Ibid. P. 73], в том числе благодаря своей «говорящей» фамилии. Надо отметить, что в предисловии Монго рассматривает в той или иной степени практически всех персонажей. Обзор подобного рода был первый для Франции, и, полагаем, должен был представлять интерес для местного читателя.

Резюмировать отношение Монго к поэме, язык которой он определял как «язык особой фактуры, приправленный провинциализмами и “гоголизмами”» [36. P. 72], можно следующей цитатой:

“Из произведения, задуманного как реалистический, плутовской роман, в итоге получится символическая, нравственная, религиозная поэма. То, что она утрачивает, в ясности и точности компенсируется ее глубиной” [Ibid. P. 41].

«Печать восторженно встретила “Мертвые души” Гоголя, появившиеся на французском языке» [37. С. 252]. Здесь можно, например, сослаться на рецензии Р. Марена [38. P. 3], Ж. Роже, подчеркивавшего наличие в поэме «практически всех значительных идей, которые будут развиты в произведениях Толстого и Достоевского» [35. P. 164–165], и такого крупного писателя, как Э. Жалу, стоявшего у истоков понятия «магический реализм» [39. P. 3], «великим родоначальником» [40. С. 230] которого в России, по мнению С. Шаршуна, был Гоголь.

Примерно в это же самое время Марк Шагал, обосновавшийся в Париже в 1923 г., создает офорты для иллюстрации планировавшегося переиздания перевода «Мертвых душ» в издательстве *Vollard*. Работу свою Шагал закончил в январе 1926 г. [41. С. 46]. Однако «книга была не сразу опубликована Волларом, у которого появилась другая идея еще до окончания этого проекта»[7] [42. P. 75]. Поэма «Мертвые души» в переводе Монго и иллюстрированная Шагалом «выйдет только в 1948 г. благодаря усилиям издательства Tériade»[8] [43. P. 43]. Тем не менее работы художника сразу же стали выставляться, что не осталось незамеченным [44. P. 4; 45. P. 4; 46. P. 3]. Некоторые, как Флоран Фелс, даже заявляли, что «именно благодаря этим изображениям иллюстрированная книга[9] сможет выжить» [48. P. 4], что работы Шагала восполняют пробелы переводчиков: «При обсуждении *Мертвых душ* с каким-нибудь русским, его лицо проясняется, чувствуется, что чтение этого сочинения Гоголя доставило ему огромную радость, такую, какую переводчики совсем не смогли нам передать» [Ibid.]. Позитивный отзыв написал и сам заказчик работы, Амбруаз Воллар: «Шагал смог передать, и как правдиво, в своих работах приметы времен Луи-Филиппа, которые характеризуют эпоху Гоголя в России» [49. P. 316]. А Жак Лессенье отмечал, что иллюстрации Шагала к «Мертвым душам» «это визуальное, наиболее точное и достоверное представление безвозвратно ушедшей русской действительности, которое когда-либо создавалось, а также изображение типов, ставших классическими и бессмертными» [43. P. 43]. Несомненно, работы Шагала, как демонстрировавшиеся на выставках, так и включенные впоследствии в качестве иллюстраций в переводы «Мертвых душ»[10], способствовали продвижению поэмы во Франции (как минимум расширяли аудиторию читателей), хотя справедливо и обратное утверждение – гоголевское произведение играло важную роль в судьбе творений художника.

На фоне общего подъема интереса к России в этот период[11] запрет «Мертвых душ» университетскими властями Лос-Анджелеса во Франции не остался не-

замеченным[12]. И газета *Paris-soir* [51. P. 2], и ежемесячник *Les Langues Modernes* [52. P. 424] иронизировали по поводу цензуры и свободы слова в США, но почему именно поэма попала в немилость, требует выяснения.

В 1925 г. выходит короткая антология «Николай Гоголь». В эту, оставшуюся малозамеченной, книгу Эмиля Жерара-Гайи [53] вошла в том числе и переведенная самим автором [54. P. 76] третья глава «Мертвых душ» [55. P. 253]. В предисловии к сборнику, которое, как отмечает Ф. Денжан, не могло претендовать на то, чтобы называться «полным критическим анализом» [Ibid. P. 77], «г-н Жерар-Гайи тем не менее убедительно указал (в произведениях Гоголя. – *А.З.*) на характеры националистические (sic!), феерические и реалистические» [Ibid.]. «Мы ему в равной степени благодарны и за то, – продолжал Денжан, – что он подчеркнул все те моменты, которые имеют отношение к “плутовскому” в *Мертвых душах*» [Ibid.]. Позднее, в 1967 г., Жерар-Гайи станет автором очерка о Гоголе, который войдет в новое издание перевода «Мертвых душ» Марка Семенова. Клод де Грев так охарактеризует его взгляд на автора поэмы: «Жерар-Гайи <…> видит в Гоголе нравописателя, но который часто рисует картины “поэтические”» [3. С. 383].

«Нашей эпохе так не хватает Вогюэ! Среди современных критиков одни – признавая свою некомпетентность в вопросах, затрагивающих все русское, – слегка касаются сюжета и удовлетворяются общими суждениями, другие с завидной отвагой говорят вещи, которые заставят содрогнуться или скорее улыбнуться искушенных читателей» [31. P. 44], – описывал В. Бутчик период, наступивший после смерти Луи Леже (1923 г.) [Ibid. P. 45]. При этом он сожалел, что труды славистов, работающих «в тишине своих кабинетов <…> станут известны публике, ограниченной публике, лишь спустя много времени» [Ibid.]. Среди французских славистов, касавшихся в то время творчества Гоголя, можно выделить, пожалуй, только Жюля Легра[13]. В 1929 г. выходит его книга «Литература в России» [58] – «первая, после старой работы Леже, попытка дать связный очерк развития русской литературы» [5. С. 753], правда, за которую он получит добрую порцию критики от наиболее крупного французского русиста того времени Андре Мазона [59]. У Легра выходило, что «все свои произведения автор (Гоголь. – *А.З.*) сочинял и писал с очевидной целью – заставить смеяться; но так как они основывались на точном наблюдении над смешными сторонами жизни, то и приводили к самым разнообразным, иногда – глубоким и неожиданным истолкованиям: то свойство великих произведений искусства» (цит. по: [3. С. 254]).

«Мертвые души», по мнению Легра, также были написаны в «комическом духе» [58. P. 117]. Эта мысль получит свое продолжение в его лекциях, вышедших в *Revue des Cours et Conférences* в 1931 г. [60–64]. Ценность этих лекций – на фоне обрывочных, поверхностных рецензий – заключалась в попытке понять феномен Гоголя, найти то, что объединяет все его «такие непохожие» [63. P. 85] произведения, предложить концепцию эволюции русского писателя, показав при этом (помимо прочего), как органично вписываются в нее «Мертвые души». «Непохожесть» для Легра во многом (но не только в этом) определялась разной степенью присутствия в сочинениях элементов романтизма и реализма.

Анализируя внешнюю форму произведений Гоголя, Легра отмечал, что со временем она практически не изменилась; и «“Вечера на хуторе близ Диканьки” и “Мертвые души” с точки зрения стиля точно стоят в одном ряду» [64. P. 178]. Поэтому он считал, что имеющаяся «непохожесть» обусловлена внутренней формой произведений, под которой он понимал «сюжеты, <…> содержание» [63. P. 85]. И здесь в его умозаключениях центральным становится следующий тезис: «у него (Гоголя. – *А.З.*) полностью отсутствует творческое воображение» [Ibid. P. 79] – тезис, сформировавшийся частично на основе оценок «его (Гоголя. – *А.З.*) современников и его лучших критиков» [Ibid.]. Именно из-за отсутствия такого воображения, по мнению Легра, у Гоголя возникают сложности с поиском сюжетов, от качества которых напрямую зависит «ценность его сочинений» [Ibid. P. 85]. К качественным сюжетам у Гоголя французский русист относит «или те, которыми он меньше всего дорожил, или те, которые ему подсказали друзья или случай. Во всяком случае, лучшие сюжеты – это те, которые требовали от него минимального задействования воображения» [Ibid.]. Развивая свою логику, он заявляет, что первые произведения, для которых Гоголь сам придумывал сюжеты – «начиная с *Ганца Кюхельгартена* и до *Тараса Бульбы*» [64. P. 179] – были художественно менее ценными, чем его более поздние сочинения, сюжеты для которых ему были подсказаны. «То, что касается качества, то его практически постоянное возрастание прослеживалось от *Ганца Кюхельгартена* до *Мертвых душ* [Ibid.]» (к исключению он относит лишь незаконченную повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»).

Далее он приходит к выводу, что если шедевры Гоголя отличаются от других его произведений только своим содержанием, своими сюжетами, на которые его натолкнули, то тогда переход от романтизма, свойственного его первым сочинениям, к реализму, присущему его последним творениям, происходил «без его сознательного участия: эта перемена была в некоторой мере *автоматической*» [Ibid.]. При этом Легра не допускает мысли, что какое-то внешнее влияние могло коренным образом изменить писателя такого масштаба. Поэтому ему кажется логичным предположить, что новые сюжеты, подсказанные Гоголю, раскрывали то, что было уже заложено в нем – склонность к отображению действительной жизни, свидетельство чему можно найти в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Из данного тезиса вытекает то, что «под “романтизмом” стольких его первых произведений существовала мощная база реализма, которая только и ждала благоприятного момента, чтобы открыто проявить себя» [Ibid.].

К тому же, замечает Легра, Гоголь по своей природе находился «в полной *оппозиции* к тенденциям романтизма» [Ibid. P. 180]. Романтики, объясняет он, «кричат на каждом шагу, что они окончательно по-

рвали с традицией классицизма в части порядка, достоинства, размера» [64. P. 180]; они провозгласили право писателя на свободный выбор сюжетов для своих произведений, но, расширив сферу возможных творческих проявлений, они не смогли приблизиться к достоверному изображению действительности. Действительность они конструировали, считает Легра, благодаря своему воображению, и, «дав волю своему “я”, разукрашивали внешний мир различными страстями, испытанными этим “я”», получая в результате персонажей «или абсолютно добродетельных, или абсолютно порочных» [Ibid.]. Здесь-то и кроется, по мнению Легра, основное различие между «тенденциями романтизма» и Гоголем, обладающим проницательностью, способностью не поддаваться страстным порывам, наблюдательностью. Еще одно противоречие с романтизмом, в которое входил Гоголь, замечает французский исследователь, заключалось в отношении к комическому, к иронии: «юмор и насмешки трудно сочетались с <…> сентиментальными излияниями романтиков, ибо все, что они писали, было или серьезным или трагическим» [Ibid.].

При этом уже по первым произведениям Гоголя, отмечает он, можно было судить о его ярко выраженном вкусе к красивой фразе, к отточенному, размеренному и гармоничному стилю, словно предназначенным для описания сентиментальных «*порывов*» [Ibid. P. 181]; этот романтический характер, заложенный в его фразе и стиле, он пронесет до конца своего творчества.

Такой ход рассуждений приводит Легра к постижению им феномена Гоголя. С одной стороны, особенности его натуры – он в высшей степени реалист и юморист – отдаляли его от романтизма, с другой стороны, его построение фразы, которой он придавал такое большое значение, прямо устремляли его к нему. На первых порах романтизм брал верх, но по мере того, как сюжеты исчерпывались («к тому же у Гоголя отсутствовало творческое воображение» [Ibid.]), вставал вопрос о том, что делать. Ответом явились произведения, в которых он стал больше полагаться на свой дар наблюдательности («Иван Федорович Шпонька и его тетушка»), иногда «наблюдения соединяя с юмором» [Ibid.] («Старосветские помещики») или с «трагической повседневностью» («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). В итоге, резюмирует Легра, у Гоголя произошла своего рода «инверсия врожденных качеств <…> и этот внутренний переворот приводит нас к истинному пониманию индивидуального стиля писателя и секрета создания *Шинели*, *Ревизора*, *Мертвых душ*» [Ibid.].

Можно не соглашаться с Легра, но нельзя не указать на несомненное достоинство (для своего времени) его подхода к рассмотрению творчества Гоголя, которое заключается, прежде всего, в системности и цельности. Такая же основательность свойственна и его анализу «Мертвых душ», начинающийся с попытки объяснить, почему осталась незаконченной повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», фрагменты из которой, по его мнению, были задействованы при написании поэмы[14]. Здесь стоит отметить, что на это обращали внимание и в отечественном литературоведении: «От чтения Шпоньки идет нить к Петрушке в “Мертвых душах”» [65. С. 144]. Действительно, например, Шпонька: “Книг <…>, вообще сказать, не любил читать; а если заглядывал иногда в гадательную книгу, так это потому, что любил встречать там знакомое, читанное уже несколько раз. <…> Так чиновник с большим наслаждением читает адрес-календарь по нескольку раз в день, не для каких-нибудь дипломатических затей, но его тешит до крайности печатная роспись имен” [66. С. 288–289].

Петрушке же «нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит» [67. С. 20].

На примере «Мертвых душ» Легра выделяет у Гоголя умение, как он это называет, «делать правильный выбор». Иллюстрируется это сопоставлением поэмы с чеховской «Степью». Последнюю, реалистическую по своей сути, «в которой все детали пропитаны кричащей правдой» [63. P. 89], он называет «смертельно скучной», объясняя это тем, что «конечная цель поездки не представляет для читателя никакого интереса, а также похоже мало занимает и самих персонажей» [Ibid.]; отсутствует осмысленное действие. Именно такое действие отмечает Легра в «Мертвых душах»: «Вы там (в поэме. – *А.З.*) увидите, что действия героев <…> взаимоувязаны с целью достижения определенного результата: такого минимального обрамления достаточно, чтобы акцентировать все детали» [Ibid.]. Вдобавок «персонажи Чехова в *Степи* совершенно *пассивны*; тогда как у Гоголя они все *активны*» [Ibid. P. 89–90].

Реализм «Мертвых душ», отмечает французский русист, уже не такой, как в предыдущих произведениях Гоголя: «Чичиков будет видеть из своей брички вещи отличные от тех, что видел из своей И.Ф. Шпонька» [Ibid. P. 90]. В поэме автору удается «*адаптировать видение окружающей обстановки к состоянию души*[15] персонажей» [Ibid.].

В «Мертвых душах», считает Легра, Гоголь прибегал главным образом к описаниям и диалогам, чаще к диалогам, в которых он вкладывал в уста персонажей «слова, точно характеризующие их внутренний мир» [Ibidem]. Ясных комментариев о лирических отступлениях Гоголя или авторских рассуждениях мы в этих лекциях не находим, хотя в своей книге «Литература в России» он вскользь касался данного вопроса [58. P. 116–117].

Как уже упоминалось выше, тема гоголевского смеха занимает у Легра особое место. Анализируя «первый русский роман мирового значения» [63. P. 91], он заявляет, что именно на «комических элементах» зиждется основной талант Гоголя. По его мнению, Гоголь видит в «своей “поэме” произведение чрезвычайно смешное, которое не только вызывает у него улыбку при ее написании, но и заставляет его смеяться до слез»[16] [Ibid. P. 86]. Рассуждая же о «смехе» в целом Легра заявляет, что «смех русских, как правило, отличается от нашего тем, что он более непосредственный, более свободный от рефлексии. Это смех еще молодой и неуемной расы, у которой

нравственный отклик на полученные впечатления запаздывает» [63. P. 81].

Увлечение Легра темой «смеха» может объясняться не только тем, что она присутствует в творчестве Гоголя, но и влиянием Бергсона, которое, как указывает Клод де Грев, было «столь мощным во Франции до начала Второй мировой войны» [3. С. 256].

Полагаем, что для французского слушателя / читателя было бы любопытно и следующее наблюдение Легра. Он замечает, что Гоголь не стремился к формированию богатого разнообразия поведенческих реакций Чичикова и это создает впечатление некоторой искусственности главного героя. Зато Чичиков, продолжает он, постоянно пребывает среди персонажей «очень даже себе живых, проплывающих перед нашими глазами во всей своей сути, и именно эти персонажи делают эту книгу редкой по своей ценности» [63. P. 90]. Стоит добавить, что у Легра имеется четкое понимание, что Гоголь, собирая в одном и том же персонаже множество характерных деталей, «создает *типы*; Толстой же, немного позже, создаст наоборот, *индивидуумов*, каждый из которых будет отличаться друг от друга какой-то особенностью» [Ibid. P. 91].

Данный труд Легра заслуживает внимания еще и с той точки зрения, что он ярко демонстрирует роль личности в оценке того или иного литературного события. Если Леже в поездках Гоголя по Европе при написании «Мертвых душ» видел заболевание – дромоманию (охоту к перемене мест) [68. P. 313], то Легра предполагает, что ему это было необходимо для того, чтобы «его там не тревожили и, возможно, чтобы лучше видеть – находясь на расстоянии – те главные черты характеров, которые он собирался изобразить» [63. P. 88].

Со временем, помимо непреходящего личностного фактора, на разность в восприятии литературного произведения все большее влияние начинают оказывать различия в «горизонтах ожидания» [69; 70. С. 184], сформировавшихся в ту или иную эпоху[17]. В этой связи, полагаем, представляют определенный интерес комментарии Анри Монго к работам Мериме, касающимся «Мертвых душ». Попытаться проследить изменение взгляда французов на одно и то же произведение спустя восемь десятилетий стало возможным благодаря труду Монго «Œuvres Complètes de Prosper Mérimée. Études de littérature russe» (1931–1932).

Монго соглашается с Мериме, что «юмор – одно из качеств Гоголя» [71. P. 470], но считает неоправданным сравнение его с «лучшими английскими юмористами» [Ibid. P. 3]. Здесь ему скорее ближе точка зрения Тургенева: «Необходимо быть русским, чтобы чувствовать его. Самые проницательные умы среди иностранцев, например, Мериме, увидели в Гоголе только юмориста на английский манер. Его историческое значение от них полностью ускользнуло» [72; 73. P. LXXVIII].

На то, что для Мериме остается загадкой – а именно почему произведение названо поэмой [71. P. 13] – Монго дает развернутый ответ, среди прочего указывая, что в русском языке это жанровое определение имеет более широкое значение, и проводя параллели с «Божественной комедией» Данте[18].

Мериме, который, как считает Монго, «пространно распространяется о том, кто такой Чичиков, кажется, не видит восхитительную галерею типов, которую нам предлагают “Мертвые души”». Такое его суждение основывается и на неверном определении Манилова как «тщеславного дворянина» [71. P. 14] (он, по мнению Монго, «сентиментальный недоумок, любитель красивых жестов и пустых фраз. Именно глуповатую чрезмерную сентиментальность Гоголь пытается высмеять в нем» [Ibid. P. 481]), и на ошибочном суждении о том, что Гоголь в поэме представляет «достоверный дагерротип» [Ibid. P. 14] каждого реально существовавшего владельца душ (по Монго, «Гоголь “не рисует достоверные портреты” <…> он заимствует у “всякого встречного и поперечного” черты, которые он аккумулирует в каком-то одном персонаже, переводя их, таким образом, <…> в разряд типов» [Ibid. P. 482]).

Как мы уже отмечали, значительный вклад в продвижение «Мертвых душ», всего творчества Гоголя и в целом русской литературы во Франции в этот период внесли эмигранты из России. Имена М. Семенова, М. Шагала уже звучали. Заметный след оставили также Борис Шлецер, Владимир Познер, Модест Гофман, Николай Брянчанинов. Особую роль в популяризации Гоголя играл Алексей Ремизов «устраивавший, – как пишет Мишель Бейсак, – в 1929–1930 гг. чтения гоголевских текстов <…>, например, в Русском клубе, располагавшемся в доме № 70 по улице Асомпсьон, в Религиозно-философской академии и даже в отеле “Лютеция”» (цит. по: [3. С. 251]). А в 1931 г. вышел, уже можно сказать, очередной, хотя и неполный, перевод «Мертвых душ» [79]. Переводчиком был некто М. Шандыбин[19].

В 1932 г. выходит труд «Гоголь» Б. Шлецера [80], переводчика, музыковеда и литературного критика. В качестве цели данной работы, как указывает Клод де Грев, автор избирает воссоздание личности Гоголя, «его внутренней жизни, которые только и имеют значение» [81. P. 9]. «Себе Шлецер отводит роль биографа-психолога в духе своего учителя Льва Шестова…» [3. С. 256]. Произведений Гоголя он касается, как сам заявляет, только в той мере, в какой они могут пролить свет на его личность, тем не менее, «изящно соединяя оценку и толкование, он все же ориентирует читателя и на определенное восприятие творчества» [Там же. С. 257]. «Как мне кажется, творчество его еще не оценено во Франции по достоинству[20], хотя гоголевские произведения почти полностью переведены: их обычно рассматривают как весьма забавную сатиру на давно ушедшие в прошлое обычаи и нравы» (цит. по: [3. С. 257]).

Шлецер, не отказываясь полностью от трактовки Гоголя как писателя-реалиста, заявляет, что он «был визионером, <…> его реализм был лишь способом для придания некоторого веса, некоторой стабильности его фантомам» [81. P. 12]. В этом четко просматривается влияние на него русских символистов, «хотя сам он в этом не признавался» [3. С. 384]. Так, отмечая в качестве психологической особенности Гоголя «его тенденцию к преувеличению и гиперболе» (цит. по: [3. С. 257]), Шлецер практически повторяет мысль

В. Брюсова[21], который считал основной чертой души Гоголя «*стремление к преувеличению, к гиперболе*[22]» [82. С. 125]. В своей работе он также пытается опереться на теорию Бергсона при анализе комического и идеи фрейдизма. Как и лекции Легра, труд Шлецера отличается стремлением создать цельный портрет Гоголя и учитывает все имевшиеся на тот момент «факты, формирующие жизненную структуру Гоголя» [81. P. 9].

При рассмотрении «Мертвых душ» он обращает внимание на динамику воплощения их замысла. Сюжет, подсказанный Гоголю Пушкиным, по его мнению, представлял, «по сути, формулу плутовского романа, формулу *Жиль Бласа* Лесажа» [Ibid. P. 142]. И, возможно, у Гоголя в результате и получился бы какой-нибудь очередной *Иван Выжигин*[23], если бы по мере продвижения работы над произведением он не пришел к осознанию того, какое значение может приобрести его творение [Ibid].

К определению поэмы Шлецер подходит через осознание предшествующего опыта писателя. В качестве своеобразного водораздела в творчестве Гоголя он видит фигуру Хомы Брута, который «в некотором роде предвосхищает всех гоголевских персонажей, начиная от *Миргорода* и *Портрета*» [Ibid. P. 145–146]. До него, полагает он, Гоголь создавал души свободные, «живые», после же – лишь скованные, «мертвые души», души, которые «не могут действовать не так, как они действуют и каковы бы ни были обстоятельства, в которые они оказываются замешанными, так или иначе, рано или поздно они становятся жертвами» [Ibid. P. 147]. Хома Брут, обхваченный ногами ведьмы, вскочившей на его спину с быстротой кошки и заставившей его скакать по полю – «вот, отмечает Шлецер, – обобщенный образ всех персонажей, создаваемых Гоголем» [Ibid]. Каждый из них, отмечает критик, несет своего демона, который терзает его до тех пор, пока от человека не остается лишь пустая «скорлупа». Этот демон – будь то привычка, рутина, мания, навязчивая идея, страсть – может показаться безобидным, но он всегда, полагает Шлецер, лишает человека возможности освободиться, сделать определенный выбор: «Гоголевские персонажи не выбирают, они абсолютно “предопределены”, они действуют, если присмотреться, на автомате» [Ibid. P. 148].

По мере того, как Гоголь приобретал все больше опыта, а поле его наблюдений расширялось, указывает критик, он видел «лишь всегда и везде мертвое в живом, и эта та картина пошлости человеческой, которая в итоге предстает перед нами в *Мертвых душах*» [Ibid. P. 156].

Выразить же эту пошлость жизни, полагает Шлецер, в состоянии только комический писатель, а для этого он должен обладать определенным складом характера. Основную черту его он определяет как «*нечувствительность*», которая является, по Бергсону, «условием для смеха; равнодушие – его естественная среда» [Ibid.]: «У смеха нет более сильного врага, чем переживание. <…> Попробуйте на минуту проявить интерес ко всему тому, что говорится и делается вокруг, действуйте, в своем воображении, вместе с теми, кто действует, чувствуйте с теми, кто чувствует, дайте, наконец, вашей симпатии проявиться во всей полноте: сразу, как по мановению волшебной палочки, вы увидите, что все предметы, даже самые неприметные, станут весомее и все вещи приобретут оттенок значительности. Затем отойдите в сторону, взгляните на жизнь как безучастный зритель: многие драмы превратятся в комедию. <…> Словом, комическое для полноты своего действия требует как бы кратковременной анестезии сердца» [83. С. 12].

Бергсон также отмечает, что цель смеха – «устрашать, унижая. Он не достигал бы ее, если бы природа не оставила для этого даже в лучших людях небольшого запаса злобы или по крайней мере язвительности» [Там же. С. 122]. Именно такую злобу и язвительность Шлецер видит в Гоголе. Он заявляет, что Гоголь не борется с собой, когда смеется, что его смех не есть средство, которое может послужить исправлению или же маской, под которой он скрывает свои истинные чувства. Его смех, указывает критик, непосредствен, потому что доброта для него неестественна, потому что он ненавидит людей [81. P. 163]. При этом «по мере все большего погружения в одиночество он (Гоголь. – *А.З.*) становится все более жестоким, а его произведения все более безупречно комическими» [Ibid.].

Реализм, который, по мнению Шлецера, *все же* был свойствен Гоголю, помимо объективной составляющей содержит, указывает критик, и субъективный компонент. В этот тезис о субъективизме он вкладывает в первую очередь мысль самого писателя: «Все мои последние сочинения – история моей собственной души» [84. С. 292]. И разъясняет: «…материя, из которой скроены его персонажи, является частью его самого, <…> Чичиков, Хлестаков и другие его герои – это различные виды и проекции его внутреннего “я”» [81. P. 166].

Шлецер не отрицает «социального значения <…> *Мертвых душ*» [Ibid. P. 162]. При этом обращает внимание тех, кто «хотел видеть в Гоголе нравописателя», на то, что автор описывал в поэме жизнь той среды, которую он не знал, жизнь людей, с которыми он никогда не пересекался [Ibid. P. 167]. И задается вопросом: почему Гоголь хотел во что бы то ни стало изобразить общество, о нравах которого он не ведал; почему он не изображал ту элиту, которая окружала его, тех поэтов, художников, представителей аристократии, образ жизни которых ему был хорошо известен [Ibid.]. Ответ критика состоял в том, что «Чичиков и другие персонажи Мертвых душ (Манилов, Собакевич, Ноздрев и т.д.) и представляли как раз тот мир, в котором жил Гоголь, тех людей, которых он часто встречал или с которыми регулярно переписывался, и чей интеллект, талант, образование были выше среднего уровня», но которые, отмечает Шлецер, деградировали. Последнюю мысль он подкрепляет перефразированными словами самого Гоголя: «Из генералов я сделал солдат» [Ibid.]. А сделал это автор, по мнению критика, для того, чтобы поострее их высмеять, при этом сделал это неумышленно, а из внутренней потребности обесценить, унизить человека, сделать его еще более жалким, «раздавить» его [Ibid.]. Эти бесчестные чиновники, тупые и нелепые поме-

щики, заурядные мошенники, заявляет Шлецер, – всего лишь маски, а эти провинциальные нравы, мрачные канцелярии, истории, связанные со взятками – просто декорации [81. P. 167], но «декорации необходимые для автора; благодаря им только его персонажи, его “мертвые души”, приобретают поразительную достоверность» [85. Partie III[24]]. Необходимо отметить, что данные рассуждения Шлецера в большей степени вытекают из процитированного им отрывка из письма Гоголя [84. С. 292–297], чем из самих «Мертвых душ»; в какой-то степени он даже полемизирует с писателем.

В итоге Шлецер приходит к выводу, что «Гоголь увидел мир *sub specie mortis*, потому что сам был мертвой душой» [81. P. 168]. Эта мысль показалась очень интересной Константину Мочульскому [87. С. 79] – автору книги «Духовный путь Гоголя», вышедшей в Париже в 1934 г. на русском языке.

Касаясь темы гоголевского визионерства при рассмотрении поэмы, критик отмечает, что «автор сделал все, чтобы персонажи получились правдивыми: мы их видим, мы их чувствуем» [81. P. 154]. В их приключениях, продолжает он, нет ничего особенного, принимая во внимание дух, нравы и условия провинциальной русской жизни той эпохи. «И, однако, несмотря на обилие реалистических деталей, создается впечатление, что происходит какая-то фантасмагория; чувствуется, что все эти “существа” околдованы, что они действуют как во сне…» [Ibid.].

Еще одно суждение Шлецера, которое достойно упоминания (хотя бы потому, что оно идет вразрез с тем, о чем говорил Легра и, наоборот, близко символистским взглядам) заключается в том, что Гоголь в поэме изображает не типы, а создает *индивидуумов* [Ibid. P. 159]. «Если в них (персонажах. – *А.З.*) и есть что-то впечатляющее, сверхчеловеческое, из-за чего они становятся типическими, так это исключительно их посредственность…» [Ibid. P. 158]. Единственным исключением с точки зрения незаурядности, по мнению Шлецера, является Плюшкин, в котором есть что-то живое, есть определенная страсть: «Лишь Плюшкин возвышается над ними, единственный персонаж, кто не является посредственностью, потому что, находясь полностью под гнетом всепоглощающей страсти, Плюшкин не скряга, он не Гарпагон, он такой же, как мы, “наш брат”, разумная экономия которого под давлением ряда обстоятельств потихоньку превратилась в скряжничество» [Ibid.].

Второй том «Мертвых душ» Шлецер затрагивает лишь вскользь. На примере Уленьки, которая, по его предположению, должна была «наставить Чичикова на путь истинный» [Ibid. P. 177], критик пытается (очень опосредованно) донести, что Гоголь здесь терпит фиаско.

Книга эта вызвала неоднозначные отклики[25], но тот факт, что впоследствии она еще была дважды переиздана (в 1946 и в 1972 гг.), свидетельствовал о ее востребованности. Необходимо отметить, что со временем сам критик, можно сказать, эволюционировал. Так, в издании 1972 г. он уже более не видит, как это было раньше, гоголевский мир *sub specie mortis* и не отождествляет самого Гоголя с «мертвой душой» [3. С. 386]. А в предисловии к одному из последующих переводов «Мертвых душ», в котором Шлецер был также соавтором (1952 г.), он включает в свой анализ сравнение поэмы и «Божественной комедии» Данте [85. Partie III[26]].

В 1934 г. выходит труд еще одного литературоведа из эмигрантской среды, Модеста Гофмана – «История русской литературы от истоков до наших дней» [89]. В ней впервые звучит мысль об отношении к Гоголю как к предтече сюрреализма [3. С. 265]. Вот как пишет об этом Клод де Грев: «В глазах историка-формалиста “Мертвые души” относятся к <…> типу фантастического. Все в них – не более, чем “симулякр”, иллюзия жизни» [Там же].

Здесь необходимо упомянуть монографии еще двух российских эмигрантов, о содержании которых мы можем составить представление, к сожалению, опираясь лишь на неоригинальные источники. В своей «Панораме современной русской литературы» (1929 г.) [90] В. Познер, пытаясь «судить о некоторых авторах по их историческому, а не эстетическому значению» (цит. по: [3. С. 263]), определяет Гоголя как художника: «мертвых душ, загнанных в живые тела, и именно эта жизнь, вся на поверхности, состоящая из анекдотов, абсурдностей и мелких несчастий, и заставляет говорить, что Гоголь был писателем-реалистом» [Там же. С. 264].

Как отмечает Клод де Грев, в оценке Познером Гоголя «как главы русской натуральной “реалистической” школы <…> угадывается влияние русских символистов и, в частности, Розанова и Мережковского» [Там же].

У Брянчанинова же в «Трагедиях русской словесности»[27] (1938 г.) [91] Гоголь предстает в образе религиозного реалиста, подсознательного предшественника революционного, скрещенного с мистицизмом духа [3. С. 266]. «И все же его образ зиждется на воскрешении мифического образа “русской души” – этой неистребимой мифологемы, которая все еще сохраняется в сознании французов» [Там же].

В эти годы получает свое развитие и тема «Гоголь – невропат»[28]. В трехтомном труде «Великие невропаты» (1930–1935) [93] Огюстен Кабанес анализирует психопатологию многих «великих людей, которые были в самой разной степени невропатами» [Ibid. P. 7]. Надо отметить, что при рассмотрении Гоголя он использовал очень широкий круг материалов, посвященных писателю и его произведениям; среди тех, на чьи работы он опирается в своих выводах, мы находим Л. Виардо, Визева, Вогюэ, Э. Дюпюи, С. Куррьера, Л. Леже, О. Лурье, И. Тэна, Р. Тырневу. «Мертвые души» помогают ему убедиться в том, что Гоголь был дромоманом [Ibid. P. 248]. Лирические отступления на тему дороги, тройки, приводят его к заключению, что при написании поэмы у Гоголя, «снова мучимого этим инстинктом к перемене мест <…> была лишь одна мысль – уехать, уехать далеко» [Ibid. P. 269–270].

Еще один источник, который мог бы оказаться полезным О. Кабанесу и всем другим французским интерпретаторам, – труд Д.С. Мережковского «Гоголь и черт» [94], но перевод его появился во Франции только в 1939 г.

Благодаря в первую очередь русской мысли, которая доходила до французов главным образом посредством русской эмиграции, диапазон интерпретаций Гоголя и его «Мертвых душ» в этот период значительно расширился: под символистским углом зрения во Франции на поэму еще не смотрели; наметился новый, благодаря Мережковскому и Брянчанинову, ракурс изучения произведения – сквозь призму гоголевского мистицизма. Существенный «чисто» французский вклад в усвоение поэмы во Франции ограничивался трудами Монго и Легра; во все еще относительно немногочисленных рецензиях и обзорах «Мертвых душ» по-прежнему преобладали поверхностные оценки. Новые более качественные переводы поэмы, пришедшие на смену переводам, серьезно искажавшим гоголевское творение, позволяли надеяться на появление более адекватных и содержательных критико-литературоведческих работ, на интенсификацию усвоения «Мертвых душ» во Франции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь пока речь идет только о февральской революции.
[2] К сожалению, нам неизвестно, какой перевод – Эжена Моро (Jean-Eugène Moreau) 1854 г. или Эрнеста Шаррьера (Ernest Charrière) 1859 г. – использовался при обучении студентов.
[3] Имеется в виду перевод Шаррьера.
[4] Незадолго до интервью Монго закончил перевод «Братьев Карамазовых».
[5] К этому следует добавить, что до начала работы над «Мертвыми душами» за плечами у Монго уже были переводы «Поединка» (1922), «Листригонов» (1924), «Белого пуделя и других историй для подростков» (1924) Куприна, «Братьев Карамазовых» (1923) Достоевского, «Человека из ресторана» Шмелева (1925) (впереди же еще были «Игрок» (1928), «Анна Каренина» (1935), «Война и мир» (1944) и многие другие). Семнадцать лет, проведенных в России, русская жена, критический ум, знание восьми языков, отменный художественный вкус [31. P. 25] также свидетельствовали о потенциале Монго.
[6] К моменту выхода этой серии (1966 г.) уже существовало десять переводов (правда, некоторые были выполнены частично).
[7] К моменту смерти Воллара в 1939 г. из заказанных им 51 книги были выпущены 27: шагаловские работы в их число не входили [41. С. 47].
[8] Перевод вышел тиражом 368 экземпляров, нумерованных и подписанных Шагалом [Ibid.], из них только 33 предназначались для продажи [43. P. 44].
[9] Очевидно, здесь подразумевается «книга», которую Воллар планировал издать, о чем много писали (например, здесь [47. P. 4]), но так и не издал.
[10] Помимо украшения (118 офортами) переиздания перевода Монго 1948 г. иллюстрации Шагала будут также использованы в изданиях переводов Артюра Адамова 1964 г. [224] (шесть офортов: «Прибытие Чичикова» в город N, «Вечер у губернатора», «Столкновение на дороге», «Маляры» в доме Ноздрева, «Прошка», «Похороны прокурора») и Анн Колдефи-Фокар 2005 г.
[11] Например, Владимир Бутчик проследил динамику изменения интереса к русской культуре на основании количества переводов нашей литературы на французский язык в тот или иной период. Если в начале XX столетия выходило в среднем 15 переводов в год, во время войны – 5, то «начиная с 1921 г. уровень значительно возрастает, он достигает 37 в 1922 г., 36 в 1927 г., 35 в 1930 г.» [31. P. 11].
[12] Помимо «Мертвых душ» Гоголя под запрет попали также «Анатомия меланхолии» Бертона и «Сентиментальное путешествие» Стерна.
[13] Во Франции по-прежнему (с конца XIX в. [56. С. 24, 26]) бóльший интерес вызывали Толстой и Достоевский [57. P. 53].
[14] Помимо *Шпоньки* в качестве источников заимствования он называет еще «Коляску» и «уже опубликованные произведения» [63. P. 89], не уточняя какие именно.
[15] Курсив Ж. Легра.
[16] Необходимо отметить, что данный вывод Легра делает в первую очередь на основании письма Гоголя к Жуковскому от 12 ноября 1836 г.
[17] Данная работа является частью исследования, охватывающего весь период (1840-е гг. – наши дни) французской рецепции поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».
[18] Со времени написания статьи Мериме (1851) [74] и до появления труда Монго (1931–1932) [71, 75] существенную поддержку эта аналогия получила со стороны А. Веселовского [76], С. Шамбинаго [77. С. 152–153], Д.Н. Овсянико-Куликовского [78. С. 39].
[19] Из первого тома переведенными оказались главы I–VI и IX, в последнюю вошла также часть XI главы, включающей лирическое отступление о птице-тройке; из второго тома – только глава III.
[20] Можно сказать, что подобные комментарии (уже не раз звучавшие во Франции) будут еще долго продолжать появляться с завидной регулярностью (*А.З.*).
[21] О влиянии на Шлецера В.В. Розанова, Н.А. Котляревского, Д.Н. Овсянико-Куликовского см. [3. С. 258–259].
[22] Курсив В. Брюсова.
[23] Страницы в этом источнике не пронумерованы.
[24] Положительно отозвался об этой книге Габриель Марсель [87], хотя и выражал некоторые несогласия, например, он отрицал связь, которую Шлецер установил между смехом и жестокостью (подробнее см. [3. С. 261–262]). «Великой» назвала эту книгу впоследствии Клод де Грев [Ibid. С. 256]. «Довольно поверхностна», – так отозвался о ней Василий Зеньковский [88. С. 177].
[25] Страницы в этом источнике не пронумерованы.
[26] Трагизм, по мнению Брянчанинова, состоит в напряжении между двумя полюсами: «мистический дух» – «революционный дух», чистая духовность – «то, что касается достоверного, будучи лишь материей» (цит. по: [3. С. 266]).
[27] Во Франции об этом начали прицельно говорить в начале XX в. (см., например, [92]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Journel R. de «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» // Études. Paris: Imprimerie de J. Dumoulin, 1918. Vol. 155. 5 avril. P. 28–54.
2. Souday P. Littérature et Révolution // Le Temps. 1917. 19 mars.
3. Грев К. де. Н.В. Гоголь во Франции (1838–2009) / пер. с фр. Е.Е. Дмитриевой и др. Москва ; Новосибирск : Новосиб. изд. дом, 2014. 480 с.
4. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь : в 3 т. М. : Сов. писатель, 1990. Т. 1. 640 с.
5. Берков П. Изучение русской литературы во Франции: Библиографические материалы // Литературное наследство / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). М. : Изд-во АН СССР, 1939. С. 721–768.
6. Painlevé P. Ministère de l'instruction publique, des beaux-arts et des inventions intéressant la défense nationale // Journal officiel de la République française. 1916. 24 septembre. P. 8443.
7. Steeg T. Ministère de l'instruction publique et des beaux-arts // Journal officiel de la République française. 1917. 13 août. P. 6355–6363.
8. Honnorat A. Ministère de l'instruction publique et des beaux-arts // Journal officiel de la République française. 1920. 15 août. P. 12029–12030.
9. Annuaire de l'Université de Lyon: Année scolaire 1918–1919. Lyon: A. Rey, 1918. 179 p.

10. Annuaire de l'Université de Lyon: Année scolaire 1920–1921. Lyon: A. Rey, 1920. 88 p.
11. Annuaire de l'Université de Lyon: Année scolaire 1922–1923. Lyon: A. Rey, 1922. 136 p.
12. Annuaire de l'Université de Lyon: Année scolaire 1923–1924. Lyon: A. Rey, 1923. 136 p.
13. Annuaire de l'Université de Lyon: Année scolaire 1924–1925. Lyon: A. Rey, 1924. 134 p.
14. Honnorat A. Ministère de l'instruction publique et des beaux-arts // Journal officiel de la République française. 1920. 6 octobre. P. 14940–14941.
15. Théâtres & concerts // Le Journal. 1908. 15 janvier.
16. Courrier des théâtres // Le Petit Parisien. 1877. 4 février.
17. Le spectacle en Russie // Le Journal. 1934. 21 janvier.
18. Une série de films // Comœdia. 1926. 25 juin.
19. Les livres // Comœdia. 1925. 28 avril.
20. Gogol N. Les Ames Mortes / trad. du russe par E. Charrière. Paris: Hachette, 1859. Vol. 2. XXXII + 367 p.
21. Melot P. Le Luxe des Vêtements dans l'Ancienne France // La Soierie de Lyon. Revue Technique des Industries de la Soie. 1934. № 2. P. 10–20.
22. Завгородний А.М. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» во французской критической рецепции 1840–1880-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 8 : в 2 ч. Ч. 1. С. 26–34.
23. Mousset A. La statistique et les frontières de Tchécoslovaquie // Journal des Débats politiques et littéraires. 1938. 29 octobre.
24. Échos // Le Journal. 1924. 16 août.
25. L'Esprit de Tolstoi // Les Annales politiques et littéraires. 1924. 17 août.
26. Les Lettres // L'Intransigeant. 1924. 17 août.
27. Échos // L'Écho d'Alger. 1924. 21 août.
28. La Semaine Bibliographique // Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques. 1922. 17 mars.
29. Notre nouveau feuilleton // Le Figaro. 1924. 6 janvier.
30. La querelle des adaptations // Comœdia. 1924. 9 mars.
31. Boutchick V. La littérature russe en France. Paris: Libr. ancienne Honoré Champion, 1947. 116 p.
32. Les Lettres // L'Intransigeant. 1924. 27 décembre.
33. Михайлов М.Л. Сочинения : в 3 т. М. : ГИХЛ, 1958. Т. 3. 638 с.
34. Лейтес А. Гоголь и его зарубежные «комментаторы» // Октябрь. 1952. Март. С. 146–151.
35. Bibliographie // Les Langues Modernes. 1926. Mars. P. 156–198.
36. Gogol N. Les Aventures de Tchitchikov ou les Âmes Mortes: poème / trad. du russe par H. Mongault. Paris: Bossard, 1925. URL: https://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Gogol%20-%20Les%20Ames%20mortes.pdf (дата обращения: 27.04.2017).
37. Rossica // Запад и Восток – сборник всесоюзного общества культурной связи с заграницей: книга первая и вторая. М. : 1-я образцовая типография ГИЗ'а, 1926. С. 250–260.
38. Marin R. Chronique des Livres // Liège-Universitaire. 1926. 19 février.
39. Jaloux E.L'Esprit des Livres // Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques. 1931. 7 novembre.
40. Шаршун С. Магический реализм // Числа. Paris : Rapide de la Presse, 1932. № 6. P. 229–231.
41. Шатских А. Гоголевский мир глазами Шагала // Третьяковская галерея. 2003. № 1. С. 44–55.
42. Park Ch.Y. La Bible illustrée par Marc Chagall (1887–1985): un dialogue interculturel et son évolution. Thèse de doctorat / Université Paris IV. Sorbonne, 2008.
43. Chagall, l'œuvre gravé / Catalogue. Paris : Bibliothèque nationale, 1970. 116 p.
44. René-Jean Parmi les petites Expositions // Comœdia. 1924. 28 décembre.
45. Marc Chagal à Cologne / Les Beaux-Arts // Comœdia. 1925. 31 mai.
46. Les Expositions de la Semaine / Beaux-Arts // Comœdia. 1925. 1 novembre.
47. Carnet des Lettres des Sciences et des Arts // L'Action Française. 1925. 12 novembre.
48. Fels F. Chronique artistique // Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques. 1925. 14 novembre.
49. Vollard A. Souvenirs d'un Marchand de Tableaux. Paris : Albin Michel, 1937. 448 p.
50. Gogol N. Les âmes mortes: les aventures de Tchitchikov par Gogol / trad. du russe par A. Adamov. 2e éd. Paris : Les Libraires associés, 1964. XXX + 370 p.
51. Petit Mémorial des Lettres // Paris-Soir. 1925. 24 juillet.
52. Notes et Documents // Les Langues Modernes. 1925. Juillet. P. 423–425.
53. Gérard-Gailly E. Nicolas Gogol. Paris : La Renaissance du Livre, 1925. 209 p.
54. Denjean F.G. Gailly: Gogol / Comptes rendus Critiques // Les Langues Modernes. 1926. Janvier-février. P. 69–100.
55. Lavrin J. Gogol. New York : Routledge, 2015. 264 p.
56. Завгородний А.М. Французская рецепция поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в эпоху франко-русского союза: конец XIX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 9 : в 3 ч. Ч. 3. С. 21–27.
57. Les aventures de Tchitchikov ou les Âmes mortes / Comptes rendus bibliographiques // Revue bibliographique des Ouvrages de droit, de Jurisprudence, d'Économie politique de Science financière. 1926. Juillet–août.
58. Legras J. La Littérature en Russie. Paris: Colin, 1929. 220 p.
59. Mazon A. Jules Legras. La littérature en Russie // Revue critique d'histoire et de littérature. 1929. Novembre. P. 524–527.
60. Legras J. L'art de Gogol (I) // Revue des Cours et Conférences. 1931. № 5. 15 février. P. 385–397.
61. Legras J. L'art de Gogol (II), la forme // Revue des Cours et Conférences. 1931. № 6. 28 février. P. 512–522.
62. Legras J. L'art de Gogol (III). Hans Küchelgarten // Revue des Cours et Conférences. 1931. № 7. 15 mars. P. 649–657.
63. Legras J. L'art de Gogol (IV). Le Manteau (Chinel) – Les âmes mortes // Revue des Cours et Conférences. 1931. № 8. 15 décembre. P. 79–91.
64. Legras J. L'art de Gogol (V). Conclusion // Revue des Cours et Conférences. 1931. № 9. 30 décembre. P. 178–183.
65. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. М. : Худож. лит., 1988. 413 с.
66. Гоголь Н.В. Иван Федорович Шпонька и его тетушка // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 1. С. 283–308.
67. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 6. 923 с.
68. Léger L. Le mysticisme de Gogol // Bibliothèque universelle et Revue suisse. Lausanne: Imprimerie Réunies (S. A.), 1911. Vol. LXIII, № 188. P. 309–322.
69. Яусс Г.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.
70. Компаньон А. Демон теории: литература и здравый смысл. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
71. Mongault H. Notes, éclaircissements et variantes // Œuvres Complètes de Prosper Mérimée. Études de littérature russe. Paris : Librairie ancienne Honoré Champion, 1932. Vol. 2. P. 469–605.
72. Tourgueneff I. Lettre à Madame Viardot, 21 février 1852 // Lettres à Madame Viardot. Paris: Fasquelle, 1907. P. 155–156.
73. Michelson S. Les grands prosateurs russes. Paris : La Jeune Parque, 1946. 229 p.
74. Mérimée P. Nouvelles russes. – Mertvyia douchi (les Ames mortes). – Revizor (l'Inspecteur-général) // Revue des Deux Mondes. 1851. Vol. XII. Novembre, deuxième quinzaine. P. 627–650.

75. Mongault H. Introduction // Œuvres Complètes de Prosper Mérimée. Études de littérature russe. Paris : Librairie ancienne Honoré Champion, 1931. Vol. 1. P. VII–CXLI.
76. Веселовский А. «Мертвые души»: глава из этюда о Гоголе // Этюды и характеристики. М. : Типо-литография И.Н. Кушнерева и Ко, 1894. С. 557–609.
77. Шамбинаго С. Трилогия романтизма (Н.В. Гоголь). М., 1911. 159 с.
78. Овсянико-Куликовский Д.Н. Собрание сочинений : в 9 т. СПб. : Изд. И.Л. Овсянико-Куликовской, 1912–1914. Т. 1. 197 с.
79. Gogol N.V. Les Âmes mortes: extraits / trad. du russe par M. Chandibine. Paris : A. Hatier, 1931. 64 p.
80. Schloezer B. de. Gogol. Paris : Plon, 1932. 297 p.
81. Schloezer B. de. Gogol. Paris : Janin, 1946. 228 p.
82. Брюсов В.Я. Сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1987. Т. 2. 575 с.
83. Бергсон А. Смех. М. : Искусство, 1992. 127 с.
84. Гоголь Н.В. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ» // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. С. 286–299.
85. Schloezer B. de. Avant-propos // Les Aventures de Tchitchikov ou Les Âmes Mortes: poème. Paris : Le club français du livre, 1966. 47 p.
86. Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя. Paris : Ymca-Press, 1934. 147 с.
87. Marcel G. Boris de Schloezer, Gogol // Nouvelle Revue Française. 1933. 1 janvier. № 232. P. 187–190.
88. Зеньковский В.В. История русской философии. М. : Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
89. Hofmann M. Histoire de la littérature russe des origines à nos jours. Paris: Payot, 1934. 694 p.
90. Pozner V. Panorama de littérature russe contemporaine. Paris : Ed. Kra, 1929. 376 p.
91. Brian-Chaninov N. La Tragédie des lettres russes. Paris : Payot, 1934. 164 p.
92. Завгородний А.М. Французская рецепция поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в эпоху франко-русского союза: начало XX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 3 : в 3 ч. Ч. 2. С. 26–31.
93. Cabanès Au. Grands nèvropathes: en 3 tomes. Paris : Albin Michel, 1930–1935. Vol. 3. 383 p.
94. Merejkovski D. Gogol et le diable / Trad. Constantin Andronikof. Paris : Gallimard, 1939. 221 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 ноября 2017 г.

RECEPTION OF N.V. GOGOL'S *DEAD SOULS* IN FRANCE: BETWEEN THE TWO WORLD WARS OF THE 20TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 14–26.
DOI: 10.17223/15617793/426/2

Aleksei M. Zavgorodnii, Maxim Gorky Literature Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: almzav@yandex.ru

Keywords: Gogol; *Dead Souls*; reception; symbolism; Mongault; French translation; Legras.

There is no way to understand the specificity of the literary relationship between Russia and the West without perceiving the role of Gogol's work in a wide intercultural dialogue. This paper aims to reveal the particularities of the French reception of Gogol's key work, *Dead Souls*, in the period between two outstanding historical events. The starting point of the paper is the review of the results of the poem's reception (in a wide context) in France for the previous epoch. The reception period under examination starts with the emergence of two new French translations of the poem by Marc Séménoff and Henri Mongault. Having appeared almost simultaneously – if compared to the more than the sixty years' distance from the previous translation – they signalize the end of the era of the translations by Jean-Eugène Moreau and Ernest Charrière, which deeply corrupted Gogol's work and which most critical and literary reviews were based on. The growth of the Russian emigration conditioned by the historical context eventually leads to its playing a key role in the penetration of *Dead Souls* into the French cultural space. Except M. Séménoff it was Nikolai Brian-Chaninov, M. Chandibine, Modest Hofmann, Dmitry Merezhkovsky, Konstantin Mochulsky, Vladimir Pozner, Aleksei Remizov, Boris de Schloezer who deepened the comprehension of Gogol's text, supplying (in some cases) the French reader with its new interpretations. The new first of all consisted in the analysis of the poem from the symbolists' point of view with the use of Bergson's and Freud's ideas (Schloezer). At the end of the period another perspective for the poem's study started looming in France (thanks to D. Merezhkovsky and N. Brian-Chaninov) – through the prism of the Gogolian mysticism. The "purely" French contribution which significantly influenced the assimilation of Gogol's work in France in those years is limited to two personalities: H. Mongault and Jules Legras. The former is highlighted, first and foremost – but not only – because of his high-quality translation of *Dead Souls*; his commentaries on the poem are of significant importance, too. The latter managed to come out with a well-rounded original approach to the perception of Gogol and his poem. J. Legras' lectures in this sense were the most substantial work in France since Eugène-Melchior de Vogüé's times. But, generally, French critical reviews related to the subject of the study continued to be fragmentary and superficial; their quantity also remained wanting.

REFERENCES

1. Journel, R. de. (1918) Du développement des idées révolutionnaires en Russie [On the development of revolutionary ideas in Russia]. *Études*. 155. 5 April. pp. 28–54.
2. Souday, P. (1917) Littérature et Révolution [Literature and the Revolution]. *Le Temps*. 19 March.
3. Grev, K. de. (2014) *N.V. Gogol' vo Frantsii (1838–2009)* [N.V. Gogol in France (1838–2009)]. Translated from French by E.E. Dmitrieva et al. Moscow; Novosibirsk: Novosib. izd. dom.
4. Erenburg, I.G. (1990) *Lyudi, gody, zhizn': v 3 t.* [People, years, life: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Sov. pisatel'.
5. Berkov, P. (1939) Izuchenie russkoy literatury vo Frantsii: Bibliograficheskie materialy [The study of Russian literature in France: Bibliographic materials]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow: USSR AS.
6. Painlevé, P. (1916) Ministère de l'instruction publique, des beaux-arts et des inventions intéressant la défense nationale [Ministry of Public Education, Fine Arts and Inventions Concerning National Defense]. *Journal officiel de la République française*. 24 September. pp. 8443.
7. Steeg, T. (1917) Ministère de l'instruction publique et des beaux-arts [Ministry of Education and Fine Art]. *Journal officiel de la République française*. 13 August. pp. 6355–6363.
8. Honnorat, A. (1920) Ministère de l'instruction publique et des beaux-arts [Ministry of Education and Fine Art]. *Journal officiel de la République française*. 15 August. pp. 12029–12030.
9. University of Lyon. (1918) *Annuaire de l'Université de Lyon: Année scolaire 1918–1919* [Yearbook of the University of Lyon: School year 1918–1919]. Lyon: A. Rey.

10. University of Lyon. (1920) *Annuaire de l'Université de Lyon: Année scolaire 1920–1921* [Yearbook of the University of Lyon: School year 1920–1921]. Lyon: A. Rey.
11. University of Lyon. (1922) *Annuaire de l'Université de Lyon: Année scolaire 1922–1923* [Yearbook of the University of Lyon: School year 1922–1923]. Lyon: A. Rey.
12. University of Lyon. (1923) *Annuaire de l'Université de Lyon: Année scolaire 1923–1924* [Yearbook of the University of Lyon: School year 1923–1924]. Lyon: A. Rey.
13. University of Lyon. (1924) *Annuaire de l'Université de Lyon: Année scolaire 1924–1925* [Yearbook of the University of Lyon: School year 1924–1925]. Lyon: A. Rey.
14. Honnorat, A. (1920) Ministère de l'instruction publique et des beaux-arts [Ministry of Education and Fine Art]. *Journal officiel de la République française*. 6 October. P. 14940–14941.
15. Le Journal. (1908) Théâtres & concerts [Theaters & concerts]. *Le Journal*. 15 January.
16. Le Petit Parisien. (1877) Courrier des théâtres [Courier of theaters]. *Le Petit Parisien*. 4 February.
17. Le Journal. (1934) Le spectacle en Russie [The show in Russia]. *Le Journal.* 21 January.
18. Comœdia. (1926) Une série de films [A series of films]. *Comœdia*. 25 June.
19. Comœdia. (1925) Les livres [The books]. *Comœdia*. 28 April.
20. Gogol, N. (1859) *Les Ames Mortes* [Dead Souls]. Translated from Russian by E. Charrière. Vol. 2. Paris: Hachette.
21. Melot, P. (1934) Le Luxe des Vêtements dans l'Ancienne France [The Luxury of the Clothes in the Old France]. *La Soierie de Lyon. Revue Technique des Industries de la Soie*. 2. pp. 10–20.
22. Zavgorodniy, A.M. (2016) N.V. Gogol's poem "Dead Souls" in the French critical reception of the 1840–1880s. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of theory and practice*. 8:1. pp. 26–34. (In Russian).
23. Mousset, A. (1938) La statistique et les frontières de Tchécoslovaquie [Statistics and borders of Czechoslovakia]. *Journal des Débats politiques et littéraires*. 29 October.
24. Le Journal. (1924) Échos [Echoes]. *Le Journal*. 16 August.
25. Le Journal. (1924) L'Esprit de Tolstoi [The Spirit of Tolstoy]. *Les Annales politiques et littéraires*. 17 August.
26. L'Intransigeant. (1924) Les Lettres [Letters]. *L'Intransigeant*. 17 August.
27. L'Écho d'Alger. (1924) Échos [Echoes]. *L'Écho d'Alger*. 21 August.
28. Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques. (1922) La Semaine Bibliographique [Bibliographical Week]. *Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques*. 17 March.
29. Le Figaro. (1924) Notre nouveau feuilleton [Our new feuilleton]. *Le Figaro*. 6 January.
30. Comœdia. (1924) La querelle des adaptations [The quarrel of adaptations]. *Comœdia*. 9 March.
31. Boutchick, V. (1947) *La littérature russe en France* [Russian literature in France]. Paris: Libr. ancienne Honoré Champion.
32. L'Intransigeant. (1924) Les Lettres [Letters]. *L'Intransigeant*. 27 December.
33. Mikhaylov, M.L. (1958) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: GIKhL.
34. Leytes, A. (1952) Gogol' i ego zarubezhnye "kommentatory" [Gogol and his foreign "commentators"]. *Oktyabr'*. March. pp. 146–151.
35. Les Langues Modernes. (1926) Bibliographie [Bibliography]. *Les Langues Modernes*. March. pp. 156–198.
36. Gogol, N. (1925) *Les Aventures de Tchitchikov ou les Âmes Mortes: poème* [The Adventures of Chichikov, or Dead Souls: a poem]. Translated from Russian by H. Mongault. Paris: Bossard. [Online] Available from: https://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Gogol%20-%20Les%20Ames%20mortes.pdf. (Accessed: 27.04.2017).
37. Kameneva, O.D. et al. (eds) (1926) Rossica. In: *Zapad i Vostok – sbornik vsesoyuznogo obshchestva kul'turnoy svyazi s zagranitsey: kniga pervaya i vtoraya* [West and East: a collection of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries: Books One and Two]. Moscow: 1-ya obraztsovaya tipografiya GIZ'a. pp. 250–260.
38. Marin, R. (1926) Chronique des Livres [The chronicle of books]. *Liège-Universitaire*. 19 February.
39. Jaloux, E. (1931) L'Esprit des Livres [The spirit of books]. *Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques*. 7 November.
40. Sharshun, S. (1932) Magicheskiy realizm [Magical realism]. *Chisla*. 6. pp. 229–231.
41. Shatskikh, A. (2003) Gogolevskiy mir glazami Shagala [Gogol's world through the eyes of Chagall]. *Tret'yakovskaya galereya*. 1. pp. 44–55.
42. Park, Ch.Y. (2008) *La Bible illustrée par Marc Chagall (1887–1985): un dialogue interculturel et son évolution* [The Bible illustrated by Marc Chagall (1887–1985): an intercultural dialogue and its evolution]. PhD thesis. Sorbonne.
43. National Library. (1970) *Chagall, l'œuvre gravé. Catalogue* [Chagall, the engraved works. Catalog]. Paris: Bibliothèque nationale.
44. Comœdia. (1924) René-Jean Parmi les petites Expositions [René-Jean among the small exhibitions]. *Comœdia*. 28 December.
45. Comœdia. (1925) Marc Chagal à Cologne [Marc Chagall in Cologne]. *Comœdia.* 31 May.
46. Comœdia. (1925) Les Expositions de la Semaine [The exhibitions of the week]. *Comœdia.* 1 November.
47. L'Action Française. (1925) Carnet des Lettres des Sciences et des Arts [Journal of Arts and Sciences Letters]. *L'Action Française*. 12 November.
48. Fels, F. (1925) Chronique artistique [Artistic Chronicle]. *Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques*. 14 November.
49. Vollard, A. (1937) *Souvenirs d'un Marchand de Tableaux* [Memories of a Merchant of Paintings]. Paris: Albin Michel.
50. Gogol, N. (1964) Les âmes mortes: les aventures de Tchitchikov par Gogol [Dead Souls: The Adventures of Chichikov by Gogol]. Translated from Russian by A. Adamov. 2nd ed. Paris: Les Libraires associés.
51. Paris-Soir. (1925) Petit Mémorial des Lettres [Small Memorial of Letters]. *Paris-Soir*. 24 July.
52. Les Langues Modernes. (1925) Notes et Documents [Notes and Documents]. *Les Langues Modernes*. July. pp. 423–425.
53. Gérard-Gailly, E. (1925) *Nicolas Gogol*. Paris: La Renaissance du Livre. (In French).
54. Denjean, F.G. (1926) Gailly: Gogol. *Les Langues Modernes*. January–February. pp. 69–100.
55. Lavrin, J. (2015) *Gogol*. New York: Routledge. (In English).
56. Zavgorodniy, A.M. (2016) French reception of the poem by N.V. Gogol "Dead Souls" in the period of French-Russian alliance: the end of the XIX century. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of theory and practice*. 9:3. pp. 21–27. (In Russian).
57. Revue bibliographique des Ouvrages de droit, de Jurisprudence, d'Économie politique de Science financière. (1926) Les aventures de Tchitchikov ou les Âmes mortes [The Adventures of Chichikov or Dead Souls]. *Revue bibliographique des Ouvrages de droit, de Jurisprudence, d'Économie politique de Science financière.* July–August.
58. Legras, J. (1929) *La Littérature en Russie* [Literature in Russia]. Paris: Colin.
59. Mazon, A. (1929) Jules Legras. La littérature en Russie [Jules Legras. Literature in Russia]. *Revue critique d'histoire et de littérature.* November. pp. 524–527.
60. Legras, J. (1931) L'art de Gogol (I) [The Art of Gogol (I)]. *Revue des Cours et Conférences*. 5. 15 February. pp. 385–397.
61. Legras, J. (1931) L'art de Gogol (II), la forme [The Art of Gogol (II), the form]. *Revue des Cours et Conférences*. 6. 28 February. pp. 512–522.
62. Legras, J. (1931) L'art de Gogol (III). Hans Küchelgarten [The art of Gogol (III). Hans Küchelgarten]. *Revue des Cours et Conférences.* 7. 15 March. pp. 649–657.
63. Legras, J. (1931) L'art de Gogol (IV). Le Manteau (Chinel) – Les âmes mortes [The art of Gogol (IV). The Coat (Chinel) – Dead Souls]. *Revue des Cours et Conférences*. 8. 15 December. pp. 79–91.
64. Legras, J. (1931) L'art de Gogol (V). Conclusion [The art of Gogol (V). Conclusion]. *Revue des Cours et Conférences.* 9. 30 December. pp. 178–183.

65. Mann, Yu.V. (1988) *Poetika Gogolya* [Poetics of Gogol]. 2nd ed. Moscow: Khudozh. lit.
66. Gogol', N.V. (1937) *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 283–308.
67. Gogol', N.V. (1951) *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols]. Vol. 6 Moscow; Leningrad: USSR AS.
68. Léger, L. (1911) Le mysticisme de Gogol [The mysticism of Gogol]. *Bibliothèque universelle et Revue suisse. Lausanne: Imprimerie Réunies (S. A.)*. LXIII:188. pp. 309–322.
69. Yauss, G.-R. (1995) Istoriya literatury kak provokatsiya literaturovedeniya [The History of Literature as a Provocation of Literary Studies]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 12. pp. 34–84.
70. Compagnon, A. (2001) *Demon teorii: literatura i zdravyy smysl* [Demon of theory: literature and common sense]. Translated from English. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
71. Mongault, H. (1932) Notes, éclaircissements et variantes [Notes, Clarifications and Variations]. In: *Œuvres Complètes de Prosper Mérimée. Études de littérature russe* [Complete Works by Prosper Mérimée. Studies of Russian literature]. Vol. 2. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion. pp. 469–605.
72. Tourgueneff, I. (1907) *Lettres à Madame Viardot* [Letter to Madame Viardot]. Paris: Fasquelle. pp. 155–156.
73. Michelson, S. (1946) *Les grands prosateurs russes* [The great Russian prose writers]. Paris: La Jeune Parque.
74. Mérimée, P. (1851) Nouvelles russes. – Mertvyia douchi (les Ames mortes). – Revizor (l'Inspecteur-général) [Russian news. Mertvye dushi (Dead Souls). Revizor (The Inspector General)]. *Revue des Deux Mondes*. XII. November, second half. pp. 627–650.
75. Mongault, H. (1931) Introduction. In: *Œuvres Complètes de Prosper Mérimée. Études de littérature russe* [Complete Works by Prosper Mérimée. Studies of Russian literature]. Vol. 1. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion. pp. VII–CXLI.
76. Veselovskiy, A. (1894) *Etyudy i kharakteristiki* [Etudes and characteristics]. Moscow: Tipo-litografiya I.N. Kushnereva i Ko. pp. 557–609.
77. Shambinago, S. (1911) *Trilogiya romantizma (N.V. Gogol')* [The trilogy of romanticism (N.V. Gogol)]. Moscow: Pol'za.
78. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1912) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Works: in 9 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd. I.L. Ovsyaniko-Kulikovskoy.
79. Gogol, N.V. (1931) *Les Âmes mortes: extraits* [Dead Souls: excerpts]. Translated from Russian by M. Chandibine. Paris: A. Hatier.
80. Schloezer, B. de. (1932) *Gogol*. Paris: Plon. (In French).
81. Schloezer, B. de. (1946) *Gogol*. Paris: Janin. (In French).
82. Bryusov, V.Ya. (1987) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit.
83. Bergson, A. (1992) *Smekh* [Laughter]. Moscow: Iskusstvo.
84. Gogol', N.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete works: in 14 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 286–299.
85. Schloezer, B. de. (1966) Avant-propos [Foreword]. In: Gogol, N.V. *Les Aventures de Tchitchikov ou Les Âmes Mortes: poème* [The Adventures of Chichikov, or Dead Souls: a poem]. Paris: Le club français du livre.
86. Mochul'skiy, K.V. (1934) *Dukhovnyy put' Gogolya* [Spiritual path of Gogol]. Paris: YMCA-Press.
87. Marcel, G. (1933) Boris de Schloezer, Gogol. *Nouvelle Revue Française*. 1 January. 232. pp. 187–190. (In French).
88. Zen'kovskiy, V.V. (2001) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Akademicheskiy Proekt, Raritet.
89. Hofmann, M. (1934) *Histoire de la littérature russe des origines à nos jours* [The history of Russian literature from the origin to our days]. Paris: Payot.
90. Pozner, V. (1929) *Panorama de littérature russe contemporaine* [The overview of the contemporary Russian literature]. Paris: Ed. Kra.
91. Brian-Chaninov, N. (1934) *La Tragédie des lettres russes* [The tragedy of Russian letters]. Paris: Payot.
92. Zavgorodniy, A.M. (2017) French reception of the poem by N.V. Gogol "Dead Souls" in the period of French-Russian alliance: the beginning of the XX century. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of theory and practice*. 3:2. pp. 26–31. (In Russian).
93. Cabanès, Au. (1935) *Grands nèvropathes: en 3 tomes* [Great neuropaths: in 3 vols]. Vol. 3. Paris: Albin Michel.
94. Merejkovski, D. (1939) *Gogol et le diable* [Gogol and the Devil]. Translated by Constantin Andronikof. Paris: Gallimard.

Received: 30 November 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 27–38. DOI: 10.17223/15617793/426/3

УДК 811.521+003.086

А.С. Зверев

ГРАФИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ: ЛИНЕЙНО-СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ СТАТУС ЯПОНСКИХ ПУНКТУАЦИОННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Рассматривается вопрос о положении пунктуационных показателей на шкале синтагматической свободы. Цель – принципиально адаптировать к знакам препинания традиционный подход к базовой морфологической проблематике, активно изучавшейся на непунктуационном материале, без учета письменной специфики. Для детального освещения выделена сторона синтагматического поведения письменных единиц, которая касается связей внутри графического означающего. Разработанная методология, построенная вокруг понятия «графическая связность», апробирована в применении к японской пунктуации.

Ключевые слова: пунктуация; знаки препинания; графика; синтагматический статус; клитика; синтагматическая самостоятельность; японский язык.

Проблема лингвистического подхода к пунктуации

В статье [1] нами обосновывалась принадлежность японских знаков препинания, употребляемых в конце предложения, к классу заключительных модально-экспрессивных частиц. Было показано, что семантико-синтаксические свойства этих пунктуационных единиц отвечают определяющим признакам одного из канонических классов служебных показателей. В своих исследованиях мы с системоцентричных позиций развиваем традицию научного лингвистического подхода к изучению пунктуации, представленного в монографиях [2–4], и разрабатываем идею разностороннего сближения знаков препинания с прочими единицами письменного языка. Стремление интегрировать знаки препинания в общую систему непунктуационных единиц, рассматривая их как полноправные элементы словаря, сближает наши взгляды на пунктуацию с подходом, предлагаемым в монографии [5. С. 190]: «В письменной форме языка союзам и частицам <…> вполне аналогичны знаки препинания, которые также рассматриваются при описываемом подходе как служебные лингвистические сущности». В статье [1. С. 95] мы сформулировали следующие принципы описания пунктуации:

1) Знаки препинания могут рассматриваться не только как графемы, но и как единицы более высоких уровней языка, записанные при помощи этих графем.

2) При таком рассмотрении знаки препинания проявляют разностороннее сходство с прочими языковыми средствами, прежде всего служебными показателями, и могут быть описаны по тем же самым принципам.

3) Интегрированные таким образом в систему письменного языка, с точки зрения своих функций внутри этой системы знаки препинания не сохраняют того единства, которое приписывается им на графическом уровне, но распределяются по разным классам таких показателей.

Во многих исследованиях по пунктуации, включая упомянутые монографии [2–4], в том или ином виде описывается роль синтаксического фактора в расстановке знаков препинания, но при этом им не придается статус полноценных синтаксем, подлежащих обычному грамматическому анализу на общих основаниях с непунктуационными средствами. Традиционный подход акцентирует внимание исследователя на графической специфике пунктуационных показателей, и потому стандартной практикой оказывается описание знаков препинания, выделенных как класс языковых единиц в противопоставлении буквам, цифрам (в японском языке – знакам слоговых азбук, иероглифам), как графем, которые непосредственно функционируют на синтаксическом уровне[1].

В отношении предмета данной статьи хорошей иллюстрацией этой парадоксальной особенности может служить типично устроенное определение японской пунктуации в сборнике, в основу которого положено указанное смешение языковых уровней: «Система графических знаков, разделяющих предложения и части предложений в целях указания на наличие или отсутствие связи между ними и более четкой передачи мысли автора (пишущего); пунктуация облегчает правильное (в первую очередь – интонационное) прочтение текста читающим» [6. С. 20–21].

В иных обстоятельствах, возможно, подобные синкретичные формулировки сами по себе и не привлекали бы особого внимания. Главная проблема, однако, состоит в том, что характер популярных подходов к пунктуации определяется прежде всего ее восприятием как графического явления – как некой обособленной графической подсистемы письменного языка, – а неаккуратное отношение к принципам классического уровневого подхода на практике сильно препятствует применению к знакам препинания обычных инструментов грамматического анализа. В традиционных исследованиях не встретить дискуссий о том, считать ли знаки препинания морфемами, отдельными словами или рассматривать как некий промежуточный случай. Совершенно бессмысленным выглядит вопрос, причислять ли конкретный «графический знак» к союзам, частицам или каким-то другим признанным классам служебных слов. В условиях ярко выраженного примата графики над грамматикой в устоявшихся взглядах на пунктуацию знаки препинания просто выносятся за пределы всех этих оппозиций.

В настоящей статье мы продолжаем изучение пунктуации на японском материале, ориентируясь в первую очередь на явления печатного и электронного субмодусов письменного японского языка, в меньшей степени – на феномены рукописных текстов (см. [7] о

таксономии дискурса). Помимо прочего, трактовка знаков препинания как полноценных служебных показателей, предполагающая перенос разработанных в лингвистике приемов грамматического описания на материал пунктуации, закономерно поднимает вопрос об их линейно-синтагматическом статусе: какое положение занимают эти показатели на шкале синтагматической свободы – от словоформы до морфемы? Непосредственно связанная с определением «слова», эта проблематика имеет фундаментальное значение для морфологии и в рамках этой дисциплины получила глубокое развитие на материале непунктуационных единиц [8. С. 157–239; 9. С. 18–35].

В табл. 1 ниже приводится список обсуждаемых в данной статье японских знаков препинания и некоторых других символов, которые так или иначе сближаются с пунктуацией и иногда прямо причисляются к ее периферии (о противопоставлении общепризнанного прототипического ядра и спорной периферии пунктуации, критериях выделения знаков препинания см.: [1. С. 93–94; 10]).

Таблица 1

Знаки препинания в японском языке

Знак	Название	Знак	Название
、	правонаправленная запятая 点 *ten* (или 読点 *tooten*)	…	многоточие リーダー *riidaa*
,	европейская запятая コンマ *konma*	—	тире ダッシュ *dasshu*
。	круглая точка まる *maru* (или 句点 *kuten*)	～	тильда 波形 *namigata*
.	европейская точка ピリオド *piriodo*	=[3]	знак равенства 等号 *toogoo* (или двойной дефис つなぎ *tsunagi*)
・	срединная точка 中点 *nakaten* (или 中黒 *nakaguro*)	:	двоеточие コロン *koron*
()	круглые скобки パーレン *paaren* (или 丸括弧 *marugakko*)	;	точка с запятой セミコロン *semikoron*
「」	угловые кавычки かぎ *kagi* (или 鉤括弧 *kagikakko*)	%	знак процента パーセント *paasento*
『』	двойные угловые кавычки 二重鉤括弧 *nijuu kagikakko*	°	знак градуса 度 *do*
?	вопросительный знак 疑問符 *gimonfu*	$	знак доллара ドル記号 *doru kigoo*
!	восклицательный знак 感嘆符 *kantanfu*	¥	знак иены 円記号 *en kigoo*

Линейно-синтагматический статус знаков препинания

Приступая к обсуждению заявленной проблематики, следует сразу отметить особый статус случаев, представленных, например, в показателях 。。。 или 、、、 – нестандартных вариантах японского многоточия. В подобных употреблениях круглые точки 。 или правонаправленные запятые 、 остаются феноменом исключительно графического уровня, лишенные какого-либо собственного означаемого, т.е. не приходится говорить о проблематике линейно-синтагматического статуса в понимании [9. С. 18–35] применительно к отдельной запятой или точке в этой записи[4]. При этом, разумеется, оправдан вопрос о статусе цельной пунктуационной единицы 。。。 или 、、、, выступающей в качестве модально-экспрессивного маркера пониженной категоричности (см. описание [1]). То же можно сказать и о компонентах стандартных двухграфемных последовательностей —— и …… (японское «длинное» тире и многоточие), которые, впрочем, нередко рассматриваются как некие графические единства в одном ряду с графически элементарными знаками (ср.: [12. С. 4–12]). Такие периферийные примеры графически неэлементарных пунктуационных единиц, хотя бы и образованных путем простейших контактных повторений, представляют собой частное свидетельство развития двойного членения в пунктуационной подсистеме письменного языка. Но в прототипическом случае отдельные пунктуационные графемы все же прямо соответствуют каким-либо (одномерным) единицам высших уровней языка, как правило, синтаксическим служебным показателям.

Анализ разных аспектов синтагматической самостоятельности знаков препинания, сравнительная оценка их автономности – все это традиционно остается за рамками исследовательских работ по пунктуации, и упомянутые монографии [2–4] служат в этом отношении типичными примерами. Между тем эта область имеет немалый потенциал для изучения. Среди единиц письменного языка, записанных исключительно с помощью пунктуационных графем, очевидно, встречаются единицы с разным линейно-синтагматическим статусом. С одной стороны, бывают нетипично самостоятельные пунктуационные единицы – примером может служить автономная реплика 「！」 в следующем диалоге:

「だれがやるの？」
「お前がやるのさ」
「！」 (1)
– Ну и кто [это] будет делать?
– Ты и будешь!
– Я?! [11. С. 34]

В целом весь комплекс 「！」 интерпретируется нами как междометие ！, снабженное эвиденциальным циркумпозиционным показателем – кавычками. В сфере неформальной электронной коммуникации, в системах мгновенного обмена сообщениями, наблюдается и похожее сильно автономное употребление отдельных пунктуационных знаков: восклицательный, вопросительный знаки могут изолированно составлять самостоятельное высказывание, уподобляясь в этом отношении смайликам-*kaomoji,* которые мы также рассматриваем как один из периферийных пунктуационных феноменов (ср. аналогичную позицию [13. С. 256–258]).

Коммуникативные ситуации типа переписки в чате, обмена короткими бытовыми записками или SMS-сообщениями вполне позволяют продуктивно использовать понятие сильной автономности в оригинальном понимании [8. С. 158–161] – в отличие от примера (1), где мы имеем дело только с письменной имитацией устной речи.

С другой стороны, знаками препинания могут записываться единицы с минимальной линейно-

синтагматической свободой. По всей видимости, морфемами-циркумфиксами должны быть признаны разнообразные скобки в составе маркеров списков – выражений типа 【１】, 〈２〉, （３） – особого рода союзов, оформляющих сочиненные конструкции. Такие конструкции нередко обладают сложной многоуровневой структурой, и одновременное использование разных видов скобок для образования союзов может служить эффективным средством ее экспликации. В справочнике [11. С. 84] особо отмечается, что в полиграфии сочетания типа （１）, （—） с круглыми скобками могут рассматриваться как единый символ – это следует расценивать как дополнительное свидетельство исключительно тесной связи между компонентами показателя.

По своему поведению очень близки к морфемам единицы типа ％, ＄ или ￥, которые трактуются нами как классификаторы, подобные каноническим японским «счетным суффиксам» типа 人 для счета людей или 本 для счета продолговатых предметов. По данным корпуса [14], впрочем, интернациональные обозначения валют, в отличие от непунктуационных японских классификаторов, все же обнаруживают несвойственную морфемам маргинальную переставимость: ср. нормативное ＄１０ ‘десять долларов’ при исключительно периферийном, но реально наблюдаемом １０＄ vs. 十人 ‘десять человек’ при абсолютной невозможности 人十. Знаки процента ％ или градуса ° имеют строго постпозиционное употребление. Вариативность, допускающая групповое оформление (отмечаются конструкции вида ＄２５～３０, ３０～５０％), отчасти приближает такие классификаторы к классу формантов в терминологии [9. С. 32–35] («максимально свободные связанные морфемы»).

Однако такие крайние случаи, явно тяготеющие к противоположным полюсам линейно-синтагматического континуума, встречаются только на пунктуационной периферии – и в целом на периферии письменного языка. В условиях устоявшегося подхода к пунктуации как к средству, функционирующему, главным образом, на синтаксическом уровне (черта, особенно выраженная в русской традиции), при очевидном отсутствии свойства автономности знаки препинания предстают единицами, обладающими неким промежуточным статусом между морфемой и словоформой. Иначе говоря, прототипический знак препинания оказывается отдельной синтаксемой с пониженной степенью линейно-синтагматической самостоятельности.

Важнейшим классом таких переходных единиц являются клитики [Там же. С. 28–35]. Именно клитиками называет в своей монографии рассматриваемые английские знаки препинания Дж. Нанберг, один из крупных исследователей английской пунктуации [4. С. 57–75] (вслед за ним такое словоупотребление встречаем у Б. Джонса [15. С. 43, 103, 150]). Нанберг уделяет довольно много внимания таким свойствам знаков препинания, как их подверженность операциям поглощения-вытеснения, организация в иерархические кластеры – вообще говоря, обсуждение этих особенностей пунктуационных показателей могло бы носить характер аргументации в пользу их клитического статуса, однако этого почему-то не наблюдается. Весьма удачно, с нашей точки зрения, выбранное наименование, к сожалению, не получает в работе эксплицитного обоснования, и отношение авторской номинации к каноническому употреблению термина остается не вполне ясным. Во всей монографии [4] линейно-синтагматический статус пунктуационных единиц в принципе не рассматривается как отдельная проблема, и нам не известно исследований, которые бы в явном виде отстаивали и последовательно развивали подход к знакам препинания как к клитикам письменного языка.

При всем этом обоснование собственно клитического статуса на данном этапе видится нам менее приоритетной задачей, чем само по себе разностороннее изучение линейно-синтагматических свойств знаков препинания. Прежде всего, ощущается потребность в адекватном теоретическом аппарате, который бы позволил на должном уровне обсуждать, почему и в каких именно аспектах одни пунктуационные показатели ведут себя самостоятельнее других, с аргументацией, охватывающей любые стороны их употребления.

Графическая связность

Для описания линейно-синтагматического статуса языковых единиц, в том числе идентификации клитик, существуют развитые инструменты лингвистического анализа [8, 9]. Однако, разработанные преимущественно с фоноцентричных позиций, эти инструменты, естественно, отличаются разной применимостью к письменному материалу, к тем особым условиям, в которых функционируют пунктуационные показатели. В частности, комплекс критериев, объединяемых термином «звуковая (фонетическая) связность», формировался ориентированным на анализ исключительно фонетического означающего, и базовое определение клитик, основанное на идее просодической несамостоятельности (ср. [8. С. 212; 9. С. 28]), оказывается принципиально не применимым к феноменам письменного языка.

В то же время в письменном языке есть свои специфические явления, связанные с графическим (а не фонетическим) означающим, которые также могут характеризовать степень автономности единицы и ее формальную связь с контекстом. Такие явления не охватываются традиционно фоноцентричными лингвистическими описаниями, но введение их в научный оборот позволяет отчасти компенсировать тот недостаток аналитических инструментов, который обнаруживается при переходе к изучению знаковых систем, основанных на визуальном, а не акустическом сигнале. Комплекс свойств, который должен восполнять этот пробел в средствах описания линейно-синтагматического континуума, характеризуя означающее письменных языков, мы называем *графической связностью*; фонетическая и графическая связность объединяются понятием формальной (материальной) связности.

При изучении линейно-синтагматического статуса единиц письменного языка необходимо учитывать всю сложность формальной организации письменной речи, выраженную в квантовании двойной природы. С одной стороны, в письменном языке, в силу тесной исторической и синхронной связи, так или иначе находит свое отражение фонетическое членение устной речи, а с другой – на развитие формального квантования неизбежно влияет и собственная специфика условий функционирования письменного языка. В качестве проявлений первого фактора можно рассматривать, например, членение текста средствами пунктуации, в пределах ее фоноцентричной интерпретации как обозначения интонации и пауз, или условное выделение в языках типа русского неких аналогов (синтагматических коррелятов) фонетических слогов, которые могут учитываться в правилах переноса. Примером второго рода может служить деление текста границами строк и страниц или его визуальное разбиение на части пустым пространством (безотносительно к тому, что такое разбиение призвано выражать).

Разные виды формального квантования, возникающие под действием факторов обоих типов, взаимодействуют, неким образом синхронизируются друг с другом и, главное, с собственно содержательной организацией текста, его грамматической структурой – и все это в совокупности создает сложную картину внутритекстовых связей. Так, пунктуация – в зависимости от способа употребления конкретного знака – может в той или иной мере связываться и с формальными явлениями устной речи, и с определенной семантико-синтаксической информацией; наконец, в силу своей графической выделенности знаки препинания обеспечивают и чисто формальное визуальное членение текста.

Среди формальных явлений, по своему происхождению связанных со спецификой письменного языка и действием факторов второго рода, встречаются и такие, которые, на первый взгляд, отстоят слишком далеко от фонетического членения устной речи и смысловой организации текста. Примером может служить упомянутое выше построчное или постраничное квантование. Такие явления получают значительно меньше внимания со стороны лингвистов, несмотря на то что вызывающие их ограничения по отношению к письменному языку являются столь же экстралингвистическими, как и особенности устройства речевого аппарата или слухового анализатора – по отношению к устному. Физические ограничения на длину строки, с нашей точки зрения, являются не более внешним – и не менее значимым – фактором развития, чем физиологические ограничения на объем легких. Пространственные границы материальных объектов, выступающих носителями письменной информации, разумеется, имеют внешний характер по отношению к самим участникам коммуникации (в отличие, скажем, от особенностей зрительного восприятия), но оттого играют не менее важную роль в процессах порождения и анализа текста. Это неотъемлемая часть тех условий, в которых функционирует и развивается письменный язык, и заведомо исключать результаты действия этих факторов из рассмотрения – значит неоправданно снижать полноту анализа[5]. Но избыточно фоноцентричные взгляды в сочетании с привычным мышлением устно-письменными парадигматическими единствами сильно препятствуют изучению столь специфических явлений письменного языка.

Исследователи пунктуации в редких случаях все же обращают внимание на эти явления. В модели порождения (графического воплощения) письменной речи, предложенной в упомянутой монографии [4. С. 51–52], предусмотрены особые «правила заливки», которые регулируют размещение на плоскости предварительно сформированной линейной текстовой цепочки. Соответственно при обсуждении запятой в английском языке автор замечает: «Для всех последующих задач, вроде разбиения на строки, запятая рассматривается как неотделимая часть того слова, к которому она примыкает» [Там же. С. 58]. В следующем примере запятая на левой границе парентезы рассматривается Нанбергом в качестве ее пограничного структурного компонента (ср. с выделением двойных запятых в русистике):

John, who had seen the movie, left early. (2)

Мы можем наблюдать, как языковая единица (запятая), неспособная самостоятельно образовывать некий формальный квант (внимание Нанберга, естественно, прежде всего обращено на графические слова – фрагменты текста, ограниченные пробелами; но запятая также не может изолированно составлять и строку), объединяется с соседней, в этом отношении более самостоятельной, причем такое поведение может нетривиальным образом соотноситься с содержательной (в частности, структурно-синтаксической) организацией текста. В данном случае именно необычное сочетание свойств – «примыкания» к левому контексту и синтаксической принадлежности к правому – заставляет Нанберга задуматься о клитическом статусе английской запятой. Но для обсуждения подобных вопросов требуется предварительно определить, что есть это «примыкание» как лингвистически значимый феномен. При этом нужно учитывать, что письменный японский и другие языки могут иметь свои особенности: в японском, например, совсем по-другому используются пробелы.

В контексте последнего примера стоит заметить, что едва ли можно мотивировать отказ от лингвистического изучения графических слов или строк и, соответственно, формального поведения знаков препинания на их границах тем соображением, что эти явления не связаны (или не связаны неким «правильным» образом) со значением пунктуационных показателей и вообще смыслом текста[6]. Со своей стороны, мы видим столь же мало оснований отказывать в языковой значимости феноменам типа фонетических слов или слогов и по этой причине игнорировать их в исторических и синхронных исследованиях. Как показывают случаи типа (2), и в письменном языке взаимодействие разных аспектов формального членения и грамматической структуры не всегда выражается в их полной и прозрачной синхронизации. Не следует ожидать, что графические и грамматические границы

будут непременно совпадать друг с другом. Такие несоответствия только напоминают о том, что идеализированные представления о речевом потоке как о дискретной последовательности двуплановых единиц, выделенных на сравнительно простых формальных основаниях в условиях синтагматического изоморфизма планов выражения и содержания, имеют свои границы применимости.

В данной статье предполагается рассмотреть только те аспекты графической связности в японском языке, которые систематически освещаются в специальной литературе и уже могут считаться достаточно стандартизованными, а именно поведение при обрыве строки и конфигурацию примыкающего пустого пространства. Поведение конкретных знаков препинания и других символов в отношении этих двух аспектов в деталях описывается на страницах популярных справочников [11], в специальных руководствах, адресованных профессиональным редакторам и типографам [12], а также в тексте японского промышленного стандарта JIS X 4051 «Методы верстки текстов на японском языке» [16]. Такие описания сложившихся норм графического оформления могут варьировать по охвату материала, степени категоричности тех или иных требований, но в целом довольно хорошо согласуются друг с другом в части поведения основных знаков. Эти базовые нормы по умолчанию распространяются на любые употребления соответствующих графем и отражаются на свойствах всех единиц, записываемых с их помощью, характеризуя формальные (графические) связи пунктуационных показателей.

Ориентируясь на решение заявленной в начале раздела проблемы, мы сосредоточимся на изучении именно указанных аспектов графики, имея в виду, что полное описание линейно-синтагматического статуса, принимающее во внимание, помимо особенностей графического означающего, и множество семантико-синтаксических свойств знаков препинания, может стать целью более масштабного исследования.

Поведение при обрыве строки. В основе этого аспекта графической связности лежит естественное квантование потока письменной речи, прежде всего обусловленное физическими ограничениями материального носителя информации – объекта типа листа бумаги. В японской письменной традиции, где сосуществуют горизонтальное и вертикальное письмо, это может проявляться в форме деления текста на строки или столбцы[7]. (Далее говорим только о строках, подразумевая, что сказанное тривиальным образом переносится на ситуацию вертикального письма, если специально не оговорено иное.)

В процессе развития письменного языка были выработаны особые приемы эффективного использования двумерного пространства носителя письменной информации, которые находят только частичную аналогию в использовании единственного временного измерения в условиях устной речи. Удачным решением оказалось четкое противопоставление двух взаимно перпендикулярных осей развертывания письменного дискурса – главной, которая определяет расположение более дробных графических единиц внутри строки, и второстепенной, которая определяет расположение самих строк относительно друг друга[8]. Такая оппозиция фактически позволяет кардинальным образом «линеаризовать» заполнение плоскости, при порождении речи попеременно продвигаясь по разным осям с образованием разных типов формальных квантов. Замечательным образом это открывает путь для адаптации к письменному материалу лингвистического аппарата, разработанного для анализа синтагматического поведения внутри линейной речевой последовательности[9].

Если возможности перемещения по главной оси исчерпаны, намерение продолжить речепроизводство вынуждает пишущего принять меры к восполнению пространственного ресурса (включающие, помимо прочего, и новый шаг по второстепенной оси, знаменующий формирование очередного кванта-строки). Это и приводит к тому явлению, которое мы называем обрывом строки. Кроме того, возможно и невынужденное завершение строки в конце абзаца, до полного исчерпания ресурса, когда обрыв строки теряет характер чисто «технической» границы и интегрируется в языковую систему в качестве значимого сигнала.

В условиях оппозиции двух осей выработались и некоторые нормы, регулирующие употребление таких специфических средств письменного языка, как знаки препинания. Именно пунктуационные показатели, как свидетельствуют описания, проявляют особенную чувствительность к строковым границам; даже если некоторый знак обнаруживает относительную самостоятельность, показательным оказывается сам факт непременного обсуждения его особенностей в специальной литературе.

Японские правила переноса в целом носят весьма свободный характер: они не связаны с положением морфемных границ и практически не затрагивают размещения иероглифов и знаков слоговых азбук. Функционирование строки как некой графической составляющей проявляется, главным образом, во влиянии на пунктуацию; и даже эти ограниченные проявления не всегда были абсолютной нормой в японском языке. В сохранившихся рукописных черновиках Нацумэ Сосэки, относящихся к началу XX в., этот классический автор еще довольно часто помещает завершающую предложение круглую точку в начало столбца, отрывая ее от преконтекста [17. С. 32–35]. О постепенном закреплении запрета на перенос в более поздних рукописях писателя можно судить по наблюдаемым отклонениям от обычного режима использования пространственного ресурса, необходимого для речепроизводства, в конце формального кванта-столбца: чтобы вместить точку, автору приходится локально уплотнять текст. Даже такие, с точки зрения современного европейца, совершенно незыблемые ограничения распространились и утвердились в языке не сразу, и правила такого рода продолжают эволюционировать до сих пор. Если идиолект Сосэки мог впоследствии измениться под давлением доступной ему печатной продукции, в том числе графического оформления его же прижизненных изданий [Там же. С. 34–35], то в наше время на речевое поведение носителей и общее развитие графических норм в этой области все больше влияния оказывает электронный дискурс[10].

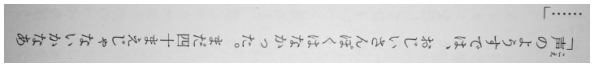
В японском языке поведение знаков препинания на границах строк определяется правилами 分割可能性 *bunkatsu kanoosei* букв. ‘возможность разделения’, которые могут принимать форму запрета на расположение знака в абсолютном начале строки (行頭禁止 *gyootoo kinshi*) или в абсолютном конце строки (行末禁止 *gyoomatsu kinshi*). В табл. 2, объединяющей данные [11, 12, 16], представлены ограничения, которые уже достаточно прочно закрепились в современном языке.

Таблица 2

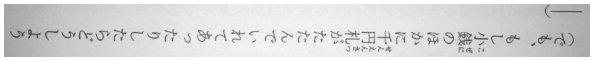
Поведение знаков препинания при обрыве строки

Не употребляются в начале строки	、。，．・！？：；）」』
Не употребляются в конце строки	（「『

Многоточие и тире свободно переносятся на новую строку или остаются в конце строки, отрываясь от правого или левого контекста (имеются только ограничения на разрыв самих двухграфемных последовательностей …… и ——). Это означает, что в японском всю последнюю строку абзаца целиком может составлять завершающее предложение многоточие или тире, обычно вместе с точкой или другим заключительным знаком:


(3)

«Судя по голосу, на старика это не было похоже. Думаю, ему еще и сорока нет…» [18. С. 17].


(4)

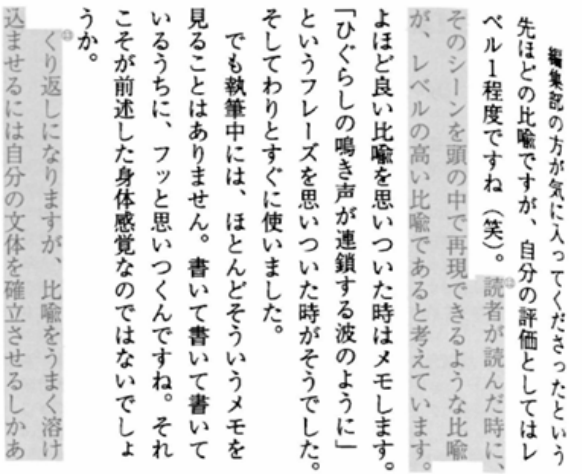
«А что, если там вместе с монетами, к примеру, засунуты тысячеиеновые купюры…» [Там же. С. 133].

Употребление на границах строк тильды 〜 и знака равенства ＝ пока тоже не связано жесткими нормативными ограничениями отчасти потому, что эти знаки относятся к менее стандартизованной периферии японской пунктуации. Вместе с тем двоеточие и особенно точка с запятой в действительности почти не используются в японских текстах (показательно, что в тематическом сборнике [6] они не обсуждаются вовсе), и в этом случае справочники скорее согласованно воспроизводят устойчивые запреты, сложившиеся в западной письменности.

Стоит также добавить, что строгие нормы еще не утвердились и в отношении классификаторов типа ＄ или ％, обсуждавшихся выше, но в целом имеется сильная тенденция не разрывать компоненты квантификатора (＄１０ или ２０％) строковой границей [11. С. 267; 12. С. 27; 16. С. 49–50]. По выражению авторов справочника [11. С. 267], «становится правилом обрабатывать такие сочетания как единое целое».

Таким образом, пунктуационные показатели, которые не употребляются в начале строки и при этом встречаются в конце, с точки зрения этого аспекта графической связности можно охарактеризовать как формально (графически) примыкающие к преконтексту. Аналогично, знаки препинания, которые могут стоять в начале, но не в конце строки, формально примыкают к постконтексту.

Действие указанных правил приводит к особенно выразительному результату в случаях, когда знаки препинания выносятся за линию набора, на поля (так называемая «висячая пунктуация»):


(5)

Более того, в данном примере (фрагмент книги [19. С. 519]) точка и запятая охватываются цветовым выделением, которое вслед за ними тоже выходит за линию набора. Распространение супрасегментных признаков типа цвета, начертания – еще один аспект графической связности, обсуждение которого мы выносим за рамки этой статьи.

В иных стилях оформления подобные ограничения влекут за собой необходимость сжатия или разрежения соответствующих строк, т.е. изменения межсимвольных интервалов. Речь об этом явлении пойдет в следующем разделе.

Конфигурация пустого пространства. Пустое пространство, которое сопровождает японские знаки препинания, не ассоциируется с отдельной нематериальной графемой (пробелом) в том смысле, в каком это делается, например, в русском. Самостоятельная графема-пробел (空白 kuuhaku, スペース supeesu) в японском языке имеет употребление, отличное от европейского и существенно более периферийное, и потому японское письмо традиционно считается беспробельным. Такой пробел, например, может маркировать начало абзаца, формируя абзацный отступ, или отделять друг от друга имя и фамилию [5. С. 68; 20. С. 111]. Если пробел-supeesu иногда рассматривают как особый знак препинания, то увеличенные межсимвольные интервалы (空き, アキ aki ‘пустота’) при знаках препинания, получающих материальное выражение, таким статусом наделять не принято.

Наряду с требованиями по увеличению межсимвольных интервалов, японские руководства также содержат явные указания располагать те или иные единицы вплотную друг к другу, оставляя минимум открытого пространства между ними. Такое размещение расценивается как отсутствие межсимвольного интервала и описывается термином ベタ組み *betagumi* ‘плотный набор’ [12. С. 79; 16. С. 8].

Таким образом, при изучении одного и того же аспекта функционирования пунктуационных знаков в европейских языках типа русского приходится в основном рассматривать положение примыкающей нематериальной графемы, тогда как в японском – скорее анализировать поведение самой пунктуационной единицы. Поэтому в общем случае мы предпочитаем говорить о конфигурации пустого пространства, примыкающего к знакам препинания, и отделении их этим пространством от контекста.

К тому же аспекту графической связности мы относим и возможности изменения межсимвольного интервала при разрежении строки – прежде всего в целях подгонки ее длины к установленной ширине полосы после набора основных печатных символов, т.е. особенности типографской процедуры 延ばし処理 *nobashi shori* – ‘обработки [строк] растяжением’ (см. [16. С. 13–14, 51–52]). Обратная процедура – сжатие, уплотнение строки – носит название 詰め処理 *tsume shori.* С точки зрения этих операций более или менее тесная графическая связь между двумя единицами письменного языка проявляется в запрете на увеличение межсимвольного интервала между ними, в пропорциональном изменении изначально увеличенных интервалов.

Таблица 3, основанная на данных [12, 16], описывает особые японские нормы для межсимвольных интервалов. Как и в случае со специфическим поведением на границах строк, это явление в первую очередь затрагивает именно знаки препинания, отличая их от прочих (вербальных) единиц письменного японского языка, записываемых при помощи непунктуационных графем.

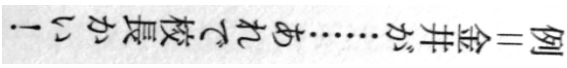
Таблица 3

Конфигурация пустого пространства при знаках препинания

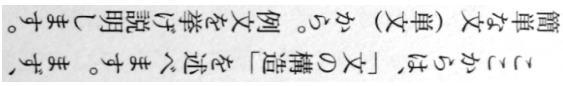
Половинный интервал справа, без интервала слева	、。，．）」』
Четвертные интервалы справа и слева	・：；
Половинный интервал слева, без интервала справа	（「『

К данным табл. 3 стоит добавить, что и вопросительный, и восклицательный знаки в разных употреблениях часто сопровождаются пустым пространством справа (интервал может быть равен половине или целой ширине символа) и при этом набираются вплотную к преконтексту (*betagumi*) [11. С. 30, 34; 12. С. 9–10] (ср. также: [13. С. 244]). Кроме того, в руководствах встречаются эксплицитные требования набирать препозиционные ($) и постпозиционные (%) классификаторы вплотную к числу, причем после % допускается и четвертной интервал [12. С. 27–28]. В случае с двоеточием и точкой с запятой, как пояснялось выше, справочники не столько описывают актуальное явление японского языка, сколько подражают западным источникам в утверждении нормы как таковой. В европейской письменности для этих двух знаков известно не только привычное носителю русского языка употребление с пробелом справа, но и оформление, описанное в справочнике [11. С. 27, 29] как «интервал шириной в четверть символа слева и шириной в треть справа», а также похожее симметричное расположение; подобный стандарт и мог послужить прототипом в период своего большего распространения. При тире, многоточии, тильде и знаке равенства специального увеличения межсимвольных интервалов не требуется.

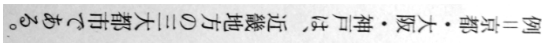
Чтобы помочь читателю составить визуальное представление о том, как распределяется пустое пространство при разных знаках, приведем несколько показательных фрагментов из пособия [21]:


(6)

Пример: Канаи… тоже мне, директор школы! [Там же. С. 45]


(7)

Теперь мы расскажем о «структуре предложения». Начнем с простых предложений. Будем объяснять, приводя примеры [Там же. С. 145].


(8)

Пример: Токио, Осака и Кобэ – три крупных города региона Кинки [Там же. С. 146].

Размещение пробела или увеличение интервала только с одной стороны от единицы письменного языка создает выраженную визуальную асимметрию, характеризующую формальные связи этой единицы. В условиях асимметричной картины расположения пустого пространства одни знаки препинания формально (графически) объединяются с преконтекстом, другие – с постконтекстом. Симметричное поведение срединной точки ・ может связываться с симметрией положения этого знака относительно середины строки (см. аналогичное поведение двоеточия и точки с запятой в табл. 3, а также японского многоточия, тире и других «продольных» знаков) или же объясняться иконическим выражением симметричности содержательных отношений между правым и левым контекстом: одно из основных употреблений срединной точки – в записи сочинительного союза, разделяющего члены сочиненных именных последовательностей типа 性・数・格 ‘род, число, падеж’. Вопрос о роли разных факторов требует специального изучения.

Таким образом, наблюдаемое на японском материале отношение между двумя аспектами графической связности можно описывать импликативно: если некоторый знак характеризуется асимметрией сопутствующих межсимвольных интервалов, то он обязательно обнаруживает то же направление графической связи и в своем поведении при обрыве строки. Обратное может быть и неверным, как в случае со срединной точкой, но, что важно, не отмечается конфликтов между направлениями связи, установленными по разным критериям. В таком случае асимметричная конфигурация пустого пространства выглядит признаком более тесной графической связи, чем запрет на перенос, и при этом, возможно, вторичным по отношению к нему явлением. Учитывая становление современной

японской пунктуации под определяющим западным влиянием, формирование этой особенности естественно связывать с историей европейской письменности и развитием в ней феномена графического слова[11].

Некоторые тенденции в графическом поведении знаков препинания

Выше мы рассмотрели два аспекта графической связности – поведение при обрыве строки и конфигурацию примыкающего пустого пространства. По-видимому, чувствительность к этим аспектам следует считать важной отличительной чертой пунктуационных показателей, проявлением их пониженной синтагматической самостоятельности. Имея разную природу, эти свойства, тем не менее, хорошо согласуются друг с другом в характеристике формальных связей знаков препинания, в определении их графического примыкания к преконтексту или постконтексту. Употребление пунктуационных показателей в потоке письменной речи – это не только их размещение в нужной позиции в последовательности текстовых элементов, но и определенная степень формальной (графической) интеграции с контекстом. Обобщая изученный материал, можно отметить две выраженные тенденции, имеющие перспективы дальнейшего исследования.

Графическое поведение и форма знака. Первое из примечательных наблюдений связано с традиционным разделением японских знаков препинания на три группы (табл. 4).

Таблица 4

Классификация основных японских знаков препинания в справочнике [11. С. 9, 47, 73]

Разделительные знаки くぎり符号 *kugiri fugoo*	、。，．・！？：；
Соединительные знаки つなぎ符号 *tsunagi fugoo*	—…～＝
Парные знаки 括弧 *kakko*	（） 「」 『』

В изложении авторов справочника [11] предлагаемая классификация[12] по каким-то причинам не получает удовлетворительного эксплицитного обоснования. В частности, в основу оппозиции «разделительных» и «соединительных» знаков положено ровно то соображение, что первые служат для отделения текстовых единиц друг от друга, а вторые, напротив, выполняют задачу по их объединению в более крупные единицы [Там же. С. 9, 47]. Причина столь разного взгляда на функционал двух классов знаков препинания не раскрывается (почему, например, считается, что запятая между однородными членами не соединяет, а отделяет их друг от друга?), так что классификация, по сути, все еще остается интуитивно-априорной в своей основе.

Между тем кажется довольно очевидной связь между формой знака и его включением в одну из групп. Прежде всего, пропорции соединительных знаков вытянуты вдоль главной оси развертывания письменного дискурса. В отличие от иероглифов и знаков слоговых азбук, служащих для записи непунктуационных единиц, в условиях вертикального письма знаки этой группы поворачиваются с сохранением ориентации – хотя бы и могли, при всей своей ресурсоемкости, уместиться по ширине столбца. Этот объективный тест, доступный на японском материале, свидетельствует об особой значимости данной графической характеристики, привязанной к направлению письма[13]. Напротив, парные знаки представляют собой симметричные пары символов, в основном ориентированных перпендикулярно главной оси, причем при вертикальном письме такая ориентация сохраняется (по-особому ведут себя некоторые виды европейских кавычек). Разделительные знаки тоже ориентированы перпендикулярно этой оси или же не имеют выраженной ориентации; поворот при переходе к вертикальному письму для японских знаков этой группы в целом не характерен (поворачивается маргинальное двоеточие и поперечные разделительные черты ｜ и ‖), но точки и запятые смещаются к правому нижнему углу предшествующего знака. Весьма показателен форзац справочника [24], где автор посчитал нужным отразить обязательный поворот соединительных и парных знаков японской пунктуации, попарно приводя сразу оба варианта начертания. Поэтому с нашей стороны, во всяком случае, больше понимания вызвало бы, например, прямое утверждение о том, что «продольная» форма сама по себе иконически ассоциируется с идеей соединения и непрерывности, а «поперечная» – с идеей ограничения и разрыва.

В то же время, как можно заметить, изложенные в статье японские графические нормы формально прикрепляют разделительные и закрывающие парные знаки к преконтексту, а открывающие парные – к постконтексту. Напротив, соединительные знаки и, соответственно, записанные с их помощью пунктуационные показатели отличаются относительной свободой. Следует, впрочем, признать, что стройная картина корреляции между формой знака и его графическим поведением несколько размывается на пунктуационной периферии – возможно, в этом сказывается фактор ресурсоемкости (протяженности) единицы как таковой. Так или иначе тильда и знак равенства (а также не обсуждавшиеся в статье и еще менее освоенные в японском языке «продольные» знаки – дефисы, иногда менее протяженные виды тире) все же нерегулярно характеризуются запретом на размещение в начале строки, тем самым графически прикрепляясь к преконтексту и теряя часть синтагматической свободы [11. С. 47; 12. С. 5; 16. С. 49]. Помимо прочего, в условиях традиционного представления о пунктуации как о едином графическом явлении здесь можно усматривать влияние других знаков препинания и постепенное подчинение еще одной тенденции, характерной для пунктуационных показателей.

Знаки препинания в линейных иерархиях. При знакомстве с предметной областью сразу же обращает на себя внимание отчетливое преобладание знаков препинания, формально примыкающих к преконтексту. Самые частотные знаки – точки и запятые, составляющие прототипическое ядро японской пунктуации, – обнаруживают именно такое поведение. При этом остается открытым вопрос: следует ли рассматривать эту тенденцию как чисто графический феномен или же нахо-

дить в ней и грамматическую подоплеку, т.е. ставить ли в один ряд с сугубо формальными правилами линейного порядка типа закона открытого слога или, например, с тенденциями в области морфологической структуры слова типа преобладания суффиксации над префиксацией. Если знаки препинания не просто графически тяготеют к преконтексту, но при этом и понимаются как обозначение конца определенных структурных единиц (ставятся именно после них, а не в начале соседних), по-видимому, можно говорить о том, что их постпозитивность имеет не только формальную, но и структурно-синтаксическую природу. При изучении пунктуации нужно все так же принимать во внимание, что линейная организация речевого потока и поведение отдельных его элементов может определяться сложным взаимодействием разного рода формальных и содержательных факторов. В качестве примера здесь уместно указать на линейное расположение канонических клитик, которое может регулироваться сразу целым комплексом грамматических и фонологических условий [8. С. 216–217]. Примечательно, что Нанберг, сопоставляя знаки препинания с клитиками, в то же время сравнивает «перестановку» закрывающих кавычек с точками или запятыми, практикуемую в американском английском, с фонетической метатезой[14] [4. С. 76–78].

На японском материале тесную сопряженность графической и грамматической структуры можно наблюдать, обратившись к особенностям функционального распределения иероглифики и знаков слогового письма. В японском, как известно, издавна получила развитие тенденция использовать иероглифы китайского происхождения (позднее также знаки слоговой азбуки катаканы) для записи знаменательных основ, а специфические грамматические элементы, лишенные подходящих иероглифов, передавать с помощью местных слоговых азбук (в этой функции утвердилась хирагана). Наиболее строго такое распределение соблюдалось в первой половине XX в., после чего было во многом нарушено – но все еще продолжает играть ключевую роль в японской письменности, компенсируя отсутствие пробелов [25. С. 27–28, 61–62]. В тех случаях, когда грамматикализованные лексемы сохраняют прозрачные знаменательные аналоги, первые полагается записывать одной хираганой и только для вторых применяется иероглифика [20. С. 124]. Постпозитивный характер японских служебных показателей предопределил главный принцип линейного членения текста: в записи синтаксемы-*бунсэцу*, как правило, хирагана следует правее иероглифики (или катаканы). Устройство современного языка, по всей видимости, достаточно близко к тому, чтобы справа в эту иерархию линейного порядка можно было добавить знаки препинания[15].

Стоит отметить, что такой способ линейной организации письменной речи не составляет собственно японской экзотики – тот же принцип членения текста без помощи пробела регулярно применяется и в европейской письменности. При размещении пунктуационного показателя вплотную к непунктуационной (вербальной) единице их разграничение обеспечивается прежде всего графическим противопоставлением букв и знаков препинания как единиц разных классов. При этом формальные (графические) связи, объединяющие знаки препинания преимущественно с левым контекстом, могли формироваться и в условиях беспробельного письма, закладывая основы той линейной иерархии, которая определяет структуру современного графического слова. Включение в эту иерархию самого пробела – отдельный сложный вопрос, который мы оставляем за рамками данной статьи, более ориентированной на анализ японского материала.

Таким образом, знаки препинания встраиваются в письменную речь, подчиняясь определенным тенденциям в синтагматическом упорядочении единиц разных классов – как минимум в организации разнородных элементов графического означающего. Отмеченные выше закономерности в области линейного порядка приближают структуру текста к последовательности сегментов, которые строятся по единым иерархическим правилам и могут только ограниченно варьировать по составу. Можно сказать, что подобные линейные иерархии позволяют отсчитывать расстояние до границ выделенных на их основе сегментов, задавая своеобразный графический ритм, и в результате естественная неоднородность речевого потока приобретает упорядоченный характер.

Заключение

Мы в полной мере сознаем, что невозможен механический, буквальный перенос готовых инструментов лингвистического анализа с устного на письменный материал – будь то понятие клитики или фонетической связности в рамках означающего. Единицы письменного и устного языка – это объекты разной природы, и условия их функционирования значительно различаются. Поэтому при их сопоставлении нельзя ожидать абсолютно точного отображения свойств. Тем не менее, отталкиваясь от развитых фоноцентричных представлений, можно выработать более универсальные приемы описания, применимые к более широкому кругу языковых явлений, адаптированные к разным типам знаковых систем. Настоящая статья, ориентированная на решение этой задачи, придает характер лингвистически значимых явлений тем феноменам письменного языка, которые прежде никогда не привлекались для изучения вопросов линейно-синтагматического статуса.

Рассмотренные в статье языковые факты сами по себе хорошо известны и давно систематизированы, но не в рамках научных работ по теории пунктуации и без необходимого лингвистического анализа. Текущее состояние проблемной области потребовало от нас решения особой задачи – предваряя переход к конкретным знакам и правилам, тщательно обосновать статус обсуждаемых явлений как объекта лингвистических исследований и подготовить почву для их интерпретации. В результате изучение этих графических явлений было интегрировано в соответствующий общелингвистический контекст, представленный, в частности, фрагментами работ [8. С. 157–239; 9. С. 18–35]. В настоящей статье знаки препинания впервые утверждаются в качестве объекта морфоло-

гии и рассматриваются непосредственно в контексте одной из центральных морфологических проблем.

Опираясь на теоретический аппарат, построенный вокруг понятия «графическая связность», мы сделали ряд заключительных наблюдений, которые касаются корреляции между графическим поведением и формой знака, а также положения знаков препинания в линейных иерархиях, обеспечивающих графическое членение текста. Новые работы в этих направлениях могут представлять особый интерес для изучения пунктуации и письменного языка в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В монографии [3. С. 120] – при описании пунктуации как средства «проявления» синтаксической структуры – встречаем следующую емкую формулировку: «Знаки препинания представляют собой специализированные на предмет членения текста графемы».

[2] Вслед за авторами сборника [6] мы объединяем группу функционально очень близких и графически с трудом различимых знаков: знак равенства, полноширинное двойное тире, половинное двойное тире и двойной дефис (о различиях и практическом смешении см. [11]).

[3] Но и такие случаи оставляют ограниченные возможности для анализа синтагматического поведения языковой единицы и степени его самостоятельности – в рамках явлений и свойств, релевантных для графического уровня.

[4] Информация о границах строк и страниц оказалась проигнорированной в разметке корпуса [14], делая анализ соответствующих аспектов письменного японского языка невозможным.

[5] Довольно типичным проявлением предвзятого отношения к реалиям письменного языка выглядит требование абсолютной точности и универсальности от орфографического критерия выделения словоформ в курсе [8. С. 198–199] – в особенности на фоне демонстрируемого подхода к фонетическому членению и общей рассогласованности прочих критериев.

[6] Вероятно, ту же природу и некоторые сходные эффекты имеет и постраничное квантование текста, которое в данной статье специально не обсуждается.

[7] Оппозиция двух осей может циклически воспроизводиться на разных уровнях графической организации: горизонтальные строки объединяются в вертикальные колонки, колонки – в горизонтальные ряды и т.д. Для изучения пунктуации в основном актуальны уровни до строки.

[8] Разумеется, с дальнейшим углублением в специфику письменного языка и повышением внимания к явлениям, в той или иной мере эксплуатирующим естественную двумерность, вместо линейной текстовой цепочки требуется рассматривать уже некую синтагматическую плоскость. В данной статье мы только испытываем возможности упрощенного линеаризованного представления, приближающего письмо к устной речи.

[9] Нужно иметь в виду, что настройки популярных текстовых редакторов, особенности шрифтов и подобные параметры сами по себе являются только текущим результатом длительной эволюции письменного языка; они по-прежнему могут в той или иной мере модифицироваться пользователями, а их альтернативные варианты продолжают конкурировать друг с другом.

[10] В плане возможной согласованности разных видов формального членения сравните идеи ограничивать состав слоговой финали и инициали фонетическими последовательностями, допустимыми на границах слова [22. С. 322].

[11] Авторами оговорено, что тире и многоточие тоже носят характер «разделительных знаков», но в группу «соединительных знаков» они включены «ради удобства» [11. С. 9] (далее упоминается и сходство формы [11. С. 47]).

[12] Примечательно, что такую же чувствительность к направлению главной оси развертывания дискурса приобрел и японский знак долготы ー, изначально ею не обладавший [23. С. 70–71].

[13] Мы полагаем, что в формировании таких иерархий, в особенности конфликтующих с соображениями семантико-синтаксического характера, важную роль может играть порядок появления и распространения знаков в письменном языке: новый элемент размещается таким образом, чтобы не нарушать уже сложившегося единства. В этом плане также заслуживает изучения известное в ряде языков «нелогичное» расположение знака сноски или тире относительно других знаков.

[14] Имеется достаточное число исключений и сложных случаев, при анализе которых требуется учитывать не только европейские, но и в большей степени дальневосточные (китайские) традиции графической организации текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зверев А.С. Знаки препинания конца предложения как заключительные частицы письменного японского языка // Вопросы языкознания. 2014. № 6. С. 92–110.
2. Шапиро А.Б. Современный русский язык. Пунктуация. М. : Изд-во АН СССР, 1955.
3. Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М. : Наука, 1988.
4. Nunberg G. The Linguistics of Punctuation. Stanford : Center for the Study of Language and Information, 1990.
5. Шаляпина З.М. Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей. М. : Вост. лит., 2007.
6. Данилов А.Ю., Сыромятников Н.А. Японский язык. Пунктуация, знаки повтора, вспомогательные пометы. М. : Муравей-Гайд, 2001.
7. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–22.
8. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. М. : Прогресс, ЯРК ; Вена : WSA. Т. 1.
9. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М. : УРСС, 2000.
10. Зверев А.С. Системоцентризм и антропоцентризм в изучении пунктуации: в поисках объективных критериев выделения знаков препинания // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию чл.-кор. РАН В.М. Алпатова : труды науч. конф. М. : ИВ РАН, 2016. С. 136–144.
11. 句読点、記号・符号活用辞典. Kutooten kigoo fugoo katsuyoo jiten [Практический справочник по употреблению пунктуации, специальных знаков и символов]. Tokyo : Shoogakukan, 2007.
12. 日本語エディタースクール. Nihongo editaa sukuuru. 文字の組方ルールブック——ヨコ組編. Moji no kumikata ruuru bukku – yokogumi hen [Руководство по верстке текстов. Горизонтальное письмо]. Tokyo : Seikoosha, 2009.
13. 秋月高太郎 Akizuki Kootaroo. 日本語ヴィジュアル系——あたらしいにほんごのかきかた. Nihongo vijuaru kei – atarashii nihongo no kakikata [Визуальный стиль в японском языке – новое японское письмо]. Tokyo : Kadokawa, 2009.
14. 現代日本語書き言葉均衡コーパス（中納言）. Gendai nihongo kakikotoba kinkoo koopasu (Chuunagon). Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ) [Сбалансированный корпус современного письменного японского языка]. URL: https://chunagon.ninjal.ac.jp
15. Jones B. What's the Point? A (Computational) Theory of Punctuation. PhD thesis. University of Edinburgh, 1996.
16. 日本語文書の組版方法. Nihongo bunsho no kumihan hoohoo. Formatting rules for Japanese documents (JIS X 4051) [Методы верстки текстов на японском языке]. Tokyo : Japanese Industrial Standards Committee, 2004.
17. 今野真二 Konno Shinji. 百年前の日本語——書きことばが揺れた時代. Hyakunenmae no nihongo – kakikotoba ga yureta jidai [Японский сто лет назад: время потрясений для письменного языка]. Tokyo : Iwanami, 2012.

18. 木暮正夫 Kogure Masao. 三ちょうめのおばけ事件. Sanchoome no obake jiken [Случай с привидениями в третьем квартале]. Tokyo : Iwasaki, 1996.
19. 日本推理作家協会. Nihon suiri sakka kyookai. ミステリーの書き方. Misuterii no kakikata [Как писать детективы]. Tokyo : Gentoosha, 2015.
20. Маевский Е.В. Графическая стилистика японского языка. М. : Муравей-Гайд, 2000.
21. 大類雅敏 Oorui Masatoshi. いい文章　うまい書き方. Ii bunshoo Umai kakikata [Хороший стиль. Умелое написание]. Tokyo : Ikeda, 1996.
22. Курилович Е. Заметки о группах согласных в польском языке // Очерки по лингвистике. М. : Изд-во иностр. Лит-ры, 1962. С. 308–323.
23. Судо К. Японская письменность от истоков до наших дней. М. : АСТ, 2006.
24. 大類雅敏 Oorui Masatoshi. 句読点活用辞典. Kutooten katsuyoo jiten [Практический справочник по употреблению пунктуации]. Tokyo : Eikoo, 2006.
25. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. М. : Наталис, 2008. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 сентября 2017 г.

THE GRAPHIC COHERENCE: STUDYING THE SYNTAGMATIC STATUS OF JAPANESE PUNCTUATION MARKERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 27–38.
DOI: 10.17223/15617793/426/3

Aleksey S. Zverev, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: zvereval@inbox.ru

Keywords: punctuation; graphics; syntagmatic status; clitic; syntagmatic autonomy; Japanese.

The generally accepted approach to punctuation marks has always tended to treat it mostly as graphemes, being characterized by a rather limited use of the conventional apparatus of grammatical analysis. One of the many unexplored issues is the syntagmatic status of punctuation units, i.e. their position on the scale from bound morphemes to free word-forms (the scale of syntagmatic independence). As far as the status of non-punctuational language units is concerned, this field is well-elaborated within word-oriented morphology, by scholars seeking to identify the defining syntagmatic properties of the word. Simple observations suggest that punctuation markers do vary significantly in their syntagmatic autonomy. However, the theoretical tools and methods developed by traditionally phonocentric linguistics cannot always be applied to written phenomena to describe such differences and analyse them in a proper way. Thus, the important criterion of phonetic coherence is fundamentally inapplicable to the language system which has its signifiers composed of a non-acoustic substance. The present paper aims to compensate for this theoretical gap, adapting the traditional approach to the issues of syntagmatic boundness, and introduces the concept "graphic coherence", which is specifically relevant to the written language. The study was undertaken to devise a general framework in which the essentially formal, even technical, aspects of punctuation could be viewed as an object of linguistic interest. The research deals with the modern Japanese language and covers the core of its punctuation system as well as a large number of other marks in the periphery. The paper discusses two basic aspects of graphic coherence in detail, namely line breaking rules and blank space configuration. Each punctuation mark is characterised by both parameters. One remarkable result that emerged from the comparison among the marks is a sort of hierarchical relationship between the two aspects. It is noted that the asymmetrical spacing established for a particular mark implies that this mark cannot be separated from the context by a line break, while the opposite is not necessarily true, so the former feature seems to be associated with a more bound status. In an additional section some further observations are made regarding the correlation between the shape and graphic behaviour of punctuation marks, as well as their position in the linear hierarchies that determine the graphic segmentation of a written text.

REFERENCES

1. Zverev, A.S. (2014) Znaki prepinaniya kontsa predlozheniya kak zaklyuchitel'nye chastitsy pis'mennogo yaponskogo yazyka [Punctuation marks at the end of the sentence as final particles of the written Japanese language]. *Voprosy yazykoznaniya.* 6. pp. 92–110.
2. Shapiro, A.B. (1955) *Sovremennyy russkiy yazyk. Punktuatsiya* [The modern Russian language. Punctuation]. Moscow: USSR AS.
3. Shvartskopf, B.S. (1988) *Sovremennaya russkaya punktuatsiya: sistema i ee funktsionirovanie* [Modern Russian punctuation: the system and its functioning]. Moscow: Nauka.
4. Nunberg, G. (1990) *The Linguistics of Punctuation*. Stanford: Center for the Study of Language and Information.
5. Shalyapina, Z.M. (2007) *Trekhmernaya stratifikatsionnaya model' yazyka i ego funktsionirovaniya: k obshchey teorii lingvisticheskikh modeley* [Three-dimensional stratification model of language and its functioning: on the general theory of linguistic models]. Moscow: Vost. lit.
6. Danilov, A.Yu. & Syromyatnikov, N.A. (2001) *Yaponskiy yazyk. Punktuatsiya, znaki povtora, vspomogatel'nye pomety* [Japanese. Punctuation, repetition signs, auxiliary markers]. Moscow: Muravey-Gayd.
7. Kibrik, A.A. (2009) Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of classification of discourses]. *Voprosy yazykoznaniya.* 2. pp. 3–22.
8. Mel'chuk, I.A. (1998) *Kurs obshchey morfologii* [Course of general morphology]. Vol. 1. Moscow: Progress, YaRK; Vienna: WSA.
9. Plungyan, V.A. (2000) *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to the problematics]. Moscow: URSS.
10. Zverev, A.S. (2016) [Systemocentrism and anthropocentrism in the study of punctuation: in search of objective criteria for the allocation of punctuation marks]. *Problemy obshchey i vostokovednoy lingvistiki 2015. Yazyk. Obshchestvo. Istoriya nauki. K 70-letiyu chl.-kor. RAN V.M. Alpatova* [Problems of general and Oriental linguistics 2015. Language. Society. History of science. To the 70th anniversary of the corresponding member of the RAS V.M. Alpatov]. Proceedings of the conference. Moscow: IE RAS. pp. 136–144. (In Russian).
11. 句読点、記号・符号活用辞典 (2007) *Kutooten kigoo fugoo katsuyoo jiten* [A practical guide to the use of punctuation, special characters and symbols]. Tokyo: Shoogakukan .
12. 日本語エディタースクール. (2009) Nihongo editaa sukuuru. Moji no kumikata ruuru bukku – yokogumi hen [Guidelines for the imposition of texts. Horizontal writing]. Tokyo: Seikoosha.
13. Akizuki Kootaroo. (2009) *Nihongo vijuaru kei – atarashii nihongo no kakikata* [Visual style in Japanese – a new Japanese writing]. Tokyo: Kadokawa.
14. 現代日本語書き言葉均衡コーパス（中納言. (n.d.) *Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ)*. [Online] Available from: https://chunagon.ninjal.ac.jp. (In Japanese).
15. Jones, B. (1996) *What's the Point? A (Computational) Theory of Punctuation*. PhD thesis. University of Edinburgh.

16. 日本語文書の組版方法 (2004) *Formatting rules for Japanese documents (JIS X 4051).* Tokyo: Japanese Industrial Standards Committee. (In Japanese).
17. Konno Shinji. (2012) *Hyakunenmae no nihongo – kakikotoba ga yureta jidai* [Japanese one hundred years ago: the time of shocks for the written language]. Tokyo: Iwanami.
18. Kogure Masao. (1996) *Sanchoome no obake jiken* [A case with ghosts in the third quarter]. Tokyo: Iwasaki.
19. 日本推理作家協会 (2015) *Misuterii no kakikata* [How to write detective stories]. Tokyo: Gentoosha.
20. Maevskiy, E.V. (2000) *Graficheskaya stilistika yaponskogo yazyka* [The graphic style of the Japanese language]. Moscow: Muravey-Gayd.
21. Oorui Masatoshi. (1996) *Ii bunshoo Umai kakikata* [Good style. Skilful writing]. Tokyo: Ikeda.
22. Kurilovich, E. (1962) *Ocherki po lingvistike* [Essays on linguistics]. Moscow: Izd-vo inostr. lit-ry. pp. 308–323.
23. Sudo, K. (2006) *Yaponskaya pis'mennost' ot istokov do nashikh dney* [Japanese writing from the origin to our days]. Moscow: AST.
24. Oorui Masatoshi. (2008) *Kutooten katsuyoo jiten* [A practical guide to the use of punctuation]. Tokyo: Eikoo.
25. Alpatov, V.M., Arkad'ev, P.M. & Podlesskaya, V.I. (2008) *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical grammar of the Japanese language]. Vol. 1. Moscow: Natalis.

Received: 24 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 39–46. DOI: 10.17223/15617793/426/4

УДК 81’42, 81'255.2:82-1

С. Корычанкова, Л. Крюкова, Д. Олицкая

ПЕРЦЕПТИВНАЯ КАРТИНА МИРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ О. БРЖЕЗИНЫ «ВЗГЛЯД СМЕРТИ»)

Представлен сопоставительный лингвистический анализ стихотворения «Взгляд смерти» О. Брезжины и его русского и немецкого переводов в перцептивном аспекте. Анализируются трансформации, которые отражают, во-первых, вариативность языковой репрезентации перцептивной картины мира оригинала в переводе, и, во-вторых, индивидуальные особенности ее интерпретации переводчиками, обусловленные эстетическими и лингвистическими факторами. Определяются сдвиги в системе перцептивных образов оригинала в переводах, влияющие на понимание основной идеи произведения.
Ключевые слова: перцептивность; поэтический перевод; художественный образ; символизм; синестезия.

Введение. Чувственное восприятие лежит в основе познания мира, его осмысления и категоризации. Это основной базовый механизм, при помощи которого осуществляется взаимодействие человека с окружающей его действительностью. Анализ языковых средств выражения индивидуально-авторского мировосприятия в художественных текстах является одним из актуальных вопросов сенсорной лингвистики, так как именно высказывания с перцептивной семантикой формируют эмоциональный, тематический, сюжетно-композиционный уровни текста, участвуя в выражении основной идеи произведения. Своеобразие поэтической картины мира заключается в избирательности видения художника и, соответственно, образ «реального» мира, представленный в художественном произведении, есть не что иное, как проявление духовной активности автора.

Информацию о художественной картине мире поэта можно почерпнуть, анализируя типы чувственного восприятия, отраженные в тексте, и связанную с этими особенностями систему тем, мотивов и образов, представленную как в статике (в отдельном произведении), так и в динамике (в творчестве в целом). Перцептивные образы «работают» на общую семантику произведения, объединяя отдельные тексты в метатекст [1. С. 3].

Изучение перцептивной картины мира приобретает особую актуальность в контексте антропоцентрического подхода к поэтическому переводу как творческому акту, в рамках которого автор оригинала и переводчик рассматриваются как две специфические языковые личности, а степень их лингвокогнитивной близости определяет вариативность интерпретации поэтического текста. Сопоставительный аспект, а именно анализ трансформаций, которые претерпевают перцептивные образы оригинала во множественных переводах (особенно на разные языки), становится важным ракурсом наблюдения за универсальностью базовых и многообразием индивидуальных образов.

Целью предлагаемой статьи являются выявление особенностей языкового выражения перцептивной семантики в тексте оригинала и перевода и анализ трансформаций, обусловленных индивидуально-авторским мировосприятием и поэтической традицией. Творческая индивидуальность переводчика проявляется в изменениях, которые претерпевает картина мира оригинального текста, в сдвигах, затрагивающих его систему образов

Гипотеза исследования состоит в том, что именно в зеркале переводческих стратегий наиболее отчетливо отражается специфика перцептивной картины мира. Сопоставительный лингвистический анализ оригинального и переводного текстов позволяет, с одной стороны, приблизиться к сути образа оригинала, а с другой – выявить принципиальные отличия. Неслучайно исследователи и критики поэтических переводов настоятельно подчеркивают огромное значение творческой близости переводчика к автору оригинала в деле создания подлинно высоких образцов переводческого искусства. Яркая индивидуальность отличает, как правило, «переводы поэтов», в то время как профессиональные переводчики менее смелы в обращении с оригиналом, но более кропотливы в его воспроизведении.

Материалом для сопоставительного анализа стали тексты чешского поэта-символиста Отокара Бржезины и переводы его произведений на русский и немецкий языки, сделанные русским поэтом-переводчиком эпохи символизма Константином Бальмонтом и немецким публицистом и переводчиком Паулем Айзнером.

1. Перцептивность поэтической картины мира О. Бржезины.

Отокар Бржезина – один из виднейших представителей чешского символизма, проделавший творческий путь от изображения пессимистических настроений под влиянием Бодлера и Шопенгауэра к восторженному воспеванию слияния земного бытия с мистическим Небесным Царством в преображенной Вселенной.

К. Бальмонт, автор антологии «Душа Чехии в слове и деле», одним из первых в России обратился к творчеству О. Бржезины. В очерке «Поэт кристаллический: Отокар Бржезина» он пишет: «Отокар Бржезина – целый оркестр духовной музыки в мыслительном природном храме, свет его поэзии волнующий и прозрачный, в нем видны такие дали, которые не покажет и полуденное Солнце» [2. С. 439].

Чешский лингвист Й. Филипец справедливо утверждает, что для Бржезины характерна глубокая и всесторонняя чувственность, тесно связанная с мыслительной деятельностью. Исследователь подчеркивает значимость перцептивной составляющей в творчестве поэта: не только слуховой, визуальной и обо-

нятельной, но и вкусовой, и тактильной в духе поэтики Бодлера. От импрессионистских стихотворений с оттенками седого и красного цветов О. Бржезина переходит к комбинированию смысловых впечатлений (перевод с чешского языка фрагментов исследовательских работ в тексте статьи выполнен С. Корычанковой), например в *Motivu z Beethovena*: *Ó pověz, necítíš, / jak noci narkosou* ***dech*** *unaven se úží? / A* ***lehký šumot*** *snů jak letěl kolem nás / a úsměv* ***jasmínů*** *a bázlivý* ***dech růží*** */ do* ***vání křídel*** *svých ze svého šatu třás'?* В *Agonii touhy* для представления ментальной деятельности используются яркие образы, основанные на цветовых, обонятельных и тактильных ощущениях, вербализация осознания происходит посредством синестезии (зрение – слух): *Kdo nadýchal mrazem v má* ***okna a zamlžil čisté zpívání barev****?; a zbytek dne ať ztrávím pohroužen,* ***němý****, ve věčnou* ***hudbu*** *tvých* ***světel*** [3. С. 11].

Смысловая суггестивная образность О. Бржезины тесно связана с обилием синестетических сочетаний. Примером типичного для поэта перцептивного образа может служить первый стих стихотворения *Zpívala*: *Uhasly květy šafránu a* ***hořce voní chlad***. Это пролог, который вводит атмосферу конца, изменчивости, непостоянности человеческого земного странствия, меланхолии мгновения, но без трагического напева. Читатель чувствует роковую неизбежность и горькую красоту переживаемой потери. Это неизбежность, но не отчаяние безнадежности. За смысловым богатством поэтических образов кроме своеобразного авторского стиля можно увидеть и декоративность символистской и модернистской эстетики [4. С. 135].

Следует также отметить, что значимость перцептивной составляющей в собственном творчестве отчетливо осознавал и сам О. Бржезина. Например, критикуя переводы своей лирики на русский язык, выполненные К. Бальмонтом, он отмечал: «Нельзя ограничиваться словарем, ибо речь изменяется, волнуется как море, растет – словари устаревают. Есть поэты зрения и поэты слуха; Бальмонт предстает в этом переводе (стихотворение "Братство верящих") поэтом слуха, но для моих стихов этого недостаточно. Речь – это не только понятия, но и краски и летучие ароматы, мгновенная стыдливость, румянец, всего этого не найдешь в словарях» [5. С. 486].

Далее более подробно в аспекте изучения перцептивных образов будет рассмотрено стихотворение *Pohled Smrti*, включенное О. Бржезиной в сборник *Tajemné dálky*.

Исследователи, занимающиеся изучением творчества О. Бржезины, подчеркивают особую значимость образа Смерти в его поэзии. Мотив смерти у О. Бржезины связан с определенной специфической системой понятий и реализуется с помощью многочисленных образов и сравнений (в стихотворении *Modlitba večerní* он ее называет *Ty vůni zázračná… a svatá*) и обладает большой организующей силой. Вершиной авторского понимания смерти является эссе *Dílo smrti*, в котором О. Бржезина показывает, как стремление преодолеть смерть мобилизует все творческие силы человека [6. С. 7]. К. Бальмонт, переводивший стихотворения О. Бржезины на русский язык, отмечал, что хотя лирика чешского поэта и ведет к утверждению жизни, но никто «не умел так жить со Смертью и с нею ласково беседовать», как он [2. С. 439].

Pohled smrti	**Взгляд смерти**	**Blick des Todes**
U hlav lože a v soumracích tušení, mnohokrát, vím, pohled můj zhasínal před vítězným pohledem tvým.	Вблизи изголовий и в дымах предчувствий мой взгляд был смущеньем томим, Он был многократно погасшей свечою пред взглядом победным твоим.	Zu Lagers Häupten und in Ahnens Dämmerung, oftmal, ich weiß, losch hin mein Blick vor deines sieghaften Blickes Eis.
V mém slabost a touha, smích ocele blyštící v tvém, a v jeho zrcadle myšlénku vlastní uviděl jsem.	В моем – тоскованье и слабость, в твоем же – как молния, яркая сталь, И в зеркале этом я собственной Мысли постиг уводящую даль.	In meinem Schwäche und Sehnsucht, in deinem das Lachen von funkelndem Stahl, und jäh ward in seinem Spiegel mein eigener Gedanke aschfahl.
Šla bledá a zmatená v dálku zavátých, neznámých Měst do šera a polárních nocí němou únavou cest.	Шла бледная мысль моя к ширям безвестным, к пределам незнаемых стран, Где сумрак, где даль, где полярные ночи свой водят немой караван.	Und bleich und verwirrt schritt er zu auf Städte in reinlichem Totenkleid in Dämmerschein und Polarnacht hin durch der Wege lautlose Müdigkeit.
Úzkost nejistoty tuhla jí v tvář a věčných prostorů chlad na zmučené údy spínal jí, umdlené, kovový šat.	В лицо ей сомненье дышало испугом и веч- ный простор холодов, Но кованый, крепкий на хрупкое тело всегда был наброшен покров.	Das Bangen der Ungewißheit erstarrt ihm in Antlitz, und ewiger Räume Luft Umschloß die müdgemarterten Glieder mit erzenen Panzerkleids Gruft.
V záhyby mizících tvarů mlhami ze zraků tvých, jak z květu mystického stromu střásal se přívalem sníh,	В загибы теней, уходящих из мраков, из зрака, где сказочный брег, Как цвет непонятного древа, порывно спадал и метелился снег.	In Falten hinschwindender Formen aus deines Nebelblicks See wie mystischen Baumes Blüte in Wolken niedersank Schnee,
a houstl a temněl, zář do sebe vpíjel a šlehal a vál, na ranách mé myšlenky jak v narudlých plamenech tál.	Густел и темнел он, впивал в себя зори и бил- ся в проворных струях, А где в моих мыслях иссечены шрамы, он таял в багряных огнях.	ward dunkel und dicht, trank ein allen Glanz und peitschte in Frostwindes Ziehen, auf Wunden meines Gedankes schmolz er in rötlichen Flammen dahin.

U hlav lože a v soumracích tušení, mnohokrát, vím, pohled můj zhasínal před utkvělým pohledem tvým. Jak somnambul svedený z lože, bledý, spoután a něm pod hypnosou Nepoznaného jdu se svým snem a přede mnou chví se, v umdlených rukou mých dní, zraky tvými rozžatá světla pohřebních pochodní. [7. C. 33]	Вблизи изголовий и в дымах предчувствий, мой взгляд был не раз не моим, Он был многократно погасшей свечою пред взглядом упорным твоим. Лунатиком, с ложа луной уведенным, я шел в цепененье немом. За ним, что внушает, за ним, что Непознан, за собственным призрачным сном. А в длани истомной всех дней моих тусклых, которыми дух мой томим, Горят погребальные факелы ярко, зажженные светом твоим. [2. C. 440]	Zu Lagers Häupten und in Ahnens Dämmerung, oftmal, ich weiβ, losch hin mein Blick vor deines unverwandt blickenden Auges Eis. Und wie ein Betteentlockter zur Nacht, bleich, gefesselt und stumm, Geh unter des Unerkannten Hypnose mit meinem Träume ich um, und vor mir bebt in meiner Tage erlahmender Hand von deinen Blicken in Flammen gesetzter Grabfackeln Brand. [8. C. 56–57]

Анализ оригинального стихотворения *Pohled smrti* в перцептивном аспекте показал, что уже название определяет смысловую и чувственную доминанту произведения (зрительное восприятие ***pohled*** *smrti*), которая последовательно реализуется на протяжении всего произведения посредством повторения ключевых лексических единиц – ***pohled, zrak, uviděl.***

При помощи языковых средств с перцептивной семантикой (модус зрение) вербализуется одна из основных идей поэзии О. Бржезины: смерть не как гибель, а как переход из одного состояния в другое, взаимодействие, взаимопроникновение жизни и смерти: *pohled můj* ***zhasínal*** *před* ***vítězným*** *pohledem tvým.* Смерть не воспринимается как катастрофа, но она всеобъемлющая и всепобеждающая, что подчеркивается и актуализируется стилистическим приемом «противопоставления взглядов»: *V mém* ***slabost a touha***, ***smích ocele blyštící*** *v tvém.*

Стихотворение наполнено перцептивными метафорами: *do* ***šera*** *a polárních nocí* ***němou*** *únavou cest; v* ***zrcadle*** *vlastní myšlénku* ***uviděl jsem****; věčných prostorů* ***chlad****, spínal jí, umdlení,* ***kovový šat****;* ***mlhami ze zraků*** *tvých; střásal se přívalem sníh,* ***narudlých plamenech*** *tál;* ***zraky*** *tvými* ***rozžatá světla*** *pohřebních* ***pochodní***, и синестетическими словосочетаниями: *V mém* ***slabost*** *a touha*, ***smích ocele blyštící*** (звук – осязание – зрение); *Šla* ***bledá*** *a zmatená v dálku zavátých, do* ***šera*** *a* ***polárních nocí*** ***němou*** *únavou cest* (зрение – звук); ***bledý, spoután a něm*** (зрение – осязание – звук); *V* ***záhyby*** *mizících* ***tvarů*** ***mlhami ze zraků*** *tvých* (осязание – зрение). Стилистический прием нанизывания глаголов с перцептивной семантикой придает стихотворению напряженный ритм: ***houstl, temněl, vpíjel, šlehal, vál, tál***.

В стихотворении О. Бржезины, как и у других поэтов-символистов (например, А. Блок, В. Брюсов), чувственное восприятие неразрывно связано с процессами мыслительной деятельности, что выражается путем транспозиционных переносов и постоянных контекстных наращений. Подтверждением является то, что лексема ***myšlenka*** наряду с ***pohled*** и ***zrak*** входит в ряд ключевых слов стихотворения; также представлены прилагательные с ментальной семантикой: ***mystického, Nepoznaného, tušení, zmatená, neznámých, nejistoty, somnambul, hypnosou, snem.***

Стихотворение имеет кольцевую композицию, с помощью которой автор подчеркивает воплощение основной идеи. Структура текста реализует игру смыслов, которая опирается на развитие описываемого мотива жизни и смерти. С помощью первой строфы поэт вводит мотив мысли: *a v jeho zrcadle* ***myšlénku*** *vlastní uviděl jsem*, которая стремится к постижению идеи смерти и становится субъектом действия: *Šla bledá a zmatená v dálku zavátých, neznámých Měst* (прием метонимии). В повторении этой строфы (изменяется лишь одно определение – характеристика взгляда: *před* ***vítězným pohledem*** *–* *před* ***utkvělým pohledem***) вербализуется действие лирического героя, который ищет путь в другую реальность: *jdu se svým snem*, и сам идет навстречу смерти.

Кольцевая композиция актуализирует цикличность человеческого бытия: жизнь – смерть, и свидетельствует о торжественном ожидании близкой смерти. Смерть как образ-символ эксплицирована в тексте посредством зрительных и ментальных характеристик.

Как уже было отмечено, перцептивные метафоры и синестетические сочетания характерны для поэзии О. Бржезины и способствуют вербализации как основной идеи конкретного произведения, так и общей эстетической концепции автора: *polibků* ***závrať, sladká a zlá****; v* ***smrtelném tichu je uslyším šuměti****, éterných motýlů* ***jiskřící*** *let; a v pláči mém* ***zvonícím úsměvem světla*** *naděje Návratu zní; jež rozpaluje* ***blankyty duší žárem*** *všech srpnů a zráním všech hvězd; a jed ve šťávách* ***květů shoří*** *za uzdravujících* ***vůní****; den* ***modravý zarděl se lichotným smíchem*** *a vzplál; zníti je* ***slyšíme z modra****:* ***Sladkost*** *věčného* ***rytmu*** [9].

В стихотворении *Pohled smrti* обилие метафорических (в том числе и синестетических) образов напрямую связано со смысловой суггестивностью, репрезентирующей глубокие внутренние переживания поэта. Вербальная реализация мотива смерти посредством перцептивных метафор позволяет автору сохранить исконный смысл слова, который, однако, в контексте стихотворения остается на втором плане, а на первый выходит символическая интерпретация. Использование языковых средств с перцептивной семантикой (особенно зрительной и звуковой) способствует мистическому воздействию на читателя.

2. Сопоставительный анализ оригинала стихотворения *Pohled smrti* О. Бржезины и его перевода на русский язык («Взгляд смерти», переводчик – К. Бальмонт).

Первые переводы стихотворений О. Бржезины на русский язык появились в 1920-х гг. Выполнены они

были представителями русской литературной эмиграции. Следующим этапом рецепции стали переводы, опубликованные в 1959 г. в «Антологии чешской поэзии». Начиная с 1980-х гг. переводы произведений чешского поэта (В. Каменской, О. Лихачевой, О. Малевича, М. Федоровой) регулярно появлялись в российской периодике и в сборниках международных симпозиумов, посвященных его творчеству.

Настоящим событием в русской рецепции О. Брезжины стала публикация 2012 г. его собрания сочинений «Строители храма» [5] , составителем которого стал Олег Малевич. Чешский литературовед Дануше Кшицова очень высоко оценила значение этой книги как факта международного признания О. Бржезины: «Известный петербургский богемист, переводчик и поэт Олег Малевич завершил свой тридцатилетний труд и издал Собрание сочинений Отокара Бржезины “Строители храма” на русском языке <…>. Замечательную книгу возьмут в руки читатели, любящие Александра Блока, Анну Ахматову и других мастеров слова» [10. С. 200–203].

В статье «Отокар Бржезина и Россия» В. Каменская и О. Малевич подчеркивают, что эволюция творчества чешского поэта предвосхитила эволюцию русского символизма. Наибольшее типологическое сходство с О. Бржезиной, по их мнению, обнаруживают те русские поэты-символисты, «в творчестве которых нашло воплощение чувство причастности человека как микрокосма к жизни вселенской, макроскопической; Бальмонт, Белый периода «Золота и лазури», Вяч. Иванов, Балтрушайтис» [11. С. 451].

В рамках данной статьи важными являются два положения, отраженные в очерке К. Бальмонта «Поэт кристаллический: Отокар Бржезина»: 1. «Великого чешского символиста не должно ни сравнивать, ни сопоставлять с великими символистами, писавшими до него и частью одновременно с ним… Символизм Бржезины – философский, мыслительно благоговеющий». 2. «Я славянин, русский, чувствую, что узнаю самого себя в славянине, поляке Яне Каспровиче и в славянине, чехе Отокаре Бржезине… Я хочу сказать, что мы, славяне, когда поем о том же, о чем поет англичанин или американец, француз или немец, мы поем звучнее и более вольно, мы поем сердечнее и не впадая в ограниченность точной размеченности» [2. С. 444–446].

Переводческий метод К. Бальмонта может быть определен как адаптационный: «С безошибочной поэтической интуицией он умеет определить, какой элемент текста является основополагающим, главным, и именно его стремится передать с максимальной точностью. В остальном он переводит достаточно вольно – некоторые части поэтического произведения он эмоционально усиливает или драматизирует, а некоторые – ослабляет. Несомненным достоинством его перевода является удивительная поэтичность и цельность общего звучания» [12. С. 40].

Сопоставительный анализ оригинала и перевода на русский язык стихотворения *Pohled Smrti* позволил выявить ряд поэтических трансформаций, напрямую связанных с перцептивной составляющей поэтического произведения.

Название стихотворения «Взгляд смерти» является дословным переводом оригинала и, соответственно, доминирование зрительного восприятия в семантическом пространстве текста сохраняется. Усиление визуальной составляющей происходит за счет введения новых художественных образов (например, образа свечи) и содержательной трансформации образов, имеющихся в оригинале. Это оказывает влияние на стилистику стихотворения – ***многократно погасшая свеча***, словосочетание, представляющее собой яркую перцептивную метафору, может трактоваться как оксюморон. О значимости визуальных образов свидетельствует и трансформация синестетических сочетаний в перцептивные метафоры, имеющие зрительное основание. Например, у О. Бржезины – ***smích ocele*** (слух – зрение); у К. Бальмонта – ***как молния яркая сталь*** (зрение).

На лексическом уровне наблюдается усиление когнитивной составляющей, например, замена перцептивного глагола ментальным – ***uviděl jsem – постиг.*** Возможно, что включенность в текст перевода глагола ***постичь*** связана с введением «дополнительной» метафорической характеристики *(мысли) уводящая даль*. Об актуализации ментальной деятельности также свидетельствует и использование в переводе лексических единиц, близких по семантике и звучанию оригиналу, но имеющих в русском языке дополнительные оттенки значения: например, метафорическое значение, обусловленное культурно-исторической традицией употребления ***kovový – кованый*** (в чешском языке отсутствуют очевидные для русских ассоциации «сковать льдом»); и семантические сдвиги в значении устаревших слов (***зраки*** в значении «глаза» в русском языке и ***zraky*** в значении «зрение» в чешском языке).

Особого внимания в переводе К. Бальмонта заслуживает глагольная лексика: индивидуально-авторские образования *порывно спадал и* ***метелился*** *снег (ср.: ручьятся журчанья свирели влюбленной);* реализация глаголов, которые характерны для оригинального творчества К. Бальмонта (встречаются и у других русских поэтов именно для выражения перцептивной семантики – зрение): ***Впиваю*** *это бледное* ***сиянье****, / Как эльф, качаюсь в сетке из лучей,/ Я слушаю, как говорит молчанье; За радость* ***впить*** *в себя* ***огни его лучей****, / За исцеление от старости моей* [13].

На синтаксическом уровне наблюдается замена глагольных форм описательными оборотами, за счет чего активная синтаксическая конструкция трансформируется в пассивную: *na zmučené údy* ***spínal*** *jí, utmlené, kovový šat – но кованый, крепкий на хрупкое тело всегда был* ***наброшен покров****.* Образование новых синестетических сочетаний, о которых шла речь выше, также преобразует структурно-семантическое пространство текста: в оригинале ощущения (зрительные, осязательные, слуховые) переданы рядом однородных определений ***bledý, spoután a němý***, а в переводе возникает синестетическое сочетание ***в цепененье немом*** (осязание – слух).

Изменение синтаксической структуры высказываний в последней строфе может свидетельствовать о неполном совпадении авторских эстетических кон-

цепций: в оригинале – *zraky tvými rozžatá světla pohřebních pochodní*; в переводе – *горят погребальные факелы ярко, зажженные светом твоим.* В оригинале последняя строфа связана с названием не только семантически, но и лексически – ***zraky*** *tvými rozžatá.* Зрение (*zraky*) зажигает свет погребальных факелов, т.е. это источник света, соединяющий два пространственных плана – план земной и план нездешний. В переводе К. Бальмонта лексема *зрение* в последней строфе не употребляется, погребальные факелы как символ смерти зажигаются *светом твоим*. Кроме того, К. Бальмонт включает придаточное предложение: *которыми дух мой томим*, чем акцентирует конечность жизни, усталость и изнеможение. Архаичная лексика (*длани, истомной*) делает перевод более торжественным по сравнению с оригиналом. В русском переводе нет строки *a přede mnou chví se* (значение трепещущего, шевелящегося пламени погребальных факелов), но подчеркивается интенсивность горящего пламени.

Таким образом, можно сделать вывод, что поэтические трансформации перцептивной составляющей оригинала в переводе обусловлены в первую очередь неполным совпадением авторских эстетических концепций, связанных с пониманием Жизни и Смерти (несмотря на то, что поэты принадлежат к одному литературному направлению – символизму). Также очевидно влияние на текст перевода символистской поэтической традиции и индивидуально-авторской манеры поэта-переводчика.

3. Сопоставительный анализ оригинала стихотворения *Pohled smrti* О. Бржезины и его перевода на немецкий язык (*Blick des Todes*, переводчик – П. Айзнер).

В немецкой переводческой рецепции лирики О. Бржезины можно выделить два основных этапа – ранний и поздний. В Германии ранние переводы произведений чешского поэта стали результатом высокого интереса к его творчеству целой группы литераторов и поэтов-переводчиков так называемого экспрессионистского десятилетия.

Первым на немецкий язык был переведен сборник *Ruce* (Hände, 1908). Перевод выполнил австрийский беллетрист, журналист и переводчик Эмилль Саудек (Emil Saudek). Данный перевод вызвал очень оживленную реакцию как немецких (Stephan Zweig, Johannes Schlaf, Richard Dehmel, Camill Hoffman), так и чешских (Otokar Fischer, J. Vlček, F.X. Šalda) современников. Все они подчеркивали, что основную трудность в переводе мистической поэзии О. Бржезины представлял его «метафорически перенасыщенный», напоминающий гимн стих.

Высоко оценивший Отокара Бржезину Стефан Цвейг (Stefan Zweig) назвал его «титаном своего времени», но одновременно «поэтом не для всех», так как за яркими и символичными образами его поэзии «всегда скрывается тьма и мистический сумрак» [5. С. 433]. С. Цвейг метафорично обозначил самую главную сложность любого поэтического перевода: трагический плен чужого языка делает поэзию «закрытой». По мнению писателя, переводчик Э. Саудек «предпочел насилие над немецким языком насилию над мыслью оригинала», сохранив все его нюансы [Там же. С. 432].

В 1913 г. вышло немецкое издание *Hymnen*, переводы для которого выполнил писатель и переводчик Отто Пик (Otto Pick). Кроме этого, 22 стихотворения О. Бржезины из разных сборников были включены в 1917 г. в немецкоязычную антологию чешской поэзии, изданную Паулем Айзнером (Paul Eisner). В 1920 г. на немецкий язык были переведены сразу два сборника: О. Пик перевел сборник *Stavitelé chrámu* (Baumeister am Tempel), а свой перевод на немецкий язык сборника *Větry od pólu* (Winde vom Mittag nach Mitternacht) представил австрийский поэт, романист и драматург, один из основателей венского экспрессионизма Франц Верфель (Franz Werfel). Ингеборг Фиала-Фюрст отмечает в своем исследовании, что переводы Ф. Верфеля признаны лучшими среди перечисленных, так как именно ему удалось избежать дословного перевода и «сократить символическую перегруженность стиха О. Бржезины до экспрессионистского слога и метафоричности», тем самым только усилив образность оригинала [14. С. 87].

Второй, поздний этап рецепции поэзии О. Бржезины в Германии связан с переосмыслением экспрессионистских трактовок его стихов в переводах немецкого слависта Вальтера Шамшулы (Walter Schamschula). Придерживаясь филологической точности, переводчик попытался, спустя более тридцати лет, вернуть стихотворениям чешского поэта «их символисткое звучание на немецком языке» [15. С. 12].

Сопоставительный анализ оригинала стихотворения *Pohled Smrti* и его немецкого перевода, выполненного П. Айзнером, позволяет сделать следующие выводы.

Авторское мировидение чешского поэта, структурирующее ситуацию восприятия в целом и определяющее перцептивную метафорику стихотворения в частности, передано в немецком переводе с определенными сдвигами. Перцептивная (визуальная) домината, вынесенная в оригинале в заглавие стихотворения и воплощенная в художественном целом, что подчеркнуто кольцевой композицией и лексикой с соответствующей перцептивной семантикой, распределенной по всему континууму текста, подвергается в переводе трансформации.

В первой и предпоследней строфе, образующих кольцевую композицию, трансформация, во-первых, заключается в добавлении существительного ***Eis*** в описание взгляда смерти (*losch hin mein Blick vor deines sieghaften Blickes* ***Eis****; losch hin mein Blick vor deines unverwandt blickenden Auges* ***Eis***). Оно переносит акцент на осязание и переводит центральную метафору стихотворения из разряда индивидуально-авторской *взгляд смерти* в традиционную *холод смерти*. Данная трансформация влечет за собой сдвиг в восприятии основной идеи произведения, согласно которой смерть – бессознательное, гипнотическое состояние, не связанное напрямую с телесными ощущениями. Не случайно в стихотворении О. Бржезины персонифицированной является мысль, она замещает собой тело – мысль идет, у нее есть лицо, конечности, она ранена, и именно мысль проходит первой путь постижения смерти.

В немецком переводе усиливается мотив «телесной» смерти: сначала за счет добавления метафоры

Städte in reinlichem Totenkleid, в которой символ чистоты используется в негативном значении (города, по которым скитается мысль – покойники, одетые в чистые платья смерти); затем добавленное переводчиком существительное ***Gruft*** (*Umschloß die müdgemarterten Glieder mit erzenen Panzerkleids Gruft*) указывает на могилу как на последнее пристанище для умершего тела. Представляется, что именно следствием такого рода трансформаций стала утрата «символистского звучания» лирики О. Бржезины на немецком языке, на которую указал В. Шамшула. В частности, в рассматриваемом переводе П. Айзнера традиционная атрибутика (саван – платье смерти, могила) не передает описания глубоко личного ощущения О. Бржезиной смерти, прежде всего, как мистического переживания.

Во-вторых, в переводе указанных строф не соблюдается полностью композиционный повтор строк, выражающий идею одного и того же пути к смерти, который сначала проходит мысль (первая строфа), а затем и сам лирический герой (седьмая строфа). Если в первой строфе переводчик, как и в оригинале, использует существительное «взгляд» (*pohled – Blick*), то в седьмой строфе он заменяет его словосочетанием *blickenden Auges*. Эта трансформация, с одной стороны, усиливает заданную оригиналом перцептивную (зрительную) образность и служит ярким примером проявления индивидуального стиля переводчика, но, с другой стороны, вследствие отсутствия приема лексического повтора размыкает кольцевую композицию стихотворения и не позволяет вербализовать в полной мере идею цикличности бытия в переводе.

В целом сопоставление оригинала и немецкого перевода стихотворения показывает, что основные лексические единицы, образующие в оригинале единое семантическое поле чувственного восприятия (с акцентом на зрительном), переданы и в переводе (*pohled, zrak, uviděl, zrcadle – Blick, Spiegel, Auge*), за исключением глагола *uviděl*, однако лексемы *zrak/Auge u pohled/Blick* варьируются иначе. Вариативность перевода по отношению к оригиналу возникает в результате того, что автор оригинала и переводчик используют индивидуальные способы вербализации ситуации чувственного восприятия. Одним из показательных примеров трансформации может служить преобразование метонимического характера в пятой строфе (перенос глаза – взгляд): *ze zraků tvých – deines Nebelblicks See* (*In Falten hinschwindender Formen aus deines Nebelblicks See*). Трансформация не нарушает общего организующего начала стихотворения, но смысловая реализация образа зрения происходит в переводе иначе, чем в оригинале. Если в оригинале глаза выступают как источник мистического (они же зажгут свет погребальных факелов в финале стихотворения), то в переводе подчеркивается туманность взгляда, т.е. нечеткость, размытость восприятия.

Принцип суггестии вербального воздействия, реализованный в оригинале через многочисленные перцептивные метафоры и синестетические сочетания, сохраняется и в переводе: *do* ***šera*** *a polárních nocí* ***němou*** *únavou cest – in* ***Dämmerschein*** *und Polarnacht hin durch der Wege* ***lautlose*** *Müdigkeit*; *věčných prostorů* ***chlad***, *...spínal jí, umdlení,* ***kovový šat*** *– ewiger Räume Luft*, *...Umschloß die müdgemarterten Glieder mit* ***erzenen Panzerkleids*** *Gruft;* ***zraky*** *tvými* ***rozžatá světla*** *pohřebních* ***pochodní*** *– von deinen* ***Blicken*** *in* ***Flammen*** *gesetzter Grabfackeln* ***Brand***; *V mém* ***slabost*** *a touha*, ***smích ocele blyštící*** *– In meinem* ***Schwäche*** *und Sehnsucht, in deinem* ***das Lachen von funkelndem Stahl***; ***bledý, spoután a něm*** *–* ***bleich, gefesselt und stumm***; *V* ***záhyby*** *mizících* ***tvarů mlhami ze zraků*** *tvých – In* ***Falten*** *hinschwindender Formen aus* ***deines Nebelblicks*** *See.*

Принципиальное значение для эстетической концепции оригинала имеет общая для русского и немецкого перевода трансформация в финальной строфе стихотворения. П. Айзнер, как и К. Бальмонт, выбрал для описания света погребальных факелов существительное с более интенсивным признаком (*světla – Brandt*), тем самым подчеркнув момент окончательной победы смерти над жизнью.

Заключение. Образ мира, представленный в творчестве О. Бржезины, отражает специфику его духовного созерцания, особенности мировосприятия и интерпретации реальности. Мир внутренний (внутренний голос, внутренний слух и др.) моделируется на основе внешних ощущений. Эмоциональная и интеллектуальная сферы интерпретируются через ситуацию чувственного восприятия. Перцептивные образы свидетельствует о глубинном взаимодействии внутреннего и внешнего миров, становятся универсальными семантическими категориями, которые, с одной стороны, направляют процесс интерпретации реальности, моделируемой в поэтическом произведении, с другой – отражают особенности индивидуально авторского мировосприятия.

Сопоставительный лингвистический анализ текста стихотворения О. Бржезины *Pohled Smrti* и его переводов на русский и немецкий языки показал, что перцептивность как ключевая характеристика поэтической картины мира, отраженной в оригинале, сохраняется переводчиками. Вариативность языковых средств ее реализации возникает в результате целого ряда трансформаций: замена синестетических сочетаний перцептивными метафорами (и наоборот), введение индивидуально-авторских стилистических и лексических средств (К. Бальмонт), метонимический и метафорический перенос, стилистический прием усиления (П. Айзнер). Данные трансформации позволяют проследить процесс творческого освоения переводчиками идиостилевых особенностей поэтических текстов О. Бржезины.

Более глубокие трансформации в рассмотренных переводах были установлены на уровне осмысления перцептивной образности оригинала в ее соотнесенности с основной идеей произведения и общей эстетической концепцией его автора. Анализ показал, что в переводах К. Бальмонта и П. Айзнера изменилась смысловая нагрузка ключевой перцептивной метафоры стихотворения *Pohled Smrti*. Ее трансформации, в частности, отражают сдвиги в переводческих интерпретациях мотива смерти (акцент на конечности жизни в переводе К. Бальмонта, усиление мотива телесной смерти в переводе П. Айзнера и т.д.). В результате философская и эстетическая концепция оригиналь-

ного стихотворения трансформируется под влиянием собственных идей и духовных переживаний переводчика, что приводит к формированию иного, чем в оригинале, эстетического воздействия на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трифонова А. Поэтический мир Иосифа Бродского: Перцептивный аспект : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2014. 164 с.
2. Бальмонт К. Поэт кристаллический: Отокар Бржезина // Бржезина О. Строители храма : собр. соч. СПб. : Изд-во Н.И. Новикова, 2012. С. 439–448.
3. Filipec J. K jazyku a stylu Otokara Březiny II // Naše řeč. 1969. Roč. 52. Č. 1.
4. Kuthanová M. Imaginace prostoru v Březinově poezii // Svět literatury. 2007. Roč. XVII. Č. 35. S. 126–138.
5. Бржезина О. Строители храма : собр. соч. / сост. О.А. Малевич; пер. с чеш. СПб. : Изд-во Н.И. Новикова, 2012. 504 с.
6. Filipec J. K jazyku a stylu Otokara Březiny I // Naše řeč. 1969. Roč. 52. Č. 1.
7. Březina O. Tajemné dálky. Praha : Moderní revue, 1895. 45 s.
8. Tschechische Anthologie Vrchlický – Sova – Brezina. Übertragungen von Paul Eisner. Leipzig : Insel-Verlag, 1917. 102 s.
9. Březina O. Básnické spisy. Praha : Československý spisovatel, 1975. 252 s.
10. Kšicová D. Opožděná Nobelova cena // Slavica Litteraria. 2013. X 16. № 1-2. S. 200–204.
11. Каменская В., Малевич О. Отокар Бржезина и Россия // Бржезина О. Строители храма : собр. соч. СПб. : Изд-во Н.И. Новикова, 2012. С. 449–489.
12. Kšicová D. Z dějin rusko-českých literárních vztahů: K. D. Balmont. Duše Českých zemí v slovech a činech / Vydaní, překlad, studie, komentář Danuše Kšicová. Brno : Masarykova univerzita, 2001. 339 s.
13. Бальмонт К. Избранное. М. : Эксмо, 2003. 640 с.
14. Fiala-Fürst I. Die mißlungenen Anfänge eines großen Humanisten. Das lyrische Frühwerk Johannes Urzidils // Böhmen ist überall. Edition Grenzgänger. 1999. Folge 26. S. 79–92.
15. Březina O. Meiner Hände sanfte Last – Gedichte. Tschechisch-Deutsch. Ausgewählt, übersetzt und mit einem Nachwort versehen von Walter Schamschula. Mainz : Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 2002. 150 s.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 апреля 2017 г.

THE PERCEPTUAL PICTURE OF THE WORLD IN POETIC TRANSLATION (IN RUSSIAN AND GERMAN TRANSLATIONS OF THE POEM "POHLED SMRTI" BY O. BŘEZINA)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 39–46.
DOI: 10.17223/15617793/426/4

Simona Korycankova, Masaryk University (Brno, Czech Republic). E-mail: korycankova@ped.muni.cz
Larisa B. Kryukova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lar-kryukova@yandex.ru
Daria A. Olitskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: d.olitskaya@mail.ru

Keywords: perceptivity; poetic translation; imagery; symbolism; synaesthesia.

The article is devoted to the study of the perceptual picture of the world in terms of the anthropocentric approach to poetic translation. The study of perceptual processes in cultural linguistics is related to the problem of how the universal models and specific features of national and individual perception of the world are interrelated and reflected in the language. The creative identity of the translator is manifested in the changes the original picture of the world undergoes and in the shifts affecting its system of images. The article aims are determining the characteristics of linguistic expression of the perceptual semantics in the original and its translations and analyzing the transformations caused by the author's individual worldview and poetic tradition. The image of the world in O. Březina's poetry reflects the specificity of his spiritual contemplation, the peculiarities of his worldview and interpretation of the reality. Perceptual images demonstrate a deep interaction between the inner and outer worlds. They become universal semantic categories that, on the one hand, direct the interpretation of the reality modeled in the poetry and, on the other hand, reflect the peculiarities of the author's individual perception of the world. The comparative linguistic analysis of O. Březina's "Pohled Smrti" and its translations into Russian and German has shown that both translations retain the perceptual character as a key characteristic of the poetic picture of the world. The variability of linguistic means used for its implementation is the result of a series of transformations: the substitution of synaesthetic combinations with perceptual metaphors (and vice versa), the introduction of the author's individual stylistic and lexical means (K. Balmont), metonymical and metaphorical transfers, stylistic amplification (P. Eisner). These transformations reveal the process of the creative interpretation of Březina's individual style in translations. In the translations, more profound transformations belonging to the level of understanding of the original perceptual imagery in its correlation with the theme of the poem and with the general aesthetic concept of the author were determined. The analysis has shown that in Balmont's and Eisner's translations the semantic load of the perceptual metaphor of "Pohled Smrti" changed. Its transformations, in particular, reflect the shifts in the motif of death as interpreted by the translators (Balmont's emphasis on the finiteness of life; Eisner's intensified motif of bodily death, etc.). As a result, the philosophical and aesthetic concept of the original is transformed under the influence of the translator's own ideas and spiritual experiences, which leads to the formation of a different aesthetic impact on the reader.

REFERENCES

1. Trifonova, A. (2014) *Poeticheskiy mir Iosifa Brodskogo: Pertseptivnyy aspekt* [The poetic world of Joseph Brodsky: a perceptual aspect]. Philology Cand. Diss. Smolensk.
2. Bal'mont, K. (2012) Poet kristallicheskiy: Otokar Brzhezina [A crystal poet: Otokar Březina]. In: Březina, O. *Stroiteli khrama: sobr. soch.* [Builders of the temple: works]. Translated from Czech by O. Malevich et al. St. Petersburg: Izd-vo N.I. Novikova.
3. Filipec, J. (1969) K jazyku a stylu Otokara Březiny II [On the language and style of O. Březina II]. *Naše řeč.* 52:1.
4. Kuthanová, M. (2007) Imaginace prostoru v Březinově poezii [Images of space in Březina's poetry]. *Svět literatury.* XVII:35. pp. 126–138.
5. Březina, O. (2012) *Stroiteli khrama: sobr. soch.* [Builders of the temple: works]. Translated from Czech by O. Malevich et al. St. Petersburg: Izd-vo N.I. Novikova.
6. Filipec, J. (1969) K jazyku a stylu Otokara Březiny I [On the language and style of O. Březina I]. *Naše řeč.* 52:1.
7. Březina, O. (1895) *Tajemné dálky* [Mysterious distances]. Prague: Moderní revue.

8. Insel-Verlag. (1917) *Tschechische Anthologie Vrchlický – Sova – Brezina* [Czech anthology Vrchlický – Sova – Březina]. Translations by Paul Eisner. Leipzig: Insel-Verlag.
9. Březina, O. (1975) *Básnické spisy* [Poetry writings]. Prague: Československý spisovatel.
10. Kšicová, D. (2013) Opožděná Nobelova cena [Late Nobel Prize]. *Slavica Litteraria*. X 16:1-2. pp. 200–204.
11. Kamenskaya, V. & Malevich, O. (2012) Otokar Brzhezina i Rossiya [Otokar Březina and Russia]. In: Březina, O. *Stroiteli khrama: sobr. soch.* [Builders of the temple: works]. Translated from Czech by O. Malevich et al. St. Petersburg: Izd-vo N.I. Novikova.
12. Kšicová, D. (2001) *Z dějin rusko-českých literárních vztahů: K.D. Balmont. Duše Českých zemí v slovech a činech* [From the History of Russian-Czech Literary Relations: K.D. Balmont. The Soul of Czech Lands in Words and Actions]. Translated by Danuše Kšicová. Brno: Masarykova univerzita.
13. Bal'mont, K. (2003) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Eksmo.
14. Fiala-Fürst, I. (1999) Die mißlungenen Anfänge eines großen Humanisten. Das lyrische Frühwerk Johannes Urzidils [The failed beginnings of a great humanist. The lyrical early works of Johannes Urzidils]. In: *Böhmen ist überall* [Bohemia is everywhere]. Is. 26. Edition Grenzgänger. pp. 79–92.
15. Březina, O. (2002) *Meiner Hände sanfte Last – Gedichte. Tschechisch-Deutsch* [My hands' gentle load – poems. Czech-German]. Translated by Walter Schamschula. Mainz: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung.

Received: 12 April 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 47–51. DOI: 10.17223/15617793/426/5

ИСТОРИЯ

УДК 94/99

Т.А. Ахмедов

БОРЬБА ЛИДЕРА РАБОЧЕЙ ПАРТИИ КУРДИСТАНА А. ОДЖАЛАНА ЗА СВОБОДУ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНЦЕ 90-х гг. XX в.

Рассматривается момент обострения курдского вопроса на Ближнем Востоке во второй половине 90-х гг. XX в. Анкара обвинила власти Сирии в поддержке терроризма и потребовала выдачи или депортации из страны лидера РПК А. Оджалана. Особое внимание уделено скитаниям Оджалана по России и миру после того, как сирийские власти попросили его покинуть страну. Дается оценка обстоятельствам ареста Оджалана и суда над ним, а также политическим акциям курдских политических организаций по всему миру.

Ключевые слова: А. Оджалан; Курдистан; Турция; турецко-сирийские отношения.

Коренные изменения геополитической ситуации во второй половине 90-х гг. XX в., происходившие в мире и, в частности, в ближневосточном регионе, поставили Рабочую партию Курдистана (РПК) в очень непростую ситуацию. Непосредственными причинами осложнившегося положения РПК стали три фактора. Во-первых, в сентябре 1994 г. в столице Азербайджана, г. Баку, был подписан договор о нефтяных и коммуникационных «проектах века», результатом которого стало строительство трубопровода Баку – Джейхан, маршрут проходит по территории мятежного Турецкого (Северного) Курдистана. Во-вторых, в 1998 г. в Вашингтоне состоялось подписание мирного соглашения между Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим Союзом Курдистана (ПСК), что вызвало раскол непрочного союза между ПСК и РПК [1. С. 12–16]. В-третьих, при посредничестве США был заключен договор о стратегическом партнерстве между Турцией и Израилем. Помимо прочего, Турция и Израиль имели общий интерес в противостоянии с Сирией [2], которую обе страны обвиняли в поддержке терроризма. Учитывая, что в Сирии функционировали базы РПК и там же находился лидер Рабочей партии Курдистана А. Оджалан, неудивительно, что он неоднократно выражал негативное отношение к этому договору.

Сирия оказалась в очень сложной ситуации, так как в то время Дамаск все больше нуждался в сотрудничестве с европейскими странами, путь к которому лежал через улучшение отношений с США и их региональными союзниками, в первую очередь с Турецкой республикой. Но после того, как Турция и Израиль, два давних политических и территориальных противника Сирии, объединились, Турция предъявила Дамаску претензии относительно поддержки курдских повстанцев и потребовала от руководства Сирии выдачи лидера РПК А. Оджалана. Не получив удовлетворительного ответа от сирийских властей, с приближением реализации проекта каспийского нефтепровода Баку – Джейхан Анкара активизировала свою борьбу с курдским национальным движением на востоке страны. В течение 1997–1998 гг. были проведены крупномасштабные армейские наступательные операции в Восточной и Юго-Восточной Анатолии, а также в Северном Ираке. Летом 1998 г. турецкие власти объявили о военной победе над силами РПК [3. С. 571]. Турция собиралась закрепить военные успехи на международном уровне и предъявила жесткий ультиматум Сирии, требуя прекратить поддержку Рабочей Партии Курдистана и изгнать ее боевиков со своей территории. Для серьезности своих намерений турецкие власти стали подтягивать к границе реальную военную силу. После этого сирийские власти попросили лидера Рабочей партии Курдистана А. Оджалана покинуть страну и заявили о прекращении всякой поддержки РПК [4. С. 5].

Лишившись поддержки Дамаска, Оджалан стал искать себе приют в странах, где еще сильны позиции левых идеологий: в Греции, России, Италии, на Кипре и т.д. Еще в середине 90-х гг. XX в. лидер РПК в Дамаске часто встречался с депутатами Государственной Думы и представителями «Яблока», ЛДПР, КПРФ, АПР и других политических партий Российской Федерации, в частности с А. Митрофановым, А. Филатовым, О. Мироновым, О. Петровой, Л. Петровским, С. Митрохиным и др. [5. С. 130]. Когда встал вопрос об его отъезде из Сирии, лидер Либерально-Демократической партии России В. Жириновский предложил Оджалану свои услуги. Однако Оджалан потребовал от депутатов Государственной Думы России, с которыми он ранее вел переговоры в Дамаске, личных гарантий своей безопасности в письменном виде. Получив такие гарантии, 9 октября 1998 г. Оджалан прилетел в Москву [6. С. 4]. Он прибыл в Россию из Кипра с документами на имя Сорококурд Апо (от курдского «дядя – правитель курдов»). Лидер ЛДПР В. Жириновский разместил его в подмосковном городе Одинцово [7. С. 3–4]. По словам окружавших его людей, лидер РПК на территории России допустил серию крупных ошибок: во-первых, сразу же через мобильную связь связался со своими подчиненными в Курдистане; во-вторых, проводил много времени, прогуливаясь на открытом пространстве, где его могли видеть агенты разведок различных стран, учитывая, что после выдворения Оджалана из Дамаска началась совместная операция турецких, израильских и американских специальных служб по его аресту и нейтрализации.

Пока союзники А. Оджалана в России искали пути выхода из ситуации, в которой оказался курдский национальный лидер, Анкара получила точные сведе-

ния о его местонахождении от израильской разведки и потребовала от России выдать лидера РПК. Сам Оджалан, осознав, что из-за собственных необдуманных поступков он обнаружен турецкими властями, официально, в письменной форме, обратился к президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину с просьбой о предоставлении ему статуса политического беженца. В начале ноября 1998 г. Государственная Дума Российской Федерации на закрытом планерном заседании рассмотрела его обращение, и более 300 депутатов проголосовали за предоставление лидеру РПК политического убежища [8. С. 2]. Однако сложные политические и социально-экономические условия, в которых находилось российское правительство после августовского дефолта 1998 г., не позволили председателю правительства Российской Федерации Е. Примакову дать свое согласие на просьбу А. Оджалана о предоставлении ему политического убежища в России. Этому политическому решению российских властей способствовал ряд обстоятельств.

Во-первых, военно-политический конфликт в Чеченской республике (турецкие власти упоминали о нем в своем заявлении) и связанная с ним проблема территориальной целостности России. Во-вторых, давление со стороны Государственного секретаря США М. Олбрайт, которая была заинтересована в нейтрализации лидера курдского национально-освободи-тельного движения. В-третьих, Москва опасалась, что ее обвинят в поддержке международного терроризма. Не получив политического убежища в России, 12 ноября 1998 г. А. Оджалан по приглашению представителей итальянских левых вылетел в Рим [9. С. 4]. В римском аэропорту Фьюмичино лидер РПК был взят под стражу. Анкара потребовала от итальянских властей выдачи лидера курдских повстанцев. Однако Италия, ссылаясь на свою Конституцию, отказалась передавать основателя РПК в руки турецких властей. Проблема присутствия курдского лидера в Италии вышла далеко за пределы итальянско-турецких отношений. Вопрос о выдаче Оджалана широко обсуждался в Европе в атмосфере организованных курдами и их сторонниками массовых демонстраций. А. Оджалан заявил, что Рабочая партия Курдистана является политической партией, намерена придерживаться объявленного перемирия и готова к диалогу с турецкими властями. Власти Италии поместили лидера РПК на одной из вилл недалеко от Рима под надзор полиции.

Турецкие власти, убедившись, что итальянское руководство, несмотря на давление, не собирается выдавать лидера РПК, развернули массовую антиитальянскую пропаганду. Министр иностранных дел Турции И. Джем заявил, что не ожидал подобного поступка от союзника по НАТО и не решается предсказать возможные последствия отказа итальянских властей выдать главаря курдских повстанцев [7. С. 12]. Дипломатические отношения между Италией и Турцией были поставлены на грань разрыва. Рим отказывался рассматривать возможность выдачи курдского лидера турецким властям в связи с тем, что в Турции не отменена смертная казнь, и предлагал Анкаре вплотную заняться поисками мирного решения курдской проблемы. Власти Италии, обеспокоенные внешнеполитическими трениями в связи с пребыванием Оджалана на территории страны, рассматривали несколько вариантов выхода из сложившейся ситуации. Лидер РПК мог быть выслан обратно в страну, из которой он прибыл, Италия могла предоставить ему политическое убежище, он мог быть привлечен к международному суду под эгидой Совета Европы или судим непосредственно в самой Италии [10. С. 41]. Сам Оджалан был не против идеи международного суда, который можно было бы использовать в качестве трибуны для обвинений в сторону Турции, по примеру Димитрова на Лейпцигском процессе по делу о поджоге Рейхстага в 1933 г. [11. С. 185]. В свою очередь, правозащитная организация «Human rights watch» высказывалась за то, чтобы Италия сама организовала суд над Оджаланом, но высшие должностные лица страны не желали брать на себя такую ответственность [12. С. 146–147]. В итоге под давлением своих союзников по НАТО и ЕС, социалистическое правительство премьер-министра Италии Массимо д'Алема отказало лидеру курдского национально-освободительного движения в поддержке. В начале декабря 1998 г. решением апелляционного суда Италии контроль над перемещением лидера РПК А. Оджалана был снят [13. С. 4]. Теперь лидер курдского национального движения имел право свободно перемещаться по территории Европы. Таким способом итальянские власти дипломатично выдворили А. Оджалана из своей страны. Под давлением итальянского капитала и своих союзников по НАТО правительство премьер-министра Массимо д'Алема в середине января 1999 г. попросило А. Оджалана покинуть территорию Италии. Лидер РПК 15 января 1999 г. вновь прилетел в Россию, на этот раз – в Нижний Новгород. Затем, по словам самого А. Оджалана, российские власти переправили его в Таджикистан, где в течение двух недель он скрывался в сельском доме недалеко от столицы Таджикистана Душанбе. Правительство России твердо заявило о нежелательности его пребывания на территории страны и ее союзных государств. Запрос о возможности его проживания в непризнанной Нагорно-Карабахской республике (НКР) не был одобрен правительствами Армении и самой НКР. Последняя не желала из-за лидера курдов осложнять свое международное положение.

18 января 1999 г. премьер-министр Турции Б. Эджевит объявил, что А. Оджалан вылетел из Италии в Россию. Глава МИДа России И. Иванов в ответ заявил, что российские специальные службы проверяют данные о местонахождении А. Оджалана [14]. В этот период времени имелось множество версий о местонахождении А. Оджалана – Россия, Белоруссия, Армения, Таджикистан, Нагорный Карабах, Украина, Греция, Болгария, Эстония, Северная Корея, Ливия, ЮАР и т.д. Тем временем, по воспоминаниям самого А. Оджалана, которые он изложил в книге «От шумерского государства жрецов к демократической цивилизации», в конце января 1999 г. в Таджикистан, где его скрывали, по петроградскому маршруту к нему прибыл некто Наксакис, который представился отставным генералом и предложил свои услуги [15.

С. 462]. Оджалан вместе с ним вылетел в Санкт-Петербург, а оттуда – в Афины [16. С. 7]. Во время полета экипаж частного самолета делал запросы о возможности приземлиться в Румынии, а затем – в аэропортах других европейских стран. Все они были отклонены, и, в конце концов, они все-таки приземлились в Афинах. В Греции лидер курдов был размещен у родственников Наксакиса. В это же время глава МИДа Греции Пангалос искал выход из сложившейся ситуации. В итоге греческими властями было принято решение отправить Оджалана в греческое посольство в Кении. Этот вариант предложил представитель МИДа Календарис, которого Оджалан хорошо знал и считал своим другом. Греки внушили ему, что Кения находится под их влиянием, и МИДом в течение 15 дней будет подготовлен южноафриканский паспорт. По рассказам очевидцев, 2 февраля 1999 г. в аэропорту г. Найроби (Кения) греческий посол Котулас совершенно спокойно встретил А. Оджалана [4. С. 5]. Но при разговоре с лидером курдских повстанцев он стал вести себя настороженно.

Лидер Рабочей партии Курдистана в Кении снова допустил оплошность: потерял бдительность, часто гулял на открытом пространстве, вел переговоры со своими подчиненными. Разведки США и Израиля активно работали в Кении после взрыва на американских военных объектах в августе 1998 г. [17]. В результате агенты ЦРУ и Моссада обнаружили местонахождение Оджалана. Информация о проживании А. Оджалана в посольстве Греции в Кении была передана турецким властям спустя двое суток с момента прибытия лидера курдского национального движения в эту страну. С этого времени Турция стала требовать от Греции выдворить лидера РПК из своего посольства, обвиняя своего союзника по НАТО в поддержке курдских сепаратистов. После этого из Афин поступила директива о том, чтобы под любым предлогом вывезти А. Оджалана из посольства. Противостояние между посольством, Афинами, А. Оджаланом и его сторонниками продолжалось в течение недели. Затем к нему подключилось МВД Кении. Местные власти требовали от посольства Греции разместить А. Оджалана на нейтральной территории, чтобы иметь возможность задержать лидера курдских повстанцев. В конце концов, было достигнуто соглашение, что А. Оджалан вылетит в Голландию через Египет. Отъезд, по словам самого лидера РПК, был назначен на 15 февраля 1999 г. [16. С. 8]. При этом, видимо, турецкие власти готовились к его захвату и всячески содействовали тому, чтобы А. Оджалан в момент ареста не был психически здоровым. В своей работе «От Шумерского государства жрецов к демократической цивилизации» Оджалан пишет, что перед отъездом «я пребывал в состоянии, подобном лунатизму, и при этом не мог проанализировать простейшие ситуации» [15. С. 462]. Скорее всего, в посольстве Греции в пищу А. Оджалана повара добавляли какие-то психотропные или наркотические средства, чтобы он во время ареста не сопротивлялся и не осознавал, что с ним происходит. Работники посольства Греции доставили лидера РПК в нездоровом состоянии в международный аэропорт г. Найроби. В аэропорту Оджалана ждал небольшой военный самолет, в котором устроили засаду представители Национальной Безопасности Турции (МИТ). В самолете военнослужащие турецких специальных служб набросились на Оджалана, одели на него наручники и завязали глаза, т.е. похитили, в нарушение всех международных договоров. На территории соседней Уганды Оджалана пересадили на частный гражданский самолет, принадлежащий турецкому бизнесмену Д. Чоглару [16. С. 8]. Утром 16 февраля 1999 г. самолет приземлился на острове Имрали в Мраморном море. В тот же день премьер-министр Турции Б. Эджевит сообщил, что А. Оджалан арестован турецкими специальными службами и доставлен из Кении в Турцию. В связи с этим он призвал курдских повстанцев сложить оружие и сдаться властям, обещая сократить срок наказания до 10 лет [14].

Когда стало известно об аресте лидера РПК А. Оджалана, его соплеменники и сторонники практически во всех европейских странах провели акции протеста. В осаде оказались посольства и консульства Греции, Израиля, Турции, но больше всех досталось представительским учреждениям Греции. Были захвачены греческие миссии в Лондоне и в ряде городов Германии и Франции, а также здания ООН в Женеве. Власти Греции в ответ ультимативно потребовали немедленного прекращения акций, в противном случае они угрожали ввести санкции против курдов, живущих в Греции. Власти европейских стран расценили эти акции как хулиганство, а в отдельных случаях, когда курды совершали акты самосожжения или угрожали сжечь захваченные дипломатические представительства, как акты терроризма. Главными требованиями протестующих были предоставление свободы А. Оджалану и прекращение войны в Курдистане. Также звучали лозунги справедливого и открытого суда над лидером курдских повстанцев, без применения пыток. Эти акции курдов в защиту своего лидера носили массовый характер, были хорошо организованы и закончились так же внезапно, как и начались.

В конце февраля 1999 г. в Турции начался допрос А. Оджалана, в ходе которого лидер РПК заявил, что его организации помогали Греция, Армения, Болгария, Ливия, а также Россия в лице ЛДПР. По словам А. Оджалана, бюджет партии составляет примерно 200 млн долл. [18]. После завершения следствия турецкие власти предъявили А. Оджалану обвинение в измене Родине, гибели более 30 тыс. человек, уклонении от службы в рядах вооруженных сил Турции. Суд над ним начался в мае 1999 г. В ходе процесса турецкие власти, по требованию Совета Европы, изменили состав суда государственной безопасности. 18 июня 1999 г. парламент Турции принял специальный закон о реформе судов государственной безопасности [19]. Из числа судей был выведен военный, и после этого в заседаниях по делу лидера РПК принимали участие только гражданские судьи.

31 мая 1999 г., на окончании судебного процесса, лидер Рабочей партии Курдистана А. Оджалан выступил в суде с защитной речью. В начале своего выступления он заявил о своей готовности дать турецким властям шанс на мирное урегулирование курдского наци-

онального вопроса в стране. Если Анкара на это пойдет, то он прикажет своим бойцам покинуть территории Северного (Турецкого) Курдистана [20]. Во время выступления чувствовался страх лидера РПК за свою жизнь. Также А. Оджалан в своей речи проанализировал результаты деятельности РПК за последние 15 лет. После защитной речи А. Оджалана судьи объявили перерыв для подготовки и вынесения приговора.

23 июня 1999 г., после двухнедельного перерыва, процесс над национальным лидером курдского народа А. Оджаланом возобновился. Суд Государственной безопасности Турции огласил вердикт по делу лидера курдских повстанцев 29 июня 1999 г. По решению суда А. Оджалан был приговорен к смертной казни через повешение [21. С. 6]. Однако Анкара не спешила с приведением приговора в исполнение, так как в Турции продолжал действовать мораторий на смертную казнь. А через пять лет, в 2004 г., смертная казнь А. Оджалану была заменена на пожизненное заключение [7. С. 3–4]. Хотя Европейский Суд по правам человека признал судебный процесс над А. Оджаланом не соответствующим европейским стандартам, лидер Рабочей партии Курдистана А. Оджалан продолжает отбывать наказание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюллетень журнала «Курдская мысль»: Курдистанская хроника. 2000. № 9 (118).
2. Muftuler-Bac M. Turkey and Israel: An evolving partnership // Ariel Center for Policy Research. Policy Paper. № 47. Tel Aviv, 1998. URL: http://www.acpr.org.il/pp/pp047-meltemE.pdf
3. Guney N. Country report on Turkey // Terrorism as a Challenger for National And International Law: Security Versus Liberty? Berlin : Springer, 2004. P. 557–589.
4. Стон Родины. 2002. № 3 (139).
5. Государственная Дума и Курдская проблема / сост. Р. Броев. М., 1998. 274 с.
6. Коммерсант. 1998. № 219 (1622).
7. Свободный Курдистан. 2002. № 4 (141).
8. Коммерсант. 1998. № 207 (1610).
9. Стон Родины. 1999. № 24 (113).
10. Aliboni R., Pioppi D. The Öcalan Affair Revisited // The International Spectator. 2000. Vol. XXXV, № 3. P. 37–49.
11. van Bruinessen M. Turkey, Europe and the Kurds after the capture of Abdullah Öcalan // Kurdish Ethno-nationalism Versus Nation-building States : Collected Articles. Istanbul, Isis Press, 2000. P. 277–289.
12. Chiappetta H. Rome, 11/15/1998: Extradition or Political Asylum for the Kurdistan Workers Party's Leader Abdullah Ocalan? // Pace International Law Review. 2001. Vol. 13, is. 1. P. 118–149.
13. Коммерсант. 1998. № 224 (1627).
14. Тарасов А. Казнь Оджалана не остановит курдов // Лефт.ру: Левая Россия. URL: http://www.left.ru/2000/12/odzhalan.html
15. Оджалан А. От Шумерского государства жрецов к демократической цивилизации : защитная речь на Европейском суде по правам человека. М. : Астрея, 2003. 462 с.
16. Стон Родины. 2002. № 2 (138).
17. Anatomy of a Terrorist Attack: An in-Depth Investigation Into the 1998 Bombings of the U.S. Embassies in Kenya and Tanzania // Matthew B. Ridgway Center for International Security Studies at the University of Pittsburgh. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/26356/05_anatomy_terr_attack.pdf
18. Milliyet. 1999. Haziran 17.
19. Milliyet. 1999. Temmuz 21.
20. Российская Федерация. РИА «Новости». 1999. 31 мая.
21. Независимая газета. 1999. 26 нояб.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 октября 2017 г.

THE STRUGGLE FOR FREEDOM AND POLITICAL ACTIVITIES OF THE LEADER OF THE KURDISTAN WORKERS' PARTY A. ÖCALAN IN THE LATE 1990S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 47–51.
DOI: 10.17223/15617793/426/5

Teub A. Akhmedov, Technical Institute (Branch) of North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: RSevoi@yandex.ru

Keywords: Leader of the Kurdistan Workers' Party A. Öcalan; Turkish-Syrian Relations; Patriotic Union of Kurdistan; Kurdistan Democratic Party; Prime Minister of Turkey B. Ecevit; Baku-Ceyhan Pipeline; Deputies of the State Duma; the Trial of Ocalan.

In this article the author aims to examine and assess actions taken by the leader of the Kurdistan Workers' Party (PKK) A. Öcalan in his exile and persecution that eventually led to his arrest and imprisonment. The author analyzes the situation of PKK in the late 1990s in the context of the geopolitical layout developed in the Middle East. The author concludes that its situation deteriorated for the following reasons. First, Turkey needed to be able to ensure the safety of the Baku-Ceyhan pipeline construction. Second, the normalization process between the Kurdish parties in Northern Iraq exacerbated the situation of PKK in this region. Third, Turkey and Israel concluded a number of agreements on strategic partnership. Both countries were openly hostile to Syria, where the residence of Öcalan was, and PKK training camps were harbored. In 1998 Turkey openly threatened military action against Syria, and forced it to stop supporting PKK and to send Öcalan out of the country. The author traces the path of Öcalan through several countries and examines the reasons of their refusal of granting political asylum to the PKK leader. Öcalan had ties with Russian political and public figures including deputies of the State Duma. V. Zhirinovsky, the leader of the LDPR party, offered Öcalan refuge in Russia. After a brief covert stay in Russia his presence was discovered and became known to Turkish intelligence. Russian government refused to grant political asylum to Öcalan in fear of foreign policy complications, and Öcalan went to Italy. The Constitution of Italy prohibits extradition to countries retaining the death penalty. But Öcalan soon became a problem for Italy due to deterioration of relations with Turkey, its major economic partner. The government considered several solutions: to send Öcalan back where he came from, to grant him political asylum, to bring Öcalan before an international court or to trial him in Italy. The author pays special attention to the struggle waged by the PKK leader for his freedom and for drawing broad international attention to the Kurdish prob-

lem. Öcalan himself stated that he was ready to stand trial in Europe realizing that this would provide an opportunity to draw international attention to the injustices against the Kurds in Turkey. But the Italian government eventually decided not to take responsibility and asked Öcalan to leave the country. After he changed several countries he was covered by Greek officials in the Greek embassy property in Nairobi, Kenya. The author of the study concluded that Turkish special services organized an operation of Öcalan's kidnapping and transferring him to Turkey through assistance of the intelligence services of Israel and the United States. Öcalan was sentenced to death, which later was commuted to life imprisonment. The author also examines the consequences of Öcalan's arrest and, in particular, the coordinated wave of protests by the Kurdish diaspora across the world, most fiery in Europe.

REFERENCES

1. *Waqaeqi Kurdistan*. (2000). 9 (118).
2. Muftuler-Bac, M. (1998) Turkey and Israel: An evolving partnership. In: Ariel Center for Policy Research. *Policy Paper*. 47. Tel Aviv. [Online] Available from: http://www.acpr.org.il/pp/pp047-meltemE.pdf.
3. Guney, N. (2004) Country report on Turkey In: Walter, Ch. (ed.) *Terrorism as a Challenge for National and International Law: Security Versus Liberty*? Berlin: Springer.
4. *Ston Rodiny*. (2002). 3 (139).
5. Broev, R. (1998) *Gosudarstvennaya Duma i Kurdskaya problema* [The State Duma and the Kurdish problem]. Moscow: Axina welat.
6. *Kommersant*. (1998). 219 (1622).
7. *Svobodnyy Kurdistan*. (2002). 4 (141).
8. *Kommersant*. (1998). 207 (1610).
9. *Ston Rodiny*. (1999). 24 (113).
10. Aliboni, R. & Pioppi, D. (2000) The Öcalan Affair Revisited. *The International Spectator*. XXXV:3. pp. 37–49.
11. van Bruinessen, M. (2000) *Kurdish Ethno-nationalism Versus Nation-building States: Collected Articles*. Istanbul: Isis Press. pp. 277–289.
12. Chiappetta, H. (2001) Rome, 11/15/1998: Extradition or Political Asylum for the Kurdistan Workers Party's Leader Abdullah Ocalan? *Pace International Law Review*. 13:1. pp. 118–149.
13. *Kommersant*. (1998). 224 (1627).
14. Tarasov, A. (2000) Kazn' Odzhalana ne ostanovit kurdov [Execution of Öcalan will not stop the Kurds]. [Online] Available from: http://www.left.ru/2000/12/odzhalan.html.
15. Öcalan, A. (2003) *Ot Shumerskogo gosudarstva zhretsov k demokraticheskoy tsivilizatsii: zashchitnaya rech' na Evropeyskom sude po pravam cheloveka* [From the Sumerian state of the priests to a democratic civilization: a defence speech at the European Court of Human Rights]. Translated from Turkish by Ya.S Balayan, K.M. Dzhabrailov. Moscow: Astreya.
16. *Ston Rodiny*. (2002). 2 (138).
17. Ridgway, M.B. (2005) *Anatomy of a Terrorist Attack: An in-Depth Investigation Into the 1998 Bombings of the U.S. Embassies in Kenya and Tanzania.* Center for International Security Studies at the University of Pittsburgh. [Online] Available from: https://www.files.ethz.ch/isn/26356/05_anatomy_terr_attack.pdf.
18. *Milliyet*. (1999). 17 June.
19. *Milliyet*. (1999). 21 July.
20. *Russian Federation. RIA "Novosti"*. (1999). 31 May.
21. *Nezavisimaya gazeta*. (1999). 26 November.

Received: 10 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 52–63. DOI: 10.17223/15617793/426/6

УДК 94(47+57)

В.Ю. Башкуев

МЕДИКО-САНИТАРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ НАРКОМЗДРАВА РСФСР В ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ТУВИНСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (КОНЕЦ 1920-х – СЕРЕДИНА 1930-х гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Европейская медицина в контексте социалистической трансформации монгольских народов: конфликт и взаимодействие (1920-е – 1970-е гг.)» № 16-01-00284.

Рассматривается роль экспедиций Наркомздрава РСФСР в строительстве народного здравоохранения в Туве в период суверенитета. Освещаются малоизвестные аспекты взаимодействия советских медиков с тувинскими аратами и ламами, представителями власти, русскими переселенцами. На основе ранее не публиковавшихся документов выделен комплекс медико-санитарных проблем Тувинской Народной Республики и показаны способы их решения силами советских врачей.
Ключевые слова: Тува; здравоохранение; медико-санитарные экспедиции; тибетская медицина; эмчи-ламы; амбулатории; Тувздрав; сифилис; трахома; корь; эпидемии.

Роль советской помощи в становлении и развитии современной системы здравоохранения в Туве – многоаспектная и недостаточно изученная историческая проблема. Медицина и здравоохранение имели большое значение для консолидации политического и культурного влияния СССР в период суверенитета Тувы (1921–1944), но в советский период единственными фундаментальными работами по истории тувинского здравоохранения были кандидатская диссертация М.Г. Шабаева и монография на ее основе [1. С. 80; 2]. Комплексные исторические труды по Туве в основном фокусировались на периоде после 1944 г. В соответствии с советским историографическим каноном создание здравоохранения трактовалось как интегральная часть культурного строительства в новой автономной области РСФСР. Абсолютизировались количественные показатели: рост сети лечебно-профилактических учреждений и кадрового состава медицинской отрасли [3. С. 415–423]. В современных исследованиях акцент сделан на совершенствовании медицинских кадров тувинского здравоохранения. Опубликованы обзоры диссертаций медиков Тувы, сборники авторефератов, исследуется процесс формирования медицинского сообщества как профессиональной группы и социальной общности [1; 5. С. 38; 6. С. 65]. Организационные формы, политическое, социокультурное содержание и значение советской медико-санитарной помощи Тувинской Народной Республике (ТНР) в 1920–1930-х гг. лишь сейчас становятся объектом исторического анализа [7. С. 350–357].

В статье речь пойдет о медико-санитарных экспедициях Наркомздрава РСФСР в ТНР в период с 1928 по 1934 г. Тогда силами экспедиционных врачей было проведено комплексное медико-санитарное обследование населения и территории Тувинской Народной Республики, выявившее основные проблемы здоровья тувинцев и русских поселенцев; началось систематическое оказание квалифицированной медицинской помощи населению. С советской помощью в республике стала формироваться сеть лечебно-профилактических учреждений на принципах массовости, повсеместной доступности, бесплатности и профилактической направленности медпомощи.

История эта важна не только как основополагающая стадия развития тувинского здравоохранения, но и как пример проводившейся Москвой политики культурно-идеологического воздействия на население стран в зоне своих геополитических интересов. Со второй половины 1920-х гг. взаимодействие СССР с Монголией, Тувой, китайской провинцией Синьцзян, Афганистаном, Ираном и странами Ближнего Востока строилось на использовании непрямых аспектов политического влияния, в современных терминах – «мягкой силы». Медицине в этих отношениях уделялась ключевая роль [Там же. С. 10–17].

Медико-санитарная помощь осуществлялась на фоне турбулентных изменений в политике и социальной жизни вовлеченных во взаимодействие народов. Поэтому экспорт организационной модели советского здравоохранения в страны центральноазиатского региона и ее адаптация в кочевых сообществах представляли собой сложные процессы, в которых интересы основных акторов, бывало, диссонировали друг с другом. Характер этого взаимодействия в Бурятии, Монголии и Туве различался, несмотря на типологическую схожесть кочевых социумов и их имманентную «малокультурность», с точки зрения большевиков. История советской медико-санитарной помощи Туве представляется уникальным примером: в ТНР врачам пришлось параллельно работать с двумя традиционными обществами – кочевым тувинским и переселенческим русским. Каждое имело характерный набор медико-санитарных проблем, требовавших особого подхода. В отличие от Бурят-Монгольской АССР и МНР, где медицинское обслуживание кочевого населения позиционировалось врачами как наиболее сложная часть работы, в Туве решение проблем русского населения представлялось едва ли не большим вызовом, чем медицинская помощь тувинцам.

В этом контексте интересно взаимодействие экспедиционных врачей – носителей принципиально новой для Тувы того периода концепции всеобщего здравоохранения – с различными контингентами своих подопечных, а также с властями ТНР по профессиональным и идеологическим вопросам. Какой характер приобрели контакты советских медиков с обследуемым местным населением – тувинскими аратами, ламами, представителями власти и русскими поселенцами и какие факторы обусловили формирование этих взаимоотношений? Какие медико-санитарные

проблемы были выявлены у тувинцев и русских и как они коррелировались с проблемами традиционных социумов? Каких результатов удалось достичь за изучаемый период? На эти вопросы нам помогают ответить материалы отчетов советских медико-санитарных экспедиций в Тувинскую Народную Республику, находящиеся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации (фонд А-482, опись 35 «Общесоюзное бюро заграничной санитарной информации при Наркомздраве РСФСР»). Часть документов впервые вводится в научный оборот.

Политическая и медико-санитарная ситуация в Туве в первой четверти XX в. Вопрос российско-тувинских и советско-тувинских политических отношений хорошо освещен в современной историографии. Исследователи встраивают его в треугольник геополитических взаимоотношений России, Китая и Монголии, где «урянхайскому вопросу» отводятся разные по иерархии позиции. Так, З.Ю. Доржу подчеркивает самостоятельное геополитическое значение Урянхая для Российской империи, объясняя его экономическими интересами российской торгово-промышленной элиты и наличием русского анклава. Вместе с тем она отмечает сильное монгольское влияние, утверждая что «сторонников перехода в монгольское подданство в крае было немало, их позиции были сильны» [8. С. 158]. Н.М. Моллеров считает, что провозглашенный в августе 1921 г. суверенитет Танну-Тувы позволял советской дипломатии рассматривать республику как запасной вариант геополитического буфера в Центральной Азии на случай вхождения Монголии в состав Китая [9. С. 8]. С.Г. Лузянин определяет геополитический статус Тувы как относительно самостоятельной этнорегиональной структуры в системе отношений СССР–МНР, уравнивая его с Бурятией, никогда не являвшейся суверенным государством [10. С. 133].

Безусловно, Тува являлась геополитически важным регионом как для Российской империи, так и для СССР. Царская Россия создала в Урянхае (до 1911 г. – части Цинской империи) экономические и демографические предпосылки интеграции в виде предприятий русских промышленников и купцов, а также переселенческой колонии. СССР воспользовался созданными рычагами влияния, усилив их сначала воинскими частями, затем консульством и представителями Коминтерна (М.Г. Сафьянов, А.М. Амур-Санан, Б. Цивенжапов, С.А. Нацов). Коминтерновцы имели на Туву свои планы, касавшиеся перспектив экспорта пролетарской революции в глубины Азии. Геополитическое положение страны как советского сателлита было законодательно закреплено в п. 2 Конституции Тувинской Народной Республики 1921 г., где говорилось, что СССР оказывает Туве покровительство в международных вопросах и осуществляет в ее отношении политику поддержки и опеки [9. С. 6].

Важной частью политического покровительства являлась советская медико-санитарная помощь. Нельзя сказать, что до появления в Туве русских местное население было совершенно беспомощно в плане охраны здоровья. У тувинцев существовала развитая народно-бытовая медицина, сформированная тысячелетним опытом взаимодействия с окружающей средой. Распространена была и тибетская медицина. Лекари (эмчи-ламы) пользовались огромным авторитетом. Они обучались в медицинских школах (мамбадацанах) и умели лечить более широкий диапазон заболеваний, чем шаманы и знахари. У тибетской медицины были собственные фармакопея, терапия и хирургия. Опора на древние медицинские трактаты придавала тибетским медицинским практикам дополнительный авторитет.

Однако рациональный медицинский потенциал традиционных систем был ограничен. В народно-бытовой медицине причины заболеваний сводились к поиску и объяснению противоречий больного с нематериальным миром духов и божеств, а основная терапия состояла в магических ритуалах, производившихся кастой шаманов. Критики отмечали крайнюю схоластичность и догматичность тибетской медицины, позиционируя ее как застывшую в своем развитии тысячелетия назад. За редким исключением эмчи-ламы не умели лечить инфекционные заболевания. Как и шаманы, они были беспомощны перед серьезными эпидемиями.

Европейская медицина появилась в Урянхае с русскими исследователями и путешественниками. Как правило, те возили с собой походные аптечки и лечили тувинцев своими лекарствами. После открытия в 1898 г. фельдшерского пункта в пограничном Усинском округе окрестные тувинцы получили доступ к русской медицинской помощи [2. С. 54–55]. В 1909 г. в с. Туран (первое русское поселение в Урянхае, основано в 1885 г.) начала практиковать врач А.М. Сафьянова. Она организовала хорошо оборудованный медицинский пункт со стационаром. Затем А.М. Сафьянова заведовала там же амбулаторией Урянхайского переселенческого пункта. В истории Тувы появился первый официальный европейский врач [Там же. С. 58]. По словам старожилов, А.М. Сафьянова имела большую тувинскую клиентуру. Позднее она практиковала в с. Тоджа [11. Л. 60].

С принятием Урянхая под российский протекторат 17 апреля 1914 г. в крае были развернуты Туранская врачебная амбулатория, Знаменский и Хемчикский фельдшерские пункты. С началом строительства г. Белоцарска там была открыта переселенческая больница на 22 койки. В 1916 г. в пос. Ченагаш на Хемчике работал русский врач Плетнев. Затем его сменил фельдшер Дубовский, занимавшийся оспопрививанием среди тувинцев. В целом тувинцы пользовались европейской медицинской помощью активнее русских [2. С. 60].

В годы революции и Гражданской войны больница в Белоцарске была закрыта, а медобслуживание населения проводилось разъездными фельдшерами. В 1918 г. в Хем-Бельдире (быв. Белоцарске) работал врач Ксюнин. На Чергаке медицинскую помощь населению оказывала врач Леонова, погибшая в 1921 г. в ходе тувинско-русского конфликта. Также в период с 1918 по 1921 г. в Урянхае практиковали взятые в плен красными врачи Тришкин, Ростовцев и Вишневский [11. Л. 60].

В 1924 г. по инициативе исполкома РСТК в Кызыле, Знаменке, Туране были вновь открыты медицин-

ские пункты. Больница исполкома в Кызыле имела два помещения: в одном размещалась амбулатория с аптекой, в другом – стационар на 12 коек; медперсонал состоял из врача, четырех фельдшеров, акушерки и четырех сиделок. Хирургические больные отправлялись в Минусинск – у больницы не было собственного хирургического оборудования и не хватало медикаментов [12. Л. 44]. В 1926–1927 гг. Кызыльской русской больницей заведовал врач Васильев. Вместе со своей женой, тоже врачом, он работал по совместительству и в тувинской больнице [11. Л. 60].

С лета 1926 г. лечение в больнице исполкома РСТК стало платным. Население русской колонии имело страховую кассу, в которой было застраховано 800 чел. Страховые взносы составляли 32 000 руб. в год. Из них 18 000 руб. уходили в больницу в качестве платы за медицинскую помощь застрахованным. Ежегодно страхкасса посылала до 100 чел. лечиться на курорт на озере Чедер в 40 км от Кызыла [12. Л. 45].

Лечебная сеть правительства ТНР была представлена единственной больницей в Кызыле, основанной в 1923 г. Больница занимала деревянный одноэтажный дом и состояла из амбулатории с аптекой и стационара на шесть коек. Часть помещения предоставлялась тибетскому врачу. Годовой бюджет больницы в 1927 г. составил 20 000 руб. Персонал состоял из врача, фельдшера, переводчика и кухарки. Больница испытывала острый дефицит медикаментов, хирургического инструментария, перевязочного материала, белья и постельных принадлежностей [Там же. Л. 43 об.].

Основным контингентом были тувинцы, работавшие в правительственных учреждениях, солдаты, ученики и араты из пригородных районов. Случаи приезда издалека были единичны. Выезды к больным на дальнее расстояние также осуществлялись редко [Там же. Л. 43].

В отчетах экспедиционных врачей говорится, что до 1927 г. лечение сифилиса даже в русских медпунктах Тувы проводились втираниями ртутной мази и йодистым калием. Инъекции делались лишь в редких случаях. В 1927 г. лишь один врач в Кызыльской больнице проводил более или менее правильные курсы лечения у незначительной категории тувинцев, имевших возможность регулярно приезжать в город. Основная масса больных довольствовалась обращениями к шаманам и ламам [11. Л. 48]. Так в Туве постепенно вызревала общая для монгольского мира проблема – большая распространенность сифилиса и других венерических заболеваний.

До 1930 г. тибетская медицина в ТНР признавалась официально и субсидировалась из госбюджета. Эмчи-ламы регистрировались в МВД. В 1927 г. в республике насчитывалось 235 зарегистрированных лекарей-лам; в действительности их было гораздо больше [12. Л. 44]. В 1922–1926 гг. специальными распоряжениями тувинского правительства эмчи-ламы призывались на государственную службу. Они поочередно отзывались из своих монастырей (курэ) в Кызыл и отбывали там своеобразную повинность по 72 дня каждый [2. С. 69].

Позже правительство ТНР приняло меры по созданию постоянного учреждения тибетской медицины. Согласно «Закону о тибетской больнице» 1928 г., для обслуживания населения утверждались должности заведующего, врача, фельдшера, сиделки, изготовителя лекарств и истопника-курьера. Кандидатуры заведующего больницей и врача утверждались правительством ТНР, остальные назначались МВД. На работников Тибетской больницы возлагалась обязанность оказывать медицинскую помощь, вести профилактическую и противоэпидемическую работу. В сферу ответственности персонала входили изготовление лекарств и издание медицинской литературы для продвижения дела народного здравоохранения в массы [13. Л. 25–26].

Советские специалисты смотрели на эмчи-лам иначе. Врачам они представлялись темными в медицинском плане духовными лицами, комбинирующими молитвы со знахарством. Лечение сводилось к раздаче порошков в зависимости от симптомов. Природа заболеваний в основном объяснялась загрязнением крови. Ламское лечение сифилиса сводилось к курению больным различных смесей ртути и окуриванию дымом пораженных язвами участков тела. Не зная точной дозировки, эмчи нередко вызывали у больных тяжелые отравления [11. Л. 48].

Важную роль в сборе рекогносцировочного материала по медико-санитарным проблемам и состоянию медицинской сети Тувы сыграла первая комплексная научная экспедиция АН СССР под руководством профессора В.В. Бунака (1926). В ее состав входил врач А.П. Преображенский, изучавший проблемы здоровья. Исследования велись в нескольких направлениях. Основой доклада послужили данные амбулаторного обследования 297 тувинцев, проведенного в разных районах республики.

По данным А.П. Преображенского, сифилис был распространен во всех районах республики концентрированными очагами, главным образом вокруг буддийских монастырей. Из 297 обследованных тувинцев люэс был обнаружен у 89 чел. [12. Л. 48]. Отмечалось, что течение заболевания у тувинцев носит благоприятный характер, а болезнь легко поддается лечению [Там же. Л. 43]. Другими распространенными инфекционными заболеваниями были чесотка и трахома. Эпидемии же в Туве случались редко. Последняя на тот момент эпидемия возвратного тифа была в 1921 г. и сопровождалась высокой смертностью.

За время экспедиции А.П. Преображенский оказал медпомощь около 200 русских поселенцев. Обследованное русское население Тувы страдало в основном от катаральных состояний желудочно-кишечного тракта и суставного ревматизма. Врач заметил, что сифилис среди русских встречается очень редко [Там же].

Суммируя материалы по медико-санитарному состоянию ТНР до 1928 г., можно отметить, что за небольшой период существования в Туве европейских медучреждений у тувинцев в целом сформировалось их положительное восприятие, а некоторые практики – оспопрививание, использование ртутных препаратов – были переняты эмчи-ламами. Тем не менее тибетская медицина была глубже укоренена в тувинском обществе, что позволило правительству законодательно оформить ее в качестве государственной.

Основными проблемами здоровья тувинцев были чесотка, сифилис и другие венерические заболевания, трахома. Вызовом для будущих медицинских экспедиций было и наличие в Туве большой русской общины. Переселенцы страдали иным набором заболеваний и обслуживались своими медучреждениями отдельно от тувинцев. Для более эффективной организации здравоохранения А.П. Преображенский рекомендовал принять принцип единства медобслуживания для всего населения Тувы.

Первая медико-санитарная экспедиция Наркомздрава РСФСР в Туве (конец 1927–1928 г.). В 1927 г. во время посещения Наркомздрава РСФСР делегацией ТНР от имени правительства республики была высказана просьба о содействии в организации квалифицированной медицинской помощи населению республики. Руководство НКЗ РСФСР приняло решение срочно направить в Туву экипированную всем необходимым медико-санитарную экспедицию в составе трех врачей, фельдшера и двух единиц младшего медперсонала [12. Л. 54 об.].

Обосновывая необходимость организации экспедиции неспособностью тувинского правительства самостоятельно создать качественное и доступное здравоохранение, Наркомздрав отмечал возможность использования этого обстоятельства иностранными государствами [Там же. Л. 54]. В геополитическом смысле возникла необходимость заполнить образовавшийся в соседней стране вакуум, пока ее правительство не переориентировалось на другие державы. Медицина являлась одним из действенных рычагов культурного влияния, мощным проводником идеологии в массы. Важность этого аспекта доводилась до сведения каждого участника экспедиции.

Приказом № 440 по Наркомздраву РСФСР от 2 декабря 1927 г. в состав медико-санитарной экспедиции в Тувинскую Народную Республику были назначены:

1. Арутюнян Мартирос Саркисович (хирург) в качестве врача экспедиции с одновременным выполнением обязанностей начальника экспедиции.

2. Николаенко Александр Иванович (венеролог) в качестве врача экспедиции.

3. Мисежников Исай Григорьевич (венеролог) в качестве врача экспедиции.

4. Кварцева Мария Евграфовна в качестве фельдшерицы-акушерки экспедиции [Там же. Л. 52].

Работа экспедиции должна была осуществляться в следующих направлениях:

а) оказание квалифицированной амбулаторной и стационарной лечебной помощи тувинскому и русскому населению республики как в оседлых местностях, так и в кочевьях;

б) разработка и проведение мероприятий, направленных на оздоровление тувинского населения;

в) изучение санитарно-бытовых условий жизни местного населения;

г) санитарное просвещение населения в формах, соответствующих местным условиям;

д) привлечение населения к участию в оздоровительных мероприятиях;

е) изучение современного состояния тибетской медицины и ее форм в Туве.

Основными принципами экспедиции объявлялись укрепление доверия местного населения к культурным учреждениям и абсолютная бесплатность предоставляемых медицинских услуг. Категорически воспрещалось вести частную практику и принимать от пациентов любую, даже сугубо добровольную, плату [13. Л. 1, 1 об., 2].

Финансирование экспедиции возлагалось на Наркомздрав РСФСР по ранее утвержденной смете [Там же. Л. 2 об.]. Первая медико-санитарная экспедиция работала в Туве на протяжении всего 1928 г. 6–7 декабря 1928 г. в Кызыле была проведена итоговая конференция. Ее материалы сохранились в фондах Государственного архива Российской Федерации.

Работа велась как в Кызыле, так и на местах: в Чадане, Чергаке, Чеды-Карасуке, Чакуле, Шагонаре, Туране, в Мало-Енисейском и Подхребтинском районах. Сначала мобильный медотряд выдвинулся в Чаданский кожуун, где в январе 1928 г. был организован медицинский пункт. Место для него было выбрано на редкость удачно, на территории местного курэ, где проживали около 500 лам и послушников-хувараков. С первых дней работы советские врачи получили доступ к внутренней жизни буддийского монастыря и смогли провести поголовное обследование его населения.

Прием больных лам и хувараков начался с первого дня работы. В основном люди обращались с незначительными заболеваниями. Среди пациентов встретилось лишь несколько сифилитиков. Хувараки массово страдали от чесотки и кожных болезней. Поголовный телесный осмотр около 200 послушников дал врачам возможность судить о хорошем состоянии их здоровья. Было отмечено, что ламы не пьют, не курят и в целом придерживаются здорового образа жизни [11. Л. 50].

Неделю спустя начался приток простых тувинцев. Основной контингент составили местные жители в радиусе от 10 до 30 км. Тувинцы приходили охотно, но некоторые боялись, что русские врачи станут их «резать». В тот момент в Чадане находился председатель Совета министров ТНР К. Дондук, который, смеясь, успокаивал самых робких. Положительную роль сыграло и оспопрививание, которое тувинцы высоко ценили. Если экспедиционные врачи не имели возможности где-то провести оспопрививание, тувинцы просили оставить им оспенный детрит, так как ламы тоже умели прививать оспу. Всего в ту поездку врачи сделали более 6 000 оспенных прививок и около 200 было сделано ламами или кем-то другим [Там же. Л. 66].

Отдаленность, а также то, что на зиму тувинцы со своими стадами поднимались на зимние горные пастбища, объясняли малое количество прибывавших людей. Поэтому через две недели было решено разделить отряд. Второй врач отправился в Чеды-Карасук, где в заброшенном деревянном доме в открытой степи был развернут еще один медицинский пункт.

Местные власти информировали жителей о начале работы медпункта. Через неделю начали подъезжать больные. Сифилитики, которым был необходим длительный курс лечения, размещались рядом в юртах и аккуратно выполняли все указания врача. Чтобы добираться до тяжелобольных и проводить обследования, врачам приходилось совершать выезды верхом

на лошадях – других средств передвижения, как и дорог, в тех местах не было.

В отчете врач А.И. Николаенко характеризовал отношение местных властей как бюрократическое и официальное. На Чеды-Карасуке на его просьбу достать за плату лошадей председатель хошуна ответил, что это очень трудно и нужно много времени. С помощью тувинца-переводчика А.И. Николаенко в тот же день нанял трех лошадей. На Чаданском хошунном празднике власти проигнорировали советских врачей и даже ставили им препоны в организации выставки. Иногда местные начальники требовали письменное разрешение на осмотр юрт. Враждебности с их стороны не было, но, по словам А.И. Николаенко, «мы им причинили некоторые хлопоты, и как они ни были незначительны, они заставляли их проявить активность, несовместимую с их медлительностью и азиатским характером». Советский врач также отметил, что они умели отлично различать начальника и подчиненного и вести себя сообразно тому, с кем имеют дело. Для местных властей советские врачи выглядели подчиненными, посланными из Кызыла для работы с тувинцами [11. Л. 65].

В Чеды-Карасуке обследовательский отряд провел месяц. За это время удалось подлечить сифилитиков. Проводя больным курс сальварсанотерапии, венерологи старались его не прерывать и при переезде в другой район предлагали больным отправиться с ними, обещая позаботиться о питании и проживании. Большинство тувинцев соглашалось. Эффект от лечения сальварсаном и доброе отношение врачей повышали в тувинском обществе доверие к советской медицине [Там же. Л. 53].

В конце февраля экспедиционный отряд передвинулся в Шагонарский кожуун. На тот момент в нем проживали около 6 000 тувинцев и 2 000 русских. Медпункт был развернут в помещении русской больницы. С первых дней начался наплыв тувинцев с симптомами сифилиса. Контингент состоял преимущественно из женщин и молодежи; формы сифилиса – свежие. Вскоре было определено, что Шагонар являлся очагом сифилиса. Впоследствии проблеме сифилиса у тувинцев уделялось особое внимание всех советских экспедиций.

Из Шагонара И.Г. Мисежникову пришлось срочно выдвинуться в поселки Подхребтинский и Мало-Енисейский, где он провел часть апреля, май и июнь 1928 г. За это время удалось обслужить почти все русские поселки страны. По словам И.Г. Мисежникова, иногда возникало впечатление, что на прием явилось все население поселка и что больных больше, чем здоровых. Многие заболевания характеризовались как незначительные. А.И. Николаенко писал, что среди русского населения слух о приезде врачей, якобы специально посланных для обслуживания русских колонистов, распространился задолго до прибытия первой экспедиции. Этим и объяснялось паломничество в экспедиционный медпункт. Несмотря на то что безусловным фокусом внимания врачей были тувинцы, на русских пришлось потратить огромное количество времени. Если в среднем на больного тувинца была потрачена одна условная единица времени, на русского пациента тратилось полторы [11. Л. 61].

Главной проблемой были заболевания желудочно-кишечного тракта, например хронический гастрит в сочетании с метритом и птозисами у женщин. Причины лежали в нерациональном питании, плохой наследственности и частых родах в антисанитарных условиях. Женщины надеялись получить от московских врачей чудодейственные лекарства для немедленного исцеления своих «давлений», «колотья» и головной боли. Указания диетического характера и информация о второстепенной роли лекарств вызвали большое разочарование, нарекания, жалобы и чуть ли не нажим на местные власти [Там же. Л. 62].

У мужчин основной проблемой был хронический ревматизм из-за специфики весенних полевых работ. Крестьяне часто работали на заливке пашни босиком. Мужчины тоже надеялись на немедленное избавление от своих «ломот» и были разочарованы. В отличие от тувинцев, сифилис и кожные заболевания среди русских встречались очень редко.

Большие проблемы обнаружились у русских детей. Младенцев крестьянки кормили бессистемно, прикармливание начинали слишком рано (до шестимесячного возраста), давая не только коровье молоко, но и крошки со стола. От этого часто случались энтериты, особенно летом. Высокой была младенческая смертность. Телесный осмотр детей школьного возраста показал их слабое физическое развитие от неправильного питания, плохое состояние зубов. Школы во многих случаях не соответствовали санитарным нормам.

Исходя из наблюдений, И.Г. Мисежников заключал, что: 1) в крупных поселках необходимо организовать медпункты; 2) в поселках следует создавать ясли для младенцев, особенно летом; 3) в школах необходимо обеспечить хорошие санитарно-гигиенические условия: вентиляцию помещений и классов, освещенность и т.д.; 4) требуется усилить санитарный надзор за состоянием жилищ и огородов путем организации во всех русских поселках санитарных комиссий; 5) из-за большого количества больных ревматизмом следует обратить внимание на имеющиеся в Туве курорты (соленые озера, горячие источники); 6) торговым организациям необходимо закупать резиновые сапоги в качестве спецобуви для крестьян на период весенних сельхозработ [Там же. Л. 58].

Летние месяцы экспедиционные врачи провели в тувинских районах на реке Хемчик. Лето было самым удобным временем для проведения осмотров по юртам. Тувинцы спускались с гор и расселялись большими аилами вдоль рек и ручьев. Методика проведения обследования была проста: врач подъезжал к юртам, извещал о цели своего приезда и предлагал сделать прививки от оспы. На оспопрививание тувинцы сразу соглашались. После этого следовал опрос о состоянии здоровья, количестве умерших и живых детей в юрте и т.д. В случае выявления больных их направляли в медпункт, уже развернутый вторым врачом. В среднем обследование в одной местности продолжалось около трех недель. Затем экспедиционный отряд переезжал в другой район [Там же. Л. 52–53].

Врачам удалось собрать материал, достаточный для выяснения бытовых условий, рождаемости и детской смертности, установить наиболее распространенные заболевания и их долю в структуре заболеваемости, выяснить масштабы распространения сифилиса. Практика показала, что массовые обследования в Туве не представляли особых трудностей, если велись совместно с оспопрививанием и небольшими амбулаторными приемами [13. Л. 29–30].

Основные усилия были направлены на изучение и лечение сифилиса у тувинцев. В 4 271 юрте было обнаружено около сотни больных. Однако делать поспешный вывод о небольшой распространенности сифилиса в обследованных районах врачи не стали. По наблюдениям, тувинцы хорошо умели диагностировать сифилис, но лишь тогда, когда его проявления локализовались на половых органах. О прошлых симптомах они не считали нужным заявлять, так как думали, что при исчезновении внешних проявлений человек выздоравливал. Также тувинцы не знали о том, что сифилисом могут болеть дети и поэтому не сообщали врачу о таких больных. Несмотря на то что обычно они не скрывали своего заболевания и открыто отвечали на вопросы, молодежь, особенно женщины, в присутствии родителей или близких не всегда рассказывали о сифилисе врачу. Бывало, утаив от обследователя свою болезнь, они затем являлись на прием в медпункт, чтобы с глазу на глаз рассказать о ней русскому доктору. Учитывая, что во время обхода юрт врачи не могли проводить тщательных телесных осмотров, И.Г. Мисежников полагал, что количество невыявленных сифилитиков оставалось большим [11. Л. 54].

Количество больных сифилисом по обследованным летом районам выглядело следующим образом: Шагонар – 88; Чакуль – 75; Чадан – 62; Чеды-Карасук – 26; Знаменка – 9; Верхне-Никольское – 6; Туран – 4; Чергак – 28, итого 298 чел. Количество сифилитиков, выявленных зимой, составило 104 чел. Принимая во внимание общую численность тувинского населения (58 000), примерное количество юрт (12 000) и радиус действия обследовательского отряда, И.Г. Мисежников пришел к выводу, что количество больных сифилисом в Туве составляло примерно 6 000 чел. (около 10 % населения). Основной формой сифилиса в Туве была третичная. Первичный сифилис обнаруживался лишь в единичных случаях. Случаев нейросифилиса не было. Лечение тувинцев неосальварсаном было очень эффективным [Там же. Л. 56]. Практика показала, что применение советского неосальварсана давало такой же положительный результат, как у препарата германского производства, без серьезных осложнений [14. Л. 31].

В ходе обследовательской работы советские врачи пришли к выводу о том, что сифилис в Туве распространяется в основном половым путем. Наиболее неблагополучными районами были Шагонар и Чакуль. Оттуда болезнь распространялась на всю территорию страны, лежащую к юго-западу от Кызыла [11. Л. 71–72].

Венерологи пришли к выводу о том, что в условиях Тувы борьба с сифилисом не представляет особых трудностей, так как тувинцы уже убедились в превосходстве медикаментозного лечения над методами тибетской и народной медицины. Этот факт не отрицался и ламами. Советские медики пришли к выводу о необходимости серьезной санитарно-просветительской работы. Организация венерологической помощи виделась следующим образом: открытие постоянных стационаров в Кызыле и Чадане, венерологического пункта в Тодже для больных, приезжающих издалека, а также временных пунктов в наиболее пораженных местностях. Санитарно-просветительскую работу предлагалось вести посредством индивидуальных и коллективных бесед с больными и в форме выставок. Плакаты и выставочные материалы должны были соответствовать реалиям тувинской культуры и быта [13. Л. 31].

Большое распространение в Туве имела трахома. Немногие люди обращались с ней к врачу. Эмчиламы игнорировали трахому, не умея ее лечить, а больные постепенно свыкались со своей болезнью. Борьба с трахомой предполагала активную санитарно-просветительную работу: пропаганду общественной и личной гигиены, использования мыла и дезинфицирующих средств [Там же. Л. 32].

Туберкулез легких у тувинцев встречался редко. Большее распространение имел туберкулез костей и желез. Как и у русских, среди тувинцев был распространен хронический ревматизм, вызванный холодным климатом и тяжелыми условиями жизни.

Самым массовым заболеванием в Туве была признана чесотка. Отмечалось, что если не знакомить тувинцев с ее этиологией, способами и условиями заражения, даже медикаментозное лечение не возымеет действия. Для дезинфекции одежды и постельных принадлежностей при Чаданском стационаре и временных медпунктах было необходимо построить бани и дезокамеры.

На основе статистики амбулаторных приемов и данных обследований был сделан вывод о том, что структура заболеваемости в Туве практически не отличалась от других стран. Врачи экспедиции заключили, что оздоровление тувинского народа не представляет особых трудностей. Тувинцы оказались восприимчивы к гигиеническим привычкам, а амбулаторные приемы показали, что они полностью доверяют русским медикам и следуют указаниям. А.И. Николаенко писал: «Среди тувинцев врач не чувствует себя таким беспомощным и обезоруженным, каким чувствует себя среди русских. Да и само отношение к медицине, как это ни странно, более разумно со стороны тувинцев. Тувинское население благодаря ламам, всегда прописывающим своим больным ту или иную диету, придает диетическому лечению почти такое же значение, как и медикаментозному. От русского больного никогда не услышишь вопроса, можно ли есть то или другое. Этот вопрос почти всегда ставится тувинцами и совет врача строго выполняется» [11. Л. 66].

Залогом успеха в деле построения народного здравоохранения в Туве представлялось наличие достаточного количества образованных врачей, следующих принципам советской медицины и понимающих важность своей работы в условиях ТНР. Отмечалось, что медицинская помощь и другие услуги должны оказы-

ваться бесплатно. Однако необходимо было учитывать и специфические социокультурные особенности. Так, врачи предупреждали, что переход кочевников на оседлость в тех формах, которые на тот момент сложились у местных русских, может привести к росту заболеваемости и смертности среди тувинцев [13. Л. 33].

Что касается русского населения, специалисты экспедиции отмечали сложность борьбы за его оздоровление. Повышенную заболеваемость врачи объясняли плохой наследственностью, нерациональным кормлением и уходом за детьми, антисанитарным состоянием школ, частыми родами в антисанитарной обстановке, плохим питанием, тяжелым трудом и скученностью в жилищах. Часто болезни накладывались одна на другую – хронические заболевания желудочно-кишечного тракта сочетались с женскими болезнями и нервным переутомлением. Излишняя вера в медикаментозное лечение, распространенная среди русских в Туве, затрудняла терапию этих недугов.

Выход советские медики видели в следующем. Необходимо было наладить широкое информирование женщин о методах правильного кормления и ухода за детьми, физиологии желудка и принципах диетического питания. В школах рекомендовалось ввести физкультуру, а в поселках организовать детские ясли и санитарные ячейки. Ключ к укреплению здоровья русского населения, по мнению членов экспедиции, лежал в оздоровлении жилищ, школ и условий труда, поднятии культурного и экономического уровня [Там же. Л. 34–35].

Результаты работы были доложены начальником экспедиции М.С. Арутюняном на заседании Малого Хурулдана в апреле 1929 г. За 14 месяцев работы в Тувинской Народной Республике советские врачи два раза выезжали в Чадан, два раза на Верхний Хемчик, один раз в Чергак, два раза в Шагонар, по два раза в Туранский и Подхребтинский районы и один раз в Мало-Енисейский район. Через медпункты экспедиции в районах прошли 3 644 тувинца и 4 261 русских; через городскую амбулаторию прошли 3 284 больных тувинцев и 12 424 русских; в больнице лечилось 260 тувинцев и 548 русских [11. Л. 129].

Важным результатом стало создание в Туве единой организации для проведения планомерной работы по оздоровлению населения страны. Начавшись с объединения в Кызыле тувинской больницы и больницы исполкома РСТК, процесс организации системы здравоохранения пошел дальше и при Министерстве внутренних дел ТНР был открыт отдел здравоохранения (Тувздрав). Одновременно велись разработка законодательных актов по здравоохранению и проектирование сети медицинских учреждений по всей республике.

Все мероприятия были официально одобрены Малым и Великим Хурулданами. Увеличились государственные ассигнования на здравоохранение. Если в 1927 г. на содержание тувинской больницы (16 коек) отпускалось 10 000 руб., то в 1928–1929 гг. на развитие медицинской сети (больницы в Кызыле, Чадане и Тодже, фельдшерский пункт в Подхребтинском районе) было выделено уже 89 000 руб. Здравоохранение в Туве стало государственным делом [Там же. Л. 132–133].

Экспедиция внесла вклад в популяризацию европейской медицины, познакомив тувинцев с сальварсановой терапией сифилиса и наглядно продемонстрировав им превосходство европейской медицины. Были заложены основы санитарно-просветительной работы среди тувинцев и русских; введена практика ежемесячных обязательных осмотров тувинских и русских школьников и ежемесячного осмотра тувинского эскадрона (диспансеризация); была отменена платность медицинской помощи как для тувинцев, так и для русских. Экспедиция сумела привлечь внимание к проблеме алкоголизма и добилась запрета на продажу чистого спирта в республике [13. Л. 36]. Для экономии средств и обеспечения координированной лечебной работы правительство Тувинской Народной Республики приняло решение упразднить самостоятельно существовавшую в Кызыле тибетскую больницу, превратив ее в отделение государственной больницы с сохранением методов тибетской медицины [11. Л. 133].

Важные выводы были сделаны в области демографии. Основываясь на данных обследований, медицинской статистике и собственных наблюдениях, врачи экспедиции опровергли мнение о том, что тувинцам грозит вымирание. Напротив, была обнаружена тенденция к росту тувинского населения. В этой связи серьезным аргументом явились новые данные о распространении сифилиса. По данным экспедиции НКЗ РСФСР, сифилисом в ТНР страдали около 10% коренного населения. Цифра в 90% являлась огромным преувеличением [13. Л. 30].

Таким образом, Первая медико-санитарная экспедиция НКЗ РСФСР в ТНР добилась гораздо большего, чем от нее изначально ожидалось. Требовалось стратегическое развитие достигнутого успеха. В сложившихся условиях его могли обеспечить следующие медико-санитарные экспедиции.

Вторая, Третья и Четвертая медико-санитарные экспедиции в Туву (1929–1934 гг.). Работники Второй медико-санитарной экспедиции начали прибывать в Туву в апреле 1929 г. Свою работу в полном составе экспедиция НКЗ РСФСР начала с 20 июня 1929 г. Советские врачи решили, что теперь работа должна вестись «вглубь» на основе опыта и материалов, накопленных предшественниками. Основные оздоровительные мероприятия должны были вестись через стационары и общежития при медицинских пунктах [15. Л. 3].

Общежития при медпунктах представляли собой своеобразный тип лечебной организации, где на полном пансионе пребывали исключительно сифилитики. Их устройство соответствовало поставленной цели и местным условиям. Недостаток средств не позволял содержать всех больных в строгом стационарном режиме. Общежитие же гарантировало тувинцам помещение и питание в чужом месте, и люди из отдаленных районов охотнее ехали на лечение. Кроме того, общежития при медпунктах представляли собой показательные культурные организации, демонстрировавшие тувинцам преимущества личной и коммунальной гигиены, к которым те были очень восприимчивы [Там же. Л. 3 об.].

Стратегия работы вглубь себя оправдала. Основным достижением второй медико-санитарной экспедиции было увеличение доли тувинцев в общем количестве обращавшихся за медицинской помощью. За 1929 г. амбулаториями было принято 14 183 чел., из которых тувинцев было 5 397 чел. (41,9%), русских – 7 786 чел. (59,1%). Через больницу прошли 783 пациентов, из которых тувинцев было 273 (34,8%), русских – 510 (65,2%) [16. Л. 67].

Как отмечал М.С. Арутюнян, в медпункты стали больше обращаться больные в острых стадиях, тогда как ранее преобладали хронические формы. Это повышало шансы на полное выздоровление, делало терапию более эффективной, укрепляло веру тувинцев в европейскую медицину и демонстрировало ее превосходство над ламским лечением.

Вторая экспедиция усилила санитарно-просветительную работу в тувинских района, придав ей более планомерный характер. Началась работа по массовому внедрению санитарно-гигиенических принадлежностей. Для этого в заново открытой центральной аптеке в Кызыле был организован хозрасчетный санитарно-гигиенический отдел. Продолжилась линия по борьбе с шаманами и эмчи-ламами. М.С. Арутюнян отмечал: «Мы теперь достаточно авторитетны, чтобы поднять голос против них, тем более, что сама масса уже мало верит в шаманов и отрицательно относится к ламам – профанам в области врачевания». На полях докладной записки М.С. Арутюняна в НКЗ РСФСР красным карандашом отмечено: «Прав. Надо использовать и переходить в наступление. В Монголии наступление на тибетскую медицину развивается успешно» [15. Л. 5 об.].

Еще будучи начальником первой экспедиции М.С. Арутюнян сетовал на недостаточную общественную подготовку подчиненных. Те же претензии он имел к работникам второй экспедиции. Как общественник более всего выделялся врач Горенштейн, работавший в Чаданском кожууне. Самый густонаселенный район страны, Чадан, считался политически реакционным: там было много монастырей и лам. Однако доктор Горенштейн сразу понял специфическую обстановку в регионе, уяснил себе цели и задачи экспедиции и успешно выстроил свою работу среди тувинцев. О Горенштейне начальник экспедиции писал: «Быстро завоевал у тувинцев авторитет. Задания выполняет отчетливо. Проявляет инициативу, вполне целесообразную и соответствующую духу местных условий… Проявляет живейшее участие в строительстве больницы в районе его действия» [15. Л. 6 об.].

С 1 декабря 1930 г. в Туве начала работу Третья медико-санитарная экспедиция Наркомздрава РСФСР. На этот раз ядро экспедиции в составе двух врачей, фельдшерицы-акушерки и переводчика осталось в Кызыле, а один врач в сопровождении переводчика отправился на работу в Чаданский кожуун с заданием периодически выезжать в Барун-Хемчикский кожуун для обслуживания населения. Начальником третьей медико-санитарной экспедиции был доктор И. Руденко.

В состав экспедиции входили врачи Горенштейн, Бахромеев, Венгеровский и Ривош. Горенштейн заведовал амбулаторией, обслуживавшей Чаданский и Барун-Хемчикский кожууны. К нему приезжали и больные из соседнего Шагонарского кожууна. Персонал состоял из врача, фельдшера, переводчицы, санитарки и дворника. Помещения амбулатории были плохо приспособлены для работы и жилья. В 1928 г. было начато строительство больницы, но к весне 1930 г. оно все еще не продвинулось выше первого этажа. В 1930/31 бюджетном году на завершение строительства правительством было выделено 1 500 руб., в то время как, по словам инженера, только для завершения строительства первого этажа требовалось 7 000 руб.

Рабочие и бытовые условия в Чаданской амбулатории были сложными. Она состояла из одной комнаты, где проводились все врачебные процедуры: уколы, вливания, мелкие операции. Там же готовились и отпускались больным лекарства. Общежитие при медпункте состояло из четырех комнат, в которых размещалось до 50 сифилитиков. Положение в общежитии осложнялось, если там возникала какая-либо другая инфекция: переместить такого больного было некуда и вместо этого приходилось переселять всех остальных в другие переполненные комнаты [16. Л. 34 об.].

Зимой 1929–1930 гг. в Чадане произошла эпидемия кори. Переболели все ученики местной школы, трое умерли. В распространении инфекции сыграла роль теснота и антисанитарное состояние общежития при Чаданской школе; изолировать заболевших учеников было некуда. Произошедшее в мае 1930 г. второе Хемчикское восстание также выявило насущную необходимость в помещениях: больных и раненых красноармейцев приходилось лечить прямо в юртах [Там же].

Несмотря на тяжелые условия, за год работы удалось сделать многое. С ноября 1929 по октябрь 1930 г. амбулаторией было принято 15 492 больных, из которых 5 664 первичных и 9 828 повторных. Из первичных больных мужчины составили 3 778 чел. (67,5%), женщины – 1886 чел. (32,5%). Меньшая обращаемость женщин объяснялась психологическим барьером, который испытывали тувинки, обращаясь к русскому врачу-мужчине [Там же. Л. 35]. Именно поэтому М.С. Арутюнян обращал внимание на важность правильного отношения к тувинским пациентам во время осмотров.

Средняя посещаемость Чаданской амбулатории составила 48 чел. в день. Количество обращавшихся за помощью возрастало в летние месяцы и падало зимой в связи с сезонными откочевками. Осенью количество обращений снижалось из-за полевых работ по уборке зерна [Там же].

Наиболее распространенной болезнью оставалась чесотка. Для ее искоренения требовались санитарная работа и повышение уровня жизни тувинского населения. Принятое на конференции врачей второй экспедиции решение послать в сумуны мобильную баню с дезинфекционной камерой не претворилось в жизнь из-за нехватки финансовых средств. Раздача советскими медиками мыла приносила лишь временное облегчение [Там же. Л. 35 об.].

Следующей по количественным показателям, но, без сомнения, основной по значимости болезнью был

сифилис. Главная проблема состояла в том, чтобы уговорить больных согласиться на изоляцию и систематическое лечение. Выяснилась интересная особенность поведения тувинцев. Они сначала тщательно собирали информацию у тех, кто ранее лечился в советской амбулатории, и только после получения хороших отзывов сами приходили на лечение. Некоторых тувинцев приходилось, как детей, заманивать в амбулаторию сахаром и конфетами. Однако как только больные убедились в действенности лечения, они начали сами являться на повторный курс, не имея никаких внешних симптомов сифилиса.

Врачи часто вели с больными беседы о природе и последствиях сифилиса, донося до сознания многих мысль о том, что одним курсом вылечить такое заболевание невозможно. Учитывая важность проблемы, врачи лояльно относились к «дезертирам», сбегавшим из общежития посреди ночи, а затем являвшимся в амбулаторию с просьбой принять их обратно на лечение. Как и их предшественники, врачи третьей экспедиции отмечали, что в Туве сифилисом было поражено не более 10% населения при отсутствии нейросифилиса, аортита, поражений других внутренних органов и систем [16. Л. 36 об.].

В Чаданскую амбулаторию за год обратилось значительное количество трахоматозных больных. Всего за 16 месяцев работы доктора Горенштейна к нему обратились 681 чел. с глазными заболеваниями. Больных с трахомой врачи старались на некоторое время задержать при амбулатории, чтобы провести лечение и рассказать о необходимости соблюдать осторожность в общении с окружающими.

Материалы работы Чаданской амбулатории подвергли сомнению выводы первых двух экспедиций о том, что среди тувинцев встречалось мало заболеваний желудочно-кишечного тракта. За 1929–1930 гг. с подобными жалобами к врачам обратились 412 чел., а за 16 месяцев – 530 чел. Это значительное количество объяснялось тем, что ранее эти больные лечились у лам и редко попадали в поле зрения советских медиков.

Значительную проблему представляло обслуживание отдаленных стойбищ: приходилось терять по несколько дней, и на это время амбулатория оставалась без медицинского персонала. Транспортировка тяжелобольных была затруднена, так как единственным способом передвижения в Чадане была верховая езда. Доктор Горенштейн призывал Тувздрав и правительство рассмотреть возможность приобретения санитарного автомобиля [Там же. Л. 37].

17–19 ноября 1930 г. в Кызыле состоялась традиционная медицинская конференция экспедиции, куда были приглашены высшие руководители Тувинской Народной Республики. В сохранившихся протоколе и резолюции указано, что присутствовали председатель Совета министров ТНР С. Чурмит-Тажы, министр культуры ТНР С. Тока и секретарь ЦК ТНРП Кемчигол, а также полпред СССР в ТНР Н.В. Попов. Материалы проливают свет на оценку результатов работы советских врачей тувинским руководством.

За время работы третьей экспедиции в Туве произошло важное событие. Самостоятельно прекратило существование тибетское отделение при Кызыльской больнице. По версии доктора И. Руденко, это произошло так: последний тибетский эмчи-лама, лечивший пациентов в больнице, окончательно потерял авторитет у тувинцев, попросивших перевода в советское отделение. Вскоре после этого эмчи выехал в курэ и больше не возвращался. В нарушение положения о тибетской больнице следующий тибетский доктор оттуда так и не прибыл [16. Л. 67]. Позже в Кызыле вышло постановление правительства ТНР о признании европейской медицины государственной и о снятии лам с государственного финансирования.

Скоро из Кызыла в Монголию выехал последний в городе эмчи-лама, исполнявший функции домашнего врача монгольского полпреда. Полномочный представитель МНР предложил начальнику экспедиции И. Руденко обслуживать монгольское полпредство. На протяжении всей работы Третьей медико-санитарной экспедиции НКЗ РСФСР монгольский полпред обращался за медицинской помощью исключительно к советским врачам. С 1 июля по 9 сентября 1930 г. он лечился на курорте Чедер кумысом и ваннами [Там же. Л. 68].

В 1929–1930 гг. по Туве прокатились крупные эпидемии кори и скарлатины. Если в СССР к тому времени корь окончательно превратилась в детское заболевание, в ТНР ей болели и дети, и взрослые. Сильнее всего были поражены общежития пионеров, ревсомольцев и казармы цириков. Случаев заболевания среди взрослого населения насчитывалось около 100. Коревая эпидемия началась в ноябре 1929 г. и закончилась в мае 1930 г. Эпидемия скарлатины началась в апреле и продолжалась до июня 1930 г. Единичные случаи встречались и в ноябре 1930 г. Врачи ожидали новую крупную вспышку скарлатины осенью и зимой и приняли меры к их предупреждению: была заготовлена противоскарлатинозная вакцина и начаты прививки [Там же].

Для борьбы с корью и скарлатиной были открыты инфекционные отделения. Медиками проводилось специальное обследование Кызыла для выявления пораженных домов. Столица ТНР была обследована полностью; уделялось внимание жилищно-бытовым условиям и санитарному состоянию жилищного фонда. Были обследованы тувинские и русские школы, тувинский дивизион, промышленные предприятия (кожевенное производство в Шагонаре) и исправительно-трудовые дома ТНР и РСТК. По месткомам организаций проводились беседы о кори, скарлатине и другим детским инфекциям, а в кызыльской газете печатались тематические статьи [Там же. Л. 69].

Впервые с начала советской медико-санитарной помощи Туве медики серьезно занялись санитарно-профилактическими мероприятиями. Во-первых, был разработан проект санитарного законодательства для тувинского правительства. Во-вторых, к 1 мая 1930 г. была произведена очистка жилых домов и усадеб города. Были сделаны шаги по организации санитарного контроля: сначала из делегаток и молодежи были набраны пятимесячные санитарные курсы. По их окончании была созвана конференция из выпускниц с приглашением представителей ревсомола и пионеров. На ней был проработан вопрос о проверке результа-

тов очистки города. Для контроля за очисткой были сформированы санитарно-проверочные комиссии. Началась организация санитарных ячеек, представлявших собой актив зарождавшегося санитарного движения. Помимо этого, было проведено 80 лекций и бесед (15 в городе и 65 в районах).

20 мая 1930 г. в Кызыле открылась детская консультация. Консультация беременных проводилась совместно с гинекологическим приемом. Несмотря на то что из-за дефицита медперсонала консультация проработала недолго, даже этот короткий период работы принес результаты. Советские врачи проводили обследование исключительно тувинских детей, старались познакомить мать с методами правильного ухода за ребенком, объясняли, как правильно кормить младенца, купали детей и выдавали чистое белье. Грязное белье стиралось в присутствии матерей. В консультации также проводилась прививка оспы.

За месяц работы в Кызыле было сделано 600 прививок (168 тувинцам, 82 другим национальностям, 350 русским). Врачи провели 35 обследований, два выезда за город на осмотр юрт, выкупали 20 детей, обеспечили 10 чел. питанием через молочную кухню. Работу консультации было запланировано возобновить в сентябре 1931 г. [16. Л. 70].

В конце 1930 г. сеть медицинских учреждений Тувинской Народной Республики состояла из медицинского стационара и амбулатории в Кызыле, общежития при медпункте в Чадане, амбулатории в Шагонаре, амбулатории в Тодже и трех фельдшерских пунктов на средства самообложения РСТК в Туране, Верхне-Никольском и Мало-Енисейском. За время работы третьей экспедиции была открыта больница в Тодже – самом отдаленном районе ТНР. На момент проведения конференции (17–19 ноября 1930 г.) строились больницы в Чадане и Тесинголе, а в Шагонаре готовилось переоборудование под больницу выделенного помещения [Там же. Л. 72].

За год работы экспедиции через больницы прошли 710 чел., из которых тувинцы составляли 295 чел. и русские – 415 чел. Через общежитие сифилитиков прошли 580 чел., из них 558 тувинцев и 22 русских. Амбулатории приняли 43 334 чел., из которых 13 252 тувинцев и 30 082 русских [Там же. Л. 73].

Одним из главных факторов, препятствовавших быстрому развертыванию сети лечебных учреждений, был слабый бюджет правительства Тувинской Народной Республики. Однако постепенно ассигнования на развитие здравоохранения увеличивались: если в 1927 г. на эти цели было выделено всего 10 000 руб., то в 1928–1929 гг. – уже 89 000 руб., в 1929–1930 гг. – 121 000 руб., а в 1930–1931 гг. планировалось ассигновать уже 177 000 руб.

С увеличением финансирования Тувздраву удалось пригласить на работу новых врачей и фельдшеров. Если в 1928 г. в Туве были три врача, одна акушерка и несколько фельдшеров, то в 1930 г. в республике работали уже четыре врача, а затем прибыли еще три врача. К 1931 г. в Туве насчитывалось восемь врачей, девять фельдшеров, пять медицинских сестер, шесть работников аптеки и 30 чел. прочего медицинского персонала. На 1930–1931 гг. планировалось увеличение числа врачей до 12, акушерок до трех, медсестер до 11 и прочего медицинского персонала до 49 чел. [16. Л. 75].

Какое мнение высказывали о работе советских врачей руководители тувинской партии и правительства? Председатель Совета министров ТНР С. Чурмит-Тажы подчеркивал, что правительство признает государственной медициной только европейско-советскую, поддерживает ее материально и морально и ведет борьбу с тибетскими лекарями. Он отметил, что из районов поступают жалобы на дефицит медработников, но признал, что причинами недостатков являются огромный спрос на медицинскую помощь и перегруженность советских врачей. Он также отметил, что пока большинство тувинцев неграмотны, профилактическая санитарно-просветительная работа не может вестись путем публикации брошюр и газетных статей и значение будут иметь только устные беседы [Там же. Л. 56].

Министр культуры С. Тока подчеркнул, что предыдущая экспедиция работала в худших условиях, так как тибетская медицина и прежнее правительство старались дискредитировать работу советских врачей. Он также отметил, что согласно постановлению врачи должны были работать в кружках по ликбезу и через них внедрять санитарные навыки, однако в реальности связь врачей с общественными организациями на местах сильно хромала. Министр выразил пожелание, чтобы Наркомздрав РСФСР увеличил выделяемые экспедиции суммы и оплачивал бы дорожные расходы сотрудников, выписываемых из СССР Тувздравом [Там же].

Работа советских медицинских экспедиций продолжалась в 1930-х гг. В 1933 г. в здравоохранении Тувы произошли большие кадровые изменения. Уехали опытные доктора Языков и Бернштейн, главный врач Кызыльской больницы Венгеровский. Готовилась к завершению своей работы Третья медико-санитарная экспедиция НКЗ РСФСР под руководством доктора И. Руденко. В июне 1933 г. из СССР приехали хирург Бузутов, врачи Хромушин, Компанеец и Линьков (фтизиатр и гинеколог). В конце 1933 г. на должность главного врача Кызыльской больницы был выдвинут доктор Линьков, который одновременно являлся ведущим специалистом женской и детской консультаций. Опытный врач Горенштейн уехал заведовать курортом Чедер [17. Л. 210].

В начале 1934 г. в Туву прибыла следующая экспедиция Наркомздрава РСФСР под руководством доктора К.О. Калнберза. Райбюро и советское полпредство предложили ему расширить обследовательскую работу в районах. Поэтому начальником экспедиции был составлен план обследовательской работы с основными направлениями для изучения. Базами обследовательских отрядов (двоек и троек) были определены кожуунные больницы с радиусом от 25 до 50 км в зависимости от транспортной инфраструктуры.

Проблемы, на которых планировала сосредоточиться советская медицинская экспедиция, включали:

1. Масштабы распространенности социально обусловленных заболеваний среди аратского населения Тувы.

2. Изучение особенностей физической конституции аратов:

а) физическое развитие школьников;

б) физическое развитие ревсомола;

в) физическая конституция и конституциональные типы аратки.

3. Питание аратов (калорийность, белковый, жировой, углеводный, солевой и витаминный состав пищи).

4. Приспособление аратов к производственному процессу и связанные с ними патологии.

5. Особенности воспитания аратских детей.

6. Изучение тибетской медицины.

Основной проблемой, вставшей перед экспедицией в обследовательской работе, было отсутствие транспорта. Транспортные расходы ежегодно «съедали» огромные средства (по расчетам К.О. Калнберза, до 10 000 руб. на четыре-пять обследователей). Поэтому начальник экспедиции просил Общесоюзное бюро заграничной санитарной информации при Наркомздраве РСФСР срочно решить вопрос о приобретении санитарного автомобиля и утвердить составленную им смету на ее содержание. Кроме того, доктор К.О. Калнберз просил в 1935 г. усилить состав экспедиции тремя врачебными единицами (хирургом, венерологом и санитарным врачом), добавить в штат второго переводчика и сторожа-уборщицу [17. Л. 238].

Благодаря советским медико-санитарным экспедициям в Туве сформировалось ядро народного здравоохранения. Несмотря на небольшой состав и сжатые сроки пребывания в стране, экспедиции определяли формирование всей политики охраны здоровья в Туве. По рекомендациям начальников экспедиций Общесоюзное бюро заграничной санитарной информации осуществляло кадровую политику. Тувинские органы власти принимали законодательные акты об организации здравоохранения и последовательно увеличивали ассигнования на его нужды.

Советским врачам быстро удалось установить доверительные отношения с аратами и даже ламами. Тувинцы были знакомы с методами европейской медицины через дореволюционных русских врачей. В планировании работы экспедиций Наркомздрава РСФСР особое внимание уделялось общественной деятельности медиков, так как через них в традиционных кочевых сообществах Центральной Азии формировался авторитет как советского врача, так и социалистического образа жизни в целом.

Отношения с представителями власти ТНР были сложнее. В высказываниях руководителей республики сквозит желание переложить часть ответственности за строительство здравоохранения на плечи советских специалистов, особенно там, где дело касается финансирования. Врачам приходилось «на ходу» привыкать к своеобразному менталитету тувинских властей в Кызыле и на местах. Эта задача в большинстве случаев решалась без особых трений.

Неоднозначно восприняли советских врачей представители русской общины. Казалось бы, с этой стороны у медиков не должно было возникнуть проблем, ведь русские поселенцы обслуживались европейскими медпунктами с дореволюционных времен. Тем не менее именно русские сочли себя обделенными вниманием. Они излишне верили во всемогущество медикаментозной терапии, в то время как их болезни носили хронический системный характер. Избавление от них требовало коренных изменений в привычках питания, образе жизни и деятельности крестьян – слома векового устоя и волевого, дисциплинирующего подхода к собственному здоровью. Этот подход не нравился людям, в представлении которых архаичная вера в чудо под впечатлением от действия современных медикаментов трансформировалась в магию научной медицины. Неизбалованные таблетками тувинцы, подготовленные к пищевой дисциплине обращениями к эмчи-ламам, оказались более аккуратными и адаптивными пациентами.

Социально обусловленные болезни были определены как основная проблема тувинского народа. Проблема сифилиса и венерических заболеваний была общей для кочевого мира. На фоне других народов монголосферы ситуация у тувинцев представлялась относительно оптимистичной. Борьба с этими недугами была объявлена государственным делом, а экспедиции обнаружили в Туве предпосылки для ее благополучного исхода. Советские специалисты сумели мобилизовать политическую волю и ресурсы тувинского руководства и направить их в нужное идеологическое русло. Решение уходивших в глубину веков медико-санитарных проблем кочевых народов передовыми для того времени средствами европейской медицины позиционировалось как важнейший компонент идеологического воздействия на аратские массы. В Туве начинала действовать «мягкая сила» советской медицины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маадыр М.С. Диссертационные исследования врачей Тувы // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 80–83.
2. Шабаев М.Г. Очерки истории здравоохранения Тувы. Кызыл : Тувин. книж. изд-во, 1975. 195 с.
3. Прокофьева Е.Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука, 2011. 538 с.
4. Авторефераты диссертаций врачей Тувы. Библиограф. указатель / сост. М.С. Маадыр, О.С. Омзар, Л.Ы. Куулар. Кызыл, 2013.
5. Осинский И.И., Тензин Ч.М.-Х., Добрынина М.И. Динамика отраслевой и профессиональной структуры тувинской интеллигенции // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 14 (2). С. 37–42.
6. Осинский И.И., Добрынина М.И. Интеллигенция как субъект охраны здоровья населения: проблемы ее становления у народов Сибири // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. Вып. 2. С. 57–66.
7. Башкуев В.Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX в.). Иркутск : Оттиск, 2016. 436 с.
8. Доржу З.Ю. К вопросу об установлении протектората России над Тувой в 1914 г. // Власть. 2014. № 4. С. 157–161.
9. Моллеров Н.М. Советские дипломаты и представители Коминтерна в Тувинской Народной Республике в 1920-е гг. // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. С. 5–18.
10. Саая С.В. Тува на фоне центральноазиатской геостратегии России в первой четверти XX в. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2014. № 4 (84). С. 128–135.

11. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-482. Оп. 35. Д. 287.
12. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 248.
13. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 249.
14. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239.
15. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 289.
16. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 423.
17. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 415.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 сентября 2017 г.

MEDICAL AND SANITARY EXPEDITIONS OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF HEALTH OF THE RSFSR IN THE TUVAN PEOPLE'S REPUBLIC AND THE DEVELOPMENT OF TUVINIAN HEALTHCARE (LATE 1920S – MID-1930S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 52–63.
DOI: 10.17223/15617793/426/6

Vsevolod Yu. Bashkuev, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: seva91@yahoo.com

Keywords: Tuva; healthcare; medical and sanitary expeditions; Tibetan medicine; lama doctors; ambulance stations; Tuvzdrav; syphilis; trachoma; measles; epidemics.

This paper analyzes medical assistance of the People's Commissariat of Health of the RSFSR to the Tuvan People's Republic in the late 1920s – mid-1930s. The study aims to assess the role of the Soviet medical and sanitary assistance in shaping the Tuvinian healthcare during the sovereignty period. Based on understudied archival documents from the funds of the State Archive of the Russian Federation (GARF) the author traces how Soviet physicians exposed and tackled health problems of the Tuvinians and Russians. During that period a network of medical facilities was being formed on the principles of massiveness, universal availability and a free-of-charge basis. Using a geopolitical approach the author reveals a hidden agenda of cultural and ideological influence in Tuva in the sphere of geopolitical interests of Moscow, noting that from the second half of the 1920s the interaction of the USSR with Asian countries was based on the use of "soft power" where medicine occupied a key role. The first expedition of the People's Commissariat of Health of the RSFSR worked in Tuva in 1928. The author highlights that Soviet physicians faced a complicated medical and sanitary situation in the country. Skin and venereal diseases were rampant among Tuvinians; Russians suffered from chronic internal diseases. The country lacked children's and women's hospitals. The Tuvinian governmental network consisted of a single hospital in Kyzyl. The author concludes that the 1928 expedition achieved a considerable success. A single healthcare authority – Tuvzdrav at the Ministry of Internal Affairs – was created in Kyzyl. The state funding of healthcare increased. The main threats to the health of the Tuvinian and Russian population were identified. The doctors disproved a thesis about the extinction of Tuvinians. The authority of European medicine among Tuvinian herders grew drastically. Analyzing archival sources the author assesses the work of other expeditions (1929–1934) as a consistently developed success. The second expedition strengthened hygiene instruction among Tuvinians. More medical stations and hospitals were built in the districts of Tuva. Soviet medical expeditions faced shortage of funding, premises, personnel, medicines and equipment, measles and scarlet fever epidemics. These problems were successfully tackled by the People's Commissariat of Health of the RSFSR and the Tuvinian government. The author calls it a definite achievement that the Soviet physicians popularized socialist medicine winning trust of Tuvinian herders and lama priests. The article highlights that the ambiguous attitude of the Russian population was to be overcome through comprehensive measures to change the traditional lifestyle. The author concludes that, like in other countries and regions of Inner Asia, in Tuva struggle against social diseases was the kernel of the healthcare policy. The use of the state-of-the-art means of European medicine and an ideological impact on the population through medical facilities was essentially the Soviet "soft power" influence that led to deep sociocultural transformations.

REFERENCES

1. Maadyr, M.S. (2013) Thesis works of doctors in Tuva. *Novye issledovaniya Tuvy – The New Research of Tuva*. 2. pp. 80–83. (In Russian).
2. Shabaev, M.G. (1975) *Ocherki istorii zdravookhraneniya Tuvy* [Essays on the history of health of Tuva]. Kyzyl: Tuvin. knizh. izd-vo.
3. Prokof'eva, E.D. (2011) *Protsess natsional'noy konsolidatsii tuvintsev* [The process of national consolidation of Tuvinians]. St. Petersburg: Nauka.
4. Maadyr, M.S., Omzar, O.S. & Kuular, L.Y. (2013) *Avtoreferaty dissertatsiy vrachey Tuvy. Bibliograf. ukazatel'* [Abstracts of theses of doctors of Tuva. Bibliographical reference]. Kyzyl: NII MSPU RT.
5. Osinskiy, I.I., Tenzin, Ch.M.-Kh. & Dobrynina, M.I. (2014) Dynamics of sectoral and occupational structure of the Tuvan intelligentsia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 14 (2). pp. 37–42. (In Russian).
6. Osinskiy, I.I. & Dobrynina, M.I. (2017) Intelligentsia as a Subject of Health Care: Problems of Its Formation among the Peoples of Siberia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 2. pp. 57–66. (In Russian).
7. Bashkuev, V.Yu. (2014) *Rossiyskaya meditsina i mongol'skiy mir: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya (konets XIX – pervaya polovina XX v.)* [Russian medicine and the Mongolian world: historical experience of interaction (the end of the 19th – first half of the 20th centuries)]. Irkutsk: Ottisk.
8. Dorzhu, Z.Yu. (2014) K voprosu ob ustanovlenii protektorata Rossii nad Tuvoy v 1914 g. [On the issue of establishing Russia's protectorate over Tuva in 1914]. *Vlast'*. 4. pp. 157–161.
9. Mollerov, N.M. (2016) Soviet diplomats and Comintern representatives in the People's Republic of Tuva in the 1920s. *Novye issledovaniya Tuvy – The New Research of Tuva*. 3. pp. 5–18. (In Russian).
10. Saaya, S.V. (2014) Tuva in the context of the Central Asian geostrategy of Russia in the first quarter of the 20th century. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva – I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 4 (84). pp. 128–135. (In Russian).
11. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-482. List 35. File 287. (In Russian).
12. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-482. List 35. File 248. (In Russian).
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-482. List 35. File 249. (In Russian).
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-482. List 35. File 239. (In Russian).
15. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-482. List 35. File 289. (In Russian).
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-482. List 35. File 423. (In Russian).
17. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-482. List 35. File 415. (In Russian).

Received: 22 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 64–73. DOI: 10.17223/15617793/426/7

УДК 95-059.244 (571.12)

Е.Н. Бурдина

ВЛАСТЬ, ПРОДРАЗВЁРСТКА И СИБИРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 1921 г.

Предпринята попытка представить суть противоречий между советской властью и крестьянством в контексте идейных установок, социально-экономической политики большевиков и конкретно-исторических условий действительности Западной Сибири и Северного Казахстана. Показан конфликт системы мер государственных заготовок (продразвёрстки) и традиционных интересов и ценностей крестьянства, а также готовность советской власти идти на радикальные меры вплоть до применения оружия и армии в решении революционных задач и продовольственного кризиса. Дан анализ политических настроений крестьян, их отношения к власти, её политике, коммунистам и продовольственным работникам в динамике событий 1920 – начала 1921 г.

Ключевые слова: советская власть; коммунисты; конфликт; крестьяне; продразвёрстка; политические настроения.

Восстание 1921 г. в Западной Сибири и Северном Казахстане отражало остроту противоречий между властью и крестьянством, сложившихся в послереволюционные годы в Советской России: взаимное недоверие, противоположность интересов, целей и социальных ценностей, форм организации хозяйства, непримиримость в вопросах контроля и распределения произведённой сельскохозяйственной продукции. В силу этого конфликт советской власти и крестьянства был объективным и неизбежным, а борьба – ожесточённой и беспощадной.

Стратегический курс большевистского правительства заключался в построении нового общества, экономики, государства, права и культуры, социалистических по своему характеру и содержанию. Строительство социализма в непризнанном и политически изолированном государстве, в условиях крайней финансовой нужды, экономического кризиса и социального противостояния, требовало от правительства большого напряжения сил, продуманной и последовательной системы мер. На VII Всероссийском съезде Коммунистической партии в марте 1919 г. В.И. Ленин чётко указал, что партия большевиков стремится «создать прочные основы коммунистического общества». На том же партийном съезде, выступая с докладом «О новой программе, ее основе и сути», Н.И. Бухарин высказался вполне определенно: «…у нас должна быть программа осуществления социалистического, коммунистического строя… у нас социализм или коммунизм не являются путеводной звездой, которая из туманных облаков светит нам издалека. Социализм стоит у нас в порядке дня» [1. С. 3, 34, 35]. Отмена частной собственности и огосударствление средств производства, земли и производимой сельскохозяйственной и промышленной продукции в стране составляли ядро начавшихся социалистических преобразований в экономике. Особенное внимание уделялось мелкотоварному крестьянскому производству. В постановлении ВЦИК от 14 февраля 1919 г. говорилось, что «на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на преходящие и отживающие» [2]. Будущее в организации сельского хозяйства коммунисты видели за колхозами и совхозами.

Крестьянское хозяйство, в соответствии с идейными установками большевиков, таило в себе опасность для социалистической революции, так как служило постоянным источником воспроизводства сельской буржуазии и других мелких собственников, что в корне не отвечало планам партии на будущее страны. Н.И. Бухарин прямо заявлял: «Кулачество представляет класс, который должен был сменить помещика… Оно является классом, который по самой своей природе смертельно враждебен всем попыткам социалистической организации земледелия… кулачество до полной своей ликвидации неизбежно должно выступать в качестве непримиримого врага пролетарского государства» [3. С. 270]. Борьба с кулачеством как классовым врагом виделась через разжигание классовой ненависти и гражданской войны между беднейшим и богатой частью крестьянства [1. С. 21, 27, 72]. Классовая позиция Советского государства была определена как «теснейший союз и полное слияние с деревенской беднотой, уступки и соглашение со средним крестьянством, беспощадное подавление кулаков…» [4. С. 42].

Средством разрешения социально-экономических и политических задач стала система государственных заготовок, введенная с января 1919 г. Продразверсткой полагалось достичь нескольких целей: 1) обеспечение продовольствием городов и армии (и этим обеспечить устойчивость политической власти); 2) экспортирование хлеба и накопление валютных денежных средств; 3) перераспределение налогового бремени на плечи зажиточных крестьян (кулаков и середняков) и нивелирование социальных различий в деревне; 4) государственное контролирование продукции крестьянского мелкотоварного производства; 5) внедрение социалистических форм организации сельскохозяйственного производства (колхозов); 6) распространение в деревне революционных социалистических идей. Проводниками этой политики на местах выступили коммунисты, рабочие продовольственные вооруженные отряды, организуемые Компродом, и Красная армия.

Сибирское крестьянство имело некоторые отличия от центрально-российского крестьянства, отмеченные большевиками. Представители политуправления и ЦК РКП(б) в Сибири Н.К. Наумов и Н. Островский заметили следующее: «Крестьянство Сибири лучше назвать не просто трудовым, а крепким закостенелым крестьянством… Крестьяне в Сибири в огромной массе своей являются однородными, не подразделяе-

мыми на бедняков, середняков и кулаков, а просто зажиточными» [5]. Особенно поражали большевиков «мелкособственническая психология» и отсутствие острых социальных противоречий в сибирской деревне. Очевидец событий тех лет отмечал: «Сибирский середняк гораздо более, чем русский, привык слушаться и уважать мнение кулака, особенно потому, что объектом для эксплуатации был не сосед-крестьянин, а пришлый батрак или инородец-киргиз» [6. С. 27].

В 1920 г. имели место факты проявления крестьянской солидарности граждан одного села, разделенных властью по принадлежности к различным социальным слоям: «На сходах крестьяне отказываются выяснить излишки у зажиточных крестьян, мотивируя тем, что в прошлом году зажиточными крестьянами хлеба было засеяно мало, а у остальных середняков тоже излишков не имеется» [7]. Приходилось учитывать также то обстоятельство, что от Октябрьской революции сибирское крестьянство не получило практически ничего в сравнении с российским крестьянством, которое обрело землю в результате ликвидации помещичьего землевладения [8. С. 7]. При проведении продовольственной политики принималось во внимание обстоятельство, что данный регион России аграрный и рабочий класс по своей малочисленности не может составить социальной опоры власти [9. С. 18, 19]. Подавляющее большинство рабочих (92%), по данным на 1913 г., было сосредоточено в Европейской части страны [10. С. 193].

Крестьянин не являлся социалистом по своей природе, что понимали большевики, подчеркивая двойственность его психологии – собственника и труженика. Как в Центральной России, так и в Сибири сельским гражданам были присущи традиции взаимопомощи, коллективного отстаивания интересов сельского общества, идеи социальной справедливости. Под последним понималось не социальное равенство, а право каждого крестьянина обрабатывать землю, пользоваться пастбищами и лесными угодьями в том количестве, которое необходимо для ведения хозяйства и его существования (выживания). Справедливость устанавливалась с помощью общинных переделов. В Сибири свободный труд на свободной земле существовал веками, став основой складывания «собственнической психологии» местного крестьянства. Крестьянин работал на себя, свою семью, выплачивая государству налоги. Идеи коммунистического труда с обобществлением сельхозинвентаря, рабочего скота, «общим» (совместным) трудом на государство с гарантией получения необходимых материальных благ не только не отвечали, но и противоречили традиционным представлениям и ценностям крестьян. Пропагандируемые и вводимые социалистические формы хозяйствования не приняли ни сельское население Центральной России, где достаточно сильны уравнительные устремления крестьян, ни крестьяне Сибири. На заседании ВЦИК в феврале 1919 г. подчеркивалось, что «к коммуне крестьянство относится довольно не дружелюбно» [1. Л. 21]. Насколько широко охватила сельское население коллективизация, говорят следующие данные: к концу 1920 г. коллективные формы ведения хозяйства охватили 0,5% всех хозяйств [11. С. 61]. Газета «Советская Сибирь» в феврале 1921 г. в статье «Скользкий путь» сообщала о попытках крестьян – рабочих совхозов не сдавать часть продукции собственного потребления, предназначенной по развёрстке государству. Крестьяне упорно обзаводились собственным скотом, птицей и огородами. С позиции революционной власти, создававшей новый экономический строй, действия крестьян, ставших уже рабочими совхозов, квалифицировались как «антикоммунистические, ведущие не к организации крупного социалистического хозяйства, а к его разрушению…» [12. С. 1]. Крестьяне не принимали новые формы организации труда и образа жизни.

Мероприятия по созданию коммун, колхозов и других форм социалистического хозяйствования, антирелигиозная пропаганда, агитация среди молодежи по вступлению в комсомол вызвали немало пересудов, страхов, смятения и недоверия у крестьян. Идеи нового образа жизни, призывы к коммунистическому ведению хозяйства не имели успеха и были отвергнуты в целом сибирской деревней.

Политические выборы, проводимые на местах в советы из года в год, показывали неизменный результат – поражение коммунистов, победу беспартийных зажиточных и средней руки крестьян. В конце 1919 – начале 1920 г. после выборов в Советы Омская печать в феврале 1920 г. констатировала: «…волисполкомы были кулацкого состава и перевыборы их были безнадежны» [13. С. 4]. За два года Советской власти в Сибири коммунистам не удалось закрепить свои позиции на этом властном уровне. По результатам избирательных кампаний 1921 г. члены РКП(б) в Советах насчитывали не более 1,5–2% [14. С. 58].

В условиях революционного времени и революционного энтузиазма профессиональные революционеры, лица, разделявшие революционные идеи, а также неидейные малообразованные и малокультурные попутчики революции всю систему мер, проводимую в деревне, рассматривали как борьбу, в том числе борьбу на продовольственном фронте в условиях Гражданской войны. Понимая очевидность недовольства крестьян продовольственной политикой, рост пассивного (ходатайства, телеграммы в государственные органы, самогоноварение и др.) и активного протеста, советское правительство, а за ним и местное руководство, тем не менее, не отступили от стратегической линии и не изменили объёмов государственных заготовок сельскохозяйственной продукции в деревне. ЦК РКП(б) в письме ко всем губпродкомам РКП(б), опубликованном 4 сентября 1920 г., императивно требовал: «Указание разверстки является для губпродкомов безоговорочным боевым приказом. Никакие отступления и задержки во взимании разверстки ни под каким предлогом не могут быть допущены… разверстка, данная на волость, уже является сама по себе определением излишка и выполняется населением за круговой ответственностью. Всякого рода переучеты воспрещаются» [15. С. 178–179].

По данным исследования А.Г. Введенской, план разверстки был завышен практически в два раза. Мак-

симальное количество хлеба, которое представлялось возможным вывезти в Центр, составляло, согласно мнению Сибирского экономического совещания, 60 млн пудов. По разверстке Сибирь обязывалась поставить государству 110 млн пудов. Мясная, масляная разверстки также являлись заведомо непосильными для крестьянского населения [16. С. 68–69]. Таким образом, для выполнения задания Центра должны были изыматься как излишки, так и часть необходимого продукта. Для осуществления такой установки во власти требовались люди идеологически стойкие и готовые к жёстким средствам и способам проведения политики партии.

Для сибирского крестьянства политика Советского государства была неожиданным и сокрушающим ударом, уничтожающим прежние многовековые отношения с властью. Сформировавшееся в ходе колонизации и освоения суровых природных пространств крестьянство Сибири всегда осознавало могучую поддержку Российского государства. Захватывая свободные земли под пашни и луга под пастбища либо отнимая их в ходе переселения у автохтонного населения (казахов, алтайцев и др.), русский мужик мог быть уверен, что государство его не оставит без помощи. Крестьянская колонизация как фактор исторического развития, подчёркнутый ещё В.О. Ключевским, расширяла границы и могущество империи, была способом решения проблемы аграрной перенаселённости и малоземелья Центральной России и Украины, и она же показывает нам взаимовыгодную связь и отношений крестьянства и государства на протяжении столетий. Крестьянство было обязано государству поддержкой (политической, юридической, материальной, военной), а государство крестьянству – новыми освоенными территориями. Сибирские крестьяне были той социальной силой, которая продвигала его интересы, выступало социальной опорой, проводником имперской идеи. Крестьянство, составлявшее свыше 80% населения страны до революции 1917 г., несмотря на существовавшие социально-экономические, культурные проблемы и противоречия, не рассматривалось государством как сила, угрожающая его существованию или враждебная ему.

Большевики, придя к власти, диаметрально изменили статус сибирского крестьянства: из союзника государства оно стало его классовым врагом, таившим угрозу социалистическим преобразованиям в Советской России. Сформированное в результате революции социалистическое государство устанавливало новый формат отношений, основанный на антагонизме к крестьянству как классу и полном контроле над производственной, политической и культурной жизнью в деревне. Мелкотоварное крестьянское хозяйство досоветской России, составлявшее основу её экономического строя, в РСФСР должно было исчезнуть в ближайшей перспективе. Заменой ему выступали полное огосударствление земли и создание крупных коллективных хозяйств. Стратегический замысел большевиков был ясен. Тактика обозначена публично официальным руководством страны – разжигание классовой ненависти внутри деревни. Однако что оказалось возможным в Центральной России, в Сибири не могло быть реализовано из-за относительной социальной однородности крестьян. Рабочий класс полуголодных и голодных городов страны, из которого создавались продовольственные отряды, а также Красная Армия Советской республики, стали орудием пролетарского государства в Сибири. Развёрстка – та часть политики военного коммунизма и система мер выхода из продовольственного кризиса, которая устанавливала новый порядок отношений власти и крестьянства.

Продразверстка ломала существовавшую до революции и привычную для крестьян систему налогообложения. При царском режиме уплата всех податей (без натуральных повинностей) составляла 3% от валовых расходов, а все платежи крестьян составляли по отношению к доходности хозяйства в среднем 22,4%. Налоги и повинности для сибиряков не были обременительны, а свободная торговля – обычным явлением их жизни. Теперь в связи с введением разверстки тяжесть налогообложения увеличилась многократно. Требовалось сдать государству порядка 70% излишков сельской продукции [17. С. 191, 218]. Если учесть еще и дополнительные повинности (подвозка дров, мобилизация подвод, людей и др.), то государственные обязательства стали обременительными и разорительными для крестьян. Сами крестьяне воспринимали разверстку как ненормальное и нетерпимое явление. На коммунистов, проводников этой политики, смотрели враждебно и называли их «грабителями и разбойниками» [5. Ф. 17. Оп. 12. Ед. хр. 675. Л. 10; Оп. 65. Ед. хр. 374. Л. 18]. В Сибири за короткий период (январь–февраль 1920 г.) проведения продовольственной политики Советской власти в крестьянской среде сложилось устойчивое мнение: в «Советской России много несправедливого» и «правительство не идет им на встречу ни по одному вопросу» [13]. В 1920 г. в майском докладе Омского ЧК сообщалось: «Настроение к Советской власти враждебно… особенно враждебно отношение к коммунистам» [5. Оп. 1. Ед. хр. 2618. Л. 3].

Враждебность и постоянное недовольство со стороны крестьян не останавливали власть, усиливая напряжение в отношениях государства и деревни. Города центральной России испытывали острую нужду в продовольственных товарах, в первую очередь в хлебе, а деревня отказывалась их поставлять вне договорных отношений с государством. За годы Первой мировой войны, революции и в условиях Гражданской войны процесс натурализации хозяйства страны усилился. Доходы государственной казны за период с 1914/15 до 1919 г. упали в 40 раз [18. С. 175]. У государства не было денег для организации закупок сельскохозяйственной продукции у крестьян по твёрдым ценам. В условиях усиливающейся натурализации и дезорганизации хозяйства правительству, в свою очередь, почти нечего было предложить из промышленных товаров в обмен на сельхозпродукцию, либо обмен был неравнозначным. Из отчета продработника Тибиской волости Омской губернии следовало, что крестьяне крайне возмущены высокими ценами на промышленную продукцию и сравнительно низкими на хлеб и масло. В сообщении члена продот-

ряда Чановского района за период с 1 апреля по 1 мая 1920 г. сообщалось: «Продукты подвозятся, но медленно и неохотно. Крестьяне и слухать не хотят более никаких докладов, говоря: «Вы с февраля месяца обещали, что скоро прибудут необходимые товары… Но до сего времени почти нет ничего… А между прочим, из-под полы купляем спички 1 коробок по сорок рублей. Значит, как же мы будем сдавать хлеб дешевле коробка спичек» [7. Л. 15, 16, 17 об.].

Положение на местах было известно Центру, но политическая линия правительства оставалась неизменной и бескомпромиссной. Советская власть была готова идти до конца, как в разрешении продовольственного кризиса, так и в решении поставленных ею социальных и политических задач в деревне. В 1919 и в 1920 гг. в различных частях Советской России крестьяне поднимали восстания. По неполным данным за 1919 г. в центральной части страны вспыхнуло 34, а в Поволжье – 46 крестьянских восстаний. За период с января по апрель 1920 г. на территории центральной части и в Поволжье произошло (по неполным данным) 17 крестьянских выступлений [19]. В мае 1920 г. случилось одно из крупных восстаний в Западной Сибири. Оно охватило зажиточные районы Алтайской и Томской губерний [5. Оп. 1. Ед. хр. 2618. Л. 6 об.]. В середине мая 1920 г. Федосеевскую волость Тюменской губернии охватили крестьянские волнения [5. Оп. 1. Ед. хр. 2618. Л. 5 об.]. В июне 1920 г. восстания вспыхнули в Омской, Томской и Алтайской губерниях [20. С. 263, 271, 297]. Все они были направлены против продовольственной политики. Наиболее массовые крестьянские выступления произошли в хлебородных районах Алтайской губернии в июне 1920 г. Одно за другим последовали восстания сначала южнее Славгородского уезда под руководством партизанских командиров Плотникова, Кожина, Смолина, а затем – в районе Славгород–Рубцовск–Семипалатинск. Численность «Народной повстанческой армии» насчитывала (по различным данным) до 10–16 тыс. человек. Одновременно бушевала крестьянская стихия в Новониколаевском, Томском уездах Томской губернии (Колыванское восстание). Во второй половине июля вспыхнуло четвертое наиболее крупное антисоветское выступление в Алтайской губернии: поднялись казаки, крестьяне Бийского и Змеиногородского уездов Бухтарминского края. Повстанческая армия под руководством белых офицеров насчитывала 1,5 тыс. человек [21. С. 96–97]. Никогда еще в истории Сибири отношения между государством и крестьянством не складывались столь трагически, что могли привести к массовым социальным протестам и кровопролитию [22].

Крестьянские восстания в Западной Сибири, как и в других регионах Советской России, с позиции рассмотрения их с идеологической стороны, определенно имели сходство – антикоммунистическую направленность. Это сходство прослеживается в единстве мнений крестьян Центральной России, Поволжья, Урала, Западной Сибири в восприятии продовольственной политики и методов ее проведения. На общность в оценке политики государства указывают лозунги, воззвания повстанцев, сведения из телеграмм-ходатайств, направленных в СНК и лично В.И. Ленину из Тамбовской, Курской, Орловской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Казанской, Уфимской, Вятской, Смоленской и других губерний страны за период с января по июль 1920 г. Телеграммы пронизаны просьбами снять или уменьшить норму разверстки на село или волость, «спасти от голода и смерти», «загладить, устранить несправедливость к трудовому крестьянству», «назначить справедливую, правильную реквизицию», «защитить от произвола и насилия» [2. Ф. 130. Оп. 4. Ед. хр. 454. Л. 8; Ед. хр. 547. Л. 1, 32, 33, 70, 74, 89, 90; Ед. хр. 548. Л. 10, 21]. В некоторых телеграммах законность действия власти крестьяне подвергали сомнению: «…в праве ли власть так поступать с трудовым крестьянством», «имеет ли право отряд отбирать весь хлеб» [2. Ед. хр. 547. Л. 14; Ед. хр. 548. Л. 3].

Опыт проведения разверстки в Западной Сибири и Северном Казахстане в 1919 – первой половине 1920-х гг. указывал на высокую вероятность массового недовольства и вооруженного сопротивления со стороны крестьян других губерний, уездов и волостей. Поэтому центральной властью были приняты военно-организационные меры для подготовки «решительного наступления» на сибирскую деревню летом–осенью 1920 г. Продовольственная армия в Сибири к концу мая 1920 г. насчитывала 1 036 штыков [23. С. 36, 38–39]. Согласно декрету Совнаркома от 20 июля 1920 г. планировалось направить до 20 тыс. человек, организованных в уборочные дружины из числа голодающих крестьян и рабочих европейской части России. В Омскую губернию на протяжении сентября прибыло продовольственных и уборочных отрядов численностью до 5 тыс. человек. По данным Т.И. Галкиной, за период с 1 сентября по 1 октября 1920 г. в Сибирь прибыли 12 446 членов продовольственных и уборочно-молотильных отрядов [24. С. 12]. Каждый уезд, поделенный на районы из 4–5 волостей, имел определенное количество штыков и сабель. По неполным данным из сводок и ведомостей некоторых уездных продкомитетов вооруженные силы, находящиеся на продовольственной работе, с 15 октября были распределены следующим образом (таблица).

Численность вооруженных сил по Омской губернии на 15 октября 1920 г.

Уезд	Вооруженные силы, чел.	Количество штыков	Количество сабель	Количество пулеметов
Петропавловский*	661	–	–	–
Кокчетавский	189	169	–	–
Акмолинский	493	374	58	3
Тарский	220	104	–	–
Омский **	578	–	–	–

Источник: ЦДНИОО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 197, Л. 6, 9, 10, 19, 71, 75.
Примечания. * На 1 сентября 1920 г. ** Данные по двум районам: Иртышскому и Исилькульскому.

Таким образом, Советское государство при решении сложных социально-политических и экономиче-

ских вопросов последовательно шло на использование силового давления, конфронтацию и даже вооруженный конфликт с широкими массами крестьянского населения Западной Сибири и Северного Казахстана.

В сентябре 1920 г. под удар попали в основном зажиточные и крепкие хозяйства, составлявшие более половины всех хозяйств. По данным исследователей, удельный вес кулаков в 1920 г. составлял 7–18%, середняков – 32–49%, бедняков – 33–56% [25. С. 7]. Политика власти в отношении бедняков и семей красноармейцев в некоторой степени повлияла на умонастроения бедноты, часть которой под влиянием идеологии политики военного коммунизма удалось перетянуть на свою сторону. Забота Советской власти в форме обеспечения хлебом, скотом, рабочими лошадьми, а также коммунистическая агитация и пропаганда на фоне падения жизненного уровня в условиях Гражданской войны в значительной мере способствовали тому, что беднота стала «благожелательна», «сочувственна» к Советской власти. Но данное явление являлось характерным для районов, где Советская власть укрепилась довольно прочно, а точнее в местах скопления войск Красной Армии, вблизи губернских и уездных центров, в местах, где были подавлены крестьянские восстания. Подобные настроения замечены в Омской, Тюменской губерниях, а также в Новониколаевском, Щегловском, Кузнецком уездах Томской губернии [7. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 16 об.].

Продовольственные отряды обеспечили психологическое, силовое и вооружённое воздействие на крестьян, практически не ограничиваясь в способах и методах развёрстки. Идейные установки партии большевиков в значительной степени определили бескомпромиссность и безжалостность выбора этих средств и методов. С октября 1920 г. в соответствии с Циркуляром Кассационного трибунала от 16 октября 1920 г. к сбору сельскохозяйственной продукции по продовольственной развёрстке были подключены революционные трибуналы – карательные органы, активно применявшие методы принуждения и находившиеся под контролем продорганов и РКП(б).

По данным исследования М.С. Пивоварова, деятельность создаваемых с этой целью подсессий ревтрибуналов не регламентировалась отдельными нормативными правовыми актами. Ревтрибуналы действовали против крестьян – неплательщиков развёрстки, самогонщиков, спекулянтов, сельских и волостных советов, затягивавших выполнение продовольственного задания Центра. Следствие и судопроизводство проходили по упрощённой процедуре – без присутствия сторон и без свидетелей. Законодательство в условиях революционного времени не имело большой значимости [26. С. 20–21].

Ревтрибуналы руководствовались требованием Центра – выполнить развёрстку в срок, революционной законностью, революционной совестью и классовым принципом. Приговоры, выносимые ревтрибуналами, таким образом, основывались на презумпции виновности. Деятельность ревтрибуналов преследовала цель не только наказать виновных лиц перед Советской властью, но и предупредить население о наступлении возможных юридических последствий: от условного наказания до расстрела, от лишения свободы на несколько месяцев до 20 лет [26. С. 20].

В агитационных материалах Омского губпродкома, в которых обращались к крестьянскому населению, говорилось, что «высокие цели коммунистической революции требуют больших жертв» [27. С. 6]. Активно применялись конфискации имущества, наложение ареста и «наказания» за противодействие разверстке. Распространенным средством в Западной Сибири и Северном Казахстане в ноябре–декабре 1920 г. стало оказание давления на крестьян посредством круговой ответственности общества и волости. Тюменская пресса в статье «Конфискации одних отрезвляют других» с торжеством отмечала эффективность этого метода: «Наложение наказания произвело самое отрезвляющее впечатление на крестьян Каменской волости. На село Калинку разверстка наложена в двойном размере. И она проходит успешно» [28. С. 2]. 3 декабря 1920 г. за подписью председателя губернского ЧК тов. Студитова, губпродкомиссара Инденбаума, а также в соответствии с решениями Ишимского и Ялуторовского политбюро, вышел приказ о немедленном аресте «всех без исключения кулаков» восьми волостей Ишимского и шести волостей Ялуторовского уездов. В Приказе указывалось, что они берутся в заложники до выполнения разверстки Ишимским и Ялуторовскими уездами целиком [28. С. 2; 5. Ф. 17. Оп. 13. Ед. хр. 1186. Л. 6; Оп. 2. Ед. хр. 675. Л. 211].

СНК ответственность за результаты развёрстки возложил на местные органы власти от Сибревкома до волостных и сельских советов. И представители власти, и сельское население были поставлены в жесткие рамки: невыполнение разверстки грозило заключением в концлагерь, лишение имущества и земельных наделов [29. С. 289]. 12 сентября 1920 г. Омский губпродком издал приказ, согласно которому, «у лиц, не выполнявших разверстки и замеченных в вольной продаже хлеба, также у лиц, уклоняющихся от выполнения разверстки, все хлебные продукты реквизируются без оставления годовой нормы для нужд семьи и хозяйства». Жестокая десница революции не щадила даже коммунистов и советских работников. В нормативном документе предписывалось: «За медленное выполнение хлебной и сенной разверстки и бездеятельность… председателей волостных и сельских исполкомов… ожидает немедленный арест и предание суду» [7. Ед. хр. 192. Л. 60]. Местные органы власти и крестьянское население, таким образом, были обречены на продовольственную разверстку и её полное выполнение. Тюменские «Известия» очень метко заметили: «Крестьянство, очевидно, поняло необходимость и неизбежность государственной заготовки и разверстки на хлеб» [28. № 217. С. 1].

Отказы выполнять разверстку, просьбы о продлении сроков сдачи сельской продукции, мотивированные слишком высокими ставками, неурожаем или неподходящими погодными условиями, рассматривались губпродкомиссарами как саботаж и сознательное противодействие проводимой политике. Ненадежные в плане выполнения развёрстки советы и волисполкомы ликвидировались. Вместо них создавались ревкомы.

По имеющимся сведениям, в ноябре декабре 1920 г. прошли аресты сельсоветов в их полном составе в Каменской, Теплодубровской, Рожевской и других волостях Тюменской губернии [5. Ф. 17. Оп. 13. Ед. хр. 1186. Л. 6; Оп. 2. Ед. хр. 675. Л. 211].

Губернская, а вслед за ней и уездная власть на местах руководствовалась целью «выполнить разверстку во что бы то ни стало полностью». Настрой коммунистов успешно разрешить все задания губпродкома «так или иначе» прослеживается в докладах с мест на Первой Омской губернской партийной конференции [28. С. 2; 5, Ф. 17. Оп. 12. Ед. хр. 352. Л. 85, 86]. В Тюменской губернии, в Ишимском уезде, во второй половине ноября 1920 г. стал распространенным почин выполнения разверстки в 48 часов. Погоня за процентами, революционная одержимость и бесконтрольность действий продработников привели к утверждению метода насилия как основного при выкачке продовольствия. Изъятие хлеба, составлявшего норму потребления крестьян, а также зерна, предназначенного для весеннего посева, стало сутью продовольственной развёрстки, а угроза голода, голод, разорение крестьянских хозяйств и накопление чувств социальной несправедливости и недовольства властью – её неотъемлемыми характеристиками. Методы развёрстки, поведение продработников и резкое падение жизненного уровня, бессилие крестьян изменить сложившееся положение привели к накоплению социального и политического протеста.

Продовольственных работников в массе своей составили люди определённого социального и психологического типа. В основном это были прибывшие из голодающих губерний России рабочие, малокультурные и малообразованные. Вкупе с оружием и мандатом они получали право на власть с чрезвычайными полномочиями. Идеологически настроенные на подавление, в условиях сравнительно (с центральноросийским регионом) высокого уровня жизнеобеспечения и сопротивления развёрстке сельских обществ продработники смотрели на крестьян как на классового врага, что объясняет их действия и ответную реакцию сельского населения Сибири в отношении продовольственных работников. Это подтверждается конкретными фактами. Приведём некоторые из них. В одном из множества сообщений информаторов говорилось, что на ст. Марьяновка Омской губернии крестьяне подали заявление в райпродком о необходимости принятия срочных мер к устранению тов. Кутузова, «который производит самочинные обыски и аресты…ему должно обращаться с крестьянами вежливо». По мнению агента ЧК, «если мы так будем делать, то крестьяне будут смотреть на нас как на врагов» [7. Ед. хр. 198. Л. 55].

В ноябре–декабре 1920 г. по Тюменской губернии прокатилась волна убийств продовольственных работников. Один из участников подавления Западносибирского мятежа, замвоенкома ВОХР, Кутанов вспоминал: «Первая кулацкая война стала проводиться против продинспекторов, а потом…вырезались целые семьи тех, кто не был занят хлебопашеством, а проживал в деревне… Около 20 декабря 1920 г. до Ишима докатилась волна диких кулацких расправ от старого до малолетнего ребенка…» [7. Ф. 1818. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 17 об.].

Советская власть приняла меры для пресечения подобных действий крестьян. И это не выражалось в расследовании обстоятельств конкретного дела и решениях суда. Без колебаний были введены безжалостные виды наказания для крестьян. Согласно приказу Реввоенсовета 1-й Армии Труда за убийство продовольственного агента на местах должны были «брать заложников из среды кулацкого населения, часть их расстреливать; увеличивать разверстку в 1½ раза в волостях, где произошло убийство» [27. С. 2]. Жестокость власти возымела действие: развёрстку выполняли все категории крестьянского населения, не задавая вопросов о масштабах и целях государственных хлебозаготовок, поскольку под удар попали не только богатые и среднезажиточные крестьяне, но и бедняки. В сообщениях, поступавших в Тюменский губернский комитет партии, говорилось, что «бедняки и середняки-крестьяне смотрят на нас сквозь пальцы…» [5. Ф. 17. Оп. 12. Ед. хр. 1186. Л. 7], «отношение среднего, беднейшего крестьянства к Советской власти последнее время резко изменилось, из благожелательного сделалось оппозиционным, местами враждебным…» [Там же. Ед. хр. 675. Л. 144 об.].

Следствием выполнения государственных заготовок, а также неурожая стало не только разорение крестьянских хозяйств, но и голод. Уже в середине ноября 1920 г. проявились его первые симптомы в Тюменской губернии, вызванные в значительной степени масштабами продовольственных мероприятий. Так, крестьяне одной из деревень Пегановской волости обратились в уездное политбюро с просьбой «рассмотреть их дело, так как уполномоченный губпродкомом… реквизировал весь хлеб… Теперь у нас дети остались голодными и нет хлеба ни крошки…» [Там же. Ф. 17. Оп. 13. Ед. хр. 1186. Л. 7]. В Омской губернии по сведениям, поступившим в губпродком, еще в июле 1920 г. из-за неурожая крестьяне беспокоились, «как они будут питаться зимой» [7. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 675. Л. 40]. Надежным подспорьем в такой ситуации являлись запасы урожаев прошлых лет, но они подлежали разверстке. Крестьяне всячески пытались сохранить хлеб, чтобы обеспечить выживание общества. По этой причине свой протест выразили сельские жители Любинской волости, волисполком которой наотрез отказался вывозить хлеб, перераспределив его между членами сельского общества [Там же. Ед. хр. 181. Л. 17, 23].

По различным данным, потребность населения в хлебе в 1920–1921 гг. составляла от 17,2 до 25 пудов на душу населения [30. С. 72–73]. Но в действительности в связи с проведением продовольственных мероприятий и неурожаем выходило иначе. Так, например, по Тюменской губернии, согласно приказу губпродкома за № 1760/а, норма потребления составляла 8–9 пудов хлеба на едока. Подрыв жизнеобеспечения сельского населения, угроза голода, вероятность незасеянных полей – все это касалось жизненно важных интересов крестьян.

Для многих крестьян положение выглядело удручающим, некоторые находились в подавленном со-

стоянии. Вот как описывалось эмоциональное положение крестьян Рожовской волости Тюменской губернии в сообщении народного судьи в Ишимское политбюро: «Граждане со слезами на глазах, страшась вооруженной силы, безропотно выкачивают свой хлеб и даже захватывается норма потребления…» [5. Ф. 17. Оп. 13. Ед. хр. 1186. Л. 5, 6]. Однако психологический надлом иногда оборачивался вспышкой насилия людей, доведенных до отчаяния. В той же Тюменской губернии в Безруковской, Кромышловской, Сорокинской, Уктузской волостях произошли столкновения «на продовольственной почве», в результате имелись человеческие жертвы со стороны сельских граждан [Там же. Оп. 12. Ел. хр. 675. Л. 144 об.].

Цели развёрстки были достигнуты: государство контролировало реализацию сельскохозяйственной продукции, выполнение повинностей, социально-политическую ситуацию на местах и нанесло удар по зажиточному крестьянству. Известный продработник Сибири А. Свидерский охарактеризовал продовольственную работу следующими словами: «Торжество государственных заготовок над частными и победа разверсточного принципа получили свое наиболее яркое выражение в заготовительную кампанию 1920–1921 гг., когда разверстка была распространена на все продукты сельского хозяйства, в том числе и на сельскохозяйственный спрос… и когда государству удалось сосредоточить в своих руках максимальное количество продуктов» [31. С. 21]. Удалось достичь ещё одной цели – создания относительно однородной структуры сибирского крестьянства. Данное положение в некоторой степени подтверждается словами одного из продовольственных работников Сибири: «Мы уже постарались и в Сибири сделать такими крестьян, как и в России» [7. Ф. 150. Оп. 1. Ед. хр. 531. Л. 40].

Несмотря на сильное давление и непоколебимость позиции власти в продовольственном вопросе, отдельные крестьянские общества пытались добиться уступок со стороны государства. В сложившейся ситуации в масштабах продразвёрстки и хамском поведении продовольственных работников крестьяне часто винили местные власти, поэтому отправляли ходоков в центральные государственные органы. Так поступили крестьяне Тюменской губернии, не найдя иного выхода, стали «организованным порядком» посылать ходоков в Центр, в Москву. В своём письме крестьяне Голышмановской волости обращались от имени всего сибирского крестьянства. Важным, на наш взгляд, видится признание крестьянами обязательности выполнения государственных повинностей, обещание выполнить государственные обязательства: «отложить государству с урожая, за нами не станется». Письмо содержало объяснения необходимости остановить требуемое выполнение повинностей: «взято все, не говоря про излишки», «мы потеряли надежду. Не имеем посевного хлеба. Каждый крестьянин без семян считает себя обреченным на гибель». Их цель и просьба – «спасти сибирское крестьянство от произвола, который творится здесь», остановить государственную машину развёрстки. Политика советского правительства, проводимая в деревне, в глазах крестьян получила оценку «произвола». Из письма нам видны безысходность крестьянских обществ и наивные надежды крестьян на Центр [5. Ф. 78. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 28].

Однако развёрстка в декабре 1920 – январе 1921 г. только усилилась. К уже применяемым способам и методам (запугивание оружием, круговая ответственность, взятие крестьян заложниками в уплату и выполнение повинностей и др.) добавились новые – предупреждающие и исключающие вероятную протестную реакцию крестьян в формах отказов в выполнении развёрстки и восстаний. К таковым относились: запрещение отправлять делегации с ходатайствами, арест и принудительный труд за невыполнение плана развёрстки; в случае восстания – сожжение всей деревни. Фактическое подтверждение мы находим в приказе Уездной Чрезвычайной Тройки (Ишимский уезд Тюменской губернии) 31 декабря 1920 г.: «...всякая посылка ходоков, делегаций с ходатайствами… об уменьшении разверсток… воспрещается. В противном случае они будут арестовываться и направляться на принудительный труд». 1 января 1921 г. по приказу Ишимского исполкома «во всех случаях обнаружения скрытого хлеба у одного гражданина… следовало конфисковать таковой у всего общества, не считаясь ни с какими мерами». В соответствии с боевым приказом одного из продуполномоченных, следовало, что на случай «если в каком-либо обществе будут делать восстание… вся деревня будет спалена». Аресты, расправы над сельским населением, конфискации хлеба, скота, имущества со стороны продовольственных работников приобрели массовый характер. Целые села и деревни остались разоренными. Эмоционально-психологическое состояние крестьян характеризовалось в докладной записке в ЦК РКП(б) о работе продовольственных органов в Ишимском уезде следующим образом: «население было доведено до того, что не знало, что делать, собиралось в курени, дабы быть посмелее, и испросить каких-либо пояснений у продработников. Но их разгоняли, как якобы повстанцев, производили стрельбу по толпе. Были случаи убийства и ранения людей» [5. Ф. 17. Оп. 13. Ед. хр. 1186. Л. 3, 4]. Очевидно, что продработники пытались посеять страх и подавить любое проявление недовольства, даже мнимое. Такое положение вещей говорило в пользу готовности местной власти применить в любой момент оружие против крестьянского населения и с помощью насилия контролировать ситуацию на местах.

Полное или сверхнормы выполнение развёрстки привело к катастрофическому падению жизненного уровня сельского населения. Норма потребления хлеба была сокращена. Как мы указывали ранее, в Сибири потребность в хлебе в 1920–1921 гг. составляла от 17,2 до 25 пудов на душу населения. В ноябре 1920 г. по Тюменской губернии, согласно приказу губпродкома за № 1760/а, норма потребления была снижена до 8–9 пудов хлеба на едока. В январе 1921 г. в той же Тюменской губернии норма потребления хлеба была сокращена до 1½ пудов на человека [Там же. Л. 5]. Сокращение произошло более, чем в 10 раз.

В целом разорение крестьянских хозяйств, деревень и волостей, голод, унижение и произвол со сто-

роны власти в обеспечение выполнения всех развёрсток обусловили устойчивое отрицательное, ненавистное отношение к коммунистам, продовольственным работникам и власти. Ещё в сентябре 1920 г. население ожидало скорой смены власти, что подтверждается информсводками о политическом состоянии Омской губернии за сентябрь 1920 г. В отчете сообщалось следующие: «…крестьяне ожидают какого-то переворота… В Акмолинском уезде настроение крестьян к Советской власти, к коммунистам и Красной Армии плохое. Крестьяне говорят, что скоро придет «им» конец и «обирать нас не будут» [7. Ф. 1818. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6–9].

В Омской губернии в январе 1921 г. по информации особоуполномоченного губпродкома, отношение населения к власти «и без того обостренное, еще хуже обострилось». В Никольской, Приозерной волостях крестьяне «все ожидают переворота» [7. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 1; Ед. хр. 30. Л. 77]. Политика Советской власти посеяла ожидания её скорого уничтожения. Конфликт достиг своей высшей точки. В январе–феврале 1921 г. начался открытый массовый вооруженный протест – крестьянское восстание в Западной Сибири и Северном Казахстане.

Против Советской власти поднялись крестьяне, казаки, коренное население (казахи, татары). Один из очевидцев событий писал: «В Сибири происходит стихийное восстание крестьян и казаков, во главе стоят последние… все восстали – бедный и богатый…» [5. Ф. 78. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 45].

Восстание было кровопролитным, повлекло за собой большие человеческие жертвы и сопровождалось беспощадной жестокостью с обеих сторон. Большую роль в этом сыграла атмосфера Гражданской войны, которая наложила свою печать на психологию и сознание людей. Насилие, беззаконие, нетерпимость стали частью жизни общества. Жестокость советской власти обосновывалась необходимостью строительства социалистического коммунистического строя. Жестокость повстанцев определялась принадлежностью людей, попавших под их гнев, к Коммунистической партии, сочувствующим коммунистическим идеям и продработникам – всем тем, кто был частью продовольственной политики.

Анализ ситуации на местах показывает, что крестьянство в целом не отказывалось от выполнения государственных повинностей, но не принимало их в объёмах, затрагивающих их жизненно важные интересы, принципы организации хозяйственной деятельности и сбыта сельскохозяйственной продукции. Крестьянство, освоившее огромные просторы в значительной степени благодаря мощи и поддержке Российского государства, по-прежнему нуждалось в его помощи для организации торговли и коммуникаций, сбыта произведённой продукции и кредитования. В условиях революционных перемен в системе привычных отношений с властью крестьяне выступили против неё, выражая свой протест в различных формах, в том числе таких крайних, как массовое восстание в Западной Сибири и Северном Казахстане в 1921 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М., 1954. Ч. I.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 21. Ед. хр. 7. Л. 43.
3. Бухарин Н.И., Преображенский С.Е. Азбука коммунизма. Популярное описание программы РКП(б). Казань, 1920. Вып. 3.
4. Ленин В.И. Товарищи – рабочие! Идем в последний решительный бой! // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39.
5. Российский государственный архив социально-политической истории.
6. Советская власть в Сибири // Жизнь Сибири. Омск, 1920. № 1.
7. Центр документации новейшей истории Омской области.
8. Журов Ю.В. В.И. Ленин о сибирском крестьянстве в 1917–1920 гг. // Красноярский государственный педагогический институт. Ученые записки. Красноярск, 1960. Т. 18.
9. Статистический ежегодник 1922 и 1923 годов. Вып. 5. Т. 8.
10. Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. (Историко-социологическое исследование). М. : Мысль, 1970 – 472 с.
11. Яров И.П. Первые колхозы Сибири (1918–1926 гг.) // Труды Новосибирского института инженеров водного транспорта. Новосибирск, 1960. Вып. 8.
12. Советская Сибирь. 1921. № 34 (403) от 16 февраля.
13. Советская Сибирь. Омск. 1920. № 37.
14. Боженко Л.И., Гагарин А.В. Социально-политические организации в сибирской деревне (1920–1927 гг.). Томск, 1971. 136 с.
15. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. 879 с.
16. Введенская А.Г. Экономическое положение сибирской деревни накануне перехода к новой экономической политике // Труды Иркутского гос. ун-та им. А.А. Жданова. Серия историко-экономическая. Т. XI, вып. 2. Иркутск, 1965.
17. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1966. 471 с.
18. Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М. : Наука, 304 с.
19. Подсчитано на основе информационных сводок отделов губчека, опубликованных в сборнике документов «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 : в 4 т. Т. 1: 1918–1922 гг. М., 1998. 864 с.
20. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 1: 1918–1922. М., 1998. 864 с.
21. Западовникова А.Г. Борьба с кулацкой контрреволюцией в Западной Сибири в период перехода от гражданской войны к мирному социалистическому строительству (1920–1922 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1969.
22. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачый А. Крестьянское движение в Сибири (1914–1917 гг.). Хроника и историография. Новосибирск, 1983.
23. Шишкин В.И. Продармия Сибири (1920 – начало 1921 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977.
24. Галкина Т.И. Роль продовольственных отрядов в Омской губернии в разрешении продовольственного кризиса Советской республики (1920–1921 гг.) : тез. докл. науч. конф. Омск : Омск. сельскохоз. ин-т им. С.М. Кирова, 1960.
25. Журов Ю.В. Социальная структура сибирского крестьянства в годы революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977.
26. Пивоваров М.С. Революционные трибуналы в Сибири (ноябрь 1919 –январь 1923) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 23 с.

27. Почему издан декрет о Сибирском хлебе. Омск, 1920.
28. Известия Тюменского губернского революционного комитета и губкома РКП (б). 1920. № 266. С. 2.
29. Декрет СНК об изъятии хлебных излишков в Сибири // Сибирский Революционный комитет (Сибревком) (август 1919 – декабрь 1925 г.). Новосибирск, 1959.
30. Вишневский Н.М. Статистика и сельскохозяйственная действительность. М., 1922. 95 с.
31. Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М. : Гос. изд-во, 1922.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 августа 2017 г.

POWER, PRODRAZVYORSTKA AND THE SIBERIAN PEASANTS ON THE EVE OF THE UPRISING OF 1921

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 64–73.
DOI: 10.17223/15617793/426/7

Elena N. Burdina, North Kazakhstan State University named after M. Kozybaev (Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan). E-mail: efforelena@mail.ru

Keywords: Soviet power; Communists; conflict; peasants; prodrazvyorstka; political moods.

The aim of this article is to analyze the changes in the relationship between the state and the peasantry in the context of the implementation of the policy of military communism. The study is based on the documents of the State Archive of the Russian Federation, Russian State Archive of Socio-Political History, the Documentation Center of Modern History of the Omsk region, the works of the leaders of the Soviet government, materials of congresses of the RCP(b), the reports of the party and Soviet authorities and the All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution, Speculation, and Sabotage (Cheka). The article analyzes the social and economic activities of the Bolsheviks in the village and the attitude of the peasantry towards them, and characterizes the specifics of the West Siberian peasantry. The author pays attention to the prosperity, relative homogeneity of the social structure, individualism, enterprise and other objects of exploitation in the countryside – peasant migrants and autochthonous population. Some sources indicate the application of state-legitimized violence, the use of the army and armed detachments of workers, extrajudicial actions for the purpose of withdrawal of food to solve the food crisis in the country, and to establish total control over the rural economy. The article is based on the sources showing a catastrophic decline in the living standards of peasants, the blurring of property distinctions in the countryside, the emotional depression and embitterment of the peasants of Western Siberia as a consequence of prodrazvyorstka (food apportionment). While conducting the research, the author has come to the following conclusions. After the establishment of the power of the Bolsheviks and the introduction of prodrazvyorstka the status of the peasantry changed. The West Siberian peasantry throughout the centuries was an ally of the state in the development of new lands, establishing contacts with other ethnic groups and expanding the borders of Russia. The Bolsheviks declared the prosperous and enterprising Siberian peasantry a social enemy of the dictatorship of the proletariat. Prodrazverstka broke the tax system that had functioned in pre-revolutionary Russia, destroyed the traditional social and economic institutions, led to the establishment of state control over the production, disposal and consumption of agricultural products. The ideals of the revolution and the preservation of the dictatorship of the proletariat were the highest goals for the Soviet government. The interests of the Siberian peasantry were sacrificed to the revolution. The Siberian peasants did not refuse to fulfill their obligations to the state, as long as they did not concern their vital interests, principles and forms of the economy organization. In general, the peasants of Siberia did not accept the revolutionary changes of the Bolshevik power. The policy of the state formed a stable opinion among the West Siberian peasantry about Soviet power as an unjust power, the attitude towards the Bolsheviks was characterized by distrust and enmity.

REFERENCES

1. Gospolitizdat. (1953) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. 7th ed. Part 1. Moscow: Gospolitizdat.
2. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1235. List 21. Unit 7. Page 43. (In Russian).
3. Bukharin, N.I. & Preobrazhenskiy, S.E. (1920) *Azbuka kommunizma. Populyarnoe opisanie programmy RKP(b)* [The ABC of Communism. A popular description of the program of the RCP (b)]. Is. 3. Peterburg: Gosudarstvennoe izdatetel'stvo.
4. Lenin, V.I. (1970) *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. 5th ed. Vol. 39. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
5. Russian State Archive of Socio-Political History. (In Russian).
6. Zhizn' Sibiri. (1920) Sovetskaya vlast' v Sibiri [Soviet power in Siberia]. *Zhizn' Sibiri*. 1.
7. Documentation Center of Modern History of the Omsk region. (In Russian).
8. Zhurov, Yu.V. (1960) V.I. Lenin o sibirskom krest'yanstve v 1917–1920 gg. [Lenin on the Siberian peasantry in 1917–1920]. *Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. Uchenye zapiski*. 18.
9. *Statistical Yearbook for 1922 and 1923*. 5:8. (In Russian).
10. Shkaratan, O.I. (1970) *Problemy sotsial'noy struktury rabochego klassa SSSR. (Istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie)* [Problems of the social structure of the working class of the USSR. (A historical and sociological study)]. Moscow: Mysl'.
11. Yarov, I.P. (1960) Pervye kolkhozy Sibiri (1918–1926 gg.) [The first collective farms of Siberia (1918–1926)]. *Trudy Novosibirskogo instituta inzhenerov vodnogo transporta*. 8.
12. *Sovetskaya Sibir'*. (1921). 34 (403). 16 February.
13. *Sovetskaya Sibir'*. (1920). 37.
14. Bozhenko, L.I. & Gagarin, A.V. (1971) *Sotsial'no-politicheskie organizatsii v sibirskoy derevne (1920–1927 gg.)* [Socio-political organizations in the Siberian village (1920–1927)]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Malin, V.N. & Korobov, A.V. (1957) *Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Directives of the CPSU and the Soviet Government on economic issues]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.
16. Vvedenskaya, A.G. (1965) Ekonomicheskoe polozhenie sibirskoy derevni nakanune perekhoda k novoy ekonomicheskoy politike [The economic situation of the Siberian village on the eve of the transition to a new economic policy]. *Trudy Irkutskogo gos. un-ta im. A.A. Zhdanova. Seriya istoriko-ekonomicheskaya*. XI:2.
17. Tyukavkin, V.G. (1966) *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya* [Siberian village on the eve of October]. Irkutsk: Vost.-Sib. knizh. izd-vo.
18. Kabanov, V.V. (1988) *Krest'yanskoe khozyaystvo v usloviyakh "voennogo kommunizma"* [Peasant farming in the conditions of "military communism"]. Moscow: Nauka.
19. Borisova, L., Danilov, V., Ivnitskiy, N. & Kondrashin, V. (1998) *Podschitano na osnove informatsionnykh svodok otdelov gubcheka, opublikovannykh v sbornike dokumentov "Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939": v 4 t.* [Estimated on the basis of infor-

mation reports of the departments of Gubcheka published in the collection of documents “The Soviet village through the eyes of the Cheka–OGPU–NKVD. 1918–1939”: in 4 vols]. Vol. 1: 1918–1922. Moscow: ROSSPEN.
20. Borisova, L., Danilov, V., Ivnitskiy, N. & Kondrashin, V. (1998) *Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy: v 4 t.* [The Soviet village through the eyes of the Cheka—OGPU–NKVD. 1918–1939. Documents and materials: in 4 vols]. Vol. 1: 1918–1922. Moscow: ROSSPEN.
21. Zapadovnikova, A.G. (1969) *Bor'ba s kulatskoy kontrrevolyutsiey v Zapadnoy Sibiri v period perekhoda ot grazhdanskoy voyny k mirnomu sotsialisticheskomu stroitel'stvu (1920–1922 gg.)* [The struggle against the kulak counter-revolution in Western Siberia during the transition from the Civil War to peaceful socialist construction (1920–1922)]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
22. Goryushkin, L.M., Nozdrin, G.A. & Sagaydachyy, A. (1983) *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri (1914–1917 gg.). Khronika i istoriografiya* [The peasant movement in Siberia (1914–1917). Chronicle and historiography]. Novosibirsk: Nauka.
23. Shishkin, V.I. (1977) Prodarmiya Sibiri (1920 – nachalo 1921 gg.) [The food army of Siberia (1920 – early 1921)]. In: Gushchin, N.Ya. (ed.) *Problemy istorii sovetskoy sibirskoy derevni* [Problems of the history of the Soviet Siberian village]. Novosibirsk: Nauka.
24. Galkina, T.I. (1960) *Rol' prodovol'stvennykh otryadov v Omskoy gubernii v razreshenii prodovol'stvennogo krizisa Sovetskoy respubliki (1920–1921 gg.)* [The role of food detachments in Omsk Province in resolving the food crisis of the Soviet Republic (1920–1921)]. Omsk: Omsk Agricultural Institute n.a. S.M. Kirov.
25. Zhurov, Yu.V. (1977) Sotsial'naya struktura sibirskogo krest'yanstva v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny (1917–1920 gg.) [The social structure of the Siberian peasantry during the years of the Revolution and the Civil War (1917–1920)]. In: Gushchin, N.Ya. (ed.) *Problemy istorii sovetskoy sibirskoy derevni* [Problems of the history of the Soviet Siberian village]. Novosibirsk: Nauka.
26. Pivovarov, M.S. (2007) *Revolyutsionnye tribunaly v Sibiri (noyabr' 1919 – yanvar' 1923)* [Revolutionary tribunals in Siberia (November 1919 – January 1923)]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
27. Gosizdat. (1920) *Pochemu izdan dekret o Sibirskom khlebe* [Why a decree on Siberian bread was issued]. Omsk: Gosizdat.
28. *Izvestiya Tyumenskogo gubernskogo revolyutsionnogo komiteta i gubkoma RKP (b)*. (1920). 266. pp. 2.
29. Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (1959) Dekret SNK ob iz”yatii khlebnykh izlishkov v Sibiri [Decree of the SNK on the seizure of grain surplus in Siberia]. In: *Sibirskiy Revolyutsionnyy komitet (Sibrevkom) (avgust 1919 – dekabr' 1925 g.)* [Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom) (August 1919 – December 1925)]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
30. Vishnevskiy, N.M. (1922) *Statistika i sel'skokhozyaystvennaya deystvitel'nost'* [Statistics and the agricultural reality]. Moscow: Tipo-litografiya MSNKh “Mospoltgraf”.
31. Narkomprod. (ed.) (1922) *Chetyre goda prodovol'stvennoy raboty. Stat'i i otchetnye materialy* [Four years of food work. Articles and materials]. Moscow: Gos. izd-vo.

Received: 26 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 74–81. DOI: 10.17223/15617793/426/8

УДК 930.2

С.А. Васильева, И.М. Эрлихсон

ХРИСТИАНСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XVIII в.

Статья посвящена изучению влияния теологических доктрин английского протестантизма на ранний этап пенитенциарных реформ в Великобритании. Эпоха Просвещения привела к радикальным изменениям в системе уголовного правосудия и положила начало «эре карательной сдержанности». Авторы убеждены, что социально активные представители различных течений английского протестантизма экстраполировали свои религиозные воззрения на систему исполнения наказаний, в результате чего был заложен гуманистический фундамент пенитенциарных реформ как Великобритании, так и континентальной Европы.

Ключевые слова: Великобритания; XVIII в.; «Религиозное общество друзей»; пенитенциарная реформа; английский протестантизм.

Выдающийся американский социолог русского происхождения П. Сорокин, рассуждая о теологической природе средневекового государства и права, выявил ее фундаментальные основы: «Этика и право представляли собой только дальнейшую разработку абсолютных заповедей христианства. Политическая организация в ее духовной и светской сферах была преимущественно теократической и базировалась на Боге и религии» [1. С. 430]. Процессы секуляризации всех областей общественной жизни, политического и экономического устройства европейских стран, зародившиеся в XVII в., привели к началу XIX в. к обмирщению государственной власти и высвобождению права из-под влияния религии. Результатом стали появление прогрессивных кодексов и в целом смена парадигмы уголовного правосудия: от кары и возмездия к исправлению наказанием. Классическая история государства и права связывает секуляризацию правовых норм и разработку новых уголовных кодексов с активным проникновением идей Просвещения во все сферы общественной жизни, в том числе в область правосудия. В таком ракурсе революционные по сути процессы кардинальной трансформации средневекового, теологического в основе, правосудия рассматриваются как общеевропейская прогрессивная тенденция, без учета национального своеобразия этих изменений.

Между тем в современной исторической науке динамично развивается модель «новой интеллектуально-культурной истории», которая в первую очередь отдает предпочтение не столько истории идей, сколько взаимодействию между движением идей и их исторической «средой обитания» – теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи рождаются, распространяются, развиваются. В данной статье авторы предприняли попытку реконструировать культурный и религиозный контекст реформ английского уголовного правосудия с целью выявления их специфики и идейных основ. Выдвигается гипотеза о доминирующем влиянии протестантских теологических доктрин на процесс становления системы исполнения наказаний в Англии, которая, в свою очередь, вносит коррективы в наличествующие концепции секулярного понимания общеевропейских пенитенциарных реформ.

В восемнадцатом столетии Англия столкнулась с прогрессирующим ростом преступности. В этом контексте мы не ставим целью рассмотреть весьма разноплановый спектр причин подобного явления, ограничимся лишь упоминанием многочисленных серьезных исследований и оформленных научных теорий, варьирующих от марксистских концепций возникновения преступности как результата классового расслоения общества [2] до современных исследований по истории ментальностей [3]. Результатом поиска эффективного средства сдерживания и противодействия преступности стала кардинальная реформа уголовного правосудия, стартовавшая в конце XVIII столетия и растянувшаяся на весь последующий век, которая привела к «рождению тюрьмы» в современном ее понимании.

Бурный рост преступности в XVIII в. озаботил, если не сказать – ужаснул, современников. Английский филантроп, купец и путешественник Джонас Хэнвей в 1776 г. писал: «Какие леденящие душу кровь описания ежедневно появляются на страницах газет! Какое впечатление сложится у иностранцев о нашем правительстве? Грабежи, расследования грабежей, опознания преступников, судебные процессы, публичные казни – подобного рода заметки появляются чаще, чем объявления о свадьбах и рождениях!» Резюмируя ситуацию, Хэнвей заключает: «Мы склонны преувеличивать опасность, но в данном случае не будет преувеличением утверждать, что мы живем в стране, где человек не чувствует себя в безопасности от пистолета, приставленного к груди, ни в собственном доме, ни в экипаже, ни на улицах города» [4. С. 62–63]. Его современник, юрист, проповедник и общественный деятель, Мартин Мэдан с горечью констатировал, что имидж англичан на континенте так безнадежно скомпрометирован, что их называют «нацией разбойников», чему имеются серьезные основания, ведь «банды стали такими многочисленными, а лица, их составляющие, такими отчаянными, что ситуация не подвластна контролю со стороны властей» [5. С. 127–128]. Мэдан сравнивает современный ему Лондон по уровню криминогенности с Римом в «худшие его времена», описанные в сатирах Ювенала:

Впрочем, опасно не это одно: встречаются люди,

Грабить готовые в час, когда заперты двери и тихо…

Столько железа идет для оков, что, боишься, не хватит

Плуги простые ковать, железные бороны, грабли.
Счастливы были, скажу, далекие пращуры наши
В те времена, когда Рим, под властью царей, при трибунах
Только одну лишь темницу имел и не требовал больше [6].

Английский просветитель, критик и эссеист Самюэль Джонсон сатирой «Тщета человеческих желаний», созданной в подражание римлянину, «отзеркалил» ситуацию на столицу Великобритании XVIII в. с учетом лондонских реалий и английской истории:

Мой бедный друг, напрасно в тщетной вере
В полночный час ты запираешь двери
На три замка, они не сдержат ярость
Того, кому претит намек на жалость,
Мелькнет кинжал и, захлебнувшись кровью,
Ты тяжело сползешь на изголовье.
Не хватит в целой Англии полей
Для тех, кто умер в Тайбернской петле,
А из заморской пеньки не сплести
Веревок, чтобы Англию спасти,
Опутав ими шеи или флот,
Величия Британии оплот.
В Альфредовы святые времена
Всего одна лишь жалкая тюрьма
Без суеты, без шума, без хлопот
В себя вместила б весь преступный сброд.
Блаженный век без фальши лживых фраз…
И наш явит разительный контраст! [5. P. 90–91].

Обращение к зарисовкам Дж. Хэнвея, М. Мэдана, С. Джонсона позволяют продемонстрировать позицию «интеллектуалов» – образованной части формирующегося гражданского общества, неравнодушной к судьбе и имиджу страны. Уникальные свидетельства прогрессирующего роста преступности в Англии XVIII в. представлены внушительным корпусом исторических источников по материалам уголовно-исполнительного производства (показания истцов, свидетелей и ответчиков, вердикты присяжных, содержание обвинительных заключений и судебных казусов). Изучение знаменитых изданий «Тайбернский календарь» и «Ньюгейтский календарь» [7], именуемых современниками не иначе как «Кровавый реестр негодяев» обеспечивает детальное понимание «социального фона» преступности. «Календари» изобилуют историями узников знаменитой Лондонской тюрьмы Ньюгейт и «властителей Тайнберна» – так называли висельников, приговоренных к смерти через повешение в местечке публичных казней деревне Тайнберн. Эта своего рода «Библия преступного мира», включающая печально знаменитые и малоизвестные преступные биографии, стала необыкновенно популярным бестселлером, который можно было встретить на книжной полке рядовой английской семьи. Столетие спустя в английском периодическом издании «Журнал Фрэйзера для города и деревни» в 1834 г. появился очерк «По следам “Истории разбойников”», в котором неизвестный автор в рамках рецензии на книгу «Жизнь и деяния знаменитых английских разбойников, пиратов и грабителей» Чарльза Уайтхеда (1804–1862) предпринял попытку критического разбора материалов судебных заседаний Олд Бейли и Ньюгейтского календаря. Сетуя на вопиющие социальные контрасты, которые щедро являла современная ему лондонская действительность, все же автор очерка с плохо скрываемой гордостью признавал прогресс, достигнутый XIX столетием в плане улучшения криминогенной обстановки в мегаполисе: «В каменных стенах зданий более не отдаются гулким эхом грохот выстрелов и душераздирающие стенания, по дорогам не льются реки крови, все реже тротуары украшает месиво из выбитых мозгов, а жестокие сцены насилия испарились как ночные призраки в ослепительном свете дня» [8. P. 284].

Думается, нарисованные выше черты социально-культурного портрета эпохи позволят современному читателю получить представления о социальном фоне реформы уголовного правосудия, начавшейся в конце XVIII столетия. Над поиском выхода из катастрофичной ситуации трудились лучшие умы английского общества, генерируя отдельные предложения и готовые социальные проекты борьбы с преступностью и реформирования уголовного законодательства. Подобные процессы шли и в других европейских странах, что позволило в XIX в., объединив их собирательным понятием «пенитенциарные реформы», представить «рождение тюрьмы» как общеевропейское явление. помимо авторов статьи, подобное обобщение затеняет качественное своеобразие английских пенитенциарных реформ, о котором речь пойдет ниже.

Первое и, пожалуй, главное принципиальное отличие английской практики реформирования правоохранительной системы от аналогичных континентальных процессов подметил еще Дж.М. Тревельян, рассуждая о «знаменитых атаках» философов Европы и Англии на существующую систему закона и наказания. Историк связывал эти «атаки» на континенте с Вольтером и «философами», а в Англии – с «философией» и *религией* [9. С. 378]. В продолжение темы историк призывал воздержаться от популярного, но в корне ошибочного рассмотрения XVIII в. для Англии как «века нерелигиозного», убедительно доказывая, что религия, во всем многообразии ее форм, свойственных островной империи, на протяжении сменявшихся поколений оставалась «мощной силой в английской жизни» [Там же. С. 380]. В «антирелигиозности» английского Просвещения сомневается и американский историк К. Беккер, который рассуждал следующим образом: «Несомненно, восемнадцатый век – преимущественно век Разума, несомненно, Philosophes были скептически настроенной группой, атеистами на деле, если не по убеждению, приверженными науке и научному методу… Все это верно. Однако я думаю, что philosophes были ближе к Средневековью и менее свободными от предубеждений средневековой христианской мысли, чем полагали они сами и чем обычно считаем мы» [10. С. 272]. Выдающийся философ и культуролог, представитель Марбургской школы неокантианства Э. Кассирер в фундаментальном труде «Философия Просвещения» также отрицал радикальный концептуальный разрыв идей XVIII столетия со средневековыми доктринами и полагал, что просветители не столько генерировали

новые оригинальные концепции, сколько мастерски, фактически до неузнаваемости трансформировали наследие прошлого. Особенно явно эта идейная преемственность прослеживается на примере религиозных представлений Просвещения, к наиболее специфичным чертам которого, абсолютно ошибочно, по мнению Кассерера, относят критическое и скептическое отношение к христианству: «Сильнейшие идейные импульсы Просвещения и его подлинная духовная сила основываются не на отрицании веры, а на новом идеале верования, который Просвещение устанавливает, и на новой форме религии, которую оно в себе воплощает» [11. С. 156–157].

Приведенные выше рассуждения, в первую очередь, справедливы в отношении английского Просвещения, которое во многих идеях было пионерским, задавая тон и направление философам с континента. В мировоззрении англичан Нового времени Творец не являлся отвлеченным наблюдателем, а тесно был вовлечен в дела своего творения, особенно в те сферы, которые затрагивали мораль и нравственность. Ш.Л. Монтескье в первых строчках знаменитой работы «О духе законов» признавал: «…все, что существует, имеет свои законы: они есть и у Божества, и у мира материального…». Англичане воспринимали материальный мир как продолжение мира Божества, связанного с ним незримой Великой цепью, о которой рассуждал еще Фома Аквинский. В стихотворении английского поэта первой половины XVIII в. А. Поупа прочность всех звеньев этой незримой связи – залог существования «системы», отделенной тонкой гранью от хаоса:

О, цепь существ! Бог – первое звено,
Над нами духи, ниже нас полно
Птиц, рыб, скотов и тех, кто мельче блох,
Тех, кто незрим; начало цепи – Бог,
Конец – ничто; нас к высшему влечет,
А низших к нам, вот правильный расчет.
Одну ступень творения разрушь –
И все падет, вплоть до бессмертных душ;
Хоть пятое, хоть сотое звено
Изъяв, ты цепь разрушишь все равно.
Ясна простая истина как день:
Необходима каждая ступень;
Когда повреждена одна из них,
Не устоять системе остальных.
Когда бы начала земля блуждать,
Себя бы не заставил хаос ждать [12].

Правосудие как социальная система воспринималось, соответственно, как механизм поддержания «прочности» цепи, основанной на двусторонней связи (Завете) между Творцом и его творениями. Английский судья Мэтью Хэйл в 1662 г. в приговоре к повешению двух ведьм в графстве Суффолк констатировал: «Правительство – это воплощение Законов Божьих, как в видимом, так и в незримом мире» [13]. В этом предписании налицо смешение двух видов правосудия – земного и небесного, и трактовка уголовного закона как репликации небесной справедливости, воплощенной в этом законе ради вечной борьбы со злом. Библия приводит примеры восстаний против божественного мироустроения – падение Сатаны в результате восстания против Божественных правил и падение первого человека Адама. Английский поэт Дж. Мильтон в бессмертном произведении «Потерянный рай» описывает низвержение Сатаны в земной мир, где он, окруженный приспешниками, начинает борьбу за души мужчин и женщин, а если мир становится ареной этой борьбы, то в него так или иначе вовлечены люди. Для средневекового церковного правосудия эти события были питательным источником для нравоучительных убеждений и устрашений: в проповедях времен королевы Елизаветы, которые неоднократно переиздавались после ее правления в XVIII в., ад преподносился прихожанам как тюрьма или темница для тех, кто восстал против божественного порядка: «…и будут восставшие и мятежники в вечном подобии ада в окружении бесов и извергов, ведомые Люцифером и Сатаной – властителем тьмы» [14]. Если грешники и восставшие против Бога на небесах караемы так строго, почему бы земному правосудию не соответствовать небесной модели?

Построение системы правосудия, сложившееся в Средневековье и «шагнувшее» в Англию Нового времени без радикальных изменений, в целом не противоречило принципу духовной иерархии, восходя к Творцу как к высшей ступени. Процедура коронации, сопровождавшаяся обрядом помазания, в глазах духовенства и восприятии через него со стороны простого народа сообщала через священный елей государю олицетворение божественного правосудия. Церемония подразумевала: власть вытекает непосредственно от Христа через посредство духовенства к королю и дарует ему «власть от Бога», о которой говорил апостол Павел в послании римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (К римлянам 13:1). Принятие короля как власть, исходящую от Бога как бессменного соверена, изначально было частью государственного порядка в Англии. Но, принимая эту власть, описанную Павлом, король получал и карающий «меч» как священное право отомстить «в наказание делающему злое» (К римлянам 13:4). Дальнейшая иерархия чинов правосудия по нисходящей была представлена судьями высшего суда. Главных судей было двенадцать, и уподобление их по числу и «функциям» двенадцати апостолам было неотъемлемой частью как юридической, так и проповеднической практики. М. Мэден в упоминаемом выше трактате «Размышления об исполнительном судопроизводстве относительно наших уголовных законов» пишет: «Мудрость нашей конституции заключается в том, что полнота исполнительной власти – в руках Короля, который делегирует ее другим магистратам, действующим от его лица; относительно уголовных законов главные из этих магистратов – двенадцать судей Англии… эти апостолы мудрости избираются из самых компетентных и знающих юристов… и дают торжественную клятву отправлять правосудие» [5. P. 22–23]. Несмотря на нравоучительный характер трактата и новозаветную метафору, автор подчеркивает государственную (светскую!) природу правосудия, исходящего от судей. Веком раньше англиканский священник Э. Янг, сравнивая на этот раз

двенадцать присяжных с апостолами, убеждал свою паству, что земной суд выступает «прологом» и подготовкой к страшному суду, а принятие земного наказания может предотвратить (искупить) наказание в вечности. Модель земного суда, с судьей во главе и присяжными вокруг, он уподоблял небесной модели, когда Христос, окруженный ангелами, будет вершить свой суд [15]. Сравнение присяжных с апостолами подкрепляло веру в их непорочность и неподкупность.

В каждом из высших судов были представлены выездные (ассизные) судьи, которые дважды в год разъезжали по округам, не останавливаясь нигде больше чем на одну ночь (чтобы исключить подкуп, угрозу и т.п.), и вершили правосудие как по гражданским, так и по уголовным делам. Мэдан в деталях описывает визит судей Королевской скамьи, «внушающий ужас виновным и гарантирующий защиту и безопасность невинным в каждом уголке королевства» [5. P. 23]. Под звуки труб разъездные судьи, облаченные в мантии, и местные присяжные направляются в церковь, затем возвращаются в помещение суда, иногда украшенное цветами и душистыми травами, где торжественно оглашаются их полномочия. В самых торжественных выражениях судья рассуждает о природе преступления, о назначении законов и пытается донести до приговоренных мысль о необходимости достойно провести последние часы. При этом Мэдан подчеркивает, что речь должна произвести впечатление не только на преступников, но и на всю аудиторию: «… на протяжении оставшейся жизни они будут избавлены от соблазна вступить на скользкую дорожку, поскольку узрят воочию, к чему она приводит… ужасные слова приговора прозвучали, преступников увели и толпа расходится по домам, унося на устах скорбную новость… неотвратимость наказания очевидна, и все графство ощущает долговременный эффект уголовного правосудия, а другие судьи, вдохновленные его примером, продолжают хранить и передавать справедливость и истину от поколения к поколению» [Ibid. P. 30]. Нижняя ступень в судебной иерархии – мировые суды – также позиционировались как первая ступень лестницы, восходящей к правосудию Творца. Выступая в суде присяжных в Оксфорде, красноречивый проповедник Томас Биссе сравнил иерархию судов «со ступенями, восходящими к Соломонову трону (к королевской власти!), а через нее – к Богу: «…ибо нет служителя правосудия, который не был бы служителем Господа Бога» [16. P. 9]. Исследователь Г. Мишлер, подробно описав английские судебные ритуалы середины XVIII в., сравнивал лестницу правосудия с «великой цепью власти» в святом деле поддержания общественного порядка: судебная власть, таким образом, вытекала не из воли монарха либо парламента, а была обусловлена иерархией судебных чинов, восходивших к монарху, чья власть, в свою очередь, восходила к Творцу [17].

Таким образом, определяющей особенностью культурного контекста восприятия правосудия для англичан Нового времени была твердая убежденность в сопричастности Творца к земному правосудию и наказанию. Богословская риторика нашла гениальное оправдание правомерности вынесения смертного приговора. Поскольку, в соответствии с Писанием, ни один человек не имел власти ни над своей жизнью, ни над жизнью и смертью другого человека, вынесение смертного приговора могло бы рассматриваться как грех убийства. В проповеди, посвященной очередной годовщине восхождения королевы Анны на престол, епископ Экстерский Блэколл подчеркивал: только Всевышний имеет власть над жизнью и смертью, но Он дарует монарху, а через него всей системе правосудия «луч или часть Божественной власти». Таким образом, прямая связь системы правосудия с Божественной справедливостью как бы «освящала» право на вынесение приговора о наказании, в том числе смертного приговора, который в данном контексте рассматривается не как грех убийства, а как воплощение Божьей справедливости [18. P. 9–11].

Закономерно, что львиная доля инициатив по борьбе с эскалацией преступности не просто отмечена влиянием религиозного мировоззрения англичан, а именно религия является непосредственным источником и средством пенитенциарного реформирования. Упоминаемый выше Джонас Хэнвей в попытке «диагностировать» глубинные причины роста преступности, выдвигает предположение: «Не является ли ослабление или отрицание религии главной причиной того, на что мы жалуемся?» [4. С. 4]. По-своему согласен с ним и Мэден, горько сожалея о том, что процедура современного ему судебного процесса более не внушает священного трепета и не имеет ожидаемого дидактического эффекта. Критике проповедника подвергаются и судьи – «апостолы мудрости», которые вместо того, чтобы выносить вердикт, исходя из верности даваемой ими присяге, руководствуются соображениями личного характера, такими, например, как человеческое сочувствие, усталость, нежелание «брать на душу грех». Священник-кальвинист так строг в своих требованиях к священной процедуре отправления правосудия, что осуждает даже такие, на его взгляд, «пагубные для правосудия явления», как допрос преступников и свидетелей в послеобеденное время, когда большая часть присутствующих в суде людей «разморены тяжелой пищей и крепкими напитками: жара и алкогольные пары погружают достопочтенного судью в сонное оцепенение, из которого его выводят ударом локтя в бок… и от этой мелочи зависит судьба злосчастного осужденного!» [5. P. 144]. По мнению Мэдана, проблема современного ему разгула преступности сокрыта в уклонении судей (тех самых «апостолов», наделенных правом проводников Божественного возмездия) от неукоснительного следования законам как земным, так и небесным. Для Мэдана-священника позиция судьи – еще и вызов Божественному «предопределению». Для кальвинистов понятие «предопределение» означало бескомпромиссное повеление судьбы как Божьей Воли во всех областях. Все, что Бог предопределил, христианин должен принять без стенаний и жалоб. Исходя из этой догмы, наказание, посланное земной властью, надобно «принимать терпеливо, как Высшее Наказание, ниспосланное за твое неповиновение». Близкие к взглядам Мэдана единомышленники представляли условно консервативное крыло в назревавшей рефор-

ме уголовного правосудия: смертная казнь – необходимое приложение к уголовному закону, а «оправдательные приговоры привели на виселицу больше людей, чем спасли от нее» [5. P. 122]. Ветхозаветная риторика, используемая сторонниками консервативной альтернативы пенитенциарной реформы, призывала «боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою» (Откровение 21:6–8). В такой ситуации наиболее ортодоксальные представители английского пуританизма заняли непримиримо жесткую позицию в отношении изменения системы наказания в сторону ее гуманизации, рассматривая это как нарушение догмы о предопределении вечного наказания. По мнению современного историка А. Кришера, именно эти протестантские догмы оставались серьезным препятствием к отмене смертной казни в Англии на протяжении долгого времени [19. P. 99].

В таком контексте религия рассматривается не как источник реформизма, а как мощная сила противодействия социальным изменениям. Вследствие этого возникает потенциальная возможность искаженного умозаключения: если религия сопротивлялась прогрессивным изменениям, то любая состоявшаяся реформа, в нашем случае реформа уголовного правосудия, – результат секуляризации области реформирования и высвобождения от церковной догматики. В условиях английского общества XVIII в., напротив, альтернативные реформаторские проекты в области исполнения уголовного наказания предложили и впервые осуществили именно представители религиозных течений, которые видели в новом устройстве тюрьмы развитие своих взглядов на природу человека.

Теология XVIII в. вынуждена приспосабливаться к веяниям и нормам времени, как это произошло, например, в Германии, где ее выдающиеся деятели, такие как Х. Вольф, И.С. Землер, Г.С. Рейнмарус, И.И. Шпальдинг, трактовали некоторые кальвинистские догмы (в первую очередь идею первородного греха и предопределения) как «оскорбительное нарушение элементарных логических и этических законов», при этом не покидая и не преодолевая «почву догматики как таковой» [11. С. 173]. Со временем формирующаяся рационалистическая теология протестантов подвергла сомнению учение о «вечном наказании для грешников», характерное для суровой средневековой правовой традиции. «Разумность христианства», которую провозгласил сам Джон Локк, постепенно проникала во все сферы общественной жизни, в том числе в область правосудия. По замечанию Дж. Тревельяна, в XVIII в. «приверженцы нового пуританизма… старались применять милосердие Нового Завета, вместо грубых наставлений Ветхого, с которыми шли в битву войска Кромвеля» [9. С. 375]. Подобное смещение акцентов с божественной кары на божью милость детально исследовано британским историком Р. Макгоуэном в работе «Изменение лица Небесного правосудия», где автор приходит к следующему выводу: «В век науки и разума жестокое наказание кажется несовместимым с “разумностью” Бога… В опасении, что суровость и безысходность этого постулата породит большое количество сомневающихся, государство и церковь предпочли сместиться с позиции воплощения божественного возмездия в сторону олицетворения божественной благосклонности» [20. С. 93]. В Англии же ортодоксальные догмы нашли своих противников как в лице философов, к примеру, Шефтсбери, презиравшего тех, «у кого нет лучших соображений в пользу честности, кроме страха перед виселицей и тюрьмой» [21. С. 315], так и в русле самого протестантизма, а именно в теологических представлениях «Религиозного общества друзей» – квакеров. В качестве альтернативы «вечному наказанию» для грешников квакеры предложили возможность спасения через покаяние и искупление.

Основу духовного учения квакеров составляет «опыт внутреннего света» – вера в то, что «частица Бога» существует внутри каждого человека независимо от возраста, пола, социального положения, расовой или национальной принадлежности, а также (что имело определяющее значение!) от нравственного облика. Иоанн говорит об Иисусе: «В нем была жизнь и жизнь была светом человеков. И свет во тьме светит и тьма не объяла его» (1:4–5). «Этот свет просвещает всякого человека, приходящего в мир» (1:9) По убеждениям «друзей», Иисус, как Логос, связывает человечество с Богом и приносит в мир свет, который позволяет человечеству в целом и конкретному индивиду не погружаться во тьму и совершать поступки, потенциально свободные от греха. В таком контексте именно «внутренний свет» дает возможность даже самому закоренелому негодяю, как бы глубоко он не погряз в преступлениях, покаяться, обратиться и исправиться. Исходя из теологии квакеров, смертная казнь, с точки зрения бессмертности души, – худшее, что может сделать человек с человеком, так как преждевременная смерть лишает его возможности искупления своего греха в этой жизни. Квакеры выступили активными аболиционистами института смертной казни, объединившись с такими парламентариями-реформаторами, как С. Ромилли и У. Иден, возглавившими борьбу против высшей меры под эгидой идеи утверждения фундаментальных прав человека. Сохраняя преступнику-грешнику жизнь, необходимо было создать условия для последующего покаяния и обращения, обеспечить возможность «открыть в себе внутренний свет». Именно квакеры предложили понятие «пенитенциарий» – Дом покаяния (Penitentiary House), который превратился в нарицательное обозначение новой парадигмы уголовного правосудия и современной тюрьмы. В соответствии с убежденностью сторонников пенитенциария в догмате «через покаяние обретается прощение», только коренное перевоспитание может открыть заблудшему в пороке преступнику приемлемые стандарты поведения в цивилизованном обществе. Исходя из этого, искупление требует глубокого и длительного по времени раскаяния, возможного в условиях реформированного тюремного заключения. Итогом этого идеологического этапа борьбы за реформу уголовного правосудия стал постепенный переход от эшафота как сдерживающего фактора преступности к пенитенциарной системе, главной целью которой стала задача исправления и реабилитации правонарушителя.

Не следует, однако, считать подобные взгляды монополией «Религиозного общества друзей». К «новозаветным» аргументам и христианской риторике прибегал главный вдохновитель английской пенитенциарной реформы Джон Говард. Путем призыва к христианской добродетели, апеллируя к примеру всепрощающего отношения Христа к грешникам, Его любви и Его готовности простить их и принять, Говард пытался переломить сложившееся в обществе презрительно-пренебрежительное отношение к преступникам как к «отбросам общества» без шанса влиться в изгнавшую их социальную среду. Если шанс вернуться к Господу, а значит, и праведной жизни есть у каждого, то общество просто обязано принять их обратно, как отец из притчи о блудном сыне. Примыкающей по своей идейной направленности к концепции квакерского пенитенциарного «обращения» был проект Дж. Хэнвея, который Р. Макгоуэн назвал примером либерального реформаторства с главной целью «заменить террор на возможность искупления и покаяния» [20. P. 92]. Рассматривая падение религии и нравов как причину криминализации общества, Хэнвей видит выход в ее «исцеляющих возможностях» и предлагает модель одиночного тюремного заключения. Современные филантропу методы борьбы с преступностью, сводившиеся к широкому применению смертной казни и практике высылки преступников в заокеанские колонии, по его мнению, не только не решают обозначенную проблему, но и способствуют дальнейшему развращению нации. В предложенном проекте одиночного заключения преступника следовало подвергнуть длительной изоляции от общества в одиночную камеру, которая виделась реформатору как «промежуточное пространство между двумя мирами» (земным и небесным). В этой «репрезентации чистилища» преступник (с точки зрения государства и общества) и грешник (по христианским догмам) получал шанс на искупление и перед лицом Творца и в глазах общества, которому нанес вред. Побывав в земном чистилище, сопровождаемый Библией и словом тюремного проповедника, грешник / преступник мог вернуться к честной жизни, избежав «вечного наказания», в «пучину» которого, его – необращенного и не раскаявшегося грешника – могла ввергнуть немедленная смертная казнь. Французский социальный философ, автор серьезного криминологического и исторического исследования «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» М. Фуко считает, что именно Хэнвей задал базовую схему будущей европейской тюрьмы: как «пространства между двумя мирами, между преступлением и возвратом к праву и добродетели; место преобразования индивида, которое вернет государству утраченного гражданина» [22. С. 180].

Сторонники М. Фуко и «теории социального контроля», несомненно, оспорили бы попытки причислить пенитенциарных реформаторов из ряда Дж. Говарда и Дж. Хэнвея к либеральным реформаторам, а концепцию квакеров – к риторике милосердия и всепрощения. Так, последователь «ревизионизма» Р. Купер охарактеризовал Говарда как «узколобого, нетерпимого, эгоцентричного, деструктивного и, возможно, умалишенного фанатика», который «провалил» движение за тюремную реформу [23. С. 75], а исследователь Р. Морган убежденно доказывал, что усилия Говарда в отношении узников «породили бо́льшую жестокость, страдания и порок, нежели то, что он пытался своими действиями предотвратить» [24. С. 391]. Оценивая риторику евангелистов и квакеров, призывавших преступников к «ежеминутной и постоянной духовной работе над собой, в стремлении подавить свои злые наклонности и очистить свою собственную жизнь» в условиях стен пенитенциария, исследователь Б. Хилтон отметил, что, выставив Божественную благодать как приманку, пуритане подгоняли к ней «палкой духовного террора» [25. С. 98]. Десятилетия спустя в рамках общеевропейского пенитенциарного реформирования квакерская концепция глубокого религиозного реформирования в условиях предельно аскетичного тюремного заключения действительно будет занимать наиболее консервативную позицию в идущей модернизации системы уголовных наказаний, но в рассматриваемый период именно эта доктрина стала первым гуманистически направленным идеолого-теологическим обоснованием нравственной стороны пенитенциарного исправления.

Таким образом, рассматривая влияние пуританских доктрин на генезис реформ уголовного правосудия в Англии, мы можем говорить об определяющем влиянии религии, но только на начальном ее этап реформ – во второй половине XVIII – начале XIX вв. Теологические дискуссии ранних религиозных реформаторов о методах борьбы с эскалацией преступности, возможностях покаяния, искупления и исправления преступника / грешника привели к появлению первых исправительных пенитенциарных моделей. Именно в идеологических установках квакеров исправительная идея наказания впервые приобрела практическую направленность. Консервативные противники реформ также оперировали богословской риторикой в призывах к жесткому следованию законам правосудия земного и Небесного. В XIX столетии в рядах пенитенциарных реформаторов оставалось все меньше религиозных деятелей, на место которых приходили политики, общественные деятели, врачи и филантропы. Впоследствии тюремное реформирование становится сугубо государственной прерогативой, теологические дискуссии постепенно переходят в плоскость политических дебатов, а аргументы нравственного исправления превращаются в государственные и политические программы. Именно с этого момента начинается детальное изучение общеевропейских пенитенциарных реформ в контексте гуманистического (секулярного) подхода к исполнению наказания. В данной статье мы попытались актуализировать религиозный аспект в истории ранних английских пенитенциарных реформ, заполнив возникший в отечественной научной литературе небольшой пробел в изучении генезиса пенитенциарных институтов и практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. С. 429–431.
2. Melossy D., Pavarini M. The Prison and the Factory: Origins of the Penitentiary System. London, 1981.
3. Gaskill M. Crime and Mentalities in Early Modern England. Cambridge, 2000.
4. Hanway J. Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutary Prevention. L., 1776.
5. Madan M. Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits. L. : Printed fir J. Dodsley in Pall-Mall. M.D.CC.
6. Ювенал. Сатиры // Хрестоматия по античной литературе : в 2 т. / пер. Н.Ф. Дератани, Н.А. Тимофеева. М. : Просвещение, 1965. Т. 2. URL: http://lib.ru/POEEAST/UVENAL/uvenal1_1.txt
7. The Newgate Calendar. Comprising Interesting Memoirs of the Most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the Commencement of the Eighteenth Century; with Occasional Anecdotes and Observations, Speeches, Confessions, and Last Exclamations of Sufferers / ed. by A. Knapp, W. Baldwin. L., 1824–1825. Vol. 1–5.
8. Hints for a History of Highwaymen // Fraser's magazine for town and country. Vol. IX: January to June / James Fraser. L., 1834.
9. Тревельян Дж. М. Социальная история Англии от Чосера до королевы виктории. Смоленск : Русич, 2002.
10. Капустин Б.Г. Критика политической философии. Избранные эссе. М. : Территория будущего, 2010.
11. Кассирер Э. Философия Просвещения. М. : РОССПЭН, 2004.
12. Поуп А. Опыт о человеке // Поэмы / пер. В. Микушевича М. : Художественная литература, 1988. URL: http://lib.ru/POEZIQ/POUP/pope_opyt.txt_with-big-pictures.html
13. Hale (Sir Matthew). A collection of modern relations of matter of fact, concerning witches & witchcraft upon the persons of people. To which is prefixed a meditation concerning the mercy of God, in preserving us from the malice and power of evil angels. Written by the late Lord chief Justice Hale, upon occasion of a trial of several witches before him. L., 1693. URL: http://tei.it.ox.ac.uk/tcp/Texts-HTML/free/A43/A43992.html
14. An Homily against Disobedience and Willful Rebellion // Certain sermons or homilies appointed to be read in churches in the time of Queen Elizabeth of famous memory and now reprinted for the use of private families, in two parts. L. : Printed for George Wells, Abel Swall and George Pawlett, 1687. URL: https://archive.org/stream/homilyagainstdis00chur/homilyagainstdis00chur_djvu.txt
15. Young E. Two assize sermons preached at Winchester the first Feb. 26, 1694, James Hunt of Popham, Esq. being sheriff of the county of Southampton : the second July 14, 1686, Charles Wither of Hall, Esq. being sheriff, &c. L., 1695. URL: http://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A67833.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext
16. Bisse T. Jehoshaphat's charge. A sermon preached at the assizes held at Oxford, July 12, 1711 / By the Right Honourable Mr. Justice Powell and Mr. Baron Dormer. Oxford, 1711.
17. Mischler G. English political sermons 1714–1742: a case study in the theory of the «divine right of governors» and the ideology of order // British Journal for Eighteenth-Century Studies. 2001. Vol. 24, is. 1. P. 33–61. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1754-0208.2001.tb00429.x/full
18. Blackall O. The divine institution of magistracy, and the gracious design of its institution: A sermon preached before the Queen, at St. James s, on Tuesday, March 8, 1708. Being the anniversary of her Majesty's happy accession to the throne. L., 1709.
19. Krischer A. The Religious Discourse on Criminal Law in England, 1600–1800: From a Theology of Trial to a Theology of Punishment // Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches. Washington ; Baltimore, 2012. P. 85–99.
20. McGowen R. The Changing Face of God's Justice: The Debate over Divine and Human Punishment in Eighteenth-Century England // Criminal Justice History. 1988. № 9. P. 63–98.
21. Шефтсбери. Sensus communis // Шефтсбери. Эстетические опыты. М., 1975.
22. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999.
23. Cooper R.A. Ideas and their execution: English prison reform // Journal of eighteenth-century studies. Fall, 1976. № 10.
24. Morgan R. Divine philanthropy. John Howard reconsidered // The Journal of the Historical Association. October 1977. Vol. 62, № 206.
25. Hilton B. The Age of Atonement: The Influence of Evangelicalism on Social and Economic Thought, 1795–1865. Oxford : Clarendon-Oxford University Press, 1988.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 сентября 2017 г.

CHRISTIAN IDEOLOGY AS A SOURCE OF TRANSFORMATION OF THE PENAL SYSTEM IN BRITAIN IN THE EIGHTEENTH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 74–81.
DOI: 10.17223/15617793/426/8

Svetlana A. Vasileva, Academy of FSIN of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru
Irina M. Erlihson, Ryazan State University named for S. Yesenin (Ryazan, Russian Federation). E-mail: i.erlihson@rsu.edu.ru

Keywords: UK; 18th century; Religious Society of Friends; penal reform; English Protestantism.

The article analyses the problem of reconsidering penalties in the theological doctrines of English Protestantism in the early phase of the penal reform in Great Britain. The period of the Enlightenment led to radical changes in the system of criminal justice. This time is considered to be the origin of the "era of punitive restraint": gradual legislative restriction of sanctions in the form of the death penalty led to qualitative changes in the entire system of criminal penalties in general. The increasing crime rate, which plagued the eighteenth-century England, was often referred to by the penal reformers and gave rise to an abundance of religious projects of imprisonment. The authors are convinced that socially active adepts of various sects of English Protestantism extrapolated their religious views on the system of penalties execution; this laid the humanist foundation of the prison reform in Great Britain and in the continental Europe. English Protestants proposed to consider punishment as a method of rehabilitation of the convict in solitary confinement. Religious principles of the Quakers (the Religious Society of Friends) were expressed in the model of a penitentiary house. According to their theology, the prison became the place and environment where the prisoner was able to establish an incredible connection with the Lord, repent and get atonement. The outcome of this theology was the hope that God would allow the prisoner to break out of prison as a "reborn person". In turn, Calvinist Protestants resisted the attempts of humanization of the system of penalties execution, considering them as a challenge to predestination. The authors underline that the majority of the conservative wing of the religious penal reformers strongly doubted the feasibility of repentance and relied on God's commandments and the Bloody Code of the 18th century to restrain crime. It is suggested that the Christian worldview of the British influenced the early penitentiary reforms in Great Britain in the eighteenth century more than the secular ideology of the Enlightenment. The methodolog-

ical basis of analyzing the sources of the eighteenth century was the principles of the "new social and cultural history". It allowed to rethink the genesis of English penitentiary reforms in a specific historical socio-cultural context.

REFERENCES

1. Sorokin, P.A. (1992) Krizis nashego vremeni [The crisis of our time]. In: Sogomonov, A.Yu. (ed.) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat.
2. Melossy, D. & Pavarini, M. (1981) *The Prison and the Factory: Origins of the Penitentiary System*. London: MacMillan.
3. Gaskill, M. (2000) *Crime and Mentalities in Early Modern England*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: https://doi.org/10.1017/CCOL0521572754
4. Hanway, J. (1776) *Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutary Prevention*. London: Printed for *J*. Bew.
5. Madan, M. (1799) *Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits*. London: Printed for J. Dodsley in Pall-Mall. M.D.CC.
6. Juvenal. (1965) Satiry [Satire]. In: *Khrestomatiya po antichnoy literature: v 2 t.* [Reader in Ancient Literature: in 2 vols]. Vol. 2. Translated from Latin by N.F. Deratani, N.A. Timofeev. Moscow: Prosveshchenie. [Online] Available from: http://lib.ru/POEEAST/UVENAL/uvenal1_1.txt.
7. Knapp, A. & Baldwin, W. (eds) (1824–1825) *The Newgate Calendar. Comprising Interesting Memoirs of the Most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the Commencement of the Eighteenth Century; with Occasional Anecdotes and Observations, Speeches, Confessions, and Last Exclamations of Sufferers*. Vols 1–5. London: J. Robins & Co.
8. Fraser, J. (1834) Hints for a History of Highwaymen. *Fraser's magazine for town and country*. IX: January to June.
9. Trevelyan, G.M. (2002) *Sotsial'naya istoriya Anglii ot Chosera do korolevy viktorii* [The social history of England from Chaucer to Queen Victoria]. Translated from English. Smolensk: Rusich.
10. Kapustin, B.G. (2010) *Kritika politicheskoy filosofii. Izbrannye esse* [Criticism of political philosophy. Selected essays]. Moscow: Territoriya budushchego.
11. Cassirer, E. (2004) *Filosofiya Prosveshcheniya* [The philosophy of the Enlightenment.]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
12. Pope, A. (1988) Opyt o cheloveke [The experience of man]. In: *Poemy* [Poems]. Translated from English by V. Mikushevich Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [Online] Available from: http://lib.ru/POEZIQ/POUP/ pope_opyt.txt_with-big-pictures.html.
13. Hale (Sir Matthew). (1693) *A collection of modern relations of matter of fact, concerning witches & witchcraft upon the persons of people. To which is prefixed a meditation concerning the mercy of God, in preserving us from the malice and power of evil angels. Written by the late Lord chief Justice Hale, upon occasion of a trial of several witches before him*. [Online] Available from: http://tei.it.ox.ac.uk/tcp/Texts-HTML/free/A43/A43992.html.
14. Anon. (1687) A Homily against Disobedience and Willful Rebellion. In: *Certain sermons or homilies appointed to be read in churches in the time of Queen Elizabeth of famous memory and now reprinted for the use of private families, in two parts*. London: Printed for George Wells, Abel Swall and George Pawlett. [Online] Available from: https://archive.org/stream/homilyagainstdis00chur/homilyagainstdis00chur_djvu.txt.
15. Young, E. (1695) *Two assize sermons preached at Winchester the first Feb. 26, 1694, James Hunt of Popham, Esq. being sheriff of the county of Southampton: the second July 14, 1686, Charles Wither of Hall, Esq. being sheriff, & c*. [Online] Available from: http://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A67833.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext.
16. Bisse, T. (1711) *Jehoshaphat's charge. A sermon preached at the assizes held at Oxford, July 12, 1711, by the Right Honourable Mr. Justice Powell and Mr. Baron Dormer*. Oxford: [s.n.].
17. Mischler, G. (2001) English political sermons 1714–1742: a case study in the theory of the "divine right of governors" and the ideology of order. *British Journal for Eighteenth-Century Studies*. 24:1. pp. 33–61. [Online] Available from: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1754-0208.2001.tb00429.x/full. DOI: 10.1111/j.1754-0208.2001.tb00429.x
18. Blackall, O. (1709) *The divine institution of magistracy, and the gracious design of its institution: A sermon preached before the Queen, at St. James s, on Tuesday, March 8, 1708. Being the anniversary of her Majesty's happy accession to the throne*. London: [Rogers].
19. Krischer, A. (2012) The Religious Discourse on Criminal Law in England, 1600–1800: From a Theology of Trial to a Theology of Punishment. In: Depkat, V. & Martschukat, J. (eds) *Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches*. Washington, D.C.: Wilson Center Press; *Baltimore*, MD: Johns Hopkins University Press.
20. McGowen, R. (1988) The Changing Face of God's Justice: The Debate over Divine and Human Punishment in Eighteenth-Century England. *Criminal Justice History*. 9. pp. 63–98.
21. Shaftesbury. (1975) *Sensus communis* [*Sensus communis*]. In: *Esteticheskie opyty* [Aesthetic experiments]. Moscow: Iskusstvo.
22. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [To supervise and to punish. Birth of the prison]. Translated from French Moscow: Ad Marginem.
23. Cooper, R.A. (1976) Ideas and their execution: English prison reform. *Journal of Eighteenth-Century Studies*. Fall. 10.
24. Morgan, R. (1977) Divine philanthropy. John Howard reconsidered. *The Journal of the Historical Association*. October. 62:206.
25. Hilton, B. (1988) *The Age of Atonement: The Influence of Evangelicalism on Social and Economic Thought, 1795–1865*. Oxford: Clarendon-Oxford University Press.

Received: 12 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 82–87. DOI: 10.17223/15617793/426/9

УДК 930

В.С. Груздинская, О.В. Метель

ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1921–1923 гг.)

Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-688.2017.6 «Советская историческая наука в 1920–1930-е гг.: институциональный аспект».

На материалах протоколов заседаний правления Института красной профессуры, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации, рассматривается история становления названной институции. Проанализированы три взаимосвязанных процесса: формирование управленческой структуры института, оформление его учебной работы и складывание материально-технической базы. Основной акцент делается на рассмотрении различных проблем, с которыми пришлось столкнуться Институту красной профессуры, и изучении способов их решения.

Ключевые слова: Институт красной профессуры; советское обществоведение; политика в области образования; советская историческая наука.

Институт красной профессуры (ИКП) принадлежит к числу немногих советских научных и образовательных учреждений «коммунистического сектора», традиционно вызывающих интерес у историков науки и историографов. Последние внесли значительный вклад в изучение различных аспектов его деятельности, подвергнув анализу причины и обстоятельства его возникновения, сложившуюся организационную структуру, кадровый состав и содержание учебного процесса [1–6].

В рамках настоящей статьи мы несколько изменим угол зрения и предпримем попытку изучить этап институционализации ИКП, акцентировав внимание на анализе сопутствующих ему трудностей. Методологической опорой для нас станут разработки отечественных социологов, полагающих, что любой институт (понимаемый в самом широком смысле) проходит в своем развитии несколько основных этапов: доинституциональный, когда происходит возникновение нового социального явления и выполнение функций зависит от конкретного человека; институционализация, связанная с уменьшением роли личности и завершением формирования функциональных компонентов социального явления; институциональный, характеризующийся тем, что институт уже легитимен, устойчив и сам оказывает влияние на социальную жизнь; и, наконец, этап деинституционализации, предполагающий потерю институтом своей легитимности [7].

Источниковую базу исследования составили протоколы заседаний правления ИКП, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации [8]. Эвристический потенциал данных текстов довольно высок. Учитывая, что заседания собирались не реже одного раза в одну – две недели (всего за интересующий нас период состоялось 62 заседания) и были посвящены самым разным вопросам деятельности создаваемого центра, мы считаем возможным полагать, что в протоколах нашли отражение неотложные и насущные проблемы вновь организуемого института. Данный факт также подтверждает анализ вопросов, стоящих на повестке дня. В первую очередь, речь идет об организации учебного процесса и административно-хозяйственной части, формировании штата сотрудников. К тому же в рамках нормативных документов, принятых в ИКП, решения заседаний Правления обладают высшей юридической силой, а иные делопроизводственные материалы образовательного центра (распоряжения и приказы, протоколы заседаний старост и предметных комиссий) являются производными от них, дополняя или обеспечивая их исполнение.

«Точкой отсчета» в создании ИКП и начале *доинституционального* этапа его истории, принято считать работу Комиссии по реорганизации преподавания общественных наук в вузах или, как ее нередко называли, «комиссии Ротштейна» [2. С. 98; 9. С. 20]. Она была организована в ноябре 1920 г. при Совете народных комиссаров с целью разработки плана коренной перестройки всей системы преподавания гуманитарных и общественных наук в вузах страны.

Особое место в ее работе занимала проблема подготовки кадров преподавателей-марксистов, способных заменить на университетских кафедрах «буржуазных профессоров». «Не может быть и речи о преобразовании в преподавании общественных наук, пока на местах старый преподавательский персонал с полной возможностью для него “плодиться и множиться”» – объяснял внимание представителей комиссии к кадровому вопросу М.Н. Покровский [10. С. 5].

Выход из сложившейся ситуации члены комиссии видели, во-первых, в концентрации «на преподавательской работе марксистско-подготовленных партийных кадров» и, во-вторых, в «немедленной подготовке своей профессуры из коммунистической и пролетарской молодежи» [9. С. 20]. Для реализации последней из названных задач специальным постановлением СНК от 11 февраля 1921 г. и было предписано открыть в Москве и Петрограде институты красной профессуры, призванные стать «кузницами» для подготовки новых профессоров, готовых к «преподаванию в высших школах Республики теоретической экономии, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства» [11. Л. 1].

Отныне, как в дальнейшем не раз подчеркивали советские ученые, на смену субъективному способу отбора кандидатов в будущие профессора, характерному для дореволюционной практики «оставления», пришла новая практика «взращивания» научной сме-

ны, отвечающая потребностям подготовки большевистских научных кадров [9. С. 20].

Однако вопреки решению СНК, открытие институтов красной профессуры сразу в двух «столицах» оказалось невозможно: не было достаточного количества квалифицированных преподавателей-марксистов. Именно поэтому, благодаря усилиям М. Н. Покровского, ИКП был открыт только в Москве в октябре 1921 г. Этому событию предшествовала работа специальной комиссии, в чью задачу, как указывает Л.А. Козлова, входили «создание органов управления ИКП, определение тематики занятий, составление списков преподавателей и решение других аналогичных вопросов» [2. С. 100]. Именно ее деятельность, на наш взгляд, положила начало *институциональному строительству* ИКП, завершившемуся только в 1923 г. после официального принятия устава института и окончательного утверждения учебного плана. Причем, несмотря на ожидания социологов, настаивающих на снижении роли личности при переходе от доинституционального к институциональному этапу в развитии того или иного института, создание ИКП было невозможно без активного участия М.Н. Покровского, подтверждением чему является хотя бы тот факт, что он пропустил всего четыре заседания правления, тогда как другие «красные профессора» присутствовали на них куда реже (Ш.М. Дволайцкий посетил 30 заседаний из 62, С.В. Членов – 24, А.Д. Удальцов – 22, В.Я. Каплинский – 19, Д. Кузовков – 14). В целом формирование институционального фундамента ИКП происходило в следующих основных направлениях: складывание системы управления институтом, организация учебного процесса и решение вопросов административно-хозяйственного характера.

Говоря о *формировании системы управления ИКП*, укажем, что она мало чем отличалась от аналогичных структур других советских учебных заведений того времени и состояла из нескольких уровней. Контролирующей инстанцией, осуществлявшей в отношении ИКП «общее наблюдение», выступал Наркомпрос [13. Л. 117–120 об.]. Высшим органом управления институтом являлось правление, отвечавшее за его работу и направлявшее его учебную и хозяйственную деятельность [8. Л. 79]. Первый состав правления был утвержден в сентябре 1921 г., он включал в себя председателя, им стал М.Н. Покровский, председателя научно-политической секции ГУСа (В.Я. Каплинский), двух представителей от профессуры института (Н.М. Лукин и Д.В. Кузовкин) и двух представителей от слушателей (в первом составе правления от слушателей был лишь будущий украинский философ-марксист В. Юринец) [Там же. Л. 10].

В таком составе правление проработало два года, затем, в связи с принятием устава ИКП, число его членов было увеличено за счет появления должности заведующего институтом, или заместителя председателя (первоначально ее занял Д.В. Кузовкин, затем – С.В. Членов [Там же. Л. 32]) и секретаря правления. Устав же зафиксировал и процедуру формирования правления, ранее до конца не определенную. Так, в частности, кандидатуру председателя должна была предлагать политическая секция ГУСа, а утверждать – коллегия Наркомпроса.

Второе направление институционального строительства ИКП было связано *с организацией учебного процесса*. Основные сложности в данном случае были связаны с отсутствием «марксистски подготовленных» преподавателей, способных стать наставниками для икапистов, воспринимавших себя в качестве «будущих борцов за коммунизм». И хотя в числе первых сотрудников ИКП были известные специалисты того времени, далеко не все они могли похвастаться «марксистским» и тем более «коммунистическим» прошлым [2. С. 100–101; 8. Л. 96–100 об.]. Недаром десятилетие спустя Т. Дубыня и А.М. Панкратова вспоминали, что «измученные в ожидании руководителей-коммунистов слушатели требовали дать им хотя бы советски близких профессоров, идущих к марксизму» и были готовы «брать у них то, что они могли дать», даже изучать историю Греции и Рима у П.Ф. Преображенского [9. С. 21]. Основная причина такого положения заключалась в том, что в связи с развитием сети коммунистических научно-образовательных учреждений резко возрос спрос на преподавателей-марксистов, но удовлетворить его было просто некем. «Если даже под «метелку» наскрести все наличные преподавательские силы партии в Москве, – сетовал в 1922 г. М.Н. Покровский, – наберется самое большое на два высших учебных заведения: скажем, институт красной профессуры, куда можно было бы собрать наиболее крупных теоретиков, и университет Свердловский, который мог бы обслуживаться силами среднего калибра. А на шесть университетов, разумеется, в Москве профессоров-коммунистов не наберется» [10. С. 10].

В результате между отдельными институтами началась настоящая борьба за кадры, отголоски которой мы находим и в материалах протоколов ИКП. Так, в частности, на одном из первых заседаний института рассматривалось заявление В.И. Невского, тогдашнего ректора Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, выражавшего серьезные опасения относительно того, что «участие преподавателей университета в работах ИКП отразится на ходе занятий университета» [8. Л. 4]. М.Н. Покровский тогда заверил его в том, что он и его коллеги будут исправно выполнять свою работу в двух учреждениях одновременно. Однако последующий опыт совместительства, широко практикуемый в 1920-е гг. многими преподавателями, показал бесплодность подобных попыток, зачастую приводивших к срыву учебного процесса.

Вторая проблема, остро стоявшая перед правлением ИКП в период становления учебной работы данного учреждения, заключалась в сложностях набора слушателей. Весной 1921 г. Совет труда и обороны определил максимально возможное число студентов института в количестве 300 человек, которые по объемам снабжения приравнивались к учащимся военно-учебных заведений [14. Л. 2]. Однако, несмотря на столь серьезную привилегию, в 1921 г. в ИКП обучалось всего 105 слушателей, а в1922 г. – 151 [15. С. 214]. Отсутствие достаточного количества слуша-

телей опять-таки объясняется конкуренцией, развернувшейся за будущих студентов между различными советскими учебными центрами. ИКП, в частности, пришлось конкурировать с курсами по изучению теории и практики марксизма, открытыми при Институте К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ). Для разрешения возникшего спора была даже создана специальная Комиссия по перераспределению слушателей, которая предложила решить возникшую проблему путем разграничения сферы деятельности названных учреждений. Отныне ИКП должен был готовить «преподавателей и профессоров марксистов по общественно-политическим дисциплинам», а курсы марксизма при ИМЭ – сосредоточиться на выпуске «партийных работников с повышенным марксистским образованием» [16. Л. 9].

Несмотря на то что прием слушателей в ИКП осуществляла специально созданная мандатная комиссия, источники не содержат информации о ее деятельности вплоть до 13 февраля 1923 г., когда члены правления утвердили порядок ее работы [8. Л. 75]. Одновременно правлением ИКП были приняты условия приема слушателей на1923/24 учебный год, содержавшие требования к будущим студентам и правила организации их набора. Так, новыми правилами были установлены возрастные (не моложе 20 лет) и партийные (не менее 3 лет) «цензы», определена трехступенчатая процедура принятия новых слушателей (подача и рассмотрение заявления с указанием темы пробной работы – подготовка пробной работы – сдача коллоквиума с целью проверки минимума «марксистских» знаний по теоретической экономии, философии, русской и всеобщей истории), оговорены сроки представления необходимых документов, тогда как ранее желающие могли присоединиться к учебному процессу в течение года, достаточно было постановления ИКП [8. Л. 14, 20, 38, 62] (сведения о новых условиях приема в ИКП распространялись через партийные структуры на местах; соответствующий документ, к примеру, был обнаружен нами в Историческом архиве Омской области [20. Л. 14]). Все это, безусловно, можно рассматривать в качестве элементов институционального строительства, обеспечивших формализацию важнейших «производственных процессов», протекавших в ИКП.

Отсутствие строгих правил приема в первые годы существования ИКП дополнялось отсутствием четко разработанных планов и программ преподаваемых дисциплин, утверждаемых лишь накануне начала триместра. Как свидетельствуют протоколы заседаний правления, план на первый триместр 1921/22 учебного года, начинавшийся в октябре, был утвержден в начале сентября, а второго, объединенного с третьим, – 30 декабря [8. Л. 10, 25]. Только в мае 1922 г. правление обязало составить учебные программы по каждой специальности, а через месяц утвердило представленные образцы. Основной формой учебной работы икапистов в 1921–1923 гг. являлись семинары, выстроенные вокруг обсуждения подготовленных слушателями докладов, и только некоторые дисциплины предполагали обязательное чтение лекций [Там же. Л. 46 об.]. Нехватка преподавателей нередко приводила к «укрупнению» учебных групп, число участников которых могло достигать 38 человек [8. Л. 96–100 об.]. Огромное место в деятельности ИКП в этот период занимала организация практической работы слушателей, предполагавшая «преподавание в партийных школах, руководство марксистскими кружками на предприятиях, агитационные выступления» [4. С. 161]. Соответствуя требованиям времени, она, однако, не могла не оказывать негативное воздействие на качество образования, получаемого в ИКП, способствуя росту академической задолженности икапистов [Там же].

Немаловажным элементом в деле становления учебного процесса в ИКП также было утверждение системы оценивания слушателей, которые в течение триместра должны были подготовить два доклада по тематике своего семинария и хотя бы один раз выступить в обсуждении темы товарища. Так как дореволюционная экзаменационная система была упразднена еще в 1918 г., то в январе 1922 г. в институте было предложено оценивать деятельность каждого студента в соответствии со следующей шкалой. Наиболее добросовестных учащихся относили в первую категорию – допущенных к занятиям во II триместре (5 человек), вторую категорию составляли лица, допущенные с условием подготовки еще одного доклада (9 человек), третью – студенты, «допущенные условно», о них предполагалось «иметь суждение после II триместра» (3 человека), четвертую – лица, чье пребывание в стенах ИКП требовалось рассмотреть Комиссией по проверке состава (2 человека), пятую – выбывшие и «недостаточно ценные» студенты (6 человек) и, наконец, шестую – слушатели, чья судьба пока оставалась нерешенной (1 человек) [8. Л. 29–31]. Столь громоздкая и неудобная градация была заменена правлением в июне 1923 г., когда, по предложению М.Н. Покровского, в ИКП была введена трехступенчатая система оценок, предполагавшая деление слушателей на три категории: «…первые – те, из которых вырабатываются преподаватели вуза, вторая (средняя) – преподаватели Губсовпартшкол и третья – ниже средней – подлежащие исключению» [Там же. Л. 96]. Являясь безусловным элементом формализации учебного процесса, названная система оценивания, однако, использовалась преимущественно самим М.Н. Покровским, тогда как остальные профессора то и дело отходили от нее, нередко ограничиваясь указанием индивидуальных характеристик студентов. Так, на одном из заседаний правления, отчитываясь о работе слушателей философского семинара, Л.И. Аксельрод давала следующие оценки: «даровитый», «способный», «тупой» или «тяжкодум, но человек серьезный, вдумчивый, работает усердно», «думает туго, но работает с большой настойчивостью» [Там же. Л. 99–100]. По результатам представленных преподавателями отчетов 20 июня 1923 г. состоялось заседание Комиссии по академической чистке, призванной решить вопрос об отчислении слушателей [8. Л. 101–102 об.]. В целом было решено исключить 25 студентов, основными причинами для этого стали: неспособность к научной работе (14 человек), пассивность и недостаточная активность (4 человека), пси-

хические отклонения (2 человека), отсутствие марксистского мировоззрения (2 человека), недостаточное участие в работе ИКП (2 человека), отрицательная характеристика в партийно-этическом отношении (1 человек). Иногда первоначальное решение об исключении отменялось ввиду особых обстоятельств, к примеру, из-за «значительного революционного стажа» студента, которому давали шанс остаться еще на один триместр в ИКП или переводили в Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова. Заметим, что помимо негативных санкций для учащихся института были созданы и средства поощрения. «Академическим пряником» являлась публикация докладов, подготовленных в семинариях наиболее выдающимися студентами [8. Л. 22].

Последним направлением институционализации ИКП стала организация *его административно-хозяйственной деятельности.* В этой сфере ИКП испытывал, в первую очередь, трудности финансового порядка. Как и многие другие учебные заведения того времени, институт находился в состоянии хронического дефицита денежных средств, вызванного как сокращением реальных выплат, существенно отличавшихся от запланированных сметами, так и постоянно возрастающими тратами. Что касается последних, то в рассматриваемый нами период они были связаны, главным образом, с расходами на содержание и переоборудование нового здания на Остоженке, оцененные в 100 тыс. довоенных рублей. Напомним, что первым пристанищем ИКП стал Страстной монастырь, занятия в кельях которого были неудобны для слушателей, поэтому в марте 1922 г. правление постановило: «Ввиду предстоящего приема новых слушателей, поднять в соответствующих инстанциях вопрос о передаче… здания Наркомпроса на Остоженке 53» [Там же. Л. 37]. Однако за здание на Остоженке (бывший Московский Императорский лицей в память Цесаревича Николая, или Катковский лицей) пришлось еще побороться, поскольку его «незаконно занял» Хамовнический совет города Москвы. В связи с этим правление постановило обжаловать дело в Президиуме ВЦИК, а также выделить средства на предстоящий ремонт, одновременно, ввиду тяжелого финансового положения, было решено предложить институту советского права, курсам марксизма и ФОНу часть помещения на условии совместного содержания [Там же. Л. 41]. В апреле стало известно, что Моссовет опротестовал договор о помещении на Остоженке, дом № 53, и руководство ИКП решило «перенести дело в Малый Совнарком, а в случае неблагоприятного решения – в Народный суд» [Там же. Л. 40]. В мае того же года ИКП праздновал победу в разразившемся споре и уже в следующем 1923 г. претендовал еще на один дом для использования его как общежития.

Не меньшие расходы институт нес на содержание административно-хозяйственного персонала. В декабре 1921 г. таковых в ИКП насчитывалось 40 человек, цифра достаточно значительная и, по оценкам членов правления, требующая обязательного сокращения. Однако в мае 1922 г. вместо ожидаемого сокращения, напротив, наблюдалось увеличение количества сотрудников административно-хозяйственной части. В ИКП, в частности, появились «1 помощник коменданта (он же смотритель здания), 1 электромонтер, 1 слесарь, 1 водопроводчик, 1 привратник, 3 швейцара, 1 ночной сторож, 1 уборщица» [8. Л. 41]. Даже в условиях нехватки финансирования, очевидно, обойтись без водопроводчика, слесаря, электрика невозможно ни одному учреждению, но необходимость сразу в трех швейцарах вызывает как минимум недоумение. Можно предположить, что это является проявлением «институциональной памяти», унаследованной от дореволюционной России, когда посетителей государственных учреждений встречали привратники у ворот и швейцары у дверей. Осенью того же года снова произошли изменения в штате, которые были вызваны «наступлением зимнего сезона и переселением части слушателей из главного корпуса во флигеля». Предлагалось увеличить с двух до четырех истопников и с семи до девяти уборщиц, так как «центральное отопление обслуживается котлами, находящимися в разных помещениях (всего 2 котельные), причем на каждую котельную требуется минимум 2 истопника, так как топка происходит 2 раза в день: утром и вечером и каждая топка продолжается от 6 до 7 часов, таким образом на обслуживание каждой котельной в день требуется 14 рабочих часов плюс 2–3 часа на подноску и колку дров» [Там же. Л. 44]. Интересно обоснование необходимости дополнительного дворника, которое, с одной стороны, было связано с наступающей зимой, а с другой – диктовалось постановлением Президиума Моссовета, предполагавшего использование дворника для специальных целей по делам милиции [Там же].

Тактика решения финансовых проблем у руководства ИКП была одна – «просить о скорейшем проведения во всех инстанциях сметы института на январь – сентябрь сего года, исчисленной финчастью Главнауки в общей сумме 179 960 довоенных рублей, и в немедленном отпуске денежных средств, как недоданных институту за первую четверть, так и на содержание института во второй четверти (апрель – июнь) текущего года» [Там же. Л. 38]. Несмотря на то что большинство подобных просьб решалось в пользу ИКП, находившемся на особом счету, в условиях гиперинфляции и быстрого обесценивания денег даже дополнительное финансирование оказалось неспособным решить возникающие проблемы. В результате, как и во всей стране, в ИКП постепенно началось «бегство от денег», заменяемых пайками, которых, впрочем, также не всегда хватало. В декабре 1921 г. обсуждению ситуации с пайками было посвящено одно из заседаний правления. Было указано, что в распоряжении ИКП было предоставлено 100 «академических пайков», которые «поступают на удовлетворение слушателей и преподавателей и 23 ответственных работников администрации», а также 100 «иждивенских пайков», из них 45 забронировать семьями слушателей, 45 – за администрацией, оставшиеся 10 считать маневренным фондом преимущественно для нужд администрации» [Там же. Л. 20]. Помимо введения системы пайков, «бегство от денег» нашло свое выражение в предоставлении сотрудни-

кам и слушателям ИКП путевок в санатории и на курорты страны. Так, уже в марте 1922 г. впервые возник вопрос об организации отдыха слушателей. Институт не имел собственного санатория, поэтому вынужден был договариваться с другими учреждениями. В частности, планировалось забронировать 5–6 мест в санатории Наркопроса [8. Л. 37], 30 мест «просить» у ЦК и «до начала каникул предоставлять… по мере надобности больным» [Там же. Л. 38]. В следующем 1923 г. обсуждался вопрос об организации сразу двух собственных площадок для отдыха: в Крыму и в Подмосковье («для семейных»). Любопытно, что правлением было решено не направлять в санатории слушателей из провинции, так как «это совершенно дезорганизует академическую работу» [Там же. Л. 74]. Было бы несколько опрометчиво усматривать здесь дискриминацию провинциалов. Скорее, речь шла о невозможности терять время на длительное путешествие слушателям «издалека», которые, с большой долей вероятности, не смогут совместить отдых с поездкой на малую Родину и, следовательно, опоздают к началу занятий. Еще одной формой организации «каникулярного времени» учащихся ИКП должны были стать заграничные командировки. Недаром в первой половине 1923 г. этот вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях правления. Сначала было решено «просить ЦК предоставить вместо 10 шестимесячных командировок, 20 трехмесячных по норме Главнауки» [8. Л. 84]. Однако в итоге восьмимесячную заграничную командировку «для изучения мировой конъюктуры с конца 19 века до начала войны 14 года» получили только несколько слушателей повышенного семинария экономистов [Там же. Л. 107].

Подводя итог сказанному, укажем, что этап институционализации ИКП как нового научно-образовательного центра проходил в нескольких взаимосвязанных между собой направлениях: организации системы управления, учебной работы и административно-хозяйственной структуры. В каждой сфере ИКП испытывал трудности, вызванные внешними и внутренними причинами, преодолевая которые, формировалась институциональная структура учреждения, включающая не только органы управления или штат работников, но и внутренние правила их функционирования, находившиеся в интересующий нас период в стадии становления, а потому испытывавшие на себе серьезное воздействие личностного фактора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловей В.Д. Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20–30-е гг. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12. С. 87–98.
2. Козлова Л.А. Институт красной профессуры (1921–1938): историографический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96–112.
3. Берендт Л.Д. Институт красной профессуры: «кузница кадров» советской партийной интеллигенции (1921–1938) // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. С. 166–197.
4. Никуленкова Е.В. Структура и руководство Института красной профессуры в 1920-е гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4, № 3. С. 158–164.
5. Нукуленкова Е.В. Историческое отделение Института красной профессуры в 1920-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 108–123.
6. Гришаев О.В. Становление Института красной профессуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2001. № 7, ч. 3. С. 52–54.
7. Павенкова М.В. Институт и институциональность как социологические категории // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2001. № 3. URL: http://socioline.ru/_seminar/predmet/om/s_institutes.pdf.
8. Государственный архив Российской федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 2.
9. Дубыня Т., Панкратова А. Десять лет Института красной профессуры // Борьба классов. 1931. № 8–9. С. 17–30.
10. Покровский М.Н. Институт красной профессуры (к первой годовщине) // Труды Института красной профессуры. Т. 1: Работы семинариев философского, экономического и исторического за 1921–1922 гг. (1 курс). М., 1923. С. 5–10.
11. Архив Российской академии наук. Ф. 453. Оп. 3. Д. 15.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 64.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 60.
14. ГАРФ. Р- 5284. Оп. 1. Д. 1.
15. Никуленкова Е.В. Институт красной профессуры: структура и организация учебного процесса // Петербургская историческая школа: Альманах: Приложение к журналу для ученых «Клио» / под ред. С.Н. Полторака. СПб. : Нестор, 2004. С. 414–424.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 65.
17. Мосолов В.Г. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956. М., 2010.
18. Труды Института красной профессуры. Т. 1: Работы семинариев философского, экономического и исторического за 1921–1922 гг. (1 курс). М., 1923.
19. Шапошников К.П. Объединенная библиотека Институтов красной профессуры (по архивным материалам) // Чертковские чтения: сб. материалов Третьей международной научной конференции. М., 2015. С. 184–200.
20. Исторический архив Омской области. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 415.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 сентября 2017 г.

THE INSTITUTE OF RED PROFESSORS: THE PROBLEMS OF INSTITUTION BUILDING (1921–1923)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 82–87.
DOI: 10.17223/15617793/426/9

Viktoriya S. Gruzdinskaya, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: vik11910314@yandex.ru
Olga V. Metel, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: olgametel@yandex.ru

Keywords: Institute of Red Professors; Soviet science; politics in education; Soviet historical science.

The aim of this paper is to explore the formation of the Institute of Red Professors in 1921–1923. The October revolution of 1917 and the subsequent restructuring of the social sphere radically influenced the whole education system. In 1921 the Institute of Red

Professors was founded. To reveal the features of this process the authors of the present article paid attention to the analysis of the difficulties which the new educational center was experiencing. The methodological principle of the paper is results of sociological studies. According to them, development of any institution (in the broadest sense) consists of several stages. The first one is the constitutional stage when a new social phenomenon appears and its functioning depends on a certain person. The next stage is institutionalization that is characterized by the reduction of the role of a certain person and the end of the formation of its functioning. This is followed by the institutional stage when an institution is legitimate and affects the society. The end of the institution development is deinstitutionalization, which means the institution loses its legitmacy. The sources of this paper are the protocols of meetings of the Institute of Red Professors administration which are stored in the State Archive of the Russian Federation. The high level of the heuristic potential of these sources is determined by the following factors: periodicity of meetings (once in one or two weeks); issues on the agenda (from educational process organization to operational problems solution); protocols have the highest legal force in the hierarchy of the Institute's normative acts (others complement or implement them). The authors reveal related aspects of the institution building of the Institute of Red Professors: administration system formation, education process organization, operational problems solution. In the present paper the major problems were determined in each sphere. To conclude, the authors point out that the difficulties determined the features of activities of the Institute. Furthermore, the research shows that overcoming them influenced the formation of the staff, the administration and the internal rules. The authors emphasize that M.N. Pokrovsky, who was the chairman of the board, exerted influence on the institutional development of the Institute of Red Professors, contrary to the sociological theory.

REFERENCES

1. Solovey, V.D. (1990) Institut krasnoy professury: podgotovka kadrov istorikov partii v 20–30-e gg. [Institute of Red Professors: training of historians of the party in the '20s and '30s]. *Voprosy istorii KPSS*. 12. pp. 87–98.
2. Kozlova, L.A. (1994) Institut krasnoy professury (1921–1938): istoriograficheskiy ocherk [Institute of Red Professors (1921–1938): a historiographical sketch]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. 1. pp. 96–112.
3. Berendt, L.D. (2002) Institut krasnoy professury: "kuznitsa kadrov" sovetskoy partiynoy intelligentsii (1921–1938) [Institute of Red Professors: "Forge of Cadres" of the Soviet party intelligentsia (1921–1938)]. In: Heinemann, M. & Kolchinskiy, E.I. (eds) *Za "zheleznym zanavesom": mify i realii sovetskoy nauki* [Behind the Iron Curtain: myths and realities of Soviet science]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
4. Nikulenkova, E.V. (2015) The structure and management of the Institute of Red Professors in 1920s. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 4:3. pp. 158–164. (In Russian).
5. Nikulenkova, E.V. (2014) The History Department of the Institute of Red Professors in the 1920s. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1. pp. 108–123. (In Russian).
6. Grishaev, O.V. (2001) Stanovlenie Instituta krasnoy professury [Formation of the Institute of Red Professors]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 7:3. pp. 52–54.
7. Pavenkova, M.V. (2001) Institut i institutsional'nost' kak sotsiologicheskie kategorii [Institute and institutionalism as sociological categories]. *Vestnik SpbGU. Seriya 6 – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6.* [Online] Available from: http://socioline.ru/_seminar/predmet/om/s_institutes.pdf.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5284. List 1. File 2. (In Russian).
9. Dubynya, T. & Pankratova, A. (1931) Desyat' let Instituta krasnoy professury [Ten years of the Institute of Red Professors]. *Bor'ba klassov*. 8–9. pp. 17–30.
10. Pokrovskiy, M.N. (1923) Institut krasnoy professury (k pervoy godovshchine) [Institute of Red Professors (to the first anniversary)]. In: Pokrovskiy, M.N. (ed.) *Trudy Instituta krasnoy professury* [Proceedings of the Institute of Red Professors]. Vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo.
11. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 453. List 3. File 15. (In Russian).
12. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 60. File 64. (In Russian).
13. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 60. File 60. (In Russian).
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). R- 5284. List 1. File 1. (In Russian).
15. Nikulenkova, E.V. (2004) Institut krasnoy professury: struktura i organizatsiya uchebnogo protsessa [Institute of Red Professors: structure and organization of the educational process]. In: Poltorak, S.N. (ed.) *Peterburgskaya istoricheskaya shkola: Al'manakh: Prilozhenie k zhurnalu dlya uchenykh "Klio"* [Petersburg Historical School: Almanac: Supplement to the journal for scientists "Cleo"]. St. Petersburg: Nestor.
16. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 60. File 65. (In Russian).
17. Mosolov, V.G. (2010) *IMEL – tsitadel' partiynoy ortodoksii: iz istorii Instituta marksizma-leninizma pri TsK KPSS, 1921–1956* [The Marx–Engels–Lenin Institute, the citadel of party orthodoxy: from the history of the Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee, 1921–1956]. Moscow: Novyy khronograf.
18. Pokrovskiy, M.N. (ed.) (1923) *Trudy Instituta krasnoy professury* [Proceedings of the Institute of Red Professors]. Vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo.
19. Shaposhnikov, K.P. (2015) [The United Library of the Institutes of Red Professors (on archival materials)]. *Chertkovskie chteniya* [Chertkov Readings]. Proceedings of the third international conference. Moscow: Izd-vo Gos. publichnoy ist. b-ka Rossii. pp. 184–200. (In Russian).
20. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund P-1. List 4. File 415. (In Russian).

Received: 20 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 88–93. DOI: 10.17223/15617793/426/10

УДК 9(57)

Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек

СИБИРСКАЯ РЕФОРМА М.М. СПЕРАНСКОГО 1822 г. КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ИМПЕРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

В истории Российской империи сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г. – первый опыт разработки регионального законодательства, учитывавшего геополитические особенности региона. Сибирское законодательство 1822 г. было призвано теснее увязать окраинные территории с историческим ядром государства. Административные преобразования М.М. Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствовало о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. «Сибирский вопрос» олицетворял собой «азиатское» направление в административной политике царизма.

Ключевые слова: Россия; Сибирь; империя; центр; окраины; регионализм; управление; законодательство.

В июне 2017 г. исполняется 195 лет со времени проведения известных реформ М.М. Сперанского в Сибири. Преобразования 1822 г. оказали существенное влияние на многие стороны жизни огромного зауральского края и в своих основных положениях действовали вплоть до падения империи в 1917 г. Не будет преувеличением утверждение о том, что отдельные положения административной реформы М.М. Сперанского 1822 г., например, разделение Сибири на Западную и Восточную и некоторые другие, в известной степени сохраняют свое значение и сегодня. За 195 лет, которые отделяют нас от изучаемой эпохи, накопилось немало документальных публикаций и исследований, посвященных деятельности М.М. Сперанского в Сибири. Историки, публицисты, мемуаристы неоднократно обращались к событиям 1819–1822 гг. Вокруг сибирской деятельности и реформ М.М. Сперанского шла, а отчасти и до сих пор идет оживленная дискуссия, высказываются различные оценки, сталкиваются идеи и мнения. Сибирская реформа 1822 г. стала, таким образом, заметной историографической темой, заслуживающей специального рассмотрения. Несомненно, требует особого прочтения и история создания в 1822 г. Советов Главных управлений Западной и Восточной Сибири, равно как губернских и окружных советов, их компетенция, состав, взаимоотношения с «главными начальниками края» и т.д. Все вышесказанное дает основания еще раз обратиться к оценке сибирских реформ М.М. Сперанского в той их части, которая в исторической литературе получила название «принцип имперского регионализма» [1].

В истории Российской империи первый опыт разработки законодательства, основанного на географических, природно-климатических факторах, этнических, конфессиональных, внешнеполитических и иных особенностях региона, связан с именем М.М. Сперанского. За трехлетний строк пребывания в Иркутске Сперанским и его помощниками был разработан пакет из 10 законопроектов, вошедший в литературу вопроса под названием «сибирское учреждение» или «сибирские реформы» 1822 г. Это «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцами», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городовых казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами» [2]. Итоговый пакет документов в окончательном виде включает в себя 10 законопроектов, состоящих их 4 019 параграфов, и отличается исключительно высоким для своего времени качеством проработки правового материала. Мотивы, характерные для политики имперского регионализма, наиболее отчетливо проявились в двух документах этого уникального законодательного комплекса: «Учреждение для управления Сибирских губерний» и «Устав об управлении инородцев». В обоих законах нашли отражение принципы формирования регионального государственного устройства как на общеимперском, местном, так и на обычно-правовом уровнях. Об этом свидетельствует не только внутренняя структура документов, но и само название и содержание конкретных статей этих законов. Они содержат такие важные с точки зрения юриспруденции понятия, как «территория», «законодательство», «управление», «устройство», «сословие». Не случайно уже первые статьи «сибирского учреждения» содержат определение географических рамок Западной и Восточной Сибири, характеристику различных уровней управления регионом [3. § 1–8], а в «Уставе об управлении инородцев», прежде всего, даются юридическое и экономическое обоснования необходимости введения нового сословия в России – «сибирских инородцев», разделения их на разряды – оседлых, кочевых и бродячих, – определяются права и обязанности каждого из разрядов [4. § 1–4].

Необходимо подчеркнуть, что Сибирское законодательство 1822 г., как и ряд иных нормативных актов по управлению окраинами империи, например Конституция Польши 1815 г., законы первой половины XIX в. об управлении Кавказом и Финляндией, несли в себе черты и прагматизма и толерантности. Они были призваны не только теснее увязать окраинные территории с историческим ядром государства, но и обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность этих территорий, их социальную стабильность в рамках империи. Иными словами, при разработке отмеченных нормативных актов приоритет отдавался решению геополитических задач при одновременном стремлении законодателя интегрировать региональную систему управления в общегосударственные механизмы власти. Компаративный анализ нормативных

актов империи по управлению окраинными территориями позволяет утверждать, что региональное законодательство не только не нарушало государственное устройство России, но, наоборот, дополняло и корректировало его в соответствии со сложными внутри и внешнеполитическими задачами, стоящими перед многонациональным государством. Согласно «Сибирскому учреждению» 1822 г. Азиатская Россия разделялась на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. К Западной Сибири были отнесены Тобольская, Томская губернии и Омская область, к Восточной Сибири – Иркутская, вновь образованная Енисейская губерния, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления и Троицкосавское пограничное управление. Губернии делились на округа, а последние– на волости и инородные управы. Разделение Сибири на две большие административные группы не было совершенно новой идеей. Отчасти это было возвращением к прежней административной практике Тобольского и Иркутского наместничеств. В отчете о ревизии М.М. Сперанский ссылался как на прежний опыт, так и на рекомендации известных ученых П. Палласа и И. Гмелина. При обосновании разделения Сибири на две части законодатель постарался учесть целый ряд факторов: невозможность управлять краем из одного регионального центра, естественно-географические условия, численность, размещение и этнический характер населения, развитие торговли и промышленности, горного промысла, снабжение продовольствием, пограничное управление. Если задача установления законности в управлении, по мнению М.М. Сперанского, достигалась созданием ряда особых сибирских уставов и положений, то вторая задача предусматривала создание такой административной системы, которая смогла бы сдержать личный произвол в управлении. Г.С. Батеньков определял эту задачу как стремление поставить генерал-губернатора в правовые рамки, разделить «власть и исполнение».

Существенной особенностью генерал-губернаторского управления в Сибири стала реализация в виде Советов Главных управлений, губернских и окружных советов идеи создания при территориальных начальниках коллегиальных совещательных органов, которые корректировали бы действие единоличной власти. Совет Главного управления учреждался под председательством генерал-губернатора, в его состав входили три члена от министерств (внутренних дел, юстиции и финансов) и три члена в качестве производителей дел, назначаемых по представлению генерал-губернатора. М.М. Сперанский вначале планировал довольно широкий состав Совета, предлагая кроме вышеназванных советников включить в него представителя Военного министерства (начальника внутренней стражи), окружного начальника путей сообщения, губернатора, председателей основных губернских учреждений, прокурора. Но в окончательной редакции проекта он отказался от этой мысли. Небольшой состав Совета показался предпочтительней, чтобы обеспечить более высокую оперативность в обсуждении дел. Отказ от выборного начала при формировании сибирских советов разных уровней управления М.М. Сперанский объяснял отсутствием в Сибири дворянства и достаточного количества купечества. Основной задачей Главного управления должно было стать осуществление общего надзора за деятельностью местной администрации. Совет Главного управления имел лишь совещательные функции, и генерал-губернатор не был связан его решением. При разногласии генерал-губернатора с Советом по этой категории дел высшей инстанцией выступал уже Сенат. Создание Советов Главных управлений не было в чистом виде возвращением к коллегиальности в местном управлении, это была бюрократическая комбинация, в которой мнения членов без труда поглощались высшей властью председателя.

Аналогичная Главному управлению модель устанавливалась на губернском и окружном уровнях. В губерниях различалось так называемое общее и частное (отраслевое) управление. В губернский совет под председательством губернатора вошли председатели губернских учреждений и губернский прокурор. Упразднялась должность вице-губернатора, он превращался в председателя казенной палаты. Вторым же лицом в губернии после губернатора теперь становился председатель губернского правления. М.М. Сперанский именовал губернатора «хозяином» губернии и предпринял конкретные шаги к объединению частных управлений в губернии, «чтоб части сии одна другой способствовали, и чтоб весь состав губернского управления представлял нечто целое и совокупное» [3. § 85]. Существенной функцией губернатора и губернского совета являлся надзор над всей губернской и окружной администрацией. В непосредственной власти губернатора оставались наиболее важные вопросы управления, надзора и даже судопроизводства. Основным средством надзора губернатора оставались обозрения губернских и окружных учреждений и ревизия делопроизводства в них. От него фактически зависело назначение и увольнение большинства чиновников в губернии, представление их к наградам. Губернатору было предоставлено право пересмотра уголовных дел, закрепляющее вмешательство администрации в судебный процесс. Все вышеизложенное свидетельствовало о преимущественном положении в управлении полиции, подведомственной губернатору и губернскому правлению.

Областные учреждения являлись, по сути, приспособлением губернского управления к местным условиям [5. С. 35–39]. Уезды в Сибири были переименованы в округа. В зависимости от количества населения окружные и городские управления делились на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. Лишь в многолюдных округах и городах предусматривался полный набор учреждений.

М.М. Сперанский не собирался ограничивать генерал-губернаторскую власть в Сибири, значение силы и самостоятельности которой он вполне сознавал. Он намеревался строить эту власть на несколько иных принципах: законность, разделение и единство власти, создание противовесов единоличной власти на всех уровнях управления. Осторожность, умение ла-

вировать, учитывать всевозможные влияния и мнения – эти качества всегда были присущи М.М. Сперанскому. Опала и Сибирь лишь обострили их.

Главным итогом ревизии и реформ Сперанского применительно к народам края стал «Устав об управлении инородцев» – один из важнейших памятников законодательной деятельности империи в Сибири, разработанный на основе учета геополитических, этнических и иных особенностей Азиатской России. «Устав» свидетельствует об известной гибкости правительственного курса, понимании им особой роли государства и его институтов в организации жизни подвластного населения, дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводила империя народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин государства. «Устав» 1822 г. явился самым широким законодательным актом правительства по отношению к народам Сибири. Он действовал вплоть до начала XX столетия, регламентируя все стороны жизни коренного населения: экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую.

В соответствии с «Уставом» 1822 г. коренное население Сибири делилось на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих». В основу деления был положен принцип хозяйственного развития. Поразрядная система обусловливала и гражданское состояние аборигенов, причем «оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской. «Кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На «бродячих жителей» распространялись правила, «для кочующих постановленные». Допускались лишь незначительные исключения из этих правил. Конечной целью поразрядной системы был переход «бродячих и кочевых жителей» в категорию оседлых. Это отражало финансовые интересы империи, так как подобный перевод сопровождался возведением аборигенов в более высокий податной оклад государственных крестьян. Наряду с этим поразрядная система преследовала и русификаторские цели. Однако нельзя не отметить, что «приравнивание» народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых племен в оседлые была основана на успехах в хлебопашестве, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением.

Законодательство 1822 г. предусматривало обязательное наделение землей «инородцев» всех разрядов как подданных государства. Организацию управления народов Сибири авторы «Устава» стремились построить на основе учета некоторых национальных особенностей нерусского населения края. Органы самоуправления кочевых народов разделились на три ступени: низшая – родовое управление, средняя – инородная управа, высшая – степная дума. Должностные лица в состав «инородческого» управления избирались на общем собрании, к участию в котором допускались все члены общины. Хозяйственная деятельность управления касалась прежде всего сбора налогов и податей. Судебные функции состояли в разборе незначительных гражданских дел. Суд и расправа производились на основе законов обычного права, кодификация которого предусматривалась «Уставом». Политические и криминальные дела подлежали разбирательству русскими чинами. «Устав» сохранял почетные звания кочевников. «Звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным», – говорилось в «Уставе». Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. В случае отсутствия прямого наследника разрешалось избрание ближайшего родственника. Сохраняя, таким образом, патриархально-феодальные отношения, «Устав» в ряде случаев отходил от принципа наследственности, давал определенную свободу выборному началу. Самодержавие в своей политике по отношению к народам Сибири по-прежнему опиралось на феодальную верхушку «инородческого» общества. Предоставляя «почетным инородцам» различные льготы и привилегии, царизм стремился заручиться их поддержкой. Указом Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. «инородцы», пользующиеся правами личного дворянства, и их дети освобождались от уплаты ясака. В целом «Устав» ослаблял патриархально-феодальные отношения, но не уничтожал их.

«Устав» предусматривал ряд протекционистских мер по отношению к торговле. Вводился принцип свободной частной торговли с сибирскими «инородцами». Свободная торговля разрешалась не только на сугланах и ярмарках, но и в русских городах и селениях. В целях пресечения различного рода злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением.

Стремясь поднять платежеспособность «инородцев», Сперанский попытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение аборигенов. Тем самым делалась попытка оградить их от злоупотреблений со стороны чиновников, столь обычных при приеме в ясак «мягкой рухляди». В «Уставе» отмечалось, что «казенные комиссионеры... на ярмарках инородцев выдерживают цены наравне с прочими покупателями». Наряду с денежными взносами разрешалось сдавать ясак пушниной, которая при оценке делилась на два сорта: «обыкновенную» и «дорогую». «Устав» регламентировал государственные, земские, уездные и частные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, автор «Устава» оговорился, что «никакой новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет предписано».

Приравнивая кочевых «инородцев» к крестьянскому сословию в гражданских правах, «Устав» сближал их и в налоговом обложении. «Кочующие инородцы участвуют в общих по губернии повинностях», – гласил документ. Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление.

Специальная глава «Устава» была посвящена взысканию недоимок, но и тут реформатор стремился ограничить вмешательство администрации. Недоимки

надлежало взыскивать «не иначе, как на ярмарках и сугланах». Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение», задержание старосты или его сына, ближайшего родственника, задержание части пушнины, предназначенной для продажи.

Ряд статей «Устава» был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии «Устав» стоял на позициях веротерпимости. Реформатор отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства. «Земское начальство обязано не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения в христианскую веру», – говорилось в документе. Некрещеные «инородцы» получали «свободу отправлять богослужение по их закону и обрядам». Вместе с тем «Устав» подчинил «иноверческое духовенство... местной полиции наравне с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем «Устав» не наделял никакими привилегиями крестившихся «инородцев». Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру».

Устав предоставлял ясачным право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Школа, полностью подконтрольная государству, рассматривалась как важный составной элемент политики русификации нерусского населения. Однако в подобных действиях правительства нельзя не видеть и известный социокультурный аспект, связанный с приобщение народов Сибири к грамотности и русской культуре в целом. Таковы основные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в области хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой. В итоге отметим, что разработанный М.М. Сперанским «Устав об управлении инородцев» стал первым в России сводом комплексного регионального законодательства, разработанного для одного из самых обширных регионов империи. Он появился в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, регламентирующие права и обязанности населения и рассеянные в бесчисленном множестве указов. Данный закон вплоть до конца XIX в. закрепил основные принципы административной, финансовой, национальной политики империи применительно у сибирским аборигенам. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России.

Одним из важных последствий введения «Устава» 1822 г. в практику стала кодификация норм обычного права сибирских народов, что и предусматривалось М.М. Сперанским. В итоге было создано два законодательных памятника: «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права Сибирских инородцев для Западной Сибири». До присоединения к России народы Сибири не знали письменных законов. Общественная жизнь регулировалась на основе обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение. С течением времени эти традиционные нормы, правила поведения, взаимоотношения внутри рода и т.д. приняли нормы права. Кодификацию норм обычного права народов Сибири и предусматривал «Устав» Сперанского. Сама идея кодификации отражала существующее на тот момент стремление правительства в своей практике взаимоотношения с сибирскими «инородцами» учитывать традиционные институты власти аборигенов, их права и обычаи [6. С. 30]. Полное подчинение народов Сибири действию общероссийского законодательства авторам «Устава» казалось абсолютно невозможным.

Началом работ по кодификации стало распоряжении губернской администрации и переводе «Устава» Сперанского на «инородческие» языки. Затем в губернских городах были образованы специальные комитеты по сбору сведений о юридических нормах аборигенов. Сбор сведений осуществлялся в соответствии с программой, разработанной в Петербурге. В качестве информаторов выступали представители родовой знати. По полноте собранных сведений выделяется проект Иркутской губернии, который в первоначальной редакции насчитывал 844 параграфа и подразделялся на 52 главы. В 1825 г. все собранные материалы были представлены на обсуждение в Сибирский комитет. Дальнейшая судьба идеи кодификации норм обычного права «инородцев» весьма показательна. Она свидетельствует о противоречивости взглядов, существовавших в высших правительственных инстанциях на будущее Сибири и ее населения в составе империи. По сути дела, споры велись о путях инкорпорации Сибири в общероссийскую государственную и экономическую систему. Камнем преткновения стал вопрос о земле. Чиновники второго отделения императорской канцелярии настаивали на включении в проект положения о признании верховных прав казны и Кабинета на инородческие земли. Противоположного мнения придерживался начальник этого отделения Д.Н. Блудов. Опасаясь возможных волнений аборигенов в далекой и пока плохо управляемой Сибири, он предложил исключить это положение из проекта свода законов. Правительство всерьез волновала и теоретическая возможность перекочевки части приграничных племен в Монголию и Китай. Это заставляло сановный Петербург с особой осторожностью рассматривать все проекты, касающиеся «окраинных» народов.

Вопрос о кодификации норм обычного права народов Сибири в высших правительственных сферах – императорский Кабинет, императорская Канцелярия, Государственный совет – обсуждался вплоть до конца 40-х гг. XIX в. В конечном итоге в 1847 г. правительство признало, что кодификация норм обычного права народов Сибири в том виде, как это предусматривал в 1822 г. Сперанский, будет «не полезным, а вредным». Она послужит лишь консервации наиболее отсталых юридических норм и родовых традиций аборигенов. За четверть века, прошедших со времени принятия Устава, поток русских переселенцев в Азиатскую Россию существенно увеличился. Под влиянием контактов с русским населением в хозяйственной, общественной жизни и быту народов

Сибири наметились значительные изменения. На это прямо указал вновь назначенный генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, предложивший управление «инородцами» подчинить общеимперскому законодательству. В середине XIX в. обычное право для большинства народов было уже пройденным этапом. Сибирь все больше превращалась в край сплошной крестьянской колонизации. Правительство постепенно склонялось к мысли о необходимости ускорения темпов интеграции русского и коренного населения Сибири. Разногласия касались лишь вопроса о том, как эту меру осуществить.

Административные преобразования М.М. Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствовало о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами краем комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную «концепцию Сибири», окраиной политики государств а в целом. Первая четверть XIX в. ознаменовалась обострением внимания самодержавия к организации управления окраинами. Появился целый ряд законодательных актов, предусматривавших широкий диапазон методов региональной политики: от федеративных принципов до простой деконцентрации административного аппарата. В 1809 г. были приняты особые законы для Финляндии, в 1815 г. – Царству Польскому была «дарована» конституция; автономное управление существовало в 1812–1828 гг. в Бессарабии; действовало особое законодательство по управлению Прибалтийскими губерниями; разрабатываются специальные положения об управлении Закавказьем, Оренбургским краем, Областью Войска Донского [7]. В 1819 г. при Министерстве иностранных дел был учрежден Азиатский комитет, который, помимо внешнеполитических вопросов, занимался делами по управлению казахов. В русле этих преобразований следует рассматривать и административную политику самодержавия в Сибири. «Сибирский вопрос», таким образом, стал составной частью правительственных планов по реорганизации управления национальными окраинами и олицетворял собой «азиатское» направление в административной политике царизма. Реформа государственного управления в Сибири, проведенная М.М. Сперанским, стала отражением правительственных поисков оптимального административного устройства регионального управления. В этом смысле она связана с целым рядом проектов, выдвинутых в начале XIX в., и находится в русле общих процессов перестройки системы государственного механизма. «Сибирское учреждение» 1822 г. вплоть до конца XIX в. определило основные принципы административно-территориаль-ного устройства региона. Преобразования М.М. Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствовало о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами краем комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную политику не только в отношении Сибири, но и окраин империи в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Ремнев А.В., Перцева Т.А. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. 262 с.
2. Кодан С.В. М.М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1988. С. 114–123.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. (ПСЗРИ-I). СПб., 1830. Т. 38, № 29125. С. 345–394.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. (ПСЗРИ-I). СПб., 1830. Т. 38, № 29126. С. 394–417.
5. Кузнецова Е.А. Область как единица административно-территориального деления Сибири в 1822–1858 гг. // История и общество в панораме веков : материалы Всесоюз. Байкал. историч. школы. Иркутск, 1990. С. 35–39.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.
7. Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск, 2005. 264 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 октября 2017 г.

SIBERIAN REFORMS OF 1822 BY SPERANSKY AS A MANIFESTATION OF THE PRINCIPLES OF IMPERIAL REGIONALISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 88–93.
DOI: 10.17223/15617793/426/10

Lev M. Dameshek, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: levdameshek@gmail.com
Irina L. Dameshek, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: dameshek@rambler.ru

Keywords: Russia; Siberia; empire; center; margin; regionalism; governance; law.

The authors of the article believe that in the history of the Russian Empire Siberian reforms of 1822 by M.M. Speransky were the first experience of working out regulations based on geographical, natural and climate factors, ethnic, confessional and foreign policy characteristics of the region. For three years Speransky and his assistants drafted 10 legislative proposals known as the Siberian reforms of 1822. The proposals were composed of 4019 paragraphs and they were outstood by analysis that was very extensive for its time. The authors believe that the Siberian Regulations of 1822 were characterized by pragmatism and tolerance. They meant to correlate the bordering territories with the historical center of the Empire, to ensure internal and external security, social stability on the territory of the Empire. Asiatic Russia was divided into two governorate-generals: West-Siberian with the center in Tobolsk, and East-Siberian with the center in Irkutsk. West-Siberian Governorate-General included Tobolsk and Tomsk Guberniyas, Omsk Oblast. East-Siberian Governorate-General included Irkutsk, the newly formed Yeniseisk Guberniyas, Yakutsk Oblast, Okhotsk and Kamchatka Coastal Administration, Troitskosavsk Border Service Administration. The governorates were divided into districts, and dis-

tricts were divided into volosts and non-Russian municipal councils. The authors believe that an essential feature of the governor-general administration in Siberia was a deliberative body affiliated with the territorial administration. The chairman of the Council of the Central Administration was the governor-general. The Council consisted of three members from the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Justice and the Ministry of Finance, and three members as referendaries appointed by the governor-general. Revisions and reforms by Speransky related to the indigenous people of the area resulted in drafting the Regulations on the Governance of Non-Russians, according to which the native peoples were divided into "settled", "nomadic" and "wandering" groups. The division aimed to make the "nomadic and wandering" peoples the "settled" ones. The Regulations of 1822 stipulated that all Non-Russians as the Empire subjects were to be assigned land. The principle of free private trade with Siberian Non-Russians was introduced. By encouraging the middle class Speransky tried to introduce taxation of the indigenous people. In matters of religion, the Regulations were based on the approach of religious tolerance. The Regulations enabled indigenous people, subjected to taxation, to send their children to state schools and establish local specialized schools. The authors come to a conclusion that the administrative reforms by Speransky made alterations to the marginal policy of the autocratic government. The authors of the article believe it was the first attempt to develop a concept of administration in Siberia. Therefore, the Siberian reforms were an integral part of the reorganization of governance of national bordering territories and represented the Asiatic direction in the administration policy of the Empire.

REFERENCES

1. Dameshek, L.M., Dameshek, I.L., Remnev, A.V. & Pertseva, T.A. (2003) *M.M. Speranskiy: sibirskiy variant imperskogo regionalizma* [M.M. Speransky: Siberian version of imperial regionalism]. Irkutsk: Ottisk.
2. Kodan, S.V. (1988) M.M. Speranskiy i kodifikatsiya sibirskogo zakonodatel'stva [M.M. Speransky and codification of the Siberian legislation]. In: Shcherbakov, N.N. (ed.) *Politika samoderzhaviya v Sibiri XIX – nachala XX v.* [The policy of autocracy in Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
3. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 38:29125. St. Petersburg: Tip. E.I.V. pp. 345–394.
4. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 38:29126. St. Petersburg: Tip. E.I.V. pp. 394–417.
5. Kuznetsova, E.A. (1990) [Oblast as a unit of the administrative-territorial division of Siberia in 1822–1858]. *Istoriya i obshchestvo v panorame vekov* [History and society in the panorama of centuries]. Proceedings of the all-Union Baikal historical school. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 35–39. (In Russian).
6. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t.* [Social history of Russia during the period of the empire (17th – early 20th centuries): in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
7. Dameshek, I.L. (2005) *Rossiyskie okrainy v imperskoy strategii vlasti (nachalo XIX – nachalo XX v.)* [Russian borderlands in the imperial strategy of the authorities (early 19th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University.

Received: 16 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 94–100. DOI: 10.17223/15617793/426/11

УДК 37.013.74

Л.Н. Данилова, А.Б. Тишко

РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В 20-е гг. XX в.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

В 1920-х гг. в СССР и Германии велась работа по созданию общенациональных систем педагогического образования. Поскольку оба государства находились в сходных политических, экономических, социокультурных условиях, то можно сравнивать развитие данных систем и устройство их отдельных элементов. Анализируя образовательную среду педагогических вузов 20-х гг., авторы выделили условия, в которых протекали жизнь и подготовка будущих педагогов, а также охарактеризовали отношения между преподавателями и студентами, взаимоотношения студентов, влияние внешней среды.

Ключевые слова: педагогическое образование; образовательная среда; подготовка педагогов в СССР; подготовка педагогов в Веймарской республике; история педагогического образования.

В Европе актуальность проблемы подготовки кадров для учебных заведений получила государственное признание только во второй половине XIX в. В России этот век являлся периодом формировании системы педагогического образования, но она не сложилась и к началу XX в.: слишком велики были региональные различия в организации педагогической подготовки и слишком мало соответствующих учреждений было на удаленных рубежах страны. В начале XX в. продолжалось становление системы педагогического образования и в Германии, где процесс ее оформления также занял около столетия и не был завершен по причине региональной неравномерности. Только в 20-х гг., когда были созданы формальные условия для централизации управления образованием в обоих государствах, можно говорить о построении общенациональных систем подготовки педагогических кадров. Подобное сходство двух стран создает возможности для сравнения этих систем в указанный период, что усиливается рядом социально-политических условий: Россия и Германия были ослаблены Первой мировой войной, революциями, их политика характеризовалась отказом от монархии, сменой режима, попытками реализации демократических идей (понимаемых по-разному), а экономика – спадом, инфляцией, безработицей. То, что в подобных условиях характеризовало образовательную среду высших педагогических учебных заведений в СССР 20-х гг. и в Веймарской республике, является предметом данной статьи.

Понятие «образовательная среда» в современной педагогике трактуется по-разному. Так, в энциклопедии профессионального образования под ней понимается «совокупность условий, в которых протекает жизнь человека, его окружение, совокупность людей, связанных общностью этих условий» [1]. Н.А. Спичко называет образовательной средой «совокупность психологического, социального и пространственно-предметного факторов, куда входят также материальные факторы и межличностные отношения» [2]. Практически в каждой трактовке, однако, отмечается, что условия, в которых находятся личность или система, оказывают сильнейшее влияние на среду. Важно, что подобные условия складываются под воздействием перманентных реформ как в образовании, так и в общественно-политической жизни. Поскольку образовательная среда является подсистемой социальной системы, то следует сразу кратко охарактеризовать **внешние влияния** или социокультурные условия развития двух молодых государств.

Постреволюционные Россия и Германия были измучены сменой правительства, мечтая о мире, благополучии и стабильности. Странам предстояло справиться с последствиями военных разрушений, спадом производства, голодом, высокой смертностью населения, бедностью, безработицей, завышенным налогообложением и инфляцией. Особенности педагогического образования выступают комплексным отражением социально-политической, экономической и культурной жизни государства, поэтому образовательным учреждениям двух государств, с одной стороны, были свойственны демократизация, педагогический поиск, умеренный гуманизм и либерализация педагогического процесса, а с другой – растерянность и авторитаризм. Такие, отчасти противоположные, признаки являлись следствием политической нестабильности, отсутствия четких представлений о векторе образовательной политики и невысокой компетентности ее верховных функционеров. В Германии к этим факторам добавлялось также большое региональное разнообразие и формализм (при всей идеалистической демократичности идей новой Конституции власти не смогли прийти к консенсусу о принятии единого закона об образовании, поэтому на практике системы педагогического образования разных земель продолжали отличаться друг от друга).

В результате структура педагогического образования в Веймарской республике была весьма разнообразна. В большинстве земель она включала следующие разновидности вузов: трехгодичные университеты, педагогические институты (как структурное подразделение высших технических школ), двухгодичные «педагогические академии»; в Баварии, Бадене и Вюртемберге сохранялись учительские семинарии. При университетах открывались педагогические кафедры, причем там, где такие кафедры уже существовали; педагогика представляла собой едва ли не отрасль философского знания.

Благодаря педагогическим поискам и экспериментированию, характеризовавшим немецкую школу с конца XIX в., менялся стиль педагогического общения, и заканчивался период гербартианского подхода к обучению и воспитанию, а это актуализировало проблему академизации подготовки учителей. В итоге

высшее образование для подготовки учителей всех типов школ было введено в большинстве регионов. Еще в начале XX в. университетское образование учителей критиковалось за излишнюю научность, а подготовка в учительских институтах – за несовременность. Преодолеть указанные проблемы было призвано создание педагогических академий, которые после Второй мировой войны были переименованы в педагогические институты (уже как самостоятельные образовательные заведения).

Однако Пруссия, превосходившая по территории все вместе взятые земли, не закрепляла статуса высшего образования за двухгодичными педагогическими академиями, ограничивая их деятельность сугубо практической направленностью при отказе от научной подготовки студентов [3].

В Советской России 20-х гг. система высшего педагогического образования была более однородной. В нее входили педагогические техникумы, педагогические институты и педагогические факультеты университетов. Важное отличие от Германии здесь составляют гораздо более ранее появление педагогических факультетов, а также наличие педагогические техникумов как наиболее распространенной формы подготовки учительства в 20-е гг. (в то время как в Веймарской республике большинство будущих учителей получали именно высшее образование).

Авторы поставили целью сравнить отдельные аспекты структуры образовательной среды в педагогических вузах двух государств. К ним относятся коммуникационно-организационный («человеческий фактор», особенности субъектов педпроцесса), пространственный (организация жизненного и образовательного пространства) и содержательно-методический компоненты среды (программы, формы и методы организации обучения и др.).

Особенности субъектов среды. Главными субъектами педагогического образования, разумеется, являлись студенты и преподаватели. В СССР обращает на себя внимание резкая смена парадигмы в отношении социального статуса большей части студентов, основу которого составляло их происхождение. В высшем образовании уместными и желанными стали люди из пролетарско-крестьянской среды, которые, пользуясь своими новыми правами, стремились получить высшее образование. В ходе изучения образовательной среды первых советских вузов авторами обнаружены многочисленные свидетельства, что в 20–30-е гг. выходцам из данной среды отдавалось явное предпочтение, при том что часть из них с трудом умели читать и писать. Это требовало от вузов корректировки учебной деятельности в соответствии со спецификой контингента. Так, в Иваново-Вознесенском педагогическом институте был открыт «нулевой курс», целью которого стала общеобразовательная подготовка студентов. Несмотря на явные пробелы в образовании, администрация вузов больше интересовалась происхождением студентов, регулярные чистки обучающихся на этой основе устраивала даже на выпускных курсах. Более того, активное столичное студенчество даже информировало администрацию об отсутствии пролетарского происхождения у отдельных товарищей, требуя не выдавать им диплом. Между тем установлено, что провинциальные вузы отличались более толерантными отношениями между студентами.

В Германии революция также изменила лицо студенчества. Поскольку поступление в педагогические академии (кроме Пруссии) и в семинарии отныне требовало аттестата вузовской зрелости, то абитуриенты должны были отличаться академической подготовкой, а потому большинство из них являлись выпускниками гимназий [4].

В отличие от Советской России, численный состав студентов отдельных педагогических вузов был более чем скромным. Например, педагогические академии Бонна, Киля и Эльбинга насчитывали примерно по 50 человек каждая. Этот факт, как и незначительное число самих академий по стране, вслед за немецкими исследователями [5 и др.], авторы склонны объяснять переизбытком учителей в середине 20-х гг. В СССР, напротив, этот период характеризовался дефицитом учителей, а численность студентов педвузов быстро увеличивалась.

Другое отличие контингента учащихся можно обнаружить в доле девушек в учреждениях педагогического образования. В Веймарской республике она была гораздо меньшей, и чем выше образовательная ступень, тем меньше на ней обучалось девушек. Наше сравнение показывает, что, несмотря на демократизацию общественной жизни и развитие эмансипационного движения, реализация заявленного Конституцией равноправия оказалась более сложной, чем в СССР. Главная причина расхождения опять же кроется в германской безработице 20-х гг., с одной стороны, и идеях социализма и актуальности ликвидации безграмотности в СССР – с другой. Большинство будущих немецких учительниц посещали учительские семинарии. В России доступ женщинам к университетскому образованию был предоставлен раньше; в Германии самой прогрессивной из земель оказалась Саксония, где женщины получили свое право полноценно обучаться в университетах только в 1906 г.

Преподавательский состав педагогических вузов молодого Советского государства тоже был особенным. Первый корпус преподавателей педагогических институтов составляли профессора и учителя дореволюционной школы. Из-за недостатка квалифицированных специалистов провинциальные вузы часто приглашали преподавателей из Москвы и Петербурга, и в 20-х гг. столичная профессура с охотой принимала подобные приглашения. При этом вузы, будучи заинтересованными в квалифицированных кадрах, создавали для приезжавших преподавателей благоприятные условия: предоставляли квартиры, обеспечивали повышенными продовольственными пайками, дровами, почти регулярной заработной платой.

Несмотря на все эти меры, большое количество кафедр в провинциальных вузах имело вакантные места, что даже приводило к закрытию целых отделений (факультетов). Трудоустройство в вуз также было непростым. Например, в Ярославском институте народного образования существовала следующая практика. Рекомендованная кандидатура подвергалась

обсуждению с целью установления научной квалификации и преподавательского опыта. Затем кандидату предлагалось прочитать две лекции, тему одной из которых выбирал педагогический совет, а другая выбиралась кандидатом самостоятельно. После лекции научными работниками и студентами задавались тематические вопросы кандидату. В дальнейшем обсуждение содержания, методов происходило на педагогическом совете, после чего на политическую благонадежность его проверял губернский отдел народного образования.

Сравнив ситуацию с немецкой, авторы заключили, что в педагогических вузах Германии (кроме вновь образованных) преподавательский состав, напротив, был довольно стабильным, и вновь по причине экономического кризиса: профессора боялись потерять работу, а потому штаты оставались укомплектованными. Более того, скромное финансовое положение преподавателей часто вынуждало даже профессоров искать дополнительные источники заработка, и нередко они давали частные уроки горожанам и своим же студентам.

Среди преподавателей Веймарской республики были люди самых разных политических взглядов и ориентаций, и в июле 1930 г. правительство было вынуждено принять постановление о запрещении деятельности в образовательных учреждениях «враждебных государству» организаций. На основании этого документа в вузах проводились небольшие чистки, однако они оставались оплотом свободомыслия (прежде всего, университеты). Чтобы лучше понимать взгляды, типичные для преподавателей и студентов педагогических вузов, можно выделить настроения, в которых протекали педагогические процессы в системе высшего образования Германии 20-х гг.: острая критика образовательной, социальной и государственной политики со стороны левых и правых, распространение идей национализма и недоверия к республиканской форме правления, дезориентация и всеобщая неуверенность [6].

В СССР «чистки» среди профессорско-преподавательского состава начались с 1930 г., но предпосылки для них создавались раньше. При этом очевидно, что в 20-х гг. политические убеждения преподавателей также были весьма разнообразны, что придает сходство картине педагогических кадров в обеих странах.

Взаимодействие преподавателей и студентов тоже имело свои особенности. В этот период благодаря социально-политическому обновлению в двух странах сложилась особая студенческая атмосфера, которая стала отражением революционных веяний в обществе, когда каждый имел право голоса.

Наркомпрос в ноябре 1918 г. принял постановление о заведовании студенческими делами и участии студентов в управлении высшими учебными заведениями. Все дела передавались в ведение совета старост, который обеспечивал представительство студентов во всех органах управления высшей школой и защиту их интересов. В этот период активное студенчество с удовольствием критиковало как работу вуза, так и деятельность преподавателей, вынося публичные суждения о недостатках и достоинствах последних. Случалось, что такая критика бывала конструктивной. В архивах Ярославского педагогического института нами обнаружены примеры, подтверждающие, что в начале 20-х гг. студенты указывали руководству института на преподавателей, не имевших достаточных знаний по своему предмету и не достаточно владевших методикой преподавания (например, один из преподавателей за 35 минут прочитал лекцию по истории педагогики, посвященную деятельности Гербарта, Руссо и Песталоцци, причем именно в такой последовательности [7]). Постепенно недовольство студентов даже перерастало в открытую критику учебных занятий отдельных педагогов перед администрацией и отделами образования с достаточно категоричной оценкой, они полагали, что «истинными и единственными ценителями научного достоинства лекций являются только студенты и только они» [8]. Среди недостатков указывались краткость лекций, отсутствие научности и «глубины» курсов, трудность нахождения материала. Примечательно, что открытого противостояния студентов и профессуры, как в столичных вузах – с отменой занятий, бойкотированием работы конкретных педагогов, в провинции не было. В этом авторы вновь видят спокойную лояльность именно провинциальных студентов молодой Советской России, с одной стороны, и некоторое отличие от немецких студентов – с другой.

В ходе сравнения установлено, что в Германии студенты тоже имели право обсуждать профессионализм преподавателей, однако он не представлял собой проблемы, и здесь взаимоотношения двух стороны проявлялись не как критика, а как взаимодействие, содействие и уважение. Важную роль в построении этих отношений сыграло такое социокультурное условие, как популярность концепций реформаторской педагогики, наблюдавшаяся уже на рубеже веков. Хотя педагогика реформ представляла собой совокупность взглядов о радикальном преобразовании школы, она несколько демократизировала также содержание образования и культуру педагогических учебных заведений. Идеалом всех концепций реформаторской педагогики являлись партнерские взаимоотношения учителя и школьника, признание личности и прав ребенка, переход академической педагогики от гербартианства к педагогике жизни. Будучи отраженными в новой дидактике, данные идеи отчасти распространялись и на взаимоотношения студентов и профессоров [9]. Идеи педагогики реформ, демократические тенденции в обществе, усиление внимания государства к проблемам молодежи в условиях политических изменений естественных способом создали в Германии новую воспитательную реальность, открывшую огромное поле деятельности для всех заинтересованных в вопросах школьной политики лиц.

К началу XX в. в педагогических институтах при технических высших школах и университетах закрепились многие традиции, давно существовавшие в вузах. Например, когда преподаватель заканчивал лекцию, у студентов было принято отмечать это дружным стуком каблуков или костяшками пальцев. Этот прием символизировал не столько окончание занятия, сколько всеобщее единение студентов и их

равноправие с профессорами. Данная традиция и сегодня широко распространена в системе профессионального образования ФРГ. Заметим, что в педагогических вузах СССР традиции в 20-х гг. еще только закладывались.

Пример с традициями может охарактеризовать ключевое отличие систем высшего педагогического образования в Советской и Веймарской республиках, которое авторы определили следующим тезисом: в 20-х гг. в России педагогическое образование пребывало в состоянии реструктуризации и полной реорганизации, в то время как в Германии оно оставалось под влиянием вековых традиций, что соответствующим образом в целом сказывалось и на образовательной среде.

В частности, важный компонент структуры образовательной среды педагогических вузов – **условия жизни студентов**. Нами определено, что в обеих странах они в основном определялись трудным материальным положением немецких и советских граждан в 20-х гг.

Именно непростая материально-финансовая ситуация привела к тому, что в СССР указанное десятилетие стало периодом становления советской системы социальной поддержки учащихся. В нее входили следующие меры: стипендиальное обеспечение, обеспечение местами в общежитии, организация льготного проезда, предоставление санаторно-курортного лечения, организация питания студенчества [10]. Администрации вузов СССР пытались уделять большое внимание не только организации образовательного процесса или контролю за социальным составом студентов, но и улучшению условий их жизни. Сами обучающиеся занимали очень активную позицию, объединялись и пытались решать материальные проблемы сообща. Так, в начале 20-х гг. в учебных заведениях существовали студенческие объединения – землячества, кассы взаимопомощи. Если в столичных вузах они стояли в явной оппозиции к руководству высшей школы, то в небольших провинциальных вузах их основной целью был поиск источников заработка и мер взаимопомощи студентам.

В СССР и в Веймарской республике тяжелее приходилось тем студентам, кто не имел собственных доходов, отчего они были вынуждены искать возможности заработать. В Германии студенты-педагоги могли заниматься репетиторством, подрабатывать в торговле, промышленности, страховании, на транспорте или где-то еще [11]. Важно, что немецкие студенты не работали постоянно, продолжительность рабочего времени за год составляла примерно 9 недель, что было оговорено нормативами. Логично, что и платили наниматели таким студентам значительно ниже, чем квалифицированным сотрудникам. Университеты непрерывно критиковались за это явление, поскольку от них ожидалась научная подготовка студентов, а не конформизм в вопросах преждевременного трудоустройства, однако со временем, с выравниванием экономической ситуации, потребность в совмещении учебы с работой заметно снизилась.

В рамках решения проблемы с жильем в Германии стали создаваться студенческие дома, предназначение которых было шире, чем просто обеспечить учащихся местом проживания: такие подобия общежитий должны были создавать образовательно-культурную среду, усиливать единение студенчества и служить местом общения. Эту задачу выполняли общая столовая, комната отдыха, читальный зал и клубная комната. Самоорганизованными кризисными мерами были создание студенческих касс взаимопомощи и студенческих ЖЭКов, занимавшихся поиском жилья, открытие студенческих столовых, ларьков, социальных пунктов питания и прачечных [12]. Эти меры были необходимы для облегчения жизни студентов, поскольку, по данным Т. Эльвейна, в 1922 г. около 80% всех студентов Германии жили за чертой бедности [16. С. 274]. Как и в СССР, немецкие студенты, не имевшие доходов, рассчитывали на стипендии и даже на ссуды. Размер ссуды зависел от степени потребности, и решение о ее выдаче принималось коллегиально (при участии представителей администрации и студенческих групп). В середине 20-х гг. стипендии стали средством поощрения лучших.

Материальное положение студенток в Веймарской республике было еще тяжелее. Историки выделили несколько причин такого гендерного расхождения. В частности, девушкам, проживавшим не дома, было сложнее, чем молодым людям, снять жилье, поскольку одинокие женщины вызывали недоверие у хозяев [13]. По этой причине стали появляться женские студенческие общежития. Студенткам, которые не могли рассчитывать на помощь семьи, было сложнее, чем юношам, найти работу: сказывалась безработица и ограниченное число предложений трудоустройства, пригодных для девушек и не вызывавших общественного осуждения. Самыми распространенными женскими занятиями в таких случаях были делопроизводство и прочая несложная офисная работа, а также репетиторство, но некоторые поступали даже на тяжелую заводскую работу, поскольку здесь наниматели платили больше. Однако на фабриках и заводах предпочтение отдавалось мужчинам, а значит, и студентам мужского пола.

Что касается стипендий, выплачиваемых за высокую академическую успеваемость, то и здесь в Германии наблюдалась дискриминация: почти весь стипендиальный фонд распределялся среди юношей. Показательно, что на стипендии не могли претендовать девушки, проживавшие в семье родителей (даже демонстрировавшие высокие достижения и нуждавшиеся в материальной поддержке). Образовательные ссуды студентки тоже просили крайне редко (сказывалось нежелание обременять долгами себя и, еще больше, потенциального мужа, когда женщина уже не могла бы заниматься профессией и погашать долги самостоятельно [14]). В России вопросы дискриминации не имели столь острого проявления, поскольку революция провозглашала всеобщее равенство.

Примечательно, что тяжелое материальное положение вузов, преподавателей и студентов поразительным образом поддерживало отношение студентов к учебе. Из воспоминаний очевидцев авторы установили, что в обеих странах трудности воспринимались сотрудниками и обучающимися стоически. В 1922 г.

один из преподавателей Вологодского учительского института отмечал: «Работоспособность как научных работников, так и студентов, прекрасная. При всей необеспеченности тех и других, выражающейся у первых – в неполучении жалования целыми месяцами, а вторых – вынуждающей искать заработка службой вне стен института, интерес к работе неослабевающий и близкий к героизму» [15].

Вне стен вузов студенты Германии и России вели обычную жизнь. Так, красноречивые описания быта советских студентов можно обнаружить в журнале «Красное студенчество», например: «Общежитская жизнь знаменательна тремя явлениями: пьянка, дебоши и мат» [16]. Использовался любой повод: день рождения, сдача экзамена, посылка из дома, большие и маленькие праздники. У немецкого студенчества и вовсе существовали давние традиции застолий и пивных пирушек. Они на непродолжительное время прервались с началом Первой мировой войны, но в середине десятилетия, когда экономическое положение несколько стабилизировалось, отчасти были возрождены, хотя студенческие гулянья уже не были такими массовыми и буйными, как в XIX в.

Учебно-воспитательная работа. Основными формами обучения в советских педагогических вузах 20-х гг. были лекции по основам наук, семинарские, лабораторные и практические занятия. К семинарам студенты часто готовили доклады, сообщения и рефераты. Профессора проводили консультации, руководили подготовкой студенческих работ, организовывали их участие в научно-практических конференциях, принимали экзамены и зачеты, т.е. по форме образовательный процесс тех вузов ненамного отличался от современного.

Большую долю учебного времени в 20-е гг. в педагогических вузах занимала практическая работа, которая давала возможность хоть как-то реализовать учебные планы. Педагогическая практика восполняла пробелы в общеобразовательных и методических дисциплинах. В то же время изучение педагогики, педологии, методик получало особый смысл, каждое положение как бы переводилось на язык жизни и проверялось опытом. Первые два курса практика носила пассивный характер. Стержнем практики на последних курсах являлось применение приобретенных ранее методических знаний в самостоятельной учительской работе. Студенты должны были проявить себя в составлении плана занятий, его открытом проведении в подшефной школе и критическом анализе собственной деятельности. При этом практика предполагала выполнение законченного тематического задания, актуального для образовательного учреждения. Открытые уроки давались в присутствии других студентов, методистов и преподавателей отделения.

На основе учебных планов 20-х гг. авторами установлено, что обучение педагогов в Германии также предполагало лекции и практические занятия по педагогике, философии, психологии и методике предметов, преподаваемых в народных школах (включая религию, рисование, физкультуру и домоводство). Разумеется, педагогика занимала центральное место в этом ряду, а ее содержание активно переосмысливалось с позиций идей реформаторской педагогики. Академические занятия сопровождались педагогической практикой, в рамках которой студенты посещали и сами вели уроки в школах. По окончанию трехлетнего курса они сдавали экзамен, включавший письменную домашнюю работу, проведение открытого урока и устную часть. Его принимала комиссия в составе чиновника из муниципалитета, районного инспектора образования и опытного квалифицированного учителя, а потому экзамен отличался сложностью и большей объективностью, чем если бы в комиссию входили только преподаватели вуза. Письменная часть предполагала аналитическую работу научного характера по определенной теме и выполнялась на основе анализа продуктов детского творчества и школьной документации. Устная часть проверяла знания педагогики и психологии [17].

Важным элементом образовательной среды вуза 20-хх гг. была **связь с окружающей средой**. Кроме педагогической деятельности советских студентов педвузов в 20-е гг. готовили к общественной и культурно-просветительской деятельности в детских домах в качестве руководителей воспитательной работы кружков, в музеях (в качестве экскурсоводов), библиотеках (подготовка выставок, оформление тематических каталогов), рабочих клубах (создание стенгазет, агиток, подготовка тематических докладов), кампаниях по ликвидации неграмотности.

Большую роль в формировании будущего педагога играла организация научно-исследовательской деятельности. Как подчеркивал первый ректор Ярославского педагогического института П.Н. Груздев, «учитель-исследователь – не только человек, способный ставить и решать проблемы исследовательского характера, но и педагог, воспитывающий исследовательские привычки у своих учеников [18]. В провинциальных советских вузах научно-исследовательская деятельность имела явно краеведческий уклон. Связано это было с еще дореволюционными традициями изучения местного края; кроме того, эта работа требовала минимальных материальных затрат.

Подготовка педагогов в Германии, осуществлявшаяся при университетах, имела более элитарный характер, чем в других типах учреждений (и в силу более высокого уровня общего образования и социального статуса студентов, и благодаря расширенным учебным планам и программам). Здесь студенты тоже проводили научное исследование по самостоятельно выбранной или порученной теме, которое подвергалось регулярному и критичному обсуждению на специальных встречах с профессорами и другими студентамив.

Авторами установлено, что, несмотря на схожие экономические и политические трудности в 20-х гг., и в молодой Советской России, и в Веймарской Германии образовательная среда педагогических вузов активно способствовала формированию нового поколения педагогов. Учитель стал рассматриваться не только как человек, передающий знания ученикам, но и как организатор, воспитатель детской и взрослой среды. У профессии учитель появилась так называемая исследовательская функция, которая предполагала,

что каждый из них должен стать «местным научным работником» и использовать результаты, полученные в ходе краеведческого, психологического, педагогического, социального исследования в своей практической деятельности. Причем, если в Советском Союзе большее значение уделяли идеологической и культурно-воспитательной работе будущих педагогов, то педагогические вузы Веймарской республики акцентировали научную подготовку.

Как видим, в результате сравнительного анализа образовательной среды педагогических вузов в России и Германии в 20-х гг. можно заключить, что в нее входили общие субъекты, во многом схожие отношения между преподавателями и студентами, взаимоотношения студентов, условия жизни и обучения учащихся, влияния внешней среды; наименьшие сходства при этом обнаруживаются в возможностях получения высшего педагогического образования, в контингенте студентов и педагогов, в структуре образования. Авторы делают вывод, что хотя 20-е гг. были крайне непростым периодом в истории Советского Союза и Веймарской республики, именно в это десятилетие их системы педагогического образования (одна из которых пребывала в состоянии тотальной реорганизации) характеризовались тенденциями демократизации и академизации. Сходные политико-экономические условия определили сходные трудности функционирования этих систем, которые, с одной стороны, влияли на образовательную среду, а с другой – создали возможности для того, чтобы педагогическое образование постепенно переходило в университеты и профильные вузы и становилось более доступным для выпускников школ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедия профессионального образования : в 3 т. / под ред. С.Я. Батышева. М. : АПО, 1999.
2. Спичко Н.А. Образовательная среда в обучении иностранному языку // Иностранный язык в школе. 2004. № 5. С. 44–48.
3. Исаева М.Н. Развитие высшего педагогического образования Германии в XX в. // Вестник ТГПУ. 2011. № 4 (26). С. 334–339.
4. Лундгрен П. Структура подготовки учителей в Германии // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 2. С. 36–38.
5. Christoffel E. Die Geschichte der Volksschule im Raum des heutigen Regierungsbezirks Trier von den Anfängen bis zur Gegenwart. Trier : NCO, 1975.
6. Ellwein T. Die Deutsche Universität: Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Wiesbaden, 1997.
7. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
8. ГАЯО. Ф. Р- 2215. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.
9. König J., Herzmann P. Lehrerberuf und Lehrerbildung. Bad Heilbrunn : Julius Klinkhardt, 2016.
10. Хайруллина А.И. Социально-экономическая и общественно-политическая характеристика студенчества Восточно-педагогического института г. Казани в 1920-е годы : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011.
11. Graven H. Gliederung der heutigen Studentenschaft nach statistischen Ergebnissen // Das akademischen Deutschland / Hrsg. von Doeberl [u. a.]. Berlin, 1930. Bd. 3.
12. Jarausch K.H. Deutsche Studenten 1800–1970. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1984.
13. Frank I. “Ja das Studium der Weiber ist schwer”: Studentinnen und Dozentinnen an der Kölner Universität bis 1933 // Katalog zur Ausstellung in der Universitäts- und Stadtbibliothek Köln. Köln : M&T Verlag, 1995.
14. Huerkamp C. Bildungsbürgerinnen: Frauen im Studien und in akademischen Berufen, 1900–1945. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1996.
15. Официальный сайт естественно-географического факультета Вологодского государственного университета. URL: http://egf.vologda-uni.ru/o-fakultete/history (дата обращения: 20.05.2017).
16. Красное студенчество. 1927. № 5. С. 39.
17. Шайденко Н.А. Модернизация российского педагогического образования: глобальный и национальный контексты. Тула : Изд-во ТГПУ, 2013.
18. Груздев П.Н. На путях к новому педагогу // Труды Ярославского педагогического института. 1926. Т. 1, вып. 1. С. 1–15.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 октября 2017 г.

DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL HIGHER SCHOOLS IN RUSSIA AND GERMANY IN THE 1920S: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 94–100.
DOI: 10.17223/15617793/426/11

Larisa N. Danilova, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: yar-da.l@mail.ru
Anna B. Tishko, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: a.tishko@mail.ru

Keywords: pedagogical training; educational environment; training of teachers in the USSR; training of teachers in the Weimar Republic; pedagogical training history.

The subject of research in the article is the educational environment of pedagogical higher schools in Soviet Russia of the 1920s and in the Weimar Republic. The rationale for the comparison is the idea about creating of national teachers training systems in both countries in the 1920s, as well as a number of similar socio-political conditions in the both states caused by the revolutions like unemployment, inflation, social reforms and the change of power. Those conditions determined features of the educational environment in higher education institutions and were supplemented by internal conditions of pedagogical training in the two countries by the period considered (like democratization of the educational process, pedagogical search in educational institutions, moderate humanism and liberalization of the pedagogical process, at the same time instability of the environment and authoritarianism of education management, as well as centralization of management and unification of the education structure in Russia). The aim of the article is to compare some aspects of the educational environment structure in pedagogical higher schools of the Weimar Republic and the young Soviet Russia, namely, the extensional, communicative-organizational and curricular-methodological components. The comparison of the extensional environment of the educational process confirms that due to the difficult financial situation in the 1920s living conditions were not easy for students and teachers in the both countries. The system of social support for students was more

successful in Soviet Russia than in Germany. In the two countries students themselves played an active role in improving the financial conditions of life, helping the most needy in student communities. Most of the Soviet and German students had to earn extra money. It turned out that German girls faced bigger difficulties in obtaining education than Russian ones. Studying the communicative-organizational component the authors have found some specifics of the student contingent in pedagogical higher schools. They notice that the revolution simplified access to higher education only in Russia, but in Germany teachers training at universities was more elitist due to the higher level of general education and social status of students. Because of unemployment, the number of students in German pedagogical higher schools was significantly lower than in Russia, like the number of girls in higher educational institutions. But the teaching staff in Germany is considered as more skilled. In comparing the curricular-methodological component of the environment, the authors conclude that the main forms of education in pedagogical higher schools of the USSR and Germany were lectures, seminars, laboratory works and practical trainings; students were engaged in scientific work and internships. The final exam as a form of final control had a more complex structure and content in Germany. The authors make a conclusion that, although the 1920s were a difficult period for the young Soviet Russia and the Weimar Republic, academization, democratization and expansion of teacher education systems took place in these years.

REFERENCES

1. Batyshev, S.Ya. (ed.) (1999) *Entsiklopediya professional'nogo obrazovaniya: v 3 t.* [Encyclopedia of professional education: in 3 vols]. Moscow: APO.
2. Spichko, N.A. (2004) Obrazovatel'naya sreda v obuchenii inostrannomu yazyku [The educational environment in teaching a foreign language]. *Inostrannyy yazyk v shkole.* 5. pp. 44–48.
3. Isaeva, M.N. (2011) Development of higher pedagogical education in Germany in XX century. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 4 (26). pp. 334–339. (In Russian).
4. Lundgren, P. (2002) Struktura podgotovki uchiteley v Germanii [The structure of training teachers in Germany]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2. pp. 36–38.
5. Christoffel, E. (1975) *Die Geschichte der Volksschule im Raum des heutigen Regierungsbezirks Trier von den Anfängen bis zur Gegenwart* [The history of the elementary school in the area of today's Regierungsbezirk Trier from the beginning to the present]. Trier: NCO.
6. Ellwein, T. (1997) *Die Deutsche Universität: Vom Mittelalter bis zur Gegenwart* [The German University: From the Middle Ages to the Present]. Wiesbaden: Fourier Verlag.
7. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund R-2257. List 1. File 3. Page 6. (In Russian).
8. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund R- 2215. List 1. File 8. Page 23. (In Russian).
9. König, J. & Herzmann, P. (2016) *Lehrerberuf und Lehrerbildung* [Teaching profession and teacher education]. Bad Heilbrunn: Julius Klinkhardt.
10. Khayrullina, A.I. (2011) *Sotsial'no-ekonomicheskaya i obshchestvenno-politicheskaya kharakteristika studenchestva Vostochno-pedagogicheskogo instituta g. Kazani v 1920-e gody* [Socio-economic and socio-political characteristics of the students of the Eastern Pedagogical Institute of Kazan in the 1920s]. History Cand. Diss. Kazan.
11. Graven, H. (1930) Gliederung der heutigen Studentenschaft nach statistischen Ergebnissen [Structure of today's student body according to statistical results]. In: von Doeberl, M. et al. (eds) *Das akademischen Deutschland* [The academic Germany]. Vol. 3. Berlin: Weller.
12. Jarausch, K.H. (1984) *Deutsche Studenten 1800–1970* [German students of 1800–1970]. Frankfurt: Suhrkamp.
13. Frank, I. (1995) "Ja das Studium der Weiber ist schwer": Studentinnen und Dozentinnen an der Kölner Universität bis 1933 ["Yes, the education of women is difficult": students and lecturers at the University of Cologne until 1933]. In: *Katalog zur Ausstellung in der Universitäts- und Stadtbibliothek Köln* [The catalog to the exhibition in the University and the City Library of Cologne]. Cologne: M&T Verlag.
14. Huerkamp, C. (1996) *Bildungsbürgerinnen: Frauen im Studien und in akademischen Berufen, 1900–1945* [Education of Citizens: Women in Education and Academic Occupations, 1900–1945]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
15. The official site of the Natural-Geographical Faculty of Vologda State University. [Online] Available from: http://egf.vologda-uni.ru/o-fakultete/history. (Accessed: 20.05.2017). (In Russian).
16. *Krasnoe studenchestvo*. (1927). 5. pp. 39.
17. Shaydenko, N.A. (2013) *Modernizatsiya rossiyskogo pedagogicheskogo obrazovaniya: global'nyy i natsional'nyy konteksty* [Modernization of Russian pedagogical education: global and national contexts]. Tula: Tula State Pedagogical University.
18. Gruzdev, P.N. (1926) Na putyakh k novomu pedagogu [On the way to a new pedagogue]. *Trudy Yaroslavskogo pedagogicheskogo instituta*. 1:1. pp. 1–15.

Received: 13 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 101–106. DOI: 10.17223/15617793/426/12

УДК 94(470.51)″1945/1956″(045)

А.В. Ефремов

ВКЛАД ПРЕДПРИЯТИЙ ВПК УДМУРТИИ В РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ И ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕСПУБЛИКИ В 1945–1956 гг.

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников определяется место заводов военно-промышленного комплекса (ВПК) Удмуртской АССР в создании, развитии, реконструкции и модернизации объектов социальной сферы и инфраструктуры в первое послевоенное десятилетие. Показаны механизмы финансирования социальных расходов. Раскрывается роль местных партийных органов в лоббировании разработки и принятия социальных проектов в республике. Освещены общесоюзные и республиканские программы.

Ключевые слова: ВПК; УАССР; инфраструктура; социальная сфера.

В рамках реализации четвертого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. ставились амбициозные задачи в области социальной политики, которая охватывала широкие слои населения, поскольку затрагивала важнейшие сферы жизни общества: здравоохранение, образование, коммунальное хозяйство, спорт. В условиях нехватки ресурсов, лимитирования средств центром, Удмуртской АССР удалось привлечь инвестиции в создание объектов социальной сферы и инфраструктуры на территории республики. Основным донором стало Министерство Вооружения СССР, на предприятия которого легла существенная доля расходов.

К концу войны на территории Удмуртской АССР функционировали семь оборонных предприятий Наркомата Вооружения СССР. В Ижевске располагались: металлургический завод № 71, машиностроительный завод № 74, мотозавод № 524, механический завод № 622; в Воткинске – машиностроительный завод № 235; в Глазове – Чепецкий машиностроительный завод № 544; в Сарапуле находился завод им. Орджоникидзе № 203. Оборонные предприятия Удмуртии, являясь составной частью советского ВПК, принимали активное участие в создании, обеспечении и развитии социальной сферы и инфраструктуры республики. Данная статья посвящена анализу данного малоизученного вопроса.

Историография проблемы имеет ограниченный характер. Развитие социальной сферы и инфраструктуры Удмуртской АССР в послевоенный период рассматривалось в основном в контексте изучения истории рабочего класса. Советский период представлен сборником статей «Тридцать лет Советской Удмуртии» [1] и публикациями А.И. Суханова [2, 3]. Современный этап отмечен обобщающим трудом «История Удмуртии: XX век» [4] и монографией О.В. Ветошкиной «Рабочие оборонной промышленности Удмуртии: от войны к миру (1945–1950)» [5].

Источниковую базу исследования составили фонды Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР), в частности, фонд Р-551 «Совет Министров Удмуртской Республики». Документы органов местной партийной организации представлены фондами Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР): 16 «Удмуртский областной комитет ВКП(б)», 54 «Ижевский горком ВКП(б)», 724 «Воткинский горком ВКП(б)», 1147 «Глазовский горком ВКП(б). Также в ходе исследования были использованы опубликованные материалы, например статистический сборник «Удмуртская АССР за 40 лет».

Территория Удмуртской АССР не пострадала в ходе Великой Отечественной войны. Однако война оказала огромное влияние на развитие городского и сельского хозяйства республики. Эвакуация оборонных предприятий, рабочих и служащих из западных регионов страны повлекла за собой увеличение нагрузки на социальную сферу и объекты инфраструктуры. К концу войны вопросы обеспечения жильем, питьевой водой, общественным транспортом, больницами, школами, детскими садами стояли очень остро.

Одними из самых злободневных социальных проблем послевоенного времени в республике стали устройство и реабилитация детей-сирот. 16 ноября 1945 г. было принято постановление Совнаркома Удмуртской АССР «Об организации детских домов при промышленных предприятиях» [6. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 603. Л. 193]. Согласно данному документу детские дома финансировались и находились в ведении наркоматов, в которые входили предприятия. Детские учреждения принимали детей, родители которых трудились на данном предприятии и погибли в годы Великой Отечественной войны, а также детей из многодетных малообеспеченных семей рабочих оборонных заводов.

Другой незащищенной социальной группой после окончания войны стали демобилизованные из Советской армии. Постановлением Совнаркома Удмуртской АССР от 21 декабря 1945 г. директоров оборонных предприятий обязали рассматривать и удовлетворять заявления демобилизованных, предоставляя им жилье из фондов заводов [Там же. Л. 292].

Развитие городского транспорта столицы республики было невозможным без участия оборонных предприятий. Заводы № 71 и 74 осуществляли ремонт подвижного состава [Там же. Л. 100], заводы № 71, 74, 524 и 622 изготавливали запасные части и оборудование и передавали их Управлению Ижевского трамвая [Там же. Л. 101–101 об.]. 19 февраля 1949 г. Совет министров СССР принял Постановление «О мероприятиях по улучшению городского хозяйства города Ижевска», согласно которому Министерство вооружения СССР обязывалось выделить 300 тыс. руб. на строительство трамвайной линии [Там же. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 78. Л. 83–84]. В 1950 г. из фондов Министерства на расширение трамвайного

хозяйства г. Ижевска было отпущено 2,2 млн руб. [7. Ф. 54. Оп. 1. Д. 427. Л. 5–7].

Однако развитие городского транспорта столицы стало не самой большой статьей расходов Министерства вооружения СССР: в 1949 г. на реконструкцию питьевого водопровода было направлено 1,1 млн руб. [Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5374. Л. 38], в 1950 г. – 1,5 млн руб. [Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 427. Л. 5–7]. Данные работы осуществлялись строительным трестом № 51. Кроме того, в 1946 г. завод № 71 принимал участие в прокладке новой телеграфно-телефонной линии, соединившей Ижевск с Сарапулом. На предприятии было изготовлено 15 т стальной проволоки.

В послевоенные годы Удмуртская АССР столкнулась с острым дефицитом электроэнергии. Недостаточное электроснабжение стало причиной введения лимитов на электричество для предприятий союзной (оборонной) и местной промышленности. Обычной практикой были отключения социальных объектов. Первостепенное решение данной проблемы способствовало развитию производства и коммунального обслуживания населения.

Заводы Министерства Вооружений Союза ССР играли ключевую роль в обеспечении промышленности и коммунального хозяйства электроэнергией. Предприятия, социальные объекты и жилой фонд г. Ижевска обслуживались электроэнергией с ТЭЦ завода № 71. Сарапул обеспечивался электроэнергией с дизельной электростанции завода № 203 и ЦЭС завода № 284. Воткинск получал электроэнергию с ТЭЦ завода № 235. Источником электроэнергии для Глазова была электростанция завода № 544 [Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4414. Л. 8–8 об.].

Предприятия ВПК республики занимались развитием энергохозяйства постоянно. Так, с 1943 по 1950 г. завод № 235 реконструировал ТЭЦ. Ввод новой очереди позволил предприятию работать без перебоев и сэкономить большие объемы топлива. 1949 г. ознаменовался реконструкцией ТЭЦ Ижевского металлургического завода (завод № 71). Функционируя изолированно от каких-либо энергосистем, данная теплоэлектроцентраль обеспечивала электроэнергией все предприятия, жилищный фонд заводов и культурно-бытовые учреждения столицы республики. В связи с ростом жилфонда, улучшением работы коммунальных предприятий города, необходимостью обеспечить освещением построенные и строящиеся дома для рабочих заводов Министерства Вооружения СССР, для улучшения освещения окраин города, при поддержке министерства была предпринята реконструкция данного инфраструктурного объекта, заключавшаяся в строительстве и монтаже 21 трансформаторной подстанции [Там же. Д. 5374. Л. 42–42 об.].

Большим инфраструктурным проектом послевоенного периода стало обеспечение электроэнергией села. 17 июня 1948 г. Совет министров СССР в целях электрификации сельского хозяйства УАССР распорядился передать из фондов завода № 622 Министерства вооружения СССР Удмуртской конторе «Сельэлектро» 30 электромоторов [6. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 76. Л. 82]. Другим своим распоряжением от 20 октября того же года Совет Министров СССР обязал Министерство вооружения изготовить на заводе № 71 в IV квартале 1948 г. и I квартале 1949 г. сверх плана по 100 т железной катанки также для электрификации сельского хозяйства [Там же. Л. 150].

Предприятия Министерства вооружения СССР оказывали помощь в развитии инфраструктуры другим министерствам и ведомствам. Своим распоряжением от 25 августа 1951 г. Совет министров СССР обязал Министерство вооружения передать Министерству лесной промышленности СССР Мужвайскую узкоколейную железную дорогу со всеми производственными, служебными и жилыми зданиями. Тем же распоряжением была оформлена передача лесопильной рамы жилищно-коммунального отдела завода № 71 Министерству лесной промышленности СССР [Там же. Д. 94. Л. 194].

В послевоенный период оборонные предприятия приступили к созданию сети медицинских и санаторных объектов на территории республики. Постановлением Совета министров Удмуртской АССР от 27 февраля 1948 г. был организован туберкулезный санаторий закрытой формы ЦК Союза рабочих промышленности вооружения Союза ССР [Там же. Д. 80. Л. 27]. Распоряжением от 26 апреля 1951 г. Совет министров СССР передал 4 га под дом отдыха Чепецкого механического завода, расположенного в г. Глазове [Там же. Д. 93. Л. 13]. Ранее, в 1950 г., секретарь Глазовского городского комитета П.П. Сысоев в письме секретарю Удмуртского областного комитета П.Н. Лысову просил содействия в постройке больницы на 500 мест и возбуждении ходатайства перед союзным правительством о постройке в том же году двух школ по 500 мест каждая [Там же. Оп. 2. Д. 603. Л. 9–12].

Предприятия ВПК Удмуртской АССР оказывали содействие в развитии образовательных учреждений различного уровня – от детских яслей до высших учебных заведений. Помимо постройки яслей, детских садов и школ, большое внимание уделялось кузницам кадров для оборонных предприятий республики – ремесленным училищам, а после 1952 г. – Ижевскому механическому институту. Заводы выделяли средства на ремонт учебных корпусов, предоставляли здания и оборудование.

Отдельно стоит отметить политику по передаче социальных объектов на баланс оборонных предприятий республики. 13 ноября 1950 г. Совет министров СССР своим распоряжением безвозмездно передал Дворец культуры в г. Ижевске с баланса ЦК профсоюза рабочих машиностроительной промышленности на баланс завода № 74 Министерства вооружения СССР [Там же. Оп. 1. Д. 83. Л. 321]. Передача здания Воткинского городского Дома культуры заводу № 235 Министерства вооружения СССР с целью реконструкции была оформлена распоряжением Совета Министров СССР от 20 апреля 1951 г. [Там же. Д. 94. Л. 90]. Город Сарапул 24 апреля 1952 г. получил от завода № 284 Министерства авиационной промышленности СССР водопроводные сооружения [Там же. Оп. 1. Д. 95. Л. 126].

Во время второй послевоенной пятилетки темп социального и инфраструктурного строительства нарастал. Совет Министров СССР 18 января 1952 г. принял Постановление «О мероприятиях по дальнейшему

развитию хозяйства Удмуртской АССР» [6. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 95. Л. 33–34], обязывавшее Министерство Вооружения СССР выделить в 1952 г. 1,8 млн руб. на строительство в Ижевске коммунальных объектов: водопровода, канализации, путепровода, трамвайных путей, реконструкцию теплосетей. Трубы для прокладки канализации изготавливал строительный трест № 51 Министерства вооружения СССР. Список социальных объектов включал в себя: родильный дом и детский сад на 125 мест в Ижевске (при заводе № 71), школу на 440 мест в Ижевске (при заводе № 622), две школы на 80 мест каждая в районах республики (за счет Ижевского торфотреста Министерства), школу на 440 мест и детский сад на 125 мест в Воткинске (за счет завода № 235), детские ясли на 110 мест (при заводе № 524). В 1953 г. завод № 71 должен был приступить к строительству поликлиники со стационаром на 200 коек, здания клуба на 300 мест, детского сада на 125 мест и яслей на 110 мест. За период 1952–1954 гг. завод № 74 обязывался построить стадион на 12 тыс. мест с затратами 1 млн руб., кинотеатр и библиотеку [7. Ф. 54. Оп. 1. Д. 638. Л. 204]. Все объекты были введены в эксплуатацию.

Одной из самых масштабных инфраструктурных строек, потребовавших консолидации усилий многих оборонных предприятий Удмуртской АССР, стали сооружение и оснащение Ижевского телевизионного центра, начатое в апреле 1955 г. [Там же Д. 765. Л. 20]. Всего лишь за один год была простроена телевизионная башня высотой 124 м и изготовлено сложнейшее оборудование.

Война, переселение рабочих и служащих из западных регионов страны обострили проблему обеспечения населения республики жильем. Имевшийся жилой фонд оборонных предприятий стремительно приходил в негодность. В 1950 г. Ижевский горком, обращаясь в Центральный Комитет ВКП(б) за помощью в решении ряда вопросов на заводе № 71, охарактеризовал сложившуюся ситуацию как исключительно тяжелую. Построенные в 1931 г. бараки разрушались и не подлежали ремонту, в одной комнате проживали 2–3 семьи, не было возможности предоставить отдельную жилплощадь молодоженам из числа рабочих и служащих [Там же. Д. 426. Л. 80].

На государственном уровне была сделана попытка решить данную проблему. В соответствии с пятилетним планом восстановления и развития народного хозяйства 1946–1950 гг. в сфере жилищного строительства предусматривалось строительство индивидуальных жилых домов для рабочих хозяйственным способом. Однако индивидуальное строительство не получило широкого распространения. В Удмуртской АССР данную политику осуществляли только два предприятия ВПК – заводы № 71 и № 235 [7. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4557. Л. 64]. За период после окончания Великой Отечественной войны до декабря 1946 г. завод № 235, располагавшийся в Воткинске, ввел в эксплуатацию 11 530 кв. м. жилья [Там же. Ф. 724. Оп. 1. Д. 351. Л. 3], за 1948 г. – 2895 кв. м. [Там же. Оп. 1. Д. 617. Л. 1].

В первые послевоенные годы планы по жилищному строительству не выполнялись. Более того, заводы были вынуждены сносить ветхое жилье, что обостряло жилищную проблему. Например, в период с 1946 по 1948 г. заводом № 74 было построено 2,5 тыс. кв. м. жилой площади, а снесено 5,3 тыс. кв. м. [5. С. 114].

Несмотря на существовавшие трудности, уже к концу первой пятилетки государственная политика в области жилищного строительства принесла свои плоды. В 1949 г. силами оборонных предприятий в республике было построено 24 тыс. кв. м. жилой площади, а в период второй послевоенной пятилетки (1951–1955) – 400 тыс. кв. м. [4. С. 318]. Заводы Министерства вооружений СССР занимались возведением как отдельных домов, так и застраивали целые кварталы, беря на себя обязательства по созданию инфраструктуры и обеспечению ее функционирования пропорционально объемам жилого фонда каждого из заводов. Подобный проект был реализован в 1950–1951 гг. в Гольянском поселке заводами № 71, 74, 524 и 622 [7. Ф. 54. Оп. 1. Д. 427. Л. 65].

Особое внимание уделялось столице республики. Совет министров Удмуртской АССР в своем Постановлении от 26 августа 1952 г. «О проекте планировки и застройки города Ижевска» [6. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 98. Л. 143] наметил амбициозные планы развития столичной инфраструктуры и жилищного фонда. В частности, за десять лет планировалось ввести в строй 300 тыс. кв. м жилья только за счет заводов Министерства вооружений СССР. Заводу № 74 на 1953 г. по статье жилищное строительство выделялось 5,5 млн руб., предполагалось ввести в эксплуатацию 3 тыс. кв. м жилья; заводу № 622 – 1,3 млн руб. при расчетной жилплощади 1 500 кв. м; заводу № 524 – 3,4 млн руб. на строительство 1 700 кв. м жилья; наибольшее финансирование получил завод № 71 – 10 млн руб. на 4,5 тыс. кв. м [7. Ф. 54. Оп. 1. Д. 638. Л. 144–147 об.]. Растущую потребность в снабжении нового жилищного фонда теплом планировалось удовлетворить за счет реконструкции и расширения ТЭЦ металлургического завода (завод № 71).

Уже в октябре 1954 г. на XXVI Ижевской городской партийной конференции секретарь Ижевского горкома рапортовал об успехах осуществления программы по жилищному строительству в столице республики. За 1953 г. было построено 15 тыс. кв. м., а за 9 месяцев 1954 г. – 12 тыс., до конца года планировалось сдать еще 7 тыс. кв. м [Там же. Д. 705. Л. 26]. Наряду с достижениями, на партийной конференции также отмечались недостатки реализации социальных и инфраструктурных проектов. Основными проблеами были низкое качество подготовительных работ, включавших в себя несвоевременное предоставление технической документации и затягивание со сносом ветхих строений, недостаток строительных материалов и рабочей силы.

Вместе со строительством осуществлялась программа по облагораживанию улиц городов республики. Более того, на оборонные предприятия столицы Постановлением Ижевского городского исполнительного комитета «О благоустройстве и санитарном состоянии города» была возложена обязанность очистки прилегающих к заводам улиц от снега и льда [7. Ф. 54. Оп. 1. Д. 427. Л. 30].

Помимо постройки новых зданий, строительные организации, подведомственные Наркомату, а позже Министерству вооружений СССР, занимались модернизацией инфраструктурных и социальных объектов и реставрацией памятников культуры. Так, трестом № 51 было восстановлено здание музея им. П.И. Чайковского в Воткинске [7. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4557. Л. 58]. Им же проводился ремонт сгоревшего в феврале 1948 г. гаража Удмуртского областного комитета ВКП(б) [Там же. Д. 5204. Л. 1]. Принадлежавший заводу № 74 клуб в Ижевске после проведенной за счет ассигнований средств на капитальные работы заводам № 71 и 74 реконструкции и переоборудования стал Дворцом культуры [Там же. Л. 129–129 об.].

Строительством социальных и инфраструктурных объектов занимались подведомственные Министерству вооружения СССР строительные тресты № 51 и «Ижстрой». Его грандиозный размах прослеживается по «Ориентировочному перечню работ, подлежащих выполнению трестом № 51 на 1953 г.» [7. Ф. 54. Оп. 1. Д. 586. Л. 48–50]. Согласно данному документу предполагаемая стоимость работ варьировалась от 60 до 80 млн руб. (в зависимости от оценки заказчика и исполнителя соответственно). Список включал: по заводу № 71 – пять многоквартирных жилых домов, студенческое общежитие на 800 мест, поликлинику со стационаром на 200 мест, родильный дом на 60 коек, детские ясли на 110 мест, детский сад на 125 мест; по заводу № 74 – строительство двух и закладка фундамента одного многоквартирного дома; по заводу № 622 – четыре многоквартирных жилых дома и школу на 440 мест; по заводу № 524 – два многоквартирных жилых дома, водопровод и канализацию в Гольянском поселке и учебный корпус ремесленного училища.

Директор завода № 622 Н.И. Палладин в письме министру Д.Ф. Устинову просил выделить заводу на 1954 г. средства для начала строительства клуба на 800 мест, столовой на 500 мест и общежития на 800 человек [Там же. Л. 63–63 об.]. За 10 месяцев 1955 г. в Ижевске было возведено 10 тыс. кв. м. жилья, до конца года планировалось сдать еще 5,4 тыс.; были простроены кинотеатр, школа, учебный корпус индустриального техникума, баня и больница на 100 мест [Там же. Д. 779. Л. 26].

Помимо расходов на строительство социальных и инфраструктурных объектов, предприятия ВПК республики несли расходы по проектным работам. В 1951 г. сумма составила 160 тыс. руб. [6. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 94. Л. 298], в 1952 г. – 300 тыс. руб. [Там же. Д. 95. Л. 42], в 1954 г. – 200 тыс. руб. [7. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7004. Л. 9], в 1955 г. – 580 тыс. руб. (Подсчитано по: [7. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7239]).

В случае нехватки ресурсов или занятости профильных строительных предприятий, Министерство вооружения СССР ограничивало инфраструктурные и социальные проекты. Однако данная практика была крайне редким явлением. В подавляющем большинстве случаев Министерство шло навстречу местному руководству, перенося строительство тех или иных объектов на следующие годы. Показателен пример 1953 г.: из-за одновременного строительства прокатного стана на заводе № 71, линии электропередачи Воткинск – Ижевск, жилых домов общей площадью 11 400 кв. м, студенческого общежития на 800 человек, родильного дома на 60 мест, детского сада и школы, строительство поликлиники на 200 мест было включено в проект плана капитальных работ на 1954 г. [7. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6395. Л. 106].

Важную роль в продвижении и реализации социальных проектов республики играл Министр вооружения СССР Д.Ф. Устинов. К нему обращались по широкому кругу вопросов, например с просьбой выделить 200 тыс. руб. заводу № 74 для освещения ул. Орджоникидзе (г. Ижевск) [Там же. Д. 7239. Л. 213], 300 тыс. руб. на сооружение водопровода в поселке Машиностроительного завода (№ 622) [Там же. Л. 214], 1,5 млн руб. на строительство новых корпусов и оснащение Ижевского механического института в 1955–1956 гг. [Там же. Л. 239]. Директора оборонных заводов и руководители местных органов ВКП(б)–КПСС ходатайствовали перед Д.Ф. Устиновым о пересмотре выделяемых фондов на капитальное строительство в сторону их увеличения, нередко в связи с приближавшимися круглыми датами. Например, 4 ноября 1949 г. секретарь Удмуртского областного комитета ВКП(б) П.Н. Лысов в письме Министру вооружения СССР Д.Ф. Устинову просил выделить средства заводу № 235 на строительство второй очереди ТЭЦ, канализации, теплофикации, жилья и культурно-бытовых объектов в Воткинске в 1950–1956 гг. в связи с 200-летием завода в 1959 г. [Там же. Д. 5375. Л. 46]. Ответным письмом от 23 ноября 1949 г. министр уведомил о том, что в титульный список капитальных работ завода № 235 на 1950 г. были включены ТЭЦ, баня, строительство 2 тыс. кв. м жилья на общую сумму 4,4 млн руб. [Там же. Д. 5484. Л. 104].

Таким образом, инфраструктурные и социальные проекты на территории УАССР с участием оборонных предприятий осуществлялись непрерывно на протяжении всего рассматриваемого периода. За 1950–1955 гг. объем строительства вырос более чем в 4 раза. Если в 1950 г. на капитальное строительство было израсходовано 35 млн руб., то в 1955 г. капиталовложения в социальную сферу и инфраструктуру составили 140 млн руб. [Там же. Д. 779. Л. 26].

Однако еще многое предстояло сделать. На 1956 г. оставалось сложным положение с обеспечением рабочих и их семей жильем и медицинской помощью. Жилой фонд Ижевска в 1955 г. составлял 226 тыс. кв. м и стремительно приходил в негодность [7. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7239. Л. 219]. А.К. Протозанов, секретарь Удмуртского обкома КПСС, с сожалением отмечал, что темпы вводимого жилья не обеспечивают потребностей и даже не способны покрыть убыль по ветхости. Например, на 1 июля 1952 г. в жилищном фонде завода № 71 было 220 домов общей площадью 67 413 кв. м, тогда как потребность данного предприятия в пятилетней перспективе оценивалась в 49 780 кв. м нового жилья [Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 638. Л. 21], при сохранении расходов на содержание уже имеющегося.

Еще острее складывалась ситуация с учреждениями здравоохранения. У заводов № 524, 622 и треста

№ 51 своих больниц не было, тогда как имевшиеся в распоряжении других оборонных предприятий медицинские учреждения не могли полностью удовлетворить потребности в медицинском обслуживании. Не хватало школ, детских садов и объектов культуры.

Проходившая в декабре 1956 г. VIII Глазовская городская партийная конференция подвела итоги развития объектов инфраструктуры и социальной сферы в городе [7. Ф. 1147. Оп. 10. Д. 923. Л. 9–10]. Основной вклад был сделан единственным оборонным предприятием города – Чепецким механическим заводом, который выстроил два поселка для своих рабочих, проложил водопровод. Силами завода был построен и оборудован медицинский городок. С его участием построена дорога, имевшая местное значение. Однако Глазовский горком КПСС отмечал, что в рабочих поселках не было возведено ни одного детского учреждения. Среди инфраструктурных проектов, требовавших незамедлительного воплощения и имевших определяющее значение для развития промышленности города и логистики северных районов Удмуртской АССР, было сооружение моста через реку Чепцу. Уже в I квартале 1957 г. было начато строительство этого важнейшего объекта силами Чепецкого механического завода г. Глазова.

XV Воткинская городская партийная конференция, проходившая 8 декабря 1956 г., также не обошла вниманием вопросы жилищно-коммунального строительства и благоустройства города. Среди достижений отмечалось строительство 4 тыс. кв. м. нового жилья; ввод в эксплуатацию 5,1 тыс. кв. м. жилья за счет индивидуального строительства. Была окончена прокладка водопровода и первой очереди канализации. В числе невыполненных проектов значился срыв сдачи детских яслей [7. Ф. 724. Оп. 10. Д. 1. Л. 54].

Одним словом, предприятиями оборонной промышленности Удмуртской АССР в 1945–1956 гг., несмотря на ряд трудностей, был сделан значительный вклад в развитие социальной сферы и инфраструктуры, осуществлены значительные проекты в сфере электрификации городов и районов республики, транспорта, жилищного и культурного строительства, развития сети медицинских учреждений, благоустройства и инфраструктуры городов и рабочих поселков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тридцать лет Советской Удмуртии / под ред. Н.Г. Луковникова. Ижевск, 1950. 163 с.
2. Суханов А.И. Рабочий класс Удмуртии (1917–1970 гг.). Ижевск : Удмуртия, 1979. 178 с.
3. Суханов А.И. Труд и талант: (К некоторым вопросам истории рабочего класса Удмуртии). Ижевск : Удмуртия, 1973. 128 с.
4. История Удмуртии: XX век / под ред. К.И. Куликова ; введение О.И. Васильевой, Л.Н. Бехтеревой, Н.А. Родионова. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.
5. Ветошкина О.В. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии: от войны к миру (1945–1950). Ижевск : Удмурт. ун-т, 2013. 189 с.
6. Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
7. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 августа 2017 г.

THE CONTRIBUTION OF THE UDMURT MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX TO THE DEVELOPMENT OF THE SOCIAL SPHERE AND THE INFRASTRUCTURE OF THE REPUBLIC IN 1945–1956

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 101–106.
DOI: 10.17223/15617793/426/12

Aleksey V. Efremov, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: mr-alex-efremov@mail.ru

Keywords: military-industrial complex; Udmurt Republic; infrastructure; social sphere.

The article analyzes the role of the military-industrial complex of the Udmurt Republic in the creation, development, reconstruction and modernization of the social sphere and infrastructure in the first post-war decade. The research tasks are: 1) to determine the role of various components of the military-industrial complex in the development of the social sphere and infrastructure of the republic; 2) to summarize and present the results of these activities. The historiography of the problem is limited. The development of the social sphere and infrastructure of Udmurtia in the postwar period was considered in the regional scientific literature mainly in the context of studying the history of the working class. The article is based on the archival sources, which are first introduced. The source of the research is provided by the funds of the Central State Archives of the Udmurt Republic. The documents of the local party organization are represented by the funds of the Center for Documentation of the Contemporary History of the Udmurt Republic. A set of general scientific and special-historical methods are used. It is necessary to distinguish narrative and systemic methods among them. As a result, the plans of capital construction were presented in the period from 1945 to 1956, as well as the correspondence between local Party structures and the USSR Minister of Armaments D.F. Ustinov. The mechanisms of financing social expenditures are shown. The article dwells upon the role of local party bodies in lobbying the development and adoption of social projects in the republic. The article reviews all-Union and republican programs in the studied subject. The statistical data, which characterizes the rates of housing construction and volumes of financing, are given. The author showed that the creation and reconstruction of objects of social sphere and infrastructure was carried out by all seven defense enterprises located in the republic. The construction trusts No. 51 and Izhstroy, subordinate to the Ministry of Armaments of the USSR, were directly involved in the construction of facilities. The most intensive construction work was carried out in the capital of the republic, Izhevsk. In the course of the research the author comes to a conclusion that housing construction was in the unconditional priority of the post-war development. Houses built in the 1920s and 1930s were in disrepair and needed urgent reconstruction. The enlargement of the housing stock entailed the development of a network of health, education and culture institutions. Despite a number of difficulties, projects in the social sphere were not limited. The author points out the role of local party structures defending the interests of Udmurtia, on the one hand, and the role of the Minister of Armaments of the USSR, D.F. Ustinov, who lobbied the interests of the ministry he oversaw, on the other hand.

REFERENCES

1. Lukovnikov, N.G. (ed.) (1950) *Tridtsat' let Sovetskoy Udmurtii* [Thirty years of Soviet Udmurtia]. Izhevsk: Udmurtgosizdat.
2. Sukhanov, A.I. (1979) *Rabochiy klass Udmurtii (1917–1970 gg.)* [The working class of Udmurtia (1917–1970)]. Izhevsk: Udmurtiya.
3. Sukhanov, A.I. (1973) *Trud i talant: (K nekotorym voprosam istorii rabochego klassa Udmurtii)* [Work and talent: (To some issues of the history of the working class of Udmurtia)]. Izhevsk: Udmurtiya.
4. Kulikov, K.I. (ed.) (2005) *Istoriya Udmurtii: XX vek* [History of Udmurtia: the 20th century]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN.
5. Vetoshkina, O.V. (2013) *Rabochie oboronnoy promyshlennosti Udmurtii: ot voyny k miru (1945–1950)* [Workers of the defence industry of Udmurtia: from war to peace (1945–1950)]. Izhevsk: Udmurt State University.
6. Central State Archive of the Udmurt Republic. (In Russian).
7. Center for Documentation of the Modern History of the Udmurt Republic. (In Russian).

Received: 21 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 107–113. DOI: 10.17223/15617793/426/13

УДК 372.881.161.1 (571.122) «1945/1953»

Д.В. Кирилюк

ТРУДНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛАХ ЮГРЫ В 1945–1953 гг.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 16-11-86008, тип проекта "а(р)").

Рассматриваются вопросы совершенствования качества преподавания в школах Ханты-Мансийского национального округа в первые послевоенные годы. Предпринята попытка определить состояние реальных знаний учащихся Югры в 1945–1953 гг. При помощи историко-генетического метода были выявлены причины многочисленных проблем в преподавании русского языка в местных школах, а также основная суть этих трудностей. В исследовании при помощи историко-сравнительного метода анализируются изменения общей успеваемости учащихся по русскому языку, количества и уровня квалификации педагогических кадров региона, состояния преподавания предмета и качества методической работы в школах края. По мнению исследователя, принципиальных изменений в данных вопросах в рассматриваемый период достигнуть не удалось.

Ключевые слова: общеобразовательная школа; учитель; уровень квалификации; преподавание русского языка; дети ханты и манси; успеваемость учащихся; реальные знания.

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Советском Союзе началось постепенное возвращение к мирной жизни. Требовалось и решение тех образовательных задач, которые были поставлены советской властью еще в 1930-е гг.: ликвидация неграмотности в стране и всеобщее начальное образование. Это было особенно актуально для школ удаленных регионов страны, таких как Ханты-Мансийский национальный округ, где выполнить данные установки до войны в полной мере не удалось. В Югре, оторванной отсутствием автомобильных и железных дорог, а также регулярного авиасообщения с «большой землей», по-прежнему суровой действительностью был крайне низкий уровень образования населения. Не были решены даже вопросы, связанные с нежеланием граждан из числа коренных народов Севера отдавать своих детей в школу [1. С. 8, 17].

Перед школами края стояла задача дать населению элементарное образование на уровне начальной школы. Поэтому одним из важных индикаторов состояния школьного образования в регионе было качество преподавания русского языка. Нужно заметить, что это был один из единственных предметов (наряду с арифметикой), который изучался в каждой школе Ханты-Мансийского национального округа.

Каковы же были знания детей по русскому языку в школах Югры в 1945–1953 гг.? Из года в год, на протяжении всего рассматриваемого периода, показатели успеваемости учащихся по данному предмету вызывали серьезную обеспокоенность органов народного образования региона. В начале рассматриваемого периода огромное количество учащихся школ Ханты-Мансийского национального округа не могли даже на минимальном уровне справиться с основной школьной программой по русскому языку. Об этом свидетельствовали результаты контрольных работ за 1-е полугодие 1946/47 учебного года, проведенных по текстам облоно. Из 1 151 ученика 4-го класса, выполнявших работы по русскому языку, на «2» и «1» их сдали 410 человек, или 35,6%. Это было значительно хуже, чем даже по арифметике, где неудовлетворительные результаты показали 258 человек, или 22,5% [2. С. 9].

Однако даже эти цифры не отражали глубины проблемы. Значительное число учащихся едва выполняли школьную программу по данным предметам на минимальном, удовлетворительном уровне. Так, по русскому языку на оценку «три» эти же работы написали 526 детей, или 45,7%, а по арифметике – 332 ребенка, или 28,9%. Выходит, что более 80% учащихся 4 классов Югры либо обладали знаниями по русскому языку на минимально допустимом уровне, либо и вовсе не знали его! По арифметике ситуация была несколько лучше: не знали на качественном уровне дисциплину 52,4% школьников края. В целом по итогам 1946/47 учебного года успеваемость учащихся в Ханты-Мансийском национальном округе составила 69% [2. С. 8]. Таким образом, не справились своевременно с основной школьной программой 31% детей.

Столь заметное расхождение знаний учащихся по русскому языку и арифметике отчасти объясняется наличием в округе немалого числа детей ханты и манси, не знавших русский язык и не пользовавшихся им в своей повседневной жизни. В 1952 г. в 85 национальных школах Югры обучался 3 181 учащийся из числа коренных народов Севера, что составляло примерно пятую часть от их общего числа [3. С. 19, 37]. При этом в округе в данное время имелось лишь 78 учителей, владевших языками коренных народов Севера [Там же. С. 5] (7,5% от общего числа педагогов).

Е.Г. Чумак справедливо отмечает, что учителя Югры вследствие этого сталкивались с непониманием языка учеников в процессе обучения, что отражалось на успеваемости учащихся. Педагоги края были вынуждены самостоятельно изучать языки учащихся, теряя на этом много времени [4. С. 17]. Однако язык ханты и манси использовался учителями в основном для объяснения наиболее трудных мест в программном материале. Важно также понимать, что преподавание русского языка для таких детей вызывало немалые трудности и потому, что для них это был второй язык, а методика преподавания родного и неродного языка имеет принципиальные отличия. При этом принятый в 1948 г. новый учебный план еще больше увеличил роль русского языка в национальных школах и уменьшил значение родного [Там же. С. 13].

Тем не менее можно утверждать, что на низкое качество знаний учащихся Ханты-Мансийского национального округа влияли и многие другие факторы.

Например, в 1946 г. во время проверки одной из югорских школ выяснилось, что о многих, даже самых распространенных предметах учащиеся 4-х класса не имели достаточно конкретных представлений. Так, в диктанте облоно им не были знакомы слова: *карниз, водосточная труба, этой, неоштукатуренная, студент, трамвай, керосинка* [2. С. 10]. Данный факт свидетельствует не только о плохих знаниях русского языка югорских школьников. Перечисленные в диктанте слова в значительной степени относятся к характеристикам индустриально-урбанизированного общества. По сути, их незнание со стороны учащихся 4-го класса является показателем глубокой социально-экономической и культурной отсталости региона в рассматриваемый период.

Однако главной проблемой была, конечно же, низкая квалификация учителей русского языка. Нужно отметить, что специфика школьной сети региона в 1945–1953 гг. состояла в том, что подавляющее большинство школ в Ханты-Мансийском национальном округе относились к начальным и давали только элементарные знания. Так, в 1945/46 учебном году из 257 школ 204 относились к числу начальных [5. С. 1] (79,4%).

Преподавали в них в основном выпускники Ханты-Мансийского и Тобольского педучилища, которые имели квалификацию «учитель начальных классов». Специальной квалификации по русскому языку и филологии в подавляющем большинстве случаев учителя не имели. В 1946 г. из 837 учителей края высшее образование имелось только у 44 чел. (5,3%). Примечательно, что, как показывают материалы исследования Н.В. Фроловой, это было даже меньше, чем накануне Великой Отечественной войны (7%) [6. С. 21]. Как правило, высококвалифицированные специалисты работали в наиболее крупных, средних школах региона, таких как Ханты-Мансийская средняя школа, Сургутская средняя школа, Нахрачинская средняя школа и др.

В округе имелись хорошие учителя, выделявшиеся на общем уровне высоким качеством своей работы. Так, в 1946 г. 10 югорских учителей были награждены приказом Министерства просвещения РСФСР значком «Отличник народного просвещения» [2. С. 12]. Некоторые учителя, например учительница Ларьякской семилетней школы Е.И. Старикова, работали с высокой самоотдачей. Эта учительница всегда тщательно готовилась к каждому уроку, строила их методически правильно, активно использовала наглядность. Педагог уделял много внимания выработке чистой и правильной речи у детей путем систематического требования ясного произношения каждого слова и слога, что помогало изживать дефекты в речи учащихся. Особенностью ее преподавания было также и то, что она не подсказывала сразу ученику правильный ответ при затруднениях в чтении, а добивалась, чтобы он сам понял свою ошибку при помощи наглядных пособий [Там же. С. 13].

Однако подобных энтузиастов было недостаточно. Уровень квалификации большинства педагогов, особенно в начальных школах, расположенных в удаленной сельской местности на больших расстояниях друг от друга, был низким. Весьма показательным был тот факт, что немалая часть из них не имела даже законченного среднего образования (например, в 1946 г. в Югре – 101 человек) [2. С. 17], что составляло 12,1% от общего числа (накануне войны – 22%) [6. С. 21].

Следствием данных проблем были многочисленные ошибки и недоработки учителей Югры на уроках русского языка. Поскольку в школах региона была слабо поставлена словарная работа с учащимися, письменная и устная речь учащихся были развиты слабо [2. С. 10]. Учащиеся получали мало письменных творческих заданий, редко писали изложения, учителя мало работали над каллиграфией своих подопечных. Нередко ученики не имели образцов правильного письма и даже списывали слова с печатного шрифта.

Данные недоработки были характерны для работы большинства учителей региона, в том числе и для педагогических коллективов крупных, опорных общеобразовательных учреждений Ханты-Мансийского национального округа, где уровень квалификации педагогов был выше. Например, учительница русского языка Ханты-Мансийской средней школы т. Костина критиковалась за большие промахи и недостатки в работе. Они объяснялись окружным отделом народного образования недостаточным опытом работы, а также отсутствием у педагога… фактических знаний преподаваемого предмета! На уроках правильные ответы учащихся учителем брались под сомнение, а неправильные оценивались как положительные [Там же]. При этом этот же самый педагог ставился в других документах в пример остальным учителям, рекомендовались ее методики работы! [7. С. 194].

Преподавательница русского языка той же школы Баринова уроки строила методически правильно, но в преподаваемом материале сама разбиралась плохо. Так, к существительному «композитор» она ставила вопрос «что?». Это вызывало удивление отвечающего ученика, тогда учитель авторитетным тоном подтверждает: «...да, что? – композитор». Она же имела безграмотную речь, говорила «стери», «слога» и т.д. [2. С. 10].

Общими недостатками работы учителей Ханты-Мансийской средней школы в 1946/47 учебном году были названы плохое знание фактического материала, преподаваемого на уроке, вследствие плохой подготовки к занятиям, плохое составление поурочных планов (которые имели вид простых схем без примеров). Вследствие этого вопросы на уроках ставились с неправильными формулировками. Помимо этого, у учителей отмечались наличие в речи стилистических ошибок, невнимательность к ответам учеников, поэтому ошибки в ответах учащихся оставались незамеченными. Ученики даже 10-х классов не знали точных формулировок правил русского языка [7. С. 194].

Учительница 1-го класса Черномысовской семилетней школы т. Борутто «совершенно безответственно» относилась к проверке тетрадей, не предъявляя достаточной требовательности к учащимся. Оценки ставила небрежно, ошибки не исправляла, безграмотно писала «Томары», вместо «Тамары» [2. С. 10]. В Матлымской школе Микояновского района на уроках учительницы 1-го класса Злобиной дети читали, не понимая прочитанного текста, не зная значение некоторых слов. В Кеушинской семилетней школе на уро-

ках русского языка в 5–7-х классах (преподаватель Козлова) учащиеся хорошо знали формулировку правил правописания, определение частей речи, но не умели самостоятельно провести грамматический разбор, а при выполнении самостоятельных письменных работ допускали большое количество ошибок [2. С. 11].

Несмотря на столь серьезные недостатки в преподавании русского языка, у окружного школьного руководства в начале рассматриваемого периода фактически не было действенных инструментов для повышения качества занятий по этой ключевой дисциплине. Многие учителя русского языка, как указывают материалы посещения их занятий инспекторами отделов народного образования, в значительной мере не соответствовали занимаемой должности. Вместе с тем случаи увольнения их по причине профессиональной некомпетентности были достаточно редки. Так, в 1946/47 учебном году была снята с работы приказом окроно учительница Ханты-Мансийской средней школы Э.Л. Севратовская как не обеспечившая преподавание и из-за отсутствия у нее фактических знаний предмета [7. С. 194].

Какие выходы видели руководители школьного образования Югры из сложившейся ситуации? В перечне предложений, которые давали школьные инспекторы учителям русского языка конкретных школ, звучали слова о необходимости усилить контроль за работой учителей со стороны директоров школ, следить учителю за своей речью и речью учеников, требуя у учащихся знания точных научных формулировок, в классах и вне классов осуществлять к учащимся единые педагогические требования и выполнение единого орфографического режима [Там же].

Предлагалось также организовать взаимное посещение уроков учителями русского языка с целью изучения опыта лучших учителей и оказания практической помощи начинающим. Результаты взаимопосещений предлагалось записывать в специальную тетрадь, которая должна была храниться у заведующего учебной частью [Там же]. То есть, как мы указывали выше, предполагалось опираться в решении данных вопросов на собственные силы, которые, конечно же, в Югре были незначительными.

Были ли решены перечисленные выше проблемы к концу рассматриваемого периода? К началу 1950-х гг. педагогическим коллективам школ Ханты-Мансийского национального округа удалось заметно повысить общую успеваемость югорских школьников – по итогам 1951/52 учебного года она составила 82,1% (из 18 466 чел., успевало – 15 165 чел.). Заметно возросла успеваемость учащихся и по русскому языку, достигшая в это же время 86–87% [3. С. 6]. В первом, шестом и седьмом классах успеваемость детей по русскому языку и вовсе стала приближаться к 90% от общего количества учащихся [3. С. 269–275].

За счет чего этого удалось добиться? Во-первых, это совершенствование качества методической работы в школах Югры. В целом в 1953 г. в Югре работали 46 кустовых методических объединений (КМО). Все КМО работали по планам: политический доклад, методические доклады, открытые уроки и их обсуждение, собеседование по материалам съезда партии [1. С. 128]. В некоторых КМО (Самаровский район) проводилось изучение русского языка, практиковалось также выполнение практических работ (письмо диктантов), просмотр ученических тетрадей. Только за 1-е полугодие 1952/53 учебного года на заседаниях КМО было заслушано 25 докладов на политические темы, 90 – по методическим вопросам, проанализировано более 100 открытых уроков. В некоторых семилетних школах района (Реполовской, Бобровской, Совхозной, Нялинской, Урманной, Луговской и др.) были организованы методические уголки, в которых была сосредоточена вся методическая литература, конспекты открытых уроков, наглядные и другие материалы [1. С. 89–90]. Неплохо работали также КМО в Ларьякском, Березовском, Микояновском районах [Там же. С. 128].

Вследствие этого в начале 1950-х гг. в округе наметился и общий рост методической грамотности учителей региона. К этому времени ряд учителей 1-х классов школ края (Федорова, Мурашова, Гавриленко и др.) стали использовать в своей практике наиболее рациональные методы работы, творчески сочетали обучение отдельных учащихся с коллективной работой класса. В период обучения грамоте они уделяли исключительное внимание звуковому анализу слов, письму по слуху, развитию речи учащихся, использовали в работе слоговые карточки слов, слогов, карточки слов с неполным описанием. Все эти приемы способствовали грамотному и сознательному письму слов и предложений [8. С. 269а].

Рост успеваемости был заметен также и у учителей пятых классах школ округа. Качество устных ответов и письменных работ югорских пятиклассников позволяло окружному отделу народного образования утверждать, что у них сформировались более твердые знания грамматического материала. Этому, по мнению окроно, способствовала настойчивая работа учителей над материалами дискуссии по языкознанию, изучение трудов т. Сталина, продуманный единый орфографический режим во всех средних и некоторых семилетних школах, частые взаимные посещения уроков и последующее их обсуждение, большое внимание, уделяемое грамматическому разбору, возросшая требовательность к качеству устных ответов [Там же. С. 271–272].

В конце рассматриваемого периода лучшие учителя русского языка школ Ханты-Мансийского национального округа работали над изучением опыта коллег одной из московских школ, который стал распространяться в Югре в 1952 г. Его суть заключалась в обязательном присутствии на уроках русского языка: орфографической зарядки, словарной работы, а также трех этапов закрепления нового материала. У некоторых учителей Березовского района (в Полноватской школе, Березовской средней школе, Березовской семилетней школе) данную методику удалось эффективно внедрить в работу [1. С. 17].

Вместе с тем далеко не во всех школах уровень знаний детей был достаточно высоким. Более того, если сравнить результаты успеваемости учащихся по русскому языку в 1950/51 учебном году с предыдущим годом, то она выглядит противоречиво. Если в 1-, 3-, 5- и 7-м классах успеваемость школьников возросла, то во 2-, 4- и 6-м классах снизилась [8. С. 296].

Ко всему прочему, в начале 1950-х гг. в Ханты-Мансийском национальном округе имелось немало классов, в которых успеваемость учащихся по русскому языку была 50% и даже ниже. Как правило, это были классы с незначительным количеством детей, расположенные в удаленных школах региона. Среди первых классов таких было 9, среди вторых – 10, среди третьих – 5, четвертых – 27(!), шестых – 8, т.е. всего 59 классов! Особенно слабыми знания по русскому языку были у школьников Югры 4-го класса. К этим учащимся было предъявлено больше новых требований, с которыми не были способны справиться [8. С. 269–275].

Остановимся на вопросе о том, почему школам региона не удалось к концу рассматриваемого периода добиться более высоких результатов учащихся по русскому языку. Следует признать, что ключевые проблемы развития школьного образования в Югре в начале 1950-х гг. сохранились почти в неизменном виде. В округе по-прежнему не хватало учителей высокой квалификации. В 1950 г. в Ханты-Мансийском национальном округе работали 1024 учителя, т.е. на 22,3% больше, чем в 1946 г. Однако высшее образование имелось только у 65 человек [Там же. С. 6], что составляло 6,35% и было лишь на один процент выше, чем после Великой Отечественной войны.

К моменту окончания сталинской эпохи качественных изменений в этом вопросе не произошло. Так в начале 1953 г. из 179 учителей Сургутского района высшее образование имелось только у 13 человек (7,3%). В Березовском районе из 161 педагога высшее образование было только 13 учителей (8,1%) [1. С. 23]. В Ларьякском районе из 70 учителей высшее образование имели только 4 педагога (5,7%) [Там же. С. 36]. Таким образом, общий кадровый потенциал в 1945–1953 гг. школ Югры изменился незначительно. Безусловно, это в равной степени касалось и преподавателей русского языка.

При этом основной причиной, препятствовавшей укомплектованию кадрами отдаленных начальных школ было, по данным заведующего Сургутским районо, нежелание учителей ехать в эти школы (из-за трудности работы там, отдаленности, худших материальных и бытовых условий в местах расположения этих школ). Вследствие этого, в большинстве случаев в таких школах работали молодые, неопытные учителя, а опытные прибывали с путевками министерства и облоно в магистральные школы [Там же. С. 8]. Массовое нежелание выпускников пединститутов работать в школах сопредельных с Югрой областей в конце рассматриваемого периода отражено в исследовании Н.К. Файзуллиной [9. С. 22].

Случаи серьезного дефицита учителей русского языка в крае не были изжиты. Так, например, в 1953 г. в Шаимской семилетней школе не было преподавателя русского языка и литературы. На шесть классов работал только один преподаватель русского языка с соответствующим образованием, он же являлся директором школы. Остальные 36 ч русского языка и литературного чтения в 5–6-х классах вели по совместительству воспитатели интерната, не имевшие стажа работы и соответствующего педагогического образования. В Ягодной семилетней школе в связи с болезнью преподавателя русского языка т. Нечаевой длительное время преподавание русского языка не велось. Позднее ведение русского языка и литературного чтения пришлось возложить на учителя начальных классов и воспитателя школьного интерната, которые также не имели соответствующего образования и работали в старших классах впервые [1. С. 99–100].

Это, в свою очередь, привело к тому, что учителя начальных классов и воспитатели данных школ имели двойную нагрузку, с работой не справлялись и допустили массовую неуспеваемость по русскому языку и литературному чтению. Однако, несмотря на неоднократные запросы окроно о доукомплектовании школ педагогическими кадрами, вопрос остался нерешенным [Там же. С. 100].

Кроме того, в регионе, по словам руководителя школьного образования Сургутского района, плохо решался вопрос с чисткой учительских кадров: необходимо было отстранить от преподавания людей, не способных осуществлять эту почетную обязанность [Там же. С. 8]. Так, в конце рассматриваемого периода недобросовестно относилась к своей работе учительница русского языка и литературного чтения Ларьякской средней школы Н.И. Чепурных. Она слабо владела методикой преподавания, имела очень ограниченный теоретический багаж, недобросовестно готовилась к урокам, часто возвращала тетради учащихся непроверенными или с массой пропущенных ошибок, допускала грубость по отношению к ученикам. В конце концов Ларьякский районный отдел был вынужден освободить ее от педагогической работы [Там же. С. 30].

Множество учителей Югры за неимением лучших специалистов продолжали преподавать русский язык с серьезными отклонениями от необходимого уровня. Так, учительница Карымской семилетней школы Вахрушева при проверке работы по русскому языку ученика 3-го класса не обратила внимание на неправильное написание падежей отдельных слов, а в слове «молотьба» предприняла попытку исправить глухую согласную «т» на «д» [Там же. С. 52].

Очень плохие результаты по русскому языку показали ученики 5-х классов Ханты-Мансийской семилетней школы № 4, где работала учительница Вакуленко (Мещерякова). В течение 3 последних лет этот педагог показывал плохое качество работы. Ни одного урока, посещенного в ее классах инспекторами и руководителями школы, не было проведено удовлетворительно ни со стороны методики, ни со стороны единой насыщенности. Товарищу Вакуленко (Мещерякова), кроме того, не готовилась к урокам и в течение учебного года не раз являлась на уроки без планов, за что получила предупреждение [8. С. 273]. Низкую успеваемость и плохое качество знаний показали также учителя Сосновцева (Ларьякская школа), Мальчикова, Мещерякова (Ханты-Мансийск) [Там же. С. 276].

Даже среди учителей с большим стажем педагогической деятельности качество преподавания по русскому языку оставляло желать лучшего. К примеру, учительница Нижневартовской семилетней школы Е.А. Вторушина, несмотря на 24 года стажа педагоги-

ческой работы, все еще слабо владела методикой, недобросовестно относилась к работе, давала уроки низкого качества [1. С. 38]. Не случайно основное число неуспевающих учащихся в Ларьякском и Самаровской районах и окружной столице – Ханты-Мансийске, не могли освоить школьную программу именно по русскому языку [Там же. С. 30–31, 38, 80]. Далеко не всегда более высоким качеством преподавания отличались и руководители школ. Так, в 1953 г. заведующая Никулинской начальной школой тов. Гавриленко на заседании кустового методического объединения заявила, что она не работала над ошибками, так как не знала, как работать над ними [Там же. С. 57].

Все это свидетельствовало о значительных недостатках в методической работе в школах края, сохранившихся и в конце рассматриваемого периода. Проблема заключалась в том, что в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в советских научных и общественно-политических кругах с новой силой развернулась дискуссия о русском языке, связанная с распространением в стране «нового учения о языке» Н.Я. Марра. Само учение отрицало идею о единстве происхождения индоевропейских языков, пыталось построить особое «марксистское языкознание». И.В. Сталин в ряде публикаций 1950 г. («Марксизм и вопросы языкознания» и ответов на вопросы к работе) раскритиковал учение Н.Я. Марра и многие эксперименты над русским языком.

Можно смело утверждать, что для учителей русского языка Югры основное содержание данной дискуссии было незнакомо. Однако все учителя русского языка были вынуждены ссылаться на данное издание в своей практической деятельности. Отделы народного образования Ханты-Мансийского национального округа призывали учителей русского языка края перестроить свое преподавание «на основе сталинских работ по языкознанию». «Вдохновленные гениальными трудами т. Сталина», они начали менять свое преподавание [Там же. С. 54–55]. На практике единственным следствием данной дискуссии могло быть только некое теоретическое и методологическое единообразие трудов по русскому языку, изданных после 1950 г., что упрощало работу с ними и вносило ясность в философские основы преподавания русского языка.

Вместе с тем организация методической работы в школах Ханты-Мансийского национального округа в конце рассматриваемого периода по-прежнему находилась не на должном уровне. Например, в 1952/53 учебном году эта работа была слабо поставлена в Сургутском районе. Отдельные КМО района совсем не работали в течение полугодия [Там же. С. 128]. Большие претензии имелись у окроно также к организации методической работы в школах г. Ханты-Мансийска. Методические совещания в большинстве школ окружной столицы в конце рассматриваемого периода проводились редко, было прочтено мало докладов на общепедагогические и методические темы, плохо организовано взаимопосещение уроков [Там же. С. 38].

Общей проблемой, не позволявшей существенно повысить качество методической работы школ, были по-прежнему значительная удаленность школ друг от друга и отсутствие средств «на разъезды» [1. С. 128]. Нехватка средств приводила и к тому, что даже в передовых пед- и методкабинетах отсутствовали помещения для хранения методической литературы, она хранилась на шкафах, а также на частных квартирах. При этом имелись только методические издания за несколько лет [Там же. С. 91]. Данные недоработки ставились в вину местным райпедкабинетам [Там же. С. 128].

Кроме того, повышением качества преподавания в Югре в начале 1950-х гг. занимались внутришкольные предметные комиссии. Руководство данными комиссиями осуществляли, как правило, директора школ. Однако их работа не была организована качественно, не оказывалось им необходимой помощи и со стороны районных педагогических кабинетов и окрпедкабинета [Там же. С. 91]. Не вышла также на необходимый уровень помощь со стороны школьных инспекторов региона. Так, за первое полугодие 1952/53 учебного года окружной отдел народного образования проверил всего восемь школ и один близлежащий Самаровский районный отдел народного образования [Там же. С. 128].

Несмотря на определенные успехи в организации методического консультирования учителей Югры, обеспечении их методической литературой, конспектами уроков передовых учителей, окрпедкабинет так и не смог в начале 1950-х гг. решить ряд других вопросов. Особенно это касалось проблемы организации методической помощи учителям однокомплектных и двухкомплектных школ (которых было большинство в регионе), национальных школ и воспитателей национальных интернатов. По работе национальных школ и воспитателей национальных интернатов совершенно не имелось руководящей литературы ни в кабинете, ни у учителей. Все это свидетельствовало о том, что школы Ханты-Мансийского национального округа срочно нуждались в проведении курсов повышения квалификации для данных педагогических работников [Там же].

Не были на должном уровне организованы и специальные курсы русского языка и литературы для учителей-предметников. В начале 1950-х гг. они проводились достаточно редко и с небольшим охватом педагогов. Например, летом 1951 г. 12 учителей русского языка и литературного чтения окончили курсы повышения квалификации при Тюменском пединституте, где они «получили соответствующие установки по перестройке преподавания русского языка на основе учения И.В. Сталина о языке» [3. С. 6]. Кроме того, даже отправленные на курсы повышения квалификации учителя русского языка не всегда возвращались с новыми знаниями. Например, учительница Сургутского района Пилюгинской школы т. Власова имела в своей школе исключительно низкую успеваемость. Во время пребывания на курсах повышения квалификации т. Власова первые диктанты написала на «2», а на лекциях по методике преподавания русского языка не записала ни одного слова [8. С. 271].

Все вышеизложенное в очередной раз указывало на то, что тремя основными проблемами, не позволившими существенно повысить успеваемость и ка-

чество знаний учащихся в школах Ханты-Мансийского национального округа к концу рассматриваемого периода, были: низкий уровень квалификации учителей, недостаточный контроль за их работой со стороны руководства школ и отделов народного образования и, как следствие, – недобросовестное отношение части учителей к своей работе [8. С. 271]. Четвертой проблемой были недостатки в организации методической работы учителей в местных школах. Данный перечень трудностей только усиливался специфическими особенностями региона: наличием большого числа детей коренных национальностей, не знавших русских язык, оторванностью территории от «большой земли», ее значительными расстояниями и отсутствием развитых путей сообщения.

Более того, даже указанные нами выше результаты успеваемости школьников Югры по русскому языку вызывают немалые сомнения в их достоверности. Основные негативные факторы, влиявшие на низкий уровень знаний учащихся по русскому языку, не исчезли. Поэтому заметный рост процента общей успеваемости учащихся в конце рассматриваемого периода выглядит неправдоподобно и мог быть достигнут в немалой степени за счет злоупотреблений школьной статистикой.

Доказательства этому также зафиксированы в документах окроно. Например, по итогам 1950/51 учебного года наиболее низкие знания учащихся Югры по русскому языку были зафиксированы среди школьников 4-х классов. Представляют немалый интерес объяснения окружного отдела народного образования о причинах подобного положения дел. Главной из них был тот факт, что учащиеся 4 классов однокомплектных и двухкомплектных школ сдавали экзамены при семилетних школах, где была исключена возможность завышения оценок [8. С. 269–275]. То есть школьное руководство региона признало, что данные факты не были единичным случаем.

В школах Самаровского района в начале 1950-х гг. были выявлены значительные расхождения в успеваемости по устному и письменному языку. Здесь некоторые учителя во время устных ответов по грамматике ставили ученикам тройки даже тогда, когда он мог ответить на вопросы только с помощью наводящих вопросов учителя. Но такие ученики обычно не могли выполнить самостоятельно на удовлетворительную оценку ни одной письменной работы. Это явление обнаруживалось инспекторами при каждой проверке местных школ [Там же. С. 275–276].

В последующие годы их было выявлено еще больше. Так, из отчета Сургутского районо за январь 1953 г. мы узнаем, что в местных школах были допущены случаи занижения требований к знаниям учащихся. По сути, это привело к завышению оценок детских знаний, что ставило подобных учителей на «антигосударственный путь очковтирательства». Например, учительница Нагорновской школы Шпакова показала 100%-ную успеваемость в отчете за 1-ю четверть по 5-му и 7-му классам. Однако когда, по предложению комиссии, дети написали проверочный диктант, в 5-м классе на оценки «2» и «1» его написали 13 человек, в 7-м классе – 9 человек. Аналогичные нарушения были выявлены также в Тром-Аганской, Ватинской и Тауровской школах Сургутского района [1. С. 9], Ларьякской средней школе [Там же. С. 30].

Еще более поразительный факт несоответствия оценок учащихся их реальным знаниям был выявлен в 1953 г. у учителей Ямкинской и Старо-Катышинской школ, которые перевели в 5-й класс совершенно неподготовленных учащихся. Во всех отчетах они показали их как окончивших 4-й класс. Однако, придя в 5-й класс, эти учащиеся проявили полное незнание программного материала не только за 4-й класс, но также за 3-й и 2-й классы. Убедившись в этом на основании их письменных работ, данные учителя были вынуждены принять данных учеников обратно в младшие классы. В одном из докладов окроно данный факт был справедливо назван «обманом государства» [Там же. С. 53].

При этом подобные нарушения обнаруживались в школах региона не один год. Так, например, в 1953 г. при анализе экзаменационных работ Покурской семилетней школы за 1951/52 учебный год было установлено «сплошное завышение оценок в знаниях учащихся». Данные нарушения осуществлялись при полном попустительстве бывшего директора данной школы [Там же. С. 9]. Обнаруженные факты позволяют нам утверждать, что реальные знания учащихся Югры по русскому языку к концу рассматриваемого периода были существенно ниже официальных цифр и их качественного роста не произошло. Какой же она была на самом деле? К сожалению, дать точный ответ на этот вопрос сегодня уже не представляется возможным. Можно утверждать, что она была как минимум на 2–3% ниже официальных цифр.

Таким образом, приходится констатировать, что в 1945–1953 гг. преподавание русского языка в школах Ханты-Мансийского национального округа испытывало многочисленные трудности. Главным образом, они были связаны с низким уровнем квалификации местных педагогов. При этом у региона фактически не было резервов для решения данной проблемы из-за отсутствия в крае высших учебных заведений, а также суровых природно-климатических условий, вследствие которых квалифицированные учителя не желали ехать на работу в Югру.

Окружной отдел народного образования пытался, тем не менее, повысить качество преподавания русского языка в местных школах, используя традиционные, уже отработанные временем приемы: через окружные, районные и городские педагогические и методические кабинеты, кустовые методические объединения, усиление контроля со стороны отделов народного образования и директоров школ, взаимопосещения уроков учителями и т.д. В результате этого, к концу рассматриваемого периода успеваемость югорских учащихся по русскому языку заметно возросла. Общая успеваемость в крае выросла в 1945–1953 гг. с 69 до 82,1%, т.е. на 13%, при этом успеваемость по русскому языку и вовсе достигла 86–87%. Однако поскольку в округе по-прежнему работало множество преподавателей без специального образования, даже эти цифры, как указывают документы, во многом были завышены самими учителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Югры (далее ГАЮ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 344.
2. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 247.
3. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 320.
4. Чумак Е.Г. Становление и развитие системы образования обско-угорских народов Северо-Западной Сибири в 1920–1950-е гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2008. 22 с.
5. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 213.
6. Фролова Н.В. Государственная политика в области историко-обществоведческого образования в школах Севера Западной Сибири в 1920–1930-е годы : автореф. дис. … канд. ист. наук. Сургут, 2016. 23 с.
7. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 249.
8. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 306.
9. Файзуллина Н.К. Школьное образование в Западной Сибири в середине 1950-х – середине 1960-х гг. (на материалах Омской, Томской и Тюменской областей) : автореф. дис. …канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 30 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 сентября 2017 г.

PROBLEMS IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE IN YUGRA SCHOOLS IN 1945–1953

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 107–113.
DOI: 10.17223/15617793/426/13

Denis V. Kirilyuk, Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: denkirilyuk@yandex.ru

Keywords: school; teacher; level of professional skills; teaching the Russian language; Khanty-Mansy children; students' combined cumulative grade point average; real knowledge.

An attempt of a complex analysis of the Russian language teaching in the Khanty-Mansi National Okrug schools in the first years after the war is given in the article. The work is written on the basis of a historical-comparative method of the main factors of school education in Yugra in 1945–1953. The main sources of research are the materials of school reports in the second half of the 1940s – the beginning of the 1950s which were found in the State Archive of Yugra. The content of the work revealed the weakness of schools in the region after the Great Patriotic War of 1941–1945, the predominance of elementary schools that only gave the basic skills of reading and writing. The schools were located at large distances from each other, which hampered their interaction. By the end of the period under review the situation remained unchanged. For example, in 1945–1953 it was still difficult to bring the children of the indigenous peoples of the North to school in the Khanty-Mansi National Okrug. These facts were revealed in school references and records of the 1950s. The analysis of students' achievements in the Russian language in the schools of Yugra is made in this article. It was found that in the middle of the 1940s it was at a very low level. Almost a third of pupils in the region could not cope with the primary school curriculum. In the early 1950s the performance of Yugra school children in the Russian language increased significantly, having reached 86–87%, which was significantly higher than average test scores in the Okrug (82.1%). The article reveals the reasons of these changes. The schools of the Khanty-Mansi National Okrug did a lot of teaching and methodological work; cluster methodological associations worked to discuss and deliberate on methodological reports and analyze open lessons of teachers including of the Russian language. At the beginning of the 1950s, progressive teachers of the Russian language used the method of teaching from the experience of the best teachers of the country, especially from Moscow. Profesional development courses were organized for the Russian language teachers. The author comes to a conclusion that over the 1945 to 1953 period the Russian language teaching did not manage to achieve any fundamental changes in the issues raised in the article. The reasons were the following: the remoteness of schools in the Okrug from the developed centers of education and culture of the country, the low level of education of teachers of the Russian language in the region, the lack of socio-economic incentives for inviting qualified teachers in the area. That is why even the progress in students' achievements in the Russian language, in the author's opinion, was largely falsified by the teachers.

REFERENCES

1. State Archive of Yugra (GAYu). Fund 5. List 1. File 344. (In Russian).
2. State Archive of Yugra (GAYu). Fund 5. List 1. File 247. (In Russian).
3. State Archive of Yugra (GAYu). Fund 5. List 1. File 320. (In Russian).
4. Chumak, E.G. (2008) *Stanovlenie i razvitie sistemy obrazovaniya obsko-ugorskikh narodov Severo-Zapadnoy Sibiri v 1920–1950-e gg.* [Formation and development of the education system of the Ob-Ugric peoples of North-Western Siberia in the 1920s–1950s]. Abstract of History Cand. Diss. Tyumen.
5. State Archive of Yugra (GAYu). Fund 5. List 1. File 213. (In Russian).
6. Frolova, N.V. (2016) *Gosudarstvennaya politika v oblasti istoriko-obshchestvovedcheskogo obrazovaniya v shkolakh Severa Zapadnoy Sibiri v 1920–1930-e gody* [The state policy in the field of history and social science education in the schools of the North of Western Siberia in the 1920s–1930s]. Abstract of History Cand. Diss. Surgut.
7. State Archive of Yugra (GAYu). Fund 5. List 1. File 249. (In Russian).
8. State Archive of Yugra (GAYu). Fund 5. List 1. File 306. (In Russian).
9. Fayzullina, N.K. (2010) *Shkol'noe obrazovanie v Zapadnoy Sibiri v seredine 1950-kh – seredine 1960-kh gg. (na materialakh Omskoy, Tomskoy i Tyumenskoy oblastey)* [School education in Western Siberia in the mid-1950s – mid-1960s (on the materials of Omsk, Tomsk and Tyumen Oblasts)]. Abstract of History Cand. Diss. Tyumen.

Received: 20 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 114–122. DOI: 10.17223/15617793/426/14

УДК 94(47). 084

Т.В. Козельчук

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОГО ОКРУГА В 1923–1930 гг.)

На основе впервые вводимых в научный оборот делопроизводственных документов Курганского окружного административного отдела рассматриваются механизмы и проблемы административного надзора за исполнением населением обязательных постановлений Курганского окружного исполкома и Курганского горсовета в 1923–1930 гг. Особое внимание уделяется оценке названных документов как источников, отразивших различные аспекты повседневной жизни местного населения. Автор приходит к выводу, что направления и трудности административного надзора за исполнением обязательных постановлений характеризуют повседневную жизнь прежде всего с негативной стороны, заостряя внимание исследователя на девиантном поведении населения.

Ключевые слова: история повседневности; административный надзор; обязательные постановления; Курганский округ; девиантное поведение.

Социальные трансформации, ставшие результатом целенаправленной политики молодого советского государства, и одновременно хозяйственный упадок, как следствие Гражданской войны, изменили привычное каждодневное бытование человека, внесли в его повседневную жизнь множество новых элементов и проблем. Революционные праздники, новая метрическая система, октябрины, ЗАГСы, женщины-делегатки, жилищный вопрос, новая мода, избы-читальни, элементарные бытовые трудности и многое другое. Формируя новый образ жизни советских людей, государство активно использовало нормативно-правовой механизм, в частности издание окружными и городскими властями обязательных постановлений, которые кроме определенных правил поведения предусматривали санкцию за их несоблюдение. Отсюда возникала необходимость контроля за их исполнением населением.

Тексты обязательных постановлений, которые охватывали широкий круг вопросов от сбора налогов и установления правил торговли до охраны общественного порядка и санитарного надзора, являются ценным источником изучения повседневности. Вместе с тем они, как и всякие документы законодательного характера, освещают повседневную жизнь населения лишь с точки зрения задаваемых властью желаемых стандартов. Исследователь узнает лишь о том, какими власть видела своих граждан, какой она планировала сделать их жизнь, какие их поступки категорически отвергала, но чтобы узнать о том, как люди жили и как поступали в действительности, нужно привлекать источники другого рода.

Информативным в этом плане является комплекс документов, связанный с административным надзором за исполнением населением обязательных постановлений. Это документы так называемых административных отделов, а именно нормативно-правовая и делопроизводственная документация, представленная традиционными для обозначенного времени разновидностями: циркуляры Уральского областного адмотдела, приказы Курганского окрисполкома по административной работе, выписки из заседаний Президиума Курганского окрисполкома и пленумов Горсовета по вопросам работы Адмотдела, отчеты и доклады начальника Курганского окружного адмотдела, протоколы заседаний начальников районных административных частей, краткие обзоры деятельности и планы работ Курганского окрадмотдела, штатные расписания, статистические приложения, резолюции, инструкции, письма и пр.

3 ноября 1923 г. ЦИК СССР утвердил Положение об Уральской области, в состав которой вошел Курганский округ, а Курган соответственно стал окружным центром. Одной из властных структур областного, окружного, а в дальнейшем и районного уровня стали органы административного надзора. Возникли областной и окружные административные отделы (или адмотделы) [1. Л. 12]. Они вошли в реформированную систему органов советской милиции. В августе 1923 г. в составе НКВД РСФСР было создано Центральное административное управление, одним из отделов которого стал Административный отдел, наблюдавший «за правильностью применения мер к нарушителям обязательных постановлений» [2. С. 18]. При Курганском городском совете и райисполкомах были организованы административные части (проект адмчасти Горсовета был представлен на заседании Горсовета в 1926 г. [3]).

На окружные адмотделы, согласно Положению об адмотделах Уральской области, возлагалось: «1. Проведение в жизнь постановлений центральных и местных органов власти по вопросам административного характера, наблюдение за соблюдением населением и должностными лицами указанных постановлений, принятие мер к их выполнению. 2. Охрана революционного порядка и общественной безопасности в пределах существующих законоположений. 3. Проведение в жизнь законов об отделении церкви от государства в части, касающейся административных распоряжений и мероприятий. <…> 5. Производство регистрации актов гражданского состояния и ведение учета естественного движения населения. 6. Ведут регистрацию иностранных граждан, принимают ходатайства о приеме в гражданство СССР. <…> 9. Налагают административные взыскания за неисполнение обязательных постановлений в пределах существующих законоположений. 10. Принимают меры к предупреждению и ликвидации стихийных бедствий. <…> 16.

Ведение работы по предупреждению, обнаружению и расследованию преступлений. 17. Борьба с беспошлинной и безпатентной и безакцизной торговлей, с тайным винокурением, хранением и сбытом спиртных напитков. 18. Борьба с эксплуатацией граждан на почве невежества и суеверия. 19. Борьба с общественным паразитизмом – проституция. <…> 21. Учет торговых и торгово-промышленных предприятий. 22. Выдача разрешений на устройство зрелищ, собраний… торговлю пивом, вином… открытие типографий… 23. Выдача разрешений на право пользоваться охотничьим оружием» [1. Л. 24].

Итак, судя по перечисленным полномочиям, становится понятно, что новый орган власти должен был занять ключевое место в жизни местного населения. Конечно, для эффективности работы пришлось сразу распределить эти широкие обязанности между тремя подотделами: общим, милиции и уголовного розыска (в некоторых документах в качестве четвертого подотдела значится Дом заключения). Начальник Адмотдела (он же начальник милиции округа) подчинялся одновременно Курганскому окрисполкому и начальнику Адмотдела Уральского облисполкома. В дальнейшем эти структуры ждали некоторые преобразования, но суть деятельности и ее направленность не изменились: Положение об административных отделах Уральской области 1927 г. практически полностью повторяло предыдущее, из нового появилось наложение административных взысканий по ряду статей УК РСФСР 1926 г. (ст. 61 ч. 1, ст. 82 ч. 2, ст. 83, ст. 108 ч. 2, ст. 133 ч. 4, ст. 191 ч. 2 и ст. 192) [4. Л. 81, 81 об.].

Административное регулирование непосредственно выражалось в фиксации милицией нарушений, наложении штрафов и их взыскании с граждан, нарушивших обязательные постановления. Для своих читателей редакция окружной газеты «Красный Курган» пояснила: «В случае неуплаты виновными штрафа последний может быть взыскан принудительным порядком, то есть путем отчуждения и продажи имущества, а если нечего отчудить из имущества, то заменяется принудительными работами» [5. С. 3].

Размер взысканий варьировался в зависимости от тематики постановления и, соответственно, от уровня общественной опасности, который представляло нарушение прописанной нормы поведения. Так, нарушитель Постановления № 27 «О запрете азартных игр» (вступило в силу в августе 1927 г.) подвергался «в городе штрафу до 100 рублей или принудительным работам до 1 месяца, а в сельских местностях – штрафу до 10 рублей и принудительным работам до 2 недель» [6. Л. 15]. Размер штрафа остался прежним и в 1929 г. [7. Л. 4]. Разница в объеме наказания между городом и деревней была обусловлена, в первую очередь, разницей в платежеспособности горожан и сельчан.

Такой же штраф – до 100 рублей – предусматривался в Постановлении «О мерах борьбы с пьянством» от 26 февраля 1929 г. [Там же. Л. 3]. При этом за нарушение постановлений о налогах и сборах, борьбе с лесными пожарами [8. Л. 37, 52], правил регистрации рождений и смертей [9. Л. 40] и ряда других санкции были более жесткими – штраф до 300 рублей или принудительные работы до трех месяцев.

Указанные выше суммы штрафов – суммы весьма немалые. Так, летом 1924 г. на курганском рынке «пшеница продавалась по 95 копеек – 1 рубль за пуд… крупа пшеничная 65–75 копеек, мясо коровье 12, 15, 18 копеек фунт, масло сливочное 25–28 копеек, молоко 12–13 копеек четверть, творог 3–5 копеек фунт, яйца 16–20 копеек десяток, раки 40–50 копеек сотня» [10. С. 4]. В 1926 г. за 45–85 рублей можно было купить корову, а лошадь – за 120–200 рублей [11. С. 4]. Цены постоянно варьировались, хоть и не существенно. В 1929 г. на курганском рынке средний воз березовых дров стоил 5 рублей, 1 килограмм пшеничной муки – 15 копеек, 1 кг мяса скотского средней упитанности – 1 рубль, четверть молока – 40 копеек [12. С. 4]. При этом размеры штрафов не изменялись.

Отметим, что средний заработок, например, рабочего на февраль 1926 г. составлял 32 рубля 50 копеек [13. Л. 22]. В своей заметке «Как живет рабочий» от 13 декабря 1924 г. один из корреспондентов газеты «Красный Курган» подчеркнул следующее: «Жизнь городского рабочего не так дешева, как думают многие крестьяне, и заработок не так велик. Заработная плата в среднем до 25 рублей, и вот на эти 25 рублей рабочему приходится жить целый месяц с семьей в среднем от 3–4 человек. Жизнь города каждый день требует деньги, квартирная плата, освещение, отопление, продукты питания и т.д., – своего ничего нет. Необходимо платить членские профессиональные и другие взносы, которые порой превышают установленные 4%. Кроме того, каждый рабочий состоит во всевозможных обществах… в кооперации, и по своей отзывчивости при всевозможных компаниях рабочий иногда под свое жалованье отчисляет большой процент» [14. С. 3].

Для некоторых из рабочих дополнительной статьей расхода семейного бюджета становились штрафы. Именно рабочие, конечно, в силу своей многочисленности (в Кургане численность служащих стала уступать численности рабочих к 1925 г. [15. Л. 214]), являлись основными нарушителями обязательных постановлений. По данным Курганского окрадмотдела за 1925–1926 отчетные годы среди всех нарушителей рабочие составили 30%, далее идут служащие – 20%, торговцы – 14,2% [16. Л. 43].

Для сравнения: зарплата старших и младших милиционеров была ниже, чем 40 рублей и 35 рублей соответственно, так как повышение зарплаты до этих цифр на заседании Президиума Горсовета в августе 1926 г. только обсуждалось [17. Л. 450]. В практике наложения административных взысканий в качестве штрафов фигурировали следующие суммы: например, в 1925 г. размеры штрафов колебались от 2 рублей 50 копеек до 15 рублей [18. Л. 96]; согласно циркуляру Уральского областного адмотдела от 31 мая 1929 г., «участковым надзирателям и милиционерам в рабочих поселках предоставлялось право штрафовать на месте без составления протоколов на сумму до 3 рублей лиц, нарушающих обязательное постановление о борьбе с хулиганством» [19. Л. 38]. Такое снижение размеров взысканий было продиктовано тем,

«чтобы не было больше случаев, когда люди разорялись из-за мелких правонарушений» [20. С. 16].

Отметим, что без санкций внедрить в повседневную практику новые нормы было невозможно. Методы агитации и пропаганды в лице, например, окружного печатного органа – газеты «Красный Курган», использовались, безусловно, в полной мере, но вот отдача не была сиюминутной. Примером, подтверждающим значимость наказаний, является внедрение в повседневную жизнь «Правил санитарной охраны», утвержденных Президиумом Курганского окрисполкома 14 апреля 1925 г. [21. Л. 17–20 об.]. Это довольно объемный текст из 8 страниц мелкого шрифта, где законодатель попытался охватить самый широкий круг возможных повседневных ситуаций, в которых соблюдение санитарного режима было остро необходимо. Однако никаких юридических последствий «Правила» не предполагали, поэтому рассчитывать на их добровольное выполнение не приходилось. Если действующие на тот момент обязательные постановления выполнялись не всеми и не в полной мере, то что говорить про вводимые санитарные нормы? И как без угрозы негативных последствий быстро приучить людей не бросать окурки на пол, не плевать в помещении, регулярно очищать дворы от навоза, не выплескивать из окон на улицу грязную воду и нечистоты! Именно такие и многие другие запреты и нормы, касающиеся работы продуктовых магазинов, ресторанов, парикмахерских, бань и т.д., прописывали «Правила».

Вполне закономерно, что буквально следом были разработаны два проекта обязательных постановлений, которые уже предусматривали штраф, и этот штраф был на тот момент максимальным – до 300 рублей [22. Л. 61]. Эти постановления касались правил содержания городских улиц и дворов, что дает нам основание говорить, что именно это направление санитарного регулирования было наиболее актуальным. В 1926 г. «Правила санитарной охраны» целиком приобрели форму обязательного постановления Курганского окрисполкома [23. Л. 106–107 об.].

Тем не менее на протяжении всего рассматриваемого периода внедрение обязательных постановлений, обеспечивающих соблюдение населением санитарных правил, оставалось одним из проблемных направлений административной работы в округе. Особо это касалось сельской местности. «В сельской местности хуже… свалки навоза в большом количестве вблизи домов и источников питьевой воды. И нет смысла наказывать, так как придется все население штрафовать» [18. Л. 152–152 об.]; «слабое проведение санитарных мероприятий в весенний период. Особенно факт загрязнения площадей навозом и несоблюдение мест свалки нечистот» [17. Л. 269]; «санитарное состояние особенно на селе в недопустимых условиях: свалка навоза в неуказанных местах, загрязнение улиц, питьевой воды, несоответствие требованиям к скотским могильникам…» [19. Л. 39], – такова риторика циркуляров и докладов окружного начальства, повторяющаяся из года в год (в данном случае в 1925, 1926 и 1929 гг. соответственно). Это не позволяет охарактеризовать повседневное пространство, окружавшее обывателя, благоустроенным, комфортным для проживания, а как раз наоборот.

Сведения из рассматриваемых документов подтверждаются газетными публикациями. Например, про Курган: «Многие колодцы остались нечищеными и население вынуждено ходить за водой на Тобол. Было издано обязательное постановление об уничтожении бездомных собак. И что же? Половили с неделю, а теперь опять нельзя без палки пройти по городу – собаки загрызут. Притоны ширмачей благоденствуют. Ни милиция, ни горсовет на это, по-видимому, не обращают внимания» [24. С. 4]; «на базарной площади около мельницы с осени навалены кучи мусора и навоза. Свалка продолжается и сейчас. …Наступила весна, а навоз продолжает преть, разлагаются дохлые животные, заражают воздух невыносимым зловонием, и на это никто не обращает внимания» [25. С. 4]. Добавим сюда проблемы водоснабжения и освещения городских улиц, частые пожары и острую нехватку жилых помещений, наконец, пьяниц и хулиганов, собственно все то, с чем власти пытались бороться с помощью обязательных постановлений, и мы получим довольно неблагоприятный образ города.

Уже в одном из первых своих отчетов начальник Курганского окрадмотдела подчеркнул значимость своевременного наложения санкций: «Принцип “воздействовать путем наказания на граждан тогда, когда этого требует момент”, соблюдается если не в целом, то больше чем наполовину, а это основа предотвращения дальнейших нарушений обязательных постановлений, изданных местным окрисполкомом» [26. Л. 135]. Однако реализовать заявленный принцип, как и организовать административную работу с населением на должном уровне, как показала дальнейшая практика, оказалось нелегко. Острый кадровый вопрос, неотлаженность механизмов адмнадзора, неоднозначная социально-экономическая ситуация, низкий культурный уровень населения – все это можно указать в качестве главных причин трудностей функционирования адморганов. Вот типичные для 1920-х гг. формулировки из отчетных документов, раскрывающие условия, в которых осуществлялся адмнадзор: «Административная партизанщина должна изгоняться самым решительным образом во всех ступенях аппарата. В особенности это необходимо сделать в деревне, где неправильные приемы в административной работе более всего имеют место» [26. Л. 112]; «констатируя рост хулиганства в городе, ликвидация которого силами городской милиции вследствие ее немногочисленного состава затруднительна…» [27. Л. 220]; «слабая квалификация и безынициативность милиционеров, взгляд населения как на бывшую полицию» [Там же. Л. 222].

Кадровая проблема была главным препятствием эффективности административного надзора. В частности, недостаток сотрудников. Так, в Марайском районе Курганского округа милиционер «работает один на 16 селений в среднем 7–8 тыс. человек и …ликвидировать самогоноварение, хулиганство, мелкие кражи и т.д. с указанным штатом нет никакой возможности, само население на борьбу с указанными преступлениями идет очень вяло… приходится работать сверхурочно» [28. Л. 101]. Такая же ситуация была в других районах и в самом окружном центре.

В целом, в середине 1920-х гг. в Курганской окружной милиции состояло на 40% сотрудников меньше, чем было запланировано областным руководством [16. Л. 4 об.]. Профессиональные качества сотрудников, также оставляли желать лучшего. Могли ли милиционеры, среди которых были те, кто сам нередко хорошо выпивал, дебоширил, брал взятки, совершал подлоги, превышал полномочия и т.п., быть примером для населения? Безусловно, нет. Кроме того, более чем на 60% это были крестьяне, на 70% с низшим образованием, более 80% – беспартийные [Там же. Л. 8]. Низкая заработная плата и тяжелые условия службы были главными причинами текучести милицейских кадров. И вот с таким личным составом советская власть пыталась не просто соблюдать революционную законность, но, борясь с «некоммунистическими уклонами» [29. Л. 94], воспитать нового советского человека.

«Сломать» сложившиеся у населения повседневные практики было, действительно, непросто. Например, приучить население регистрировать рождения, браки и смерти в ЗАГСах, а не в церкви. «В отношении взглядов населения на органы ЗАГС среди молодого среднего возраста… можно отметить – удовлетворительно, что же касается граждан по возрасту выше среднего и старше – смотрят еще пассивно...» [18. Л. 25], – докладывал начальник Курганского окружного адмотдела областному руководству в январе 1925 г. К тому же качество работы сотрудников ЗАГСов оставляло желать лучшего: небрежное заполнение документации, незаконные сборы с населения, отсутствие контроля над кладбищами [26]. Эти факты вкупе с сильной, как тогда говорили, «бытовой связью населения с прошлым» делали актуальным строгий контроль за исполнением обязательных постановлений о работе ЗАГСов на протяжении всего рассматриваемого десятилетия: «На эту тему надлежит обратить особое внимание адморганов, так как для популяризации указанного дела до сих пор мер принимается чрезвычайно мало, между тем как этот вопрос в настоящее время имеет актуальнейшее значение, внедряя в массы зачатки нового быта, разрушая церковную обрядность и прививая населению трезвый, лишенный всяких «таинственных» признаков взгляд на события: рождение, брак, развод» [19. Л. 22–22 об.].

И все-таки подавляющее большинство делопроизводственных документов Курганского окружного административного отдела было посвящено борьбе с самогоноварением, пьянством и хулиганством. В 1920-е гг. Курганским окрисполкомом было издано 14 обязательных постановлений по охране общественного порядка и безопасности (всего издано более 100), которые в том числе регулировали продажу спиртных напитков, предусматривали санкции за появление в общественных местах в пьяном виде, хулиганские действия и многое другое. Также запрещались, например, «устройство и организация лотерей денежных и имущественных… размножение и распространение порнографической литературы и изображений, религиозные шествия без разрешения Административного отдела… занятие магией, гаданием, знахарством и коновальством, ношение холодного оружия… стрельба в черте городских и сельских поселений… ввод собак в места общественного пользования и выпуск таковых на улицы без намордников… допущение распития в общественных местах, профессиональное нищенство, порча деревьев, скамеек, срывание цветов, афиш… верховая и в запряжке езда галопом в населенных местах…» [8. Л. 27–27 об.].

Данная тематическая группа постановлений наряду с темами налогового регулирования (17 постановлений) и санитарного надзора (13 постановлений) является одной из самых многочисленных. И это неудивительно, источники буквально «кричат» о поголовном пьянстве, неистребимости самогоноварения и, как следствие, увеличении правонарушений в целом. Например, о самогоноварении: «Зло это, в корне подтачивающее народное благосостояние и ухудшающее без того тяжелое положение страны, пустило глубокие корни в Курганском округе и продолжает развиваться. Окрисполком… постановил вести упорную борьбу с самогоном в более решительных формах» [30. Л. 69]. Значимость применения карательных санкций подчеркивалась именно в связи со сферой контроля за самогоноварением: «Что же касается борьбы с самогоном со стороны милиции, то здесь почва... вырвана из-под нее ног. Прежде всего, понижение наказания за самогоноварение создало в населении мнение о незначительности и безвредности этого вида» [18. Л. 150]. По подсчетам Г.Т. Камаловой, из всех округов Уральской области именно в Курганском округе это правонарушение было наиболее распространенным [31]. Отсюда рост правонарушений. Дополнительно Курганский окрадмотдел предлагал «снизить стоимость очищенного вина, усилить репрессии, усилить культурно-просветительскую работу в деревне» [18. Л. 150 об.].

Неизбежным следствием пьянства среди населения было хулиганство. «Общественный порядок наибольшее нарушение имел в городе... Этот вид нарушения находится в непосредственной связи с усилением пьянства, наблюдавшимся в городе в связи с удешевлением очищенного вина. Помимо этого... ознаменовалось поножовщиной в разных частях города, усилением хулиганства и даже убийством» [18. Л. 152], – такая характеристика общественного порядка в Кургане за июль–сентябрь 1925 г. дается в очередном квартальном докладе Административного отдела. Обязательные постановления как инструмент контроля негативной девиации в подобных условиях оказывались малоэффективными, ввиду чего окружным руководством был поставлен вопрос о «пересмотре всех обязательных постановлений и целесообразности применения таковых на местах в условиях данного момента» [Там же. Л. 139 об.].

В связи с этим план работы Курганского горсовета на 1926–1927 гг. предусматривал усиление борьбы с пьянством и хулиганством «путем: а) пропаганды о вреде пьянства; б) наблюдения за отпусками спиртных напитков, а также за порядками с распивочных местах; в) расширением культурно-массовой работы совместно с профессиональными, комсомольскими и общественными организациями; г) карательными административными мерами» [16. Л. 97]. Вполне оправ-

дано, учитывая не только неистребимость пьянства, но и то, что «безалкогольный досуг сознательных пролетариев должен был стать антиподом практик повседневной жизни высших слоев царской России» [32. С. 24].

В связи с разрешением с 1925 г. государственной продажи водки самогоноварение в округе существенно снизилось, самогон производился для собственного потребления, а не для продажи, но пьянство и хулиганство (или, как было написано в одном из отчетных документов «буйство» [33. Л. 52]), напротив, в разы выросло. Причем приводимые в документах Курганского окружного адмотдела цифры по количеству лиц, задержанных в общественных местах в пьяном виде, не отражали реальной картины. Как заявляли авторы, пьяных на селе не задерживали и не штрафовали – не было для этого ни средств, ни штатов [33. Л. 54]. Административный отдел, как признавалось окружное руководство, оказался неподготовленным к борьбе с этими явлениями [Там же]. А ведь эта ситуация напрямую касалась каждого жителя. Кому-то приходилось возвращаться домой поздно вечером, кто-то хотел сходить вечером в гости, горожанам хотелось в выходной день прогуляться по парку, и никому не хотелось сталкиваться с хулиганами, хотя именно это и было высоко вероятно.

На селе ситуация в плане общественной безопасности была еще хуже, чем в городе. В редакцию газеты «Красный Курган» один крестьянин написал: «Темнота непроглядная у нас в деревне. Ночью нельзя сходить к соседу: того и гляди, что получишь подзатыльник. Каждый вечер – хулиганство, драки… Хоть беги из деревни. Престольные праздники не проходят без избитых и раненых» [34. С. 3]. Подобных писем и заметок, опубликованных в газете «Красный Курган», сотни. Поэтому нисколько не удивляют следующие документальные свидетельства, как, например, заявление члена одного из районных комитетов партии в Курганский окружком с просьбой выдать ему револьвер, «так как часто приходится ходить на заседания вечерами и приходится поздно вечером ходить домой, и, кроме того, меня посылали в командировки, так что оружие мне нужно для самообороны» [29. Л. 242].

Для оценки повседневности весьма характерной, на наш взгляд, является фраза из отчета за 1926 г. о работе Курганского окрадмотдела по охране общественного порядка: «Отношение населения к пьянству, безусловно, отрицательное, так как пьянство влияет на развитие преступности и на хулиганство в особенности, но, тем не менее, пьянство не прекращается, и пьют почти все» [35. Л. 69]. Некая безысходность, которую здесь можно уловить, является доказательством распространенности среди местного населения указанной негативной девиации. Конечно, это фигура речи, все поголовно не выпивали. Тем не менее подобные высказывания оценивают пьянство и другие явления с точки зрения современника. И это особенно важно. Реконструируемая повседневность, таким образом, наполняется смыслами, исследователь начинает понимать людей того времени, в первую очередь то, как они переживали окружающую действительность, познает в итоге, по словам М.С. Кнабе, «духовно-человеческое» [36. С. 90] измерение культуры.

Итак, насаждать «новый быт» исключительно административными методами оказалось бесперспективно. «Штрафы, налагаемые в административном порядке, не помогают» [37. С. 3], – подчеркивал начальник Курганского окрадмотдела в своем докладе на Президиуме Горсовета по поводу роста случаев хулиганства в городе. Примерно с 1925 г. в документах Курганского окрадмотдела все настойчивее звучала мысль о комплексном подходе к осуществлению надзора, включая просвещение, пропаганду, привлечение общественного мнения, например, «и, кроме того, одними репрессивными мерами вряд ли можно изжить эти явления… только при повышении культурного уровня населения и продвижения санитарного просвещения в деревне» [18. Л. 152–152 об.]; «за последнее время в отношении мобилизации общественного мнения на борьбу с хулиганством мы наблюдаем громадное оживление, которое вместе с усилением карательных санкций и улучшением массовой культурной работы должно привести к ликвидации хулиганства» [16. Л. 26 об.].

Идея «усилить надзор за исполнением обязательных постановлений!» оставалась главной идеей административной работы в округе в рассматриваемое время. Это означало лучше отслеживать и больше фиксировать нарушения. Так, в первом квартале 1925 г. в целом по Кургану за нарушения или невыполнение обязательных постановлений было составлено 70 протоколов, в четвертом квартале – уже 717 протоколов [27. Л. 222]. Судя по существенному количественному росту, надзор был действительно усилен, но что именно это означало – улучшение качества работы милиции или рост негативной девиации среди горожан?

Документы Курганского окрадмотдела содержат, казалось бы, прямые свидетельства высокого уровня правонарушений в округе. Например, в 1925 г., по сравнению с предыдущим годом, «пьянство увеличилось в 9 раз, хулиганство – в 17 раз» [35. Л. 44]. Далее: «Рост хулиганства по Курганскому округу в 1925–1926 гг., по сравнению с предыдущим отчетным периодом 1924–1925 гг., составляет 422%» [16. Л. 25]. Но, ограничиваясь в качестве источников только отчетной документацией Курганского окрадмотдела, мы формируем довольно непривлекательный повседневный образ среднестатистического жителя округа – это пьющий некультурный тип, который плюет на пол в помещении, вываливает мусор на улицу нередко прямо из окна дома, пристает к прохожим, поет нецензурные песни, играет в азартные игры, дерется, портит уличные скамейки, рвет цветы с клумб, бросает камни в проезжающие поезда, одним словом хулиганит, и, конечно, варит самогон. Но подчеркнем, что это некорректные выводы. Процент нарушителей по отношению ко всему населению был незначительным. Для примера (и более точного подсчета) возьмем городское население. В 1925 г. население Кургана составляло 24 тыс. 896 человек. Курганский окрадмотдел составил за этот год 1202 протокола за нарушение обязательных постановлений (912 на мужчин и 290 на

женщин; по социальному статусу это были: 178 торговцев, 75 кустарей, 242 служащих, 275 рабочих, 68 крестьян, 180 домохозяев и 184 прочих) [35. Л. 43]. Следовательно, процент нарушителей составил 4,8 (напомним, что сюда не входят те, кто совершил уголовные правонарушения).

Как отмечалось в отчете об административной работе по Уральской области за 1925–1926 гг., «на 10 тыс. жителей Курганского округа приходится 129 административных взысканий в городе и 127 в сельской местности» [16. Л. 147 об.]. Эти показатели в сравнении с другими округами Уральской области отнюдь не свидетельствуют о высоком уровне правонарушений среди населения Курганского округа. Более того, в ряде других округов данные цифры оказываются, как правило, значительно выше, чем в Курганском округе. Так, в городах Сарапульского округа – 1348 случаев на 10 тыс. жителей, в Ишиме – 166, в Тюмени – 451; по окружным городам Уральской области этот показатель составлял в среднем 720 случаев на 10 тыс. жителей [Там же].

Исследователь, опирающийся на рассматриваемые источники, может сделать достоверные выводы относительно такого аспекта повседневности, как негативное отклоняющееся поведение населения. Зафиксировав в свое время для своих служебных целей не только количество и виды нарушений обязательных постановлений, но и социальный состав нарушителей, ранжируя их по полу и возрасту, роду занятий и месту жительства, сегодня документы Курганского окрад-мотдела дают возможность нарисовать социальный портрет жителя округа, который ввиду невыполнения прописанных норм попадал в поле зрения административного надзора. Это мужчина от 18 до 30 лет, рабочий по профессии (реже служащий), «беспартийный или не комсомолец» [16. Л. 26], русский по национальности (информация о нарушении обязательных постановлений владельцами различных учреждений типа бани, парикмахерские, кино, торговые точки и т.п. в архивном фонде Курганского окрадмотдела не обнаружена). Другие данные рассматриваемых источников отражают повседневную жизнь населения косвенно.

Итак, в июне 1929 г., когда в округе был уже накоплен серьезный опыт административного надзора, областное руководство после обследования работы адморганов, тем не менее, отметило, что «в части наблюдения за выполнением населением обязательных постановлений и наложения за нарушение последних адмвзысканий имеется много недочетов… Местными адморганами обращается внимание на соблюдение населением только некоторых постановлений, носящих наиболее злободневный характер, как то: по борьбе с хулиганством, пьянством, лесонарушениями; остальные же постановления проходят незамеченными ни населением, ни органами надзора; между тем эти постановления зачастую регулируют весьма ответственные области народной жизни, например об оспопрививании, ветеринарно-санитарном надзоре, противопожарных мероприятиях» [19. Л. 4–4 об.].

Корреспондент газеты «Красный Курган» в заметке «Кто хозяин городу» от 28 июля 1928 г., описывая обстановку в городе, сделал это, в отличие от официальных отчетов, более живописно и безапелляционно: «Вообще же надо сказать, что Горсовет издал много постановлений, но они мало выполняются. Между тем, в каждом постановлении имеется такой параграф, где точно указано, на кого возлагается наблюдение, и что налагается в невыполнение. Кажется, точно и ясно. А на деле получается туманно: строят, где кому любо. Здания возводят где, кому, какие нравятся. Купаются в любом месте. По улицам движение идет кому как вздумается. Мотористы и велосипедисты пугают коней и мало о том думают. Козы, свиньи, коровы и даже лошади гуляют по улицам в ряд с публикой» [38. С. 4].

Складывается впечатление, что вполне целесообразные намерения местных властей сделать пространство благоустроенным и безопасным для проживания, а самих граждан непьющими, законопослушными, более просвещенными, одним словом, культурными, наталкивались на некое сопротивление самих граждан. Нежелание менять привычный образ жизни связано с устойчивостью его базовых компонентов – стереотипов поведения, что в совокупности с недоверием к новой власти («население смотрело на государство одновременно как на источник и проблем, и благополучия» [39. С. 22]) неизбежно затрудняло реализацию обязательных постановлений.

Однако для руководства Курганского округа и самого города никакие трудности не могли быть оправданием, так как, говоря словами источника, «административный аппарат, являясь местом непосредственного стыка советской власти с населением, как в городе, так и в деревне, должен во всех отношениях отвечать политике Советской власти» [26. Л. 111 об.]. Эта политика в данном случае включала преобразования, которые напрямую влияли на качество и содержание каждодневного бытования людей. Санитарные требования, пожарный надзор, правила уличного движения, борьба с хулиганством в общественных местах, бродячими собаками делали пространство повседневности как минимум безопасным. Другая группа постановлений была призвана повысить урожайность сельскохозяйственных культур, предупредить эпидемии домашнего скота, сохранить леса от незаконной вырубки. Особое значение имели постановления, формировавшие новые поведенческие традиции – новые праздники, новые правила торговли, новые правила регистрации браков, новый досуг без азартных игр, гадалок и религиозных шествий и, как следствие, новая система ценностей.

Сказать, что повседневная жизнь, несмотря на все усилия органов власти, осталась неизменной, конечно, нельзя. Доказательством тому может послужить дальнейшая история региона и современное его состояние. Другие источники, в частности газета «Красный Курган», содержат множество свидетельств того, как постепенно «рушится старое, рождается новое» [34. С. 3]. Это сообщения о росте числа безбожников, случаях отказа крестьян от празднования религиозных праздников, красных свадьбах и советских крестинах, росте общественной активности женщин или, как тогда говорили, «бытовом раскрепощении жен-

щин» [40. Л. 82]. Это строительство водопровода, открытие новых больниц и фельдшерских пунктов в деревнях, мощение и освещение городских улиц, улучшение санитарной обстановки, борьба с курением и сквернословием и т.д., в целом, рост культуры поведения населения. При этом повседневность 1923–1930 гг. и проблемы, волнующие в то время местные власти и добропорядочных обывателей, оказываются, образно выражаясь, не такими уж далекими и непонятными нам сегодняшним. Подавляющее большинство норм, на страже которых стояли обязательные постановления тех лет, актуальны и сегодня.

Таким образом, делопроизводственные документы, отложившиеся в деятельности Административного отдела Курганского окрисполкома, содержат факты, которые можно использовать в реконструкции повседневной жизни местного населения. Однако воссоздаваемая картина повседневности будет однобокой, так как сведения рассматриваемых источников прежде всего характеризуют девиантное поведение жителей. Таковы источниковедческие особенности рассматриваемых текстов, обусловленные их происхождением – конкретными профессиональными задачами, выполняемыми административными структурами.

Обращение к делопроизводственным документам в качестве источников изучения повседневности, на наш взгляд, оправдано. С одной стороны, это продиктовано недоступностью или отсутствием эго-документов, которые используются как первоочередные и традиционные источники для реконструкции повседневной жизни. В архивах, особенно региональных, находки воспоминаний о 1920-х гг. редки и считаются удачей. Собираемые устные свидетельства, несмотря на свою значимость, также единичны или не всегда доступны исследователям, так как хранятся в личных коллекциях. С другой стороны, делопроизводственные документы, как мы смогли убедиться, несмотря на отмеченные выше особенности, позволяют узнать, как переживали различные повседневные ситуации современники, как они оценивали поступки окружавших их людей, пусть и с позиций власти. Но, являясь представителями таковой, сотрудники административных отделов оставались вчерашними крестьянами и рабочими, ходили по тем же улицам и рынкам, так же, как и другие жители, решали свои бытовые проблемы, также стремились приспособиться к обстоятельствам жизни и сделать свое каждодневное бытование стабильным и благоустроенным. Поэтому их мнение значимо в изучении повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Курганской области (далее ГАКО). Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 1.
2. Камалова Г.Т. Организационно-правовые основы советской милиции (1920–1923 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2007. № 4.
3. ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 12.
4. ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 43.
5. Красный Курган (Курган). 1928. 12 янв.
6. ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 59.
7. ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 127.
8. ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 6.
9. ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 163 б.
10. Красный Курган (Курган). 1924. 9 июля.
11. Красный Курган (Курган). 1926. 18 апр.
12. Красный Курган (Курган). 1929. 21 марта.
13. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (далее ГАОПДКО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 94.
14. Красный Курган (Курган). 1924. 13 декабря.
15. ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 12.
16. ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 47.
17. ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 23.
18. ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 7.
19. ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 68.
20. Турубинер А. Обязательные постановления и революционная законность // Административный вестник. 1925. № 7 (июль).
21. ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 6.
22. ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 50.
23. ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 12 а.
24. Красный Курган (Курган). 1926. 7 окт.
25. Красный Курган (Курган). 1927. 22 апр.
26. ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 8.
27. ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 19.
28. ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 21.
29. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 76.
30. ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 2.
31. Камалова Г.Т. Борьба советской милиции с нарушениями общественного порядка в годы новой экономической политики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2007. № 18.
32. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М. : Новое лит. обозрение, 2015.
33. ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 2. Д. 15.
34. Красный Курган (Курган). 1925. 2 янв.
35. ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 9.
36. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е –1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск : Наука, 2004.
37. Красный Курган (Курган). 1928. 1 сент.
38. Красный Курган (Курган). 1928. 21 июля.

39. Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология повседневности. М. : Вариант, ЦСПГИ, 2007.
40. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 797.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 сентября 2017 г.

ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF THE IMPLEMENTATION OF BINDING RESOLUTIONS IN THE CONTEXT OF EVERYDAY LIFE STUDIES (ON MATERIALS OF THE KURGAN DISTRICT IN 1923–1930)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 114–122.
DOI: 10.17223/15617793/426/14

Tatiana V. Kozelchuk, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: netanja-k@mail.ru

Keywords: history of everyday life; administrative supervision; binding resolutions; Kurgan District; deviant behavior.

The article examines the problems and mechanisms of administrative supervision over the implementation of binding resolutions as a reflection of the daily life of the population. Binding resolutions were a normative-legal instrument for the formation of values and traditions of the Soviet way of life among the population, beautification of settlements and combating violations of public order. The aim of the article is to show how binding resolutions were implemented in everyday practice, consequently, how they influenced the everyday existence of each resident, what this influence was, how significant and effective it was. The study was conducted on the materials of the Kurgan District of the Ural region in 1923–1930. The sources were first introduced into scientific circulation. They are documents of the Administrative Department of the Kurgan District Executive Committee, stored in the State Archive of Kurgan Oblast. These are legal and office documents. Documents of the Kurgan District Executive Committee, the Kurgan City Council and the materials of the newspaper *Krasny Kurgan* were also used. The main research method was the source study method. It allowed to expand the information potential of the listed documents, namely, to find a reflection of the everyday life of the population in them. A historical-systemic method helped to show the relationship and interdependence of various aspects of everyday life and the social policy of the authorities. In the study, the activities of the Administrative Department of the Kurgan District were analyzed, the difficulties in administrative supervision and their causes were identified. This information was assessed in the context of everyday life. The Kurgan District Administrative Department, which became an integral part of the Soviet militia system, was entrusted with broad powers to administratively regulate public relations in the district. The most problematic directions of administrative supervision were the introduction of sanitary rules and ensuring of public safety. Documents record the growth of drunkenness and hooliganism among the population, despite the application of measures of influence, among which the main were sanctions (fines and forced labor). The difficulties of administrative supervision were related to staffing problems, a low level of culture and a strong commitment of the population to established behavioral stereotypes. Analysis of sources allowed the author to come to a conclusion that the everyday space surrounding people was not comfortable and unsafe; the habits of the population changed slowly. The considered documents allow reconstructing the social portrait of the violator of binding resolutions more credibly. One of the features of these documents as sources is the reflection of the deviant behavior of the population as an aspect of everyday life.

REFERENCES

1. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 1. File 1. (In Russian).
2. Kamalova, G.T. (2007) Organizatsionno-pravovye osnovy sovetskoy militsii (1920–1923 gg.) [Organizational and legal foundations of the Soviet militia (1920–1923)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" – Bulletin of South Ural State University. Series "Law"*. 4.
3. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 1. File 12. (In Russian).
4. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 1. File 43. (In Russian).
5. *Krasnyy Kurgan*. (1928). 12 January.
6. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 1. File 59. (In Russian).
7. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-315. List 1. File 127 (In Russian).
8. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-315. List 1. File 6. (In Russian).
9. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-315. List 1. File 163 b. (In Russian).
10. *Krasnyy Kurgan*. (1924). 9 July.
11. *Krasnyy Kurgan*. 1926. 18 April.
12. *Krasnyy Kurgan*. 1929. 21 March.
13. State Archive of the Socio-Political Documentation of Kurgan Oblast (GAOPDKO). Fund 10. List 1. File 94. (In Russian).
14. *Krasnyy Kurgan*. (1924). 13 December.
15. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-465. List 1. File 12. (In Russian).
16. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 1. File 47. (In Russian).
17. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 1. File 23. (In Russian).
18. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 1. File 7. (In Russian).
19. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 1. File 68. (In Russian).
20. Turubiner, A. (1925) Obyazatel'nye postanovleniya i revolyutsionnaya zakonnost' [Binding resolutions and revolutionary legality]. *Administrativnyy vestnik*. 7 (July).
21. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-315. List 1. File 6. (In Russian).
22. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-315. List 1. File 50. (In Russian).
23. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-315. List 1. File 12 a. (In Russian).
24. *Krasnyy Kurgan*. (1926). 7 October.
25. *Krasnyy Kurgan*. (1927). 22 April.
26. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 1. File 8. (In Russian).
27. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 1. File 19. (In Russian).
28. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 1. File 21. (In Russian).
29. State Archive of the Socio-Political Documentation of Kurgan Oblast (GAOPDKO). Fund 10. List 1. File 76. (In Russian).
30. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 1. File 2. (In Russian).
31. Kamalova, G.T. (2007) Bor'ba sovetskoy militsii s narusheniyami obshchestvennogo poryadka v gody novoy ekonomicheskoy politiki [The struggle of the Soviet militia with violations of public order in the years of the new economic policy]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" – Bulletin of South Ural State University. Series "Law"*. 18.

32. Lebina, N. (2015) *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet daily life: norms and anomalies. From military communism to the great style]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
33. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 2. File 15. (In Russian).
34. *Krasnyy Kurgan.* (1925). 2 January.
35. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund R-464. List 1. File 9. (In Russian).
36. Ryzhenko, V.G., Nazimova, V.Sh. & Alisov, D.A. (2004) *Prostranstvo sovetskogo goroda (1920-e –1950-e gg.): teoreticheskie predstavleniya, regional'nye sotsiokul'turnye i istoriko-kul'turologicheskie kharakteristiki (na materialakh Zapadnoy Sibiri)* [The space of the Soviet city (1920s–1950s): Theoretical ideas, regional socio-cultural and historical and cultural characteristics (on the materials of Western Siberia)]. Omsk: Nauka.
37. *Krasnyy Kurgan*. (1928). 1 sent.
38. *Krasnyy Kurgan*. (1928). 21 July.
39. Lebina, N., Romanov, P. & Yarskaya-Smirnova, E. (2007) Zabota i kontrol': sotsial'naya politika v sovetskoy deystvitel'nosti, 1917–1930-e gody [Care and control: social policy in Soviet reality, 1917–1930s]. In: Romanov, P.V. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (eds) *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920–1930-kh godov: ideologiya povsednevnosti* [Soviet social policy of the 1920s–1930s: ideology of everyday life]. Moscow: Variant, TsSPGI.
40. State Archive of the Socio-Political Documentation of Kurgan Oblast (GAOPDKO). Fund 7. List 1. File 797. (In Russian).

Received: 05 September 2017

УДК 930(47)"19"

Т.Н. Кондратьева

БОРИС ФЁДОРОВИЧ ПОРШНЕВ – ЗАОЧНЫЙ УЧАСТНИК ДИСКУССИИ О ФОРМАЦИЯХ И СПОРОВ О ТОРГОВОМ КАПИТАЛИЗМЕ (НАЧАЛО 1930-х гг.)

Охарактеризованы воззрения молодого Б.Ф. Поршнева на актуальную для советской исторической науки конца 1920 – начала 1930-х гг. проблему общественно-экономических формаций и торгового капитализма. Показано, что историк хорошо знал концепцию «торгового капитализма» М.Н. Покровского и ее эволюцию. Он был детально осведомлен о дискуссии между историками-марксистами о формациях, инициированной С.М. Дубровским, и изложил свою точку зрения в докладах и неопубликованных текстах.

Ключевые слова: Б.Ф. Поршнев; С.М. Дубровский; марксизм; дискуссии; формации; торговый капитализм; способ производства.

В 1920-х гг. в советской исторической науке, находящейся в начале своего становления, господствовала концепция «торгового капитализма» М.Н. Покровского, который полагал, что в истории России развитие обеспечивалось торговым капиталом и классом торговых капиталистов [1. С. 77–221; 2. С. 59]. «Торговым капитализмом, – писал в середине 20-х гг. Н.Н. Розенталь, – называется такой общественный строй, при котором экономическое и политическое господство в обществе принадлежит классу торговых капиталистов» [3. С. 3].

Концепция М.Н. Покровского претендовала на нормативность и универсальность. Вскоре последователи М.Н. Покровского стали находить торговый капитализм во всех периодах человеческой истории. Тот же Н.Н. Розенталь в одном своем публичном выступлении говорил: «Мы имеем для античного общества уже все признаки торгового капитализма... Мы имеем перед собой типичную форму торгового капитала» [4. Ф. 238. Оп. 1. Д. 125. Л. 5–6]. С.А. Пионтковской, ученый секретарь Института истории РАНИОН, прилагавший силы к его ликвидации, замечал по поводу вышедшей в 1928 г. книги А.Н. Штрауха «Стрелецкий бунт 1628 г.»: «Этот несчастный слон написал книжку о роли торгового капитала в Московском государстве. Так выходит довольно стройно, все делал, все создавал торговый капитал, торговый капитал Демиург Истории, а, по-моему, это не так» [5. С. 419].

Историки-марксисты во главе с М.Н. Покровским разворачивали кампании против старой русской профессуры. Профессорам, по меткому выражению египтолога В.В. Струве, «поневоле приходилось становиться марксистами-ленинистами» [6. С. 114]. Между самими марксистами тоже не было единства. Постоянно шли дискуссии, абстрактные и схоластические, по поводу толкований положений (а часто цитат) Маркса, Энгельса и Ленина. В значительной степени в тех спорах причудливо преломлялась политическая борьба внутри верхушки ВКП(б). Вспомнили, что много раньше М.Н. Покровского о «торговом капитализме» писал А.А. Богданов. В начале 1920-х гг. он считался классиком. Ему еще никто не пенял за его философские расхождения с Лениным после Первой русской революции.

В основу своей периодизации всемирной истории А.А. Богданов положил, как было принято у последователей Маркса, развитие экономики и хозяйства, т.е. материального производства. «Эпоху с XI по XVIII век» он, в частности, характеризовал как «торгово-капиталистическую» [7. С. 201]. Экономику данного периода А.А. Богданов именовал «торговым капитализмом», т.е. «строем экономических отношений, при котором торговый капитал господствует, является его руководителем» [8. С. 58].

Концепция М.Н. Покровского нормативной, как видно из реплики С.А. Пионтковского, не стала. Стадиально «торговый капитализм» для большинства историков-марксистов «лежал между феодализмом и собственно капитализмом» [9. С. 32].

Одновременно марксистская советская наука считала, что в ходе истории происходила смена общественных форм, или формаций. На факультете общественных наук МГУ, где в 1921–1925 гг. обучался Б.Ф. Поршнев, в учебных планах был курс «История развития общественных форм» («История общественных формаций») [10. С. 90–91]. В учебнике П.И. Кушнера-Кнышева, самым тогда распространенном, рассматривалось четыре формации: «первобытная, родовая, феодальная и общество “торгового капитала”» [11. С. 29]. С середины 1920-х гг. вопрос о формациях приобрел особое значение. Ставшая с середины 1930-х гг. нормативной 5-членная схема истории еще не сложилась. Сам М.Н. Покровский нередко давал понять, что «торговый капитализм» – это отдельная формация, в которой торговому капиталу принадлежит политическая власть в форме абсолютизма, или самодержавия [1. С. 94, 234]. Вопросом о том, чем является торговый капитализм, стали задаваться ученики М.Н. Покровского [12. С. 206]. Многие из них считали его формацией. С 1928 г. М.Н. Покровский, как отмечает О.П. Володьков, корректировал свою концепцию [1. С. 230].

В 1928 г. была издана в новой редакции книга директора Института истории РАНИОН Д.М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (первая редакция 1907 г.), которую историки-марксисты посчитали антимарксистской и всячески осудили [13. С. 10; 14. С. 79–152]. В ходе специального обсуждения выяснилось, что до конца не определены как общественные формации «феодализм» и «капитализм». Наиболее четко проблема формаций прозвучала в выступлениях А.Д. Удальцова

и, особенно, П.И. Кушнера [14. С. 98, 105]. П.И. Кушнер сказал, что историческое развитие можно объяснить только «через общественные формации», и констатировал, что число общественных формаций марксистами «не окончательно установлено» и что о сущности некоторых формаций между ними идут споры [Там же. С. 105]. Сущность феодализма, по его мнению, «состоит в том, что мелкое производство, имеющее натуральный характер, но способное вырабатывать уже прибавочный продукт, хищнически подчинено сплоченной и необычайно сильной экономической группе, которая путем объявления своей монополией права на землю, военную силу и торговлю, заставляет мелких производителей (отчасти экономическим, отчасти внеэкономическим путем) отдавать ту или иную долю прибавочного продукта этому классу-монополисту» [Там же].

Следующий всплеск дискуссии о формациях и торговом капитализме отмечен после опубликования в 1929 г. брошюры С.М. Дубровского «К вопросу о сущности “азиатского способа производства”, феодализма, крепостничества и торгового капитала». Автор обнаружил в истории 10 укладов: хозяйство первобытного общества, патриархальное, рабовладельческое, феодальное, крепостное, хозяйство мелких производителей, капиталистическое, хозяйство переходной эпохи от капитализма к социализму, социалистическое хозяйство, хозяйство эпохи мирового коммунизма. Хотя он сам подчеркивал, что его «уклады» не следует отождествлять с формациями [15. С. 41–44], некоторые участники дискуссий (И. Минц, И. Зоркий, И. Фролов) так и поступили [9. С. 16; 16. С. 91–92, 105–106]. Другие (А. Шестаков, А. Ломакин, М. Персов) замечали, что в рамках формаций может существовать несколько укладов – старых, отмирающих, и новых, зарождающихся [16. С. 113–117, 131–132]. Особенно часто С.М. Дубровскому пеняли на то, что он развел как отдельные формации крепостничество и феодализм [17. С. 40–56]. Что касается количества формаций, то И. Фролов увидел в работах классиков марксизма их три – рабовладельческую, феодальную и капиталистическую, а А. Шестаков – четыре: «архаический коммунизм, феодализм, капитализм и социализм» [16. С. 107–109, 114]. В ходе дискуссии формацию определяли, через производственные отношения, выражаемые уровнем производительных сил, как некое развивающееся единство, «социальный организм», со своей классовой структурой и формами эксплуатации [Там же. С. 134–136].

«Эпоху торгового капитализма в ходе дискуссий отнесли теперь “к начальной фазе капиталистической формации” (А.Е. Кудрявцев) и “к эпохе перехода от феодализма к капитализму”» (Н.Н. Розенталь) [17. С. 27, 75].

В ходе дискуссии полной ясности с формациями достигнуть не удалось. Очевидно, что «пятичленная схема» еще не утвердилась, а «торговый капитализм» уже не был формацией и стал переходной эпохой.

Б.Ф. Поршнев, который неоднократно в своей научной деятельности будет возвращаться к теме формаций [18], участия в дискуссиях 1929–1930-х гг. не принимал, но определенно хорошо был с ними знаком, поскольку обучался до 1930 г. в Институте истории Комакадемии [19. С. 167], где эти дискуссии шли особенно интенсивно [20. С. 115–116]. С января 1930 по июль 1932 г. историк работал в Ростове-на-Дону, где преподавал в должности доцента кафедры всеобщей истории в Северо-Кавказском комвузе, Северо-Кавказском педагогическом институте и на открытом в 1930 г. в Ростове подготовительном отделении Института красной профессуры, руководил аспирантским семинаром в Горском научно-исследовательском институте, проводил исследования в Северо-Кавказском краевом научно-исследовательский институте марксизма-ленинизма и принимал участие в деятельности Северо-Кавказского общества историков-марксистов [4. Л. 3; 8; 19; 21. Л. 4 об., 22. Оп. 40. Д. 457. Л. 8, 14 об.]. В 1934 г. Б.Ф. Поршнев о своей преподавательской деятельности сообщал: «Педагогическая работа (1929–1933): ряд курсов и аспирантских семинаров по всеобщей истории в нескольких вузах и комвузах гг. Ростова н/Д и Москвы. Специальные и аспирантские семинары по истории Европы до эпохи промышленного капитализма и по истории докапиталистических формаций в С[еверо]-К[авказском] Краевом н[аучно]-]исследовательском] институте и С[еверо]-К[авказском] комвузе» [22. Оп. 52. Д. 13. Л. 10], «причем изучению общества первобытного, – поясняет он в другом месте, – уделял особое внимание (наряду с феодальным)» [4. Л. 2]. Там же им была подготовлена, но так и не издана обширная рукопись (объемом в 12 печ. л.) «Развитие и экономическая природа торгового капитала в XVI–XVIII вв.» (отдельные разделы были «доложены в Северо-Кавказском обществе историков-марксистов» и прочитан доклад «Проблема общественно-экономических формаций в работах Ленина и Плеханова») [23. С. 78].

Возвратившись летом 1932 г. в Москву, историк предпринял попытку поступить в аспирантуру в Академию наук, которая располагалась тогда в Ленинграде, по специальности «этнография». В письме в Академию он среди прочего писал, что в Ростове вел занятия и имеет хорошую подготовку в области «истории докапиталистических формаций» [4. Л. 2]. Экзаменаторами Б.Ф. Поршнева при поступлении в аспирантуру, которое происходило 7 октября 1932 г., были известные этнографы Е.Г. Кагаров и Н.М. Маторин. Они «сочли возможным зачислить в аспирантуру» соискателя, поскольку он, сказано в протоколе, «имеет очень основательную подготовку по истории докапиталистических формаций, необходимую при изучении этнографии народов СССР», хотя отметили «пробелы в знании этнографии народов Кавказа и нового учения о языке (Яфетическая теория)» Н.Я. Марра [Там же. Л. 4–4 об.].

Итак, ясно, что по меркам тех дней Б.Ф. Поршнев действительно хорошо разбирался в вопросе. В Ростове он, как кажется, сконцентрировался именно на этой и близкой к ней проблематике, собираясь превратить ее в научную работу. Сохранились рукописные черновики прочитанных там докладов «Необходимый и прибавочный продукт в феодальном (крепостном) хозяйстве», «Противоречия доклассового общества», «Ренты и прибыль» [24. Д. 4. Л. 100–103, 105–112]. Последняя рукопись содержит следующее

замечание: «Настоящий доклад принадлежит, как элемент, к плану моего дальнейшего исследования “Революция цен XVI–XVII вв.”. Эта работа начата мною в 1930 г. и будет закончена мною года через три» [Там же. Л. 107].

Машинописный текст о торговом капитализме сохранился в двух редакциях. Он хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Прежде всего, это законченный на 131 листе машинописный текст, титульный лист которого содержит фамилию автора «Б. Поршнев» и заголовок «К проблеме торгового капитала». Он разбит на неозаглавленные разделы, не имеет никакой авторской правки, за исключением редких (в одно-два слова) комментариев, содержит немногочисленные сноски исключительно на классиков марксизма, что свидетельствует о завершенности работы [Там же. Д. 5].

Другая редакция (153 л.) не имеет заголовка, но зато в ней сохранились, кроме первой главы, названия глав. Их шесть, все они посвящены «торговому капиталу», «капитализму», «торговли», «эксплуатации». Текст является перекомпоновкой редакции «К проблеме торгового капитализма», в ходе которой его резали ножницами, склеивали, делали дополнительные машинописные и рукописные вставки. Отдельно папка содержит большое число исписанных с двух сторон тетрадных листов, которые являются фрагментами вышеупомянутых рукописей [Там же. Д. 4]. Вероятно, эта редакция является более ранним вариантом «К проблеме торгового капитализма» либо его поздней переработкой. Очевидно, что оба текста были созданы Б.Ф. Поршневым в 1931 г. в Ростове-на-Дону, после дискуссии по книге С.М. Дубовского, ибо в текстах содержится упоминание о ней [Там же. Д. 4. Л. 121; Д. 5. Л. 1]. В работе есть отсылка к статье Г. Дементьева «Всеобщая политическая экономия», опубликованной во втором номере журнала «Проблемы марксизма» за 1931 г. [Там же. Д. 4. Л. 120]. Свой текст Б.Ф. Поршнев называет «исследованием», и он любопытен тем, что автор пытался изложить в нем не только нормативное на тот момент времени знание, но и свое понимание сформулированной марксистами проблемы [Там же. Д. 5. Л. 12].

Отличительной особенностью текстов, как было принято тогда повсеместно, является их предельная абстрактность, наличие цитат из классиков марксизма и почти полное отсутствие исторических примеров. Б.Ф. Поршнев вообще полагает, что отдельные факты, которые «привлекают к себе преимущественное внимание не только буржуазных, но наших историков хозяйства и торгового капитала», ничего не дают. «Они приобретают смысл только взятые в целом <…> как тенденция» [Там же. Л. 26]. Но в результате в тексты Б.Ф. Поршнева вообще не попало никаких фактов. Перед нами типичный для того времени образец социологии при полном отсутствии эмпирической базы.

Тексты о торговом капитализме и рукописные фрагменты, сопровождающие его, интересны еще и тем, что в переработанном и изрядно измененном виде, судя по структуре, они войдут в книгу, которую Б.Ф. Поршнев издаст в середине 1964 г. [25]. Иначе говоря, они дают возможность увидеть истоки исследовательского замысла и проследить его эволюцию.

Б.Ф. Поршнев сразу же констатирует, что после споров о «книжке Дубровского» всем ясно, что «торговый капитализм не представляет общественно-экономической формации, т.е. ему не свойствен никакой определенный способ производства» [24. Д. 5. Л. 1]. Что же такое формация, по Б.Ф. Поршневу начала 1930-х гг.? Следует отметить, что молодой историк начинает свои рассуждения не от классиков марксизма, как это было свойственно участникам дискуссии, а от Гегеля и от этимологии слова. Гегель отметил, пишет Б.Ф. Поршнев, что любое понятие может одновременно обозначать два противоположных смысла. «Мы, например, с равным правом говорим: “это человек такой-то духовной формации” и “духовная формация этого человека еще не закончилась”. То есть слово “формация” означает и строй, сформированность, как законченный процесс, и процесс незаконченный, длящийся, процесс формирования» [Там же. Д. 4. Л. 121; Д. 5. Л. 3].

Б.Ф. Поршнев подчеркивает, что формацию надо понимать как развитие – «каждая формация является лишь звеном всего необратимого ряда исторического развития». При этом он просит не путать «развитее» с изменчивостью, которая «есть простая смена качеств», и эволюцией, как линейным «процессом накопления качеств», который может быть назван еще «генезисом». Развитие – это превращение противоположностей. Развивающиеся формации отрицают одна другую – «рабовладельческая латифундия отрицается оброком, оброк отрицается барщиной». Поэтому к формациям «совершенно неприменимы формальные определения, претендующие на однозначность и постоянную тождественность с собой» [Там же. Д. 4. Л. 121; Д. 5. Л. 4, 6, 7]. Всего у Маркса Б.Ф. Поршнев находит пять формаций [Там же. Д. 4. Л. 124]. При феодализме, подчеркивает он, сохраняются «пережитки рабства» и появляются «эмбрионы буржуазной частной собственности», поэтому «основное же содержание формации не поддается никакому константному и пригодному на все случаи определению», между двумя «крайними формами» пролегает большое число «переходных ступеней [Там же. Д. 5. Л. 6]. Диалектика такова, что борющиеся и отрицающие друг друга противоположности могут войти составными частями в новую формацию, утратив былую природу. Так, римское право, утратившее античную сущность, стало важной составной чертой капиталистической формации [Там же. Л. 7]. Б.Ф. Поршнев повсеместно настаивает при этом, что под развитием не следует понимать количественные изменения, например рост товаров, производимых на рынок. Следует видеть качественные сдвиги [Там же].

При характеристике «торгового капитализма» Б.Ф. Поршнев, что естественно, часто обращается к 20-й главе III тома «Капитала» Маркса «Из истории купеческого капитала» [26. С. 355–370]. Поршнев полагает, что этот термин можно использовать (по аналогии с «эпохой крестовых походов»), если не отождествлять его ни с формацией, ни со способом производства. Затруднения возникают при определе-

нии хронологических границ явления [24. Там же. Д. 5. Л. 13]. Такой торговый капитал, занятый обменом и получением прибыли, можно найти на разных промежутках истории. Сам он упоминает и «торговую общину» Омеядов, и «финикийских купцов и ганзейцев» [Там же. Л. 14, 22]. Историк предпочитает «ограничить пока эпоху торгового капитала <…> эпохой непосредственной связи торгового капитала с промышленным», когда происходит, по его словам, «вытеснение торгового капитала как самостоятельного экономического явления», которая «таит в себе тенденцию» его «скорого конца» [Там же. Л. 13, 15]. На разных ступенях истории можно найти национальные и международные рынки, но эти рынки прошлого, не позволительно, подчеркивает он, механически отождествлять с капиталистическим «мировым» рынком, который становится таковым только в XX в. «Только в эпоху империализма капиталист любой части света получает (да и то еще не полную) возможность непосредственно и целиком ориентировать свое производство и свою экономическую политику на данные мировых бирж, ежечасно передаваемые телеграфом и радио во все уголки земного шара. Только в условиях новейшего расцвета транспортной техники класс капиталистов становится до конца мировым, поскольку может перебрасывать свои товары из любого географического пункта в любой другой с такой же легкостью, с какой средневековый ремесленник выносил свой товар на городской рынок, а рабочий класс становится мировым, поскольку это обстоятельство обеспечивает ему возможность свободной миграции» [Там же. Д. 4. Л. 15; Д. 5. Л. 15–17].

Зародившись, капиталистическое производство, подчеркивает Б.Ф. Поршнев, сразу демонстрирует тенденцию «превратиться в мировое капиталистическое хозяйство» [Там же. Д. 4. Л. 21; Д. 5. Л. 20]. Капитализм же является «единым целым», которое объединяет «три концентра – “единичное хозяйство”, “народное хозяйство” и “мировое хозяйство” <…> Они находятся между собой и в противоречии, но и в неразрывной связи» [Там же. Д. 5. Л. 24].

Торговый капитал, по Б.Ф. Поршневу, это «непрерывная борьба за различные варианты экономической географии», т.е. за новые места сбыта товаров. Оставив в стороне всю торговлю, предшествующую Великим географическим открытиям, Б.Ф. Поршнев «оставшуюся историю торгового капитала <…> до окончательной победы промышленного капитализма» делит на три части, или «стадии», которые «хронологически сменяли друг друга»: «1) Американская и африканская торговля (“трансатлантический путь”); военно-грабительские предприятия конквистадоров и купцов-авантюристов». «2) Окружной океанский восточный путь; военно-торговые предприятия с колониальными методами невероятно дешевого выменивания и скупки товаров <…> – слоновой кости, редких тканей, растений и животных, главным же образом пряностей, чаю, кофе, какао». «3) Северо-восточный европейский путь, первоначально речной и морской, а затем и сухопутный, начинающийся с Балтийского моря и Ледовитого океана, позднее же захватывающий даже придунайские страны и Балканский полуостров; чисто денежная двусторонняя торговля, устойчивое купеческое предприятие с исчезающими остатками военно-охранительной организации; вывоз предметов широкого потребления, строительных материалов и пр[очих]. продуктов сельского и лесного хозяйства; возрождение и интенсификация феодальных отношений на основе денежного хозяйства в форме крепостничества, возникновение «второго издания феодализма» в ряде прибалтийских и балканских стран» [24. Д. 4. Л. 36; Д. 5. Л. 27–28].

Эти стадии являются в определенной мере отрицанием друг друга. На каждой стадии становится все больше стран, вступивших на путь капитализма. На второй стадии многие территории Востока становятся колониями. Страны, находящиеся на разных стадиях, могут быть расположены в виде «лестницы» [Там же. Д. 4. Л. 38; Д. 5. Л. 29].

Страны, оказавшиеся в орбите действия торгового капитализма, находятся также на разных стадиях феодализма, который в них, пишет историк, «поддается грубому количественному измерению». «Под феодализмом здесь следует понимать наибольшую устойчивость в отношении “разлагающего” действия торгового капитала, т.е. общество, имеющее 1) наибольшую внешнеполитическую сопротивляемость торговому капиталу и 2) наибольшую экономическую приспособляемость к нему». Последняя декларация служит для Б.Ф. Поршнева доказательством того, что капитализм, «как тенденция», присутствует уже при феодализме. Феодализм «перерабатывает в своем развитии свойственное докапиталистической истории содержание хозяйственной деятельности в совершенно новое и противоположное, пригодное для образования капиталистического способа производства». Торговый капитализм при этом «разлагает» «неевропейский» феодализм, подготавливая наступление промышленного капитализма [Там же. Д. 4. Л. 40; Д. 5. Л. 30–31]. Мысль о том, что торговый капитализм глобально разлагает дофеодальные и феодальные общества и культуры по всему миру, Б.Ф. Поршнев повторяет многократно.

«Торговый капитал» он понимает двояко: «Во-первых <…>, наш торговый капитал есть ни что иное, как лишь способ выражения международного неравенства, т.е. что его законом является закон сочетания разнородных социально-экономических форм <…> Во-вторых, торговый капитал выполняет и функцию связи <…>, поскольку на арене поляризованных стран действуют от его имени обособившиеся агенты, имеющие своей специальностью осуществление именно связи как таковой, через движение товаров. То есть под торговым капиталом во втором смысле подразумевается попросту функционирование купеческого капитала, или шире – весь круг явлений международной торговли» [Там же. Д. 4. Л. 47–48; Д. 5. Л. 38].

«Торговый капитал, – поясняет он ниже, – это определенное общественное отношение, причем общественное отношение не индивидов, а как раз обществ, к тому же стоящих на разных ступенях исторического развития и, следовательно, вкладывающих в меновой акт совершенно различное содержание» [24. Ф. 684. К. 19. Д. 4. Л. 60].

Изначально в докапиталистическую эпоху вся торговля носит неэквивалентный (грабительский) характер. «Так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев», – цитирует он Маркса. Цель такой неэквивалентной торговли-грабежа, как «грабеж испанцами и португальцами каких-нибудь инков и ацтеков», – получение «всеобщего эквивалента», т.е. золота. «Неэквивалентный обмен для получения эквивалента, – вот содержание всей “эпохи торгового капитала”, ее внутреннее экономическое противоречие, и в нем по существу уже содержится закономерность указанных стадий развития торговли, т.е. основание всей эволюции от грабежа к торговле», пишет автор [Там же. Д. 4. Л. 42; Д. 5. Л. 31].

В ходе эволюции торговли и обмена стихийно устанавливается равновесие на товарном рынке – меновая стоимость. Торговый капитал решает задачу формирования «всеобщего характера стоимости». Рост торговли, потребность в товарах стимулируют развитие производства. Рост продаж и увеличение денежного обращения, подчеркивает Б.Ф. Поршнев, разлагает старые феодальные отношения. С появлением меновой стоимости появляется эквивалент, что приводит к «концу торгового капитализма». Капитал начинает терять интерес к торговле – она не дает ему «искомую прибыль» – и всецело отдается производству «космополитическому, или надгеографическому». Чем больше капиталистического производства, тем меньше торгового капитала. «Возможность и необходимость превращения в свою противоположность заложена уже в самых первых шагах «эпохи торгового капитала», – пишет историк. А «проблема перехода от феодализма к капитализму решается <…> только в *мировом* масштабе, только как движение «человечества», но не «общества», в смысле *отдельного* общества» [Там же. Д. 4. Л. 45–47; Д. 5. Л. 34–37].

Диалектика состоит в том, что торговый капитал одновременно и подрывает производительные силы докапиталистических обществ («мы знаем, что история торгового капитала приводит и полному исчезновению и гибели миллионов производителей, к истощению и распаду прочнейших хозяйственных систем, к гигантскому разрушению производительных сил») и развивает производительные силы внутри феодализма [Там же. Д. 4. Л. 50–51; Д. 5. Л. 38–40].

Генезис капитализма Б.Ф. Поршнев передает следующим образом. Торговый капитал – более древняя форма. Промышленный капитал не вырастает из него непосредственно. «Промышленный капитал возникает в качестве отрицания торгового, а значит, и той почвы, из которой возникает последний, т.е. международного (в указанном выше смысле) обращения». Отрицание усматривается еще и в том, что промышленный капитализм возникает как национальный и создающий первоначально национальный рынок. Он локализован в рамках стран. Это позднее, вступая в стадию империализма, он станет международным промышленным капиталом. Промышленный капитал рождается в борьбе, т.е. революции, когда для этого достаточно развиты производительные силы. Но «капитализм не механически отбрасывает предшествующую историю, а перерабатывает и, следовательно, несет ее в себе». На место эпохи промышленного капитала приходит эпоха финансового капитала [24. Д. 4. Л. 65–77].

Тексты Б.Ф. Поршнева показывают, что его очень живо интересовала обсуждаемая проблематика. Ему приходилось в Ростове, по долгу преподавателя, выступать с докладами о докапиталистических формациях и торговом капитализме. На их основе он пишет обширный, никак не меньше по объему, чем книжка С.М. Дубровского, доклад. Книга С.М. Дубровского, не будем забывать, тоже первоначально была докладом. Не исключено, что молодой и амбициозный Б.Ф. Поршнев помышлял о том, чтобы прорваться в круг признанных историков собственным оригинальным докладом или публикацией. Тот же С.М. Дубровский был старше его всего на 5 лет, а И.И. Минц – на 9. В Ростове, думается, он свой доклад зачитывал, где в это время тоже шла борьба со старой профессурой, но преимущественно с естественнонаучной. Вероятно, правильность или неправильность построений Б.Ф. Поршнева в Ростове просто некому было оценить. В Москве его тексты, которые он, возможно, и так и не решился туда посылать, никто не видел. В 1932 г., когда он вернулся в столицу, «торговый капитализм» был уже основательно дискредитирован и вытеснен из научной и идеологической повестки. В 1934 г. Б.Ф. Поршнев в одной из своих рецензий уже предупреждает от «ошибки» и «соблазна переоценить роль торгового обращения и торгового капитала» [27. С. 38].

В своих текстах Б.Ф. Поршнев не создал законченной концепции. Он нигде не дает четкого определения формации, ссылаясь на то, что константная дефиниция должна считаться механицизмом. Историк предпочитает говорить о развитии и изменчивости формаций, каждая из которых несет в себе отрицаемые элементы старой формации и нарождающиеся структуры новой. Торговый капитализм, по его мнению, не может быть формацией. Он предшествует капитализму, но не является им. Иначе говоря, Б.Ф. Поршнев не считал «торговый капитализм» начальной фазой капитализма, хотя и не говорил об этом прямо. Ибо торговый капитализм занят непродуктивной деятельностью и мировым обменом, который одновременно и обман, и грабеж. Капитализм же подразумевает продуктивную, производственную деятельность в рамках национального государства, которая со временем приобретает транснациональный, империалистический характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володьков О.П. Концепция торгового капитализма М.Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932). Омск, 2011. 568 с.
2. Кочешков Г.Н. Методологические воззрения М.Н. Покровского // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. Т. I (Гуманитарные науки). С. 57–61.
3. Розенталь Н.Н. История Европы в эпоху торгового капитализма. Л., 1927. 224 с.
4. Архив Российской Академии наук. Санкт-Петербургский филиал. Ф 222. Оп. 002. Д. 290.

5. Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. А.Л. Литвин. Казань, 2009. 516 с.
6. Горфункель А.Х. Моя школа, мои университеты… // Судьбы, учителя, Италия. Мемуары историков. М., 2009. С. 111–288.
7. Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 2: Эпоха торгового капитализма. М. : Гос. изд-во, 1920. 218 с.
8. Богданов А. Начальный курс политической экономии. Введение в политическую экономию. М. ; П. : Гос. изд-во, 1923. 10-е изд. 146 с.
9. Минц И. Доклад // Против механистических тенденций в исторической науке. М. ; Л., 1930. С. 5–37.
10. Кондратьева Т.Н. Подготовка студентов на Общественно-педагогическом отделении Факультета общественных наук МГУ (1921–1925) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 6. С. 89–94.
11. Алымов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
12. Дубровский А.М. Историк и власть. Брянск, 2005. 800 с.
13. Покровский М.Н. «Новые течения в русской исторической литературе» // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 3–17.
14. Диспут о книге Д.М. Петрушевского // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 79–152.
15. Дубровский С. Содоклад // Против механистических тенденций в исторической науке. М. ; Л., 1930. С. 38–72.
16. Прения // Против механистических тенденций в исторической науке. М. ; Л., 1930. С. 239.
17. Спорные вопросы методологии истории (дискуссия об общественных формациях) / под ред. Г. Зайделя, З. Лозинского, А. Пригожина, С. Томсинского. Л., 1930. 239 с.
18. Поршнев Б.Ф. Роль социальных революций в смене формаций // Проблемы социально-экономических формаций: историко-типологические исследования. М., 1975. С. 29–35.
19. Кондратьева Т.Н. Борис Федорович Поршнев: начало большого пути // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016. № 1. С. 156–171.
20. Никуленкова Е.В. Историческое отделение Института красной профессуры в 1920-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 108–123.
21. Архив Российской Академии наук. Ф. 1574. Оп. 4.
22. Архив Российской государственной библиотеки.
23. Самарин А.Ю. Б.Ф. Поршнев: научный консультант Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина // Библиотековедение. 2014. № 2. С. 77–85.
24. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 684. К. 19.
25. Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
26. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 1955. Т. III. 1078 с.
27. Поршнев Б.Ф. Важный участок исторической науки // Книга и пролетарская революция. 1934. № 6. С. 32–38.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 сентября 2017 г.

BORIS PORSHNEV, AN ABSENTEE PARTICIPANT IN THE DISCUSSION ON FORMATIONS AND CONTROVERSIES ABOUT MERCHANT CAPITALISM (EARLY 1930S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 123–129.
DOI: 10.17223/15617793/426/15

Tamara N. Kondratieva, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ktamara1960@yandex.ru

Keywords: Boris Porshnev; Sergey Dubrivsky; Marxism; discussions; formation; merchant capitalism; mode of production.

The aim of this article is to characterize the views of young Boris Porshnev on the problem of socio-economic formations and merchant capitalism topical for the Soviet historical science of the late 1920s and early 1930s. The research is based on the two editions of his typewritten report “On the Problem of Merchant Capital” that have significant variations and are first introduced in the scientific use and on the published materials on the discussions on the formations of 1928–1930. The author perceives the studied texts, their language and speech constructions as a derivative from the declared and dictated orientations. It is noted that the normativity immanent to the Soviet historiography was at the stage of formation, and the pantheon of unconditional authorities had not yet taken shape. This circumstance generated discussion, could lead to the marginalization of authorities, and simultaneously generate hopes for rapid academic and administrative ennobling. It also predetermined the rapid evolution of the views of historians, and often a complete rejection of the former declared beliefs. Porshnev’s texts are interesting for their non-public reaction to the contemporary academic problems. They are explored in the context of existing discussions and clarify the author’s position, identify his motives and show the evolution of his views. Porshnev was well acquainted with the discussed problems. However, he never gives a clear definition of the formation, referring to the fact that a constant definition should be considered as a mechanicalism. The historian prefers to talk about the development and inconstancy of formations, each of which has the negated elements of the old formation and the emerging structures of the new formation. In his opinion, merchant capitalism could not be a formation. Merchant capitalism precedes capitalism, but it is not capitalism. In other words, Porshnev did not consider “merchant capitalism” as the initial phase of capitalism, although he did not state this definitely, because merchant capitalism is engaged in unproductive activities and world exchange, which is both deception and robbery. Capitalism, on the other hand, implies productive, industrial activities within the framework of a nation state, which in time acquires a transnational, imperialistic character.

REFERENCES

1. Volod’kov, O.P. (2011) *Kontseptsiya torgovogo kapitalizma M.N. Pokrovskogo v sovetskoy istoricheskoy nauke (1918–1932)* [The concept of commercial capitalism by M.N. Pokrovsky in Soviet historical science (1918–1932)]. Omsk: Omsk State University.
2. Kocheshkov, G.N. (2014) Metodologicheskie vozzreniya M.N. Pokrovskogo [Methodological views of M.N. Pokrovsky]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1:I. pp. 57–61.
3. Rozental’, N.N. (1927) *Istoriya Evropy v epokhu torgovogo kapitalizma* [History of Europe in the era of commercial capitalism]. Leningrad: Priboy.
4. Archive of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg branch. Fund 222. List 002. File 290.
5. Litvin, A.L. (ed.) (2009) *Dnevnik istorika S.A. Piontkovskogo (1927–1934)* [Diary of the historian S.A. Piontkovsky (1927–1934)]. Kazan: Kazan State University.
6. Gorfunkel’, A.Kh. (2009) Moya shkola, moi universitety… [My school, my universities . . .]. In: Svanidze, A.A. (ed.) *Sud’by, uchitelya, Italiya. Memuary istorikov* [Fates, teachers, Italy. Memoirs of historians]. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.
7. Bogdanov, A. & Stepanov, I. (1920) *Kurs politicheskoy ekonomii* [The course of political economy]. Vol. 2. Moscow: Gos. izd-vo.

8. Bogdanov, A. (1923) *Nachal'nyy kurs politicheskoy ekonomii. Vvedenie v politicheskuyu ekonomiyu* [The beginner course of political economy. Introduction to political economy]. 10th ed. Moscow; Petrograd: Gos. izd-vo.
9. Mints, I. (1930) Doklad [A report]. In: Mints, I. et al. *Protiv mekhanisticheskikh tendentsiy v istoricheskoy nauke* [Against mechanistic tendencies in historical science]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
10. Kondrat'eva, T.N. (2014) Teaching Students at the Social-Pedagogical Department of the Social Science Faculty of the Moscow State University (1921–1925). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6. pp. 89–94. (In Russian).
11. Alymov, S.S. & Arzyutov, D.V. (2014) *Marksistskaya etnografiya za sem' dney: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskikh sotsial'nykh naukakh v 1920–1930-e gody* [Marxist ethnography in seven days: a meeting of ethnographers from Moscow and Leningrad and discussions in Soviet social sciences in the 1920s–1930s]. [Online] Available from: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/.
12. Dubrovskiy, A.M. (2005) *Istorik i vlast'* [A historian and power]. Bryansk: Bryansk State University.
13. Pokrovskiy, M.N. (1928) Novye techeniya v russkoy istoricheskoy literature [New trends in Russian historical literature]. *Istorik-marksist.* 7. pp. 3–17.
14. Istorik-marksist. (1928) Disput o knige D.M. Petrushevskogo [Dispute about the book of D.M. Petrushevsky]. *Istorik-marksist.* 8. pp. 79–152.
15. Dubrovskiy, S. (1930) Sodoklad [Co-report]. In: Mints, I. et al. *Protiv mekhanisticheskikh tendentsiy v istoricheskoy nauke* [Against mechanistic tendencies in historical science]. Moscow; Leningrad: Gosizdat
16. Mints, I. et al. (1930) Preniya [Debate]. In: Mints, I. et al. *Protiv mekhanisticheskikh tendentsiy v istoricheskoy nauke* [Against mechanistic tendencies in historical science]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
17. Zaydel', G., Lozinskiy, Z., Prigozhin, A. & Tomsinskiy, S. (eds) (1930) *Spornye voprosy metodologii istorii (diskussiya ob obshchestvennykh formatsiyakh)* [Controversial issues of the methodology of history (discussion about social formations)]. Leningrad: Proletariy.
18. Porshnev, B.F. (1975) Rol' sotsial'nykh revolyutsiy v smene formatsiy [The role of social revolutions in the change of formations]. In: Zhukov, M. (ed.) *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsiy: istoriko-tipologicheskie issledovaniya* [Problems of socio-economic formations: historical and typological studies]. Moscow: Nauka.
19. Kondrat'eva, T.N. (2016) Boris Fedorovich Porshnev: the beginning of great path. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University" Series: "History and Philology"*. 1. pp. 156–171. (In Russian).
20. Nikulenkova, E.V. (2014) The History Department of the Institute of Red Professors in the 1920s. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1. pp. 108–123. (In Russian).
21. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 1574. List 4. (In Russian).
22. Archive of the Russian State Library. (In Russian).
23. Samarin, A.Yu. (2014) B.F. Porshnev - the Scientific Consultant of the All-Union Library named after V.I. Lenin. *Bibliotekovedenie – Library and Information Science*. 2. pp. 77–85. (In Russian). *DOI: http://dx.doi.org/10.25281/0869-608X-2014-0-2-82-93*
24. Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 684. Box 19. (In Russian).
25. Porshnev, B.F. (1964) *Feodalizm i narodnye massy* [Feudalism and the masses]. Moscow: Nauka.
26. Marx, K. (1955) *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital. Criticism of political economy]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
27. Porshnev, B.F. (1934) Vazhnyy uchastok istoricheskoy nauki [An important section of historical science]. *Kniga i proletarskaya revolyutsiya*. 6. pp. 32–38.

Received: 14 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 130–133. DOI: 10.17223/15617793/426/16

УДК 327+327.3+327.35

Л.О. Конопьянова

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ ЯПОНИИ В СТРАНАХ АСЕАН

Рассматриваются создание и изменение подходов в Японии к официальной помощи развитию на современном этапе, а также новые возможности и механизмы, которые предоставляются непосредственно для стран АСЕАН. Исследуются ресурсы официальных источников, представленных в Японии и странах Юго-Восточной Азии, приводятся необходимые примеры и статистические данные. Раскрыта суть ОПР Японии в региональном срезе.

Ключевые слова: АСЕАН; Азия; Национальная хартия ОПР; ОПР; Япония.

Япония в течение долго периода времени находилась в состоянии внешнеполитической изоляции, что мешало ей вступить на путь модернизации, нарастить свой экономический и военно-технический потенциал. Но в последнее столетие Япония является одной из самых развитых стран Востока. Сделав акцент на экономическом развитии, Япония решила выйти на новый уровень и во внешней политике. Таким образом, было создано одно из направлений сотрудничества Японии с АСЕАН.

Японская официальная помощь развитию (ОПР) была создана на базе «Плана Маршалла», который представлял собой американскую помощь для восстановления Европы после Второй мировой войны. Для Японии появляются новые возможности развития уже в период Корейской войны (1950–1953 гг.), когда промышленность получила новые заказы и начался период восстановления. Впоследствии Страна восходящего солнца начала наращивать объем экономического сотрудничества с развивающимися странами, в частности странами Азии. В результате такой деятельности размер бюджета, выделяемого Японией на ОПР ежегодно, возрастал, и в 1989 г. Япония стала крупнейшим в мире донором ОПР, постоянно оставаясь таковым и до настоящего момента [1. С. 31]. Уже в 1992 г. была создана Хартия ОПР, включившая в себя следующие пункты:

1) необходимость в гуманитарном сотрудничестве;

2) признание взаимосвязанных отношений среди членов международного сообщества;

3) признание в заботе об окружающей среде;

4) необходимость в кооперации с развивающимися странами [2].

Создание ОПР также можно охарактеризовать наличием идеи паназианизма, т.е. расширения и укрепления позиций Японии в Восточной и Юго-Восточной Азии, превращение этого региона в главный фокус японских экономических и политических усилий [3].

В августе 2003 г. Кабинетом министров была принята новая редакция Национальной хартии ОПР. Изменение общемировых процессов заставило пересмотреть Хартию в сторону соответствия современным тенденциям глобализации, потребностям развивающихся стран и укрепления национальной политики ОПР, а также в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций:

1. Сохранение окружающей среды и развитие технологий должны осуществляться в тандеме.

2. Следует избегать любого использования ОПР в военных целях или в случае обострения международных конфликтов.

3. Следует уделять пристальное внимание тенденциям в военных расходах стран-получателей, в разработке и производстве оружия массового уничтожения и т.д.

4. Необходимо уделять пристальное внимание деятельности по содействию развития демократизации и внедрению рыночной экономики, а также по обеспечению основных прав и свобод человека в принимающей стране [4].

Безусловно, сотрудничество со странами АСЕАН является одной из самых приоритетных задач в японской ОПР. Примерно около 30% двусторонней ОПР предоставляется Японии странами АСЕАН и примерно 60% двусторонней ОПР, которую получают страны АСЕАН, поступает из Японии. Япония работает над тем, чтобы использовать ОПР для укрепления отношений и уменьшения регионального неравенства при достаточном учете таких вопросов, как укрепление экономического партнерства с регионом. 11 декабря и 12 декабря 2003 г. в Токио прошел торжественный саммит между Японией и АСЕАН. Первая встреча на высшем уровне АСЕАН, проведенная за пределами региона АСЕАН, и исторически значимая встреча на высшем уровне, она показала зрелость отношений между Японией и АСЕАН среди людей в стране и за рубежом. Япония объявила три приоритетные области сотрудничества Японии и АСЕАН (сотрудничество в целях усиления интеграции АСЕАН, сотрудничество в целях повышения экономической конкурентоспособности стран АСЕАН, включая поощрение инвестиций, сотрудничество в борьбе с терроризмом, пиратством и другими транснациональными проблемами). Ожидается, что масштабы помощи превысят 1,5 млрд долл. США в течение следующих трех лет. Кроме того, запланированы программы обмена людьми с участием примерно 40 тыс. человек на тот же период [5].

В качестве примера расширения сотрудничества можно привести развитие связей Японии с Вьетнамом. Для Вьетнама Япония важна прежде всего как партнер по торгово-экономическому и инвестиционному сотрудничеству, необходимый для реализации программ индустриализации и модернизации страны; главный источник помощи на ОПР, поставщик высоких технологий. Япония стабильно занимает первое место среди других стран по объему ОПР во Вьетнам, второе место – как торговый партнер, являясь объемным рынком для вьетнамских товаров, и третье –

четвертое место – по инвестициям [6. С. 147]. Таким образом, общая сумма японской ОПР Вьетнаму в 2009 финансовом году являлась рекордной и составила 145 613 млрд йен, т.е. около 1,56 млрд долл. [Там же. С. 163].

Япония, таким образом, являлась гарантом стабильного развития важных для нее стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Взаимозависимость выражалась в том числе в дальнейшем формировании общего пространства (Япония подписала соглашения о зонах свободной торговли практически со всеми странами АСЕАН и с самой организацией). После Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. помощь со стороны Японии (которая сама находилась в состоянии рецессии) региону возросла на 71% по сравнению с предыдущим годом. Пострадавшая от кризиса Индонезия в 1999 г. получила в общей сложности примерно 2,4 млрд долл., что составляет абсолютный рекорд для одной страны в истории японской ОПР. Таиланду были выделены 1,9 млрд долл., Малайзии – 2,2 млрд долл., Филиппинам – 1,6 млрд долл. Отдельно можно выделить Республику Корея как страну с гораздо большей экономикой, чем страны – члены АСЕАН, которая получила около 5 млрд. долл. помощи [7. С. 56–57].

В развитии валютно-финансового сотрудничества по линии АСЕАН+3 отражена в новом формате «совместного предприятия» – Чиангмайской многосторонней инициативы (ЧММИ), которая призвана минимизировать негативные последствия кризисных явлений в мировой и региональной экономике. Если ранее в двусторонние своп-соглашения вступали лишь восемь стран из 13, охватываемых форматом АСЕАН+3, то теперь к ним присоединились «новые» члены АСЕАН: Бруней, Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма. По 4,77 млрд долл. предоставляют страны – основатели АСЕАН: Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины. При необходимости любой участник пула может рассчитывать на сумму, равную своему взносу, умноженному на индивидуальный мультипликатор. К примеру, согласно этой схеме каждая страна из «первой пятерки» АСЕАН вправе претендовать примерно на 11 млрд долл. Таким образом, страны Восточной Азии – и в их числе вся «десятка» АСЕАН – последовательно объединяют усилия для защиты региона от валютно-финансовых потрясений, идущих извне. Важный мотив реализации ЧММИ – снижение финансовой зависимости от глобальных институтов и лидеров (МВФ, США) [8].

В августе 2015 г. основные договоренности были подтверждены в Куала-Лумпуре на министерской встрече АСЕАН-Япония [9]. Японская сторона подчеркнула, что будет продолжать оказывать помощь в строительстве общности АСЕАН, а также развивать сотрудничество в экономической сфере. Отмечался большой вклад японской ОПР в развитие двухсторонних отношений. Две основные программы предусматривают в ближайшие годы японские инвестиции в проекты «Япония–Меконг» и «Партнерство для качественной инфраструктуры» (около 750 млн йен) [10].

Профессор Национального института политических исследований Оцуки Кайдзиро отмечает, что благодаря ОПР Япония смогла обеспечить продовольствием население своей страны (например, производство автомобилей в Таиланде), так как ей удалось задействовать ресурсы развивающихся стран. Важным значением для Японии стало появление Международного института риса (IRRI), расположенного на Филиппинах, разработавшего высокоурожайные сорта риса; были сделаны инвестиции в развитие ирригационных систем. Но само существование и дальнейшее развитие ОПР в этом направлении будут возможны только если удастся обучить агентов, новые технологии начнут распространяться, вместе с ростом инвестиций в ирригацию и развитием маркетинга повысится прибыльность капиталовложений в перевозку и коммуникации [11].

Таким образом, можно смело сказать, что ОПР – это иностранная помощь развивающимся странам [12]. Ее рост сопровождается целым рядом метаморфоз, включая нарастающее участие в ней частных агентов в роли доноров, превращение неправительственных организаций в каналы передачи бюджетных государственных ресурсов из развитых в развивающиеся страны, возникновение государственно-частных альянсов и партнёрств с целью финансирования целевых программ, направленных на решение конкретных проблем в развивающихся странах, превращение бывших реципиентов помощи в доноров, рост целевых фондов в ресурсах межправительственных многосторонних организаций на фоне сокращения многосторонней помощи и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухаметрахимова А.Т. За и против японской ОПР: присутствие в ЦА // Вестник КазНУ. Серия востоковедения. 2011. № 1 (54). С. 31–35.
2. Ministry of Foreign Affairs of Japan. The ODA Charter. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/summary/1997/09.html (дата обращения: 13.03.2017).
3. Мосяков Д.В. «Большая Игра» в Юго-Восточной Азии. URL: http://ru.apircenter.org/archives/181 (дата обращения: 13.03.2017).
4. Japan`s ODA White paper 2003. (1) The ASEAN Countries. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2003/part1_2_1_4.html#sh_4 (дата обращения: 14.03.2017).
5. Japan`s ODA White paper 2003 Section 2. Principle of ODA Implementation. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2003/part1_2_2.html#sh_1 (дата обращения: 14.03.2017).
6. Мурашева Г.Ф. Вьетнамо-японские отношения в формате стратегического партнёрства // Политическое и экономическое развитие отдельных стран. С. 145–165. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/vietnamo-yaponskie-otnosheniya-v-formate-strategicheskogo-partnyorstva.pdf. (дата обращения: 15.03.2017).
7. Ковригин Е.Б. Япония–АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 40–74.
8. Амиров В. Истоки и эволюция Чиангмайской инициативы. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/324 (дата обращения: 13.03.2017).
9. Japan-ASEAN Ministerial Meeting. URL: http://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page3e_000360.html (дата обращения: 17.03.2017).
10. New Tokyo Strategy 2015 for Mekong-Japan Cooperation (MJC2015). URL: http://www.mofa.go.jp/files/000088538.pdf (дата обращения: 17.03.2017).

11. Nippon.com Оцука Кэйдзиро Япония: история помощи в целях развития. URL: http://www.nippon.com/ru/in-depth/a03402/ (дата обращения: 13.03.2017).
12.Университет МГИМО. ОПР Японии. URL: http://mgimo.ru/library/publications/1006085/ (дата обращения: 13.03.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 26 августа 2017 г.

JAPAN'S ODA COOPERATION WITH ASEAN COUNTRIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 130–133.
DOI: 10.17223/15617793/426/16

Lyubov O. Konopyanova, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sheliaziaka@mail.ru

Keywords: ASEAN; Asia; ODA National Charter; ODA; Japan.

This article examines the creation, role and change of approaches to Japan's Official Development Assistance (ODA) organization in recent times. It also contains new opportunities and tools provided for the ASEAN countries. This article also provides details from the official sources in Japan and in South West Asia with lots of examples and statistics. The author discloses the main point of Japan's organization in the region. The aim of the article, according to the author, is to trace how Japan is cooperating with ASEAN nowadays and how the set objectives are being reached. The author shows how Japan began to increase volumes of trade and economic cooperation with developing countries, especially with Asian countries. The author thinks that cooperation with ASEAN countries is one of the highest priorities in Japanese ODA. In the course of time, in August 2003, a new version of the ODA National Charter was passed by the Cabinet of Japan. In the document, Japan announced three priority areas of cooperation between Japan and ASEAN (cooperation to strengthen ASEAN integration, cooperation to enhance the economic competitiveness of ASEAN countries, including investment promotion, cooperation in control of terrorism, piracy and other transnational problems). It is expected that the scale of aid will exceed $1.5 billion over the next three years. In addition, some exchange programs are planned involving approximately 40,000 people for the same period. In such a manner, Japan was the guarantor of the sustainable development of important countries of East and South-East Asia. Interdependence was expressed in the further development of a common space (Japan signed agreements on free trade zones with virtually all ASEAN countries and with the organization itself). In the development of monetary and financial cooperation, ASEAN+3 is reflected in the new format of the "joint venture", the Chiang Mai Multilateral Initiative (CMMI), which is meant to minimize the negative consequences of the crisis phenomena in the global and regional economies. In such a manner, the countries of East Asia – and all the ASEAN's ten member sates – successively combine forces in the protection of the region from monetary and financial shocks coming from outside. An important motive for the implementation of CMMI is the reduction of financial dependence on global institutions and leaders (IMF, USA). The author comes to a conclusion that the Official Development Assistance is foreign aid to the developing countries. Further development of ODA will only be possible if agents are trained, new technologies begin to spread, the earning power of real assets in transportation and communications increases along with increased investment in irrigation and marketing development.

REFERENCES

1. Mukhametrakhimova, A.T. (2011) Za i protiv yaponskoy OPR: prisutstvie v TsA [Pros and Cons of Japanese ODA: the presence in Central Asia]. *Vestnik KazNU. Seriya vostokovedeniya – The KazNu Journal. Oriental Studies Edition*. 1 (54). pp. 31–35.
2. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (1997) *The ODA Charter*. [Online] Available from: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/summary/1997/09.html. (Accessed: 13.03.2017).
3. Mosyakov, D.V. (2012) *"Bol'shaya Igra" v Yugo-Vostochnoy Azii* [The "Big Game" in Southeast Asia]. [Online] Available from: http://ru.apircenter.org/archives/181. (Accessed: 13.03.2017).
4. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2003) *Japan's ODA White paper 2003. (1) The ASEAN Countries*. [Online] Available from: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2003/part1_2_1_4.html#sh_4. (Accessed: 14.03.2017).
5. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2003) *Japan's ODA White paper 2003 Section 2. Principle of ODA Implementation*. [Online] Available from: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2003/part1_2_2.html#sh_1. (Accessed: 14.03.2017).
6. Murasheva, G.F. (2010) *V'etnamo-yaponskie otnosheniya v formate strategicheskogo partnerstva* [Vietnamese-Japanese relations in the format of strategic partnership]. [Online] Available from: http://cyberleninka.ru/article/n/vietnamo-yaponskie-otnosheniya-v-formate-strategicheskogo-partnyorstva.pdf. (Accessed: 15.03.2017).
7. Kovrigin, E.B. (2014) Japan-ASEAN: Evolution of Official Development Assistance. *Prostranstvennaya ekonomika – Spacial Economics*. 2. pp. 40–74. (In Russian). DOI: 10.14530/se.2014.2.040-074
8. Amirov, V. (n.d.) *Istoki i evolyutsiya Chiangmayskoy initsiativy* [Origins and evolution of the Chiang Mai Initiative]. [Online] Available from: https://interaffairs.ru/jauthor/material/324. (Accessed: 13.03.2017).
9. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2015) *Japan-ASEAN Ministerial Meeting*. [Online] Available from: http://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page3e_000360.html. (Accessed: 17.03.2017).
10. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2015) *New Tokyo Strategy 2015 for Mekong-Japan Cooperation (MJC2015)*. [Online] Available from: http://www.mofa.go.jp/files/000088538.pdf. (Accessed: 17.03.2017).
11. Otsuka Keijiro. (2014) *Yaponiya: istoriya pomoshchi v tselyakh razvitiya* [Japan: A history of Development Assistance]. [Online] Available from: http://www.nippon.com/ru/in-depth/a03402/. (Accessed: 13.03.2017).
12. Kapitsa, L.M. & Potapova, I.R. (2013) *OPR Yaponii* [Japan's ODA]. Moscow: MGIMO-Universitet. [Online] Available from: http://mgimo.ru/library/publications/1006085/. (Accessed: 13.03.2017).

Received: 26 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 133–141. DOI: 10.17223/15617793/426/17

УДК 394

В.П. Мельников, Р.Ю. Федоров

РОЛЬ ПРИРОДНЫХ КРИОГЕННЫХ РЕСУРСОВ В ТРАДИЦИОННЫХ СИСТЕМАХ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Рассмотрены перспективы междисциплинарных исследований роли природных криогенных ресурсов (снега, льда, мерзлоты и др.) в традиционных системах жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока. Дана оценка средообразующему значению криогенных явлений. Приведен обзор примеров традиционных экологических знаний, связанных с использованием снега и льда для хранения пищи, в качестве строительного материала, в земледелии и других сферах хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: криогенные ресурсы; жизнеобеспечение; этноэкология; традиционные экологические знания; Сибирь; Дальний Восток.

Благодаря преобладанию умеренного климата и нахождению значительной части территории в арктических широтах Россия является уникальным государством с точки зрения многообразия различных природных явлений, связанных с отрицательными температурами. Более 65% территории Российской Федерации находится в криолитозоне – верхнем слое земной коры с мерзлыми породами. Для большей части территории России характерно выпадение осадков в виде снега, а также замерзание водоемов в зимний период и часть межсезонья. Криогенные условия Северной Азии не могли не сказаться на особенностях традиционной культуры и хозяйственной деятельности населяющих ее народов. Однако эта ситуация до сих пор не была осмыслена и систематически исследована современной наукой. Причина этого лежит в том, что на протяжении долгого времени низкие температуры, а также криогенные явления и процессы воспринимались в первую очередь как проявления неблагоприятных и даже враждебных человеку природных сил. Поэтому для науки более актуальными казались вопросы, связанные лишь с тем, как защитить человека от воздействий криосферы.

Осознание того, что криосфера Земли играет ключевую роль в сохранении баланса в глобальных климатических процессах и экосистемах, стало по-настоящему складываться лишь на рубеже XX и XXI вв. В последние годы новые ключевые понятия и подходы, раскрывающие значение холодного мира для человека, возникли в рамках криософии – системы научных представлений, суть которой состоит в «осознании места и роли холодной материи в происхождении и эволюции вещественно-энергетических взаимодействий, в зарождении и поддержании жизни» [1].

Криософия существенно расширила познавательные рамки изучения природных явлений, связанных с холодом, способствуя введению в научный оборот понятия «криогенные ресурсы», которое подчеркивает ценность и созидательное значение криосферы для жизни человека. Этот подход позволил по-новому взглянуть на средообразующее значение таких объектов криосферы, как мерзлота, снег, подземные, наземные и покровные льды, которые составляют значительную долю вещественно-энергетических ресурсов атмосферы, гидросферы, литосферы и биосферы, а также часть экологических природных ресурсов [2. С. 6].

Еще одной важной вехой в концептуальном осмыслении значения для человека холодного мира, который его окружает, стала разработка понятия «криоразнообразие» [1]. Под ним подразумевается многообразие существующих в природе криогенных явлений, а также физико-химических свойств объектов криосферы. До сих пор это понятие использовалось лишь в арсенале естественнонаучных исследований, однако его эвристический потенциал для гуманитарных наук, в том числе этнологии, не вызывает сомнений. Его хорошо иллюстрирует следующий пример. В языках многих коренных народов Севера отсутствуют абстрактные понятия «снег» и «лед». Вместо них существуют десятки, в то и сотни слов, характеризующих определенные агрегатные состояния, а также виды природных и антропогенных преобразований криогенных ресурсов (к примеру, в языках ненцев и чукчей отдельные слова могут означать такие специфические понятия, как «вытоптанный снег», «комок снега из под копыт оленя» и т.д.) [3. С. 115].

Таким образом, подобно антропогенным ландшафтам, можно выделить и определенные формы преобразований, а также наделения разнообразными отличительными чертами и практическими смыслами криогенных ресурсов человеком. Развитие этого направления исследований возможно лишь при формировании адекватной междисциплинарной методологической базы. В зависимости от специфики конкретных исследовательских задач она может включать в себя теоретические основы геокриологии, климатологии, экологии, этнологии, физической и социальной антропологии, а также ряда других естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. В случаях исследования роли природных криогенных ресурсов в традиционной хозяйственной деятельности отдельных локальных сообществ интегрирующую роль в их методологическом аппарате может играть этноэкология.

В качестве самостоятельного направления этнологии и антропологии этноэкология стала складываться в США и Европе во второй половине XX в. Согласно одному из первых в нашей стране определений этноэкологии, сделанному В.И. Козловым, это «научная дисциплина, расположенная на стыке этнографии с экологией человека и имеющая зоны перекрытия с этнической географией, этнической антропологией и этнической демографией. Она ставит своей задачей изучение особенностей традиционных систем жизне-

обеспечения этнических групп и этносов в целом в природных и социально-культурных условиях их обитания, а также влияние сложившихся экологических взаимосвязей на здоровье людей; изучение специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем» [4. С. 8].

Пионерные работы в области этноэкологии принадлежат американским этнологам и антропологам Г. Конклину, Ч. Фрейку и др. [5, 6]. В отечественной этнологии этноэкологические подходы начали развиваться в 1980-е гг. и первоначально нашли свое отражение в исследованиях, проводимых в Институте этнологии РАН В.И. Козловым, С.А. Арутюновым, И.И. Крупником, Н.А. Дубовой, А.Н. Ямсковым и др.

Одним из ключевых понятий в этноэкологии является жизнеобеспечение, под которым подразумевается воспроизводство элементов материальной культуры и практических навыков, непосредственно направленных на поддержание жизнедеятельности людей [7. С. 8–9]. В свою очередь система жизнеобеспечения – это «взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации, традиций потребления и распределения, т.е. экологически обусловленных форм социального поведения, которые обеспечивают человеческому коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды обитания» [8. С. 15].

Начиная с 1980-х гг. в зарубежной этнологии этноэкологический опыт определенных народов и локальных сообществ часто сводится к понятию Traditional Ecological Knowledge (Традиционные экологические знания) [9]. Под ним подразумевается «совокупность знаний и представлений о взаимодействиях живых существ (включая человека) друг с другом и окружающей средой, передаваемых посредством культурной преемственности поколений. Традиционные экологические знания являются атрибутом сообществ, которым присуща историческая преемственность практики использования природных ресурсов. Они характерны для неиндустриальных и невысокотехнологичных обществ, к которым можно отнести коренные малочисленные народы» [10].

Внутри отечественной и зарубежной этноэкологии сложился целый ряд частных направлений, связанных с адаптацией тех или иных этносов к определенным физико-географическим районам, природно-климатическим условиям и ландшафтам [11–14] и др. Отдельно можно выделить ряд работ, в которых были рассмотрены этноэкологические аспекты использования в традиционных системах жизнеобеспечения определенных природных ресурсов. Условно это направление исследований можно обозначить как «ресурсную этноэкологию». На сегодняшний день большинство публикаций, которые можно к нему отнести, связаны с изучением локальных особенностей земледельческих и промысловых форм хозяйствования, в которых сделан акцент на потреблении человеком определенных биологических ресурсов. Значительно менее изучено использование в традиционных культурах неорганических веществ, встречающихся в природе. При этом природные криогенные ресурсы никогда не становились центральным объектом специализированных исследований в области этноэкологии.

Данная статья не претендует на полноту охвата как функциональных значений криогенных ресурсов, так и народов Сибири и Дальнего Востока, которые использовали их в своих традиционных системах жизнеобеспечения. Достижение этой цели в будущем возможно лишь в случае осуществления масштабного исследования, основанного на привлечении обширных полевых материалов, а также обобщения разрозненных этнографических описаний, сделанных в разное время. Поэтому настоящую работу можно рассматривать лишь в качестве попытки наметить основные перспективы этого направления исследований. В приведенных ниже примерах рассмотрена роль природных криогенных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечении двух условных групп. К первой из них относятся коренные народы Севера – ханты, манси, ненцы, чукчи и эскимосы, ко второй – русские и другие территориально-этнографические группы восточных славян, проживающих в аграрной среде Сибири и Дальнего Востока.

Средообразующее значение. Наиболее важным, но в то же время менее всего очевидным для большинства людей является средообразующее значение криогенных ресурсов. Оно связано с функциями льда, снега, вечной мерзлоты и холода в целом, которые обеспечивают полноценную жизнедеятельность традиционных сообществ.

Верхняя часть криолитозоны (мерзлота и пластовые льды) является средообразущим компонентом территориального ресурса, который обеспечивает стабильность ландшафтов, пригодных для жизнедеятельности человека. В случае ее таянья многие освоенные человеком территории Севера ушли бы под воду или превратились в болота [2. С. 5].

Помимо объектов криосферы, обладающих средообразующим значением территориального и даже экстерриториального масштаба (примером последнего является Антарктида, криогенные процессы на территории которой влияют на уровень мирового океана и климат целых континентов), можно выделить криогенные ресурсы, формирующие среду жизнедеятельности человека, а также флоры и фауны, имеющей значение для традиционных систем жизнеобеспечения. К примеру, в зимнее время кочевые маршруты ненцев-оленеводов могут проходить на значительном удалении от водоемов ввиду того, что человек и олень получают необходимую для жизнедеятельности влагу из снега. Если представить в этой ситуации наступление абсолютно бесснежной зимы, то становится очевидным, что отсутствие хотя бы одного криогенного ресурса может привести к разрушению традиционной системы жизнеобеспечения, сложившейся в кочевом оленеводстве. Образование ледяной корки не дает возможности добывать подснежный корм зимующим травоядным животным, приводя к их массовой гибели [28. С. 9]. Поэтому для всех видов арктических животных зимние потепления и гололедица намного опаснее экстремально холодных температур [8. С. 129].

Еще одним ярким примером служит ситуация, когда повышение среднегодовых температур может препятствовать замерзанию льда рек и озер, что, в свою очередь, делает невозможным транспортное сообщение с отдельными труднодоступными населенными пунктами по зимникам. В то же время увеличение периода промерзания рек в связи с похолоданием климата способно существенно нарушить сложившиеся ранее водные пути сообщения. Примером этому может служить ситуация, когда благодаря похолоданию, наступившему в середине XVII в., сократился период навигации, связывавшей с внешним миром первый заполярный город в Сибири – Мангазею, что стало одним из факторов, способствовавших прекращению его существования [15. С. 89].

Изменения криогенных условий (режима промерзания и протаивания почв и водоемов) существенно влияют на жизнедеятельность, а также маршруты миграций промысловых животных и рыб, что, в свою очередь, не может не отразиться на традиционных системах жизнеобеспечения коренных народов Севера. Во время ледохода движение льда часто воздействует на формирование русла рек и изменение ландшафтов вдоль них, тем самым оказывая влияние на среду жизнедеятельности людей и планировку расположенных вдоль рек поселений [2. С. 6].

Масштабная эпидемия сибирской язвы, разразившаяся на Ямале летом 2016 г., продемонстрировала еще одну недостаточно изученную средообразующую роль криогенных ресурсов. По оценкам специалистов, причиной эпидемии могла стать температурная аномалия, которая способствовала увеличению глубины сезонного таяния верхнего слоя мерзлоты и перемещению спор сибирской язвы к поверхности почвы с межмерзлотными водами [16]. Эта ситуация заставляет задуматься о недостаточно изученных защитных функциях криосферы от ряда биологических опасностей.

Из приведенных выше примеров следует, что для многих северных регионов, в которых сохранились традиционные формы природопользования, высокую актуальность имеет разработка междисциплинарных критериев этноэкологической экспертизы, направленной на оценку и прогноз средообразующего значения природных криогенных ресурсов для равновесия экосистем и связанной с ними антропогенной деятельности. Их методология требует как проведения комплексных полевых исследований, которые направлены на изучение традиционных систем жизнеобеспечения локальных сообществ, так и на осуществление мониторинга состояния криогенных объектов и процессов.

Строительный материал. Использование льда и снега в качестве базового строительного материала или составного элемента строительных конструкций характерно для регионов с наиболее холодным климатом. Одним из самых известных примеров таких построек является зимнее жилище эскимосов – иглу. Оно представляет собой постройку куполообразной формы, собранную из плит, сделанных из снега или льда. Иглу имело широкое распространение среди эскимосов, живущих на территории Канады и Гренландии. Для эскимосов Северо-Восточной Азии оно не было характерным. Г.А. Меновщиков отмечал: «Азиатские эскимосы не знали, по видимому, устройства снежных жилищ типа гренландских иглу. Об этом типе жилищ у них нет никаких сведений ни в устных преданиях, ни в языке, ни в записях путешественников XVIII–XIX веков» [17. С. 44].

У народов Сибири и Дальнего Востока лед чаще всего использовался для сооружения отдельных элементов жилища. В.Г. Богоразом было описано традиционное полуподземное жилище племени чукчей керек, остов которого строился из деревянных жердей, на которые настилался дерн, «с осени оно покрывается толстым слоем снега в несколько футов толщины, ему придается круглая или прямоугольная форма, что делает его похожим на эскимосский снеговой дом» [18. С. 117]. У русского населения Севера Сибири до конца XIX в. широкое распространение имело использование льда вместо оконных стекол. «На Крайнем Севере ни слюда, ни пузыри не выдерживали сильных морозов, поэтому зимой в окна вставляли ледяные пластины. Их вырубали из речного льда и примораживали к оконному проему с наружной стороны» [19. С. 118]. Сходный прием был характерен и для проживавших поблизости манси [20. С. 122].

В этнографических описаниях быта народов Сибири также можно встретить упоминания об использовании снега и льда для сооружения сезонных опорных или ветрозащитных конструкций. Во многих русских деревнях снег использовался в качестве материала для утепления жилища. Для этих целей зимой с наветренной стороны жилых и хозяйственных построек сооружались снежные завалинки. Еще одной традиционной формой использования снега и льда в качестве строительного материала является сооружение из них коренными народами и русскими старожилами Сибири и Дальнего Востока временных жилых и хозяйственных укрытий. Чаще всего они строились в тайге или тундре охотниками или рыбаками. В традиционной культуре восточных славян сооружения из снега и льда использовались для игровых развлечений. Их наиболее известным примером служат снежные крепости и городки, которые возводились на Масленицу [21].

Во второй половине XX в. на фоне развития инженерной геокриологии ученые-мерзлотоведы заинтересовались использованием криогенных ресурсов в качестве строительных материалов. В некоторых случаях истоки технических идей, которые исследователи пытались применить в промышленных целях, лежали в народном опыте. В США практике возведения традиционного зимнего жилища эскимосов иглу обучались военные и участники полярных экспедиций. В СССР в годы Великой Отечественной войны в зимнее время снег и лед часто использовались для создания временных укрытий, фортификационных сооружений, а также ложных построек, маскирующих дзоты, блиндажи и другие военные сооружения [22. С. 27]. В 1930–1940 гг. М.М. Крыловым активно разрабатывались технологии строительства хранилищ, в которых лед одновременно служил основным строительным материалом (из него делались несущие стены хранилища) и источником холода [23. С. 43]. В настоящее

время в ряде северных стран сооружения, построенные изо льда, используются в рекреационных целях.

Средство для охлажденного хранения пищи. Еще на заре возникновения человечества неандертальцы начали хранить мясо добытых на охоте животных в ямах, вырытых в мерзлом грунте [8. С. 211]. На протяжении тысячелетий в традиционной культуре разных народов складывались различные способы применения природных криогенных ресурсов для хранения продуктов питания. Их принципы определялись как особенностями климата и природных ландшафтов, так и технологическими навыками, которые были доступны человеку на разных этапах истории. Природно-климатические условия Сибири и Дальнего Востока способствовали развитию у всех проживавших на их территории народов навыков охлажденного хранения пищи.

Исследуя традиционную экологическую культуру хантов и ненцев, В.А. Адаев отмечал, что «кроме использования естественных погодных условий, применялось замораживание добычи в ледниках или морозильных ямах. Особенно просто это делалось в районах вечной мерзлоты, где мясо достаточно было закопать на глубине непротаивающего грунта. В таких ямах тундровые ненцы хранили добытых во время массового забоя линных гусей, пойманную рыбу. Ханты использовали ледники для хранения рыбы, а также лосиного и оленьего мяса. В замороженном виде хорошо сохранялись клюква, отчасти брусника» [24. С. 109].

В ходе проведенной нами в 2012 г. этнографической экспедиции в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа проживавшие в нем ненцы отмечали, что летом для сохранения оленьего мяса у них принято использовать снег, оставшийся в горах, который смешивается с солью. В.Г. Богораз писал, что «для хранения провизии в чукотских приморских селениях всюду употреблялись подземные хранилища. Опоры в стенах они имеют из китовых костей, а вход часто представляет собой четырехугольную раму, закрывающуюся лопаткой кита» [18. С. 117].

У восточных славян, проживающих на территории Сибири и Дальнего Востока, для хранения скоропортящихся продуктов повсеместное распространение имели ледники. Следует отметить, что термин «ледник» употреблялся не во всех местностях. У отдельных этнолокальных групп русского старожильческого населения Сибири в качестве его синонима использовалось слово «погреб». Наиболее часто ледник представлял собой вырытое в земле углубление от 2 до 5 метров. Весной ледник наполняли определенным количеством льда или снега, которое могло составлять от одной трети до половины объема вырытого в земле углубления. Сверху ледник накрывался толстым деревянным настилом, поверх которого насыпалась земля или укладывался дерн. Как правило, лед или снег в подобных ледниках не таяли все лето, позволяя хранить в них длительное время мясо, рыбу, молоко и другие скоропортящиеся продукты.

Визуальный осмотр ледников и их реконструкции, сделанные по устным описаниям старожилов, указывают на вариативность их конструктивных решений и особенностей эксплуатации, сложившуюся в традиционной культуре разных территориально-этнографических групп восточных славян, проживающих на территории Сибири и Дальнего Востока. Принятие во внимание этих особенностей представляется важным для их будущего углубленного изучения и типизации, поэтому остановимся на них подробнее.

Как правило, существует несколько вариантов мест для устройства ледника. Часто он расположен под амбаром. Нередко над ледником сооружалась специальная хозяйственная постройка – «напогребица» («амбарушка» или «клетишко»), выполнявшая функцию своеобразной кладовой, конструкция которой обеспечивала внутри сухую и прохладную атмосферу. Ледники могли также устанавливать во дворе усадьбы под легким навесом или в тени деревьев [19. С. 131]. Предпочтения льду или снегу для охлаждения ледника сегодня могут варьировать даже в соседних деревнях. Предположение о том, что лед оказывался более предпочтительным материалом для поселений, находящихся вблизи водоемов, а снег – на удалении от них, современные полевые исследования, проведенные нами, не подтвердили, так как практика наполнения ледников снегом фиксировалась нами и в некоторых деревнях, расположенных на берегах рек. Возможно, это связано с тем, что на сегодняшний день значительную часть населения обследованных деревень составляют люди пожилого возраста, для которых заготовка и транспортировка льда с водоемов затруднительна. С этой ситуацией связаны инновации, зафиксированные нами в 2016 г. в ряде сел на территории Кабанского района Республики Бурятия, в которых проживает русское старожильческое население. Вместо привезенного с водоемов льда в ледник спускают пластиковые бутылки, наполненные водой из скважины или колодца. Когда наступают морозы, крышку ледника открывают, вода в бутылках замерзает и превращается в лед, который на протяжении многих месяцев не тает. Рядом с пластиковыми бутылками кладут камни, принесенные с Байкала, которые, по мнению хозяев, способствуют лучшему сохранению холода. Опрошенные нами информаторы отмечали, что этот способ оказался более практичен для пожилых людей, оставшихся жить в селах, которые не всегда могут осуществить заготовку льда на реках и озерах. Также он позволяет избежать в леднике избыточной влаги от тающего льда.

В одних поселениях конструкция ледников предусматривала специальные деревянные отсеки для снега или льда. В других лед или снег закладывались на земляное дно ледника, которое впоследствии впитывало тающую влагу. В этом случае хранившиеся в леднике продукты складывались сверху. Немаловажной деталью устройства ледника являлись способы его термоизоляции. В разных местах для нее активно использовались солома, опилки и другие материалы.

Следует отметить, что корреляция перечисленных выше вариантов устройства ледника с особенностями бытовых традиций определенных территориально-этнографических групп или природно-климатических условий регионов, в которых они проживают, никогда

не подвергались систематическому изучению. Поэтому на них важно обратить внимание в ходе будущих полевых исследований.

В России практический интерес к народному опыту использования природных криогенных ресурсов для хранения пищи стал расти в эпоху развития капитализма во второй половине XIX – начале XX в. Помимо повышения интереса к этнографии и естествознанию этому способствовало создание в 1909 г. в Санкт-Петербурге «Комитета по холодильному делу», который находился в ведении Министерства торговли. В его задачи входило изучение различных способов хранения продуктов, разработка новых холодильных устройств и приспособлений, а также содействие их производству. В этот период был издан ряд научных статей и брошюр, в которых для решения практических хозяйственных задач исследователи нередко обращались к народному опыту [25, 26] и др.

Однако уже в послевоенные годы интерес к использованию природного холода в хозяйственных целях стал снижаться ввиду все большей доступности современного морозильного оборудования, работавшего от электроэнергии. Несмотря на это, в последнее время в ряде зарубежных стран можно наблюдать возвращение интереса к использованию природных криогенных ресурсов в качестве промышленных охладителей. Это связанно с тем, что дорожающие тарифы на электроэнергию, потребляемую современным морозильным оборудованием, являются существенным фактором, увеличивающим себестоимость производства продуктов питания, что, в свою очередь, снижает их конкурентоспособность на современном рынке. Исходя из этого, изучение складывавшихся веками традиционных экологических знаний разных народов, связанных с охлажденным хранением пищи, может приобрести актуальность в свете создания инновационных энергосберегающих технологий.

Средство для получения влаги и орошения посевов. В традиционных системах жизнеобеспечения народов, проживающих на территории Арктики и Субарктики, а также в высокогорных районах, снег и лед играют важную роль в качестве источника питьевой воды. У каждого из этих народов существуют свои критерии пригодности снега или льда для употребления человеком. К примеру, в хантыйском языке существует специальное определение снега, пригодного для получения питьевой воды. Этот снег должен быть блестящим и рассыпчатым, что свидетельствует о его чистоте и, соответственно, пригодности получаемой из него воды в пищу. В жилище чукчей было принято держать специальный сосуд, наполненный льдом для получения талой питьевой воды [18. С. 121].

В традиционной культуре восточных славян издревле существовали приемы, связанные с рациональным использованием зимних осадков в земледелии. Во второй половине XIX – начале XX в. стали появляться исследования, в которых затрагивались вопросы адаптации этого народного опыта для решения практических задач агрономии и других отраслей сельского хозяйства. В 1871 г. выдающийся российский климатолог А.И. Воейков опубликовал пионерную статью «Влияние снеговой поверхности на климат», в которой затрагивались вопросы значения снега в природопользовании [27]. Помимо источника влаги, достаточный объем снежного покрова предохранял почву от глубокого промерзания, что давало возможность выращивать озимые культуры хлебов (пшеница, рожь) [28. С. 3].

П.К. Грицанов отмечал, что «зимние осадки имеют даже большее значение в хозяйстве, чем осадки весны и лета» [29. С. 1]. Исследователь связывал это с тем, что в отличие от летних осадков зимние мало подвержены испарению, и влага, которая попадает в почву во время их таянья зимой, часто имеет решающее влияние на урожайность посевов. При этом отмечалось, что они «почти целиком остаются в распоряжении человека, который и может теми или иными мерами усилить поступление влаги в почву» [Там же. С. 6].

Исходя из этого, опираясь на традиционные экологические знания, агрономами был сформулирован ряд правил, связанных с эффективным использованием зимних осадков в земледелии. К ним относилось вспахивание поля на возможно большую глубину с осени, формирование неровной пашни, которая будет способствовать задержанию снега и созданию препятствий для оттока весенних вод. Для задержания снега рекомендовалось сеять на паровом поле высокостебельные растения, включая подсолнух, кукурузу и сорго [Там же. С. 11]. Распространенным способом задержания зимних осадков на полях было вспахивание снега. Как правило, оно осуществлялось сколоченным из досок треугольником, перпендикулярно господствующим ветрам или наклону местности. Борозды проделывались на расстоянии от 6 до 20 м друг от друга. Еще одним способом задержания таящего снега являлось создание искусственных преград, включая задерживающие полосы из хвороста или деревянных щитов, земляных, снежных или ледовых насыпей, снопов соломы, а также насаждений из деревьев или кустарников [Там же. С. 21]. Весной, в случае необходимости, ускорение снеготаянья достигалось запорошением снега золой, способствовавшей поглощению большего количества солнечных лучей [28. С. 23]. Народные приемы снегозадержания получили наибольшее распространение на юге Восточной Сибири, для ряда районов которого характерен недостаток снежного покрова. Во многих случаях они привносились переселенцами из южной России и Украины, где ввиду особенностей местных природно-климатических условий подобные народные практики также имели свою актуальность.

В степных районах Южной Сибири и Северного Казахстана, для которых был часто характерен недостаток воды, для удовлетворения потребности в ней использовались так называемые снежники. Их конструктивные особенности и сфера практического применения были подробно описаны Е.Э. Бломквист: «Для скапливания снега в степи ставили высокие загородки из шестов высотой от 2 до 3,5 м и больше, связанных поперечными жердями и переплетенных прутьями. Загородку эту устраивали в форме дуги с диаметром от 10 до 30–40 м и более. Вогнутой стороной дугу обращали против господствующего ветра. За зиму внутрь загородки наметался огромный сугроб

снега, много выше самой загородки. Ранней весной хозяева снежников приезжали на свои заимки и, пока еще не началось дружное таяние снега, заваливали сугроб мятой соломой, сеном, дерном и всякой трухой, плохо пропускающей тепло, а чтобы эту покрышку не снесло ветром, набрасывали сверху жерди. При медленном таянии снега вода, образующаяся на поверхности сугроба, пропитывала всю его рыхлую массу и пушистый, рассыпчатый снег мало-помалу превращался в компактный крупнозернистый лед. Ручьи из медленно тающего льда по специально устроенному ложбинообразному скату стекали в яму; из нее по мере необходимости и брали воду. Для получения совершенно чистой воды откалывали льдины от ледяного бугра и клали для таяния в кадки. Более заботливые и бережливые хозяева собирали снеговую воду в специальные резервуары типа срубных колодцев, около них ставили колоды для поения скота. При обилии воды, помимо колодцев, рыли небольшие прудки для уток и гусей. Тут же, поближе к воде, устраивали иногда и огороды» [30. С. 293–294].

Таким образом, снежные покровы можно рассматривать в качестве важного компонента традиционных систем жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока, связанного с получением воды для бытовых и хозяйственных нужд.

Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать следующие выводы. Роль природных криогенных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечения далеко не исчерпывается описанными выше примерами. На сегодняшний день некоторые другие сферы их применения остаются практически не изученными. К примеру, отдельных исследований заслуживают сложившиеся в традиционной культуре народов Сибири и Дальнего Востока практические навыки, связанные с использованием снежных равнин и замерзших русел рек для транспортного сообщения (санные пути), а также кочевых маршрутов оленеводов. Состояние снежного покрова и следы на нем издревле давали жителям тундры и охотниками информацию о передвижении животных и людей. Исследователь Западной Сибири В.Т. Тоболяков отмечал: «Тундровая дорога ясно показывает степень благосостояния прошедшего по ней самоеда: если кочевал богач – дорога хорошо наезжена, снег вокруг вытоптан; если же тащился бедняк, то узкой лентой змеится за ним след от убогих нарт, и почти не заметны отпечатки оленьих копыт» [31. С. 110]. Опыт рассмотрения снега и льда в качестве носителей информации об окружающей среде в традиционных экологических знаниях народов Севера может быть интерпретирован в получившем развитие в последние годы новом направлении исследований – криотрассологии, в рамках которого криогенные объекты рассматриваются в качестве носителей биологической, экологической и археологической информации.

Природный холод имел широкое применение в качестве народного средства гигиены. Его основной принцип сводится к тому, что воздействие отрицательных температур на интерьер жилища или одежду человека использовалось для уничтожения вредителей и паразитов. У многих коренных народов Севера было распространено вымораживание одежды на улице. К примеру, у чукчей чистка одежды осуществляясь путем ее выколачивания на снегу и длительной просушки на холодном ветру [18. С. 109]. У русских, проживавших в Сибири, вымораживание жилища использовалось для борьбы с насекомыми-вредителями [32. С. 161].

В заключение хотелось бы обозначить некоторые перспективные направления обозначенной в статье тематики исследований, которые нуждаются в своей последовательной разработке.

Первое из них связано с изучением антропогенных аспектов криоразнообразия, присущих тем или иным традиционным культурам. В них большое значение имеют этнолингвистические исследования, связанные с изучением специфических слов и понятий, сложившихся в языках народов, населяющих территорию Арктики и Субарктики, которые отражают различные формы преобразования или наделения специфическими смыслами человеком криогенных объектов и явлений. В развитии этого направления необходимы полевые исследования, направленные на выявление локальных вариантов использования снега, льда и мерзлоты в традиционных видах хозяйственной деятельности с целью дальнейшего обобщения этого опыта и последующей систематизации сведений об антропогенных аспектах криоразнообразия.

Второе направление должно дать ответы на вопрос, насколько наличие или отсутствие того или иного природного криогенного ресурса критично для функционирования традиционной системы жизнеобеспечения определенного локального сообщества. Из приведенных выше примеров следует, что в традиционной системе жизнеобеспечения восточнославянской деревни на территории Сибири и Дальнего Востока природные криогенные ресурсы играли важную роль лишь в ее отдельных компонентах, связанных с земледелием и хранением пищи. Однако в целом можно сделать вывод о том, что для некоторых территориально-этнографических групп восточных славян, проживавших на юго-западе России, Украины и Белоруссии, отсутствие или незначительное количество природных криогенных ресурсов не являлось критичным для воспроизводства традиционной системы жизнеобеспечения. К примеру, недостаток снежных осадков в регионах с теплым климатом обусловливал применение характерных для юга приемов дождевого или паводкового орошения, а ввиду отсутствия снега или льда, для консервации мяса и рыбы широко практиковалось их копчение и вяленье. Однако в целом изменение этих компонентов кардинально не меняло общие принципы традиционной для большинства восточных славян культуры жизнеобеспечения.

Иную ситуацию можно наблюдать у коренных народов Севера. Для них изменение типичных сезонных агрегатных состояний хотя бы одного средообразующего криогенного ресурса может оказаться критичным для функционирования всей сложившейся у них традиционной системы жизнеобеспечения. Поэтому можно сделать вывод о том, что к чем более холодным природно-климатическим условиям приходилось адаптировать традиционные системы жизне-

обеспечения определенным народам, тем в большей зависимости они оказывались от природных криогенных ресурсов. Исходя из этого, напрашивается выделение основных научных направлений этноэкологической экспертизы, связанной с изучением этих проблем. С одной стороны, под ее пристальным вниманием должны находиться традиционные формы жизнеобеспечения и природопользования локальных сообществ. С другой – глобальные изменения и ритмические колебания климата, влияющие на такие криогенные процессы, как выпадение снежных осадков, изменения режима промерзания или протаивания водоемов, мерзлых почв и подземных льдов. Для изучения экологического поведения населения Севера уместны исследовательские методы, применяемые в современной этнологии и включающие проведение мониторинга традиционных форм хозяйственной деятельности посредством специализированных опросов и анкетирования, а также статистического анализа показателей, отражающих динамику традиционных видов хозяйствования (к примеру, численность и состояние здоровья поголовья оленей, объем добычи промысловых животных и рыб и т.д.). Эти материалы должны быть сопоставлены с данными мониторинга изменений окружающих криогенных условий. Организация подобной экспертизы может иметь высокое прогностическое значение. В частности, опираясь на прогноз изменений криогенных условий, можно предупредить целый ряд критических ситуаций, ставящих под угрозу функционирование традиционных систем жизнеобеспечения. В качестве инструментальной среды для региональной этноэкологической экспертизы может выступать геоинформационная система, отражающая связь динамики криогенных условий и ареалов традиционной хозяйственной деятельности.

Третьим важным направлением изучения роли природных криогенных ресурсов в системах жизнеобеспечения является поиск возможных путей адаптации традиционных экологических знаний и представлений о криоразнообразии, сложившихся в тех или иных этнических культурах, для современных разработок в сфере инновационной хозяйственной деятельности. Актуальность данного направления в первую очередь связана со сложившимся на сегодняшний день кризисом потребления человечеством природных и энергетических ресурсов. Одним из примеров этого является рост интереса к криогенным ресурсам как к источниками пресной воды. При этом он актуален не только для территории Крайнего Севера, но и для умеренных широт, где применение снежной мелиорации и других форм хозяйственного использования зимних осадков в перспективе может оказаться более рентабельным, чем использование систем искусственного орошения. Учитывая кризисные тенденции в потреблении электроэнергии, использование природных криогенных ресурсов для охлажденного хранения продуктов в промышленных масштабах может вновь получить высокую экономическую эффективность. Для решения этой задачи большой интерес представляет изучение традиционного опыта разных народов, связанного с приемами хранения пищи с помощью природного холода. При этом было бы ошибочно сводить данное направление исследований лишь к буквальному возврату к архаическим методам хозяйственной деятельности. Современные достижения, связанные с созданием новых строительных материалов, обладающих не имевшими ранее аналогов теплоизоляционными свойствами, дают возможность создания инновационных охладительных систем, для стабильного функционирования которых может быть достаточным их наполнение льдом (в том числе полученным промышленным путем) лишь несколько раз в году. Для регионов с вечной мерзлотой большую экономическую эффективность могут иметь типовые хранилища, охлаждаемые подземным холодом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что традиционные экологические знания, связанные с ролью природных криогенных ресурсов в системах жизнеобеспечения, нельзя рассматривать лишь в качестве реликтовых элементов культуры, утративших свое практическое значение. Учитывая ключевую роль криосферы Земли во многих глобальных экологических процессах, этот складывавшийся многими веками опыт чрезвычайно важен как для выживания отдельных локальных сообществ, ведущих традиционные виды хозяйствования, так и для решения ряда инновационных задач, связанных с рациональным использованием природных и энергетических ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельников В.П., Геннадиник В.Б., Брушков А.В. Аспекты криософии: криоразнообразие в природе // Криосфера Земли. 2013. Т. XVII, № 2. С. 3–11.
2. Мельников В.П. Новейшие явления, концепции, инструментарий как фундамент для старта к новым горизонтам криологии // Криосфера Земли. 2012. Т. XVI, № 4. С. 3–9.
3. Мельников В.П., Геннадиник В.Б., Федоров Р.Ю. Гуманитарные аспекты криософии // Криосфера Земли. 2016. Т. XX, № 2. С. 112–117.
4. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 3–16.
5. Conklin H. An ethnoecological approach to shifting agriculture // Transactions of the New York Academy of Sciences. 1954. Vol. 17. P. 133–142.
6. Frake C. Cultural Ecology and Ethnography // American Anthropologist. 1962. Vol. 64. P. 53–59.
7. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1983. 319 с.
8. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М. : Наука, 1989. 272 с.
9. Berkes F., Colding J., Folke C. Rediscovery of Traditional Ecological Knowledge as Adaptive Management // Ecological applications. Vol. 10, № 5 (Oct., 2000). P. 1251–1262.
10. Berkes F. Traditional Ecological Knowledge in perspective // Traditional Ecological Knowledge: Concepts and Cases. Ottawa, 1993. P. 1–9.
11. Этническая экология: Теория и практика. М. : Наука, 1991. 376 с.
12. Landscape ethnoecology: concepts of biotic and physical space. New York ; Oxford : Berghahn Books, 2012. 319 p.
13. Ямсков А.Н. История становления и развития отечественной этноэкологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 49–64.

14. Этнос и среда обитания. Сборник статей по этнической экологии. Вып. 5: Исследования систем жизнеобеспечения. М. : Старый сад, 2017. 204 с.
15. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л. : Гидрометеоиздат, 1980. Ч. 1. 163 с.
16. Попова А.Ю., Демина Ю.В., Ежлова Е.Б., Куличенко А.Н., Рязанова А.Г., Малеев В.В., Плоскирева А.А., Дятлов И.А., Тимофеев В.С., Нечепуренко Л.А., Харьков В.В. Вспышка сибирской язвы в Ямало-Ненецком автономном округе в 2016 г., эпидемиологические особенности // Проблемы особо опасных инфекций. 2016. № 4. С. 42–46.
17. Меновщиков Г.А. Эскимосы. Магадан : Магаданское книжное издательство, 1959. 147 с.
18. Богораз В.Г. Чукчи: Материальная культура. М. : ЛЕНАНД, 2016. 264 с.
19. Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX в. М. : Наука, 1981. 270 с.
20. Богордаева А.А. О русских заимствованиях в жилищах манси (историографический обзор по материалам XVIII – начала XXI вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 122.
21. Горбунов Б.В. Традиционные состязания за обладание снежной крепостью-городком как элемент народной культуры русских // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 103–115.
22. Чекотилло А.М. Применение снега, льда и мерзлых грунтов в строительных целях. М. ; Л. : Изд.-во АН СССР, 1945. 64 с.
23. Чекотилло А.М. Аккумуляторы холода // Техника молодежи. 1959. № 2. С. 43–44.
24. Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень : Вектор Бук, 2007. 240 с.
25. Бородин Н.А. Искусственное охлаждение и его применение к хранению и перевозке скоропортящихся продуктов. СПб. : Изд-во Департамента земледелия Главного управления землеустроения и земледелия, 1912. 264 с.
26. Смирновский А.А. Рациональный ледник, погреба, лабазы и ямы для хранения овощей и плодов. Л. : Мысль, 1925. 72 с.
27. Воейков А.И. Влияние снеговой поверхности на климат // Известия Русского географического общества. Географические известия. Т. 7. 1871. С. 64–68.
28. Рихтер Г.Д. Снег и его использование. М. : Знание, 1960. 31 с.
29. Грацианов П.К. О значении и способах накопления снега на полях и задержании зимних осадков. М. : Т-во И.Д. Сытина, 1911. 31 с.
30. Восточнославянский этнографический сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 806 с.
31. Тоболяков В.Т. К верховьям исчезнувшей реки. Свердловск : Работник просвещения, 1930. 120 с.
32. Аболина Л.А., Федоров Р.Ю. Особенности традиционной культуры семейских Забайкалья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 159–167.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 сентября 2017 г.

THE ROLE OF NATURAL CRYOGENIC RESOURCES IN TRADITIONAL SUBSISTENCE SYSTEMS OF THE PEOPLES OF SIBERIA AND THE FAR EAST

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 133–141.
DOI: 10.17223/15617793/426/17

Vladimir P. Melnikov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation); Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: melnikov@ikz.ru
Roman Yu. Fedorov, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation); Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: r_fedorov@mail.ru

Keywords: cryogenic resources; subsistence; ethnoecology; traditional ecological knowledge; Siberia; Far East.

The authors of the article have made an attempt to consider the role of natural cryogenic resources (snow, ice, permafrost, etc.) in traditional subsistence systems of the peoples of Siberia and the Far East. The integrating role in the methodology of the research belongs to ethnoecology which studies regularities of interactions of people and nature within various traditional cultures. More than 65% of the territory of the Russian Federation is situated in the cryolithozone, the top layer of the Earth's crust with frozen formations. Its top part (permafrost and reservoir ices) is an environment formation component of a territorial resource which provides stability of landscapes suitable for people's life. The authors give examples of how changes of cryogenic conditions (snow covers, freezing or thawing of permafrost and reservoirs) directly influence the functioning of traditional subsistence systems in different peoples. The authors, using ethnographic descriptions of the second half of the 19th – the beginning of the 21st centuries and their own field research data, have considered the traditional ecological knowledge of the peoples of Siberia and the Far East related to the use of natural cryogenic resources as a construction material, for food storage, for receiving moisture for drinking and irrigation of crops in agriculture and in some other spheres of economic activity. In the conclusion of the article the authors allocate the perspective directions of research of the role of natural cryogenic resources in traditional subsistence systems. The first of them is related to the study of the anthropogenous aspects of cryodiversity inherent to some traditional cultures. According to the authors, ethnolinguistic studies of specific words and concepts which have developed in languages of the peoples inhabiting the territory of the Arctic and the Subarctic region and reflect various transformations or specific practical meanings people give to cryogenic objects have a big importance. The second direction has to give answers about how critical the natural cryogenic resource is for functioning of a traditional subsistence system of a certain local community. The third important direction of research is the search for a possible adaptation of the traditional ecological knowledge which has developed in some ethnic cultures to modern developments in the sphere of innovative economic activity. The authors make a conclusion that the experience which has developed for centuries is extremely important both for the survival of some local communities conducting traditional kinds of subsistence and for the solution of some innovative tasks connected with the rational use of natural and energy resources.

REFERENCES

1. Mel'nikov, V.P., Gennadinik, V.B. & Brushkov, A.V. (2013) Aspekty kriosofii: krioraznoobrazie v prirode [Aspects of cryosophy: cryopreservation in nature]. *Kriosfera Zemli – Earth's Cryosphere*. XVII:2. pp. 3–11.
2. Mel'nikov, V.P. (2012) Noveyshie yavleniya, kontseptsii, instrumentariy kak fundament dlya starta k novym gorizontam kriologii [The newest phenomena, concepts, tools as the foundation for starting to new horizons of cryology]. *Kriosfera Zemli – Earth's Cryosphere*. XVI:4. pp. 3–9.
3. Mel'nikov, V.P., Gennadinik, V.B. & Fedorov, R.Yu. (2016) Humanitarian aspects of cryosophy. *Kriosfera Zemli – Earth's Cryosphere*. XX:2. pp. 112–117. (In Russian).
4. Kozlov, V.I. (1983) Osnovnye problemy etnicheskoy ekologii [The main problems of ethnic ecology]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 3–16.
5. Conklin, H. (1954) An ethnoecological approach to shifting agriculture. *Transactions of the New York Academy of Sciences*. 17. pp. 133–142.
6. Frake, C. (1962) Cultural Ecology and Ethnography. *American Anthropologist*. 64. pp. 53–59.

7. Arutyunov, S.A. & Markaryan, E.S. (eds) (1983) *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos. Opyt etnokul'turologicheskogo issledovaniya (na materialakh armyanskoy sel'skoy kul'tury)* [Culture of life support and ethnos. The experience of ethnocultural research (on the materials of the Armenian rural culture)]. Erevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR.
8. Krupnik, I.I. (1989) *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic ethnoecology]. Moscow: Nauka.
9. Berkes, F., Colding, J. & Folke, C. (2000) Rediscovery of Traditional Ecological Knowledge as Adaptive Management. *Ecological applications*. 10:5. pp. 1251–1262.
10. Berkes, F. (1993) Traditional Ecological Knowledge in perspective. In: Inglis, J.T. (ed.) *Traditional Ecological Knowledge: Concepts and Cases*. Ottawa: IDRC.
11. Kozlov, V.I. (ed.) (1991) *Etnicheskaya ekologiya: Teoriya i praktika* [Ethnic ecology: Theory and practice]. Moscow: Nauka.
12. Johnson, L.M. & Hunn, E.S. (eds) (2012) *Landscape ethnoecology: concepts of biotic and physical space*. New York; Oxford: Berghahn Books.
13. Yamskov, A.N. (2013) Istoriya stanovleniya i razvitiya otechestvennoy etnoekologii [History of the formation and development of domestic ethnoecology]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 49–64.
14. Dubova, N.A. (ed.) (2017) *Etnos i sreda obitaniya. Sbornik statey po etnicheskoy ekologii* [Ethnos and habitat. Collection of articles on ethnic ecology]. Is. 5. Moscow: Staryy sad.
15. Belov, M.I., Ovsyannikov, O.V. & Starkov, V.F. (1980) *Mangazeya. Mangazeyskiy morskoy khod* [Mangazeya. Mangazeya sea passage]. Pt. 1. Leningrad: Gidrometeoizdat.
16. Popova, A.Yu. et al. (2016) Outbreak of Anthrax in the Yamalo-Nenets Autonomous District in 2016, Epidemiological Peculiarities. *Problemy osobo opasnykh infektsiy – Problems of Particularly Dangerous Infections*. 4. pp. 42–46. (In Russian).
17. Menovshchikov, G.A. (1959) *Eskimosy* [The Eskimos]. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
18. Bogoraz, V.G. (2016) *Chukchi: Material'naya kul'tura* [The Chukchi: Material culture]. Moscow: LENAND.
19. Aleksandrov, V.A. (ed.) (1981) *Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri XVII – seredina XIX v.* [Ethnography of the Russian peasantry of Siberia in the 17th – middle of the 19th centuries]. Moscow: Nauka.
20. Bogordaeva, A.A. (2015) On Russian borrowings in Mansi dwelling (historiographic review after materials of XVIII c. — early XXI c.). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4 (31). pp. 122. (In Russian).
21. Gorbunov, B.V. (1994) Traditsionnye sostyazaniya za obladanie snezhnoy krepost'yu-gorodkom kak element narodnoy kul'tury russkikh [Traditional competitions for possession of a snow fortress-town as an element of the Russian folk culture]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 103–115.
22. Chekotillo, A.M. (1945) *Primenenie snega, l'da i merzlykh gruntov v stroitel'nykh tselyakh* [Application of snow, ice and frozen soils for construction purposes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
23. Chekotillo, A.M. (1959) Akkumulyatory kholoda [Accumulators of cold]. *Tekhnika molodezhi*. 2. pp. 43–44.
24. Adaev, V.N. (2007) *Traditsionnaya ekologicheskaya kul'tura khantov i nentsev* [Traditional ecological culture of the Khanty and the Nenets]. Tyumen: Vektor Buk.
25. Borodin, N.A. (1912) *Iskusstvennoe okhlazhdenie i ego primenenie k khraneniyu i perevozke skoroportyashchikhsya produktov* [Artificial cooling and its application to storage and transportation of perishable products]. St. Petersburg: Izd-vo Departamenta zemledeliya Glavnogo upravleniya zemleustroeniya i zemledeliya.
26. Smirnovskiy, A.A. (1925) *Ratsional'nyy lednik, pogreba, labazy i yamy dlya khraneniya ovoshchey i plodov* [Rational glacier, cellars, storages and pits for storing vegetables and fruits]. Leningrad: Mysl'.
27. Voeykov, A.I. (1871) Vliyanie snegovoy poverkhnosti na klimat [Influence of the snow surface on the climate]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva. Geograficheskie izvestiya*. 7. pp. 64–68.
28. Rikhter, G.D. (1960) *Sneg i ego ispol'zovanie* [Snow and its use]. Moscow: Znanie.
29. Gratsianov, P.K. (1911) *O znachenii i sposobakh nakopleniya snega na polyakh i zaderzhanii zimnikh osadkov* [On the significance and ways of accumulation of snow in the fields and the hold of winter precipitation]. Moscow: T-vo I.D. Sytina.
30. Tokarev, S.A. (ed.) (1956) *Vostochnoslavyanskiy etnograficheskiy sbornik* [East Slavic ethnographic collection]. Moscow: USSR AS.
31. Tobolyakov, V.T. (1930) *K verkhov'yam ischeznuvshey reki* [To the headwaters of the disappeared river]. Sverdlovsk: Rabotnik prosveshcheniya.
32. Abolina, L.A. & Fedorov, R.Yu. (2015) Particulars of traditional culture with Semejsky from Transbaikalia. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2 (29). pp. 159–167. (In Russian).

Received: 21 September 2017

УДК 329.15 (571.54) "1925″

Т.И. Морозова

КОНФЛИКТ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОМ ОБКОМЕ РКП(б): ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ (МАРТ – НОЯБРЬ 1925 г.)

Статья посвящена конфликту, возникшему в руководстве Бурят-Монгольского обкома РКП(б) в марте 1925 г., носившему латентный характер и завершившемуся только спустя восемь месяцев. На основе широкого круга источников установлены все участники этого противостояния, выявлены основные мотивы их поведения, охарактеризованы применявшиеся в ходе борьбы формальные и неформальные политические практики. Показаны итоги конфликта и сделан вывод о степени его завершенности.

Ключевые слова: РКП(б); Бурят-Монгольский обком; политические практики; борьба за власть; конфликт; М.Н. Ербанов; А.И. Оширов; М.М. Сахьянова.

Конфликты, являющиеся выражением интересов, всегда играли и продолжают играть колоссальную роль в истории человечества. Возникая на политической, экономической, социальной, этнической или религиозной почве, они отличаются друг от друга остротой, масштабами, продолжительностью, результатами и последствиями. Характер и частота происходящих в обществе конфликтов являются одновременно и индикатором его состояния, и фактором дальнейшего развития.

В СССР, где на протяжении почти семи десятилетий политическая, экономическая и социальная сферы контролировались РКП(б)–ВКП(б)–КПСС, особое значение имели конфликты внутри правящей партии. От их исхода зависели как максимум – внешняя и внутренняя политика государства, как минимум – судьбы конкретных людей.

Большое число внутрипартийных конфликтов пришлось на период новой экономической политики, когда неотъемлемой составляющей политической повседневности являлась борьба за власть. Последняя вовсе не ограничивалась противостоянием в высших эшелонах власти. В действительности она пронизывала почти все этажи партийной иерархии. Следствием этого стали многочисленные конфликты не только в Политбюро ЦК, но также в республиканских, областных, краевых, губернских, уездных и даже районных комитетах РКП(б).

В их числе – стычка, происшедшая в Бурят-Монгольском областном комитете РКП(б) в марте 1925 г. Поводом к ней стало избрание в состав обкома выходца из богатой бурятской крестьянской семьи члена партии с 1920 г. А.И. Оширова. Несогласие ряда ответственных работников, бурят по национальности, с результатами выборов привело к серьезному конфликту в областном комитете, почти восемь месяцев державшему в напряжении партийное руководство Бурят-Монгольской республики.

Существует обширная литература, позволяющая реконструировать контекст описываемых событий. Условно она подразделяется на три группы: издания об истории Бурятии в целом [1–6 и др.]; публикации о Бурят-Монгольской партийной организации [7–11]; справки, статьи и книги биографического характера об отдельных участниках конфликта [12–17]. Однако, как ни парадоксально, даже простое упоминание об этом противостоянии имеется в очень ограниченном числе публикаций.

Первым исследователем, написавшим о возникновении в 1925 г. группировки, «деятельность которой была направлена против руководства обкома партии», судя по всему, был Г.Д. Басаев. Еще в 1959 г., опираясь на документы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне – РГАСПИ), он обозначил хронологические рамки и назвал поименно четырех участников конфликта (И.С. Архинчеев, Е.И. Лосов, М.М. Пилунов и Д.М. Убуганов), а также показал решающую роль ЦК и ЦКК РКП(б) в его разрешении. Обнародование этой информации явилось важным шагом на пути к понимаю тех процессов, которые на самом деле происходили в середине 1920-х годов в руководстве Бурят-Монгольской партийной организации. В то же время, полностью доверяя официальным партийным документам, автор объяснил причины появления группировки ни чем иным, как усилением классовой борьбы в деревне и «мелкобуржуазными шатаниями» части бурятской интеллигенции [7. С. 59–61].

В более поздних публикациях Г.Д. Басаев ввел дополнительный фактический материал. В том числе показал позицию президиума Бурят-Монгольского обкома, на закрытом заседании 31 мая 1925 г. резко осудившего группу, само существование которой противоречило решению X съезда РКП(б) о запрете фракций и группировок. Однако интерпретация автором причин конфликта даже в постсоветское время не претерпела каких-либо существенных изменений [2. С. 194–196; 8. С. 143–144; 9. С. 36–38]. Невыясненной, к сожалению, осталась и позиция председателя Совнаркома Бурят-Монгольской республики М.Н. Ербанова, роли которого в политической истории Бурятии было посвящено диссертационное исследование Г.Д. Басаева.

Несколько иной взгляд на конфликт в руководстве Бурят-Монгольского обкома предложил Б.Б. Батуев. Несмотря на то, что этот сюжет был затронут им лишь попутно, автор, тем не менее, зафиксировал два важных факта: наличие у членов группировки личных мотивов, заставлявших их выступить с обвинениями в адрес обкома, и выдвижение в ходе конфликта кандидатуры М.Н. Ербанова на пост нового секретаря областного комитета [16. С. 28]. Эти обстоятельства позволяют рассматривать раскол в Бурят-Монгольском обкоме как частный случай той борьбы «кланов», которая, по мнению ряда западных исследователей, развивалась среди партийно-советской элиты в 1920–1930-е гг. (см., например: [18–19]).

Но какие именно цели преследовали отдельные члены группы, какими методами они пытались этих целей достичь, кто и когда выдвигал кандидатуру М.Н. Ербанова и почему эта попытка потерпела неудачу – эти вопросы в отечественной историографии не просто не были решены, но до сих пор даже не ставились. Между тем, представляется, что без выявления истинных мотивов каждого из участников конфликта и анализа всего спектра применявшихся ими формальных и неформальных практик поведения невозможно установить ни подлинные причины, ни истинные масштабы его последствий.

Бурят-Монгольская автономная советская социалистическая республика была образована в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК СССР от 30 мая 1923 г. путем объединения Монголо-Бурятской автономной области РСФСР и Бурят-Монгольской автономной области ДВР. Со времени создания АССР до начала 1925 г. численность проживавшего на её территории населения увеличилась с 349,8 тыс. до 455,0 тыс. человек [20. Л. 9; 21. С. 8].

Первые статистические сведения об объединенной Бурят-Монгольской партийной организации относятся к концу октября – началу ноября 1923 г. Тогда в Бурят-Монгольской АССР насчитывалось 98 партийных ячеек, в которых состояли 1238 человек [10. С. 124]. К январю 1925 г. количество ячеек выросло до 130, а общее число членов и кандидатов в члены РКП(б) – до 2108 человек [22. С. 3], что составило 0,4% населения республики. Численность состоявших в РКП(б) представителей коренного бурятского населения с ноября 1923 по январь 1925 г. увеличилась со 117 до 310 человек, или с 9,5 до 14,7% всей парторганизации [Там же. С. 6].

Для руководства созданной партийной организацией в соответствии с Уставом РКП(б) в конце августа 1923 г. было создано Бурят-Монгольское областное бюро РКП(б). Новый орган состоял из шести членов и двух кандидатов в члены. Секретарем облбюро был назначен член партии с апреля 1918 г. В.И. Трубачеев, ранее возглавлявший областной комитет РКП(б) в Монголо-Бурятской автономной области РСФСР.

Одной из важнейших задач областного бюро стала подготовка и проведение первой Бурят-Монгольской партийной конференции, которая состоялась 11–17 марта 1924 г. На заключительном заседании этого партийного форума вместо назначаемого сверху областного бюро был образованный формально избираемый снизу Бурят-Монгольский областной комитет РКП(б). Состоявшийся сразу после конференции первый пленум обкома партии для осуществления текущего руководства республикой избрал из числа своих членов постоянно действующий президиум в составе семи человек: секретаря обкома В.И. Трубачеева, заместителя председателя Бурят-Монгольского революционного комитета, члена партии с мая 1917 г. М.И. Амагаева, наркома внутренних дел республики, члена партии с июня 1917 г. М.Д. Бермана, председателя Бурят-Монгольского революционного комитета, члена партии с декабря 1917 г. М.Н. Ербанова, наркома труда республики, бывшего меньшевика И.В. Малозовского, заведующей агитпропотделом обкома, члена партии с января 1916 г. М.М. Сахьяновой и заведующего орготделом обкома, члена партии с марта 1917 г. А.Н. Широкова.

Все перечисленные, за исключением М.М. Сахьяновой, ранее являлись членами Бурятского областного бюро РКП(б) и за полгода его существования успели сработаться друг с другом. Наиболее доверительные отношения сложились, по всей видимости, между М.И. Амагаевым, М.Н. Ербановым и В.И. Трубачеевым, которые были знакомы еще со времени гражданской войны, в ходе которой все трое принимали активное участие в революционной работе на территории Бурятии. Таким образом, М.М. Сахьянова оказалась в составе президиума обкома единственным «новичком», которому нужно было знакомиться с положением дел и налаживать отношения с другими членами президиума.

В то же время из всего руководства Бурятской республики М.М. Сахьянова являлась самым старым и опытным членом партии. Она, как М.И. Амагаев, М.Н. Ербанов и В.И. Трубачеев, была родом из бурятской семьи и хорошо знала культуру и быт местного населения, но в отличие от своих товарищей первый опыт политической деятельности получила далеко за пределами Бурятии. Осенью 1915 г. в возрасте 19 лет М.М. Сахьяновна поступила вольнослушательницей на высшие женские курсы им. П.Ф. Лесгафта в Петрограде, где впервые познакомилась с революционно-настроенными студентами, вступила в РСДРП(б) и быстро втянулась в партийную работу. Летом 1917 г., уже будучи членом партии, М.М. Сахьянова была откомандирована из Петрограда в Иркутск, где в январе 1918 г. стала секретарем губкома партии. В Иркутске она вела работу по формированию первой бурятской группы РСДРП(б)–РКП(б), в которую наряду с ней вошли большевики Г.Г. Данчинов, М.Н. Ербанов, В.И. Трубачеев, И.В. Ченкиров и другие.

Однако совместная работа с коммунистами-бурятами оказалась тогда не продолжительной. В ноябре 1918 г. М.М. Сахьянова выехала во Владивосток, а в сентябре 1920 г. по линии Коминтерна была командирована в Китай, где находилась до весны 1921 г. С апреля 1921 г. она работала в Монголо-Тибетской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна в Иркутске, пока в июне того же года не заболела туберкулезом легких. После продолжительного лечения в январе 1922 г. М.М. Сахьянова была направлена в коммунистический университет им. Я.М. Свердлова в Москве. В январе 1923 г. в связи с резким ухудшением состояния здоровья М.М. Сахьянова была вынуждена оставить учебу и вернуться в Бурятию. Здесь, в Верхнеудинске, она не менее года находилась в отпуске по болезни, от которой смогла оправиться лишь к весне 1924 г.

Знание местных особенностей, теоретическая подготовка на уровне коммунистического университета и наличие у М.М. Сахьяновой опыта практической работы, в том числе в должности секретаря губкома, способствовали тому, что после откомандирования В.И. Трубачеева в ноябре 1924 г. для обучения в Москву, именно она была рекомендована Централь-

ным комитетом РКП(б) на пост секретаря Бурятского обкома. Так, спустя всего полгода после возвращения к активной работе, М.М. Сахьянова возглавила Бурят-Монгольскую областную организацию РКП(б), а остальные члены президиума обкома – бывшие члены облбюро, руководившие Бурятией со дня основания республики – оказались в её подчинении. Эта расстановка сил являлась своего рода миной замедленного действия, угрожавшей взорваться в результате малейшего столкновения.

Роль такого детонатора сыграла предпринятая М.М. Сахьяновой в марте 1925 г. попытка ввести в состав областного комитета РКП(б) своего супруга – наркома земледелия Бурят-Монгольской АССР, члена областной контрольной комиссии А.И. Оширова. Последний был на четыре года моложе М.М. Сахьяновой и происходил из семьи зажиточного бурятского крестьянина. По сведениям, приведенным в автобиографии А.И. Оширова, датированной 26 октября 1923 г., во время Февральской революции 1917 г. он учился в седьмом классе промышленного училища в Иркутске. Зимой 1917/1918 г. из-за конфликта с преподавательским составом и администрацией этого учебного заведения А.И. Оширов был вынужден временно оставить учебу. Спустя несколько месяцев, весной 1918 г., он экстерном сдал выпускной экзамен, а осенью 1918 г. поступил в Томский технологический институт, где позднее, по его словам, примкнул к большевикам [23. Л. 6–7].

Других сведений о своей жизни и деятельности во время гражданской войны А.И. Оширов не приводил, настаивая на том, что на военной службе он никогда не состоял. Единственным официальным документом, позволяющим иначе оценить этот период его жизни, является анкета, собственноручно заполненная А.И. Ошировым 13 октября 1930 г. для Коммунистического университета трудящихся Востока. В ней на вопрос о службе в «войсках или учреждениях белых правительств» А.И. Оширов ответил, что весной 1919 г. в Томске около 10 дней служил «в армии Колчака» [24. Л. 1].

Не совпадает в источниках также информация о времени официального вступления А.И. Оширова в РКП(б). По одним данным, он был принят в партию в декабре 1919 г. [23. Л. 3 об.; 25. Л. 19 об.], по другим – в январе 1920 г. [23. Л. 5 об.; 26. Л. 5]. Но, так или иначе, с самого начала 1920-х гг. А.И. Оширов постоянно находился на партийно-советской работе: с января 1920 г. в должности председателя Курумчинского хошисполкома, с августа 1921 г. – председателя Селенгинского, а с мая 1923 г. – Эхирит-Булагатского айисполкома Советов, затем – заведующего земельным отделом исполкома Советов в Монголо-Бурятской автономной области РСФСР и, наконец, наркома земледелия Бурят-Монгольской республики. Столь быстрый карьерный рост А.И. Оширова был обусловлен в первую очередь острым недостатком партийных кадров из числа коренного населения. В этой ситуации наличие партийного билета, элементарная грамотность и политическая подготовка хотя бы на уровне марксистского кружка делали почти любого представителя национальных меньшинств в высшей степени востребованным работником.

Поэтому, когда в марте 1924 г. первая областная партийная конференция в соответствии с Уставом РКП(б) наряду с областным комитетом РКП(б) избирала также областную контрольную комиссию, А.И. Оширов оказался включен в вынесенный на голосование список. Однако в ходе обсуждения последнего кандидатура А.И. Оширова впервые вызвала серьезные разногласия. Некоторые делегаты конференции, включая супругу секретаря обкома В.И. Трубачеева – члена ЦИК Бурятской АССР В.А. Трубачееву, высказались против, указывая на его непролетарское происхождение и непродолжительный партийный стаж. Тогда, в условиях дефицита национальных партийных кадров, эти аргументы не помешали А.И. Оширову быть избранным членом контрольной комиссии. Но всего год спустя его положение заметно изменилось. Когда накануне второй областной конференции, намеченной на 10–15 марта 1925 г., фамилия А.И. Оширова была включена в список кандидатов на избрание в члены обкома, его воспринимали уже не столько как сына кулака, сколько как мужа секретаря обкома.

Изучение персонального состава партийных и советских органов Бурят-Монгольской АССР середины 1920-х годов позволяет утверждать, что на самом деле избрание на руководящие должности друзей и родственников ответственных работников было обычной практикой. Это объяснялось как патриархальной традицией, так и малочисленностью элементарно и политически грамотных кадров, особенно из числа бурятского населения. Более того, областные и/или краевые комитеты РКП(б) всегда состояли из секретарей нижестоящих партийных организаций, а также руководителей наиболее важных советских и хозяйственных органов соответствующего уровня. Поэтому предложение избрать в состав Бурят-Монгольского обкома партии наркома земледелия республики выглядело вполне закономерным.

Однако стремление М.М. Сахьяновой сделать А.И. Оширова членом областного комитета, по всей вероятности, было расценено некоторыми представителями партийно-советского руководства Бурят-Монгольской АССР как попытка укрепления политических позиций в противовес более «старым» членам обкома. Стремясь не допустить этого, ответственные работники, исключительно буряты по национальности, заговорили о необходимость отвода кандидатуры А.И. Оширова. В первый день работы областной партийной конференции председатель Совнаркома Бурят-Монгольской республики М.Н. Ербанов сообщил об этих разговорах М.М. Сахьяновой и предложил ей переговорить с выражавшими недовольство коммунистами, а также с другими работниками-бурятами в неформальной обстановке.

С согласия М.М. Сахьяновой на квартире М.Н. Ербанова собрались 20 человек, среди которых был лишь один русский – заведующий орготделом областного комитета А.Н. Широков, на присутствии которого секретарь обкома настояла лично. Совещание носило неформальный характер, поэтому в ходе него не велось ни стенограммы, ни протокола, позволивших бы получить достоверную информацию о

том, что и как обсуждали его участники на самом деле. Согласно более поздним свидетельствам, с резкой критикой А.И. Оширова выступили председатель Тункинского айисполкома Советов Е.Н. Абашеев, только что прибывший в Верхнеудинск бывший представитель Бурят-Монгольской республики при Президиуме ВЦИК М.Е. Атанов, секретарь Аларского айкома РКП(б) Д.Д. Доржиев, редактор «Бурят-Монгольской правды» на бурятском языке Д.М. Иванов, преподаватель Бурятской совпартшколы К.П. Кушенов, секретарь Агинского айкома РКП(б) Е.И. Лосов, секретарь Тункинского айкома РКП(б) П.А. Сыренов[1]. Они обвинили А.И. Оширова уже не только в непролетарском происхождении, но и в том, что весной 1918 г. он якобы лично возглавлял «контрреволюционный отряд», преследовавший отступавших красногвардейцев. По итогам обсуждения 15 из 20 присутствовавших выступили против избрания А.И. Оширова в состав обкома, а также за отстранение его от какой бы то ни было партийной работы [27. Л. 31–32, 200–202]. М.Н. Ербанов, М.М. Сахьянова и А.Н. Широков выразили несогласие с такой позицией, но на обсуждение президиума Буробкома вопрос решили всё же не выносить.

Не вызывает сомнений, что М.М. Сахьянова, по свидетельству очевидцев сильно потрясенная произошедшим [Там же. Л. 32], сообщила о произошедшем супругу. По её собственному признанию, сделанному на заседании президиума обкома несколько месяцев спустя, в первое время после совещания она склонялась к тому, чтобы пойти на уступки [28. Л. 75]. 12 марта 1925 г. А.И. Оширов подал в президиум Бурятского обкома РКП(б) официальное заявление с категорическим отказам выставлять свою кандидатуру в выборные партийные органы: как в обком, так и в контрольную комиссию [Там же. Л. 92]. Однако так называемый сеньорен-конвент второй Бурятской областной конференции РКП(б) – собрание около 40 представителей присутствовавших на партийном форуме делегаций, уполномоченное разрешать организационные вопросы, – тем не менее, оставило фамилию А.И. Оширова в списке кандидатов на избрание в члены обкома. По непонятным причинам буряты, накануне резко протестовавшие против его кандидатуры, не стали отстаивать свою позицию на сеньорен-конвенте. На состоявшемся 15 марта заключительном заседании областной конференции РКП(б) согласованный сеньорен-конвентом список членов и кандидатов в члены обкома был утвержден большинством голосов всего при четырех или пяти воздержавшихся [27. Л. 204; 29. Л. 150–151]. В результате А.И. Оширов был избран членом Бурят-Монгольского областного комитета РКП(б), а разногласия среди партийного руководства республики переросли в настоящий конфликт.

Спустя несколько дней после завершения областной конференции РКП(б), 20 марта 1925 г., недовольные избранием А.И. Оширова коммунисты встретились на квартире Д.М. Иванова. В собрании приняли участие избранные второй областной конференцией РКП(б) члены Бурят-Монгольского обкома М.Н. Ербанов, Е.И. Лосов, П.А. Сыренов и К.Х. Шантанов, кандидат в члены обкома Д.М. Убугунов, члены областной контрольной комиссии М.Е. Атанов и К.П. Кушенов, бывший председатель Тункинского айисполкома Советов Е.Н. Абашеев[2], студент Иркутского рабфака И. Косаков и еще четыре человека, фамилии которых установить не удалось. На этот раз собрание проходило не просто в более узком кругу, но и в глубокой тайне от остальных членов обкома.

В ходе разговора М.Н. Ербанов согласился с доводами присутствовавших о наличии карьеристских наклонностей у А.И. Оширова, однако высказался за его членство в составе обкома. Сохранившиеся источники не дают однозначного ответа на вопрос о причинах, по которым М.Н. Ербанов занял такую позицию. Хотя можно предположить, что попытка защитить А.И. Оширова была вызвана исключительно деловыми соображениями. Исключение последнего из членов областного комитета вероятнее всего сказалось бы на его работе в качестве наркома земледелия Бурят-Монгольской АССР, что, конечно, было невыгодно возглавлявшему Совнарком республики М.Н. Ербанову.

В то же время именно М.Н. Ербанов был одним из тех «старых» членов обкома, которые весьма ревностно отнеслись к назначению М.М. Сахьяновой на должность секретаря. Проработав на протяжении нескольких лет под руководством В.И. Трубачеева, он считал себя гораздо более опытным партийным работником и, вероятно, никак не мог смириться с тем, что ЦК сделал выбор не в его пользу. Поэтому, вступившись за А.И. Оширова, М.Н. Ербанов предложил разрешить конфликт другим способом: путем замены действовавшего секретаря обкома на более твердого, самостоятельного и авторитетного человека, каким, с его точки зрения, являлся он сам.

Как отреагировали на это предложение остальные 12 участников совещания доподлинно не известно. Однако на следующий день, 21 марта 1925 г., они составили письмо, адресованное только что избранному второй областной конференцией члену Бурятского обкома РКП(б), коммунисту с января 1920 г. И.С. Архинчееву [27. Л. 28–34]. Обращение было составлено в письменной форме не случайно. Еще осенью 1923 г., почти сразу после создания Бурят-Монгольской республики, И.С. Архинчеев был назначен ответственным секретарем Бурят-Монгольского представительства при Наркомате по делам национальностей РСФСР, а в феврале 1924 г. избран членом Центрального исполнительного комитета Советов СССР. После ликвидации Наркомнаца в августе 1924 г. И.С. Архинчеев, как член ЦИК СССР и слушатель курсов марксизма при Коммунистической академии, продолжал оставаться в Москве и потому в состав Бурятского обкома был избран заочно.

В письме на его имя коммунисты-буряты выразили негодование по поводу избрания А.И. Оширова в обком, рассказали о своих неформальных совещаниях и сообщили о выдвижении М.Н. Ербановым своей кандидатуры на пост секретаря обкома. Вместе с тем, рассчитывая заручиться поддержкой адресата, авторы заявили о своей готовности настаивать на том, чтобы Бурятскую партийную организацию возглавил не

М.Н. Ербанов, а И.С. Архинчеев. Письмо носило неофициальный характер и было составлено в тайне от М.М. Сахьяновой, в конце марта 1925 г. выехавшей в Новониколаевск для участия в заседании пленума Сибирского краевого комитета РКП(б). Доставить документ в Москву, судя по косвенным признакам, было поручено К.П. Кушенову.

И.С. Архинчеев был явно польщен сделанным предложением и поспешил активно включиться в борьбу за власть. С этой целью он немедленно ознакомил с содержанием письма еще трех коммунистов-бурят, находившихся в то время в столице: Ф.И. Павлова, Г.В. Уданова и И.В. Ченкирова. По согласованию с ними и при участии К.П. Кушенова И.С. Архинчеев написал пространный ответ, в котором тщательно проанализировал разгоревшийся среди партийного руководства Бурятии конфликт. Подробный пересказ и обилие цитат из письма 12 бурятских работников позволяют утверждать, что И.С. Архинчеев изначально задумал этот ответ не как конфиденциальное товарищеское письмо, а как документ, ориентированный на более широкую аудиторию, не имевшую никакого представления о разгоревшимся в Бурятии конфликте. Он не только еще раз реконструировал хронологию событий, но и снабдил их выгодными для себя интерпретациями. Так, попытка М.Н. Ербанова выдвинуть свою кандидатуру на пост секретаря обкома была буквально высмеяна И.С. Архинчеевым как совершенно абсурдная. Уничижительные реплики в адрес «ербановской логики» явно были направлены на дискредитацию её обладателя. С этой же целью И.С. Архинчеев голословно, но настойчиво утверждал, что А.И. Оширов – выходец из «активно замешанной в колчаковской контрреволюции» семьи – «всей своей изумительно проделанной карьерой обязан тов. Ербанову больше, чем кому бы то ни было другому» [Там же. Л. 130]. Скомпрометировав таким образом своего главного конкурента, И.С. Архинчеев попытался продемонстрировать свое отрицательное отношение к идее смещения М.М. Сахьяновой, что, конечно, не соответствовало истине. Об этом свидетельствует двукратная (следовательно – не случайная) ссылка на позицию группы бурятских ответственных работников, предложивших ему возглавить обком. Очень характерно, что самовыдвижение М.Н. Ербанова И.С. Архинчеев квалифицировал как не серьезное и противоречившее логике, а выставление своей собственной кандидатуры на тот же пост – всего лишь как «преждевременное» [Там же. Л. 129].

Все эти литературные и дипломатические приемы были рассчитаны, конечно, не на бурятских работников. Несмотря на непродолжительный партийный стаж, И.С. Архинчеев хорошо понимал, что кадровые вопросы такого уровня решались не в провинции, а в Москве. Поэтому копию своего письма, подписанного также Ф.И. Павловым, Г.В. Удановым, И.В. Ченкировым и К.П. Кушеновым, он незамедлительно направил в Центральный комитет РКП(б). В сопроводительной записке И.С. Архинчеев объяснял свой поступок партийным долгом и просил ЦК о «срочном и внимательном изучении вопроса» [Там же. Л. 124].

О том, что информация о возникшем конфликте вышла за пределы Бурятии, М.М. Сахьянова узнала только после возвращения из Новониколаевска в Верхнеудинск. Члены обкома М.Н. Ербанов и М.И. Амагаев в частном разговоре, состоявшемся 7 или 8 апреля 1925 г., сообщили ей о том, что большинство ответственных работников из числа бурят не признают её авторитет, после чего поставили вопрос о смене секретаря. Тремя месяцами позднее М.М. Сахьянова описывала продолжение этой беседы следующим образом: «В конце концов т. Ербанов предложил (по его собственному определению) „азиатскую“ тактику: „Тебе нужно заболеть“. Я этого ожидала и поэтому спокойно ответила: „К сожалению, состояние моего здоровья в данный момент таково, что при всем своем желании, очевидно, заболеть мне не возможно“» [Там же. Л. 205].

Необходимость как можно скорее пресечь попытки смены секретаря обкома вынудила М.М. Сахьянову пойти на компромисс. 11 апреля вопрос об А.И. Оширове был поставлен в повестку закрытого заседания президиума областного комитета. Кроме М.М. Сахьяновой и М.Н. Ербанова, на нем присутствовали новый заведующий организационно-распределительным отделом обкома П.А. Беляев, заведующий агитпропотделом М.Б. Дворкин, начальник областного отдела ОГПУ В.А. Абрамов, председатель Бурятского кооперативного союза К.С. Ильин и назначенный председателем Бурятской контрольной комиссии А.Н. Широков. Итогом обсуждения стало решение об откомандировании А.И. Оширова в распоряжение ЦК РКП(б) [29. Л. 106]. Вскоре А.И. Оширов выехал в Москву, где уже с 15 мая 1925 г. приступил к работе в качестве сотрудника исполнительного комитета Коминтерна [26. Л. 6 об.].

Однако ликвидировать таким образом конфликт среди руководства Бурятской организации оказалось невозможно. В первую очередь благодаря интригам И.С. Архинчеева, который, оставаясь в Москве, вел двойную игру. Так, 12 апреля в письме к М.И. Амагаеву он обвинял М.Н. Ербанова в глупости и называл «маятником», который «всегда шатался» [28. Л. 91], а всего неделю спустя, 20 апреля, уже обращался к самому М.Н. Ербанову, характеризуя его как настоящего большевика-ленинца, имевшего неисчислимые заслуги перед бурятским народом [Там же. Л. 83]. Не скупясь на комплименты, И.С. Архинчеев убеждал М.Н. Ербанова в том, что лучшим способом разрешения конфликта считает «стабилизацию» его в Бурят-Монгольской республике и откомандирование М.М. Сахьяновой в ЦК РКП(б). О последней И.С. Архинчеев писал: «<…> из того, что она уедет, ни республика и ни она сама ничего не потеряют <…>, она (т. Сахьянова), может быть, весьма достойная партийка, но в дирижеры не годится» [Там же. Л. 84]. Содержание письма дает веские основания полагать, что И.С. Архинчеев целенаправленно пытался спровоцировать адресата на открытое выступление против М.М. Сахьяновой. В случае, если бы эта интрига удалась, должность секретаря обкома оказалась бы вакантной, а М.Н. Ербанов, заблаговременно дискредитированный И.С. Архинчеевым как перед членами обкома, так и перед ЦК РКП(б), не имел бы возможности занять этот пост.

Но всего через пару недель ситуация внезапно изменилась. В начале мая 1925 г. И.С. Архинчеев был вызван в ЦК РКП(б) по поводу составленного им коллективного ответа на письмо 12 бурятских работников. Судя по всему, там ему напомнили, что попытка смещения секретаря обкома снизу является грубым нарушением Устава РКП(б), а также противоречит всем писанным и неписанным партийным нормам.

В сложившейся ситуации главной задачей для И.С. Архинчеева стало сохранение собственных позиций. Не получив поддержки ни со стороны ЦК, ни со стороны М.И. Амагаева, в середине апреля откомандированного на работу в Монголию, он был вынужден искать союза с М.Н. Ербановым, в котором совсем недавно видел своего главного конкурента. 7 и 16 мая И.С. Архинчеев отправил ему еще два письма. В первом он восхищался гибкостью ума, «товарищеской сердечностью» и политической честностью М.Н. Ербанова, выражал свое уважение и предлагал «договориться» [27. 158–158 об.; 28. Л. 87–87 об.]. Второе письмо было написано в разгар проходившего в Москве III Всесоюзного съезда Советов, по окончании которого истекал срок полномочий И.С. Архинчеева в качестве члена ЦИК СССР. Опасаясь возвращаться в Верхнеудинск после неудачной попытки сместить М.М. Сахьянову с должности и в то же время не желая оставаться в Москве без средств к существованию, он просил М.Н. Ербанова о назначении его представителем Бурят-Монгольской республики при Президиуме ВЦИК [28. Л. 88].

Несмотря на все предпринятые усилия, новая линия поведения И.С. Архинчеева не оправдала себя. К тому времени, когда М.Н. Ербанов получил письма от 20 апреля, 7 и 16 мая, он уже был знаком с текстом, копию которого в конце марта И.С. Архинчеев послал в ЦК РКП(б). Обнаружив колоссальную разницу в оценках своей личности, М.Н. Ербанов, воздержался от ответа И.С. Архинчееву и передал все материалы сначала А.Н. Широкову, а затем М.М. Сахьяновой [31. Л. 39]. И тем не менее наличие частных писем, в которых в обход обкома обсуждались важнейшие кадровые вопросы, никак не способствовало нормализации отношений среди партийно-советского руководства республики.

Противостояние в областном комитете усиливалось также благодаря теоретическим расхождениям, наиболее ярко проявившихся во время состоявшегося 21–25 мая 1925 г. второго пленума Бурят-Монгольского обкома РКП(б). Главным предметом обсуждения стал так называемый «ламский вопрос». Первым по нему выступил М.Н. Ербанов, доказывавший, что распространение ламаизма в Бурятии являлось «продуктом скотоводческого пастбищного хозяйства и родового феодального строя» [32. Л. 44]. Иную точку зрения озвучила М.М. Сахьянова, которая утверждала, что на основе пастбищного скотоводства в Бурятии вполне могла «сохраниться старая шаманская религиозная культура». Важнейшим фактором, благодаря которому на территории республики оказался распространен именно ламаизм, по её мнению, было влияние «китайского торгового капитала», проникнувшего в Бурятию «через культурно и исторически родственную ей Монголию» [Там же. Л. 42].

Позицию М.М. Сахьяновой активно поддержали заведующий агитпропом М.Б. Дворкин и нарком юстиции республики Г.Г. Данчинов. Резко против выступили секретарь Агинского айкома РКП(б) Е.И. Лосов и председатель Бурятского совета профсоюзов М.М. Пилунов. По итогам открытого голосования за тезисы М.Н. Ербанова проголосовало 10 человек, за тезисы М.М. Сахьяновой – только семь [Там же. Л. 44]. Такой результат стал поводом для слухов о политической слабости секретаря обкома. А члены группы, прежде осуждавшие М.М. Сахьянову за поддержку А.И. Оширова, нашли тем самым новый повод для критики в её адрес.

Опасаясь еще большего ослабления своих позиций, М.М. Сахьянова приняла решение вынести вопрос на обсуждение президиума Бурят-Монгольского обкома РКП(б). Закрытое заседание состоялось 31 мая 1925 г. Наряду с членами президиума обкома М.М. Сахьяновой, П.А. Беляевым, М.Б. Дворкиным, М.Н. Ербановым, И.А. Ильиным и К.С. Ильиным присутствовали члены областной контрольной комиссии А.Н. Широков, М.Е. Атанов, Н.И. Бондаренко, Г.Г. Данчинов и Я.Ф. Очковский, члены обкома М.А. Беляев, Д.Д. Доржиев, А.Г. Казак, Е.И. Лосов, К.Х. Шантанов и Д.М. Убуганов, а также ответственные работники Башаров, Д.М. Иванов, В.А. Кригер и Шиманкевич [28. Л. 55–78]. М.М. Сахьянова сообщила о неофициальных собраниях, на которых обсуждался вопрос о секретаре обкома, а также о переписке бурятских ответственных работников с московскими товарищами, квалифицировав такое поведение как «обсуждение партийных вопросов в непартийном порядке». На стороне М.М. Сахьяновой активно выступили заведующий орготделом обкома П.А. Беляев, заведующий агитпропотделом М.Б. Дворкин и председатель контрольной комиссии А.Н. Широков. Последний, кроме того, заявил, что, по его убеждению, А.И. Оширов был «использован группировкой как предлог для наступления на обком» [Там же. Л. 62]. И.А. Ильин и Я.Ф. Очковский также осудили попытку смещения М.М. Сахьяновой с должности. Е.И. Лосов и К.Х. Шантанов, напротив, резко критиковали её как секретаря обкома, заявив, что считают более целесообразным избрание на эту должность М.Н. Ербанова [Там же. Л. 58–59].

Сам М.Н. Ербанов во время заседания президиума проявил максимум осторожности. Главным мотивом его выступления стало признание ошибок. Именно так он квалифицировал включение сеньорен-конвентом фамилии А.И. Оширова в список для голосования без предварительного объяснения с протестовавшими против этого ответственными работниками, письмо 12 коммунистов-бурят на имя И.С. Архинчеева, отправку копии ответного письма в ЦК РКП(б) и, в конце концов, выдвижение своей собственной кандидатуры на пост секретаря обкома в ходе частной беседы. В то же время М.Н. Ербанов настаивал на том, что высказывавшиеся против А.И. Оширова и М.М. Сахьяновой коммунисты не претендовали на руководящую роль в обкоме, и предлагал разрешить конфликт «в порядке договоренности, в порядке взаимного понимания, но не по пути расследования, раз-

решения в Сиб[ирской] к[контрольной] к[омиссии] и т.д.» [Там же. Л. 68].

Попытка М.Н. Ербанова примирить враждующие стороны была обречена на неудачу. Отношения между М.М. Сахьяновой, нашедшей поддержку со стороны русских членов президиума, и недовольными ею ответственными работниками из числа бурят были настолько испорчены, что каких-либо договоренности были уже невозможны. По итогам заседания президиум обкома постановил «товарищей, обсуждавших партийные вопросы помимо и без ведома партийных органов и выносивших по ним постановления, считать организованной группой» [Там же. Л. 92 а]. В неё, согласно постановлению, входили 13 человек: И.С. Архинчеев, М.Е. Атанов, Д.М. Иванов, И. Косаков, К.П. Кушенов, Е.И. Лосов, Ф.И. Павлов, М.М. Пилунов, П.А. Сыренов, Д.М. Убуганов, Г.В. Уданов, К.Х. Шантанов, И.В. Ченкиров. Дальнейшее существование этой группы категорически запрещалось под угрозой исключения из рядов РКП(б), а дело передавалось в Сибирскую контрольную комиссию. Д.М. Иванова и Е.И. Лосова, как наиболее активных членов группы, было решено снять с работы и откомандировать в распоряжение Сибирского краевого комитета РКП(б). В отношении И.С. Архинчеева президиум обкома планировал «просить ЦК не посылать его на работу в Бурреспублику, а здесь предложить к[ом]ф[ракциям] ЦИК и Совнаркома [Бурят-Монгольской АССР] не назначать его в представительство Бурреспублики в Москве».

Передача дела на рассмотрение в Сибирскую контрольную комиссию, как и принятие организационных мер в отношении отдельных членов группы, были восприняты М.Н. Ербановым весьма болезненно. Во-первых, потому что президиум обкома не прислушался к его мнению, которое М.Н. Ербанов всегда считал достаточно авторитетным. Во-вторых, для него, тесно связанного с членами группы и претендовавшего на роль нового секретаря обкома, расследование дела в вышестоящих инстанциях несло прямую угрозу. Выражая свое несогласие с позицией президиума и одновременно пытаясь предотвратить нежелательные для себя последствия, М.Н. Ербанов подал заявление об откомандировании его в Москву. 2 июня 1925 г. президиум Бурят-Монгольского обкома рассмотрел поступившее ходатайство и постановил «категорически возражать» [33. Л. 79]. Не получив таким образом разрешения оставить занимаемые должности, уже на следующий день М.Н. Ербанов, тем не менее, выехал из Верхнеудинска, официально оформив свой отъезд как ежегодный двухмесячный отпуск [31. Л. 41].

Вторым человеком, выразившим резкое неприятие постановления президиума Бурят-Монгольского обкома от 31 мая 1925 г., стал М.М. Пилунов. 6 июля в письменной форме он попытался оспорить свое участие в группировке. В заявлении, поданном в президиум обкома, М.М. Пилунов справедливо напоминал, что под письмом группы ответственных работников на имя И.С. Архинчеева он не подписывался и вплоть до второго пленума обкома, на котором обсуждался «ламский вопрос», ни против А.И. Оширова, ни против М.М. Сахьяновой не выступал.

Параллельно с президиумом обкома РКП(б) в сущности разразившегося среди бурятского руководства конфликта начала разбираться Центральная контрольная комиссия РКП(б). 29 мая 1925 г. она запросила у Бурят-Монгольского обкома характеристику на А.И. Оширова, однако своевременного ответа не получила [34. Л. 77–78]. Посчитав имевшуюся информацию недостаточной, 29 июня 1925 г. ЦКК РКП(б) поручила одному из своих членов – большевику с 1904 г. М.К. Муранову – по пути на Дальний Восток лично «ознакомиться с положением дела в Бурят-Монгольской организации» [27. Л. 40].

М.К. Муранов прибыл в Верхнеудинск в июле 1925 г. Здесь он изучил текущую документацию Бурят-Монгольского обкома и областной контрольной комиссии, лично побеседовал с рядом ответственных работников, а также выяснил, что со времени создания Бурят-Монгольской АССР никаких заявлений или других документов, компрометировавших А.И. Оширова, в облКК не поступало [Там же. Л. 100].

Доклад М.К. Муранова «о результатах ознакомления с состоянием Бурят-Монгольской организации» был заслушан 18 июля 1925 г. на специально для этого созванном совещании ответственных работников при обкоме РКП(б). Докладчик признал состояние парторганизации благополучным и сообщил, что, по его мнению, каких-либо реальных оснований для конфликта им обнаружено не было. Собрание постановило считать создавшуюся группировку «носящей субъективный характер, построенный на личных симпатиях и антипатиях отдельных работников» [35. Л. 62]. Решение президиума обкома от 31 мая об откомандировании Д.М. Иванова и Е.И. Лосова в Новониколаевск было оставлено в силе, хотя М.К. Муранов вынес строгое предписание впредь такие вопросы в обязательном порядке согласовывать с вышестоящим партийным органом – Сибкрайкомом РКП(б). Кроме того, совещание постановило применить меры в отношении еще двух участников группы: М.Е. Атанова – исключить из состава облКК с запретом членства в аналогичных органах в течение двух лет, К.П. Кушенову – поставить на вид.

Завершив обследование, М.К. Муранов выехал в Читу, где должен был провести аналогичную проверку Забайкальской губернской организации. Оттуда 28 июля он направил в президиум ЦКК РКП(б) небольшой отчет о проделанной в Верхнеудинске работе. В нем говорилось о том, что главным вдохновителем группировки, которая ставила своей ближайшей целью «вышибить Оширова и Сахъянову», был И.С. Архинчеев. Далее М.К. Муранов сообщал: «Официально об Оширове в облКК никто вопросов раньше не ставил, никаких заявлений об отводе или исключении из партии нет и в помине, и ставится [этот вопрос] только теперь. Между тем, в организации принимавших то или иное участие [в гражданской войне] на стороне [«]белых[»] есть изрядное количество, что устанавливается и личными делами и партпроверкой, и никто не настаивает на исключении их из рядов партии». Считая таким образом выдвинутых в отношении А.И. Оширова обвинения субъективными, М.К. Муранов, тем не менее, доложил, что проверкой их обоснованности занимает-

ся председатель Сибирской контрольной комиссии Н.П. Растопчин. В случае, если последнему не удастся обнаружить новые доказательства вины А.И. Оширова, М.К. Муранов предложил считать вопрос исчерпанным [27. Л. 185–188].

Положительное заключение М.К. Муранова о состоянии Бурят-Монгольской партийной организации, позитивная оценка деятельности обкома и организационные меры в отношении наиболее активных участников группировки должны были ликвидировать конфликт и нормализовать работу обкома. Но на практике произошло противоположное: несогласные с выводами М.К. Муранова поспешили оспорить их, пока ЦКК еще не вынесла официального постановления.

Наиболее активно в этом отношении повел себя М.Н. Ербанов. По окончании отпуска, 3 августа 1925 г., вместо того, чтобы сразу вернуться в Верхнеудинск, он остановился в Москве. Узнав о результатах проведенного М.К. Мурановым обследования, 12 августа М.Н. Ербанов обратился в Центральный комитет РКП(б) и лично к Генеральному секретарю ЦК И.В. Сталину. В конфиденциальном письме он в очередной раз признал, что обсуждение группой ответственных работников партийных вопросов в обход обкома было серьезной ошибкой, за которую «следует, очевидно, призвать к порядку» [31. Л. 41–42]. В то же время М.Н. Ербанов утверждал: «При секретарстве т. Сахьяновой создавшиеся обостренные отношения между отдельными работниками не будут изживаться, а наоборот, будут обостряться и углубляться, что отразится вредно на практической работе как по линии партийной, так и советской». По его мнению, единственным способом разрешить конфликт, могло стать лишь полное обновление руководящей верхушки обкома за счет снятия с работы одновременно М.М. Сахьяновой, П.А. Беляева и М.Б. Дворкина. В новой обстановке М.Н. Ербанов воздержался от выставления собственной кандидатуры. Теперь он предложил снова назначить на эту должность обучавшегося в Институте красной профессуры В.И. Трубачеева, либо, если ЦК сочтет это невозможным, прислать из Москвы «русского товарища», который «не замешан в склоке».

Кроме того, М.Н. Ербанов настаивал на необходимости отменить решение об откомандировании Д.М. Иванова и Е.И. Лосова, а также «обязательно возвратить» в Верхнеудинск И.С. Архинчеева. Защищая таким образом участников группировки, М.Н. Ербанов рассчитывал на формирование собственной команды из числа коммунистов-бурят и, как следствие, на укрепление своих позиций в качестве члена обкома, председателя Совнаркома и председателя ЦИК Бурят-Монгольской АССР.

Все выше перечисленные предложения М.Н. Ербанова были мало похожи на просьбы ответственного работника, обращавшегося в вышестоящую партийную инстанцию. Заключительная же часть письма носила неприкрыто ультимативный характер: «Если вопрос об обновлении аппарата [обкома] будет разрешен отрицательно, я решительно и в самой категорической форме отказываюсь от дальнейшей работы в Бурреспублике и прошу меня немедленно откомандировать в распоряжение ЦК. Причем убедительно прошу дать мне возможность поступить на курсы марксизма при комакадемии» [31. Л. 42–42 об.].

В конце августа – начале сентября 1925 г. в ЦК и ЦКК РКП(б) обратились Е.И. Лосов и И.С. Архинчеев. Первый в заявлении, датированном 29 августа, утверждал: «Обвинение меня в националистической группировке исключительно построено на личных моментах, вследствие уязвленного самолюбия т. Сахьяновой моим выступлением против Оширова, являющегося её мужем» [27. Л. 167 об.]. На этом основании Е.И. Лосов категорически отрицал выдвинутые против него обвинения и просил отменить решение Бурятского обкома о его откомандировании в Новониколаевск.

И.С. Архинчеев в отличие от своих товарищей составил два обращения: одно – 8 сентября на имя М.К. Муранова [Там же. Л. 176–177], второе – 9 сентября в ЦКК РКП(б) [Там же. Л. 113–114]. В этих письмах он решительно отвергал обвинения в карьеризме и оспаривал вывод М.К. Муранова о субъективном характере «бурятского внутрипартийного инцидента». По мнению И.С. Архинчеева, объективным фактором, способствовавшим расколу среди руководства республики, являлось сохранение пережитков «авторитарно-родового общественного строя». Снимая тем самым ответственность за произошедшее с отдельных членов группы и, в первую очередь, с себя лично, И.С. Архинчеев выразил солидарность со всеми изложенными М.Н. Ербановым 12 августа практическими предложениями.

Формально самостоятельные ходатайства М.Н. Ербанова, Е.И. Лосова и И.С. Архинчеева на самом деле преследовали одну общую цель – повлиять на решение, которое ЦКК должна была вынести по вопросу о состоянии Бурят-Монгольской организации. Однако обсуждение последнего неоднократно откладывалось по причине затянувшейся командировки М.К. Муранова на Дальний Восток.

Только 25 сентября 1925 г. ЦКК РКП(б), наконец, заслушала доклад М.К. Муранова, но окончательного решения не приняла. Конфликт оказался настолько сложным, что его изучение было поручено специально созданной комиссии в составе членов ЦКК М.К. Муранова, Я.Х. Петерса и А.А. Сольца [Там же. Л. 50]. Таким образом, разногласия по-прежнему оставались не преодолены, а политические оппоненты М.М. Сахьяновой получили дополнительное время для того, чтобы изменить ситуацию в свою пользу.

На этот раз в роли главного интригана выступил уже не И.С. Архинчеев, а формально не принадлежавший к группировке М.Н. Ербанов. Не желая ни при каких условиях работать под руководством М.М. Сахьяновой, он продолжал искать такую кандидатуру на пост секретаря, которая гарантированно была бы поддержана Центральным комитетом. 29 сентября 1925 г. М.Н. Ербанов обратился к сотрудникам аппарата ЦК РКП(б) А.К. Азизяну и М.М. Хатаевичу с письмом, основная суть которого сводилась к следующему предложению: «Если ЦК не согласится на возвращение т. Трубачеева, я считал [бы] для нас весьма приемлемым и желательным кандидатуру тов. [Ш.Н.] Ибрагимова» [Там же. Л. 81–81 об.]. Послед-

ний был татарином по национальности, членом партии с 1915 г., работавшим к тому времени в должности инструктора ЦК РКП(б). Для большей уверенности в успехе в тот же день М.Н. Ербанов составил письмо на имя самого Ш.Н. Ибрагимова, в котором предупреждал о выдвинутом предложении и старательно уговаривал его приехать «в глухую отсталую Бурятию» не более чем на год или полтора: «У тебя колоссальный опыт в прошлом, ты для нас будешь незаменимым руководителем, помощником-ленин-цем» [27. Л. 82–82 об.].

О дальнейших планах М.Н. Ербанов не писал. Однако то, как развивался конфликт с конца марта 1925 г., позволяет предполагать, что заведомо временное назначение на пост секретаря Бурят-Монгольского обкома Ш.Н. Ибрагимова, которого М.Н. Ербанов хорошо знал лично, было не более чем тактическим отступлением. В случае, если бы такое назначение состоялось, М.Н. Ербанов имел бы все шансы возглавить Бурят-Монгольскую партийную организацию после Ш.Н. Ибрагимова и по его рекомендации.

Созданная 25 сентября 1925 г. комиссия при ЦКК РКП(б) завершила работу в течение пяти дней. 1 октября при участии председателя СибКК Н.П. Растопчина она постановила «считать, что конфликт в верхушке парторганизации Бурят-Монгольской республики не имел никакой принципиально-политической почвы и возник исключительно в результате ненормальных личных взаимоотношений» [Там же. Л. 47–48]. Поведение секретаря обкома М.М. Сахьяновой в ходе этого столкновения комиссия признала правильным, а в действиях А.И. Оширова «ничего компрометирующего его как члена РКП(б)» не обнаружила. В отношении выступавших против них коммунистов-бурят комиссия постановила применить различные виды партийных взысканий: М.Н. Ербанову – «поставить на вид партийно-невыдержанное поведение его во время конфликта»; И.С. Архинчееву – «объявить строгий выговор за участие в организации группировки и партневыдержанность»; М.Е. Атанову, Д.М. Иванову, И. Косакову, К.П. Кушенову, Е.И. Лосову, Ф.И. Павлову, П.А. Сыренову, Д.М. Убуганову, Г.В. Уданову, К.Х. Шантанову, И.В. Ченкирову – «объявить выговор за непартийный поступок, выразившийся в попытке разрешения партийных вопросов непартийным путем». Кроме того, комиссия поддержала решение президиума Бурят-Монгольского обкома от 31 мая просить ЦК РКП(б) не посылать И.С. Архинчеева в республику, а также еще раз подтвердила необходимость откомандирования Д.М. Иванова и Е.И. Лосова из Бурятии и исключения М.Е. Атанова из состава областной контрольной комиссии.

Таким образом, решение комиссии при ЦКК РКП(б) отличалось от ранее вынесенных по этому вопросу постановлений только в двух отношениях. Во-первых, в составе группировки не был упомянут М.М. Пилунов. По всей видимости, этим он был обязан своему заявлению в президиум обкома от 6 июня 1925 г. Во-вторых, впервые за все время конфликта был поставлен вопрос о партийном поведении М.Н. Ербанова, до этого совершенно безнаказанно предпринимавшего попытки сместить М.М. Сахьянову с должности.

Постановление комиссии было утверждено 12 октября 1925 г. президиумом ЦКК РКП(б), а 23 октября – Оргбюро ЦК РКП(б) [27. Л. 3, 38, 39]. При этом названные органы внесли в документ две, на первый взгляд редакционные, а на самом деле существенные правки. Так исходная формулировка «т. Ербанову поставить на вид партийно-невыдержанное поведение его во время конфликта» была продолжена словами «выразившееся в участии его в местной группировке». М.Е. Атанову, Д.М. Иванову и остальным девяти коммунистам-бурятам вместо «выговора за непартийный поступок» был объявлен выговор «за участие в склоке» [Там же. Л. 4–5].

Новая квалификация действий М.Н. Ербанова не только позволяет иначе интерпретировать его роль в описанном конфликте, но и более объективно подойти к оценке его личности в целом. Традиционно восхвалявшие М.Н. Ербанова советские историки закономерно игнорировали тот факт, что председатель Совнаркома и председатель ЦИК Бурят-Монгольской республики имел большие амбиции и для достижения своих целей прибегал к неформальным и даже запрещенным в РКП(б) методам внутрипартийной борьбы.

По итогам состоявшегося 23 октября 1925 г. заседания Оргбюро ЦК РКП(б) направило Бурят-Монгольскому обкому РКП(б) письмо, в котором охарактеризовало произошедший конфликт как совершенно недопустимый и призвало окончательно ликвидировать ненормальные взаимоотношения между отдельными ответственными работниками республики. В то же время в письме говорилось, что ЦК РКП(б) «не находит нужным производить какие-либо [новые] изменения в составе о[бластного] к[омитета] до очередной Бурят-Монгольской партконференции» [36. Л. 96].

Несмотря на то что конфликт в Бурят-Монгольском обкоме на протяжении нескольких месяцев являлся предметом разбирательства ЦК и ЦКК РКП(б), руководство низовых партийных организаций, не говоря уже о рядовых коммунистах, не имело о нем никакого представления. Поэтому прежде чем огласить решение высших партийных органов на областной конференции РКП(б), президиум обкома вынес вопрос на пленум, состоявшийся 2–3 ноября 1925 года [10. С. 131]. Большинство выступивших в ходе заседания высказались в поддержку М.М. Сахьяновой. Ответственные работники, ранее требовавшие её смещения, публично признали свои ошибки, а пленум в целом принял постановление, осудившее создавшуюся в руководстве парторганизации группировку [16. С. 29–30; 35. С. 280–343]. После такой предварительной подготовки информацию о случившемся в руководстве Бурят-Монгольской партийной организации следовало довести до широких партийных масс.

Третья областная конференция РКП(б) открылась в Верхнеудинске 8 ноября 1925 г. В отчетном докладе о деятельности обкома М.М. Сахьянова коротко остановилась на вопросе о группировке, деятельность которой, по её выражению, «была направлена против руководящей тройки президиума обкома», то есть против неё самой, П.А. Беляева и М.Б. Дворкина. Да-

лее М.М. Сахьянова зачитала постановления Оргбюро ЦК РКП(б) от 23 октября и пленума Бурят-Монгольского обкома от 3 ноября, предложила одобрить принятые решения и выразила надежду на «скорейшее изжитие остатков болезненного явления» [35. Л. 373].

В прениях по докладу М.М. Сахьяновой выступил М.Н. Ербанов. «Моя главная ошибка в том, – заявил он, – что я не пресек в корне образование группы и дал ей возможность своим участием углубиться и просуществовать бесславно некоторое время». Теперь, после получения партийного взыскания от ЦК и ЦКК РКП(б), М.Н. Ербанов вел себя весьма сдержанно. Не выдвигая больше никаких ультиматумов по поводу невозможности сработаться с М.М. Сахьяновой, он спокойно заключил: «По-моему, меня необходимо высадить отсюда, послать на учебу оздоровить мозги» [Там же. Л. 412].

13 ноября 1925 г. на заключительном заседании конференции состоялись выборы нового состава областного комитета РКП(б), а ввиду особой ситуации – и секретаря обкома. Присутствовавшим делегатам было сообщено, что Сибкрайком РКП(б) и ЦК РКП(б) рекомендовали оставить секретарем Бурят-Монгольского обкома М.М. Сахьянову, а сеньорен-конвент конференции это решение полностью поддержал [Там же. Л. 456]. Такая постановка вопроса сама по себе исключала возможность каких-либо дискуссий, благодаря чему конференция единогласно переизбрала М.М. Сахьянову на прежнюю должность.

Далее прежде чем приступить к выбору пленума обкома конференция специально обсудила вопрос о кандидатуре М.Н. Ербанова. Несмотря на его категорический отказ, аргументированный фактом участия в группировке, сеньорен-конвент конференции, тем не менее, признал дальнейшую работу М.Н. Ербанова в Бурятии вполне возможной и предложил избрать его не только членом обкома, но и членом президиума, хотя последнее на самом деле входило в компетенцию пленума областного комитета. Делегаты конференции поддержали предложение сеньорен-конвента и проголосовали «за».

После того, как два наиболее сложных кадровых вопроса были разрешены, конференция приступила, наконец, к формированию пленума Бурят-Монгольского областного комитета РКП(б). По предложению М.М. Сахьяновой в его состав были избраны 33 члена и 11 кандидатов в члены. В числе избранных конференцией членов обкома оказались как подвергавшиеся прежде критике со стороны коммунистов-бурят П.А. Беляев и М.Б. Дворкин, так и замешанные в группировке П.А. Сыренов и Д.М. Убугунов [Там же. Л. 457]. Основной причиной такого кадрового решения, по всей видимости, оставался острый недостаток опытных ответственных работников из числа бурятского населения.

Создание в марте 1925 г. неформальной группы, нацеленной на смещение с должности секретаря обкома, выходило за рамки партийных норм, правил и традиций. Поэтому изначально её участники в большей степени были ориентированы на использование неформальных практик борьбы за власть. Противостоявшие этой группе М.М. Сахьянова, П.А. Беляев, М.Б. Дворкин и А.Н. Широков, напротив, почти с самого начала действовали в пределах своей компетенции и в соответствии с партийным Уставом. Избрание исключительно официальных методов борьбы и поддержка со стороны Центрального комитета РКП(б), который не мог допустить смещения секретаря обкома по инициативе снизу в качестве прецедента, позволили М.М. Сахьяновой сохранить свои политические позиции. Признав её действия правильными и решительно осудив группировку, ЦК и ЦКК РКП(б) на первый взгляд разреши-ли конфликт. Однако поддержанное областной конференцией решение ЦК РКП(б) оставить на ответственных постах как М.М. Сахьянову, так и добивавшегося её смещения М.Н. Ербанова привело к тому, что противоречия оказались на самом деле не столько сняты, сколько законсервированы. Косвенным подтверждением этого вывода служит тот факт, что три года спустя, в конце 1928 г., в Бурят-Монгольском обкоме ВКП(б) разразился новый конфликт, следствием которого стало откомандирование М.М. Сахьяновой в распоряжение ЦК ВКП(б) и избрание новым секретарем областного комитета М.Н. Ербанова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Данные об отчестве Сыренова расходятся. В одних документах он именовал себя Петром Александровичем, в других – Петром Ныленовичем. В научной литературе чаще используется первый вариант.

[2] Собрание состоялось во время Второго съезда Советов Бурят-Монгольской АССР, на заключительном заседании которого 25 марта 1925 г. Е.Н. Абашеев был избран членом ЦИК Бурят-Монгольской республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1959. Т. 2. 643 с.
2. Басаев Г.Д. Политическая история Республики Бурятия в 20–30-е годы и роль в ней М.Н. Ербанова : дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1998. 449 с.
3. Палхаева Е.Н., Протасов Е.Т. Законодательная власть Бурят-Монгольской АССР (1923–1937 гг.): историческое исследование. Улан-Удэ, 2008. 136 с.
4. Бурятия: энциклопедический справочник. Т. 2: История: от древности до современности. Улан-Удэ, 2011. 299 с.
5. История Бурятии / гл. ред. и рук. Проекта Б.В. Базаров. Т. 3: XX–XXI вв. Улан-Удэ, 2011. 461 с.
6. Палхаева Е.Н. Трансформация государственности бурят в XX – начале XXI в. Улан-Удэ, 2012. 295 с.
7. Басаев Г.Д. Некоторые вопросы партийного строительства в Бурятии (1923–1928 гг.) // Из истории партийной организации Бурятии. Сборник статей. Улан-Удэ, 1959. Вып. 1. С. 37–80.
8. Очерки истории Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ, 1970. 611 с.
9. Басаев Г.Д. Становление Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ, 1988. 176 с.

10. Бурятская областная организация КПСС. 1895–1987. В 2-х книгах. Кн. 1 (1895 – июнь 1941 г.) / сост. Г.Л. Санжиев, Н.А. Худугаев. Улан-Удэ, 1987. 264 с.
11. Бутаев И.А. Бурятская коммунистическая организация эпохи СССР. Улан-Удэ, 2016. 248 с.
12. Бартанова А. Партийный стаж – полвека (к 70-летию М.М. Сахьяновой) // Байкал. 1966. № 1. С. 122–123.
13. Борцы за власть Советов в Бурятии. Краткие биографии участников Октябрьской революции и гражданской войны. Улан-Удэ, 1967. 313 с.
14. Ербанова С.Я., Г.Д. Басаев. М.Н. Ербанов. Улан-Удэ, 1967. 147 с.
15. Батуев Б.Б. М.М. Сахьянова (о её деятельности в 1917–1928 гг.) // Национально-освободительное движение Бурятского народа : тезисы и материалы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989. С. 31–35.
16. Батуев Б.Б. Мария Михайловна Сахьянова. Страницы политической биографии. Улан-Удэ, 1992. 85 с.
17. Курас Л.В. Ербанов Михей Николаевич // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 534–535.
18. Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. 255 с.
19. Гетти А. Практика сталинизма. Большевики, бояре и неумирающая традиция. М., 2016. 374 с.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 67. Д. 29.
21. Бурятская АССР за 50 лет: статистический справочник. Улан-Удэ, 1967. 95 с.
22. Материалы об итогах партийного строительства за три года (1924–1926 гг.). Верхнеудинск, 1927. 132 с.
23. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-2. Оп. 6. Д. 1630.
24. РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 12. Д. 3653.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 4248.
26. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 11684.
27. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 494.
28. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 37.
29. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 515.
30. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 65.
31. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 108.
32. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 518.
33. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 734.
34. ГАНО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 71.
35. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 516.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 30. Л. 96.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 сентября 2017 г.

A CONFLICT IN THE BURYAT-MONGOL REGIONAL COMMITTEE OF THE RUSSIAN COMMUNIST PARTY OF THE BOLSHEVIKS: FORMAL AND INFORMAL TACTICS OF THE POWER GAME (MARCH–NOVEMBER 1925)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 142–153.
DOI: 10.17223/15617793/426/18

Tatiana I. Morozova, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mti137@yandex.ru

Keywords: RCP(b); Buryat-Mongolian Regional Committee; political practices; power struggle; conflict; M.N. Erbanov; A.I. Oshirov; M.M. Sakhyanova.

The article focuses on a conflict which took place in the Buryat-Mongol Oblast Committee of the RCP(b) leadership in March 1925. This conflict was latent and lasted for eight months. The author of this article has completed the predecessors' findings with extra assumptions based on new information. This includes minutes, abstracts of the minutes and shorthand notes of the party bodies' meetings at the Buryat-Mongol Oblast Committee as well as at the Central Committee and the Central Control Commission of the RCP(b), along with official statements and private correspondence of senior officials. The article shows that M.M. Sakhyanova's appointment as the Oblast Committee Secretary triggered the conflict. When A.I. Oshirov, a member of a well-to-do Buryat family, was elected into the Oblast Committee in March 1925, it was seen as M.M. Sakhyanova's attempt to strengthen her positions, as then he was her husband. A group of Buryat-born senior officials who were dissatisfied with this decision accused A.I. Oshirov of having a counter-revolutionary background and demanded to expel him from the Committee. However, M.N. Erbanov, the Chairman of the Council of People's Commissars of the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic, offered to solve the conflict in a different way – by appointing a new Oblast Committee secretary. The author of this article has identified all the participants of the conflict and found out their main motives. The article shows that the members of the so-called faction, the mere existence of which was against the party norms, rules, and traditions, were initially inclined to use informal tactics of power game. However, after the Central Committee and the Central Control Commission of the RCP(b) started investigation into this conflict, they had to apply extra methods, such as overt confrontation through speaking out at the Oblast Committee meetings and submission of official statements to the superior party bodies. The Oblast Committee Secretary M. M. Sakhyanova opposing the faction and Russian-born senior officials who supported her acted unlike the faction: openly almost from the very beginning: they brought up questions for discussion at the Oblast Committee and Oblast Control Commission, adopted appropriate resolutions and submitted the case to both the Siberian and Central Control Commissions. The conclusion is that M.M. Sakhyanova managed to retain her political position because she relied on official methods of power game only and had the support of the Central Committee of the RCP(b), which would not tolerate the Oblast Committee Secretary's demotion at the grassroots initiative. The Central Committee and the Central Control Commission approved Sakhyanova's actions and strongly rebuked the faction thus seemingly resolving the conflict. However, M.N. Erbanov, Sakhyanova's main opponent, maintained his position, so the Central Committee of the RCP(b) did not remove the root cause of the conflict to arise again.

REFERENCES

1. Khaptaev, P.T. (ed.) (1959) *Istoriya Buryat-Mongol'skoy ASSR* [History of the Buryat-Mongolian ASSR]. Vol. 2. Ulan-Ude: [s.n.].
2. Basaev, G.D. (19**9**8) *Politicheskaya istoriya Respubliki Buryatiya v 20–30-e gody i rol' v ney M.N. Erbanova* [The political history of the Republic of Buryatia in the '20s–'30s and the role of M.N. Erbanov in it]. History Dr. Diss. Irkutsk.

3. Palkhaeva, E.N. & Protasov, E.T. (2008) *Zakonodatel'naya vlast' Buryat-Mongol'skoy ASSR (1923–1937 gg.): istoricheskoe issledovanie* [Legislative power of the Buryat-Mongolian ASSR (1923–1937): Historical research]. Ulan-Ude: Buryat State University.
4. Tulokhonov, A.K. (ed.) (2011) *Buryatiya: entsiklopedicheskiy spravochnik* [Buryatia: an encyclopedic reference book]. Vol. 2. Ulan-Ude: Ekos.
5. Bazarov, B.V. (ed.) (2011) *Istoriya Buryatii* [History of Buryatia]. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryat Science Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
6. Palkhaeva, E.N. (2012) *Transformatsiya gosudarstvennosti buryat v XX – nachale XXI* v. [Transformation of the statehood of the Buryats in the 20th – beginning of the 21st centuries]. Ulan-Ude: Buryat State University.
7. Basaev, G.D. (1959) Nekotorye voprosy partiynogo stroitel'stva v Buryatii (1923–1928 gg.) [Some issues of party building in Buryatia (1923–1928)]. In: Maslov, K.E. & Ochirov, Ts.O. (eds) *Iz istorii partiynoy organizatsii Buryatii* [From the history of the party organization of Buryatia]. Is. 1. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
8. Khakhalov, A.U. (ed.) (1970) *Ocherki istorii Buryatskoy organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Buryat organization of the CPSU]. Ulan-Ude: Buryat.kn.izd-vo.
9. Basaev, G.D. (1988) *Stanovlenie Buryatskoy organizatsii KPSS* [Formation of the Buryat organization of the CPSU]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
10. Sanzhiev, G.L. & Khudugaev, N.A. (1987) *Buryatskaya oblastnaya organizatsiya KPSS. 1895–1987. V 2-kh knigakh* [Buryat regional organization of the CPSU. 1895–1987. In 2 books]. Book 1. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
11. Butaev, I.A. (2016) *Buryatskaya kommunisticheskaya organizatsiya epokhi SSSR* [Buryat Communist Organization of the USSR]. Ulan-Ude: Buryat State University.
12. Bartanova, A. (1966) Partiynyy stazh – polveka (k 70-letiyu M.M. Sakh'yanovoy) [The Party experience of half a century (to the 70th birthday of M.M. Sakhyanova)]. *Baykal*. 1. pp. 122–123.
13. Tsyrempilon, D.Ts. et al. (eds) *Bortsy za vlast' Sovetov v Buryatii. Kratkie biografii uchastnikov Oktyabr'skoy revolyutsii i grazhdanskoy voyny* [The fighters for the power of the Soviets in Buryatia. Brief biographies of participants in the October Revolution and the Civil War]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
14. Erbanova, S.Ya. & Basaev, G.D. (1967) *M.N. Erbanov*. Ulan-Ude: Buryat. kn. Izd-vo. (In Russian).
15. Batuev, B.B. (1989) M.M. Sakh'yanova (o ee deyatel'nosti v 1917–1928 gg.) [M.M. Sakhyanova (on her activities in 1917–1928)]. In: *Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie Buryatskogo naroda: tezisy i materialy dokladov i soobshcheniy* [National Liberation Movement of the Buryat people: abstracts and materials of reports]. Ulan-Ude: Institute of Social Sciences of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR.
16. Batuev, B.B. (1992) *Mariya Mikhaylovna Sakh'yanova. Stranitsy politicheskoy biografii* [Maria Mikhailovna Sakhyanova. Pages of political biography]. Ulan-Ude: Obshchestvenno-nauch. tsentr "Sibir'".
17. Kuras, L.V. (2009) Erbanov Mikhey Nikolaevich. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk: Istoricheskoe Nasledie Sibiri.
18. Ister, J. (2010) *Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Sistema lichnykh svyazey i samoidentifikatsiya elity v Sovetskoy Rossii* [Soviet state building. The system of personal ties and the self-identification of the elite in Soviet Russia]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN; fond "Prezidentskiy tsentr B. N. El'tsina".
19. Getty, A. (2016) *Praktika stalinizma. Bol'sheviki, boyare i neumirayushchaya traditsiya* [Practice of Stalinism. Bolsheviks, boyars and the never dying tradition]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
20. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 67. File 29. (In Russian).
21. Komarov, N.N. et al. (eds) (1967) *Buryatskaya ASSR za 50 let: statisticheskiy spravochnik* [Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic for 50 years: statistical handbook]. Ulan-Ude: Statistika, Bashkirskoe otdelenie.
22. TsSNKh BMASSR. (1927) *Materialy ob itogakh partiynogo stroitel'stva za tri goda (1924–1926 gg.)* [Materials on the results of party building for three years (1924–1926)]. Verkhneudinsk: tip. TsSNKh BMASSR.
23. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 6. File 1630. (In Russian).
24. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 532. List 12. File 3653. (In Russian).
25. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 100. File 4248. (In Russian).
26. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 65 a. File 11684. (In Russian).
27. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund R-374. List 27. File 494. (In Russian).
28. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 2. File 37. (In Russian).
29. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 1. File 515. (In Russian).
30. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 2. File 65. (In Russian).
31. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 2. File 108. (In Russian).
32. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 1. File 518. (In Russian).
33. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 1. File 734. (In Russian).
34. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-6. List 1. File 71. (In Russian).
35. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 1. File 516. (In Russian).
36. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 67. File 30. Page 96. (In Russian).

Received: 19 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 154–158. DOI: 10.17223/15617793/426/19

УДК 904.72(571.1)

Н.В. Перцев

АБОРИГЕННЫЕ ГОРОДКИ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ XV–XVI вв.: ТОРГОВЫЙ АСПЕКТ

Предпринята попытка определить причины создания оригинальных археологических памятников Нижнего Приобья – аборигенных городков XV–XVI вв. Анализ археологического материала доказывает увеличение роли пушной охоты в традиционном хозяйстве аборигенного населения. Автор приходит к выводу, что основной причиной создания городков в Северо-Западной Сибири в это время была пушная торговля.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь; городки; торговля; археологический памятник.

К проблеме существования аборигенных городков – необычному и, к сожалению, до конца не изученному типу поселенческих памятников Среднего и Северного Приобья, так или иначе обращаются практически все исследователи русской колонизации Западной Сибири. Уникальные по своему информационному потенциалу они составляют неотъемлемый пласт культуры аборигенных народов периода «Сибирского взятия». Однако до сих пор до конца не выяснен вопрос о функциональном назначении этих объектов.

Большинство исследователей солидарны с мнением С.К. Патканова, согласно которому каждый городок являл собой резиденцию определенного «князька» [1. С. 73]. З.Я. Бояршинова, наиболее обстоятельно развивая этот тезис, писала следующее: «Судя по фольклорным материалам, в них жили представители выделившейся из массы рядовых охотников и рыболовов родоплеменной знати. Рядовое население продолжало жить в неукрепленных селениях» [2. С. 47]. Однако такое положение не согласуется с подвижным образом хозяйства у насельников Северо-Западной Сибири. Очевидно, что для большей части населения (а, вероятно, и для всей) городки являлись сезонным поселением. Е.П. Мартынова на этот счет замечает, что, например, березовские и казымские ханты за годовой цикл меняли 3 поселения [3. С. 107]. Маловероятно, что князьки, ведущие сходный с рядовым населением образ жизни [4. С. 78], круглогодично находились в своих резиденциях. Зафиксированные в источниках смены резиденции после передачи власти от одного князька к приемнику заставляют усомниться в значении городка как символа власти [5. С. 86]. Одновременно с этим в современной литературе появилось мнение, согласно которому каждый из городков, являя собой отдельную общину, мог выполнять не только административные, но и религиозные, ремесленные, культовые и прочие функции [6].

В данной статье автор предлагает рассмотреть аборигенные городки Нижнего Приобья в контексте функционирования устойчивых торговых коммуникаций. Торговый фактор в эпоху Средних веков стал ключевым при выборе места для закладки города [7. С. 71]. Под воздействием развития путей сообщения между рынками в этот период возникали новые населенные пункты, города, оставшиеся в стороне от этих маршрутов, приходили в запустение. Подобную картину следует предполагать и в случае с территорией Нижнего Приобья, торговые магистрали которой фиксируются археологическими данными не позднее IX–X вв. Экономический базис, таким образом, будет рассматриваться как первостепенная основа существования аборигенных городков. Территориально исследование ограничено рамками нижнего течения Оби от Сургутского Приобья вплоть до устья, включая восточные и западные притоки.

В археологическом плане зарождение данного типа памятников, вероятно, следует связывать с периодом XIII в., хотя более точные датировки без конкретных исследований невозможны. В этот период происходят некоторые изменения в поселенческой структуре, в первую очередь, связанные с постепенной деградацией фортификационных сооружений [8. С. 141]. Одновременно с этим исследователями подмечено резкое увеличение в материалах исследуемых памятников этого времени привозных изделий, выполненных из железа, бронзы или серебра [Там же. С. 142].

Ранее автором была проведена работа по выявлению информации о рассматриваемых городках из различных источников [9], а также картированию полученных результатов [10]. Из общего числа выявленных объектов в рамках данной статьи будут рассматриваться 28 городков, существование которых совпадает с периодом «Сибирского взятия». К ним относятся 27 городков из Книги Большому Чертежу (далее – КБЧ) [11. С. 211–215], а так же городок, приписанный жалованной грамотой от 1586 г. к владениям Куноватско-Ляпинского князя Лугуя [12. № 54]. Прочие городки отражены в более поздних картографических источниках, хотя теоретически допускается возможность их более раннего существования. Если взглянуть на текст КБЧ – основного источника исследования, то без труда можно выявить основную мысль, используемую авторами при составлении документа: все городки выстроены в четкие линии, которые, на наш взгляд, маркируют траектории движения по руслам Западносибирских рек. КБЧ, таким образом, выступает сборником неких дорожников, что в свою очередь определяет специфику изложенного материала – городки, вероятно, прикреплены к основным векторам торговых путей в регионе. Если принять этот тезис, то экономический базис, на котором и возникают городки, станет очевидным.

Торговля как фактор развития средневекового Западносибирского общества стала объектом исследования многих специалистов в области истории и археологии [13–16]. Н.В. Федорова предполагает, что постепенное изменение климата в XIII–XIV вв. окончательно выдвигает на ведущее место в аборигенной экономике пушную охоту, в товарных масштабах

снабжающую продуктом как население рассматриваемого региона, так и народы, участвующие в торговых операциях на путях Восточной Европы [17]. Погоня за «мягкой рухлядью» открыла Зауральские пространства не только предприимчивым купцам из Булгара, но и иранским агентам [18. С. 147–148], а впоследствии привлекла и русских колонистов.

Первым шагом нашего исследования стало выявление путей проникновения, напрямую связывающих Нижнее Приобье с Северо-Восточной Европой. В настоящем можно обозначить два маршрута:

1. Вероятно, наиболее традиционный путь, образованный устойчивой системой волоков через реки Печора и Сев. Сосьва. Картирование купеческих кладов X–XIV вв., обнаруженных на территории Северо-Западной Сибири, показывает функционирование именно этого вектора движения торговых агентов [19. С. 190–193].

Попасть в Сев. Сосьву можно было несколькими путями. Поднимаясь вверх по Печоре, купцам следовало уйти в ее правый приток – р. Щугор, от верховья которого они переходили в один из северных притоков р. Ляпин (вероятно, в р. Щучью), спускаясь по которой достигали Сев. Сосьвы. Этот путь был обследован К.Д. Носиловым, который доказал возможность его применения в зимний период [20]. Заметим, что на современной карте здесь фиксируются гидронимы *Волоковка* и *Торговая*, вероятно более позднего происхождения.

Другой путь пролегал через еще более южный приток Печоры – р. Илыч, через волок напрямую выходил к верховьям Сев. Сосьвы. Заметим, что название городка Илчма, единственного не входящего в КБЧ, но отраженного в грамоте 1586 г., вероятно, является однокоренным современному гидрониму «Илыч». В таком случае это объясняет и отсутствие этого городка в источниках, описывающих Западную Сибирь, так как территориально он относился к Печерскому Предуралью. Г.Ф. Миллер, описывая волоковый путь из р. *Нюса* (совр. Няис) в р. *Olech* (совр. Илыч), замечает, что сам волок проходит между Нюсой и *Usch-ja* (притоке Илыча) и по времени занимает ½ дня пути [21. С. 109–110]. В названии последнего притока нетрудно увидеть «городской» корень *Usch-* (дословно «Города река»). В таком случае логично предположить, что искомый городок находился на слиянии *Usch-ja* с Илычем. Проблема заключается в том, что в настоящее время невозможно точно определить, о каком притоке идет речь. Возможно, что под ней имеется в виду р. Укъю, от верховьев которой до верховьев р. Няис (Няис-Мань-Я – южный рукав Нюсы, согласно Г.Ф. Миллеру) менее трех километров, кроме того, в эту реку впадают ряд проток, в названиях которых также присутствует «городской» корень: Ыджыд-Ель-*Вож*, Ыджид-*Вож*, Пашке-*Вож*, Пурус-Ёль-*Вож*. Наличие во владениях Лугуя столь отдаленного городка сильно расширяет границы его княжества, выводя за территории Западной Сибири.

Учитывая активную деятельность булгарских купцов, можно также наметить путь в Северо-Западную Сибирь через притоки Камы, в первую очередь – Вишеру, волок из которой приводит в Лозьву [22. С. 124–125]. Однако этот и прочие более южные маршруты остаются в стороне от рассматриваемых в статье городков.

2. Иным путем в Северное Приобье являлся маршрут, образованный течениями р. Усы и р. Собь, волок через которые известен по письменным источникам с XVI в. [23. С. 62–63]. Развитие этой коммуникации нам кажется уместным связать со строительством в 1499 г. русского города Пустозерск в низовьях р. Печора [24]. Этот город играл важную роль для продвижения поморских промысловиков, предпочитающих именно этот путь [25. С. 6]. Данный маршрут также нашел отражение в иностранных источниках. В ответном письме А. Маршу – торговому агенту Англии, нанявшему в 1588 г. русских купцов для спекуляций на меховых рынках Обдорского края, содержится описание пути вверх по р. Усе и перехода в р. Обь. Судя по изложенному в источнике материалу, купцам необходимо было пройти через пять городков (Tesuoi Gorodok в устье реки Padou, Nosoro-Gorodock, Necheiour-goskoi, Charedmada, Nadesneaa) [26. С. 191]. Под р. Падой выступает собственно Собь (Pad-jaha) [Там же. С. 193], а городок, расположенный в ее устье, ассоциируется с Сабдином из КБЧ. Носовой (Nosoro-Gorodock) и Негейский (Necheiour-goskoi) городки также обозначены в КБЧ, причем последний, согласно этому источнику, расположен у устья р. Оби на острове, в районе, отраженном на чертежах С.У. Ремезова как «Негейской мыс» [27. Л. 116]. В отношении следующих двух городков сложно говорить что-то определенное, О.В. Кардаш видит в Nadesneaa Надымский городок [28. С. 16], что вполне вероятно, если взять во внимание изложение маршрута, который проходит от верховьев Соби вниз по течению к устью р. Обь.

Заметим, что оба рассматриваемых маршрута не потеряют своего значения и после вхождения Западной Сибири в состав Русского государства, путь по ним в XVII столетии будет прегражден государственными заставами – соответственно Киртасской и Собской [27. Л. 117, 119].

Проведя анализ основных коммуникационных линий, мы можем приступить к картографированию информации, полученной в ходе анализа источников. В результате картирования КБЧ можно уверенно утверждать, что расположение большей части городков совпадает с основными торговыми магистралями Нижнего Приобья. В первую очередь выделяется район Сев. Сосьвы. Движение по торговым магистралям этой реки маркируют 12 городков (44,4% от общего числа рассматриваемых городков из списка КБЧ), расположенных, судя по тексту, примерно на равном расстоянии друг от друга (от 30 до 60 верст) [10. С. 215]. Этот регион, названный КБЧ «Югрой», включал владения Куноватско-Ляпинского князя Лугуя и, вероятно, подвластные ему городки, расположенные по течению Сев. Сосьвы. Как мы видели ранее, этот князь, в чье непосредственное подчинение входили городки Юиль, Мункус, Ляпин, Куноват и Березов по рекам Ляпин и Сев. Сосьва, благодаря городку Илчма контролировал оба рассматриваемых маршрута, на чем, вероятно, и базировалось его могущество.

Второй путь, как показано выше, маркируется пятью городками. Остальные, расположенные по течению Оби городки, на наш взгляд, передают вектор движения по этой магистрали. Исключением составляют два городка – Кенчикар и Лосма, они привязаны к руслу Оби, что свидетельствует об их значении как транзитных пунктов. При этом в отношении Лосмы можно уверенно говорить, что строительство этого городка было целенаправленно осуществлено в стороне от основных магистралей уже после «Сибирского взятия» [5. С. 86]. Вероятно, князек Шатров, принявший от своего отца Лугуя власть и занявший антироссийскую позицию, таким образом стремился оградить себя и свою резиденцию от вмешательства русских во внутренние дела его политики.

Немногочисленные археологические исследования данного рода памятников показали значимую роль пушной охоты в традиционном хозяйстве населения городков. Раскопки ключевых для ЯНАО памятников (Войкарского, Полуйского и Надымского городков) позволили выявить внушительный комплекс орудий и приспособлений для ловли пушных животных. К ним относятся разнообразные ловушки, черканы, самострелы, насторожки, различные виды охотничьих наконечников стрел, в том числе и специфические для пушного промысла томары, а также скребки и пялы для последующей обработки, растяжки и просушивания шкур [29. С. 28–30; 30. С. 77, 78, 79; 31. С. 176–178]. Одновременно с этим в культурных слоях XV–XVI вв. продолжает увеличиваться доля импортных изделий.

Таким образом, экономический базис выступает важнейшим стимулом для возникновения памятников типа аборигенных городков Северо-Западной Сибири. Наряду с административными эти поселения выполняли и торговые функции, а население городков, вероятно, было занято не только пушным промыслом, но и ремеслом, его снабжающим. Е.П. Мартынова также замечает, что каждый городок обладал своей святыней [4. С. 78–80] и, соответственно, выполнял и религиозные функции. Природа этого типа памятников, как показано выше, многогранна и выходит за рамки княжеской резиденции.

Одновременно с этим хотелось бы отметить еще один момент. Вероятно, зарождение поселенческих структур такого качества в Нижнем Приобье следует относить к довольно раннему времени. Устойчивые торговые коммуникации в данном регионе начинают фиксироваться с распространением материалов иранского происхождения в IX–X вв. [18. С. 147–148], а наиболее массовый приток этих товаров приходится на XI–XIII вв. [Там же. С. 154]. Более того, вполне возможно, что задолго до этого периода уже были оформлены основные векторы движения по речным системам Северо-Западной Сибири. Таким образом, аборигенные городки Нижнего Приобья XV–XVI вв. являются результатом продолжительной эволюции поселенческих структур, возникших на основных торговых коммуникациях региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Патканов С.К. Тип Остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб. : Типография С.Н. Худякова, 1891. 81 с.
2. Бояршинова З.Я. Население Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1960. 152 с.
3. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. 236 с.
4. Мартынова Е.П. Общественное устройство в XVII–XIX вв. История и культура хантов / под ред. В.С. Сумароковой. Томск : Изд-во ТГУ, 1995. С. 78.
5. Сынские ханты / под общ. ред. А.В. Бауло. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 352 с.
6. Данченко Е.М., Грачев М.А. К вопросу о городском статусе укрепленных поселений Западной Сибири эпохи позднего Средневековья и Нового времени // IV Северный археологический конгресс : материалы. Екатеринбург, 2015. С. 172–174.
7. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневековой Европы. М., 1992. 376 с.
8. Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 126–145.
9. Перцев Н.В. Аборигенные «городки» Нижнего Приобья XVI–XVII вв.: проблемы выявления и соотношения письменных и археологических источников // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2017. № 415. С. 101–110. DOI: 10.17223/15617793/415/13.
10. Перцев Н.В., Сабаров А.Н. Аборигенные городки Нижнего Приобья в конце XVI–XVII в. (из опыта создания исторической карты) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (Курган, 21–22 апреля 2017 г.). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 74–82.
11. Книга большому чертежу или Древняя карта Российского государства, поновленная в разряд и списанная в книгу 1627 года. 2-е изд. СПб. : Тип. Императ. Рос. Акад., 1838. 293 с.
12. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М. : Тип. Селиванского, 1891. Ч. II. 610 с.
13. Бауло А.В. Средневековые изделия из серебра на севере Западной Сибири: новые находки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 145–150.
14. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2000. 198 с.
15. Федорова Н.В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4 (12). С. 91–101.
16. Чернышев С.А. Присоединение Западной Сибири к русскому государству в XVI–XVII вв.: торгово-экономический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 105–108.
17. Федорова Н.В. Север Западной Сибири в 13 – начале 14 вв.: столетие перемен // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 1 (70) : материалы науч.-практич. конф. «Ямальские гуманитарные чтения». Салехард, 2011. С. 69–73.
18. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М. : Наука, 1976. 199 с.
19. Федорова Н.В. Северный широтный ход в XI–XV вв.: постановка проблемы // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 73–82.
20. Носилов К.Д. С Оби на Печору // Записки Императорского русского географического общества. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1884. Т. XX. 15 с.

21. Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера / пер. и подгот. текста, предисл., ком. А.Х. Элерта. Екатеринбург : Волот, 2006. 416 с.
22. Корчагин П.А., Лобанова А.С. Очерки истории Перми Великой: водно-волоковые пути // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (18). С. 121–134.
23. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири XVI–XVII вв. М., 1928. 200 с.
24. Вычегодско-Вымская летопись. URL: http://Kominarod.ru./cataloques/biblio/papers_267.html (дата обращения: 16.10.2015).
25. Завоевание Сибири. Стенограмма лекции проф. С.В. Бахрушина, прочитанной 4 марта 1938 г. Серия учебных пособий по истории СССР. М. : Ин-т усовершенствования педагогов и руководящих работников комсельхозшкол, 1938. 24 с.
26. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Введение, тексты и комментарии. Второе издание. Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1941. 665 с.
27. Хорографическая чертежная книга С.У. Ремезова. Т. 1: Факсимильное издание Houghton library of the Harvard college Harvard university. Тобольск : Общест. фонд возрождения Тобольска, 2011. 172 л.
28. Кардаш О.В. Надымский городок князей Большой Карачеи. (Обдорские городки конца XVI – первой XVIII вв. История и материальная культура). Екатеринбург ; Салехард : Магелан, 2013. 360 с.
29. Научный архив ГБУ «Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского». Ф. 1. Д. 105а // Федорова Н.В. Отчет о научно-исследовательской работе: Археологические исследования городища Усть-Войкарского (Войкарский городок) в Шурышкарском районе ЯНАО в 2006 г. : в 2 кн. Нефтеюганск ; Салехард, 2006. Кн. 1. С. 28–30.
30. Научный архив ГБУ «Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского». Ф. 1. Д. 128 // Кардаш О.В. Отчет о научно-исследовательской работе «Комплексные археологические исследования Надымского городка XV–XVII вв. в 2010 г.». Нефтеюганск, 2010. С. 77–79.
31. Кардаш О.В. Полуйский мысовый городок князей Тайшиных. Обдорские городки конца XVI – первой XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург ; Салехард : Магеллан, 2013. 380 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 октября 2017 г.

ABORIGINAL SMALL TOWNS OF THE LOWER OB OF THE 15TH–16TH CENTURIES: THE TRADE ASPECT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 154–158.
DOI: 10.17223/15617793/426/19

Nikita V. Pertsev, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug Museum and Exhibition Complex named after I.S. Shemanovsky (Salekhard, Russian Federation); Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: pertsev1991@list.ru

Keywords: North-Western Siberia; small towns; trade; archaeological site.

The article makes an attempt to trace the reasons for the creation of the original archaeological sites of the Lower Ob region – aboriginal small towns of the 15th–16th centuries. In the literature there was an opinion that these small towns, being residences of toparchs, performed administrative functions in the first place. The author bases his opinion on the fact that the main motive for the construction of these settlements was the development of trade communications in the region. The main idea of the work was to identify the traffic vectors used as trade routes and to correlate them with the results of mapping of written and archaeological sources containing information about the desired objects. This will allow drawing conclusions about the degree of dependence of the location of the town on the economic potential of the area. To accomplish this task, 28 towns that existed in the period of the "Russian conquest of Siberia" were identified from the array of written and cartographic sources. In the course of the work, the main routes leading through the Urals to the Lower Ob region were analyzed. The main trade route was the channel of the Severnaya Sosva River, whose significant role was known at least from the 9th–10th centuries. The second route was formed by the Sob River flow and was used by Russian Pomors in the 16th century. The imposition of results of the mapping of written sources on these vectors showed a high degree of dependence of the small towns on the main trade routes. Analysis of the archaeological material of the investigated small towns (Voikarsky, Poluisky and Nadymsky) proves the increasing role of commodity fur hunting in the traditional economy of the population of the small towns. At the same time, the share of imported products continues to increase in the archaeological layers of sites. As a result, economic tasks, based on fur trade, were the main tasks in the functioning of small towns. The author believes that when considering the history of the creation and functioning of aboriginal small towns in North-Western Siberia, it is incorrect to take into account only the administrative significance of these objects. Their functions were greatly expanded by ensuring trade, control of communications, crafting tools for fur trade and by other tasks.

REFERENCES

1. Patkanov, S.K. (1891) *Tip Ostyatskogo bogatyrya po ostyatskim bylinam i geroicheskim skazaniyam* [The type of an Ostyak bogatyr by Ostyak epic tales and heroic legends]. St. Petersburg: Tipografiya S.N. Khudyakova.
2. Boyarshinova, Z.Ya. (1960) *Naselenie Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii (Vidy khozyaystvennoy deyatel'nosti i obshchestvennyy stroy mestnogo naseleniya)* [The population of Siberia before the beginning of Russian colonization (types of economic activities and social structure of the local population)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Martynova, E.P. (1998) *Ocherki istorii i kul'tury khantov* [Essays on the history and culture of the Khanty]. Moscow: IEA, Russian Academy of Sciences.
4. Martynova, E.P. (1995) *Obshchestvennoe ustroystvo v XVII–XIX vv. Istoriya i kul'tura khantov* [The social structure in the 17th–19th centuries. History and culture of the Khanty]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Baulo, A.V. (ed.) (2005) *Synskie khanty* [The Syn Khanty]. Novosibirsk: IAE SB RAS.
6. Danchenko, E.M. & Grachev, M.A. (2015) [To the question of the urban status of fortified settlements of Western Siberia of the late Middle Ages and New Times]. *IV Severnyy arkheologicheskiy kongress* [IV Northern Archaeological Congress]. Proceedings. Ekaterinburg: IHA UrB RAS. pp. 172–174. (In Russian).
7. Le Goff, J. (1992) *Tsivilizatsiya srednevekovoy Evropy* [Civilization of medieval Europe]. Translated from French. Moscow: Izdatel'skaya gruppa Progress, Progress-Akademiya.
8. Fedorova, N.V., Zykov, A.P., Morozov, V.M. & Terekhova, L.M. (1991) Surgutskoe Priob'e v epokhu srednevekov'ya [Surgut Ob region in the Middle Ages]. *Voprosy arkheologii Urala*. 20. pp. 126–145.
9. Pertsev, N.V. (2017) Aboriginal "small towns" of the Lower Ob of the 16th-17th centuries: problems of identification and correlation of written and archaeological sources. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 101–110. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/13

10. Pertsev, N.V. & Sabarov, A.N. (2017) [Aboriginal “small towns” of the Lower Ob of the 16th-17th centuries (from the experience of creating a historical map)]. *Istoriya, ekonomika i kul’tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, economy and culture of medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia]. Proceedings of the III all-Russian (with international participation) conference. Kurgan. 21–22 April 2017. Kurgan: Kurgan State University. pp. 74–82. (In Russian).
11. Anon. (1838) *Kniga bol’shomu chertezhu ili Drevnyaya karta Rossiyskogo gosudarstva, ponovlennaya v razryad i spisannaya v knigu 1627 goda* [A book for a large drawing, or The ancient map of the Russian state, updated in the category and included in the book of 1627]. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. Imperat. Ros. Akad.
12. Anon. (1891) *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of state certificates and contracts kept in the State Collegium of Foreign Affairs]. Pt. 2. Moscow: Tip. Selivanskogo.
13. Baulo, A.V. (2007) Srednevekovye izdeliya iz serebra na severe Zapadnoy Sibiri: novye nakhodki [Medieval silverware in the north of Western Siberia: new finds]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 1 (29). pp. 145–150.
14. Belavin, A.M. (2000) *Kamskiy torgovyy put’. Srednevekovoe Predural’e v ego ekonomicheskikh i etnokul’turnykh svyazyakh* [The Kama trade route. The Medieval Cis-Ural region in its economic and ethno-cultural ties]. Perm: Perm State University.
15. Fedorova, N.V. (2002) Zapadnaya Sibir’ i mir srednevekovykh tsivilizatsiy: istoriya vzaimodeystviya na torgovykh putyakh [Western Siberia and the world of medieval civilizations: the history of interaction on trade routes]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 4 (12). pp. 91–101.
16. Chernyshev, S.A. (2013) Annexation of Western Siberia to the Russian state in the 16th–17th centuries: trade-economic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 370. pp. 105–108. (In Russian).
17. Fedorova, N.V. (2011) Sever Zapadnoy Sibiri v 13 – nachale 14 vv.: stoletie peremen [The North of Western Siberia in the 13th – early 14th centuries: a century of change]. *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*. 1 (70). pp. 69–73.
18. Darkevich, V.P. (1976) *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv. Proizvedeniya vostochnoy torevtiki na territorii Evropeyskoy chasti SSSR i Zaural’ya* [The artistic metal of the East in the 8th–13th centuries. Works of Eastern toreutics in the European part of the USSR and the Trans-Urals]. Moscow: Nauka.
19. Fedorova, N.V. (2015) Northern latitudinal road in the 11th-15th centuries: problem formulation. *Ural’skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2 (47). pp. 73–82. (In Russian).
20. Nosilov, K.D. (1884) S Obi na Pechoru [From the Ob to the Pechora]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. XX.
21. Elert, A.Kh. (ed.) (2006) *Severo-Zapadnaya Sibir’ v ekspeditsionnykh trudakh i materialakh G.F. Millera* [North-Western Siberia in expeditionary works and materials of G.F. Miller]. Ekaterinburg: Volot.
22. Korchagin, P.A. & Lobanova, A.S. (2012) Ocherki istorii Permi Velikoy: vodno-volokovye puti [Essays on the history of the Great Perm: water and drag ways]. *Vestnik Permskogo universiteta – Perm University Herald*. 1 (18). pp. 121–134.
23. Bakhrushin, S.V. (1928) *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri XVI–XVII vv.* [Essays on the history of the colonization of Siberia in the 16th–17th centuries]. Moscow: Izdanie M. i S. Sabashnikovykh.
24. Kominarod.ru. (2004) *Vychegodsko-Vymskaya letopis’* [Vychegda-Vym chronicle]. [Online] Available from: http://www.yarensk.narod.ru/ letopis/letopis.html. (Accessed: 16.10.2015).
25. Bakhrushin, S.V. (1938) *Zavoevanie Sibiri. Stenogramma lektsii prof. S.V. Bakhrushina, prochitannoy 4 marta 1938 g.* [The conquest of Siberia. Transcript of the lecture of prof. S.V. Bakhrushin, read on March 4, 1938]. Moscow: In-t usovershenstvovaniya pedagogov i rukovodyashchikh rabotnikov komsel’khozshkol.
26. Alekseev, M.P. (1941) *Sibir’ v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i pisateley XIII–XVII vv. Vvedenie, teksty i kommentarii* [Siberia in the notes of West European travelers and writers of the 13th–17th centuries. Introduction, texts and commentaries]. 2nd ed. Irkutsk: Irkut. obl. izd-vo.
27. Remezov, S.U. (2011) *Khorograficheskaya chertezhnaya kniga S.U. Remezova* [A chorographic drawing book of S.U. Remezov]. Vol. 1. Tobolsk: Obshchest. fond vozrozhdeniya Tobol’ska.
28. Kardash, O.V. (2013) *Nadymskiy gorodok knyazey Bol’shoy Karachei. (Obdorskie gorodki kontsa XVI – pervoy poloviny XVIII vv. Istoriya i material’naya kul’tura)* [The Nadym town of princes of Great Karachi. (Obdorsk towns of the end of the 16th – first half of the 18th centuries. History and material culture)]. Ekaterinburg; Salekhard: Magelan.
29. Scientific Archive of the Museum and Exhibition Complex named after I.S. Shemanovsky. Fund 1. File 105a. Fedorova, N.V. (2006) *Otchet o nauchno-issledovatel’skoy rabote: Arkheologicheskie issledovaniya gorodishcha Ust’-Voykarskogo (Voykarskiy gorodok) v Shuryshkarskom rayone YaNAO v 2006 g.: v 2 kn.* [Report on research work: Archaeological research of the site of Ust-Voykar settlement (Voykar town) in Shuryshkar District of YaNAO in 2006: in 2 books]. Book 1. Nefteyugansk; Salekhard. pp. 28–30.
30. Scientific Archive of the Museum and Exhibition Complex named after I.S. Shemanovsky. Fund 1. File 128. Kardash, O.V. (2010) *Otchet o nauchno-issledovatel’skoy rabote “Kompleksnye arkheologicheskie issledovaniya Nadymskogo gorodka XV–XVII vv. v 2010 g.”* [Report on the research work “Complex archaeological research of the Nadym town of the 15th–17th centuries in 2010”]. Nefteyugansk. pp. 77–79.
31. Kardash, O.V. (2013) *Poluyskiy mysovyy gorodok knyazey Tayshinykh. Obdorskie gorodki kontsa XVI – pervoy XVIII vv. Istoriya i material’naya kul’tura* [Poluysk cape town of the Taishin princes. Obdorsk towns of the late 16th – first half of the 18th centuries. History and material culture]. Ekaterinburg; Salekhard: Magellan.

Received: 02 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 159–166. DOI: 10.17223/15617793/426/20

УДК 94(47).08(035.3)

В.А. Саблин

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.: ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Рассматриваются проблемы хозяйственного развития крестьянского двора на Европейском Севере России во второй половине 1920-х гг. Анализируются изменения параметров семейного производства и доходности крестьянского двора, баланс рабочего времени, показана производительность труда семейного производства и уровень благосостояния крестьянской семьи. Выявлены закономерности эволюции двора в зависимости от размера посева, обеспеченности рабочими руками, средствами производства, структуры доходной части бюджета, овеществления капитала. На этой основе предпринята попытка рассмотреть эволюцию основных производственных типов крестьянских хозяйств.

Ключевые слова: НЭП; крестьянское хозяйство; землеобеспечение; доходность; эффективность производства; капитал двора; фондовооруженность труда; эволюция производственных типов дворов.

Известно, что основу экономики страны в 1920-е гг. составляло сельское хозяйство парцеллярных крестьянских дворов. В статье ставится цель выявить основные направления эволюции крестьянского производства и основные типы крестьянских хозяйств на Европейском Севере страны (Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии, Карельская и Коми автономные республики), опираясь на данные бюджетной статистики.

Под воздействием чрезвычайных обстоятельств 1914–1921 гг. многоотраслевая структура крестьянского хозяйства на Европейском Севере страны, как и по России в целом, подверглась деформации. Падение промыслового дохода в бюджете двора приводило к повсеместному укреплению потребительско-натуральных основ хозяйства, к архаизации аграрных отношений.

С середины 1920-х гг. восстановительные процессы в аграрном производстве сопровождались оживлением промышленной жизни Европейского Севера, связанной, прежде всего, с концессионной и государственной системой лесозаготовок. Создаются предпосылки для приложения крестьянского труда и получения промыслового дохода. Одновременно нарастают тенденции коммерциализации сельскохозяйственной сферы. К середине 1920-х гг. повсеместно наблюдался процесс эрозии потребительско-натуральных основ хозяйства и создания условий для изменения производственных факторов двора и формирования его дохода, соотношения основных элементов хозяйства с капиталом и фондовооруженностью труда и эффективностью материальных вложений в основное производство.

В контексте этих изменений на разных уровнях была предпринята попытка обозначить районы сельскохозяйственной специализации, связанные с общим планом экономического районирования страны и созданием на Европейском Севере России обширной Северо-Восточной области в составе Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и АО Коми. Известный ученый Н.К. Недокучаев, выделяя полеводческие районы Севера, в качестве критерия использовал соотношение паровых и яровых угодий и охарактеризовал специфику крестьянского хозяйства неземледельческой зоны, района лесопольной системы полеводства с преобладанием яровых посевов, района паровой зерновой системы с примерно равными пропорциями пара, озимых и яровых площадей [1. С. 35–40].

В Архангельской губернии в основу районирования были положены следующие критерии: процентное соотношение главнейших полевых культур, количество населения на 1 десятину пашни, количество пашни в среднем на крестьянское хозяйство и на 1 рабочую лошадь, количество сенокоса на 1 хозяйство и по отношению к пашне, размеры скотоводства и интенсивность удобрения.

Такого рода комплексный подход дал основание выделить в губернии 24 сельскохозяйственных района [2. С. 30–33]. В Карелии за основу сельскохозяйственной специализации были взяты критерии размера посева, характер животноводства, промысловые занятия и технология обработки почвы. Выделялись 4 сельскохозяйственных района: малосеющий, рыбопромысловый, район с малоподсечным двупольем, район среднеподсечного трехполья с молочным животноводством, район многоподсечного трехполья с интенсивным мясомолочным скотовыращиванием [3]. В более сжатом виде такой измеритель выявлял три района производственной специализации крестьянского двора: северный – малонаселенный, сильнопромысловый, малосеющий, ячменно-ржаной, малоподсечный, малокоровный, малолошадный, оленеводческий; средний район – средненаселенный, среднесеющий, ржано-овсяный, среднеподсечный, среднелошадный, среднекоровный, молочно-мясной; южный район – плотнонаселенный, многосеющий, многоподсечный, овсяно-ржаной, многолошадный, среднекоровный, молочно-мясной [4].

В 1924–1926 гг. были продолжены работы по формированию Северо-Восточной области. Был сформирован ряд областных учреждений. Но реализовать идею не удалось по той причине, что Центр явно охладел к ней, отчасти из-за несогласия АО Коми о вхождении в состав области. По этой причине административной комиссией при Северо-Двинском губисполкоме был составлен проект экономического районирования губернии на случай невозможности организации области в ближайшее время. 10 апреля 1924 г. Декретом ВЦИК от 10 апреля 1924 г. «Об административном делении Северо-Двинской губернии» она была разделена на 18 районов. Уездный и

волостной аппарат упразднялся. Началась работа по воплощению в жизнь экономического районирования. Это был масштабный эксперимент, результаты которого, наряду с Уральской областью, серьезно анализировались на союзном уровне. В губернии были образованы 209 сельских советов (обществ) и 18 районов. В основу районирования был положен критерий хозяйственной специализации и особенностей формирования бюджета района [5. С. 25–27].

Приведенные примеры экономического районирования Севера в основе своей опирались еще на дореволюционный опыт классификации крестьянского производства и носили формализованный характер и только отчасти позволяли судить о структуре производства крестьянского хозяйства, хотя еще в 1902 г. А.Ф. Фортунатовым была высказана идея экономической классификации крестьянских дворов по их отношению к рынку, основанная на их производственных характеристиках [6. С. 82].

Возможность выявить производственные типы дворов, положив в основу выделения структуру дохода, позволяет бюджетная статистика. Так, своеобразие формирования чистой выручки крестьянского двора, нашедшее отражение в крестьянских бюджетах Архангельской и Северо-Двинской губерний за 1924/25 г., дает представление о двух разных путях эволюции организационных основ крестьянского двора.

Размер дохода в среднем на двор в Архангельской губернии оказался выше, чем в Северо-Двинской губернии, примерно в 1,5 раза, главным образом за счет значительного удельного веса промыслов. Что касается дохода от сельского хозяйства, то при примерно равных объемах его удельный вес в доходе северодвинского крестьянина был неизмеримо выше (61,64% против 45,51%). В то же время производительность одной десятины земли в Шенкурском уезде отличалась повышенными показателями – при значительно меньшем размере землепользования архангельский крестьянин получал в 2,1 раза больший сельскохозяйственный доход. Главным фактором расхождения в подесятинном доходе служила разница в производительности крестьянского труда двух губерний. В то же время совокупный размер сельскохозяйственного дохода на 1 рабочую силу в Архангельской губернии оказывался ниже, чем в Северо-Двинской.

Доход от промыслов составлял от чистой выручки крестьянского двора 39,51% в Архангельской и 17,07% в Северо-Двинской губернии. Удельный вес их в доходе двора, по сравнению с началом 1920-х гг., повысился в Архангельской и снизился в Северо-Двинской губернии. Оплата одной рабочей силы на промыслах в 1924/25 г. приносила архангельскому крестьянину 60,99 руб. чистого дохода, северодвинскому – лишь 21,57 руб. Все эти факторы предопределили более высокий доход крестьянского хозяйства Архангельской губернии в расчете на 1 работника и в среднем на каждого члена семьи [7. С. 48–49; 8. С. 184–186].

С другой стороны, на характер типологических различий дворов существенное влияние оказывали особенности сочетания основных элементов, определявших производственный процесс в хозяйстве.

В среднем по двум губерниям в 1924/25 г. размер и состав крестьянской семьи несколько сократился, отражая, в принципе, выявленную в исторической демографии закономерность уменьшения людности крестьянского двора в 1920-е гг. Площади под посевом, равно как и размер землепользования в целом, изменились крайне незначительно. Достаточно отчетливо проявлялась закономерность укрупнения всех элементов двора по мере возрастания посевных групп. Размер посева в Архангельской губернии в низшей посевной группе был в 3,0 раза, а в Северо-Двинской – в 3,7 раза меньше, чем в высшей, размер землепользования – меньше в 2,5 раза.

Размер семьи увеличивался по мере роста посевных групп, но при этом сама площадь посева в расчете на душу населения, как мы увидим ниже, оказывалась более значительной в высших типах дворов. Капиталы семьи, в том числе стоимость скота, возрастали по мере укрупнения посевных групп, но примерно в 1,5–1,6 раза медленнее, чем темпы расширения землепользования [7. С. 46–47; 8. С. 184–186].

Для того чтобы выяснить характер взаимосвязи основных элементов двора, рассмотрим соотношение рабочей силы и капиталов с размером землепользования.

Посевная площадь в расчете на 1 работника в Архангельской губернии увеличивалась от низших групп дворов к высшим в 2,5 раза, в расчете на члена семьи – в 2,3 раза, в Северо-Двинской – в 2,0 и 2,1 раза. Соотношение числа едоков и работников в семье в той и другой губернии было примерно одинаковым. В хозяйствах высших посевных групп проявлялась тенденция к возрастанию числа членов семьи по отношению к работникам. При этом следует подчеркнуть, что рост землепользования, равно как и размеры пашни и сенокоса в хозяйстве, был тесно связаны с увеличением числа работников в семье. Фондовооруженность труда (обеспечение капиталами одной рабочей силы) также увеличивалась по мере возрастания посева в хозяйстве. В то же время размер капитала, приходящегося на 1 дес. пашни и луга, сокращался в обратной пропорции: от низших посевных групп дворов к высшим.

Размер материальных расходов в среднем на двор по мере роста зажиточности хозяйств последовательно увеличивался, в то же время его рост в расчете на 1 дес. сельскохозяйственной площади в Архангельской губернии обнаруживал обратную направленность. В Северо-Двинской губернии материальные издержки на 1 дес. сельскохозяйственной площади были значительно ниже издержек крестьянских дворов Архангельской губернии, но при этом были примерно равными во всех типах дворов и не превышали 31,0 руб. В целом мелкие дворы вкладывали в 1 дес. земли больше средств, рассчитывая тем самым поправить свой достаток за счет получения более высокого дохода.

Объем материальных средств в расчете на 1 рабочую силу семьи был также значительнее в крупнопосевных хозяйствах [Там же].

Результаты хозяйственной деятельности крестьянской семьи были напрямую связаны с теми изменениями, которые имели место в распределении капита-

лов. В этой связи особенно показательной выглядит взаимосвязь материальных затрат с конечным результатом производственного процесса.

Размеры валовой продукции крестьянского двора последовательно увеличивались по мере роста посевных групп, но продуктивность 1 дес. сельскохозяйственной площади оказалась различной. Так, если в Архангельской губернии крупные дворы, вкладывая меньше средств в 1 дес. площади, соответственно получали меньший результат, то в Северо-Двинской губернии все выглядело иначе. Эффективность материальных вложений в 1 дес. площади (при одинаковых во всех типах дворов издержках), тем не менее, оказывалась выше в крупных хозяйствах. Возможно, данное соотношение сложилось под воздействием случайных обстоятельств бюджетного года, но, тем не менее, мы вправе вести речь в данном случае об экономических преимуществах крупных дворов. Что касается оплаты труда, то доля валовой продукции, приходившейся на 1 единицу рабочей силы пропорционально вложенным капиталам, последовательно повышалась от низших групп к высшим.

Сопоставив размер материальных вложений с объемом валовой продукции, можно получить реальное представление об эффективности сельскохозяйственного производства крестьянского двора в середине 1920-х гг. Общий объем материальных затрат по отношению к совокупному объему валовой продукции в среднем на хозяйство составлял в Архангельской губернии 53,4%, в Северо-Двинской – 51,6%.

В разрезе посевных групп картина представлялась иной. Так, в самых мелких по размеру посева дворах каждый вложенный в сельскохозяйственное производство рубль давал 1,7–1,9 руб. прибыли, в крупных – 2,0 и более рублей. Материальные затраты в расчете на 1 дес. сельскохозяйственной площади составляли от валовой продукции в среднем: в Архангельской губернии – 53,4% (колебания между малопосевными и крупными дворами 58,5 и 49,1%), в Северо-Двинской губернии – 51,6% (колебания – 51,5–49,5%). Результативность материальных вложений в расчете на 1 рабочую силу составляла примерно те же показатели в 53,4 и 51,6% от валовой продукции [7. С. 46–47; 8. С. 184–186].

Отмеченный выше рост издержек производства служил доказательством тому, что восстановление валовых показателей сельскохозяйственного производства в крестьянском хозяйстве не сопровождалось в массе своей его интенсификацией.

С другой стороны, показатели крестьянских бюджетов 1924/25 г. демонстрировали процесс увеличения материального достатка крестьянских хозяйств, одновременно свидетельствовали о различиях в уровне их доходности. Конъюнктура народнохозяйственного развития региона приводила к тому, что в северных районах края сельскохозяйственный доход в более крупных размерах, чем это было ранее, начинает вытесняться высокооплачиваемыми статьями промыслового дохода. Сельское хозяйство в этих районах все более становится подсобной отраслью, обеспечивающей лишь потребительский бюджет семьи. Не случайно именно в этот период всерьез заговорили о кризисе сельского хозяйства в Архангельской губернии. По существу, крестьянское хозяйство, в особенности юга Архангельской губернии, являлось переходным от преимущественно сельскохозяйственного (аграрно-промыслового) типа к промыслово-аграрному типу организации производства.

Вполне естественно, что в зависимости от сочетаемости элементов производства промыслово-аграрный тип крестьянского хозяйства имел множество модификаций. Бюджетные описания, составленные в Архангельской губернии в 1925/26 и 1926/27 гг., дают возможность выделить несколько таких моделей [9. С. 61–65; 10. С. 76–72];

1. Модель развитого полеводческого хозяйства с разнообразными неземледельческими заработками представляли в 1925/26–1926/27 гг. хозяйства Шенкурского уезда.

2. Модель пригородного хозяйства с развитым сбытом продуктов рыболовства и заработками на лесопильных заводах Архангельска (в 1925/26 г. это хозяйства Вознесенской волости, в 1926/27 г. – Подгородней волости Архангельского уезда).

3. Модель приморского поморского хозяйства с развитым рыбным и зверобойно-морским промыслом (в 1926/27 г. – крестьянские хозяйства Зимне-Золотицкой волости Архангельского уезда).

4. Модель промыслового лесозаготовительного двора с развитым земледелием (в 1925/26 г. – хозяйства Карпогорской волости Архангельского уезда).

5. Модель скотоводческого двора с промысловым рыболовством (в 1925/26 г. – Мезенская и Дорогорская волости Мезенского уезда).

6. Модель молочно-животноводческого двора с промысловым доходом (в 1926/27 г. – хозяйства Холмогорской волости Архангельского уезда).

Судя по сочетаемости основных элементов крестьянских хозяйств данных моделей, достаточно заметно проявляла себя общая тенденция сокращения людности двора. Тем не менее можно отметить, что по числу населения на хозяйство самыми малолюдными были молочно-животноводческие дворы Холмогорской волости и лесопромысловые хозяйства Карпогорской волости. Наиболее населенными были хозяйства пригородной, полеводческой и скотоводческой моделей.

Число работников в составе семьи в среднем не превышало 3 человек. Соотношение едоков и работников в семье было выше, чем в начале 1920-х гг., и в среднем на работника приходилось 1,9 душ семьи (исключением из общего ряда являлись хозяйства Зимне-Золотицкой волости, в которых эта пропорция была ниже – 1,6).

Наибольшим запасом рабочей силы обладали скотоводческие хозяйства Мезенского уезда, а также молочно-животноводческие и пригородные дворы. Эти же модели дворов располагали большей сельскохозяйственной площадью (главным образом сенокосами), но при этом именно они имели наименьшую посевную площадь в среднем на двор [9. С. 186–190; 10. С. 242–244]. Добавим, что в полеводческом «шенкурском» хозяйстве за оба года прослеживалась определенная зависимость между размером посева и числом

едоков в семье, но в других моделях хозяйств она абсолютно не проявлялась.

Что касается основных средств, то наибольшим их запасом обладали хозяйства, отнесенные к пригородной производственной модели. Стоимость скота, естественно, была выше в хозяйствах пятой и шестой моделей.

В соответствии с избранной схемой анализа рассмотрим соотношение размеров землепользования, сельскохозяйственных площадей и капиталов в хозяйствах разных организационно-производственных моделей.

В 1925/26 г., равно как и в 1926/27 г., посевная площадь в расчете на одного работника увеличивалась от чисто промысловых дворов к полеводческим и скотоводческим. Так, соотношение между размером посева падавшего на 1 работника, в Вознесенской волости (хозяйство 2-й модели) и Шенкурском уезде (хозяйство 1-й модели) составляло в 1925/26 г. разницу в 0,28 дес. (меньше в 2,9 раза), в 1926/27 г. – в 0,40 га (меньше в 3,9 раза), в площади посева на едока – соответственно в 2,9 и 4,0 раза. Темпы этого сокращения происходили параллельно темпам сокращения размера посева в хозяйстве. Зная, что число едоков по отношению к работникам во всех дворах было одинаковым, не трудно придти к выводу о нарушении в сугубо промысловых хозяйствах зависимости между составом семьи и размером посева.

Землеобеспечение хозяйства было в большей степени связано с числом работников в семье. Учитывая особенности землепользования, большой удельный вес сенокосных расчисток в хозяйствах Архангельской губернии, на разработку которых требовалось значительное приложение физического труда, очевидно, что по мере насыщения хозяйства рабочей силой земельный надел в его пользовании увеличивался. Поэтому в промысловых дворах земельный надел оказывался выше, чем в земледельческих, но главным элементом надела промысловых хозяйств являлись луговые угодья и расчистки. Исключение составляли дворы Зимне-Золотицкой волости, располагавшейся в крайней приморской зоне.

Распределение капитала в расчете на 1 рабочую силу также подчинялось определенной зависимости. Промысловый север Архангельской губернии был богаче земледельческого юга, поэтому в крупных хозяйствах 1-й модели на рабочую силу семьи приходилась большая сумма средств. По мере возрастания размера капитала на 1 рабочую силу получалась следующая последовательность в расположении моделей дворов: в 1925/26 г. – 2-я модель, 4-я модель, 5-я модель, 1-я модель; в 1926/27 г. – 2-я модель, 6-я модель, 3-я модель, 1-я модель. Фондовооруженность труда хозяйств первой модели превышала соответствующий уровень хозяйств второй модели в 1,7 раза.

Соотношение между производственными фондами и землей (на 1 единицу сельскохозяйственной площади) менялось в той же последовательности. При общей скудности размеров земельных угодий на Севере во всех группах дворов размер оборотного капитала был достаточным. Стоимость капитала, заключенного в скоте, на единицу площади была, напротив, выше во дворах пятой и шестой модели, что находило объяснение в их животноводческой специализации [9. С. 186–190; 10. С. 242–244].

Для того чтобы уяснить характер хозяйственного процесса во дворах различных моделей, обратимся к основным факторам производства и, в первую очередь, рассмотрим результативность сельскохозяйственной отрасли за 1925–1927 гг. Особое внимание следует уделить составу материальных затрат в сельскохозяйственном производстве, которые включали в себя следующие расходы: стоимость семян, навоза, топление овинов, затраты на корм и подстилку скоту, плату пастухам, кузнецам за ковку лошадей и др. Какой-либо закономерности в материальных тратах на сельское хозяйство во дворах различных моделей усмотреть сложно. В 1925/26 г. наибольшие материальные расходы несли дворы Вознесенской пригородной волости, наименьшие – хозяйства Карпогорской волости. В 1926/27 г. по сумме затрат в сельском хозяйстве на первое место выдвигались молочно-животноводческие хозяйства, на втором месте были дворы Пригородней (промысловой) волости.

В расчете на 1 единицу сельскохозяйственной площади в 1925/26 г. выделялись большим объемом расходов хозяйства второй и пятой моделей, наименьшими – хозяйства четвертой модели. Большую последовательность расходов на единицу земельной площади представляли показатели 1926/27 г. Промысловые (за исключением Пригородней волости) и полеводческо-животноводческие дворы имели приблизительно одинаковый уровень материальных расходов.

Высокие во всех случаях материальные расходы на сельское хозяйство промысловых дворов находили объяснение в природно-климатических условиях их производства, более высоком уровне обеспеченности и характере самого производства.

Сумма материальных затрат в расчете на 1 рабочую силу семьи имела ту же тенденцию к увеличению по мере усиления общей экономической мощи двора.

Эффективность сельскохозяйственного производства выражалась в общих объемах валовой сельскохозяйственной продукции в расчете на хозяйство, на единицу сельскохозяйственной площади и на 1 рабочую силу. По показателям продуктивности отрасли в расчете на хозяйство в 1925/26–1926/27 гг. выделялись животноводческие дворы Мезенского уезда и Холмогорской волости. Наименьшими – хозяйства четвертой модели (Карпогорская волость). Объем валовой продукции в отношении единицы сельскохозяйственной площади обнаруживал значительное понижение в полеводческой (1925/26 г.) и пригородной (1926/27 г.) моделях дворов. В расчете валовой продукции на единицу рабочей силы лучшими показателями отличались хозяйства второй и шестой моделей [9. С. 186–190; 10. С. 242–244].

Как видим, организационные возможности хозяйств в сельскохозяйственном производстве отличались чрезвычайным разнообразием, что, собственно, и определяло типовой признак дворов, проявляя, однако, безусловную зависимость конечного результата от

экономической мощи двора и размера материальных затрат.

В целях выяснения рентабельности сельскохозяйственного производства охарактеризуем размеры материальных затрат по отдельным производственным отраслям в процентном отношении к валовой продукции.

Сельскохозяйственное производство двора Архангельской губернии по показателям удельного веса затрат в составе валовой продукции было весьма капиталоемким. В 1925/26 г. в составе валовой продукции затраты составляли в среднем 62,3%, в 1926/27 г. несколько меньше – 57,5%. Во всех хозяйствах наименее затратными отраслями являлись огородничество, луговодство и птицеводство. Конечный продукт полеводства за разные годы включал в себя от 38,9 до 51,6% материальных затрат. В Зимне-Золотицкой волости, отличавшейся лучшими показателями производительности полеводства, эффект был достигнут за счет преобладания в составе полевых культур картофеля, при выращивании не требовавшего значительных материальных усилий [10. С. 80].

Наименее производительной отраслью хозяйства являлось животноводство. В составе валовой продукции животноводства материальные издержки составляли в 1926/27 г. от 77,4 до 89%. В 1925/26 г. во всех моделях хозяйств издержки производства в животноводческой отрасли превышали объемы конечной продукции. Только на Мезени скотоводство оказывалось более или менее производительным. В любом случае компенсировать неэффективность скотоводческой отрасли крестьянин мог за счет пониженной капиталоемкости других отраслей [9. С. 186–190; 10. С. 79].

Постепенное возрождение и углубление процесса специализации хозяйств в 1920-е гг. коснулось не только промыслово-земледельческой зоны Европейского Севера, но также и преимущественно сельскохозяйственных районов Вологодской и Северо-Двинской губерний. Наряду с полеводческими, скотоводческими и молочно-животноводческими хозяйствами вполне обоснованно выделяется особая модель дворов с молочно-товарным хозяйством (преимущественно Вологодский и Грязовецкий уезды Вологодской губернии). Доминирующим признаком данных дворов являлось число коров в хозяйстве. По выражению И.Н. Бакулина, на исследования которого автор опирается в своем анализе, в указанном районе «молочная корова, вполне это осознанно или нет, является организующим центром крестьянского хозяйства» [11. С. 21].

С целью углубленного анализа элементов внутреннего строя крестьянского производства молочной модели будет вполне логичным сгруппировать хозяйства по обеспеченности их коровами. Можно выделить четыре группы хозяйств: 1) бескоровные; 2) однокоровные; 3) двухкоровные; 4) трех- и более коровные [Там же. С. 20–40, 51].

В молочном районе средняя крестьянская семья состояла из 4,78 душ при 2,73 работниках, обрабатывала 4,7 дес. пашни и сенокоса, располагала 671,4 руб. капитала. Первые две группы дворов имели меньше населения и соответственно работников, отличались пониженными характеристиками остальных параметров. Например, разница в стоимости капиталов двора четвертой и первой группы составляла 80,5% (в том числе капитала, заключенного в скоте, – в 28 раз). Размер посева в бескоровных дворах был в 4 раза ниже, чем в 4-й группе. Чрезвычайно важный для молочного хозяйства показатель покоса на 1 дес. пашни в первой группе был в 2 раза меньше, чем во 2-й и 4-й.

Тем не менее в хозяйствах молочной модели, как и во всех других моделях, проанализированных выше, изменение факторов производства по мере роста мощности двора не проявляло линейной прогрессии, что могло свидетельствовать лишь о том, что с увеличением размера хозяйства менялись и модифицировались организационные формы хозяйства, что в конечном итоге приводило к качественным изменениям его внутренней природы.

Соотношение рабочей силы, земли и оборотных средств в хозяйствах разной мощности в принципе соответствовало выявленной закономерности [11. С. 20–40, 51, 52].

Нагрузка рабочей единицы в маломощных дворах 1-й группы была в несколько раз меньше, чем в 4-й группе (по посеву в 2,7 раза, по размеру пашни в 2,1 раза, покоса в 3,7 раза, по объему основных средств в 4,7 раза). Однако возрастание размера посевной площади на 1 рабочую силу происходило медленнее, чем ее увеличение на хозяйство, что косвенно подтверждало существовавшую зависимость размера посева от людности двора и числа рабочих рук. Учитывая, что в среднем соотношение едоков и работников в семье (1,75) фактически не превышало общих показателей по региону, присущих первой половине 1920-х гг. (1,71), в то время как в хозяйствах 3-й и 4-й групп данный показатель был значительно выше, можно констатировать тот факт, что крестьянская семья увеличивала свои посевы и в абсолютных, и в относительных цифрах вне связи с числом нетрудоспособных членов.

В данном контексте уже нельзя вести речь о строгой зависимости размера землепользования от размера семьи. При переходе от низших групп дворов к высшим людность двора возрастала в 1,9 раза, число работников – в 1,5 раза. Земельная площадь хозяйства увеличивалась в больших размерах – в 3,7 раза (на едока – в 2,0 раза, на работника – в 2,5). Имевший место в начале 1920-х гг. уравнительный принцип землепользования (по числу едоков) во второй половине 1920-х гг. не находил проявления в молочном районе Вологодской губернии. Площадь землепользования в хозяйстве больше была связана с числом рабочих рук в семье.

Система полеводства у разных групп дворов также существенно различалась. Первая и вторая группы имели трехпольную систему, полеводство третьей и четвертой групп базировалось на шестиполье. Дворы первой группы имели неоправданно большой размер запущенной пашни, в том числе под паром – 54,0%, несмотря на то что 15,0% числившейся у них пашни было сдано в аренду.

Что касается обеспечения хозяйств капиталом, вполне очевидно, что его увеличение происходило по мере возрастания мощи дворов. Разница в размерах

оборотных средств полярных групп хозяйств была весьма значительна (в 8 раз на хозяйство, в 5,6 раза, на 1 рабочую силу). По своему составу капитал первых двух групп был качественно ниже: большая его часть находилась в постройках; в высших группах, наоборот, – в скоте как наиболее важной части капитала в условиях молочного района. Соотношение между производственными фондами и землей в расчете на 1 единицу пашни выражало ту же тенденцию. В высших группах дворов при большем количестве пашни на 1 работника обеспеченность капиталом работника против 1-й группы была больше в 5 раз. В этих соотношениях заключалось громадное экономическое преимущество высших групп.

Переходя к анализу эффективности использования основных элементов двора для производства конечного продукта, сопоставим уровень материальных издержек в хозяйстве с конечной валовой продукцией в каждом типе дворов. Для этой цели исключим из анализа хозяйства первой группы и введем дополнительно еще одну группу 4а, вычленив ее из четвертой по признаку наибольшей продуктивности коров во всем регионе.

Затраты на корм скоту, составлявшие основную долю материальных расходов в молочном регионе, последовательно повышались по мере роста мощности хозяйства. Во второй группе они были наименьшими, равно как и расходы на 1 пуд молока. Разница в уровне расходов 2-й и 4а групп в расчете на хозяйство составляла 165,5 руб. Во второй группе был наименьшим и расход средств на производство 1 пуда молока (0,5 руб.).

Каков был хозяйственный результат этих вложений? При росте затрат на 1 хозяйство от 2-й группы к 4а группе в 3,4 раза валовая продукция увеличивалась в 3,5 раза, расходы на 1 пуд молока – в 1,1 раза, доход – также в 1,1 раза. Материальные расходы в составе валовой продукции в хозяйствах 2-й группы по расчетам на двор равнялись 41,2%, в 3-й – 47,1%, в 4-й – 44,9%, в 4а – 44,3%.

Внешне хозяйства 2-й группы, казалось, находились в более выгодном положении, но если учесть относительные величины расходов и валового продукта на 1 дес. пашни и на 1 рабочую силу хозяйств разных групп, не сложно увидеть всю суть органических преимуществ крупных дворов. По линии производительности труда 1 рабочей единицы группа 4а имела превышение почти в три раза по сравнению со второй группой и в два раза – по сравнению с третьей группой. На 1 дес. пашни в хозяйствах 2-й группы производилось молока на сумму в 56,0 руб., в группе 4а – 116,6 руб. (больше в 2,1 раза) [11. С. 40].

Таким образом, хозяйства повышенного типа демонстрировали свои весьма высокие организационные возможности. Преимущества крупного молочного двора довольно зримо проявлялись в размерах условно чистого дохода и способах его получения.

Размер чистой продукции в среднем на хозяйство в 4-й группе в 2,9 раза превышал показатель 2-й группы, в 1,7 раза по расчету условно чистого дохода на 1 дес. пашни, в 2,4 раза – на 1 единицу рабочей силы.

Размер выручки от проданного молока (за вычетом материальных издержек на кормление коров) определял разницу в организации доходности хозяйств. Если условно чистый доход, полученный в хозяйстве на 1 корову, был самым высоким во второй группе (85,09 руб.), то доход от продажи молока за вычетом корма был заметно выше в 4-й группе (по сравнению со 2-й – на 2,96 руб.). Четвертая группа, учитывавшая рыночные цены, выручала за пуд молока на 8 коп. больше и имела наибольший доход на корову. Третья группа, выручавшая высшую цену за проданное молоко (1,29 руб. за пуд), тем не менее, оказывалась в весьма невыгодном положении по доходности на корову (63,73 руб.), что являлось, главным образом, результатом нерационального кормления скота: стоимость корма на 1 пуд молока была в этой группе наивысшей – 0,61 руб. [11. С. 40–41].

Дополнительным аргументом в пользу целесообразности выделения организационных типов и моделей крестьянского хозяйства могут послужить сведения о размерах основных и оборотных средств. Известно, что структура капитала формировалась под воздействием экономической мощности хозяйства и общеэкономических условий его производства. С учетом этого и постараемся выяснить те особенные свойства состава капитала, которые отличали выявленные модели хозяйств в 1922–1927 гг. [8. С. 184–186; 9. С. 186; 10. С. 242, 11. С. 51; 12. С. 108–109; 13. С. 7; 14. С. 387; 15. С. 84; 16. С. 490].

Вполне очевидной была связь между объемом накоплений и размером хозяйства. Вслед за постройками, представлявшими основу капитала во всех моделях дворов, в земледельческих хозяйствах второе место по стоимости занимали скот, различные запасы, затем инвентарь; в промысловых моделях хозяйств на втором по значимости месте находились промысловый инвентарь и скот, на третьем – запасы. Стоимость промыслового снаряжения и иного инвентаря в хозяйствах поморской модели равнялась или даже превышала стоимость скота в сельскохозяйственных типах дворов. В скотоводческо-промысловых, животноводческих и молочных моделях скот, в первую очередь производительный, занимал до 30,0% производственных фондов крестьянского двора.

При среднем районном увеличении размеров капиталов в крестьянском хозяйстве в 1925/26 г. в 1,1 раза пригородные дворы имели несколько больший размер фонда накопления. Но в целом фонд накоплений был крайне незначителен, составляя в 1925/26 г. около 84,5 червонных руб. на хозяйство. В 1926/27 г. капитал по всем моделям хозяйств сократился вследствие изношенности построек и инвентаря, недорода сена и соломы, который привел к сокращению скота и задолженности хозяйств по приобретению сильных кормов [10. С. 79].

В конце 1920-х гг. в структуре крестьянского капитала произошли определенные подвижки, что было вызвано, с одной стороны, их общим увеличением, с другой – растущей специализацией производства. Судя по материалам гнездовой переписи 1927–1929 гг., мелкие и более крупные хозяйства имели значительную разницу как в общей сумме капиталов, так и в абсолютной стоимости отдельных их видов. Стоимость основного капитала по расчету на хозяйство у так называвшихся мелкокапиталистических

дворов в 1927 г. была в 9–19 раз больше, чем у батрацких дворов, в 1929 г. – в 5–10 раз. В сельскохозяйственных дворах среднего уровня основу капитала составляли постройки и скот (в 1927 г. – 61,4 и 35,9%, в 1929 г. – 62,2 и 34,4%), в промысловых также, но несколько в иной пропорции (в 1927 г. – 64,2 и 29,6%, в 1929 г. – 62,9 и 30,5%). Причем в промысловых дворах стоимость хозяйственных построек, равно как стоимость инвентаря, была гораздо выше [17].

При внимательном рассмотрении структуры производственных фондов крестьянских хозяйств восьми экономических районов Европейского Севера не сложно убедиться в том, что зональная градация экономических районов в основном соответствовала выявленным организационным особенностям крестьянского производства. Это, в свою очередь, убеждает в правомерности выделения организационно-производственных моделей крестьянских хозяйств.

Независимо от модели производства в относительно крупном по меркам региона крестьянском производстве организация хозяйственных элементов обеспечивала больший эффект как в сфере оплаты занятого труда и результативности затрат рабочего времени, так и в общем уровне благосостояния.

Число таких «организационно совершенных» дворов было столь незначительно, что не они в конечном итоге определяли общий облик крестьянского производства, основу которого составляло мужицкое хозяйство среднего и пониженного уровня, трудоемкое и затратное по своей природе, а значит, весьма далекое от оптимальных параметров взаимодействия основных элементов производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Недокучаев Н.К. Полеводственные зоны и районы Севера // Сельское и лесное хозяйство Севера : материалы совещания по изучению Севера при Российской Академии наук. Пг.
2. Плетцов Н. Сельскохозяйственные районы Архангельской губернии (По материалам сел.-хоз. статистики) // Вестник Архангельской кооперации. 1922. № 8.
3. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 698. Оп. 5. Д. 8/86. Л. 44 об.
4. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 700. Оп. 1. Д. 7/51. Л. 121–122.
5. Итоги районирования С.-Двинской губернии. Великий Устюг, 1924. 156 с.
6. Кузнецов И.А. Алексей Федорович Фортунатов и становление крестьянских исследований в России в конце XIX – начале XX века // Крестьяноведение. Т. 2, № 1. С. 66–89.
7. Краткий статистический справочник по Северо-Двинской губернии на 1927 год. Великий Устюг, 1926.
8. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год. Архангельск, 1926.
9. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год. Архангельск, 1927.
10. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год. Архангельск, 1929.
11. Бакулин И.Н. К изучению крестьянского хозяйства в молочном районе. Вологда,1927.
12. Гильберт И. Бюджет крестьянского хозяйства за 1923–24 год. (По обследованию 1924 года) // Экономика и статистика Карелии. № 1–3. 1925. Петрозаводск, 1926. С. 100–114.
13. Дербенев А.Г. Крестьянское хозяйство С.-Двинской губернии в 1924–25 году на основе изучения его бюджета. Великий Устюг, 1925.
14. Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. 1. Северный район. 2. Уральский район // Труды ЦСУ. Т. XXXI, вып. 1. М., 1926.
15. Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы. С приложением схематической карты губернии. Вологда : Волог. губстатбюро, 1926.
16. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы. Архангельск : Гос. изд. Архгубстатбюро, 1925. XXXV.
17. Государственный архив Архангельской области. Ф. 187. Оп. 1. Д. 279. Л. 28–76 об.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 сентября 2017 г.

PEASANT FARMING IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 1920S: THE EXPERIENCE OF TYPOLOGIZATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 159–166.
DOI: 10.17223/15617793/426/20

Vasily A. Sablin, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: sablin@inbox.ru

Keywords: NEP; peasant farming; land supply; profitability; production efficiency; yard capital; labor-equity of labor; evolution of production types of households.

The aim of this article is to study the evolution of the industrial infrastructure of parcel farming in the European North of Russia (Arkhangelsk, Vologda, North-Dvinskaya guberniyas, Karelian and Komi autonomous republics) in the second half of the 1920s, and to identify the prospects for the development of the main types of peasant households. The analysis is based on the materials of the budget statistics of the peasant economy as containing the most complete information on the peasant economy. If necessary, the author supplemented his analysis with mass statistical material. The methodological dominant of the study was the epistemological positions of the Russian agrarian science of the late 19th–20th centuries, in particular, the theory of the family organization of peasant farming, which were formulated within the organizational and production line of research. By the mid-1920s, there was an erosion of the consumer-natural foundations of the economy in the region. Conditions for changing the production factors of the yard and the formation of its income, the correlation of the basic elements of the economy with capital and labor funds and the efficiency of financial investments in basic production were created. Analysis of budgetary materials provides a basis for conclusions that the economic development of the region led to the fact that in the northern regions of the guberniya agricultural income in larger amounts than it was earlier was being replaced by highly paid articles of commercial income. Agriculture in these areas was increasingly becoming an auxiliary sector that provided only the consumer budget of the family. It is only natural that, depending on the compatibility of the elements of production, the field-agrarian type of peasant farming had many modifications. The author characterizes the economic process and distinguishes: 1) the model of a developed field farm with various non-agricultural earnings; 2) the model of suburban economy with developed sales of fishery products and earnings in sawmills in Arkhangelsk; 3) the model of the seaside Pomorie economy with developed fish and sea seal hunting fisheries; 4) the model of a commercial logging yard with devel-

oped agriculture; 5) the model of a cattle-breeding yard with commercial fishing; 6) the model of a dairy farm with commercial income; 7) the model of a dairy commodity economy. Regardless of the model of production in a relatively large peasant industry by the standards of the region, the organization of economic elements provided a greater effect. However, the basis of peasant production in the region was the peasant economy of medium and low level, labor-consuming and costly in nature, and thus very far from the optimal parameters of interaction of the basic elements of production.

REFERENCES

1. Nedokuchaev, N.K. (1923) Polevodstvennye zony i rayony Severa [Field-cropping zones and regions of the North]. In: Kovalevskiy, V.I., Liskun, E.F. & Tkachenko, M.E. (eds) *Sel'skoe i lesnoe khozyaystvo Severa: materialy soveshchaniya po izucheniyu Severa pri Rossiyskoy Akademii nauk* [Agriculture and Forestry of the North: materials of the meeting on the study of the North at the Russian Academy of Sciences]. Petrograd: Izdatel'stvo Narodnogo Komissariata Zemledeliya "Novaya Derevnya".
2. Plettsov, N. (1922) Sel'skokhozyaystvennye rayony Arkhangel'skoy gubernii (Po materialam sel.-khoz. statistiki) [Agricultural regions of Arkhangelsk Province (based on the materials of the agricultural statistics)]. *Vestnik Arkhangel'skoy kooperatsii*. 8.
3. National Archive of the Republic of Karelia. Fund 698. List 5. File 8/86. Page 44 rev. (In Russian).
4. National Archive of the Republic of Karelia. Fund 700. List 1. File 7/51. Pages 121–122. (In Russian).
5. Mikhin, E.V. & Bachurikhin, A.I. (eds) (1924) *Itogi rayonirovaniya S.-Dvinskoy gubernii* [Results of the regionalization of the North Dvina province]. Velikiy Ustyug: Tip. Izd-stva "Sovetskaya mysl'".
6. Kuznetsov, I.A. (2017) Alexei Fedorovich Fortunatov and the development of Peasant Studies in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Krest'yanovedenie*. 2:1. pp. 66–89. (In Russian).
7. Sovmysl'. (1926) *Kratkiy statisticheskiy spravochnik po Severo-Dvinskoy gubernii na 1927 god* [A brief statistical guide to the North Dvina province for 1927]. Velikiy Ustyug: tip. izd. "Sovmysl'".
8. Arkhangelsk Province Bureau of Statistics. (1926) *Statisticheskiy sbornik po Arkhangel'skoy gubernii za 1925 god* [Statistical collection for Arkhangelsk Province for 1925]. Arkhangel'sk: Arkhang. gubern. stat. byuro.
9. Arkhangelsk Province Bureau of Statistics. (1927) *Statisticheskiy sbornik po Arkhangel'skoy gubernii za 1926 god* [Statistical collection for Arkhangelsk Province for 1926]. Arkhangelsk: Arkhang. gubern. stat. otd.
10. Arkhangelsk Province Bureau of Statistics. (1929) *Statisticheskiy sbornik po Arkhangel'skoy gubernii za 1927 god* [Statistical collection for Arkhangelsk Province for 1927]. Arkhangelsk: Arkhang. gubern. stat. otd.
11. Bakulin, I.N. (1927) *K izucheniyu krest'yanskogo khozyaystva v molochnom rayone* [On the study of peasant farming in the dairy area]. Vologda: [s.n.].
12. Gil'bert, I. (1925) Byudzhet krest'yanskogo khozyaystva za 1923–24 god. (Po obsledovaniyu 1924 goda) [The budget of the peasant economy for 1923–24. (According to the 1924 survey)]. *Ekonomika i statistika Karelii*. 1–3. pp. 100–114.
13. Derbenev, A.G. (1925) *Krest'yanskoe khozyaystvo S.-Dvinskoy gubernii v 1924–25 godu na osnove izucheniya ego byudzheta* [The peasant economy of the North Dvina Province in 1924–25 on the basis of studying its budget]. Velikiy Ustyug: [s.n.].
14. Trudy TsSU. (1926) Krest'yanskie byudzhety 1922/23 g. i 1923/24 g. 1. Severnyy rayon. 2. Ural'skiy rayon [Peasant budgets of 1922/23 and 1923/24 1. The Northern region. 2. The Ural district]. *Trudy TsSU*. T. XXXI:1.
15. Vologda Province Bureau of Statistics. (1925) *Statisticheskiy sbornik po Vologodskoy gubernii za 1917–1924 gody. S prilozheniem skhematicheskoy karty gubernii* [Statistical collection for Vologda Province for 1917–1924. With the appendix of the schematic map of the province]. Vologda: Vologod. gubstatbyuro.
16. Arkhangelsk Province Bureau of Statistics. (1925) *Statisticheskiy sbornik po Arkhangel'skoy gubernii za 1917–1924 gody* [Statistical collection of Arkhangelsk Province for 1917–1924]. Arkhangelsk: Gos. izd. Arkhgubstatbyuro.
17. State Archive of Arkhangelsk Oblast. Fund 187. List 1. File 279. Pages 28–76 rev. (In Russian).

Received: 18 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 167–179. DOI: 10.17223/15617793/426/21

УДК 908 (470.324)

В.В. Степкин

ВИА ДОЛОРОЗА В ПЕЩЕРАХ УРОЧИЩА МАЛЫЕ ДИВЫ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Рассматривается история создания и семантика культовой пещеры в Дивногорском Успенском монастыре Воронежской области в контексте сооружения европейских новых иерусалимов. Расположенная в районе впадения в Дон реки Тихой Сосны мужская обитель стала обустраиваться в середине XVII столетия. Данное событие произошло вследствие светской и монастырской колонизации южных окраин Московского государства выходцами из западной Украины. Пришедшие на новое место жительство иноки принесли с собой существующую на родине и сопредельных с ней территориях традицию сооружения Виа Долороза – образа Крестного пути Христа. Его воплощение в Подонье нашло новые подземные формы, выразившиеся в создании в меловой породе семи архитектурно оформленных станций.

Ключевые слова: Дивногорье; хождения в Святую Землю; Новый Иерусалим; Виа Долороза; пещеры.

Среди более полусотни пещер донской земли настоящей жемчужиной является скальный пещерный комплекс в урочище Малые Дивы в Лискинском районе Воронежской области [1. С. 141; 2. P. 351–354]. К настоящему времени история его изучения охватывает около двух с половиной столетий. Так, уже в 1769 г. академик Самуэль Готлиб Гмелин произвел осмотр достопримечательностей находящегося здесь Дивногорского Успенского монастыря, оставив после себя краткое описание пещер и меловых останцов-див [3. С. 144]. После этого было множество других исследований подземелий, расположенных в районе впадения в Дон реки Тихой Сосны [4. С. 9–102; 5. С. 18–28]. Вместе с тем не производилось подробного изучения обходной галереи, вырубленной в меловой породе вокруг пещерного храма на предмет ее семантической нагрузки. Данная работа призвана нивелировать этот пробел, впервые поднимая вопрос о символическом повторении здесь сакральной топографии Иерусалима.

Таким образом, целью представленного исследования является выявление семантики архитектурных элементов подземного хода вокруг пещерного храма Иоанна Предтечи в урочище Малые Дивы на Среднем Дону. При ее достижение нами выдвигается гипотеза о символическом отражении здесь Виа Долороза (Пути Скорби, Крестного Пути), улицы в Иерусалиме, символически отражающей путь Иисуса Христа к месту распятия. При этом нами решаются следующие задачи: 1) выяснение историко-культурного контекста сооружения данного памятника; 2) анализ письменных источников, так называемых хождений к Святой Земле и применение полученных данных к архитектурным элементам дивногорского пещерного комплекса. Решение второй задачи позволяет открыть новый методологический аспект понимания предназначения многочисленных лабиринтов других культовых пещер Русской равнины.

Согласно известным на сегодняшний день документальным свидетельствам Дивногорский Успенский мужской монастырь является наиболее древней в Подонье обителью. В настоящее время суммарная протяженность его подземных лабиринтов составляет – 351 м [6. С. 164], (рис. 1). Развитие монастыря в середине XVII столетия было тесно связано с западным колонизационным потоком. В это время в Подонье, на южные окраины Московского государства, из-за Днепра переселяются казаки во главе с Иваном Дзиньковским, обустраивая г. Острогожск. Данный миграционный поток был вызван поражением в 1651 г. у села Берестечко на Волыни запорожского войска Богдана Хмельницкого от армии Речи Посполитой. Вместе с казачеством в Подонье переселились представители духовного сословия, возрождая расположенный неподалеку от Острогожска Дивногорский монастырь [7. С. 4]. Практика прихода вместе со светскими переселенцами духовенства с церковной утварью, иконами, богослужебными книгами, антиминсами была обычна для того времени [8. С. 176]. Принесли с собой антиминс, выданный митрополитом Киевским и Галицким Петром Могилою, и иноки Дивногорской обители [9. С. 520].

Надо заметить, что в середине XVII в. Дивногорский монастырь не был единичным примером православной монастырской миграции, движимой межконфессиональными противоречиями. Так, например, «в 1654 г. в 4 верстах от Ахтырки, основан Троицкий Ахтырский монастырь игуменом Иоаникием, пришедшим из-за Днепра с братиею до 40 человек, с церковною утварью, с книгами, ризами и даже колоколами» [10. С. 73]. На волынской родине переселившихся в Острогожск казаков в это время протекал конфликт католиков и униатов с православными [9. С. 417–420; 11]. В результате данного противостояния существующие здесь многочисленные православные монастыри были захвачены либо иезуитами-католиками (Пересопненский, Клеванский и др.), либо базилианами-униатами (Жидиченский, Городищенский, Мильчанский, Колодеженский и др.) [12].

К сожалению, известные на сегодняшний день письменные источники не позволяют конкретно определить монастырь, из которого пришли дивногорские иноки. Возможно, это был один из волынских монастырей, насельники которого пришли с казаками Ивана Дзиньковского. Но нельзя исключить и предположение, высказанное В.Н. Тевяшовым: «Не искать ли первых иноков Дивногорского и Шатрищегорского монастырей в числе тех монахов Густынского, Мгарского и Николаевского монастырей киевской митрополии, бежавших оттуда в 1638 г. в Московское государство и ожидавших решения своей участи Московским правительством в городе Путивле» [13. С. 59]. Иноки этих монастырей, опасаясь насильственного насаждения унии [14. С. 24–25] и ожидая своей участи в Путивле, могли здесь встретиться с И. Дзиньковским, писавшим оттуда челобитные царю Алексею Михайловичу, и продолжить с ним путь на Дон.

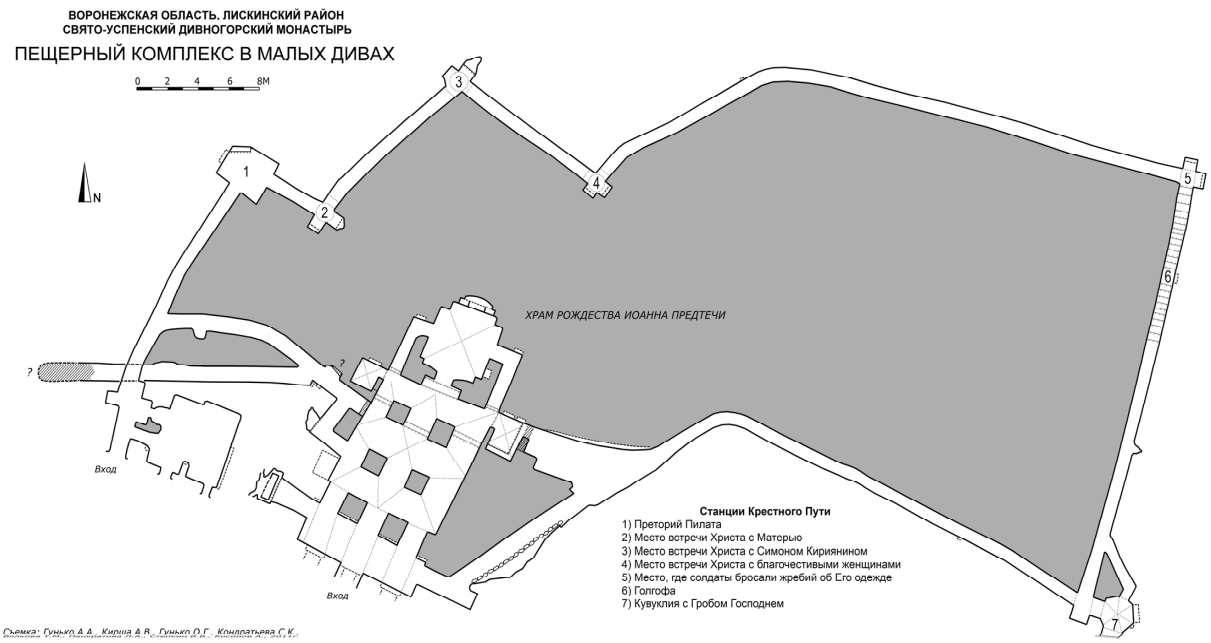


Рис. 1. План пещерного комплекса в Малых Дивах 2011 г. с нанесением на него авторской легенды Крестного пути в 2017 г.

Еще одна немаловажная для нас деталь, связанная с Путивлем, показывает насколько хорошо в России в то время были осведомлены о Святых Местах Иерусалима. Так, на путивльской заставе 29 октября 1652 г. приставами были задержаны до государева распоряжения греческие старцы: иерусалимский архимандрит Иоасаф с келарем Филофеем, сопровождающие иеродьякона Троице-Сергиевой лавры Иону в его возвращении из паломничества в Иерусалим. Греки были посланы иерусалимским патриархом Паисием в Москву с грамотами к царю Алексею Михайловичу и царице Марье Ильиничне [15. С. V–VI]. Иону сразу пропустили в Москву, куда он и прибыл 22 ноября, архимандриту Иоасафу пришлось немного задержаться, и он попал в Москву лишь 19 декабря 1652 г. [16]. В Иерусалим же Иона отправился 10 июня 1649 г. вместе с патриархом Паисием и Арсением Сухановым. Туда он прибыл 10 мая 1651 г., а выехал на родину через год [15. С. I]. Для нас особенно важен тот факт, что после себя Иона, по прозванию Маленький, оставил рассказ о своем путешествии, в котором особое место уделено описанию церкви Воскресения и Гроба Господня.

Так или иначе, но прибывшие с казаками Дзиньковского монахи начали постепенно обустраиваться на новом месте, возрождая заброшенный к этому времени монастырь. В 1653 г. его игумен Гурий писал царю Алексею Михайловичу о том, что они «в Дивных горах монастырь вновь и церкви поставили и кельи и ограду около монастыря своими трудами». Причем церкви было две: одна – во имя Успения Пречистой Богородицы «выбита в камени в столбе у горы, а на берегу реки Дона – церковь великого Чудотворца Николы» [7. С. 4].

Спустя 32 года после написания данного письма Дивногорье посетил И.И. Жолобов в рамках военно-географической экспедиции. В своих записях он отмечал наличие уже трех храмов: сохранился храм Святителя Николая, была построена новая Успенская соборная церковь, а пещерный храм начал реконструироваться. Дословно сообщалось следующее: «В том монастыре соборная церковь во имя Пресвятыя Богородицы Успения, другая церковь с трапезою во имя великого чудотворца Николая. А церкви построены брущатые, дубовые. Повыше того монастыря в полукаменной в меловой горе почата строить церковь» [17. Л. 115]. Реконструкция пещерного храма и его новое освящение в честь Иоанна Предтечи состоялось в 1693 г. В начале XX в. на горнем месте пещерной церкви еще можно было прочитать надпись: «Освятися жертвенник Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа во храме Рождества Св. Иоанна Предтечи <…> от Рождества Христова 1693-го индикта 1-го месяца Ноября 7 дня <…>» [7. С. 55].

Можно предположить, что параллельно с реконструкцией пещерного храма было начато и строительство Крестного пути. Ведь на конец XVII в. в литературе фиксируется протяженность пещер уже около 60 сажень. Посетивший эти места Петр I наблюдал в одной из див вход в «церковь во имя св. пророка Иоанна Предтечи, с пещерою в горе глубиною до 60 сажень…» [18. С. 275–276]. Вице-адмирал Крюйс, с эскадрой которого в 1699 г. посетил Дивногорье Петр I, писал о пещерах в Малых Дивах: «Монастырь в меловой горе длиною 400 футов высечен и 9 футов шириною, стоя на своих натуральных столбах, в нем хитростью высеченных, в котором изрядная церковь с покоями принадлежащими» [19. С. 52]. Относительно 1699 г. интересно отметить еще одну деталь, иллюстрирующую отношение Петра I к Гробу Господню: «Думному советнику Емельяну Игнатьеву Украинцеву повелено было Петром Великим <…> домогаться у турок отдачи грекам Гроба Господня, со всеми святыми местами в Иерусалиме, которыми завладели было францисканские монахи, по ходатайству Людовика XIV. Есть известие, что Петр Великий хотел сделать еще более – исторгнуть гроб Господень и перенести его в Россию и что об этом деле шли у него

переговоры с турецким султаном в 1709 году» [20. С. XV–XVI].

Если мы сопоставим протяженность современного хода обходной галереи вокруг алтаря храма Иоанна Предтечи – 174 м, с упомянутым в литературе расстоянием 60 сажень, или 127,8 м, то увидим на первый взгляд имеющееся несоответствие, составляющее около 46 м. Данное несоответствие снимается, если мы исключим из общей протяженности галереи прихрамовое пространство, взяв за основу лишь Крестный путь в чистом виде. О справедливости тезиса о том, что галерея вокруг пещерного храма приобрела свой законченный вид уже в конце XVII столетия, а не достраивалась позже, говорит и тот факт, что в описании ее в начале XX в. присутствуют почти те же цифры при наличии сквозного прохода через нее. Так, в своем фундаментальном исследовании по истории Дивногорского Успенского монастыря, вышедшем в свет в 1904 г., П.В. Никольский отмечал: «От пещерной церкви идет на протяжении 56 сажень коридор, весьма неровно, то поднимаясь, то опускаясь, и выходит наружу недалеко от церкви» [7. С. 5].

К сожалению, обустроенные в Дивногорском монастыре во второй половине XVII в. пещерный храм и Путь Скорби потеряли свою историю спустя столетие. Так, в 1823 г. пещеры в Малых Дивах описывались следующим образом: «Первая пирамида, недалеко от монастыря стоящая, всех более примечания достойна по величине своей и по устроенной в ней церкви, из коей проведен на некоторое расстояние подземный ход в виде улитки. Древность церкви и хода неизвестны» [21. С. 31–32]. То есть уже к этому времени функциональное предназначение хода было забыто в связи с закрытием монастыря с 1788 по 1828 г. [7. С. 28–30]. Лишь в среде местных жителей бытовали предания об авторах его создания – иноках-малороссах. По этому поводу Г.П. Данилевский отмечал следующее: «В верхней церкви есть пещеры, как повествуют туземцы, вырытые на пространстве почти шестидесяти сажень во внутренность горы, киевскими монашествующими пришельцами» [22. С. 165].

С началом возрождения монастыря в начале XIX в. инокам вновь пришлось открывать для себя сакральное предназначение скальной архитектуры. И если относительно восприятия храма, благодаря его классической структуре и алтарной надписи трудностей не возникло, то понимание символизма архитектуры столь нетипичного для России Крестного пути было утрачено. Не был возобновлен культ пути скорби в Дивногорском монастыре и в начале XX в. Так, Н.Е. Макаренко делает в это время следующее описание пещер: «…маленькие камеры (быть может, также церковки) встречаются в глубине пещер, устроенных вообще в разных горизонтах, то поднимающихся, то вновь опускающихся. На каждом шагу при осмотре их замечаются в стенах маленькие нишки для образов или большие ниши с боковыми выступающими заплечиками, выдолбленными в боковых стенках» [23. С. 45]. У Макаренко не только нет описания предназначения обходной галереи вокруг храма, но и на иллюстрирующих текст фотографиях мы не видим в киотах-нишах икон.

Решая задачу семантики Скорбного пути в Малых Дивах, необходимо сделать экскурс в историко-культурную канву иерусалимского прототипа, проследив традицию его переноса на европейскую почву. Сакральным центром христианского мира является комплекс храма Гроба Господня в Иерусалиме. Паломники, посещающие эти места, стремятся пройти по Крестному пути, отражающему шествие Христа на Голгофу, именуемому в туристических путеводителях по-латыни Виа Долороза. Виа Долороза – это лишь образ пути Спасителя с символическими остановками, именуемыми станциями. Само понятие «станция» позднее принадлежит перу английского пилигрима Уильяма Уэй, который посетил Святую землю в 1458 г. [24. С. 90]. Настоящая же дорога Христа находится ниже в слоях разрушенного римлянами города и доступна для изучения лишь археологам. Но для нашего исследования это не имеет принципиального значения, так как мы говорим о переносе именно позднесредневекового образа Крестного пути в европейское христианское сакральное пространство.

«Сама традиция Крестного Пути, его, если можно так сказать, “маршрут”, каким мы его знаем сегодня, восходит исторически не глубже, чем к XIV столетию. И с самого начала его происхождение связано с деятельностью Францисканского ордена» [25. С. 84]. В 1342 г. им было предоставлено право попечения над святыми местами Иерусалима. Здесь на Крестном пути они особо выделяют места встречи Христа с Матерью, благочестивыми женщинами, с Симоном Киринянином; места, где солдаты бросали жребий об Его одежде, где Он был пригвожден к кресту; дом Пилата, храм Гроба Господня [26]. Надо заметить, что первоначально у францисканцев не было единообразия относительно числа, названий и даже последовательности станций в формировании сакрального пространства Иерусалима и переноса его образа на европейскую почву. Количество станций в создаваемых ими в XV–XVI вв. европейских новых иерусалимах было различно. Наиболее часто фигурировало число семь. Число семь в количестве позднесредневековых станций может интерпретироваться через полноту страданий Христа за все грехи человечества, олицетворяемые понятием «семь смертных грехов» [27]. Примечательно, что в развитии культа Виа Долороза имеет место не только перенос сакрального пространства Иерусалима на европейскую почву, но и обратного рода структурирование культурного ландшафта. Утвердившееся к настоящему времени в Иерусалиме количество станций 14 впервые появляется в Нидерландах. Оно представляло собой, как признают сами францисканские авторы, скорее «плод кабинетного богословского благочестия, чем обобщение иерусалимской практики, поскольку турецкие власти Святого Города не позволяли тогда организовывать тех или иных реальных остановок» [24. С. 90]. Число 14 в этом ключе можно рассматривать как удвоение числа 7, относящегося к более ранней традиции создания количества станций.

Если говорить о формах выражения посредством искусства католического европейского культа страстей Христовых, то создаваемые здесь многочислен-

ные станции выражались, как правило, в храмовом пространстве сменой скульптур или живописных полотен, а в монастырском ландшафте – тематических часовен – кальварий. В странах Восточной Европы, граничащих с Россией, можно отметить такие кальварии, как Зебжидовская и Вейхеровская в Польше, Вильнюсская и Жямайтийская в Литве, Минская и Мядельская в Белоруссии, созданные в XVII–XVIII вв.

В саму же Россию копирование святых мест проникает с середины XVI в. Так, например, с этого времени в Москве и ее окрестностях строятся храмы, подражающие иерусалимскому топосу [28. С. 709–710]. Тогда же начинается широкое распространение переносов названий палестинских сакральных локусов на русскую почву [20. С. XVI–XVII]. В наиболее объемной, целостной форме проект воспроизведения культурного ландшафта Святой земли на Русской равнине осуществляется во второй половине XVII в.: в Подмосковье патриарх Никон организует строительство Нового Иерусалима. Здесь появляются такие оронимы, как Сион, Елеон, Фавор, Рама, гидроним – Иордан; строятся храмы Рождества Христова, Преображения Господня, Входа Господня в Иерусалим, Воскресения и Вознесения Господня и пр. Создание этого проекта стало возможно для Никона в результате философского осмысления Иерусалима как земного первообраза, который может быть воспроизведен «повсюду», так как сам этот город – лишь икона Царства Небесного [29. С. 747].

Нельзя не отметить и политический фон появления в России подобного рода проектов. Так, например, одним из инициаторов сближения русской христианской культурной традиции с восточной греческой выступал иерусалимский патриарх Паисий, оказавший большое влияние на формирование взглядов Никона. На фоне этого сближения для Паисия было важно подталкивание Московского государства к борьбе с Турцией для освобождения Святой земли от инославного влияния [16]. «С развитием в XVI в. взгляда на Москву как на последнее православное царство, почитание святынь Палестины обрело государственный масштаб и пошло по традиционному для Западной Европы направлению. Уподобляя свое царство Святой Земле, а столицу – новому Иерусалиму, московские цари стремились к переносу на Русь топографии святых мест» [30. С.146].

Традиция переноса сакрального пространства Святой земли на русскую почву продолжилась и в Петербургский период, когда Россия стала империей. Так, например, в XVIII в. создаются скиты Троицко-Сергиевой лавры – Вифания и Гефсимания. В конце XIX – начале XX в. на Валааме, в Воскресенском скиту по проекту финляндского архитектора В.И. Баранкеева строится храм Христова Воскресения, в нижнем этаже которого была устроена Кувуклия по подобию иерусалимской. При игумене Маврикии, возглавившем монастырь в 1907 г. и лично побывавшем на Святой земле, библейские географические названия древней Палестины были перенесены на карту Валаама. Здесь частью Нового Иерусалима становятся Воскресенский и Гефсиманский скиты, гора Сион, Кедронский поток, гора Елион, Иосафатова долина (Никоновское поле), река Иордан (Кирпичная канава), Мертвое море (Лещевое озеро) [31. С. 93–103].

Пример переустройства топики Валаама по примеру Святой земли говорит еще об одной, вместе с политической, составляющей этого процесса. Речь идет о влиянии на человека личного паломничества к святыням Иерусалима или чтения о таком путешествии в многочисленных «хождениях», проскинитариях. В данной работе мы не будем обращаться ко всем подобного рода источникам, сделав, прежде всего, акцент на хронологически близких к обустройству Дивногорского монастыря в XVII в. памятниках паломнической литературы. В XVI в. – это, прежде всего, описания посещений Святой земли Василием Позняковым (1559–1561) и Трифоном Коробейниковым (1593–1594). Из паломников XVII в. известны Василий Гагара (1634–1637), Иона Маленький (1649–1652) и Арсений Суханов (1651–1653) [32. С. 69]. Учитывая контекст миграций на южные окраины Московского государства выходцев из украинских земель, мы не можем оставить в стороне и путешествие в Святую землю польского князя Николая Радзивилла, посетившего Иерусалим в 1583 г. Время перевода Путешествия Николая Радзивилла, получившего распространение среди образованной части русского общества, «с польского языка на словенский, сиречь на российский» относят к 1677 г. [33. С. 249–251; 34. С. 297].

На важную особенность перенесения в Россию иерусалимского топоса обратил внимание Л.А. Беляев. На всех подобного рода проектах «лежит отпечаток европейских влияний, они локализованы в зонах постоянного (географического) контакта с Западом (Новгород) или в хронологических рамках вестернизации» [35. С. 203].

Предполагаемое нами прочтение символики Крестного пути в Малых Дивах уникально не только в территориально-конфессиональном контексте, пещеры созданы в православной России, а не католической Европе, но и в плане особенности архитектуры, носящей подземный характер. С одной стороны под землей мы наблюдаемым наземные аналоги маркирующие Крестный путь: улицы, часовни… Но с другой стороны, их восприятие носит особый характер: здесь все объекты воспринимаются изнутри. Когда ты идешь по подземному коридору-улице, ты не можешь созерцать часовню снаружи. Проходя через нее, ты наблюдаешь лишь внутреннее убранство. Еще одной особенностью является невозможность целостного охвата вниманием длинного отрезка Крестного пути. В.И. Плужников в статье, посвященной архитектуре пещерных монастырей, отмечает: «Пещерный интерьер, независимо от наличия декора и качества отделки, воспринимается иначе, нежели в наземных сооружениях. Подземное помещение, не имеющее окон, обычно обозримо лишь фрагментарно – в зависимости от местоположения искусственных источников света. Для того, кто в одиночку идет по коридору, темнота впереди рассеивается лишь на небольшом расстоянии, а сзади тут же смыкается. Идущий как бы несет вместе с собой изменчивый фрагмент пространства, доступный зрению» [36. С. 94].



Рис. 2. Ступени, ведущие на Голгофу, Малые Дивы



Рис. 3. Свод Кувуклии, Малые Дивы

Анализируя архитектурное пространство обходной галереи в Малых Дивах, мы сталкиваемся с неизбежной трудностью конкретной идентификации станций. Ведь как мы уже заметили, количество станций и их последовательность не имели долгое время устоявшегося канона. Вместе с тем, благодаря ряду архитектурных деталей, мы можем пролить свет на данную проблематику. Прежде всего, любой посещающий пещеры в Малых Дивах не мог не обратить внимание на одну из кажущихся странностей: идущий в горизонтальном направлении коридор вдруг начинает резко подниматься, а затем так же неожиданно опускаться вниз (рис. 2). Это невозможно объяснить никакой практической целесообразностью. Перед нами не что иное, как Голгофа. Если мы посчитаем общее количество ступеней, ведущих на Кальварию с севера, то увидим, что их всего 13. Четырнадцатаяя ступень представляет собой площадку размером 0,7 × 0,8 м. Поднявшись на нее, мы можем наблюдать в восточной стене коридора на высоте от пола в 0,8 м нишу, тянущуюся до потолка (1,2 м). Ее ширина – 0,56 м, глубина 0,35 м. Можно предположить, что раньше в этой нише была икона с изображением распятия Христа или стоял киотный крест. От площадки далее на юг идут 9 ступеней вниз. Важно заметить, что упомянутые нами 13 ступеней на Голгофу хорошо коррелируют с описанием данного топоса в храме Гроба Господня в Иерусалиме в хождениях Василия Познякова и Трифона Коробейникова. При этом вопрос заимствований Коробейниковым фрагментов текста Познякова для нас не имеет принципиального значения, учитывая литературную практику того времени, не отменяющую личного наблюдения описываемого [37]. У Василия Познякова мы читаем: «А подъем на святую гору Голгофу по лестнице в тринадцать ступеней» [38. С. 476]. У Трифона Коробейникова: «А одесную страну Воскресения Христова, в большую вшед церковь, идти высоко на гору, лествица каменная 13 ступеней, стоит гора высока, святая Голгофа [39. С. 12–13]. Нет противоречия с описанным количеством ступеней на Голгофу и в описании Радзивилла: «От туда восходя на лобную гору с небольшим чрез десять ступеней проходят место, где стоял Христов крест» [40. С. 74–75].

Вместе с тем необходимо заметить, что в рассматриваемых нами хождениях XVI–XVII вв. встречается и иное описание количества ступеней. Так, в повествовании Ионы Маленького речь идет о 22 ступенях: «...от тех дверей по той же стене в полуденной уголь на зимней восток лествица в верх на святую Голгофу, 22 ступени, на ней же распят Господь наш Иисус Христос нашего ради спасения» [41. С. 11]. Данное противоречие мы можем снять, просуммировав общее количество ступеней на Голгофу с разных сторон. Так, в галерее Малых Див при подъеме на Голгофу с одной стороны мы насчитываем 13 ступеней, а с другой стороны – 9 ступеней – всего 22 ступени. Примечательно, что данное соотношение ступеней невозможно вывести исключительно из рассматриваемых нами письменных источников, в которых число 9 не фигурирует вовсе. Если бы брались за основу создания Голгофы в Дивногорье лишь материалы хождений, то проектировщики вырезали бы в мелу либо 13, либо 22 ступени. Этот фактор, на наш взгляд, может свидетельствовать о личном посещении одного из создателей дивногорских пещер иерусалимского храма Воскресения Христова.

Следующая рассматриваемая нами станция Пути Скорби в урочище Малые Дивы находится к югу от Голгофы и интерпретируется нами как Кувуклия или часовня Гроба Господня. Ее ключевые черты ассоциации с иерусалимским прототипом – шестигранное в плане помещение и наличие погребального ложа. Ширина граней помещения, начиная с западной по часовой стрелке, – 1,58; 1,09; 1,1; 1,15; 1,1; 1,1 м. Высота часовни – 3,15 м. Потолок выполнен в форме шестилипесткового свода (рис. 3). В отличие от Голгофы и других станций Крестного пути данное помещение носит обособленный характер. Из галереи в него ведут два входа: западный – шириной 1,18 м, высотой 2,08 м (рис. 4), и северный – шириной 0,62 м и высотой 1,83 м. Коридор перед западным входом в помещение расширяется с обычного для меловой галереи размера в 0,9 м до 1,4 м, создавая дополнительный объем.

На восточной стене часовни вырезан прямоугольный киот высотой 1,67 м, шириной 1,2 м. В основании киота на высоте от пола 0,82 м находится меловой уступ-полка с размерами горизонтальной поверхности 1,2 × 0,27 м. В ее торцах присутствуют вырезы для деревянной конструкции. Можно предположить, что в киоте ранее находилась икона, изображающая Воскресение Христа. Князь Радзивилл так в 1853 г. описывал подобный образ в иерусалимской Кувуклии: «На стене находится ветхая доска, на которой образ воскресшаго Христа между двумя коленопреклонившимися Ангелами изображен» [40. С. 80].

Южная стена часовни углублена в тело шестигранной основы. Расстояние до нее от западного входа составляет 1,2 м. В основании стены фиксируется уступ-лежанка высотой от пола 0,45 м, от потолка – 1,48 м с размерами верхней поверхности 1,36 × 0,35 м (рис. 5). Данный уступ имеет углубление в западной торцевой стенке высотой 0,45 м и глубиной 0,34 м и трактуется нами как погребальное ложе.

Ассоциация данного помещения с Кувуклией хорошо читается при восприятии общего концепта воспроизведения Гроба Господня в архитектуре, живописи, металлопластике, литературе, где авторский акцент делается на зрительных доминантах иконографически узнаваемых деталей иерусалимской композиции. Как уже отмечалось, это, прежде всего, многогранник внешней формы Кувуклии и погребальное ложе внутреннего убранства [30. С. 145–148]. Так, например, эти символы мы видим в иллюстрациях к хождениям игумена Даниила [42. С. 17] и Трифона Коробейникова [43. С. 138]. В текстовом варианте внешний вид Кувуклии упоминается в следующих хождениях. Коробейникова: «А верх у предельца над гробом Господним аки теремец» [39. С. 10]; Ионы Маленького: «а покрыта та святая пещера полатным образцом, плоско; а ис тое святыя пещеры зделаны в верх 4 оконца, и теми оконцы учинен шатрик востроверх, зделан на столбцах мраморных» [41. С. 9].



Рис. 4. Западный вход в Кувуклию, Малые Дивы



Рис. 5. Южная стена Кувуклии с Гробом Господнем, Малые Дивы

Если говорить о размерах погребального ложа Гроба Господня, описываемого паломниками в Иерусалим XII–XVII вв., то здесь мы можем наблюдать значительную разницу в размерах, объяснимую реконструкционными работами [15. С. 9; 38. С. 475; 39. С. 8; 40. С. 77, 80; 41. С. 17; 43.

С. 164]. Для наглядности приведем в табличном варианте некоторые параметры сравнения с дивногорским эквивалентом. При этом надо заметить, что высота ложа, описываемая игуменом Даниилом, звучит как «а возвыше полулакти» [41. С. 17], в современном переводе – «а по высоте пол-локтя» [44. С. 149]. На наш взгляд, здесь мы имеем дело с изначальной ошибкой переписчика, учитывая получающуюся небольшую высоту погребального ложа и значительное расхождение с другими данными. В этом случае упомянутое нами «а возвыше полулакти» изначально было: «а возвыше полу лакти», т.е. выше от пола на локоть. Перевод в таблице измерения из современной метрической системы в древнерусскую осуществлен исходя из соответствия размера локтя длине около 46,6 см [45. С. 20].

Размеры погребального ложа в иерусалимской Кувуклии и его копии в Дивногорье по материалам хождений и натуральных измерений

Источник информации	Измерение в Дивногорье, нач. XXI в.	Описание игумена Даниила, нач. XII в.	Описание князя Радзивилла, кон. XVI в.	Описание иеродиакона Ионны, сер. XVII в.
Высота	0,45 м (1 локоть)	1 локоть (или 0,5 локтя)	1,5 локтя	1,5 локтя
Ширина	0,35 м (1 локоть с учетом возможного выступа доски)	2 локтя	1 локоть	2 локтя
Длина	1,36 м (3 локтя)	4 локтя	–	4 локтя

Если говорить о расположении погребального ложа, то все хождения «единодушны», располагая его с правой стороны от входа. То же расположение отмечаем мы и в дивногорской Кувуклии. Это имеет свой прообраз в описании евангельских событий: «И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облаченного в белую одежду; и ужаснулись. Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищете Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен» (Мк. 16.5). Вместе с тем нельзя не обратить внимание на разницу в размерах ложа в Дивногорье и ложа, описанного в хождениях. Дивногорское ложе меньше в длину и в ширину на один локоть по сравнению с данными, приводимыми игуменом Даниилом и иеродиаконом Ионою, и равно по ширине с данными князя Радзивилла. Высота дивногорского ложа соотносима, в нашей трактовке, с данными игумена Даниила в один локоть, расходясь на пол-локтя по высоте с данными князя Радзивилла и иеродиакона Ионы.

Данные расхождения в размерах могут быть объяснены и тем, что при переносе образа Гроба Господня из сакрального пространства Иерусалима на русскую почву образец воспринимался, как правило, не в архитектурной конкретике, а в образно-идейной, отраженной в богослужебной практике. Так, например, «в богослужении русской церкви Нового времени Гроб Господень – предмет, на котором в течение года до Великой пятницы лежит плащаница. Он является неотъемлемой частью чинопоследования службы Великого пятка и Великой субботы» [46. С. 158].

Остается теперь прояснить предназначение хода, ведущего из дивногорской Кувуклии в северном направлении. Здесь может быть два аспекта объяснения: в практической и литургической плоскости. В практической плоскости мы знаем пример, когда часовня Гроба Господня во времена крестоносцев состояла из двух главных частей. Причем ее западная часть с погребальной камерой была шестиугольной в плане и «движение паломников было организовано так, что они не пересекались (входили через северные двери портика и выходили через южные)» [47. С. 140]. Аналогичную планировку мы видим в дивногорской часовне, что ставит дополнительные вопросы относительно датировки памятника. Еще одно предназначение данного хода может быть рассмотрено в контексте богослужебной практики. Так, известно, например, что во время путешествия в Иерусалим Радзивилла Кувуклия принадлежала католикам, служившим в ней мессу [39. С. 79]. В Русской православной церкви для служения литургии помимо Царских врат должны быть и дьяконские. В случае использования дивногорской часовни-кувуклии для совершения обедни роль Царских врат мог исполнять западный вход, а дьяконских – северный.

Интерпретировав в качестве станций Голгофу и Кувуклию, перед нами стоит задача идентификации оставшихся пяти остановок дивногорского Пути скорби. Среди них особенно выделяется первая остановка, вырубленная в скальной породе в виде часовни. Четыре другие станции имеют сходную планировку в перекрестках поворачивающей галереи: потолок в виде купола, киоты в торцевых стенах с наличием полочки перед ними. Данное архитектурное решение оптимально вписывается в богослужебное наполнение. Четырехконечный крест, отображаясь в планиграфии четырех перекрестков, подчеркивает полноту крестных страданий. Повороты хода на перекрестках прерывают монотонность движения, заставляя воспринимать станции как отдельные локусы сакрального пространства. Кроме того, наличие перекрестков с вырубленными в двух торцах киотами могло позволять, не меняя сакральную значимость общего количества станций – семь, акцентировать иконографически еще четыре возможные остановки.

Из указанных пяти станций семантическому анализу, на наш взгляд, более доступна первая. Это связано с тем, что мы имеем дело с началом Пути скорби, который в иерусалимской традиции начинается с претория Пилата – места осуждения Христа на смерть. Радзивилл отмечает: «От палат Пилатовых <…> начинается путь плачевной». В этом контексте первая дивногорская часовня Крестного Пути – это претория, служебная резиденция римского наместника. Размеры данного помещения – 2,62 м × 2, 89 м (рис. 6). Его высота – 3,53 м, потолок выполнен в виде свода. Особый интерес здесь представляет северо-западная стена, вокруг которой формируются культовые архитектурные элементы.



Рис. 6. Преторий Пилата, вид с юго-востока, Малые Дивы

По центру стены, на расстоянии от пола в 0,7 м, вырезан аркообразный большой киот шириной в основании 0,91 м. Можно предположить, что ранее в нем находилась икона, изображающая суд над Христом. В основании киота фиксируется полка 0,91 м × 0,33 м. На момент осмотра перед полочкой лежали вырезанные из мела крупные прямоугольные в сечении блоки, из которых ранее могли быть сложены ступени «лестницы Пилата», соединяющиеся с меловыми боковыми уступами.

Идентифицировать оставшиеся четыре узловые станции Пути Скорби в Дивногорье мы не можем с той же степенью достоверности, как предыдущие три, учитывая отсутствие в Позднем Средневековье устоявшейся европейской традиции переноса иерусалимского сакрального топоса. Вместе с тем, если говорить о проекции ранней францисканской традиции XIV в. создания семи станций, то можно предположить, что это места встречи Христа с Матерью, Симоном Киринянином, благочестивыми женщинами и место, где солдаты бросали жребий об Его одежде [26]. Данная последовательность коррелируется с евангельским текстом о последнем дне земной жизни Иисуса Христа и более поздним картографическим материалом [48. P. 158].

Таким образом, в результате исследования удалось выявить семантику архитектурных элементов подземного хода вокруг пещерного храма Иоанна Предтечи в урочище Малые Дивы на Среднем Дону. В результате этого подтвердилась наша гипотеза о символическом отражении здесь Виа Долороза – образа Крестного пути Иисуса Христа, существующего в христианской культурной традиции. Последовательность дивногорских станций в нашей трактовке такова: 1) Преторий Пилата,

2) Место встречи Христа с Матерью, 3) место встречи Христа с Симоном Киринянином, 4) место встречи Христа с благочестивыми женщинами, 5) место, где солдаты бросали жребий об Его одежде, 6) Голгофа, 7) Кувуклия с Гробом Господнем.

В сооружении Виа Долороза на донской земле ярко прослеживается влияние западной христианской традиции. Если отнести создание Виа Долороза в Малых Дивах ко второй половине XVII в., то это могло произойти вследствие знакомства иноков-переселенцев с практикой сооружения кальварий на своей прежней родине и сопредельных с ней территориях. Надо заметить, что взаимопроникновение католичества и православия на уровне создания и использования предметов культа не являлось исключительным случаем в донской аскетической практике пещерничества. Так, например, в 2007 г. в Белогорской пещере были обнаружены киотный крест и подвеска, выполненные в западной христианской традиции, датируемые концом XVIII в. [49. С. 121]. При этом влияние западного христианства, естественно, не касалось вопросов догматики, так как именно отстаивание ее и приводило в движение колонизационные потоки иноков с Западной Украины на южные окраины Московского государства в XVII в. Вместе с тем ряд архитектурных элементов Скорбного пути (шестигранник Кувуклии с двумя входами в нее) и общее количество станций – семь, заставляет предположить более раннее создание памятника, что является темой отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степкин В.В. Пещеростроительство как вид христианского подвижничества в лесостепном Придонье // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 141–150.
2. Stepkin V.V. Caves in Divnogorye and Belogorye: monastic and folk tradition in the river Don caves construction // Proceedings of International Congress of Speleology in Artificial Cavities Hypogea 2015, Italy, Rome, march 11/17, 2015. Rome, 2015. P. 351–354.
3. Гмелин С. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 1 : Путешествие из Санктпетербурга до Черкаска главного города Донских козаков в 1768 и 1769 годах. СПб. : Типография Академии наук, 1771.
4. Захарова Е.Ю., Кондратьева С.К. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения) // Труды музея-заповедника «Дивногорье». Воронеж : Кварта, 2011. Вып. 2.
5. Степкин В.В. История изучения культовых пещерных сооружений бассейна Дона и Оскола // Культовые пещеры Среднего Дона. Сер. Спелестологические исследования. М. : РОСИ, 2004. Вып. 4. С. 18–28.
6. Гунько А.А. Морфометрические исследования Дивногорских, Костомаровских и Колыбелкинских пещер (Воронежская область) // Спелеология и спелестология : сб. материалов IV Междунар. науч. заочной конф. Набережные Челны : НИСПТР, 2013. С. 163–168.
7. Никольский П.В. Дивногорский Успенский монастырь. Исторический очерк. Воронеж : Типография Исаева, 1904.
8. Багалій Д.І. Історія Слобідської України. Харків : Основа, 1990.
9. Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М. : Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете, 1887.
10. Головинский П. Слободские казачьи полки. СПб. : Тип. Н. Тиблена и Комп, 1865.
11. Петров Н.И. Волынь. Исторические судьбы Юго-Западного края. СПб. : Тип. Тов. Общественная польза, 1888.
12. Петров Н.И. Краткие сведения о православных монастырях Волынской епархии в настоящее время не существующих // Волынские епархиальные ведомости. 1867. № 1–8.
13. Тевяшов В.Н. Пещерные монастыри Острогожского уезда // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1902. Вып. 1.
14. Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев : Тип. С.В. Кульженко, 1883. Т. 2.
15. Повесть и сказание о похождении в Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря чернаго диакона Ионы по рекому Маленькаго 1649–1652 гг. / под ред. С.О. Долгова // Православный Палестинский сборник. СПб. : Издание Императорского Православного Палестинского Общества, 1895. Т. XIV, вып. 3.
16. Каптерев Н.Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. СПб., 1895.
17. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 7а. Кн. 68.
18. Устрялолов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3.
19. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1948. Т. 4.
20. Пономарев С. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах (материал для библиографии). СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1877.
21. Меловые пирамиды // Отечественные достопамятности. 1823.
22. Данилевский Г.П. Дивногорск. (Очерк из путевых заметок) // Прибавление к Журналу Министерства народного просвещения. 1853. Нояб.
23. Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 годов // Известия Императорской археологической комиссии. 1911. Вып. 43.
24. Лисовой Н.Н. Откровение Святой Земли. М. : Даръ, 2012.
25. Лисовой Н.Н. Святая Земля: история и наследие. Православный путеводитель. М. : Императорское Православное Палестинское Общество ; СПб. : Издательство Олега Абышко, 2015.
26. Alston Ge.C. Way of the Cross. The Catholic Encyclopedia. N.Y. : Robert Appleton Company, 1912. Vol. 15. URL: http://www.newadvent.org/cathen/15569a.htm
27. Rickert J. Stations of the Cross: An imitative devotional exercise conducted at Lamb of God Lutheran Church Spartanburg, South Carolina. 2014. URL: http://digitalcommons.gardner-webb.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1006&context=divinity_etd
28. Яворская С.Л. «Шумаевский крест» и кальвария царя Алексей Михайловича // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М. : Индрик, 2006. С. 706–739.
29. Зеленская Г.М. Новый Иерусалим под Москвой. Аспекты замысла и новые открытия // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А.М. Лидов. М. : Индрик, 2009. С. 745–773.
30. Баталов А.П., Беляев Л.А. Почитание Гроба Господня на Руси // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIII. С. 145–148.
31. Валаамский монастырь. Путеводитель. 2-е изд., перераб. / под общ. ред. епископа Троицкого Панкратия, игумена Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. СПб. : Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 2016.
32. Панченко К.А. Монастыри и бедуины в османской Палестине и на Синае (XVI – первая пол. XIX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета III: Филология. 2007. Вып. 1 (7). С. 68–98.
33. Федорова И.В. О сборнике путешествий из собрания ГИМ (Синод. 529) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 53. С. 248–263.

34. Федорова И.В. Переводные памятники паломнической литературы Московской Руси XVI–XVII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 59. С. 293–304.
35. Беляев Л.А. Иерусалим видимый и невидимый: о типологии визуальных отражений Святой Земли в древнерусской культуре // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А.М. Лидов. М. : Индрик, 2009. С. 202–220.
36. Плужников В.И. Пещерные монастыри на Дону и Осколе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Города, ансамбли, зодчие. М. : Наука, 1985. С. 93–115.
37. Рубцов М.В. К вопросу о «Хождении» Трифона Коробейникова в Св. Землю в 1582 г. // Журнал Министерства народного просвещения. Седьмое десятидетие. 1901. Ч. CCCXXXIV. Апрель. СПб. : Типография «В.С. Балашен и Ко», 1901. С. 359–388.
38. Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи (перевод и комментарии О.А. Белобровой) // Повести и сказания Древней Руси. Памятники литературы XI–XVII веков в избранных переводах. Изборник / под ред. Д.С. Лихачева. СПб. : Диля, 2001. С. 464–487, 999–1012.
39. Хождение Трифона Коробейникова 1593–1594 гг. // Православный Палестинский сборник. СПб. : Издание Православного Палестинского Общества, 1889. Т. IX, вып. 3.
40. Путешествие ко Святым Местам и в Египет князя Николая Христофора Радзивила. СПб., 1787.
41. Житие и хождение Даниила Русьскыя земли игумена 1106–1107 гг. / под ред. М.А. Веневитинова // Православный Палестинский сборник СПб. : Издание Православного Палестинского Общества, 1885. Вып. 3, 9.
42. Грибов Ю.А. Образ Святой Земли в лицевом рукописном «Хождении Трифона Коробейникова» // Богословские труды. 1999. № 35. С. 136–144.
43. Путешествие иеродиакона Ионы по Святым Местам // Сказания русскаго народа, собранныя И. Сахаровым. СПб. : В типографии Сахарова, 1849. Т. 2, кн. 5–8. С. 161–168.
44. Хождение игумена Даниила (перевод и комментарии Г.М. Прохорова) // Повести и сказания Древней Руси. Памятники литературы XI–XVII веков в избранных переводах. Изборник / под ред. Д.С. Лихачева. СПб. : Диля, 2001. С. 144–190, 866–889.
45. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Ммсш. школа, 1975.
46. Баталов А.Л. Гроб Господень в замысле «Святая Святых» Бориса Годонова // Иерусалим в русской культуре. М. : Наука, 1994. С. 154–171.
47. Беляев Л.А. Гроб Господень. Архитектурная история // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIII. С. 138–142.
48. Sandys G. Relation of a journey begun an: Dom: 1610. London, 1621.
49. Степкин В.В. Материальная и духовная культура пещерокопателя донской лесостепи конца XVIII в. (по материалам закрытого комплекса Белогорского монастыря) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 118–122.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 марта 2017 г.

VIA DOLOROSA IN THE CAVES OF THE MALYE DIVY AREA IN THE MIDDLE DON

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 167–179.
DOI: 10.17223/15617793/426/21

Vitaliy V. Stepkin, Pavlovsk Secondary School with Enhanced Coverage of Certain Subjects (Pavlovsk, Russian Federation). E-mail: archeolog@mail.ru

Keywords: Divnogorye; pilgrimage to Holy Land; New Jerusalem; Via Dolorosa; caves.

The objective of the research is to reveal the meaning of the cave tunnel architectural elements in the Divnogorsky Assumption Monastery in the Middle Don. The author hypothesizes on a symbolic reflection here of Via Dolorosa (The Way of the Cross), a street in Jerusalem being a symbolic reflection of Jesus Christ's way to his crucifixion. Herewith the author addresses the following issues: 1) clarification of the monument's historical background; 2) written sources analysis: pilgrimage to the Holy Land description and application of the findings to the architectural elements of the caves in Divnogorye. The solution of the second task allows opening a new methodological aspect to understand the intended purpose for the numerous underground passages and spaces of ancient cult caves in the Russian Plain. The Divnogorsky Assumption Monastery is located in the area of the Tikhaya Sosna inflow into the Don. It traces its roots to the middle of the 17th century. It was a result of a secular and monastery settlement in the south border of the Moscow State by Orthodox Christians native of Western Ukraine. The monks who came to the new community brought the European tradition of the Via Dolorosa construction. The tradition dates back to the 14th century and in the 17th century it became widespread in European countries. Initially, the Way of the Cross was seven symbolic architectural stations, which reflected significant events of the last day of Jesus Christ's earthly life. The same principle can be seen in the caves of the Divnogorsky Monastery. The first station is outlined by the chapel, it is Pilate's court. This very station starts the Way of the Cross in Jerusalem. Stations two to five are outlined by turns of the underground tunnel; they form a cross on the plan emphasizing the plenitude of suffering on the cross. The second station is the place where Christ met His Blessed Mother. The third station is the place where Christ met Simon of Cyrene. The fourth station is the place where Christ spoke to the women of Jerusalem. The fifth station is the place where the soldiers cast lots for Jesus Christ's garment. The identification of the stations was made in accordance with the early European tradition based on the Gospels. The sixths station is Golgotha. Its symbolism can be easily recognized due to the steps leading up and down in the cave tunnel. Besides, the number of the steps is equal to those in the Church of Resurrection in Jerusalem described by Russian pilgrims Vasiliy Poznyakov and Trifon Korobeynikov in the 16th century. The seventh station is the Edicule of the Holy Sepulture. It is clearly symbolized by its hexagonal shape and sepulture carved out in the chalk rock. The sepulture is positioned in accordance with the present tradition. The Way of the Cross explained hereby is unique and non-typical for Russia, which is strengthened by its underground position. A very important task now is its preservation and further study due to its earlier dating.

REFERENCES

1. Stepkin, V.V. (2008) Peshcherostroitel'stvo kak vid khristianskogo podvizhnichestva v lesostepnom Pridon'e [Cave construction as a kind of Christian asceticism in the forest-steppe Don area]. *Vestnik tserkovnoy istorii.* 3 (11). pp. 141–150.
2. Stepkin, V.V. (2015) Caves in Divnogorye and Belogorye: monastic and folk tradition in the river Don caves construction. *Proceedings of International Congress of Speleology in Artificial Cavities Hypogea 2015.* Italy, Rome. March 11–17, 2015. Rome. pp. 351–354.
3. Gmelin, S. (1771) Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv estestva. Ch. 1: Puteshestvie iz Sanktpeterburga do Cherkaska glavnogo goroda Donskikh kozakov v 1768 i 1769 godakh [Journey through Russia to explore the three kingdoms of nature. Part 1: Journey from St. Petersburg to Cherkask, the main city of the Don Cossacks in 1768 and 1769]. St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk.

4. Zakharova, E.Yu. & Kondrat'eva, S.K. (2011) Arkhitekturnye i arkheologicheskie pamyatniki Divnogor'ya (istoriya izucheniya) [Architectural and archaeological monuments of the Divnogorye (study history)]. In: Zakharova, E.Yu. & Kondrat'eva, S.K. (eds) *Trudy muzeya-zapovednika "Divnogor'e"* [Works of the Divnogorye museum-reserve]. Is. 2. Voronezh: Kvarta.
5. Stepkin, V.V. (2004) Istoriya izucheniya kul'tovykh peshchernykh sooruzheniy basseyna Dona i Oskola [History of the study of cult cave structures in the Don and the Oskol basin]. In: Sokhin, M.Yu. (ed.) *Kul'tovye peshchery Srednego Dona. Ser. Spelestologicheskie issledovaniya* [Cult caves of the Middle Don. Ser. Speleological studies]. Is. 4. Moscow: ROSI.
6. Gun'ko, A.A. (2013) [Morphometric studies of the Divnogorye, Kostomarovo and Kolybelkino caves (Voronezh Oblast)]. *Speleologiya i spelestologiya* [Speleology and spelethalology]. Proceedings of the IV International Correspondence. Naberezhnye Chelny: NISPTR. pp. 163–168. (In Russian).
7. Nikol'skiy, P.V. (1904) *Divnogorskiy Uspenskiy monastyr'. Istoricheskiy ocherk* [Divnogorsky Assumption Monastery. A historical essay]. Voronezh: Tipografiya Isaeva.
8. Bagaliy, D.I. (1990) *Istoriya Slobids'koï Ukraïni* [History of Sloboda Ukraine]. Kharkiv: Osnova.
9. Bagaley, D.I. (1887) *Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays from the history of colonization of the steppe borderland of the Moscow state]. Moscow: Izdanie Imperatorskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete.
10. Golovinskiy, P. (1865) *Slobodskie kazach'i polki* [Sloboda Cossack regiments]. St. Petersburg: Tip. N. Tiblena i Komp.
11. Petrov, N.I. (1888) *Volyn'. Istoricheskie sud'by Yugo-Zapadnogo kraya* [Volyn. Historical fates of the South-Western territory]. St. Petersburg: Tip. Tov. Obshchestvennaya pol'za.
12. Petrov, N.I. (1867) Kratkie svedeniya o pravoslavnykh monastyryakh Volynskoy eparkhii v nastoyashchee vremya ne sushchestvuyushchikh [Brief information about the Orthodox monasteries of the Volyn diocese currently not existing]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 1–8.
13. Tevyashov, V.N. (1883) Peshchernye monastyri Ostrogozhskogo uezda [Cave monasteries of Ostrogozhsky Uyezd]. *Trudy Voronezhskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. 1.
14. Golubev, S. (1883) *Kievskiy mitropolit Petr Mogila i ego spodvizhniki* [Kiev Metropolitan Pyotr Mogila and his companions]. Vol. 2. Kiev: Tip. S.V. Kul'zhenko.
15. Dolgov, S.O. (ed.) (1895) Povest' i skazanie o pokhozhdenii v Ierusalim i vo Tsar'grad Troitskogo Sergieva monastyrya chernago diakona Iony po reklomu Malen'kago 1649–1652 gg. [The story and legend about the journey of a regular diakon of the Troitsky Sergius Monastery Iona the Small in 1649–1652 to Jerusalem and to Tsargrad]. In: *Pravoslavnyy Palestinskiy sbornik* [Orthodox Palestine collection]. Vol. 14. Is. 3. St. Petersburg: Izdanie Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva.
16. Kapterev, N.F. (1895) *Snosheniya ierusalimskikh patriarkhov s russkim pravitel'stvom s poloviny XVI do kontsa XVIII stoletiya* [The relations of the Jerusalem Patriarchs with the Russian government from the middle of the 16th to the end of the 18th centuries]. St. Petersburg: Imp. Pravosl. palest. o-vo.
17. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 210. List 7a. Book 68. (In Russian).
18. Ustryalolov, N.G. (1858) *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo* [The history of the reign of Peter the Great]. Vol. 3.St. Petersburg: Tip. II-go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kantselyarii.
19. Bogoslovskiy, M.M. (1948) *Petr I. Materialy dlya biografii* [Peter I. Materials for a biography]. Vol. 4. Moscow: Sotsekgiz.
20. Ponomarev, S. (1877) *Ierusalim i Palestina v russkoy literature, nauke, zhivopisi i perevodakh (material dlya bibliografii)* [Jerusalem and Palestine in Russian literature, science, painting and translation (material for a bibliography)]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
21. Shiryaev, A.S. (1823) Melovye piramidy [Chalkrock pyramids]. In: *Otechestvennye dostopamyatnosti* [Domestic memorabilia]. Moscow: V Universitetskoy tipografii.
22. Danilevskiy, G.P. (1853) Divnogorsk. (Ocherk iz putevykh zametok) [Divnogorsk. (Essay from travel notes)]. *Pribavlenie k Zhurnalu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. November.
23. Makarenko, N.E. (1911) Arkheologicheskie issledovaniya 1907–1909 godov [Archaeological research of 1907–1909]. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii*. 43.
24. Lisovoy, N.N. (2012) *Otkrovenie Svyatoy Zemli* [Revelation of the Holy Land]. Moscow: Dar".
25. Lisovoy, N.N. (2015) *Svyataya Zemlya: istoriya i nasledie. Pravoslavnyy putevoditel'* [The Holy Land: history and legacy. Orthodox Guide]. Moscow: Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo; St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
26. Alston, Ge.C. (1912) *Way of the Cross. The Catholic Encyclopedia*. Vol. 15. N.Y.: Robert Appleton Company. [Online] Available from: http://www.newadvent.org/cathen/15569a.htm.
27. Rickert, J. (2014) *Stations of the Cross: An imitative devotional exercise conducted at Lamb of God Lutheran Church, Spartanburg, South Carolina*. [Online] Available from: http://digitalcommons.gardner-webb.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1006&context=divinity_etd.
28. Yavorskaya, S.L. (2006) "Shumaevskiy krest" i kal'variya tsarya Aleksey Mikhaylovicha ["Shumaevsky Cross" and the calvary of Tsar Alexei Mikhailovich]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevney Rusi* [Hierotopia. Creation of sacral spaces in Byzantium and Ancient Rus]. Moscow: Indrik.
29. Zelenskaya, G.M. (2009) Novyy Ierusalim pod Moskvoy. Aspekty zamysla i novye otkrytiya [New Jerusalem near Moscow. Aspects of the plan and new discoveries]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalem. Hierotopy and iconography of sacred spaces]. Moscow: Indrik.
30. Batalov, A.P. & Belyaev, L.A. (2006) Pochitanie Groba Gospodnya na Rusi [Veneration of the Holy Sepulcher in Russia]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 13. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya".
31. Pankraty. (ed.) (2016) *Valaamskiy monastyr'. Putevoditel'* [The Valaam Monastery. A Guide]. 2nd ed. St. Petersburg: Spaso-Preobrazhenskiy Valaamskiy monastyr'.
32. Panchenko, K.A. (2007) Monastyri i beduiny v osmanskoy Palestine i na Sinae (XVI – pervaya pol. XIX v.) [Monasteries and Bedouins in the Ottoman Palestine and Sinai (16th – first half of the 19th centuries)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta III: Filologiya*. 1 (7). pp. 68–98.
33. Fedorova, I.V. (2003) O sbornike puteshestviy iz sobraniya GIM (Sinod. 529) [On the collection of journeys from the collection of the State Historical Museum (Synod 529)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 53. pp. 248–263.
34. Fedorova, I.V. (2008) Perevodnye pamyatniki palomnicheskoy literatury Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv. [Translated monuments of pilgrimage literature of Moscow Rus of the 16th–17th centuries]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 59. pp. 293–304.
35. Belyaev, L.A. (2009) Ierusalim vidimyy i nevidimyy: o tipologii vizual'nykh otrazheniy Svyatoy Zemli v drevnerusskoy kul'ture [Jerusalem visible and invisible: the typology of visual reflections of the Holy Land in ancient Russian culture]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalem. Hierotopy and iconography of sacred spaces]. Moscow: Indrik.
36. Pluzhnikov, V.I. (1985) Peshchernye monastyri na Donu i Oskole [Cave monasteries on the Don and the Oskol]. In: Vygolov, V.P. (ed.) *Pamyatniki russkoy arkhitektury i monumental'nogo iskusstva. Goroda, ansambli, zodchie* [Monuments of Russian architecture and monumental art. Cities, ensembles, architects]. Moscow: Nauka.
37. Rubtsov, M.V. (1901) K voprosu o "Khozhdenii" Trifona Korobeynikova v Sv. Zemlyu v 1582 g. [On the "Journey" of Trifon Korobeinikov to the Holy Land in 1582]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Decade Seven. CCCXXXIV. April. pp. 359–388.
38. Likhachev, D.S. (ed.) (2001) Khozhdenie na Vostok gostya Vasiliya Poznyakova s tovarishchi [The Journey to the East of the guest Vasily Poznyakov with his companions]. Translation and commentaries by O.A. Belobrova. In: *Povesti i skazaniya Drevney Rusi. Pamyatniki literatury XI–*

XVII vekov v izbrannykh perevodakh. Izbornik [The tales and legends of Ancient Rus. Monuments of literature of the 11th-17th centuries in selected translations. Anthology]. St. Petersburg: Dilya.
39. Anon. (1889) Khozhdenie Trifona Korobeynikova 1593–1594 gg. [The Journey of Trifon Korobeinikov 1593–1594]. In: *Pravoslavnyy Palestinskiy sbornik* [Orthodox Palestine collection]. Vol. 9. Is. 3. St. Petersburg: Izdanie Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva.
40. Anon. (1787) *Puteshestvie ko Svyatym Mestam i v Egipet knyazya Nikolaya Khristofora Radzivila* [Journey to Holy Places and Egypt of Prince Nicholas Christopher Radzivil]. St. Petersburg: tip. Vil'kovskogo i Galchenkova.
41. Venevitinov, M.A. (ed.) (1885) (1885) Zhitie i khozhdenie Daniila Rus'skyya zemli igumena 1106–1107 gg. [Life and journeys of Daniil, a hegumen of the Russian land, in 1106–1107]. In: *Pravoslavnyy Palestinskiy sbornik* [Orthodox Palestine collection]. Is. 3, 5. St. Petersburg: Izdanie Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva.
42. Gribov, Yu.A. (1999) Obraz Svyatoy Zemli v litsevom rukopisnom "Khozhdenii Trifona Korobeynikova" [The image of the Holy Land in the illustrated handwritten "Journey of Tryphon Korobeinikov"]. *Bogoslovskie trudy*. 35. pp. 136–144.
43. Sakharov, I. (ed.) (1849) Puteshestvie ierodiakona Iony po Svyatym Mestam [The Journey of Hierodeacon Iona to Holy Places]. In: *Skazaniya russkago naroda, sobrannyya I. Sakharovym* [Tales of the Russian people, collected by I. Sakharov]. Vol. 2. Books 5–8. St. Petersburg: V tipografii Sakharova.
44. Likhachev, D.S. (ed.) (2001) Khozhdenie igumena Daniila [The Journey of Hegumen Daniel]. Translation and commentaries by G.M, Prokhorov. In: *Povesti i skazaniya Drevney Rusi. Pamyatniki literatury XI–XVII vekov v izbrannykh perevodakh*. Izbornik [The tales and legends of Ancient Rus. Monuments of literature of the 11th-17th centuries in selected translations. Anthology]. St. Petersburg: Dilya.
45. Kamentseva, E.I. & Ustyugov, N.V. (1975) *Russkaya metrologiya* [Russian metrology]. 2nd ed. Moscow: Mmssh. shkola.
46. Batalov, A.L. (1994) Grob Gospoden' v zamysle "Svyataya Svyatykh" Borisa Godonova [The Holy Sepulcher in the project "the Holy of Holies" of Boris Godunov]. In: Batalov, A.L. & Lidov, A.M. (eds) *Ierusalim v russkoy kul'ture* [Jerusalem in Russian Culture]. Moscow: Nauka.
47. Belyaev, L.A. (2006) Grob Gospoden'. Arkhitekturnaya istoriya [The Holy Sepulcher. Architectural History]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 13. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya".
48. Sandys, G. (1621) *A relation of a journey begun An: Dom: 1610*. London: Printed for W. Barrett.
49. Stepkin, V.V. (2014) Material and intellectual culture of cave founders in Don forest-steppe in the end of the XVIII century adapted from materials of the closed complex of Belogorsky Monastery. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 3. pp. 118–122. (In Russian).

Received: 08 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 180–191. DOI: 10.17223/15617793/426/22

УДК 94:378.4(571.16)“1917”

А.О. Степнов, С.А. Некрылов, С.Ф. Фоминых

ЭТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КОРПОРАЦИИ Г. ТОМСКА НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТА НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВЕСНОЙ–ЛЕТОМ 1917 г.

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России (проект № 33.1687.2017/4.6).

На материалах архивной документации, периодической печати и источников личного происхождения реконструируется конфликт профессоров юридического факультета Томского университета весной–летом 1917 г. Делается вывод, что в основе своей конфликт имел не столько академическую, сколько личную и материальную подоплеку. Это позволило воссоздать моральную атмосферу в университетском сообществе тех лет. Статья завершает цикл из трех публикаций («Повседневная жизнь университетского сообщества г. Томска в период революционных событий 1917 г.», «Русская революция 1917 г. и Томский университет в воспоминаниях Л.В. Арнольдова»), посвященных Томскому университету в период Революции 1917 г.

Ключевые слова: Томский университет; профессора; студенты; конфликт; этика взаимоотношений; Русская революция 1917 г.

Летом 1917 г. профессор Томского университета П.И. Лященко оставил должность в вузе и перевелся в Варшавский (Донской) университет. Так закончилась его деятельность в первом сибирском университете, с которым было связано почти 4 года его жизни и творческой биографии.

Выпускник Санкт-Петербургского университета, он еще до приезда в Томск составил себе имя в науке: в 1910 г. защитил магистерскую диссертацию в Юрьевском университете, печатался в крупных российских экономических журналах («Русское экономическое обозрение», «Вестник кооперации» и др.). П.И. Лященко приобрел известность как специалист в области хлебной торговли и аграрной экономики в целом. Именно этой тематике были посвящены его магистерская («Очерки аграрной эволюции в России») и докторская (Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика») диссертации. Последнюю он защитил в 1914 г. в Харьковском университете с присуждением степени доктора политической экономии и статистики. С 1 июня 1915 г. его избрали ординарным профессором по кафедре политической экономии и статистики Императорского Томского университета.

За годы работы в Томском университете П.И. Лященко совместно с профессором Г.Г. Тельбергом составил программу спецкурсов для студентов V–VI семестров юридического факультета по экономике, местному суду и праву в Сибири, возглавлял Западно-Сибирское научное общество сельского хозяйства, был одним из организаторов сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Томской губернии, редактировал (1916–1917 гг.) «Известия Томского университета» [1. С. 157–158].

Одно время (в июне 1916 г.) он исполнял обязанности ректора университета, а в 1915–1917 гг. занимал должность декана юридического факультета. На этом посту Лященко столкнулся с рядом трудностей, которые были связаны «с разрухой факультетского дела» [2. 1917. 23 апр.]. Юридический факультет, открытый в Императорском Томском университете в 1898 г., на момент рассматриваемых событий действительно находился в непростом положении.

По свидетельству профессора кафедры полицейского права Н.Я. Новомбергского, на факультете более 10 лет были свободны две кафедры римского права и кафедра гражданского процесса, более 5 лет – кафедра гражданского права. Освобождавшиеся кафедры (как это было после перехода в 1912 г. в Санкт-Петербургский университет профессора кафедры уголовного права и уголовного судопроизводства Н.Н. Розина) замещались профессорами, нередко имевшими иные специальности. Низкая мобильность профессорско-преподавательского состава факультета объяснялась как неблагоприятными условиями службы в Сибири, связанными с климатом и отдаленностью от европейских центров, так и общим дефицитом докторов наук в области права в вузах России. Штат факультета, таким образом, на протяжении длительного времени требовал пополнения. «Самый фундамент юридического образования рассыпался» [2. 1917. 23 апр.], – резюмировал по поводу сложившейся ситуации Н.Я. Новомбергский.

Профессор Лященко, будучи деканом, «проявил большую энергию» по обновлению и своего рода санации факультетской жизни. Однако в ходе этого ему пришлось столкнуться с противодействием старейших профессоров факультета, у которых, по всей видимости, было свое особое видение путей такого обновления. В определенный момент скрытое противостояние вылилось в публичный конфликт. В него оказались вовлечены профессора как Томского университета, так и Томского технологического института, преподаватели, а также студенчество вуза. Сугубо университетские проблемы стали достоянием общественности, поскольку участники этого конфликта прибегали к открытым письмам, публиковавшимся на страницах «Сибирской жизни». Именно эта «факультетская борьба» стала причиной того, что П.И. Лященко в марте 1917 г. сложил с себя обязанности декана, а летом, как уже было сказано, и вовсе покинул Томск.

Отметим, что конфликтология академической среды дореволюционной России уже находила отражение в ряде исследовательских работ. Они посвящены как конфликтам профессоров с правительством по поводу проводимой в области высшей школы политики [3], так и непосредственно научными и личностными социальными коллизиям среди профессоров и преподавателей. В одной из статей по данной тематике выведена типология академических конфликтов, в основном на примерах из истории академических сообществ столичных университетов (Санкт-Петербург-ского и Московского) второй половины XIX – начала XX в. [4].

Исследуемый же нами в настоящей статье конфликт пришелся на 1917 г., когда в стране происходили революционные процессы, затронувшие и высшую школу.

Томск в начале марта 1917 г. с одобрением и ликованием встретил вести из Петрограда о случившейся революции (тогда ее, впрочем, нередко называли переворотом). Город, живший до этого в естественном для провинциального антуража патриархальном спокойствии, открыл двери своих домов, заполонил улицы и площади толпами городских обывателей. В предыдущих статьях, также посвященных Томскому университету в революционном 1917 г., уже освещалась реакция на происходившее со стороны университетского сообщества и населения города в целом. Отметим, что аналогичные тенденции проявились в других вузовских центрах страны, например, в Петроградском (Санкт-Петербургском) университете. Его Ученый совет, так же как и Совет Томского университета, «с началом революции выступил с заявлением о поддержке нового правительства и политических перемен» [5. С. 726–727].

Дальнейшие события в Томске характеризовались резким подъемом общественной жизни, политической активизацией его различных социальных групп, среди которых значительное место занимали представители академической корпорации города, и самая активная его часть – студенчество.

Обратимся к дневниковым записям одного из них – студента горного отделения Томского технологического института П.А. Леонова. В них он запечатлел день 10 марта, когда в Томске «очень оживленно и с большим подъемом» состоялось первое общегосударственное торжество революционной России – так называемый Праздник Свободы. С утра на Соборной площади готовился парад расквартированных в городе полков. Туда со всех концов города стекались люди. У большинства из них в знак солидарности с революцией были красные ленточки, а солдаты оборачивали ими кокарды. Здания жилых домов и учреждений увешивались багряными флагами. Оркестры играли «Марсельезу». Парад длился 5 часов. В нем приняли участие около 70 тыс. солдат. Вот что Леонов писал о них: «Революционная армия! Оплот Временного комитета! Солдаты шли, и трудно было определить их настроение. Бросилось в глаза довольное настроение некоторых войск, обращала внимание радость, истинная радость тех рот, которые первые пошли защищать Временный комитет» [6. Л. 109 об.–110].

Вечером, прогуливаясь по ул. Почтамтской, студенту бросилась в глаза вечерняя иллюминация, «особенно красиво» оформленная во Второвском пассаже. В его окне ярко горела надпись, буквы которой были сделаны красными лампочками, – «Свобода» [Там же. Л. 111 об.].

Настроения и чувства тех дней были близки к тому, что позднее в творчестве Бунина метафорически было выражено словосочетанием «солнечный удар». «Я начинал чувствовать радость великого счастья, – писал тот же П. Леонов, – и чуть было не заплакал, но сдержался. Потом опять наступило состояние, словно я находился во сне» [6. Л. 108–108 об.].

Революционная эйфория завоевывала город, не обойдя стороной и Томский университет. Мерцающая красным светом «свобода» стала важным фактором, определяющим университетскую жизнь. В 1917 г. университет получил автономию. Профессурой и студенчеством она воспринималась как одно из ключевых революционных завоеваний. Отсюда вытекал и резко снизившийся контроль со стороны государства за жизнью вуза. Утратил свое влияние попечитель Западно-Сибирского учебного округа. Напомним, что эта должность была окончательно упразднена осенью 1917 г. Ректор университета профессор-гинеколог И.Н. Грамматикати был болен. В марте он оставил эту должность. Некоторое время и.о. ректора был профессор В.Н. Саввин, затем был назначен (фактически занимал эту должность с мая) В.В. Сапожников.

В это время в стенах университета организованное студенчество, значительная часть которого была занята политической деятельностью (шла подготовка к выборам в местную Думу), начало борьбу за отмену промежуточных весенних экзаменов (минимумов). Позднее студенческим старостатом и союзом младших преподавателей Томского университета были предприняты, правда, не увенчавшиеся успехом попытки получить представительство в административных структурах и Ученом совете вуза. Правление университета почти на каждом заседании рассматривало прошения о предоставлении тех или иных помещений для проведения собраний различного рода организаций, в том числе студенческих.

Таковы были условия, когда обнаружились, по выражению Н.Я. Новомбергского, «давно не заживающие язвы юридического факультета» [2. 1917. 23 апр.].

16 марта группа из пяти профессоров юридического факультета, а именно П.А. Прокошева, С.П. Мокринского, Г.Г. Тельберга, С.И. Солнцева и Н.Н. Кравченко, обратилась с письмом к президиуму факультета. В нем декан П.И. Лященко обвинялся в нарушении порядка составления протоколов заседания факультета, «освещенного не только многолетней университетской практикой, но и являвшегося, очевидно, единственно вообще приемлемым во всяком учреждении». Дело в том, что на заседании факультета, состоявшемся 1 марта, не был, как принято, представлен протокол предыдущего заседания (от 8 февраля), и он, соответственно, не был заслушан с последующим внесением «поправок и дополнений» членами факультета. На следующем заседании, 8 марта, как подчеркивается в письме, «декан воспротивился настойчиво заявленному 5-ю нижеподписавшимися членами факультета желанию внести как в первый,

так и во второй проекты протоколов ряд существенных поправок». Отмечалось, что «при энергичной поддержке секретаря факультета профессора Новомбергского и, в особенности, члена Петроградского юридического факультета профессора фон Зелера» оба проекта без изменений были поставлены на голосование и в итоге подписаны 6 из 11 присутствовавших профессоров, т.е. большинством. Однако, учитывая, что К.-В. Ф. фон Зелер был, по сути, прикомандирован к факультету, правомерность этого решения группой из пяти профессоров оспаривалась [7. Л. 112–112 об.].

Юрист-романист, профессор по кафедре римского права фон Зелер 18 марта того же года по приказу министра народного просвещения А.А. Мануйлова был снят с должности профессора (вместе с фон Зелером увольнению подлежал и профессор Колоножников, хотя по другим сведениям, они подали в отставку добровольно и несколько позднее [8. Л. 36]). Уже в Петрограде, куда вслед за этим отправился профессор, он был арестован по подозрению в шпионаже в пользу Германии. Группа из пяти профессоров в одном из писем выражала недоумение, что студенты Томского университета ранее выступали за переизбрание К.-В. Ф. фон Зелера, «того Зелера, против которого еще недавно шумно протестовали студенты петроградские» [2. 1917. 18 апр.].

Речь шла о скандале вокруг персоны профессора, имевшего место после начала Первой мировой войны. Тогда он занимал должность ординарного профессора римского права Петроградского (Санкт-Петербургского) университета. Начало войны фон Зелер встретил на территории Германии, где тогда проходил лечение. Вскоре он вернулся в Россию и вновь приступил к своим обязанностям в университете. Однако шовинистические настроения первых месяцев войны и распространившиеся слухи о том, что в период работы в Берлинском университете (с 1901 г. был приват-доцентом, а с 1902 г. – экстраординарным профессором кафедры римского и германского гражданского права) фон Зелер принял германское гражданство, привели к тому, что после очередной лекции студенты устроили «обструкцию с криками “долой немцев из университета”» [5. С. 705]. После того, как эти сведения просочились в прессу, протесты против профессора расширились [9], что и привело к его вынужденному отъезду в Томск.

Выскажем мнение, что, присоединившись к данной критике профессора фон Зелера лишь потому, что последний, наряду с рядом других профессоров факультета, поддержал в данном конфликте декана П.И. Лященко, группа из пяти профессоров юридического факультета не делала себе чести. Тем более что вскоре после его ареста, в апреле 1917 г. он был освобожден. К тому же нельзя не отметить, что высокой оценки были удостоены профессиональные качества профессора, в том числе со стороны юристов Томского университета. Так, профессор по кафедре энциклопедии и истории философии права И.В. Михайловский отзывался о фон Зелере как о «выдающемся романисте». «Последнего профессора, – отмечал Михайловский, – успели уже оценить и в Томске как превосходного преподавателя, а утверждение авторов письма о том, что против Зелера “шумно протестовали” петроградские студенты, совершенно неверно» [2. 1917. 23 апр.].

Возвращаясь к рассматриваемому письму, резюмируем, что декан был обвинен в нарушении «освещенного обычаем и юридически единственно допустимого порядка» составления протоколов, в игнорировании протеста по этому поводу со стороны пяти профессоров факультета, наконец, в том, что «созываемые деканом собрания совершенно утратили значение официальных заседаний». Весьма категорично звучит и заключение их письма: «В итоге мы, нижеподписавшиеся члены факультета, не можем не прийти к печальному выводу, что жизнь факультета как учреждения остановилась» [7. Л. 112 об.].

Данный «вердикт» выглядит весьма утрированными, а потому небезосновательно наводит на мысль, что за ним кроется нечто большее. Действительно, ранее, 13 февраля того же года, группой из пяти профессоров одновременно декану П.И. Лященко и секретарю Н.Я. Новомбергскому были посланы письма «с предложением: первому, чтобы он подал в отставку от должности декана, и второму, чтобы он сложил с себя обязанности секретаря факультета» [2. 1917. 18 апр.].

В письме, адресованном П.И. Лященко, последний уже тогда обвинялся в неумении проводить заседания факультета, которые редко проходили «вполне спокойно, не вызывая повышенного настроения»; в неспособности укрепить «товарищескую сплоченность факультетской корпорации», быть его «организующим центром»; в отсутствии авторитета в Совете университета. «Изыскивая средства к выходу из создавшегося положения, – подчеркивалось в письме, – мы, как бы ни расходились наши личные взгляды и убеждения по поводу тех или других общественных и академических вопросов, совершенно, однако, сходимся в том, что коренная причина царящей на факультете неурядицы лежит, во всяком случае, и прежде всего в Вас: Вы, как декан, безусловно, не обнаружили – таково наше глубокое убеждение, тех именно качеств и способностей, которые являются необходимым условием деятельности, связанной с занятием выборной административной должности в университете». И далее: «Мы не можем, конечно, ссылаясь на тот или другой пункт университетского устава, предъявить Вам формальное требование подчиниться настоящему предложению; но мы опираемся в данном случае не на букву закона, а на его разум и на добрые академические традиции» [8. Л. 68–68 об.].

Обратим внимание на то, что как в данном, так и в дальнейших письмах конкретных обвинений в адрес Лященко, по сути, не прозвучало. Изначально письма от 13 февраля, кроме упомянутых из пяти профессоров, были также подписаны профессорами Г.М. Колоножниковым и И.И. Аносовым. Однако на следующий же день они сняли свои подписи [Там же. Л. 60]. Данный шаг диктовался, в частности, и тем, что, по их мнению, «письмо к профессору Лященко носило субъективный характер» [Там же. Л. 30 об.], иными словами, было лишено тех самых конкретных обвинений. Заметим, что профессор Михайловский, на квартиру которого с предложением присоединиться к подписантам накануне пришли профессора Тельберг

и Кравченко, «прочитав первый абзац», сразу же отказался от этого [8. Л. 43].

Более объективным Колоножникову и Аносову представлялось письмо, адресованное секретарю факультета профессору Н.Я. Новомбергскому. Формально оно опиралось на имевшие место судебные приговоры профессору «в связи с клеветой». Поскольку вынесены они были после его избрания секретарем, Новомбергскому предлагалось сложить с себя эти обязанности и «подвергнуться вновь процедуре избрания на предмет выяснения отношения факультета к создавшемуся положению». На этот раз в письме прозвучали ультимативные интонации. «На это обращение наше, – подчеркивалось в нем, – мы ждем одного ответа – немедленной Вашей отставки от должности секретаря факультета, всякие же объяснения по данному принципиальному вопросу считаем совершенно бесполезными и бесплодными, почему заранее от них отказываемся… Считаем долгом предуведомить Вас, что в случае неисполнения его Вами, мы сделаем данный вопрос достоянием широких общественных и академических кругов и возбудим его в установленном официальном порядке» [8. Л. 69– 69 об.].

Однако немедленной отставки декана и секретаря не последовало, а профессор Новомбергский и вовсе посчитал себя оскорбленным тоном письма. В ответном послании он писал: «В самом предложении мы не нашли для себя ничего обидного. Лично я был оскорблен тем, что предложение, посланное мне, не носило академического характера и сопровождалось троякого рода угрозами… Здесь каждое слово незабываемо характерно для авторов письма» [2. 1917. 23 апр.]. Новомбергский потребовал третейского суда за нанесенную обиду. «Группа 5-ти» отклонила данное требование, а несколько позднее сдержала свое обещание, и вскоре конфликт с подробностями вылился в газетную дискуссию, выставив на обозрение внутриуниверситетские коллизии.

18 марта П.И. Лященко и Н.Я. Новомбергский сложили с себя полномочия, соответственно, декана и секретаря [Там же. 18 апр.]. Студенты 4-го курса юридического факультета, выражая свою солидарность с уже бывшими деканом и секретарем, в знак протеста против действий пяти профессоров 19 марта объявили им бойкот. После сходки 20 марта «студенты всех курсов» «выразили им свое искреннее сожаление и глубочайшее сочувствие по этому поводу», о чем и было напечатано в ближайшем номере «Сибирской жизни» [Там же. 23 марта].

В апреле на страницах той же газеты появилось объявление за подписью студента С. Роговского, согласно которому студенты-юристы первых трех курсов присоединялись к объявленному пяти профессорам студентами 4-го курса бойкоту. В заключение было заявлено, что, после того как данное решение было принято на собрании (сходке) студентов 11 апреля, все студенты, в том числе «не присутствовавшие на собрании, безусловно, обязаны воздержаться от всякого с этими профессорами общения в пределах академической жизни» [Там же. 15 апр.].

Не замедлил себя ждать и ответ профессоров. Он был опубликован в одном из следующих номеров газеты. В нем они, как и подобает юристам, сослались на отсутствие кворума упомянутого собрания 11 апреля и в связи с этим признали его решение о бойкоте неправомерным. «Мы глубоко убеждены, – подчеркивалось в их коллективном письме, – что все это своеобразное “движение”, в целом и в частностях, идет вразрез с настроением всего организованного и передового студенчества в Томске». Позднее студент Попов подтвердил, что «кворума не было» и что вопрос о бойкоте вовсе «не обсуждался на общестуденческой сходке» [8. Л. 57 об.]. При этом та же «Сибирская жизнь» утверждала, что к бойкоту профессоров присоединилось «большинство студентов-юристов» [2. 1917. 23 апр.].

Протестующие студенты потребовали назначения на должность декана профессора Михайловского вместо вступившего в эту должность после отставки Лященко профессора П.А. Прокошева. По свидетельству «группы 5-ти», одно время студенты даже ходатайствовали за это перед попечителем, «т.е. перед такой властью, против вмешательства которой в академическую жизнь всегда протестовали вся прогрессивная профессура и сознательное студенчество» [Там же. 18 апр.]. Профессор Н.Я. Новомбергский обвинение студентов «в реакционности» посчитал оскорбительным, о чем и заявил в своем ответном письме [Там же. 23 апр.].

Перед читателями «Сибирской жизни» в те дни в серии открытых полемических писем предстала череда различного рода обвинений сторон конфликта по отношению друг к другу. Всего в апреле 1917 г. было напечатано два письма группы из пяти профессоров (в № 81 и 89) и по одному письму за подписью, соответственно, профессоров Н.Я. Новомбергского (в № 85) и И.В. Михайловского (в том же № 85). Тон и характер этой полемики были таковы, что уже в 85-м номере редакция заявила, что «больше не может давать место этому вопросу, особенно в силу иных требований текущего важного и сложного момента». В заявлении также подчеркивалось: «Из того, что у нас напечатано обеими сторонами, видно, что факультетская жизнь в университете расшатана, что там идет серьезный болезненный процесс, давно начавшийся» [Там же]. Однако редакция сделала исключение, и 18 апреля был напечатан ответ пяти профессоров на письмо Н.Я. Новомбергского. В нем они отвергли все предъявленные им обвинения. Другие письма за подписью профессоров Мокринского, Прокошева, Солнцева, Новомбергского и других были отклонены редакцией [Там же. 28 апр.].

Вскоре эти письма были приложены к материалам корпоративного судебного разбирательства. Для этого была создана академическая следственно-резолютивная комиссия. В ее состав вошли профессор-ботаник В.В. Сапожников и профессор-медик С.В. Лобанов, а также два представителя союза младших преподавателей (Г.И. Макаров и Н.И. Солодкин) и три представителя студенчества (Нижегородцев, Алексеев, Белкин) Томского университета. Председателем же был назначен «человек со сторо-

ны» – директор Томского технологического института профессор-механик И.И. Бобарыков.

По данным, представленным в отчете по результатам деятельности комиссии, всего состоялось 14 заседаний. Проходили они в мае–июне 1917 г., чаще всего в зале Совета университета. По итогам ее работы в отдельном документе было представлено заключение, или вердикт. Вместе с материалами, предъявленными сторонами в ходе суда, они «в количестве 58-ми номеров» были переданы ректору В.В. Сапожникову «для хранения в архиве университета» [2. 1917. 16 июня].

Эти материалы частично сохранились в личном деле профессора Н.Я. Новомбергского, хранящемся в Государственном архиве Томской области. В нем, в частности, содержится 29 писем, посланий, заявлений и объявлений. Из них четыре в незаконченном виде (без подписей и конечных листов). В части писем также не обнаружено отдельных фрагментов (пропущены листы). По всей видимости, ранее они были утрачены. К тому же при формировании и подшивке дела нарушена последовательность документов.

Вместе с письмами в деле содержатся протоколы семи заседаний следственно-резолютивной комиссии. Всего из них в полном виде имеется только четыре. Как следует из ранее представленных сведений, оставшиеся семь протоколов отсутствуют. Об этом косвенно свидетельствует и то, что в деле обнаружен отдельный лист [8. Л. 65], на котором излагается заключение комиссии за подписью ее председателя, членов и секретаря. Сравнение с опубликованной «после доклада ее Совету университета» в номере от 16 июня «Сибирской жизни» резолюцией (отчетом) показало, что данный документ, вероятней всего, является частью протокола последнего заседания комиссии, по которому и была составлена данная резолюция. Однако все остальные листы протокола отсутствуют, так же как и отдельные фрагменты записей других заседаний.

Заметим в связи с этим, что исследуемый конфликт уникален тем, что он оказался запечатлен в достаточно широком круге официально-деловой документации. Это значительно усиливает наши исследовательские возможности, поскольку, как отмечал А.В. Свешников, для научных сообществ в целом характерно «“вытеснение” конфликтов из поля саморефлексии», и источники личного происхождения, которые «в меньшей степени охвачены научным дискурсом» [4. С. 236–237], в силу безальтернативности становятся основным источником изучения университетско-академической конфликтологии. Однако, как нам удалось убедиться, в случае с историей противостояния на юридическом факультете Томского университета в 1917 г. письма дополняются и протоколами, резолюциями, заключениями специально созданной «конфликтной» комиссии.

Имеющиеся документы, таким образом, обладают информационным потенциалом для изучения рассматриваемого конфликта, реконструкции его основных вех, траектории развития и, что немаловажно, «закулисных» аспектов. Этот конфликт между профессорами юридического факультета интересен с точки зрения воссоздания этических взаимоотношений в среде профессуры, моральной атмосферы в университетском сообществе тех лет, преломления университетских традиций на фоне революционного времени.

Свет на подоплеку рассматриваемых перипетий проливают следующие обстоятельства. Вернемся к вскользь упомянутому выше приговору, вынесенному в 1916 г. профессору Н.Я. Новомбергскому, по обвинению в клевете, который, как следует из письма от 13 февраля, стал своеобразным casus belli. «Ранее я ни на минуту не задумывался над тем, – отмечал Новомбергский, – что обвинительный приговор по моему делу (еще не вошедший даже в законную силу) может меня опорочить в глазах группы пяти».

Речь идет о двух уголовных делах, возбужденных еще в 1913 г. против профессора Н.Я. Новомбергского, по обвинению его томским присяжным поверенным М.Р. Бейлиным в клевете в печати, в том, что он выступил с обличительным выступлением, имея личную неприязнь, «под флагом общественных интересов». Сам профессор, будучи признанным оратором, на суде, во время своих длительных речей, которые порой с перерывами длились до 4 часов, отрицал свою вину, настаивая на том, что использованные им в печати сведения достоверны, и требовал «признать его действовавшим bonafide (добросовестно)». Несмотря на это местным окружным судом, по обоим делам, Новомбергский был признан виновным: за первое полагалось наказание в три дня ареста, за второе – в полтора месяца.

Первый приговор при этом был отменен еще в 1916 г. по решению выездной сессии Омской судебной палаты [2. 1916. 29 окт.]. Что касается второго, то для его обжалования Н.Я. Новомбергский обратился в Сенат. А свои услуги по составлению этой жалобы предложил ему не кто иной, как профессор Мокринский [Там же. 1917. 23 апр.]. Отметим также, что в первом процессе о клевете свидетелем со стороны Новомбергского выступал профессор Прокошев [Там же. 1916. 29 окт.]. Последний, по свидетельству того же Новомбергского, «публично в здании суда целовался с ним после оправдательного приговора и соболезновал после обвинительного» [Там же. 1917. 23 апр.]. Ни Мокринский, ни Прокошев во время очередного заседания следственно-резолютивной комиссии в 1917 г. не отрицали данных фактов. Профессор Тельберг при этом заявлял: «Он должен был задать вопрос факультету, остается ли доверие к нему непоколебленным. Но он этого не сделал. Уголовный приговор, кроме того, колеблет престиж факультета» [8. Л. 26–26 об.].

Уже в начале марта стало известно, что и второй приговор по решению Сената отменен. Вслед за этим 9 марта профессор П.А. Прокошев, «искренне радуясь» случившемуся, обратился с письмом к Новомбергскому, в котором, в числе прочего, заявил: «Ввиду сего прошу Вас считать мою подпись под указанным к Вам извещением потерявшей значение» [Там же. Л. 78]. Подразумевалось, конечно же, письмо от 13 февраля.

Все эти факты, кажется, небезосновательно вызывали у Н.Я. Новомбергского, который, к слову, был «убежден, что даже обвинительный приговор не порочит ни его, ни той высокой коллегии, к которой, как

профессор, он принадлежал», сомнения. В открытом письме, опубликованном в газете «Сибирская жизнь» 23 апреля, он предал гласности, что «П.А. Прокошев от имени всех пяти дважды вел с ним переговоры о том, чтобы он примкнул к их кампании против профессора Лященко как декана», и лишь после отказа Новомбергского вспомнил о его «уголовном прошлом». Однако данное обвинение профессором Прокошевым было опровергнуто, что заставляет и нас поставить знак вопроса над этой страницей «дела профессоров».

Так или иначе, мы имеем достаточно сведений, чтобы предположить в качестве главного объекта недовольства «группы 5-ти» именно профессора Лященко как декана юридического факультета. Чем же он вызвал подобный негатив со стороны пяти почтенных членов факультета? Как уже отмечалось, в письме от 13 февраля никаких конкретных и достаточно «веских» обвинений против П.И. Лященко они не предъявили. Вместо конкретики они и в апрельском письме в «Сибирской жизни» указывали лишь «на его неудачное и неумелое ведение факультетских дел» [2. 1917. 18 апр.].

Сам Лященко, «знавший атмосферу факультета», видел в обвинениях «личную, а не академическую подкладку» [8. Л. 45 об.]. В ходе процесса председатель И.И. Бобарыков попросил группу из пяти профессоров объяснить, «на каких основаниях предъявлены обвинения Лященко». На это профессор Мокринский рассказал присутствовавшим об обстоятельствах избрания профессора П.И. Лященко, на тот момент самого молодого профессора на факультете, деканом. По его словам, все остальные кандидаты отказались от должности, а потому, опасаясь назначения декана министром народного просвещения Л.А. Кассо, как известно, не пользовавшегося в академических кругах популярностью, выбор остановился на Лященко, о чем в дальнейшем сам Мокринский сожалел. «Декан оказался неумелым, – отмечал он. – Главное, на что мы указали, это неумелость и неавторитетность декана» [Там же. Л. 45 об., 46].

В числе прочего, нового декана обвиняли в нарушении сроков объявления конкурса на замещение кафедр, в отклонении просьбы профессора Солнцева в августе 1916 г. внести в повестку очередного заседания вопрос о переизбрании президиума факультета, отсутствии авторитета среди членов факультета (это проявилось, в частности, в безответности на оскорбления профессора Новомбергского в адрес декана во время частного совещания государственной комиссии в октябре 1915 г.), все в том же нарушении порядка составления протоколов и т.д.

Любопытен и ответ на эти, – признаем, кажущиеся весьма незначительными – обвинения самого П.И. Лященко. В нем он поведал комиссии, что на момент избрания его деканом члены факультета «к профессору Прокошеву как к возможному декану относились отрицательно». Предложенная же Лященко, который, судя по всему, активно не стремился занять эту должность, кандидатура Мокринского отпала за нежеланием последнего. П.И. Лященко объяснял это следующим образом: «Не желая занимать должность, профессор Мокринский желал руководить факультетом. Кравченко раньше говорил, что Мокринский оседлал меня… Профессор Мокринский желал оказывать безответственное влияние» [Там же. Л. 52 об.]. Схожей точки зрения на вопрос придерживался и Н.Я. Новомбергский: «Казалось бы, что молодой декан будет идти в поводу у старейших членов факультета. Случилось иначе» [2. 1917. 23 апр.].

Для дальнейшего прояснения вопроса о скрытых аспектах исследуемого конфликта обратимся к наблюдениям, принадлежащим Н.Я. Новомбергскому. Прежде повторим, что в должность декана профессор Лященко вступил при тяжелом кадровом положении факультета, которое сохранялось на протяжении нескольких лет. Главной причиной того, что надежды Мокринского и ряда других профессоров факультета относительно Лященко не оправдались, Новомбергский видел в том, что декан проявил большую активность по замещению кафедр. Дело в том, что тот же профессор Мокринский на протяжении достаточно длительного периода замещал обе кафедры уголовного права и судопроизводства. И хотя сам Мокринский утверждал, что «не был никогда против приглашения 2-го криминалиста» (при этом отмечал, что уголовное право было поставлено им «на надлежащую высоту» [8. Л. 54]), Новомбергский предполагал, что он «желал оставить за собою две кафедры навсегда» [2. 1917. 23 апр.].

Недоумение Новомбергского вызывал и тот факт, что кафедра римского права была занята профессором Прокошевым – «человеком с богословским образованием вместо юридического» [Там же], который к тому же в 1915 г. «был назначен председателем государственной испытательной комиссии» [8. Л. 47]. П.А. Прокошев действительно являлся выпускником Казанской духовной академии, имел степень магистра богословия, а позднее защитил диссертацию на степень доктора церковного права, которая, к слову, была удостоена высоких отзывов как в России, так и за рубежом [1. С. 199–200]. Сам профессор отрицал обвинения Новомбергского, заметив однажды, что в период подготовки к профессорскому званию в Казанском университете он работал под руководством юриста-романиста профессора Н.П. Боголепова и во время стажировки в Берлине также «изучал римское право» [8. Л. 47 об.].

В подтверждение того, что два вышеуказанных профессора желали сохранить статус-кво, Новомбергский привел случай с приглашением на кафедру римского права в Томск приват-доцента Казанского университета В.Ф. Глушкова, кандидатура которого была одобрена факультетом и Советом. Но, по словам Новомбергского, в результате «противодействия профессора Прокошева» Глушков отказался приехать в Томск [2. 1917. 23 апр.]. Сам Прокошев оправдывался тем, что «возражал против Глушкова ввиду того, что никаких работ у Глушкова нет». Он сослался и на то, что взамен им была предложена другая кандидатура, что именно по его инициативе был «найден талант Охоцимского», выпускника юридического факультета Томского университета, которому была поручена кафедра догмы римского права [8. Л. 48]. В связи с поиском новых кандидатур на вакантные кафедры фа-

культета также отмечалось, что однажды перед чтением пробной лекции одного приват-доцента «группа профессоров при крайней нетерпимости к мнению противников демонстративно покинула заседание факультета, чем причинила обиду лицу ни в чем неповинному и далекому от столкновений на факультете» [2. 1917. 16 июня].

В качестве отступления заметим, что к материалам дела было приложено и не одобренное деканом требование профессора Солнцева провести перевыборы руководства факультета. Случилось это в августе 1916 г. и было приурочено к принятию закона «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских Российских университетов и Демидовского юридического лицея, а также доцентов Императорских Варшавского и Юрьевского университетов и названного лицея и об изменениях некоторых постановлений устава Императорских Российских университетов» от 3 июля того же года [10. Л. 119 об.–123 об.].

По версии Новомбергского, Солнцев во время заседания факультета 27 августа того года поставил вопрос о переизбрании декана и секретаря, связав это с новым законом в том смысле, что «содержание декана и секретаря значительно увеличивается и вследствие этого на повышенное содержание можно ожидать других кандидатов» [2. 1917. 23 апр.]. На заседании следственно-резолютивной комиссии Солнцев утверждал, что данная цитата искажает смысл его слов [8. Л. 33]. Впрочем, комиссии так и не удалось с «полной точностью выяснить подлинный текст заявления профессора Солнцева, так как редакция записи в протоколе оспаривалась им, хотя и подтверждалась некоторыми членами факультета». При этом было признано, что «из содержания закона 3 июля не вытекало предложение профессора Солнцева, даже если присвоить закону самое широкое толкование» [2. 1917. 16 июня]. Сам Лященко весьма остроумно заметил по этому поводу: «Не было никаких оснований поднимать вопрос о переизбрании ни с юридической, ни с моральной стороны… Никаких прений после заявления профессора Солнцева на заседании факультета не было, а слова “ввиду новых окладов можно ожидать других кандидатов” подтверждают мысль, что на старый оклад мог идти только никуда не годный декан» [8. Л. 34 об.].

Все же закон, который вступил в силу с 1 января 1917 г., наложил значительный отпечаток на материальную сторону жизни профессоров. Согласно этому закону содержание ординарного профессора увеличивалось с 5 до 6 тыс. руб., улучшалось материальное положение молодых ученых и вместе с тем отменялась установленная для ученых учреждений и учебных заведений особая плата (гонорар) со студентов и посторонних слушателей университетов в пользу отдельных преподавателей (за лекции и научное руководство). Последняя мера коснулась в основном преподавателей юридических факультетов, которые в связи со значительным количеством студентов ранее получали наибольшие гонорары. Историк М.М. Богословский в связи с этим 24 июня 1916 г. заметил в своих дневниках: «Прошли наконец законы… о прибавке жалованья профессорам. Воображаю, как повесили носы наши юристы перед перспективой лишения десяти двенадцатитысячных гонораров с 1-го января» [11. С. 105–106, 274–275].

Все вышесказанное актуализирует предположения профессора Новомбергского, выдвинутые на основе обобщения вышеприведенных фактов. Он писал по этому поводу: «Я далек от мысли, что профессора Мокринский и Прокошев старались задержать за собою чтение по вакантным кафедрам потому, что это давало им лишних 1½–2 тыс. руб. в год. Может быть, они действительно были “проникнуты желанием оздоровить факультетскую жизнь”. Я только не могу с ними согласиться, что профессор Лященко “неумелый и неудачный” декан. Не забываю, что профессора Мокринский и Прокошев оканчивают полный срок профессорской службы. И, конечно, охотно вместе с ними допускаю, что “неумелость” декана Лященко могла бы помешать им остаться на кафедрах сверх срока» [2. 1917. 23 апр.].

Констатируем, что тон этих «весьма неприятных» обвинений во многом был обусловлен полемической эмоциональностью. Вместе с тем нельзя не заметить, что сформулированы они безупречно, и ни одна инстанция не осудила бы профессора за сказанное, на что он, как опытный газетный полемист, видимо, и рассчитывал. При этом заметим, что «материальная подоплека» рассматриваемого конфликта не может быть снята со счетов, потому как подтверждается не только обвинением Новомбергского, но и рядом выше представленных косвенных фактов.

Приведем еще один пример, иллюстрирующий материально-финансовое измерение конфликта. Важным источником дополнительного заработка в революционный 1917 г. и в военные годы в целом были так называемые вознаграждения за руководство кабинетами, клиниками и вспомогательными учебными заведениями. «Право на дополнительное вознаграждение за заведование учебно-вспомогательными учреждениями» в размере от 600 до 1 200 руб. было предусмотрено и законом от 3 июля [10. Л. 123]. Так, 20 февраля 1917 г. по прошению ректора университета Грамматикати за руководство юридическим кабинетом профессору Н.Я. Новомбергскому было выдано вознаграждение в размере 600 руб. Еще в ноябре 1916 г. декан Лященко ходатайствовал перед Советом университета о необходимости улучшения положения кабинета и «подразделении его на 4 отделения: историко-юридическое, статистико-экономическое, римского права и публичного права, находившиеся каждое в заведовании профессоров, представителей соответствующих дисциплин» [12. Л. 2, 13], что в перспективе давало дополнительные доходы для членов факультета.

Высокая инфляция, рост цен, постоянная необходимость дополнительных расходов, – таков фон того бурного, но непростого в житейском плане времени [13]. Данный аспект отчасти проливает свет и на предмет нашего исследования.

Между тем на заседаниях следственно-резолютивной комиссии сторонами выдвигались и другие обвинения. Немаловажное место среди них занимал вопрос о том, кто же первый из профессоров решился

привлечь на свою сторону студентов в данном противостоянии.

В письме от имени группы из пяти профессоров, опубликованном в «Сибирской жизни» за 18 апреля 1917 г., содержались следующие слова: «Когда наступили величайшие исторические события, мы под впечатлением их совершенно отложили в сторону факультетские вопросы; но те, кто чувствовали себя “тяжко обиженными”, не последовали этому примеру, – и нам, далеким от мысли втягивать студентов в профессорский конфликт, пришлось вскоре с горечью убедиться, что некоторым студенческим группам этот конфликт не только известен, но и представлен им в одностороннем и тенденциозном освещении».

Под «тяжко оскорбленным», разумеется, подразумевался профессор Новомбергский. Последний в своем ответном послании парировал, что вскоре после предложения со стороны «группы 5-ти» подать ему в отставку о нем «стало известно и ректору и министерству, узнали студенты, заговорили городские обыватели». «Ясно, – продолжал Новомбергский, – что была приведена в исполнение угроза: “Данный вопрос сделать достоянием широких общественных и академических кругов и возбудить его в установленном порядке”». И далее: «Не мешало бы еще и припомнить, что задолго до разговоров со студентами профессора Новомбергского профессор Прокошев дважды в аудитории старался втянуть студентов первого курса в этот конфликт. При этом получил жестокий урок со стороны одного первокурсника» [2. 1917. 23 апр.].

Кто же первый вовлек студентов в конфликт? На основании материалов протоколов заседаний следственно-резолютивной комиссии, писем и показаний профессоров и студентов юридического факультета данный аспект удалось реконструировать следующим образом. По сведениям профессора Прокошева, спустя 7 дней после отправки писем с просьбой об отставке П.И. Лященко и Н.Я. Новомбергскому, т.е. 20 февраля 1917 г., к нему домой пришли студенты 4-го курса А.П. Ломидзе и Л.И. Карнаушевский. Сам профессор, по его словам, «не знал, откуда студенты получили все сведения об инциденте», подозревая в этом профессора Лященко и Новомбергского [8. Л. 30]. Известно, что дом последнего всегда был открыт для студентов, а сам профессор пользовался популярностью, на основании чего мы и можем предположить, что еще до беседы с П.А. Прокошевым, они могли узнать первые подробности об инциденте от Н.Я. Новомбергского. Спустя некоторое время разговор профессора Прокошева со студентами 1-го курса на эту тему возобновился.

По показаниям самого Н.Я. Новомбергского, студенты приходили к нему «спустя дней 7 или 10 после отсылки письма группою пяти» (20–23 февраля). Они прочли ему проект своего обращения к профессорам. При этом Новомбергский подчеркнул: «Как видно, студенты-юристы предполагали обратиться к профессорам на основании “упорных слухов”… В присутствии профессора Лященко я им сказал, что обращение нахожу деликатным, но собираюсь воздержаться от него и предоставить это дело профессорам». По просьбе профессора студенты временно «воздержались от вмешательства в конфликт» [8. Л. 31–31 об.]. Приблизительно в те же дни состоялся и разговор студентов с П.И. Лященко (неизвестно до или после разговора с Прокошевым), где он «объяснил студентам, что ему было брошено обвинение в подлоге» [Там же. Л. 29 об.].

Опираясь на «слухи», студенты-юристы подготовили петицию к профессорам. В нем прозвучали предостерегающие и примиряющие интонации. В частности, в ней отмечалось: «Мы вовсе далеки от вмешательства в Ваши личные отношения между собой – это не наше дело и Ваша свобода в этом отношении для нас непререкаема… Мы надеемся, что Вы преклонитесь пред нашим credo… чтобы не случилось то, чего мы так основательно опасаемся… Употребите старшие профессора всю свою опытность и выдержку, а младшие – свою молодость, которая должна использовать неправду и не допустить ужасной развязки… Именем науки, именем родины, именем Ваших заветов умоляем Вас: не гасите огонь, но поддерживайте его» [8. Л. 79–79 об.].

Однако данное достаточно патетичное по своему содержанию обращение студентов к профессорам эффекта не возымело. Вскоре изменился и настрой подавляющей части студенчества. Незадолго до объявления бойкота 19 марта учащиеся 4-го курса организовали встречи с представителями «группы 5-ти». Они требовали от них согласия на третейский суд, предложенный Новомбергским в ответ на «оскорбительное по форме» письмо от 13 февраля. Профессор Солнцев отказался от ответа [Там же. Л. 38].

В квартире профессора Мокринского студентом Чумняковым была оставлена записка, на которой он позднее письменно подтвердил постановление студенческой сходки от 18 марта об объявлении бойкота. Сам профессор, по его же словам, в тот момент был в отъезде, не дав при этом «отрицательного ответа о третейском суде» («В тайну сходки, – подчеркивал он, – они меня не посвятили») [Там же]. Хотя, по свидетельству профессора Аносова, встреча с делегатами была, и профессор Мокринский «обошелся с ними грубо» [8. Л. 42 об.].

18 марта к профессору Тельбергу также пришел студенческий делегат, который позднее «поразил его ярко тенденциозной осведомленностью и категоричностью требований». Речь, по всей видимости, шла о том, что информацию о конфликте студенты получали от П.И. Лященко и Н.Я. Новомбергского, а потому заведомо были настроены против пяти профессоров. В ответ на предъявленное требование Г.Г. Тельберг заявил: «Если профессор Новомбергский сложит полномочия секретаря, мы обсудим вопрос о третейском суде» [Там же. Л. 43–43 об.].

Профессор Кравченко, ссылаясь на занятость (готовился к предстоящему докладу в общественном совете), вовсе отказался от встречи со студентами, аргументировав это тем, что «профессорам принадлежит автономия, и инцидент профессоров и ликвидация его принадлежит им же», призвав «не вмешиваться в этот конфликт» [Там же. 39 об.]. При этом он заметил, что к тому времени студентам уже были известны подробности этого инцидента.

Судя по всему, о подробностях дела студентам поведал Н.Я. Новомбергский. 18 марта в университет-

ской аудитории в разговоре со студентами 4-го курса он озвучил выдержки из писем, полученных им и профессором Лященко от «группы 5-ти», а также ответы на эти письма. В одном из них, принадлежащих перу П.И. Лященко, последний назвал «академические интересы группы 5 профессоров “случайным маскарадом”» [2. 1917. 16 июня]. Отмечается, что обнародованы были и письма профессоров Михайловского, фон Зелера, Аносова [8. Л. 6]. 19 мая в ходе заседания следственно-резолютивной комиссии Новомбергский признал факт того, что он передал письма студентам. Любопытна и представленная и мотивировка этого своего шага: «Так как они ему заявили, что эти документы принадлежат академической корпорации вообще» [Там же. Л. 39 об.]. Студент Попов отмечал, что на сходке 11 апреля зачитывались выдержки из протоколов заседаний факультета и различные письма [Там же. Л. 58].

При этом нельзя не упомянуть, что и другая сторона конфликта также делилась подробностями происходящего со студентами. Так, по показаниям студента 3-го курса А.П. Новицкого, профессор Солнцев на одной из своих лекций высказался «относительно всего инцидента», а также «сообщил текст письма к Новомбергскому и Лященко, указывал на то, что два профессора не сочли нужным поставить вопрос о доверии, когда им выразили недоверие» [Там же. 58 об.]. Новицкий так и не вспомнил, когда состоялась эта лекция, – до или после бойкота. Однако в другом источнике отмечалось, что, «по удостоверению студента Новицкого и самого профессора Солнцева», это было 21 марта [Там же. Л. 9], т.е. после объявления бойкота. На допросе студент не подтвердил эти сведения.

Несмотря на противоречивые показания участников процесса, комиссия в итоге пришла к выводу, что «конфликт перекинулся в студенческую среду» сначала через профессора Прокошева, а затем – Новомбергского и Солнцева. В резолюции говорилось: «Еще до оставления профессором Лященко должности декана профессор Прокошев обещал студентам не принимать должности декана без их, студентов, согласия, но потом, после объявления бойкота, принял эту должность. Комиссия не может не признать, что данное профессором Прокошевым обещание едва ли вызывалось необходимостью, но раз оно было дано, то следовало бы с этим считаться» [2. 1917. 16 июня].

Как уже отмечалось, в день объявления бойкота Прокошев занял должность и.о. декана по просьбе ректора Грамматикати как «старший член» факультета (в то время существовала такая традиция). Михайловский, предложенный на эту должность студентами, еще ранее отказался от нее добровольно, отметив, что к административной работе «он совсем не пригоден» [Там же. 23 апр.].

20 марта состоялась встреча нового декана со студентами. На ней Прокошеву было предложено «подписать бумагу, в содержание которой входило, что он в академическом вопросе поступил неэтично». Не дождавшись его ответа, они вновь «вынесли ему бойкот» [8. 40 об.].

Ближайшее собрание факультета поддержало своим решением новую кандидатуру декана. 22 марта Лященко передал ему дела, озвучив свое намерение сохранить за собой место председателя государственной экзаменационной комиссии. Напомним, что в тот момент близились выпускные экзамены для студентов 4-го курса. Однако вскоре был получен циркуляр министерства народного просвещения, согласно которому место председателя комиссии передавалось и.о. декана П.А. Прокошеву. По версии Н.Я. Новомбергского, до этого Прокошев сам отправил письмо министру, в котором «просил выяснения своего положения в испытательной комиссии и введения туда профессора Солнцева» [8. Л. 39]. Факт отправки этого письма подтвердил и и.о. ректора профессор В.Н. Саввин, подчеркнув при этом, что Прокошев сделал это «без его ведома» [Там же. Л. 44].

Еще до этого, 29 марта в присутствии профессора Аносова состоялось «объяснение» Н.Я. Новомбергского со студентами. На протяжении двух часов он «убеждал их снять бойкот». Своеобразный компромисс был достигнут. Постановлением студенческой сходки в тот же день было решено «экзаменоваться с молчаливым бойкотом Мокринского, пока профессор Лященко оставался председателем испытательной комиссии». Отмечается, что студенты с просьбой об этом дважды отправили телеграмму министру [Там же. Л. 39]. В качестве ответа они получили выше означенное распоряжение.

Как бы то ни было, данное решение оказалось критическим и вызвало незамедлительную реакцию студентов выпускного курса. «На Пасхе, – вспоминал В.Н. Саввин, – получилась телеграмма об изменении состава государственной комиссии, и это внесло возбуждение в среду студенчества» [Там же. Л. 44]. Четвертый курс студентов-юристов в полном составе (всего 63 человека) отказался сдавать государственный экзамен в Томском университете [2. 1917. 23 апр.].

О радикальном настрое значительной части студенчества свидетельствует и тот факт, что многие из них в знак протеста против «группы 5-ти» отказались от участия в заседания следственно-резолютивной комиссии. Подобные решения с их стороны были озвучены на заседаниях 13 и 21 мая (из сохранившихся протоколов). В первый раз студенты 4-го курса заявили «об отрицательном отношении этих студентов к работам следственной комиссии», а позднее отказались «от дачи свидетельских показаний» [8. Л. 24 об., 45]. Более того, одним из студентов утверждалось, что «у них работала своя комиссия, которая все выяснила» [2. 1917. 16 июня]. Комиссия в ответ на это в итоговой резолюции вынесла свою оценку. «Такое уклонение, – отмечалось в ней, – мало понятное со стороны коллегиальности, как бы подсказывалось желанием студентов поставить себя в привилегированное положение, а свою деятельность – вне общественного контроля. Это уклонение было тем более странным, что следственная комиссия была построена из представителей всех трех коллегий университета и имела своей исключительной целью выяснение истины» [Там же].

Отметим, что в конце августа все же было объявлено, «что осенняя сессия комиссии 1917 года продлится с 1 сентября по 1 декабря». По все видимости, часть студентов воспользовалась этой возможностью, ведь со

2-го сентября и.о. декана стал Н.Я. Новомбергский. В газетном объявлении указывалось, что прошения об экзаменах «в исключительных случаях» принимались и после 2 сентября [2. 1917. 25 авг.].

В ходе процесса прозвучало еще немало обвинений профессоров в адрес друг друга. Так, профессор Тельберг сетовал на то, что Н.Я. Новомбергский однажды применил в его адрес выражение «желторотый мальчишка», что, по его мнению, «уместно слышать на базарной площади, но не на заседании, хотя и частном, факультета» [8. Л. 57]. Профессора Солнцева упрекнули в напечатании его монографии вне очереди в ущерб интересам Новомбергского [Там же. Л. 25 об.], что было подтверждено комиссией [2. 1917. 16 июня]. Исполняющего обязанности ректора В.Н. Саввина уличили в том, что по настоянию профессоров М.Г. Курлова, Г.Г. Тельберга и Н.Я. Новомбергского при составлении протокола заседания Совета университета 28 марта в него не были включены «все прения по вопросу о ликвидации недоразумений между профессорами-юристами» [8. Л. 18, 19, 71], а также во вскрытии «тайной частной корреспонденции» и т.д.

Обратимся к заключительным вердиктам следственно-резолютивной комиссии. Признавалось, что отказом от третейского суда после послания писем от 13 февраля «группой 5-ти», как и самой формой письма, «было нанесено оскорбление проф. Новомбергскому», также как и профессору Лященко. По отношению к последнему были применены несправедливые обвинения в подлоге документации. В свою очередь, и Лященко с Новомбергским, по мнению комиссии, проявили «непредусмотрительность», «не испросив доверия факультета» (т.е. не сложив с себя обязанности, соответственно, ректора и секретаря) после предъявленных «со стороны почти половины факультета» обвинений.

Что касается последнего заключения комиссии, то отметим, что те «предъявленные обвинения» в конечном итоге не были оправданы (приговор Новомбергского был отменен Сенатом, а по-настоящему веские причины для отставки с поста декана Лященко, по сути, предъявлены не были). Есть основания судить, что рассмотренный конфликт в основе своей имел скрытые, «закулисные» мотивы, связанные с личной неприязнью, амбициями отдельных членов факультета, наконец, с финансовыми вопросами. Все это очерчено гранями того, что, используя терминологию П. Бурдье применительно к академической конфликтологии, можно назвать борьбой за «символический капитал». Добавим, что в дореволюционных научных сообществах Российской империи данный тип конфликтов нередко имел место и подчас был «связан с образованием новых институций» [4. С. 234, 253]. Как видим, эта борьба приоткрыла изнанку жизненного мира университетской корпорации университета.

Выяснилось, что жизнь юридического факультета Томского университета в тот период «протекала со значительными трениями», дойдя в конце концов «до болезненной разрухи». Обсуждения вопросов замещения вакантных кафедр, крайне актуальные на тот момент, «проходили часто при резких столкновениях между членами факультета», «резкость отношений доходила до того, что некоторые члены факультета по целым годам не подавали друг другу руки», «некоторые профессора по целым полугодиям не посещали заседания факультета и, следовательно, не выполняли своей служебной обязанности». «Вот та тяжелая атмосфера, – подчеркивалось в резолюции комиссии, – на почве которой при отсутствии склонности к уступчивости и соглашению у заинтересованных сторон конфликт между двумя группами профессоров разросся до таких размеров, что его не могли ни потушить, ни ослабить ни деятельное вмешательство Совета университета, ни мощная волна новой жизни, призывающая всех сознательных граждан бросить свои взаимные распри и принести свой труд на созидательное творчество в обновленной стране» [2. 1917. 16 июня].

Приобретенные в результате Февральской революции гражданские свободы, которые, несомненно, значительной частью населения России воспринимались как великое достижение, для крупнейшей академической корпорации Сибири обернулись сомнительной возможностью поднять на поверхность старые обиды, антипатии и обвинения, воплотившись в этой не самой достойной странице истории университета.

Для профессора П.И. Лященко случившееся стало поводом изменить траекторию своего дальнейшего жизненного пути. Возвращаясь к началу настоящей статьи, вновь повторим, что летом 1917 г. он покинул Томск. Студенты, среди значительной части которых он пользовался уважением и доверием, в те дни подготовили адрес, в котором были следующие слова: «В вашем лице сочетались: гражданин и профессор… Вместе с вами вступив под своды Томского университета, мы были свидетелями вашей деятельности в качестве декана и профессора. На посту декана вы стояли всегда на страже студенческих интересов, вы были близки и доступны нам, вы были нашим старшим товарищем, – и время вашего деканства не изгладится из нашей памяти. Всеми силами поднимая престиж и авторитет юридического факультета, вы встретили сопротивление тех, кому это было и невыгодно, и ненужно… Теперь, провожая вас, мы, ваши ученики, желаем вам всего лучшего на светлом пути служения науке и обновленной родине» [Там же. 22 июня].

Впереди П.И. Лященко ждала карьера почтенного и заслуженного ученого. В начале 1920-х гг. он стал инициатором открытия и первым ректором Донского университета. В 1926 г. был назначен профессором Института красной профессуры в Москве, позднее – старшим научным сотрудником Института АН СССР (1935) и Комакадемии (1936). Одновременно являлся профессором Московского университета. В 1943 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1949 – удостоен Сталинской премии за фундаментальный труд в двух томах «История народного хозяйства СССР» [1. С. 158].

Революция и Гражданская война наложили отпечаток на судьбы других героев статьи. Некоторые из них выступили на стороне Всероссийского правительства А.В. Колчака. С.П. Мокринский в 1919 г. избирался в члены Восточного отдела ЦК партии

народной свободы, ранее был гласным Томской городской думы. П.А. Прокошев при Правительстве Колчака занимал должность главноуправляющего по делам вероисповеданий. Г.Г. Тельберг после переворота 18 ноября 1918 г. указом Верховного правителя России был назначен Главноуправляющим делами Верховного правителя и Совета министров, сенатором Правительствующего Сената, а со 2 мая 1919 г. – министром юстиции. Во Временном Сибирском правительстве Н.Я. Новомбергский назначался товарищем министра туземных дел, а во Всероссийском правительстве – товарищем министра внутренних дел.

Вскоре после восстановления советской власти в Томске в декабре 1919 г. все они были уволены из университета и на время подверглись аресту и заключению. Над бывшими колчаковскими министрами был устроен суд. Сам юридический факультет Томского университета был преобразован в правовое отделение созданного в марте 1920 г. факультета общественных наук (в 1921 г. он был закрыт).

Еще в 1917 г. профессора Н.Н. Кравченко и С.И. Солнцев также уехали из Томска. Первый был сначала переведен в Казанский университет, а в 1920–1928 гг. работал профессором Саратовского университета, позднее – в 1-м Московском государственном университете. С.И. Солнцев с 1917 г. преподавал в Новороссийском (Одесском) университете (в 1920 г. был ректором этого вуза), позднее – в вузах Ленинграда и Москвы. В 1929 г. избран действительным членом АН СССР [1. С. 243–244].

Н.Я. Новомбергский после окончания Гражданской войны продолжал преподавательскую деятельность, жил и работал в разных городах СССР (умер в Архангельске в 1949 г.). Как окончился жизненный путь С.П. Мокринского (установлено, что в 1920–1921 гг. он работал на факультете общественных наук Саратовского университета) и П.А. Прокошева, неизвестно [1. С. 169, 201].

Что касается профессора Г.Г. Тельберга, то в 1920–1930-х гг. он жил в Китае, после Второй мировой войны перебрался в США. Был профессором юридического факультета Харбинского политехнического института, преподавал в Высшем японском коммерческом колледже в Циндао, а затем в Американской Академии.

В эмиграции прошлое неожиданным образом напомнило о себе. В Китае профессор Тельберг неоднократно встречался с бывшим студентом юридического факультета Томского университета Л.В. Арнольдовым (учился в нем в 1916–1918 гг.). В памяти последнего также запечатлелся эпизод с конфликтом на юридическом факультете. В своих мемуарах Арнольдов вспоминал о нем: «Мы даже “бунтик” небольшой устроили против профессоров Мокринского, Прокошева, Тельберга, Солнцева и еще кого-то, кажется, Н.Ив. Кравченко [Н.Н. Кравченко. – *Прим. авт.*]. Бунтовали “на академической почве” студенты выпускного курса. Мы, с других курсов, им помогали, “поддерживали”… Бунт и зародился, собственно, в недрах совета факультета, среди профессуры. Отсюда он был переброшен в студенческую массу, где, разумеется, охотно был поддержан». И далее: «Но всякий раз, встречаясь теперь летом на отдыхе в Циндао с почтенным, заслуженным и так мною любимым и уважаемым профессором Г.Г. Тельбергом (который все-таки провалил меня на первом же зачете по истории русского права перед всей аудиторией), я с неприятным осадком думаю теперь, как мы тогда были болезненно-легко возбудимы и как легко было нас увлечь на что угодно» [14. С. 62–63].

В заключение отметим, что образ профессора, особенно в обществе, не лишенном признаков традиционного, как в России начала XX в., непременно был окружен возвышающим ореолом. Служитель науки воспринимался не только как ученый, но и как гражданин, некий образец нравственности и показатель должного поведения. Рассмотренный эпизод в истории университетской корпорации г. Томска отчасти развенчивает это стереотипное представление, показывая изнанку жизни, скрытую повседневность университетской корпорации г. Томска.

То, что произошло весной–летом 1917 г. на юридическом факультете, с одной стороны, свидетельствует о негативных тенденциях в развитии томского научного сообщества в эпоху революционных событий. С другой стороны, нельзя не заметить и иную сторону этой истории. Научный микросоциум г. Томска тогда продемонстрировал потенциал по саморегуляции внутреннего морально-этического климата, образовав независимую судебную комиссию из числа авторитетных, в том числе и в нравственном плане, профессоров, что, несомненно, отражает процесс формирования корпоративного самосознания местного научного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. 288 с.
2. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск.
3. Беляева О.М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Грима: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 215–235.
4. Свешников А.В. «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. 1. С. 228–258.
5. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
6. Дневники студента П.А. Леонова, 1917 // Музей истории ТГУ.
7. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 731.
8. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1061.
9. Зелер, Карл-Вильгельм Фридрихович // Электронная энциклопедия ТГУ. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Зелер,_Карл-Вильгельм_Фридрихович (дата обращения: 15.08.2017).
10. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 649.

11. Богословский М.М. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного исторического музея. М. : Время, 2011. 423 с.
12. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3290.
13. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Повседневная жизнь университетского сообщества г. Томска в период революционных событий 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 160–170.
14. Арнольдов Л.В. Жизнь и революция. Шанхай : Книгоиздательство А.П. Малык и В.П. Камкина, 1935. 278 с.

Статья представлена научной редакцией «Истоия» 26 октября 2017 г.

THE ETHIC OF RELATIONSHIPS IN THE UNIVERSITY CORPORATION OF TOMSK: A CASE STUDY OF THE CONFLICT AT THE FACULTY OF LAW OF TOMSK UNIVERSITY DURING THE SPRING AND SUMMER OF 1917

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 180–191.
DOI: 10.17223/15617793/426/22

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru
Sergey A. Nekrylov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medicinahistory@yandex.ru
Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Keywords: Tomsk University; professors; students; conflict; ethic of relations; Russian Revolution of 1917.

The causes, course and consequences of the conflict of professors of the Faculty of Law of Tomsk University in the spring and summer of 1917 are reconstructed on the materials of archival documents, periodical press and sources of personal origin in the article. The "revolutionary" social context in which the conditions for its emergence matured is considered. It is the acquisition of autonomy by the university, the consequent weakening of control over the university life by Rector I.N. Grammatikati, who, in addition, was sick in 1917, trustee of the West Siberian educational district N.I. Tikhomirov, the revitalization of the university corporation in general and the students in particular, who then fought for the right to take part in the life and management of the university. The main participants of the confrontation at the Faculty of Law are represented, their mutual relations are characterized. Among them were the Dean of the Faculty, Professor of Economics P.I. Lyashchenko, Secretary Professor N.Ya. Novombergsky, against whom the accusations were made by professors of the Faculty S.P. Mokrinsky, P.A. Prokoshev, N.N. Kravchenko, G.G. Telberg and S.I. Solntsev. The causes and hidden motives of the confrontation are analyzed. It is concluded that they were mainly connected not so much with the academic component as with personal antipathies, the professional ambitions of individual professors, and also with the financial aspect. The attitude of university students towards this conflict and attempts to resolve it are considered. The work of the investigative and resolution committee under the chairmanship of the Director of the Tomsk Technological Institute, Professor I.I. Bobarykov, formed specifically to eliminate this conflict is described. It is summarized that the resolution passed by the committee by the results of 14 meetings generally reflected the vicissitudes of the conflict and the ways of its solution. It is concluded that the scientific community of Tomsk of that period, despite the negative tendencies manifested during the conflict within the professorial corporation, could use a self-regulation mechanism to maintain a normal moral and ethical climate. In conclusion, the fates of the main participants in the conflict are traced.

REFERENCES

1. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. A biographical dictionary]. Is. I: 1888–1917. Tomsk: Tomsk State University.
2. *Sibirskaya zhizn'.*
3. Belyaeva, O.M. (2011) Akademicheskoe soobshchestvo Peterburgskogo universiteta v rektorstvo E.D. Grima: konflikty v professorskoy srede [Academic community of St. Petersburg University under the rectorship of E.D. Grim: conflicts in the professorial environment]. *Dialog so vremenem*. 34. pp. 215–235.
4. Sveshnikov, A.V. (2005) "Vot vam istoriya nashey istorii". K probleme tipologii nauchnykh skandalov vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. ["Here is the history of our history." To the problem of the typology of scientific scandals of the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Korzun, V.P. & Sadretdinov, G.K. (eds) *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik* [The world of the historian: a historiographical collection]. Is. 1. Omsk: Omsk State University.
5. Rostovtsev, E.A. (2017) *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Metropolitan University of the Russian Empire: the academic estate, society and power (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: ROSSPEN.
6. TSU Museum of History. (1917) *Dnevniki studenta P.A. Leonova* [Diaries of student P.A. Leonov].
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 731. (In Russian).
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 1061. (In Russian).
9. TSU Electronic Encyclopedia. (n.d.) *Zeler, Karl-Vil'gel'm Fridrikhovich*. [Online] Available from: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Zeler,_Karl-Vil'gel'm_Fridrikhovich. (In Russian). (Accessed: 15.08.2017).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 649. (In Russian).
11. Bogoslovskiy, M.M. (2011) *Dnevniki. 1913–1919: Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [The Diaries. 1913–1919: From the collection of the State Historical Museum]. Moscow: Vremya.
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 2. File 3290. (In Russian).
13. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2017) The daily life of the university community of Tomsk during the revolutionary events of 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 416. pp. 160–170. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/24
14. Arnol'dov, L.V. (1935) *Zhizn' i revolyutsiya* [Life and revolution]. Shanghai: Knigoizdatel'stvo A.P. Malyk i V.P. Kamkina.

Received: 26 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 192–206. DOI: 10.17223/15617793/426/23

УДК 930.1+394+947 (571.1)

А.В. Сушко

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ СИБИРСКОГО СЕПАРАТИЗМА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-00421.

На материалах истории Сибири формулируется проблема поиска критериев тождества национализма на одной территории. Изучается соотношение идей и практик сибирского сепаратизма. Анализ трехвековой истории сибирского сепаратизма показывает, что его не существовало непрерывно в своем развитии, но существовал сибирский дискурс, пропагандировавший идею самостоятельного политического развития Сибири, оспаривавший идею единства России. Этот дискурс основывался на эмоциях и чувствах жителей Сибири, которые испытывали эмоцию зависти к лучшим социальным условиям жизни в России, и такое положение жители края обоснованно считали несправедливым.

Ключевые слова: национализм; нация; идентичность; интеллектуалы; элита; интеллигенция; сибирское областничество; сибиряки.

Идея о колониальном статусе Сибири в составе России не менее двух веков волнует умы как сторонников идеи самоопределения региона, настаивающих на его колониальной зависимости от России (поразному называвшихся в общественно-политическом дискурсе – областниками, сибирскими патриотами, сибирскими националистами или сепаратистами), так и ее противников, которые отрицают колониальную зависимость сибирской провинции, представляя ее как неотъемлемую, полноправную, провинциальную часть российской государственности. Сибирское областничество постоянно привлекает внимание отечественных исследователей. История его изучения к настоящему времени уже стала предметом историографического анализа [1]. Однако постоянно модернизирующийся дискурс о колониальной зависимости Сибири на фоне его высокой общественной значимости и периодические вспышки политического сепаратизма в регионе вновь и вновь заставляют исследователей обращаться к истории движения за суверенизацию Сибири.

В рамках данной статьи обращение к истории сибирского национализма имеет целью осмыслить проблему поиска критериев тождества национализма на одной территории. Применительно к истории сибирского национализма правомерно поставить вопрос: можно ли вести речь о поступательном развитии областнической идеи, имеющей за собой трехвековую историю, или было несколько не связанных между собой всплесков националистического дискурса и «сибирского сепаратизма», детерминированных текущей общественно-политической ситуацией в России? В этой связи одной из нерешенных проблем истории является определение соотношения исторических взглядов и политических практик сторонников самоопределения Сибири.

Рождение сибирского сепаратизма часто относят к Петровской эпохе. В публицистике и литературе распространена версия о том, что князь М.П. Гагарин, планировал обратить Сибирь «в самостоятельное королевство». Якобы за сепаратизм, а не за казнокрадство, присущее всем представителям «гнезда петрова», князь был повешен в Санкт-Петербурге перед окнами Юстиц-коллегии в присутствии Петра I. В подтверждение этой версии не приводится серьезных доказательств. Однако ее поддерживали первый русский историк В.Н. Татищев и сибирский историк П.А. Словцов. Если признать ее реальность, следует отметить, что у сторонников версии о сепаратизме М.П. Гагарина нет упоминаний о существовании идеи особого сибирского народа, отличного от русского. Сибирский сепаратизм М.П. Гагарина мог быть основан в первую очередь на личных амбициях князя и на разговорах среди сибиряков, недовольных диктатом Москвы. Условием его возникновения было обособленное географическое положение Сибири. Современный российский историк М.О. Акишин, изучив этот вопрос, отмечает, что в следственном деле князя М.П. Гагарина нет данных о плане по отделению Сибири от России. По его мнению, легенда о сепаратизме князя возникла среди жителей Тобольска и на протяжении XVIII–XIX вв. была там широко распространена. Не веря легенде о намерении М.П. Гагарина отделить Сибирь, исследователь считает, что «возможно, эта тобольская легенда отражает отголоски разговоров, которые вел кн. М.П. Гагарин, и верхи сибирской администрации. Столь долгое бытование легенды свидетельствует о том, что она наложила определенный отпечаток на формирование самосознания русского населения Сибири» [2. С. 203]. Подчеркнем, что для возникновения подобной легенды должна существовать определенная почва. Независимо от реальности или вымышленности факта сепаратизма князя М.П. Гагарина само появление и широкое распространение этой легенды в бытовых разговорах и общественно-политическом дискурсе XVIII–XX вв. позволяет утверждать, что как минимум с XVIII в. в Сибири устойчиво развивался сепаратистский дискурс, выражавший идею о независимом политическом развитии края. Причем первичной основой для развития этого дискурса служили не исторические или политические идеи, а эмоции, вызванные недовольством части населения несправедливой политикой Российской империи в отношении сибирской окраины.

Идейную почву для зарождения сибирского областничества как общественно-политического движения подготовили Н.И. Костомаров и А.П. Щапов. Оба русских историка в своих работах оспаривали имперскую систему управления Российской империи и этнографическое единство русского народа. Происхождение историков во многом определило их исторические идеи. Уроженец Украины Н.И. Костомаров

обосновал идейные основы украинского национализма, а сибиряк А.П. Щапов – сибирского. В ходе разработки земско-областной теории А.П. Щапов сформулировал концепцию Сибири как особой области, в которой под влиянием природно-климатического фактора сформировалась особая сибирская народность [3. С. 320]. Научная теория А.П. Щапова подготовила историческую основу для формирования общественно-политических взглядов и политической практики сибирских областников. При этом исторические взгляды А.П. Щапова имели сущностное отличие от взглядов главных идеологов сибирского областничества – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, которое очень точно определил историк А.Э. Зайнутдинов. Если А.П. Щапов рассматривал Сибирь в составе России (Сибирь как часть целого), то для областников она представлялась самостоятельным целым, что логично вело их к сепаратизму [4. С. 45].

Однако наличие исторических идей и сепаратистского политического дискурса – не изначальная причина появления «патриотов Сибири». Толчком для рождения сибирского патриотизма были эмоции, возникавшие как ответная реакция на несправедливость в отношении сибиряков со стороны России. Именно эмоции играют определяющую роль в том, что человек становится националистом, начинающим разделять людей по принципу «мы» и «они». Г.Н. Потанин вспоминал, что его сепаратизм начался в Омском кадетском корпусе, где существовало разделение учеников на «казаков», уроженцев Сибири (будущих казачьих офицеров), и «дворян», большинство из которых происходили из Европейской России (будущих пехотных офицеров). Потанин вспоминал: «Рота состояла из детей уроженцев разных губерний; тут было много таких, которые до поступления в корпус жили в Европейской России; напротив, эскадрон состоял исключительно из казаков; это были уроженцы казачьих станиц, протянувшихся линией от Петропавловска до Бийска. Таким образом, все эскадронные кадеты были сибиряки. Вот где были скрыты семена культурного сибирского сепаратизма. Само правительство разделением корпуса на роту и эскадрон заложило эти семена. Вероятно это разделение было сделано с намерением сохранить дворянскую чистоту в детях дворян. Бельэтаж – это была Европа, нижний этаж – Азия. В бельэтаже учили танцам, а казаков в те же часы – верховой езде; в бельэтаже учили немецкому языку, а в нижнем этаже в те же часы – татарскому» [5. С. 42]. Если судить по воспоминаниям Г.Н. Потанина, его восприятие действительности порождало эмоцию зависти, вызванную неравенством статусов казаков и пехотинцев. В сознании молодого кадета сложилось противопоставление: «мы» – казаки, эскадрон, сибиряки; «они» – пехотинцы, рота, россияне. Такое статусное неравенство подсознательно подводило к мысли о необходимости отделить Сибирь от России, установив в крае социальную справедливость. Таким образом, эмоция зависти, вызванная чувством социальной несправедливости, впоследствии сделала Г.Н. Потанина идеологом сибирского областничества.

Сибирское областничество громко заявило о себе в 1865 г. в результате расследования властями в Омске дела о заговоре с целью отделения Сибири от России, наделавшего в стране много шума. Дело началось с того, что в Омском кадетской корпусе была обнаружена листовка, призывающая к отделению Сибири от России. Военный характер этого учебного заведения усиливал резонанс дела о попытке отделении Сибири от России. По делу по всей Сибири привлекалось более 70 человек. Лидеры областников Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков были осуждены. Расследование дела способствовало организационному оформлению областничества в общественно-политическое движение. С этого времени сибирских сепаратистов стали называть областниками. Как правило, историки характеризуют сибирское областничество как автономистское или регионалистское движение. На наш взгляд, это не вполне точно. Материалы следственного дела дают основания утверждать, что в то время произошло идейное и организационное оформление сибирского национализма в общественно-политическое движение, каковым, в сущности, являлось сибирское областничество.

Наиболее авторитетный специалист по истории сибирского областничества М.В. Шиловский, проанализировав содержание программных прокламаций областников «Сибирским патриотам» (написана С.С. Поповым) и «Патриотам Сибири» (отредактирована Н.М. Ядринцевым и С.С. Шашковым), совершенно верно утверждает: «Главной идеей обоих воззваний является призыв к борьбе за независимость Сибири посредством вооруженного восстания» [6. С. 39]. Однако далее М.В. Шиловский соглашается с оценкой сепаратизма областников, данной сибирским эмигрантским историком С.Г. Сватиковым, разделяя радикальный сепаратизм С.С. Попова, выражавший взгляды купцов Иркутска и Кяхты, и «чистейший автономизм» Ядринцева и Потанина, выражавших мнение большинства сторонников областничества [Там же6. С. 41]. Такое разделение вызывает возражения. Во-первых, идея сибирского сепаратизма в прокламации «Патриотам Сибири» сформулирована достаточно радикально. Исходя из идеи признания особых сибирских интересов, в прокламации содержалось требование «самостоятельности Сибири, и она должна отделиться от России во имя блага своего народа, создавшего свое государство на началах народного самоуправления» [7. С. 94]. Во-вторых, важно учитывать, что сибирские интеллектуалы, идеологи сибирского областничества Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, представляли в прессе жителей Сибири как в этнографическом отношении самостоятельный народ, образовавшийся под влиянием природно-географических условий региона. В статье «Этнологические особенности Сибирского населения», опубликованной в газете «Томские губернские ведомости» за 1865 г., отложившейся в материалах следственного дела «сибирских сепаратистов» о «типе сибиряка», говорилось: «Этот выработанный тип совокупил в себе свойства азиатских племен со свойствами европейско-русской расы. Утвердивший за собой естественным образом свою самостоятельность, он широким потоком разливается по великой сибирской низменности вплоть до Восточного океана. Он утвержда-

ет за собой владычество взамен древних несовершенных рас. Ему-то и суждено в истории мира водрузить великую европейскую цивилизацию среди новых племен, в новозавоеванных землях, которые должны быть его новым Отечеством» [8. С. 53]. В-третьих, главные идеологи сибирского областничества Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин никогда не скрывали своих конечных сепаратистских планов по отделению Сибири от России. Они корректировали и вуалировали их в зависимости от политической ситуации в стране. В своих воспоминаниях Г.Н. Потанин откровенно признавал наличие в сибирском областничестве элементов культурного и политического сепаратизма: «Культурный сепаратизм не покрывает собой всего понятия об областничестве, очертания последнего шире этого термина. Областничество включает в себя сепаратизм не только в области культуры, но и в области политики, за исключением только самого крайнего акта (покушение на целость государства)» [5. С. 210]. Заключительная оговорка как раз и была сделана Г.Н. Потаниным по соображениям политкорректности.

Если присовокупить сепаратистские призывы идеологов областничества об отделении Сибири от России к их публичным заявлениям о существовании особого типа «сибиряков», становится очевидным, что к 1865 г. в крае сложился сибирский национализм. В областническом дискурсе 1860-х гг. еще не использовалась дефиниция «нация», которая стала широко употребляться в России несколько позднее. Но областники уже создали концепцию, в рамках которой, в интересах этнографического типа «сибиряка», исходя из экономических и политических интересов жителей Сибири, проповедовалось отделение края от России и образование в нем самостоятельного государства. Поэтому прав М.В. Шиловский, подчеркивающий обоснованность наказания областников несмотря на то, что «дело явно глушили местные власти» [9. С. 239].

На фоне постепенного спада революционного движения в России, после отбытия наказаний сибирские националисты продолжили общественно-политическую деятельность, сосредоточив свои усилия на культурном сепаратизме. Это объясняется не изменением взглядов областников, а текущей обстановкой в стране. В тот период политический сепаратизм был нереалистичен. Основой областничества стали исторические идеи о колониальной зависимости Сибири от России, концептуально сформулированные в появившейся в 1882 г. знаменитой работе Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония». Концепция Н.М. Ядринцева основательно проанализирована в исторической науке. В.К. Коржавин представил концепцию Н.М. Ядринцева в виде тезисов: «1. Сибирь – угнетенная колония Европейской России. 2. Сибирь имеет свои особые интересы, а следовательно, и задачи (“сибирские вопросы”). Решение этих задач необходимо как для ликвидации колониальной зависимости края, так и для его развития вообще. 3. Сибирские вопросы могут быть решены только усилиями сибирского общества, так как лишь оно жизненно заинтересовано в этом» [10. С. 11]. На наш взгляд, к этим постулатам следует добавить тезис о существовании особой сибирской народности – «народно-областного типа» «этнографического типа» (формулировки, встречающиеся у Н.М. Ядринцева). Развивая идею о существовании сибирской народности, он писал: «Врезавшись в среду инородческого населения, русские по преимуществу обинородчивались по окраинам, и от окраин, в большей или меньшей степени, влияние это распространилось на всю массу населения, так что инородческая кровь окрашивала русскую национальность даже там, где она не была в непосредственном соприкосновении с инородцами. Поэтому из русского населения на Востоке должен был сформироваться новый тип» [11. С. 61]. Подчеркнем, что первая глава работы Н.М. Ядринцева посвящена обоснованию именно этой идеи, представлявшей из себя фундамент его концепции. Идея о колониальной зависимости Сибири от России приобретала большее политическое звучание в случае доказательства существования особого сибирского народа, отличного от русского с собственными культурными, политическими и социально-экономическими потребностями и интересами. Это было принципиальным для областников, являвшихся своеобразными «националистами без нации». Сибирский национализм как политическая идеология уже родился, развивался, и ему было крайне необходимо породить сибирскую народность – нацию сибиряков.

В условиях укрепления российской государственности сибирские националисты сосредоточили усилия на пропаганде своих взглядов в печати, привлекая внимание общества к «сибирским вопросам» поставленным Н.М. Ядринцевым. С этой целью областники становились редакторами газет, стараясь создать свою печать. Первой полноправной областной (областнической) газетой стала иркутская «Сибирь» с того момента, как ее фактически возглавил В.И. Вагин. Чуть позже возникла в Петербурге газета «Восточное обозрение», а в Томске – «Сибирская газета». (№ 1 «Сибири» появился 29 июня 1875 г. С 16 марта 1880 г. по распоряжению властей издание приостанавливалось, затем возобновлялось, издание просуществовало до 14 июня 1887 г. № 1 «Сибирской газеты» появился 1 марта 1881 г. – 14 июня 1887 г. по распоряжению властей издание приостановлено, а затем закрыто. С 7 января 1886 г. «Восточное обозрение» выходило в Иркутске. В сентябре 1890 г. по распоряжению властей издание приостановлено, вскоре после возобновления издания оно перестало быть областническим [12. С. 593].) Областнические газеты объединяли пропаганда идеи о наличии народности «сибиряки» и противопоставление интересов Сибири интересам России. У руководства ими находились областники: «Сибирской газетой» – А.В. Адрианов, «Восточным обозрением» – Н.М. Ядринцев, «Сибирью» – В.И. Вагин. Это давало им возможность подбирать кадры, материал для отдельных номеров, в общем, проводить областническую линию изданий.

Российские власти всерьез беспокоила пропаганда сибирского сепаратизма, и они начали контрпропаганду. В год издания работы Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» отмечался 300-летний юбилей

вхождения Сибири в состав России. Эта дата была использована государственной властью для пропаганды идеи единства Сибири и России. В официальной печати подчеркивалась связь переселенцев на Восток с русским государством и использовалась формула «неотъемлемая часть» применительно к Сибири [13. С. 187]. Следует подчеркнуть общественно-полезные аспекты деятельности сибирских националистов в последней трети XIX в. Областники поставили перед властями и общественностью актуальные для развития Сибири вопросы об отмене уголовной ссылки, введении земства и положении сибирских инородцев. Но в первую очередь это положительное решение вопроса об открытии университета в Сибири. По поводу значения сибирского университета для областников российский историк А.В. Ремнев писал: «Для областников “идея” сибирского университета была шире только вопросов подготовки специалистов с высшим образованием, университету подготовлялась высокая миссия по формированию собственной сибирской интеллигенции, способной за собой вести “сибирский народ”» [14. С. 111]. Малочисленность местной сибирской интеллигенции являлась препятствием для распространения идей сибирского национализма. Сибирский университет мог подготовить интеллигенцию с сибирским самосознанием, поэтому университетский вопрос активно отстаивался областниками. Надежды сибирских националистов на университет как институт подготовки своих сторонников из представителей интеллигенции отчасти оправдались. В стенах Томского университета учились и работали многие видные областники, университет стал площадкой для обсуждения областнических идей и организации областнических форумов в XX столетии.

Всплеск активизации областников произошел в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. На начальном этапе революции областническая элита надеялась объединить на платформе движения все политически активные оппозиционные силы региона. Как отмечает М.В. Шиловский, «по инициативе областников был подготовлен проект организации регионального самоуправления с областной думой. Он послужил основой для оформления летом – осенью 1905 г. блока областников, эсеров и кадетов… Однако, скрепленный областническими лозунгами блок в лице Сибирского областного союза развалился после опубликования манифеста 17 октября 1905 г. Поэтому к концу Первой русской революции вновь определился кризис областнического движения: его лидерам не удалось повести за собой интеллигенцию, провалилась попытка создания собственной политической организации» [6. С. 174–175].

Сторонников общероссийских политических сил в Сибири от областничества отталкивала традиционная идея сибирских националистов об особом сибирском народе. Ее публично озвучивал Г.Н. Потанин, в отличие от Н.М. Ядринцева делавший акцент не на смешении народов, а на климате Сибири. Об этом Потанин писал: «Климат – самый упорный, самый закостенелый сепаратист, и ничто не помешает ему вопреки шовинистским, обрусительным и т.п. вожделениям образовать расу» [15. С. 267]. При этом далеко не все областники поддерживали радикальные взгляды Г.Н. Потанина об отличие сибиряков от русских. Редакция журнала «Сибирские вопросы» (редактировался П.М. Головачевым) в статье «Новый сборник статей о Сибири» выразила несогласие с мнением патриарха областничества. В редакционной статье писалось: «Особым типом сибиряка признать нельзя… Г.Н. Потанин – сторонник нераздельной России, но он считает себя культурным сепаратистом. Мало ли недостает в самой коренной России, но это еще не резон отмежеваться от русской культуры и пытаться сделать невозможное – создать особую культуру, создать особую ***нацию***» (выделено мной. – *А.В.*) [16. С. 174–175]. Таким образом, некоторые современники уже в то время откровенно оценивали культурный сепаратизм Г.Н. Потанина как попытку создать новую нацию.

После политического поражения в ходе Первой русской революции сибирские националисты продолжили прежнюю политику по взращиванию ростков культурного сепаратизма. Для иллюстрации идей, лежащих в его основе, интересна статья в журнале «Сибирский студент» под названием «Основы моих сибирских симпатий». Журнал, рассчитанный на то, что его будут читать молодые представители сибирской интеллигенции, являлся областническим, и особенно показателен в этом отношении номер, посвященный восьмидесятилетнему юбилею Г.Н. Потанина, использованному сибирскими националистами с целью привлечь внимание общественности к областничеству. В начале статьи автором ставился вопрос: «Почему и для чего я считаю себя сибиряком?». В ходе ответа на него автором создается вымышленный образ, пример для подражания молодежи. Отвечая на вопрос, автор определяет начало своего чувства: «Природа Сибири первое, что является фундаментом моей привязанности к стране». После этого он придает своим убеждениям религиозный характер: «Обладая этим чувством, я обладаю величайшею моральною ценностью. Оно религия моего сердца». Из этого чувства, в интерпретации автора статьи, рождается «сибиряк – гражданин своего отечества». В заключении, дается объяснение того, «для чего он считает себя сибиряком». «Это больше всего и прежде всего было вызвано собственною моею внутренней потребностью – осмыслить и логически обосновать (если это возможно) врожденное чувство любви к Родине. Эта Родина называется Сибирью, так как только любовь именно к Сибири придется доказывать: любовь француза к Франции, даже любовь русского человека к своей метрополии доказательств не требуют» [17. С. 174–175]. Для дискурса сибирских националистов традиционно было важно противопоставить колониальную Родину – Сибирь, угнетающей ее метрополии – России, противопоставить народность и интересы сибиряка – народности и интересам русского жителя Европейской России. На таких идеях сибирские националисты старались воспитать местную интеллигенцию.

Русская революция открыла возможности для осуществления самых смелых планов сибирских националистов. Активное участие областников в раз-

витии политических процессов в Сибири в годы революции и Гражданской войны достаточно подробно освещено историками. Поэтому мы непосредственно обратимся к проблеме соотношения идей и практики в деятельности сибирских националистов. Наличие сибирского сепаратистского дискурса в XVIII в., подтверждавшее историческую преемственность идеи о самостоятельности Сибири, представлялось важным для сибирских националистов в XX в. Областник Н.Н. Козьмин отыскивал исторические корни сибирского областничества в исторических актах конца XVII – начала XVIII в. Он писал: «Сибирский патриот конца XVII или начала XVIII в. очень характерно высказал пожелание, чтобы “наше сибирство во веки пребывало”. Очевидно, что под “сибирством” он подразумевал совокупность сибирских граждан с их особыми интересами, обычаями и стремлениями. Следовательно, уже каких-нибудь сто лет спустя после водворения русских в Сибири, с одной стороны, образовалась разновидность русского племени, а с другой, создалось известное культурное обособление. Еще ранее, во второй половине XVII в., в исторических актах встречается упоминание о “сибиряках”» [18. С. 40]. Важно, что Н.Н. Козьмин отыскивал в прошлом уже не просто дискурс о самостоятельности Сибири, но и этнографические корни для развития современного ему сибирского национализма в XVII–XVIII вв. Следует подчеркнуть, что в начале XX в. в крае имелись немногочисленные носители идентичности «сибиряк». В делегатских карточках Чрезвычайного съезда в Томске социал-демократ В.Е. Писарев в графе «национальность» поставил «сибиряк», эсер Д.Ф. Портягин – «сибиряк-русский». В карточках депутатов Сибирской Областной думы также присутствует национальность «сибиряк», причем один из делегатов с гордостью написал, что «род ведется от дружины Ермака». И на съезде, и в думе многие депутаты в качестве второй самоидентификации указывали «сибиряк» [8. С. 54]. Наличие сибирской идентичности явилось важнейшим условием активизации областников в годы революции и Гражданской войны в России.

В дни Русской революции наиболее последовательные сибирские националисты показали, что траектория развития сибирского областничества неизбежно эволюционировала из сепаратизма культурного в сепаратизм политический. Новониколаевские областники организовались в крае одними из первых. Они создали Союз сибирских республиканцев-федералистов и издавали газету «Свободная Сибирь», через которую пропагандировали свои идеи. Рассказывая читателям о первом собрании областников города, состоявшемся 11 марта 1917 г., газета «Свободная Сибирь» подробно освещала исторические взгляды областников. О «сибиряках» в газете говорилось: «Этнографически русский элемент вошел в тесное соприкосновение и взаимодействие с различными народами финского и тюрко-монгольского племени и вследствие особых климатических условий образовал из себя особый культурный тип… Каждая область в государстве с разнообразными национальными потребностями имеет право на собственное управление как необходимое условие развития и культурного роста этой области и всего государства» [19]. Для обоснования требований об автономии края новониколаевцы опирались на идейное наследие Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, утверждавших отличие сибиряков от русских. Новониколаевские областники-федералисты, участвуя в выборах в городское народное собрание как самостоятельная политическая сила, в листовках и на страницах газеты «Свободная Сибирь» выдвинули новые для края политические лозунги: «Сибирь для сибиряков, а город для горожан!»; «Самоопределение и строительство жизни Сибири принадлежит всему сибирскому населению, живущему на территории Сибири!» [20]. Однако на выборах они потерпели сокрушительное поражение.

Лозунг из предвыборной программы новониколаевских областников «Сибирь для сибиряков» периодически использовался сибирскими националистами на всем протяжении революции и Гражданской войны в России в разных обстоятельствах, но, как правило, в самом радикальном варианте политического сепаратизма. Журнал «Сибиряк и крестьянин», издававшийся в Барнауле, в конце ноября 1917 г. напечатал статью «Сибирь и текущий момент» в связи с победой большевиков, обвиняемых их политическими оппонентами в предательстве национальных интересов России, в работе на германское правительство. В статье России предрекался статус германской колонии и ставился риторический вопрос о том, как в этой ситуации должны поступить сибиряки. Ответ на этот вопрос давался в форме призыва, выражавшего самый радикальный вариант сибирского сепаратизма. Журнал призывал к организации «на началах полной самостоятельности т.е. ввиду быстрых разрушительных действий большевиков России, как таковой отказаться от согласованности интересов Сибири с интересами европейской России, провозгласив грозный лозунг – “Сибирь – для сибиряков” а не для немцев!» [21]. Подобный призыв свидетельствовал об успешности пропаганды областников среди части представителей сибирской интеллигенции, для которых Родиной стала не Россия, а Сибирь. Если бы люди относились к России как к Матери – Родине (которая больна), они бы не стали призывать бросить мать в беспомощном состоянии. Они постарались бы ей помочь. Однако для сибиряков, воспринявших пропаганду областничества, считавших своей Родиной Сибирь, было логичным спасать ее. Поэтому в статье утверждалось: «Независимость и целость Сибири может быть сохранена только своими силами и под собственными знаменами. Конечно, трудно основать Сибирскую самостоятельную республику, но все же это сделать нужно» [21]. С июля по ноябрь 1918 г., когда de facto существовала Сибирская республика, воплотившая самые смелые мечты сибирских националистов, наиболее радикально настроенные из них настаивали, что «Сибирь – для сибиряков», и обосновывали «объективные условия для отделения Сибири от России» [22. С. 62].

Сибирские националисты потерпели фиаско на выборах в Учредительное Собрание и в общесибирском масштабе. На состоявших в ноябре 1917 г. выборах во Всероссийское Учредительное собрание за

сторонников областнического движения проголосовало 0,09% от принявших участие в голосовании (2 452 из 2 688 тыс. чел.) [23. С. 90]. Результаты выборов свидетельствовали о том, что у подавляющего большинства жителей Сибири отсутствовал сибирский патриотизм, основанный на осознании культурной обособленности сибиряков. Пропаганда сибирского национализма не вызывала у избирателей соответствующего эмоционального отклика и они не оказали поддержки представителям региональной политической элиты, ориентированным на областничество. Во время революции и Гражданской войны еще была жива идея сибирской автономии Г.Н. Потанин, и преемственность «молодого областничества» эпохи социальных катаклизмов от «старого областничества» 1860-х гг. не вызывает сомнений. Именно в условиях социальных катаклизмов, когда областничество сбросило с себя маску культурного сепаратизма, показав свою националистическую сущность, связанную с политическим сепаратизмом по отношению к России, стало очевидно, что сибирское областничество – это «национализм без нации». К этому времени сибирский национализм имел интеллектуалов, породивших основные идеи для развития, политическую элиту, готовую к политической борьбе под националистическими лозунгами, и небольшой процент сторонников из числа местных интеллигентов, готовых распространять идеи сибирского национализма через институты культуры. Однако большинству сибирской интеллигенции и массам местного населения сибирский национализм оказался чужд. После завершения Гражданской войны в России сибирский национализм в Сибири развиваться перестал. Его немногочисленные сторонники эмигрировали и по мере сил продолжали развивать его идеи за рубежом. Последним областником, подготовившим сибириеведческий труд, стал Г.Д. Гребенщиков. Можно согласиться с исследователем А.П. Казаркиным в том, что книга Г.Д. Гребенщикова стала «завершающим текстом областничества» [24. С. 75]. Однако деятельность сибирских областников за границей не оказывала влияния на жителей Сибири в СССР.

Потеря политической привлекательности областнических лозунгов в течение XX столетия объясняется рядом причин. «Во-первых, начавшая складываться в XIX столетии из сибирских старожилов-крестьян и сибирских казаков этнографическая группа “сибиряков” в течение XX века была размыта модернизационным процессом. Переселение крестьян из других областей России, мировые войны, сталинские репрессии привели в край массы населения, для которых областнические лозунги были чужды. В местах, из которых они переселялись, оставались “родные корни”, разрывать которые новые жители Сибири не хотели. Во-вторых, сибирское казачество, в недрах которого зародилось сибирское областничество, осознавало себя отдельной социальной группой с особыми интересами. Поэтому оно активно включилось в Гражданскую войну, встав, в основном, на сторону белогвардейцев. Большинство его представителей было уничтожено одержавшими победу в Гражданской войне коммунистами. В-третьих, коренные народы Сибири, на которых при строительстве “сибирской нации” также рассчитывали сибирские областники, в результате революций и Гражданской войны успешно “суверенизировались”, добившись создания национально-государственных образований, в которых они стали титульными нациями, и лозунги сибирского национализма потеряли для них привлекательность. В-четвертых, появление и развитие железнодорожного транспорта, новых средств массовых коммуникаций, глубокая интеграция края в экономическую систему СССР разрушили условия замкнутого существования сибиряков, имевшие место в прошлом» [8. С. 363–364]. Таким образом, к середине XX столетия предпосылки для существования сибирского сепаратизма, как тогда казалось, были изжиты навсегда.

Сибирский национализм в форме сибирского областничества 1860–1920-х гг. претерпел политическую смерть. Вместе с тем сибирские областники оставили исторические идеи, которые в ситуации кризиса коммунистического режима и краха СССР, а также в кризисных условиях постсоветской российской государственности оказались востребованными новой когортой сибирских националистов, которых современные историки назвали неообластниками. Ростки сибирского национализма начали прорастать в ходе деятельности Союза содействия революционной перестройке (ССРП), созданного в Томске в июле 1988 г. Как отмечает исследовательница С.А. Величко, «ССРП в Томске первоначально действовал при парткоме Томского университета, его еженедельные собрания проходили в помещении университета. По своему социальному составу ССРП на 85% состоял из представителей интеллигенции, из них 15% имели ученую степень» [25. С. 52]. Деятельность томского союза от подобных союзов других сибирских городов отличала формулировка требований о самостоятельности Сибири. На основе ССРП в 1990 г. был создан Томский комитет «Сибирь», начавший активно пропагандировать идею трансформацию Сибири в «конфедерацию сибирских земель» [26]. К созданию комитета «Сибирь» также были причастны активисты Томского народного движения (ТНД), более широкого по составу, чем ССРП. С.А. Величко следующим образом характеризует распространение идеи о суверенизации Сибири в Томске: «Учредительная конференция ТНД состоялась 4–5 ноября 1989 г. В программе ТНД были сильны идеи сибирской самостоятельности, “освобождения от колониальной зависимости московской метрополии”. В программе отразились идеи сибирского областничества, традиционно сильные в Томске» [27. С. 16].

В конце 1980-х гг. сибирский национализм активно начал возрождаться в научно-вузовской среде Томска. Об этом свидетельствуют материалы газеты «Томская трибуна». Практически весь номер от 24 мая 1990 г. был посвящен вопросу организации движения за конфедерацию сибирских земель. В издании сообщалось, что 25 мая 1990 г. в аудитории 204 главного корпуса Томского политехнического института состоится III конференция ТНД, один из вопросов которой – «О движении за независимость Сиби-

ри». В газете были опубликован проект документа «Этапы формирования Конфедерации Сибирских земель». Томские активисты имели четкую программу действий для сторонников суверенизации Сибири. Для создания координационного органа движения они хотели использовать конференцию «Потанинские чтения». На ней планировалось создать координационный орган движения. Во всех краях и областях региона задумывалось создать комитеты «Сибирь». Активисты движения должны были изучать и пропагандировать его исторические корни, осуществлять связь между комитетами, подготовку и пропаганду вопроса о проведении референдума по вопросу о создании Конфедерации Сибирских земель [28].

Активисты движения планировали «собрать заинтересованных представителей краев и областей на учредительную конференцию движения «Сибирь». Конференцию провести 1 июля в г. Томске в период проведения Потанинских чтений» [Там же]. Научный интерес к личности идеолога сибирского областничества, по замыслам активистов идеи о независимости Сибири, необходимо было использоваться для ее политической актуализации. Некоторые представители вузовской интеллигенции Томска стояли у истоков возрождения сибирского сепаратизма. В этой связи отметим, что чаяния областников XIX в. о сибирском университете, который даст кадры интеллигенции для развития сибирского сепаратизма, отчасти оправдывались. В то же время, например, часть советских историков были возмущены чевствованием памяти Г.Н. Потанина в годы перестройки, прекрасно понимая политическую направленность этого. Автору предлагаемой статьи известный омский историк, профессор Э.Ш. Хазиахметов рассказывал о негодовании своего томского коллеги, профессора И.М. Разгона по поводу активизации в Томске почитателей памяти Г.Н. Потанина. Для сибирских националистов эпохи перестройки было важно связать свою деятельность с сибирским областничеством с тем, чтобы добиться для нее легитимности у населения региона. В этом отношении является крайне показательной статья «Идеи и люди сибирского областничества», напечатанная в газете «Томская трибуна». В ней деятельность современных активистов движения за суверенизацию Сибири связывалась с историей областнического движения. Автор статьи писал: «В деле создания Сибирской союзной республики идейное наследие патриотов края Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева должно быть взято современной демократической общественностью на вооружение». Подчеркнем сепаратизм сибирских националистов эпохи перестройки. В статье говорилось о «Сибирской союзной республике» только потому, что сторонники независимости Сибири понимали приверженность большинства сибиряков идее единства Советской страны. В то же время деятельность «сибирского Льва Толстого» Г.Н. Потанина, идеями которого призывал вооружаться автор статьи, характеризовалась следующим образом: «Такую всеобщую любовь сибиряков он завоевал благодаря бескомпромиссной борьбе за независимость Сибири от царского правительства». Если оценивать эту публикацию в контексте всего номера газеты, можно утверждать, что она была нацелена призвать сибиряков на бескомпромиссную борьбу за независимость Сибири от советского правительства. Не случайно в номере приводились возмутительные для любого жителя региона экономические показатели положения Западной Сибири, со ссылкой на издание “Сибирская газета” утверждалось, что Новосибирской и Тюменской областям остается 1% от производимого вклада в бюджет страны [28].

Лозунги о самоопределении Сибири эпатажно использовались антикоммунистической оппозицией для борьбы с коммунистическим режимом. Исследователь С.Н. Новиков, оценивая постановку «сибирского вопроса» как имеющую «тактический характер», описывает празднование 72-й годовщины Октябрьской революции в Омске, когда в противовес официальному празднованию на улицах города было поднято бело-зеленое знамя с черной траурной лентой. Над «неформальной» колонной народофронтовцев, ДС, монархистов помимо антисоциалистических лозунгов присутствовал призыв «Даешь деколонизацию Сибири!» [29. С. 77]. Представители общероссийских политических партий в Сибири эпизодически ставили вопрос о ее самостоятельности, но, будучи участниками общегосударственных политических процессов, на практике дистанцировались от сибирского сепаратизма. По этому поводу С.Н. Новиков отмечает, что «сепаратизмом переболели представители Демсоюза, монархистов, Демплатформы в КПСС, анархо-синдикалистов… Наиболее последовательно с позиций анархо-синдикализма его рассматривали представители указанного движения, ставившие цель создания конфедерации Сибирских земель в составе Иркутской, Кемеровской, Курганской, Новосибирской, Томской, Тюменской и Читинской областей… Впрочем, анализ документов анархо-синдикалистов показывает, что за “сибирскую самобытность” был хорошо спрятан анархо-синдикалистский принцип создания государства» [30. С. 99]. С.А. Величко обращает внимание на слабое распространение идей анархо-синдикализма в Сибири, «несмотря на распространение в Сибири газеты анархо-синдикалистов “Свободная территория”. В основном отделения КАС (Конфедерации анархо-синдикалистов) действовали в Иркутской области в Иркутске, Ангарске, Байкальске и Братске» [31. С. 248].

Следует отметить активность группы томских анархо-синдикалистов, пытавшихся противостоять вхождению структур общественно-политических движений выступавших за суверенизацию Сибири в общероссийское демократическое движение. Осенью 1990 года на конференции ТНТ было принято решение о вхождение в движение «Демократическая Россия» [32. Л. 12]. В ответ анархо-синдикалисты приняли специальную резолюцию общего собрания группы Конфедерации анархо-синдикалистов Сибири и Дальнего Востока, посвященную ситуации в Томске. В документе говорилось: «Томская группа КАС считает неприемлемым входить в новую государственную структуру (движение “Демократическая Россия”). Осуждаем попытку лидеров некоторых партийных организаций, входящих в Томское народное движе-

ние, втянуть ТНД в движение Демократическая Россия» потому что это еще один шаг, уводящий ТДД от народа. Призываем организации, дорожащие интересами Сибири – сосредоточить усилия на работе Союза Объединения Сибири. Встревожены тем, что вопросы борьбы за власть стали преобладающими в деятельности ТНД» [32. Л. 13]. Интересы Сибири общероссийское движение не волновали. Не случайно на конференции в декабре 1990 г. сибирская тема была поставлена, но не вошла в резолюцию. В проекте резолюции были вычеркнуты следующие положения: «3. Принять меры к восстановлению выпусков "Томской трибуны". 6. Обязательно документировать деятельность КС ("Комитета Сибирь") и ТНД в целом. 7. Поддержать призыв Томской группы анархосиндикалистов о необходимости сосредоточить усилия членов ТНД на работе союза за освобождение Сибири» [Там же. Л. 21]. Сибирская тема не находила отклика в массах, поэтому большинство томских политиков, пытавшихся на ней играть, предпочли переориентироваться на общероссийскую проблематику и принять участие в борьбе за власть. Так было во всем Сибирском регионе. После распада СССР и образования Российской Федерации политики разыгрывавшие сибирскую тему, дистанцировалось от нее и стали выступать с прямо противоположными идеями. С.В. Новиков приводит наблюдение, характеризующее беспринципность большинства политических деятелей демократической ориентации, в свое время поднимавших вопрос о колониальной зависимости Сибири. Исследователь пишет: «Сибирские политические лидеры демократического толка, получившие в своем большинстве должности и звания в структурах центральной государственной власти России дистанцируются от сепаратистских заявлений периода борьбы с КПСС против союзного руководства. Именно эти лидеры стали инициаторами аналитических записок в Контрольное Управление Правительства о возможных последствиях сепаратизма для политики российского государства» [33. С. 68].

Попытки отдельных политических активистов сибирской независимости на закате перестройки организоваться в политическую партию, занятую только сибирским вопросом, не встречали поддержки населения. Наиболее подробно эти сюжеты приведены в работах С.В. Новикова. В частности, он описывает ситуацию в Томске, где идея сибирской самостоятельности имела наибольшее число политически активных сторонников. Как отмечает исследователь, «в августе 1990 г. было заявлено о создании Сибирской народной партии. Каких-либо сторонников среди населения партия не получила. В 1991 г. сибирской теме был придан новый виток. В Томске была создана партия Сибирской независимости, сумевшая 26 февраля 1991 года поставить вопрос об одновременном, с референдумом СССР и РСФСР, проведении опроса населения области по самым жгучим ее проблемам. Речь шла об областном референдуме с вопросами: "Быть или не быть прямым выборам руководства области?", "Быть или не быть праву приостановления действия на территории области актов союзного и российского центров, посягающих на интересы населения области?". Помимо этих главных вопросов речь также шла о радиоактивных отходах, производстве БВК, станции теплоснабжения. Был предложен вопрос о целесообразности образования Сибирской Суверенной Республики. Президиум Томского облсовета идею проведения подобного опроса отклонил» [30. С. 99–100]. Активистами Партии Сибирской независимости на основе использования опыта прибалтийских республик в борьбе за независимость с СССР был разработан план-сценарий отделения Сибири от России к 1995 г. и проект создания независимого Сибирского государства. Однако идеи партии не встретили поддержки у сибиряков. В 1993 г. она заявила о самороспуске [33. С. 69].

Идеи немногочисленных интеллектуалов о политической самостоятельности Сибири не находили поддержки у политической элиты региона, не имели популярности среди интеллигенции и масс. Но сложная экономическая ситуация вынужденно подтолкнула сибирских губернаторов к проявлению самостоятельности в экономике, что проявилось в создании межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС). Исследовательница С.Д. Бакулина, характеризуя создание ассоциации, пишет: «Обращаясь к основным тенденциям на постсоветском пространстве, связанным с подъемом интереса к областническим настроениям в сибирской публицистике, отметим внимание к *идее формирования политических структур областнической направленности, которые виделись механизмом поддержания идентичности в процессе регионального развития*. Примером тому стала деятельность МАСС, которая разрабатывала концепцию самостоятельного выхода Сибири из экономического тупика путем объединения природных ресурсов, трудовых и научных кадров, удовлетворения нужд территории за счет собственных возможностей» [34. С. 34]. С такой постановкой вопроса можно отчасти согласиться. На этапе становления МАСС у руля организации находились политические деятели Новосибирска, пытавшиеся сделать акцент на региональной самобытности, осторожно связывая решение экономических проблем сибирских регионов с политической суверенизацией. Однако этот нюанс не стал определяющим для деятельности организации. Создание МАСС было вынужденной мерой, направленной на «выживание» сибирского населения в условиях развала экономики страны. В этой связи на официальном сайте организации в исторической справке о ее деятельности говорится: «В том же 1993 году на Совете ассоциации в первый и последний раз рассматривалась политическая ситуация в стране. Сначала потребовалось дать оценку центробежным тенденциям, назревавшим в Федерации. "Сибирское соглашение" приняло жёсткое заявление, осуждающее попытки раскола России. Сделать это было важно ещё и потому, что и в адрес самой ассоциации доносились из столицы обвинения в сепаратизме, в стремлении отколоть Сибирь от России. Не один год пришлось убеждать, что проблема не в отделении некоторых территорий от России, а в том, чтобы выстроить равноправные отношения между регионами и центром» [35]. Региональная политическая

элита в лице губернаторов не поддержала идей политического сепаратизма, исходивших от интеллектуалов, добивавшихся суверенизации Сибири. МАСС сосредоточила свои усилия только на решении экономических проблем сибирских регионов в рамках существующего конституционного строя.

Несмотря на активную политическую деятельность, надежды томских сторонников сибирской независимости и их малочисленных сторонников в других сибирских городах не оправдались. Попытки создать жизнеспособные комитеты «Сибирь» в краях областях региона не имели успеха, также провалились политики, пытавшиеся создать политические партии с программными требованиями о политической самостоятельности Сибири. Среди жителей Сибири демократическое движение в общегосударственном масштабе стремительно набирало популярность на фоне падения доверия к коммунистам. Сибиряки не поддержали местных патриотов, некоторые из которых являлись сепаратистами по отношению к России. К середине 1990-х гг. пропагандисты идеи суверенизации Сибири потерялись в общегосударственном демократическом движении, сосредоточившем усилия на демонтаже советского коммунистического государства и создании на его развалинах демократической российской государственности.

Во второй половине 1990-х гг. в Сибири была предпринята попытка создания сибирской региональной политической партии, которую нельзя квалифицировать как политический сепаратизм. Партия начала осуществлять деятельность на территории Новосибирской, Омской, Томской и Кемеровской областей. Ее активисты во всех публичных выступлениях заявляли о поддержке идеи единства России. В то же время учредители Межрегиональной общественной организации «Сибирская партия», зарегистрированной в Новосибирске в августе 1997 г., в уставе организации в качестве ее главной цели заявили о праве населения быть хозяином на своей земле и о необходимости «превращения Сибири из сырьевого придатка страны в регион устойчивого, динамичного развития с гарантированными социальными правами граждан» [36. Л. 2]. В заявлении-обращении Сибирской партии к сибирякам, в котором содержались признаки националистического дискурса, подчеркивалось, что «**Сибирская партия сегодня как никогда нужна всем**, потому, что мы все сибиряки, люди особого сплава, особой судьбы и особой земли» [37. Л. 1]. В плане эмоционального содержания партийной пропаганды интересна листовка Сибирской партии, в которой говорилось: «В Сибири ежегодно добывается 100 т золота, или 68–72% от всей его добычи в стране. Сибирь дает более 70% нефти, 90% газа, 80% угля. Но живем мы хуже, чем население европейской части России. В Москве возводятся грандиозные памятники, а у нас безработица, низкий уровень жизни, задержка выплаты пенсий, долги по заработной плате. Численность сибирского населения сокращается. В страну проникают граждане сопредельных государств, идет ползучее отторжение ими российских земель. Существующие партии управляют Сибирью из Москвы и только в интересах Москвы. Такое положение нетерпимо! Сибиряки, не раз спасавшие Россию, обжившие пространства русской Азии, сильные духом и сохранившие лучшие черты национального характера, – заслуживают достойной жизни наравне со всеми. Именно поэтому Сибирь испытывает острую нужду в политической силе, способной защитить ее народ от произвола московских, зарубежных и финансовых воротил, национальных и транснациональных корпораций. **Такая сила есть! Это – Сибирская партия!**» [38. Л. 1]. Дискурс листовки является показателем того, что, как и в XIX в., идея сибирской партии основывалась на эмоции зависти сибиряков по отношению к жителям Европейской России и особенно Москвы, вызванной неравенством в условиях жизни населения. Однако идея региональной политической партии в Сибири не прижилась. Российские власти при помощи административного ресурса всячески пресекали любые проявления регионального самосознания и патриотизма, а у населения региона отсутствовала политическая культура, способствующая ее успешной реализации. В ходе укрепления в России вертикали власти широкая публичная деятельность региональной партии стала невозможной.

Как было показано, сепаратистский дискурс и идеи, питавшие его, существовали в Сибири с начала XVIII в. Областничество как общественно-политическое движение группы сибирских интеллектуалов сплотило часть местной интеллигенции с 1860-х по 1920-е гг. Возродив сепаратистский дискурс в годы Перестройки в СССР, группы интеллектуалов, его породившие, пытались связать свою деятельность с историческими идеями и политической практикой областников, но по факту, учитывая порядка 70 лет забвения, это было рождение нового сибирского национализма – «неообластничества», детерминированного новой перестроечной реальностью.

Несмотря на затухание сибирского сепаратизма к концу XX в., в начале XXI в. он вновь активизировался и вышел на политическую арену. И если в «смутные 1990-е» это было объяснимо ослаблением российской государственности, то в современных условиях ее укрепления существование сибирского сепаратизма требует объяснения. В настоящее время существуют факторы, прямо или косвенно способствующие его развитию в современной Сибири.

Во-первых, основной предпосылкой для развития сепаратизма в Сибири, на взгляд его сторонников, является несправедливое распределение доходов от эксплуатации природных богатств между Москвой и регионами Сибири. В таких условиях сторонники самостоятельности Сибири на первый план выдвигают требование экономической самостоятельности, которое заключается в том, «чтобы Сибирь, как единый регион, или совокупность регионов, обладала собственными ресурсами для развития, составляла и осуществляла свои планы экономического развития» [39. С. 290]. Согласно публикуемым в материалах современных средствах массовой коммуникации (СМК) данным, посвященным развитию сепаратизма в Сибири, уровень жизни сибиряков значительно ниже, чем у жителей столицы. И это при том, что Сибирь является основным донором для бюджета стра-

ны. Например, расходы бюджета на душу населения в год в Москве в 2010–2012 гг. составляли 147 023 руб., а в Новосибирске (являющемся одним из самых развитых городов края) – 34 311 руб. [40. С. 17]. При такой разнице для жителя Сибири очевидно, что его малая родина – сырьевой придаток Москвы. Поэтому современные акции сибирских националистов обязательно проводились с экономическими лозунгами и требованиями. Достаточно привести в пример акцию в Новосибирске «Марш за федерализацию Сибири» с лозунгом «Хватит кормить Москву» [41]. В Иркутском государственном университете по инициативе общественного движения «Областническая альтернатива Сибири» прошел семинар для студентов 5-го курса Сибирско-американского факультета. Темой его было заявлено «Моделирование экономики государства Сибирь». Эти акции вызвали достаточно громкий общественный резонанс [42. С. 14].

Во-вторых, важнейшим фактором для развития сибирского сепаратизма во всех формах его проявления является политика федеральных властей. Напомним, что в предшествующий период политика Советского государства привела к ликвидации предпосылок для развития сибирского сепаратизма. Современные российские власти своей политикой игнорирования элементарных потребностей сибирского населения, создали новые предпосылки для активизации интеллектуалов с лозунгами о сибирской самостоятельности. В этой связи один из лидеров движения «Областная альтернатива Сибири» в беседе со столичным корреспондентом О. Герасименко заявил: «Для нас федералы – это захватчики. 20 лет я занимаюсь проблемами Восточной Сибири – все они порождены только политикой федералов. От приватизации до офшорной политики холдингов, от навязанной нам структуры муниципалитетов до запрета ловить в Байкале рыбу местным жителям. Разгром Ленского флота, 15 машиностроительных заводов Иркутска, обанкроченных целенаправленными действиями федералов, губернаторы-гастарбайтеры, не способные понять, куда их прислали губернаторствовать, – все для нас губительно. Золотая Орда у Руси забирала 10% – и это называлось татарским игом. А как назвать, когда забирают 70%?» [42. С. 15]. Общавшаяся с активистами движения за суверенизацию Сибири корреспондент О. Герасименко сделала довольно точное наблюдение о социальной базе для протестных настроений. Она пишет: «сепаратизма не существует, есть просто не довольные текущим положением дел люди» [Там же. С. 20]. Это верно в отношении масс сибиряков, поддерживающих активистов сибирской самостоятельности, но не правильно в отношении деятельности интеллектуалов, порождающих и тиражирующих сепаратистский дискурс, организующих политические акции по агитации за суверенизацию Сибири.

В-третьих, за три века русской колонизации Сибири в регионе сформировалась культурная идентичность местного населения. Некоторые жители Сибири считают себя в первую очередь «сибиряками», а не «россиянами» или «русскими». Сибиряк чувствует себя жителем колонии, и идеи сибирского сепаратизма при умелой пропаганде вызывают симпатии среди некоторой части населения региона. Чем сильнее будет разрыв в уровне жизни москвича и сибиряка, тем среди большего количества сибиряков будет популярна идея сибирской самостоятельности. Современные исследователи отмечают, что «разница в оценках возможного официального самоназвания с очевидностью показывает противоречивое отношение сибиряка к России. В его интерпретациях Россия либо сужается до размеров федерального центра – “владельца колоний”, либо теряет географические очертания и становится воплощением культурной прародины, духовное родство с которой не зависит от политической конъюнктуры» [43. С. 117]. Так, известный томский историк В.П. Зиновьев следующим образом характеризует свое самосознание: «Думаю, что многие жители нашего суперрегиона, как и я, чувствуют себя, прежде всего, сибиряком, затем только россиянином, а после этого – европейцем или азиатом в зависимости от национальности. Но сибиряки чувствуют себя и еще жителями дискриминируемой окраины в отношениях с Москвой» [44. С. 123]. Сама по себе идентификация «сибиряк» не является культурным или политическим сепаратизмом. Она представляет собой показатель полиэтничности России, где во множестве присутствуют сложные, множественные культурные самоидентификации граждан. Однако сибирская культурная идентичность – важнейшее условие для деятельности интеллектуалов, выступающих за суверенизацию Сибири.

Наличие сибирского самосознания активно пытаются применять для мобилизации населения немногочисленные политически активные сибирские сепаратисты, использующие для этого возможности СМК. Если оружием областников в XIX–XX вв. были книги и газеты, то для современных сибирских националистов основным оружием являются интернет-ресурсы. Их информацию государство не в состоянии оперативно контролировать. Используя возможности Всемирной паутины, интеллектуалы пытаются организовать широкое политическое движение и проводят резонансные акции, направленные на рост протестных настроений среди жителей региона. Самой громкой стала акция блогеров в ходе проведения всероссийской переписи населения 2010 г. Сибирские националисты призвали жителей региона указывать национальность «сибиряк». Этим они пытались доказать существование нации «сибиряков», имеющей право на национальное самоопределение. На это Росстат отреагировал резким заявлением, что «такую национальность в соответствующую графу заносить не будут» [45. С. 24], тем самым подогрев интерес к акции среди жителей Сибири и вызвав в прессе широкое обсуждение и популяризацию «сибирского сепаратизма» (чего и хотели организаторы акции). В результате многие жители региона решили записаться «сибиряками» просто из любопытства либо для того, чтобы выразить свой протест по поводу экономической политики федерального центра. Данные о количестве записавшихся сибиряков официально не публиковались, что дало возможность неообластникам и прессе спекулировать на этой теме. В периодической печати встречались сведенья, что, по разным оценкам,

«сибиряков» от 100 тыс. до 4 млн [46]. Следует признать, что акция вызвала интерес у сибиряков и бурное обсуждение в прессе перспектив сибирского сепаратизма.

Говоря о наличии сибирской идентичности, следует подчеркнуть, что в настоящее время она не имеет широкого распространения среди жителей региона. В мае–июне 2010 г. в Омске проводился социологический опрос, посвященный изучению этнокультурного многообразия и отношению населения к идее российской нации. Полученные данные свидетельствовали, что «большинство респондентов (74,4%) считают, что у жителей России больше сходств, чем различий. Основные различия респонденты связывают с уровнем обеспеченности (70,7% из них ответили, что в нашей стране значимые различия существуют между бедными, богатыми и среднеобеспеченными)» [47. С. 317–318]. Эти данные показывают, что пропаганда сибирского сепаратизма может иметь успех лишь в случае использования данных о неравенстве в уровне жизни сибиряков и москвичей, которые вызывали бы зависть и недовольство у сибиряков.

В-четвертых, в последнее время появляются свидетельства о попытках иностранных государств разыграть сибирскую карту для расчленения Российского государства и установления контроля над его сибирскими ресурсами. На этом акцентирует внимание С.В. Новиков. Он пишет: «С точки зрения ряда зарубежных политиков – “освоенная представителями всего мирового сообщества” и, как следствие, “принадлежащая всему человечеству”. Реализация проекта по отторжению региона от Российского государства находится на начальной, около 30 лет деятельности, стадии выполнения. О наличии подобного вида деятельности свидетельствуют попытки:

– обосновать отделение региона от СССР или РФ, с необходимостью создания “независимого” государства, под протекторатом США;

– прозондировать возможности реализации проектов создания этногосударственных объединений, както: Чукотско-Алеутская конфедерация, входящая одновременно в РФ и США;

– заявить о возможной покупке США территории Сибири подобно Аляске;

– распространение в регионе «научной литературы», обосновывающей целесообразность самостоятельности региона с последующим его переходом под международную юрисдикцию;

– поддержка научных и околонаучных концепций, доказывающих отсутствие у РФ прав на владение регионом;

– эпизодическое распространение посредством СМИ вышеперечисленных идей в доступной для усвоения форме» [48. С. 5–6].

Мы сознательно поставили данный фактор на последнее место поскольку иностранцы не способны дестабилизировать обстановку в стране, если в ней нет для этого значимых внутренних предпосылок которые они смогут использовать в своих интересах. Для того чтобы эффективно противостоять сибирскому сепаратизму, Российскому государству нужно просто эффективно решать социально-экономические проблемы жителей региона и не допускать падения здесь жизненного уровня населения ниже, чем он находится в среднем по стране. В то же время теоретически фактор иностранного влияния на развитие сепаратизма в Сибири объясняет развитие сепаратизма в условиях относительной стабилизации Российского государства. Отметим, что историку сложно зафиксировать факты зарубежного влияния на распространение сепаратизма, так как если такая работа существует, ее ведут спецслужбы, умеющие скрывать свою деятельность.

Таким образом, следует признать, что в современных условиях существуют факторы, способствующие развитию сибирского сепаратизма. Это несправедливое распределение доходов внутри государства и деятельность активистов неообластнического движения, пользующихся экономическим недовольством сибиряков. Кроме того, к факторам популяризации сибирского сепаратизма можно отнести достаточно бурное обсуждение его угрозы в СМК и работу из-за рубежа, направленную на расчленение России. Все это не дает угаснуть теме сибирского сепаратизма в общественном сознании.

Несмотря на действие указанных факторов, превращение сибирского сепаратизма в значимое явление политической жизни страны в данный момент представляется нереалистичным по ряду причин.

Во-первых, для развития сепаратизма необходимо существование этнической или гражданской сибирской идентичности с перспективой создания на ее основе нации. Отсутствие этнической группы или народа «сибиряки» лишает сибирский сепаратизм социальной базы для развития. Единицы современных жителей Сибири, самоидентифицирующие себя в качестве сибиряков, растворяются во множестве проживающих в Сибири представителей национальностей не желающих терять своей идентичности и культуры. Это и русские, среди которых в последние годы укрепилась православная вера, являющаяся основой для самоидентификации. Это и коренные сибирские народы, многие из которых в XX в. обрели национально-территориальную автономию в составе России, и массовый переход их представителей в «сибиряки» невозможен. Поэтому сибирский сепаратизм не имеет достаточной социальной базы.

Во-вторых, сибирский сепаратизм не имеет непрерывной, продолжительной истории развития, он не институализирован в массовом общественно-политическом движении. Отдельные всплески сибирского сепаратизма не связаны между собой. Легенда о сепаратизме М.П. Гагарина и тиражировавший ее дискурс не вызывали общественно-значимого политического резонанса в Российской империи. Формирование областнического движения во второй половине XIX в. основывалось на процессе складывания сибирской общности из сибирских крестьян-старожилов и казаков, но в результате революции и Гражданской войны в России данный процесс прервался. Современный всплеск сепаратизма в Сибири связан с недовольством населения социально-экономическими условиями жизни. Это позволяет говорить о том, что всплески сибирского сепаратизма были обусловлены разными причинами и не связаны между собой.

В-третьих, в современном российском обществе социальная мобильность граждан страны находится на достаточно высоком уровне. Гражданин России, не желающий жить в каком-то сибирском регионе, достаточно легко может поменять место жительства, переехав в другой российский регион или столицу. Не случайно многие «москвичи, скупившие провинцию», на деле оказываются успешными выходцами из регионов, где они когда то проживали и теперь приобретают собственность, вкладывая свободные деньги [46]. Современное состояние транспортной инфраструктуры страны также не позволяет регионам замкнуться в себе. В общем, современные условия социальной мобильности не благоприятны для развития сепаратизма в Сибири.

На материалах истории Сибири, обращаясь к проблеме поиска критериев тождества национализма на одной территории, следует признать, что основой для признания тождества является наличие в определенных территориальных границах уже имеющейся или формирующейся культурной идентичности. На ее основе интеллектуалы вырабатывают идеи о национальном самоопределении, а элита ведет политическую борьбу под его лозунгами. При этом для тождества важно, чтобы борьба имела непрерывную историю, т.е. в той или иной форме велась активистами беспрерывно и была институализирована в общественно-политическое движение или политическую партию. Анализ трехвековой истории всплесков сибирского сепаратизма показывает, что его не существовало непрерывно в своем развитии, но существовал сибирский дискурс, пропагандировавший идею самостоятельного политического развития Сибири, оспаривавший идею единства России. Этот дискурс основывался на эмоциях и чувствах жителей Сибири, которые испытывали эмоцию зависти к лучшим социальным условиям жизни в России, и такое положение жители края обоснованно считали несправедливым. Активизации движения за суверенизацию Сибири всегда была тесно связана с обострением общественно-политической ситуации в России, переводившим идеи сибирского национализма в область политической практики. Актуализация националистических дискурсов в Сибири связана с кризисными явлениями в жизни российской государственности. Сибирский национализм активизировался преимущественно в периоды кризисов российской государственности: в 1860-х гг. на фоне реформ Александра II и всплеска революционного движения в России; в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг.; в ходе Русской революции и Гражданской войны в России (1917–1923 гг.); в период Перестройки в СССР. В то же время в связи с его активизацией во второй декаде XXI в. нельзя сбрасывать со счетов и иностранное влияние, которое может стимулировать его развитие. На протяжении XIX–XXI вв. отмечаются всплески деятельности сибирских националистов, в интервалах между которыми движение за суверенизацию Сибири либо сходило на нет, либо было малоактивно и не играло в политической жизни заметной роли. Политические затухания сибирского национализма всегда были связаны с укреплением государства в России. Под общей вывеской сибирского областничества в конкретных исторических условиях существовали обособленные сепаратизмы, прерывавшие свое развитие. Периодические всплески сепаратизма в Сибири базируются на идее независимости региона и в каждом случае имеют собственные причины возникновения. Несмотря на устойчивость термина «областничество» (неообластничество), с точки зрения современного социального знания сибирских областников точнее называть сибирскими националистами, поскольку их деятельность по суверенизации Сибири основывалась на тезисе об этнографическом отличии сибиряка от русского и на стремлении к политическому самоопределению Сибири. Однако, как и прежде, в настоящее время сибирский национализм представляет собой «национализм без нации». Слишком небольшое количество жителей региона определяют свою идентичность как «сибиряк». Отсутствие в массах идентичности «сибиряк» лишает современных идеологов сибирского сепаратизма социальной базы и политической перспективы. В случае, если российские власти обратят внимание на экономические нужны Сибири, сибирский сепаратизм будет бесперспективен. В ином случае, при умелой пропаганде в СМК (настроенной в первую очередь на эмоциональное, а затем уже и на идейное воздействие на аудиторию), демонстрирующей несправедливую экономическую политику Москвы и пропагандирующей сибирскую культурную идентичность, сибирский национализм может усилить свои позиции в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Двойнев А.В. Отечественная историография сибирского областничества (60-е годы XIX века – 20-е годы XX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 22 с.
2. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск : Автор, 1996. 224 с.
3. Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск : ИД «Сова», 2007. 376 с.
4. Зайнутдинов А.Э. А.П. Щапов – предтеча сибирского областничества // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / отв. ред. А.В. Малинов. СПб. : Изд. Дом СПб. ун-та, 2010. С. 39–56.
5. Потанин Г.Н. Воспоминания. Литературное наследство Сибири. Новосибирск : Зап.-Сибир. книж. изд-во, 1983. Т. 6. С. 22–327.
6. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : ИД «Сова», 2008. 270 с.
7. Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия ; сост. Н.В. Серебренников. Томск : Изд-во Том ун-та, 2002. 388 с.
8. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2014. 376 с.
9. Шиловский М.В. Дело сибирских областников 1865 г. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1998. № 6. С. 229–246.
10. Коржавин В.К. К характеру сибирского общественного движения второй половины XIX века // Литературное наследство Сибири. Новосибирск : Зап.-Сибир. книж. изд-во, 1979. Т. 4. С. 7–15.

11. Ядринцев Н.М. Сочинения. Т. 1: Сибирь как колония: современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 480 с.
12. Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1929. Т. 1. 988 с.
13. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. : Наука, 2013. 649 с.
14. Ремнев А.В. Университетский вопрос в Сибири XIXстолетия // Регион в истории империи: Исторические эссе о Сибири. Серия Новые границы. М. : Новое издательство, 2013. С. 97–127.
15. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 260–294.
16. Новый сборник статей о Сибири // Сибирские вопросы. 1908. № 31–32. С. 26–28.
17. Сибирский Студент. 1915. № 1–2. С. 110–115.
18. Козьмин Н.Н. Областничество // Сибирские записки. 1918. № 1. С. 40–54.
19. Свободная Сибирь. 1917. 15 марта.
20. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-10073. Оп. 2. Д. 450. Л. 1.
21. Сибиряк и Крестьянин. 1917. 30 ноября.
22. Оба. Сепаратизм // Сибирские записки. 1918. № 4. С. 58–67.
23. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
24. Казаркин А.П. Завершающий текст областничества // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / отв. ред. А.В. Малинов. СПб. : Изд. Дом СПб. ун-та, 2010. С. 75–79.
25. Величко С.А. Интеллигенция Сибири в годы перестройки (1985–1991) // Интеллигенция и мир. 2009. Т. 4. С. 52–70.
26. Томская трибуна. 1990. 9 мая.
27. Величко С.А. Неформальное общественно-политическое движение в Сибири, 1985–1991 // Вестник Оренбургского университета. 2005. № 9. С. 14–20.
28. Томская трибуна. 1990. 24 мая.
29. Новиков С.В. Идея областничества: стратегия и тактика политических сил и движений // Научная конференция памяти Н.М. Ядринцева. Омск, 1992. С. 97–99.
30. Новиков С.В. Общественно-политические движеения, пресса, избиратель Западной Сибири: проблемы взаимовлияния. 1988–1991 гг. Омск : Изд-во ОмГТУ, 1999. 144 с.
31. Величко С.А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985–1991 гг.). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2004. 376 с.
32. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 5825. Оп. 1. Д. 63.
33. Новиков С.В. Сибирские мотивы в политических «играх» и социально-экономических концепциях переходного периода (1990–1996 годов) // Использование регионального компонента базисного учебного плана в учреждении образования Омской области: опыт и проблемы. Омск, 1998. Ч. I. С. 67–71.
34. Бакулина С.Д. Идеи областничества с сибирской публицистике конца XX – начала XXI в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58) : в 3-х ч. Ч. II. С. 34–37.
35. Сайт Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение». URL: http://sibacc.ru/mass/ (дата обращения: 10.02.2017).
36. Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. П-9618. Оп. 1. Д. 177. (Фонд С.В. Новикова.)
37. ИАОО. Ф. П-9618. Оп. 1. Д. 180.
38. ИАОО. Ф. П-9618. Оп. 1. Д. 185.
39. Верхотуров Д.Н. Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня. Москва : АСТ ; Красноярск: АБУ ; Владимир : ВКТ, 2009. 331 с.
40. Герасименко О. Как колонией была, так и останется // Власть. 2012. № 15. 16 апреля. С. 17.
41. В Новосибирске прошел митинг «Хватит кормить Москву». URL: http://newsland.com/news/detail/id/808392/ (дата обращения: 1.10.2015).
42. Герасименко О. Неединая Россия : [сб. статей]. М. : Commonplace, 2014. 116 с.
43. Дутчак Е.Е., Кашпур В.В. «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 116–129.
44. Зиновьев В.П. Идеи областничества как выражение сибирской идентичности в исторической перспективе // Российская государственность: исторические перспективы и современность : материалы Всероссийской научной конференции к 1150-летию российской государственности и 70-летию Кемеровской области. Кемерово, 2012. С. 120–123.
45. Ореховский П. Москва и сибиряки // Бизнес-курс. 2010. № 40 (367). С. 24.
46. Терентьев Д. Москва еще спит. Экономические мотивы пришли на смену национальным // Аргументы недели. 2012. № 36 (328). С. 4.
47. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. М. : Наука, 2011. 462 с.
48. Новиков С.В. О возможностях противодействия сибирскому сепаратизму и политическому экстремизму посредством образовательной и воспитательной деятельности // Омский научный вестник. 2017. Сер. Общество. История. Современность. № 1. С. 5–8.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 сентября 2017 г.

HISTORICAL IDEAS AND THE POLITICAL PRACTICE OF SIBERIAN SEPARATISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 192–206.
DOI: 10.17223/15617793/426/23

Aleksey V. Sushko, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation), Omsk Tank-Automotive Engineering Institute (Omsk, Russian Federation). E-mail: Alexsushko@rambler.ru

Keywords: nationalism; nation; identity; elite; intellectuals; intelligentsia; Siberian regionalism; Siberians.

The article formulates the problem of criteria for the identity of nationalism in one territory on the materials of the history of Siberia. It has significance for the theory of nation understanding. The correlation of ideas and practices of Siberian separatism is studied within the framework of the stated problem. In the interests of solving the stated problem with reference to the history of Siberian nationalism the article poses the question: is it possible to talk about the progressive development of the regional idea that has a three-hundred-year history or were there several unrelated splashes of nationalist discourse and “Siberian separatism” determined by the current social and political situation in Russia? The author justifies that the basis for recognizing the identity of nationalism in one territory is the presence of an already existing or emerging cultural identity in the existing territorial boundaries. Relying on this, intellectuals develop ideas about national self-determination, and the elite conduct a political struggle under such slogans. At the same time, it is important for an identity that this struggle has a continuous history, activists have to continuously struggle in one form or another. The analysis of the three-century history of Siberian separatism shows that it did not exist continuously, but there was a Siberian discourse that propagated the idea of an independent political development for Siberia which challenged the idea of

Russia's unity. This discourse was based on the emotions and feelings of the Siberians who envied the better social conditions of life in Russia and reasonably considered this situation unfair. The activation of the movement for the sovereignty of Siberia was always closely connected with the aggravation of the social and political situation in Russia that transformed the ideas of Siberian nationalism into a political practice. The actualization of nationalist discourses in Siberia is associated with the crises of Russian statehood. Siberian nationalism became more active during the periods of crises of the Russian statehood. The periodical outbursts of separatism in Siberia are based on the idea of Siberian independence, and in each case they have their own causes. If the Russian authorities pay attention to the economic needs of Siberia today, Siberian separatism will be unpromising. Otherwise, the unfair economic policy demonstrated by the federal government in Moscow and the spreading of Siberian cultural identity with skilful propaganda in the mass media (aimed primarily at the emotional and then ideological influence on the audience) can make Siberian nationalism stronger than in the past.

REFERENCES

1. Dvoynev, A.V. (2006) *Otechestvennaya istoriografiya sibirskogo oblastnichestva (60-e gody XIX veka – 20-e gody XX veka)* [Domestic historiography of Siberian regionalism (1860s–1920s)]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
2. Akishin, M.O. (1996) *Politseyskoe gosudarstvo i sibirskoe obshchestvo. Epokha Petra Velikogo* [Police state and Siberian society. Epoch of Peter the Great]. Novosibirsk: Avtor.
3. Shilovskiy, M.V. (2007) *Sud'by, svyazannye s Sibir'yu: Biograficheskie ocherki* [Destinies related to Siberia: Biographical essays]. Novosibirsk: ID "Sova".
4. Zaynutdinov, A.E. (2010) A.P. Shchapov – predtecha sibirskogo oblastnichestva [A.P. Shchapov, the forerunner of Siberian regionalism]. In: Malinov, A.V. (ed.) *Oblastnicheskaya tendentsiya v russkoy filosofskoy i obshchestvennoy mysli: K 150-letiyu sibirskogo oblastnichestva* [Regional tendency in Russian philosophical and social thought: To the 150th anniversary of Siberian regionalism]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
5. Potanin, G.N. (1983) *Vospominaniya. Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Memories. Literary heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zap.-Sibir. knizh. izd-vo.
6. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries]. Novosibirsk: ID "Sova".
7. Serebrennikov, N.V. (2002) *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The case of the separation of Siberia from Russia]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Sushko, A.V. (2014) *Protsessy suverenizatsii narodov Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny* [The sovereignization of the peoples of Siberia during the Civil War]. 2nd ed. Moscow: LENAND.
9. Shilovskiy, M.V. (1998) Delo sibirskikh oblastnikov 1865 g. [The case of Siberian regionalists in 1865]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 6. pp. 229–246.
10. Korzhavin, V.K. (1979) K kharakteru sibirskogo obshchestvennogo dvizheniya vtoroy poloviny XIX veka [On the nature of the Siberian social movement of the second half of the 19th century]. In: Yadrintsev, N.M. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 4. Novosibirsk: Zap.-Sibir. knizh. izd-vo.
11. Yadrintsev, N.M. (2000) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki.
12. Azadovskiy, M.K. et al. (eds) (1929) *Sibirskaya Sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibkrayizdat.
13. Tishkov, V.A. (2013) *Rossiyskiy narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian people: the history and meaning of national identity]. Moscow: Nauka.
14. Remnev, A.V. (2013) Universitetskiy vopros v Sibiri XIX stoletiya [The university issue in Siberia in the 19th century]. In: *Region v istorii imperii: Istoricheskie esse o Sibiri. Seriya Novye granitsy* [Region in the history of the empire: Historical essays on Siberia. New Boundaries Series]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
15. Potanin, G.N. (1908) Nuzhdy Sibiri [The needs of Siberia]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia, its current state and its needs]. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.
16. Sibirskie voprosy. (1908) Novyy sbornik statey o Sibiri [A new collection of articles on Siberia]. *Sibirskie voprosy*. 31–32. pp. 26–28.
17. *Sibirskiy Student*. (1915). 1–2. pp. 110–115.
18. Koz'min, N.N. (1918) Oblastnichestvo [Regionalism]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 40–54.
19. *Svobodnaya Sibir'*. (1917). 15 March.
20. State Archive of the Russian Federation. Fund R-10073. List 2. File 450. Page 1. (In Russian).
21. *Sibiryak i Krest'yanin*. (1917). 30 November.
22. Sibirskie zapiski. (1918) Oba. Separatizm [Both. Separatism]. *Sibirskie zapiski*. 4. pp. 58–67.
23. Shilovskiy, M.V. (2003) *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg.* [Political processes in Siberia during the period of social cataclysms in 1917–1920]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
24. Kazarkin, A.P. (2010) Zavershayushchiy tekst oblastnichestva [The final text of regionalism]. In: Malinov, A.V. (ed.) *Oblastnicheskaya tendentsiya v russkoy filosofskoy i obshchestvennoy mysli: K 150-letiyu sibirskogo oblastnichestva* [Regionalism tendency in Russian philosophical and social thought: To the 150th anniversary of Siberian regionalism]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
25. Velichko, S.A. (2009) Intelligentsiya Sibiri v gody perestroyki (1985–1991) [Intellectuals of Siberia in the years of perestroika (1985–1991)]. *Intelligentsiya i mir*. 4. pp. 52–70.
26. *Tomskaya tribuna*. (1990). 9 May.
27. Velichko, S.A. (2005) Neformal'noe obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Sibiri, 1985–1991 [Informal socio-political movement in Siberia, 1985–1991]. *Vestnik Orenburgskogo universiteta*. 9. pp. 14–20.
28. *Tomskaya tribuna*. (1990). 24 May.
29. Novikov, S.V. (1992) [The idea of regionalism: the strategy and tactics of political forces and movements]. *A conference in memory of N.M. Yadrintsev*. Omsk: Omsk State University. pp. 97–99. (In Russian).
30. Novikov, S.V. (1999) *Obshchestvenno-politicheskie dvizheeniya, pressa, izbiratel' Zapadnoy Sibiri: problemy vzaimovliyaniya. 1988–1991 gg.* [Social and political movements, the press, the voter of Western Siberia: the problems of mutual influence. 1988–1991]. Omsk: Omsk State Technical University.
31. Velichko, S.A. (2004) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri (1985–1991 gg.)* [Social and political life of Siberia (1985–1991)]. Omsk: Omsk State Technical University.
32. Center for Documentation of the Modern History of Tomsk Oblast. Fund 5825. List 1. File 63. (In Russian).
33. Novikov, S.V. (1998) Sibirskie motivy v politicheskikh "igrakh" i sotsial'no-ekonomicheskikh kontseptsiyakh perekhodnogo perioda (1990–1996 godov) [Siberian motifs in political "games" and socio-economic concepts of the transition period (1990–1996)]. In: Chalmaev, V.A. (ed.) *Ispol'zovanie regional'nogo komponenta bazisnogo uchebnogo plana v uchrezhdenii obrazovaniya Omskoy oblasti: opyt i problemy* [Using the regional component of the basic curriculum in the educational establishment of Omsk Oblast: experience and problems]. Omsk.

34. Bakulina, S.D. (2015) Ideas of regionalism in Siberian social and political journalism at the end of the XX – the beginning of the XXI century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 8 (58):II. pp. 34–37. (In Russian).
35. The site of the Interregional Association for Economic Cooperation of the Subjects of the Russian Federation "Siberian Accord". [Online] Available from: http://sibacc.ru/mass/. (Accessed: 10.02.2017). (In Russian).
36. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund P-9618. List 1. File 177. (S.V. Novikov's Fund). (In Russian).
37. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund P-9618. List 1. File 180. (In Russian).
38. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund P-9618. List 1. File 185. (In Russian).
39. Verkhoturov, D.N. (2009) *Ideya sibirskoy samostoyatel'nosti vchera i segodnya* [The idea of Siberian independence yesterday and today]. Moscow: AST; Krasnoyarsk: ABU; Vladimir: VKT.
40. Gerasimenko, O. (2012) Kak koloniey byla, tak i ostanetsya [It was a colony, and it will be]. *Vlast'*. 15. 16 April. pp. 17.
41. Newsland.com. (2011) *V Novosibirske proshel miting "Khvatit kormit' Moskvu"* [In Novosibirsk, a rally "Enough to feed Moscow" was held]. [Online] Available from: http://newsland.com/news/detail/id/808392/. (Accessed: 1.10.2015).
42. Gerasimenko, O. (2014) *Needinaya Rossiya* [Non-Unitied Russia]. Moscow: Commonplace.
43. Dutchak, E.E. & Kashpur, V.V. (2013) "Russkiy sibiryak", ili Paradoksy regional'noy identifikatsii ["A Russian Siberian", or Paradoxes of Regional Identity]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4. pp. 116–129.
44. Zinov'ev, V.P. (2012) [Ideas of regionalism as an expression of Siberian identity in the historical perspective]. *Rossiyskaya gosudarstvennost': istoricheskie perspektivy i sovremennost'* [Russian statehood: historical perspectives and modernity]. Proceedings of the all-Russian conference to the 1150th anniversary of the Russian statehood and the 70th anniversary of Kemerovo Oblast. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 120–123. (In Russian).
45. Orekhovskiy, P. (2010) Moskva i sibiryaki [Moscow and the Siberians]. *Biznes-kurs*. 40 (367). pp. 24.
46. Terent'ev, D. (2012) Moskva eshche spit. Ekonomicheskie motivy prishli na smenu natsional'nym [Moscow is still asleep. Economic motives came to replace national ones]. *Argumenty nedeli*. 36 (328). pp. 4.
47. Tishkov, V.A. (ed.) (2011) *Rossiyskaya natsiya: stanovlenie i etnokul'turnoe mnogoobrazie* [Russian nation: formation and ethno-cultural diversity]. Moscow: Nauka.
48. Novikov, S.V. (2017) Opportunities to counteract Siberian separatism and political extremism by education and educational activities. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"*. 1. pp. 5–8. (In Russian).

Received: 11 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 207–210. DOI: 10.17223/15617793/426/24

УДК 93

Е.А. Шацкая

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ (МИЛИЦИИ) (НА ПРИМЕРЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ)

Статья посвящена проблеме профессиональной подготовки кадров органов внутренних дел. Выделены некоторые документы, подтверждающие актуальность изучаемой темы. Анализ документов позволил обобщить опыт становления и развития учреждений для подготовки сотрудников полиции (милиции). Автор представил региональный опыт по становлению и развитию данных учреждений. Определено, что, независимо от юридического статуса данных учреждений, их цель едина – осуществление специально-профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: профессиональная подготовка; сотрудник полиции; срок обучения; учебное заведение; учебные программы.

В истории нашей страны на каждом этапе ее развития уделялось внимание вопросам кадровой политики. Проводимые реформы затрагивали все сферы общественной и государственной жизни. Решение таких задач, как развитие системы государственных органов, подбор и обучение лиц, призванных осуществлять государственные функции, способствовало развитию института государственной службы.

По мере развития органов государственной власти Российского государства были выработаны принципы деятельности правоохранительных органов, их комплектования. Переломным этапом в истории нашей страны является период правления Петра I. Именно XVIII в. – период развития системы государственной службы, в том числе формирования специализированных государственных органов, выполняющих полицейские функции.

Следующим переломным этапом в истории нашей страны является 1917 г. После Февральской революции царская полиция была ликвидирована и создана народная милиция. События тех лет привели к разрушению ранее существовавших правоохранительных органов. Идея самоорганизации трудящихся, направленная на обеспечение государственного и общественного порядка силами вооруженного народа, оказалась не эффективной в борьбе с преступностью. Поэтому в 1918 г. в инструкции НКВД от 12 октября 1918 г. «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» были отражены критерии подбора в ряды советской милиции.

Реформирование органов внутренних дел на современном этапе было начато после издания Указа Президента России от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». Данным и последующими нормативными документами была определена программа мер совершенствования деятельности органов внутренних дел, в том числе кадровое развитие органов внутренних дел РФ. В ходе реформы милиция преобразована в полицию.

Говоря об истории становления и развития полиции (милиции) как института государственной власти, особое внимание, на наш взгляд, следует обратить на подготовку полицейских (милиционеров). Для развития и совершенствования профессиональных компетенций необходимы специальные учебные заведения. А так как обеспечение общественной и государственной безопасности являются приоритетными направлениями национальной политики, мы постарались разобраться с историко-правовыми основами становления и развития учреждений для подготовки сотрудников ОВД.

Первые шаги по созданию высших учебных заведений отмечены в конце XVII – начале XVIII в. Например, подготовленный, но нереализованный проект 1682 г. об открытии «храмов чинов академии», «Проект об учреждении в России академии политики для пользы государственных канцелярий» 1715 г. [1. С. 22]. Стоит упомянуть Указ Петра I от 28.02.1714 г. «Об обучения дворян приказного чина, дьячих и подьяческих детей арифметике и геометрии, о посылке для того в губернии учеников из математических школ и об учреждении училищ при архиерейских домах и монастырях» [2]. Учебные программы, включающие такие предметы, как грамматика, арифметика, геометрия, являлись основанием для определения не только на гражданскую службу, но и на службу в полиции.

В период развития института государственной службы с момента утверждения «Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных» государственную службу в соответствии с делением чинов можно разделить на военную, гражданскую и придворную. Именно военная служба, которую отбывало дворянское сословие, осуществляла полицейские функции. А для дворян была обязательной школьная подготовка к службе с детства. Следует отметить, что «Табель о рангах», определяя иерархию государственных чинов, способствовала талантливым людям из низших слоев поступать на службу и давала право на потомственное дворянство.

На основе «Правил определения недорослей к приказным делам» 1737 г. осуществлялся отбор наиболее грамотных юношей для овладения ими юридическими знаниями и управленческими навыками в объеме, позволяющем назначать их на должность секретаря (14-й класс «Табели о рангах») [3]. В 1752 г. Сенат издал Указ «О коллежских юнкерах, их рангах, звании, жаловании, производстве и обучении» [4], в соответствии с которым по завершению учебы юнкера были действительно способны профессионально выполнять управленческие функции. Они усваивали знания по грамматике, арифметике, географии, латыни, геодезии, юриспруденции и другим наукам. Но получае-

мый объем знаний был недостаточен, поэтому в 1755 г. последовал Указ Сената от 03 апреля, который предполагал обучение коммерции, истории, географии, французскому и немецкому языкам [5]. В результате сформировалась необходимость в расширении и модернизации системы образования, в открытии новых учебных заведений. В январе 1755 г. императрицей Романовой Елизаветой Петровной был подписан Указ об учреждении Московского университета, выпускники которого в своем большинстве пополняли корпус государственных служащих [6]. В начале 1764 г. в соответствии с Планом государственных гимназий предусматривалось создание не только гимназий, но и профессиональных школ для подготовки государственных служащих [1. С. 84–86, 93, 95].

В «Предварительных правилах народного просвещения» от 24 января 1803 г., являвшихся программой образовательной реформы, одной из целей ставилась профессиональная подготовка просвещенных государственных служащих. Как следовало из этих правил, «ни в какой губернии спустя пять лет… никто не будет определен к государственной должности, требующих юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище» [7].

Документальным источником, свидетельствующим о принятии мер по созданию системы подготовки персонала для государственной службы, открывая университеты, лицеи, институты, курсы, является Указ Александра I от 12 августа 1810 г. «Высочайше утвержденное постановление о лицее». «Учреждение лицея имеет целью образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы Государственной» [8].

Ориентировочно с 1835 г. стали создаваться учебные заведения правоохранительного порядка. Одним из первых было Училище правоведения, созданное Николаем I. В 1867 г. в Санкт-Петербурге создана школа городовых и околоточных надзирателей. Городовым назывался рядовой полиции, служивший в городах по вольному найму. Обучались они в течение 2–3 недель, изучая права и обязанности городового. Околоточный надзиратель – это полицейский, ведавший околотком, подчинялся участковому приставу, а в своем подчинении имел городовых. Их подготовка велась более 1 месяца. Школа городовых и околоточных надзирателей считалась полицейским университетом. Околоточные надзиратели изучали законы, нормативные акты МВД, распоряжения местных властей. В последствие время и программа низших полицейских чинов были увеличены, вводился выпускной экзамен. Не прошедшие итоговых испытаний не имели права поступать в полицию.

Министерство внутренних дел к образованию полицейских относилось с большим вниманием. Еще при Николае I введена аттестация для тех, кто хотел сделать карьеру в правоохранительных органах. Позднее полицейских стали не только экзаменовать, но и обучать. Общая и специальная подготовка проводилась в крупных городах. С 1880 г. открываются школы для полицейских урядников, являющихся нижним чином уездной полиции, подчиненных становому приставу и осуществляющих надзор за полицейскими стражниками, сотскими и десятскими. Появление урядников значительно усилило сельскую полицию. Урядником можно было стать только пройдя курс специальной подготовки. Каждый из претендентов на эту должность изучал «Справочную книгу для полицейского урядника». В ней было сказано, что исполнение закона или полицейского распоряжения нужно требовать настоятельно и твердо, а не грубым или обидным образом. Срок обучения урядников составлял три месяца. Они изучали законы, уставы, наставления по производству дознания и организации расследования преступлений. Занятия в школе проводили старшие чины уездного полицейского управления, служащие губернских учреждений, преподаватели учебных заведений, привлекались представители прокуратуры и суда. Учебные программы создавались на местах (в губерниях) и менялись в зависимости от степени подготовки слушателей и особенностей каждой губернии. Лишь в 1913 г. была утверждена единая программа для школ, осуществляющих подготовку полицейских урядников. В программу включено изучение особенной части уголовного и уголовно-процессуального права.

В 1895 г. в Санкт-Петербурге организуется регулярная учеба околоточных надзирателей и городовых. Особое внимание уделялось не только изучению нормативных документов, определяющих права и обязанности полицейских, но и ознакомлению их с правилами вежливости и этикета в общении с лицами разных сословий.

С начала XX в. (ориентировочно 1903 г.) организованы краткосрочные курсы (1–3 месяца) для полицейских стражников. Их знакомили с нормативными документами, регламентирующими полицейскую службу, с приемами стрельбы и самообороны. Таким образом, к 1914 г. в России созданы школы, разработаны программы обучения отдельных категорий полицейских кадров.

Советская государственная служба утратила ряд признаков государственной службы как социально-правового института: нормативно-правовая база, регулировавшая формирование и деятельность персонала государственной службы, была отменена Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [9]. В 1918–1920 гг. процесс создания учебных заведений носил бессистемный характер. К 1921 г. в систему учебных заведений входили школы-резервы для первоначальной подготовки, губернские школы для обучения младшего начальствующего состава, школы среднего начальствующего состава.

В 20-х гг. XX столетия в городе Чите была открыта милицейско-инструкторская школа милиции Дальневосточной республики. Преподавалось в нем четыре дисциплины: русский язык, строевая подготовка, стрелковое дело и уголовный закон. После двух выпусков школа была переведена в город Хабаровск, где в дальнейшем была преобразована в Дальневосточный юридический институт МВД РФ.

К марту 1941 г. система учебных заведений представляла институты, техникумы, школы, военные училища, курсы. В годы Великой Отечественной вой-

ны многие учебные заведения были упразднены и реорганизованы. В послевоенные годы проблемы кадрового обеспечения милицейской службы приобретают свою остроту. Со 2-й половины 1960 гг. отмечается развитие системы высшего образования в МВД.

В целях развития профессиональной подготовки сотрудников милиции были созданы межреспубликанские и межобластные школы подготовки младшего и среднего начальствующего состава. Срок первоначальной подготовки составлял 2–3 месяца в зависимости от должностной категории. Под первоначальной подготовкой подразумевалось первичное обучение работников, впервые принятых на службы в органы внутренних дел на должности рядового, младшего и среднего начальствующего состава. Первоначальная подготовка осуществлялась в 3 этапа: обучение по месту службы, курсовое обучение, стажировка по месту службы.

В городе Чите в ноябре 1969 г. было введено в эксплуатацию трехэтажное здание Учебного пункта УВД Читинского облисполкома. В постройке этого здания принимали участие все сотрудники милиции Читинского гарнизона. В него переехал Учебный пункт, ранее расположенный на территории отдельного дивизиона милиции. На третьем этаже здания располагались жилые комнаты, на втором – учебные классы и кабинеты, на первом был актовый зал, преподавательская и помещения хозяйственного назначения. Штат Учебного пункта состоял из начальника, двух преподавателей, заведующей канцелярией. В августе 1970 г. Учебный пункт был реорганизован в Межобластную школу подготовки младшего и среднего начальствующего состава, которая специализировалась на подготовке инспекторов дорожного движения ГАИ для регионов Сибири, Забайкалья и Дальнего востока.

В 1975 г. был сформирован Учебный центр УВД Читинской области. Коллектив Учебного центра стал заниматься подготовкой всех сотрудников, вновь принятых на работу в органы внутренних дел Читинской области. После ликвидации в 2009 г. Учебного центра УВД по Забайкальскому краю на его базе создан Центр профессиональной подготовки УВД по Забайкальскому краю. На современном этапе по итогам начавшегося в 2009 г. реформирования МВД РФ полномочия по подготовке сотрудников полиции переданы образовательным учреждениям МВД России.

Создание учебных курсов, открытие школ, учебных пунктов способствовали развитию государственной службы как профессионального ядра Российского государства. Как видим, становление учебных заведение в целом носило системный характер, поскольку одной из приоритетных целей проводимых реформ являлось повышение эффективности деятельности правоохранительных органов. Нельзя не согласиться с тем, что образованность полицейских (милиционеров) – один из факторов, оказывающих влияние на состояние и уровень преступности. Однако изменение статуса учебного заведения, корректировка программ для подготовки сотрудников полиции (милиции), на наш взгляд, не вносило существенных изменений в процесс развития полицейской (милицейской) службы. Например, от изменения наименований дисциплины «Первая доврачебная помощь», или «Медицина», или «Первая медицинская помощь», или «Первая помощь» суть и назначение данной дисциплины особо не менялись. Кроме этого, в одной из наших работ дан анализ нормативно-правовых документов, регламентирующих подготовку сотрудников полиции (милиции). Определено, что независимо от названия процесса подготовки (первоначальное, специальное, профессиональное) цель подготовки едина – обеспечить комплектование подразделений МВД РФ сотрудниками, имеющими базовые теоретические знания, практические умения, навыки, необходимые для осуществления профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения / сост. А.А. Зимин, Р.А. Киреева. М. : Наука, 1983.
2. Полное собрание законодательства Российской империи : в 3 собр. Собр. 1 : в 45 т. Т. 5, № 2778. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
3. Полное собрание законодательства Российской империи : в 3 собр. Собр. 1 : в 45 т. Т. 10, № 7201. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
4. Полное собрание законодательства Российской империи : в 3 собр. Собр. 1 : в 45 т. Т. 13, № 9928. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
5. Полное собрание законодательства Российской империи : в 3 собр. Собр. 1 : в 45 т. Т. 14, № 10389. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
6. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. URL: http://lib.rus.ec/b/191022/read
7. Магарил С. Бюрократия как отражение качества образования // Международный интернет-журнал «Русский глобус». 2008. № 6. URL: http://www.russian-globe.com/N76/Magaril.ByurokratiaKakOtrazhenieKachestvaObrazovania.htm
8. Полное собрание законодательства Российской империи : в 3 собр. Собр. 1 : в 45 т. Т. 31, № 24325. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
9. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 10.11.1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». URL: http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=2119

Статья представлена научной редакцией «История» 9 апреля 2017 г.

THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF INSTITUTIONS FOR THE TRAINING OF POLICE OFFICERS (MILITIA) (ON THE EXAMPLE OF ZABAYKALSKY KRAI)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 207–210.
DOI: 10.17223/15617793/426/24

Ekaterina A. Shatskaya, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: Katerina_shat@mail.ru

Keywords: professional training; police officer; duration of training; educational institution; training programmes.

The author draws attention to the problem of personnel employment for public authorities. For many centuries, to solve the personnel problem purposeful steps to develop and improve educational institutions were made. The aim of the article is to summarize the historical experience of the establishment of institutions for the training of police officers. The author selected documents testifying to the importance of the vocational training of people first time employed by the police (militia). The periods of reforming the institutions for the training of law-enforcement officers are conventionally determined: the reign of Peter I, the establishment of the Soviet militia, the revival of the modern police. It is noted that the formation of the police at each stage of the development of law enforcement agencies received significant attention. The article presents the experience of establishing regional specialized institutions engaged in the training of police (militia) officers. The author studied the issue of organizing special training of officers first employed in bodies of internal affairs while serving in the Training Center of the Department of Internal Affairs of Zabaikalsky Krai and then in the vocational training center of the Department of Internal Affairs of Zabaikalsky Krai. It is determined that the establishment of training courses, the opening of schools and training facilities contributed to the development of public service as a professional core of the Russian state. The study of the historical experience of the establishment of institutions for training police (militia) staff leads to a conclusion that in the process of educational reforms reforms of law enforcement bodies should maintain continuity in the professional (initial) training of young police officers. Changes in the status of the institution, the adjustment of training programs for the police (militia), in the author's opinion, did not make any significant alterations in the development of the police (militia) service. The author believes that regardless of the name of the training process (initial, special, professional), the purpose of training is the same: to provide staff for the units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation with the basic theoretical and practical knowledge, skills necessary for their activities and professional duties performance. A problem in the study of this issue is the selection of candidates for positions in the police. The results of a survey conducted with the staff first employed by the police will be reflected in the next article.

REFERENCES

1. Klyuchevskiy, V.O. (1983) *Neopublikovannye proizvedeniya* [Unpublished works]. Moscow: Nauka.
2. Russian Empire. (1714) *Polnoe sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii: v 3 sobr.* [Complete collection of legislation of the Russian Empire: in 3 collections]. Collection 1. 5:2778. [Online] Available from: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
3. Russian Empire. (1737) *Polnoe sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii: v 3 sobr.* [Complete collection of legislation of the Russian Empire: in 3 collections]. Collection 1. 10:7201. [Online] Available from: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
4. Russian Empire. (1752) *Polnoe sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii: v 3 sobr.* [Complete collection of legislation of the Russian Empire: in 3 collections]. Collection 1. 13:9928. [Online] Available from: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
5. Russian Empire. (1755) *Polnoe sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii: v 3 sobr.* [Complete collection of legislation of the Russian Empire: in 3 collections]. Collection 1. 14:10389. [Online] Available from: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
6. Andreev, A.Yu. (2009) *Rossiyskie universitety XVIII – pervoy poloviny XIX veka v kontekste universitetskoy istorii Evropy* [Russian universities of the 18th – first half of the 19th centuries in the context of the university history of Europe]. Moscow: Znak.
7. Magaril, S. (2008) Byurokratiya kak otrazhenie kachestva obrazovaniya [Bureaucracy as a reflection of the quality of education]. *Russkiy globus*. 6. [Online] Available from: http://www.russian-globe.com/N76/Magaril.ByurokratiaKakOtrazhenieKachestvaObrazovania.htm.
8. Russian Empire. (1810) *Polnoe sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii: v 3 sobr.* [Complete collection of legislation of the Russian Empire: in 3 collections]. Collection 1. 31:24325. [Online] Available from: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
9. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 10.11.1917 "On the destruction of estates and civil ranks". [Online] Available from: http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=2119. (In Russian).

Received: 09 April 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 211–216. DOI: 10.17223/15617793/426/25

УДК 94(74/79)

С.А. Шевченко

РАЗВИТИЕ ДОРОЖНОЙ СИСТЕМЫ ШТАТА ВАШИНГТОН (1889–1913 гг.). ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рассматривается процесс развития дорожной системы в штате Вашингтон в эпоху Прогрессивизма. Анализируется ряд законодательных актов, регулирующих дорожное строительство в штате. По мнению автора, определяющее влияние на изменение дорожной инфраструктуры оказала борьба между сторонниками сильной центральной власти штата и их противниками. Автор полагает, что централизация управления дорожной системой штата имела противоречивые последствия.
Ключевые слова: США; Вашингтон; дорожная система; дороги; строительство.

Дорожная система штата Вашингтон на рубеже XIX–XX вв. не имела единой структуры и централизованной системы управления, но находилась под юрисдикцией органов государственной власти разных уровней: федерального, штата, окружного и муниципального. Основываясь на правовых различиях существовавших форм собственности, следует указать, что в рассматриваемый период в дорожную систему штата входили: а) федеральные почтовые дороги; б) дороги штата; в) дороги округов; г) дороги городов, деревень и отдельных самоуправляемых административно-территориальных единиц (тауншипов); д) частные дорожные коммуникации. Каждому административному уровню соответствовали особая форма управления, а также исключительное право определения технологий дорожного развития (введение налогов, создание специальных финансовых фондов, привлечение рабочей силы к строительству). Таким образом, отдельный собственник, будь то частное лицо, государство или штат, управлял только принадлежащими ему дорожными объектами, и соответственно, либо имел очень ограниченные полномочия управления, либо не имел их вовсе на объектах чужой собственности.

Актуальность в современной дорожной системе определялась в Вашингтоне возрастающими темпами социального, экономического и индустриального развития. Если в 1890 г. население штата составляло 357 тыс. человек, то к 1910 г. оно увеличилось практически в три раза [1. P. 33], что привело к стремительному развитию городов и деревень. В 1909 г. город Сиэтл впервые вошёл в число 50 крупнейших промышленных центров США [2. P. 411]. За десять лет, с 1899 по 1909 г., число предприятий в штате возросло в полтора раза до 3,6 тыс., а число рабочих удвоилось до 80 тыс. человек [3. P. 515; 4. P. 207].

Развитие сельского хозяйства в этот период характеризуется непропорциональным распределением используемого земельного фонда и получаемой прибыли в восточной и западной частях штата. В восточных округах использовалось значительно большее количество земли для ведения фермерского хозяйства (от 20 до 60%). Однако западные округа приносили несравнимо больший доход [2. P. 309]. Причиной такой диспропорции являлось географическое расположение округов, которое способствовало или, наоборот, препятствовало развитию торговли. Западные округа примыкали к портовым районам, в которых продукция могла реализовываться круглогодично. Доставку товаров из этих округов облегчало наличие расширенной коммуникационной системы – железных и общественных дорог. Восточные округа штата отделялись от западных труднопроходимым перевалом Каскадных гор и неразвитой инфраструктурой. Для восточно-вашингтонского производителя, таким образом, доступ в наиболее населённую часть штата и к Тихому океану был затруднён, поэтому он был вынужден сбывать свои товары на местных сельских ярмарках или пробиваться по бездорожью к железной дороге.

Сильный импульс экономическому и социальному прогрессу региона придало распространение автомобильного транспорта. Число зарегистрированных грузовых и легковых автомобилей к 1913 г. достигло 24 тыс. [5. P. 279], к 1917 г. оно возросло более чем в три раза до 91 337 единиц[1]. Популяризация автомобильного транспорта обнажила перед вашингтонской общественностью серьёзную проблему некачественных дорог [7. P. 2], которые в эпоху индустриализации продолжали служить нуждам гужевого транспорта.

Несмотря на то что дороги в Вашингтоне строились ещё в территориальный период его истории, система транспортных коммуникаций региона была официально создана в 1889 г., при инкорпорировании Вашингтона в состав США. Периодизацию развития его дорожной системы в эпоху Прогрессивизма условно можно разделить на два этапа: во время первого (1889–1904 гг.) дорожное строительство находилось, главным образом, в ведении окружных советов; второй (1905–1913 гг.) наступил после создания Дорожного департамента и отличался интенсивным включением исполнительной власти штата в строительство коммуникационной системы.

На рубеже XIX–XX вв. в штате имелось более 40 тыс. км дорог, на строительство и обслуживание которых к тому моменту было потрачено около 1,5 млн долл. [8. P. 259]. Однако следует отметить, что подавляющее количество дорожных километров являлось, по сути, проросшими дикой растительностью тропами не более 1,5 м шириной. Дорожное полотно по преимуществу было грунтовым и лишь около 7% – покрыто щебнем [Ibid.]. Неудивительно, что распространённой проблемой того времени являлся сезонный характер транспортной системы [9]. Проезд по дорогам в большей части штата был затруднён весной и осенью, а зимой попросту невозможен [10. June 20. 1910]. Помимо этого, понятие «дорога» в изучаемый период времени не имело чётко установ-

ленных правовых рамок и включало в себя широкий спектр полуофициальных коммуникаций. Отсутствие правовой регламентации, соответственно, создавало путаницу в определении формы собственности на конкретные дорожные участки, что отражалось на качестве дорожного строительства.

Решение насущной для штата проблемы началось с юридического оформления дорожной системы во время законодательных сессий легислатуры в 1889 [11. Ch. XIX. P. 733] и 1893 гг. [12. Ch. LXIX. P. 147]. Принятые на них акты узаконили проездные пути, использовавшиеся вашингтонской общественностью с 1882 г. Подавляющее количество дорог (не относящихся к федеральной или частной собственности) законы закрепили за округами и возложили ответственность за их улучшение на окружные советы [11. Ch. XIX, § 2, § 9. P. 593, 596]. Для продуктивного решения дорожной проблемы округа были разделены на специальные дорожные районы пропорционально числу членов окружных советов, которым подчинялись специальные дорожные районные наблюдатели [Ibid. Ch. XIX, § 1–2. P. 618–619].

Для проведения дорожно-строительных работ, с 1889 по 1913 г. на местах взималось три вида налогов: а) ежегодный дорожный подушный налог, составлявший в разное время от 2 [Ibid. Ch. XIX, § 7. P. 622] до 4 долл. [12. Ch. LXIX, § 6–7. P. 151], который взимался с каждого мужчины в возрасте от 21 до 50 лет (кроме душевнобольных, пауперов и пожарных); б) ежегодный дорожный и мостовой налог, который поступал в одноимённый фонд каждого округа. Его размер в разные годы варьировался от 4 [11. Ch. XIX, § 14. P. 623] до 7 миль [13. Ch. 151, § 1. P. 476] (1 миля равнялась 0,1 цента) с каждого доллара, взимаемого с налогооблагаемой недвижимой собственности; в) районный налог, который собирался с жителей дорожных районов и аккумулировался в специальном фонде каждого района. Размер последнего устанавливался каждым округом отдельно, но в среднем составлял от 5 [12. Ch. LXIX, § 5. P. 150] до 10 миль с доллара [13. Ch. 151, § 1. P. 476].

Для улучшения и ремонта дорог окружные советы были уполномочены нанимать специальных рабочих [12. Ch. CXXIII, § 35. P. 315], но из-за проблем с финансированием предоставление строительного тендера подрядчикам происходило довольно редко. Проблема нехватки рабочих рук решалась посредством привлечения к дорожным работам местных жителей, которых принятые законы обязывали выполнять работу в своём дорожном районе. Практика предусматривала ежегодную краткосрочную мобилизацию работоспособного сельского населения для строительства и улучшения дорожной сети, а также штрафы или взыскания за отказ от работы. За выполняемый труд жители районов получали поденную плату равную 2 долл. или 4 долл., если при работе задействовались их личные лошади, повозка, плуг и т.д. [Ibid. Ch. LXIX, § 12. P. 154].

Такая архаичная трудовая повинность была неэффективным методом решения дорожной проблемы. Во-первых, несмотря на обязательный характер, к работам приступало небольшое количество населения на недостаточный для прогрессивных результатов срок (обычно работы длились не больше недели). Во-вторых, материально-техническое обеспечение такого строительства находилось на низком уровне. В-третьих, результатом работы являлось улучшение дорожного полотна небольшой протяжённости, пользу от которого получало ограниченное количество жителей дорожного района, главным образом проживающих недалеко от проездных путей. Строительство дорожного полотна в действительности означало уборку дорог, засыпку ям, а также сгребание земли к центральной части дороги с целью создать специальный «водосточный» уклон [14. P. 146]. Более того, практика приводила к усилению социальных противоречий как между гражданами и окружными муниципалитетами, так и среди жителей дорожных районов. Трудовая повинность просуществовала в штате вплоть до 1901 г. [15. Ch. CXXXIII. P. 273] и являлась главным препятствием для хорошей дорожной системы.

Жизнеспособность повинности объясняется медленным изменением отношения к характеру дорог у вашингтонской, в первую очередь сельской, общественности. На рубеже XIX–XX вв. такие факторы, как интенсивная индустриализация, развитие телеграфа и телефона, ускоренное распространение автомобильного транспорта, изменили консервативное сознание провинциальных вашингтонцев. Вступая в индустриальный мир, сельские жители начали представлять себе дороги не как нечто природное и неизменное, но как общественно-полезную собственность, которую может улучшать человек [14. P. 146].

Логическим следствием наступающих когнитивных перемен стало формирование специфического настроения широких слоёв населения, которое лучше всего прослеживается сквозь призму тезиса, выдвинутого известным американским историком Робертом Уибе, получившем в его трудах название «поиск порядка» – стремление американской общественности к созданию стабильности в невиданных до того условиях индустриального хаоса [16]. Представленный «поиск» выражался в формировании общественного требования, в частности, создать хорошую дорожную систему в штате. Существующая трудовая повинность, которая оставалась в ведении муниципальных властей, не соответствовала поставленной задаче [17. P. 87]. Для строительства технологического дорожного полотна, пригодного для автотранспорта, были необходимы инновационные дорогостоящие методы. Это требовало привлечения крупных финансовых ассигнований, централизации органов управления, расширения аппарата исполнительной власти штата, формирования многочисленной рабочей силы и решительных кооперативных действий между властями округов и штата. Таким образом, общественное требование[2] о создании хороших дорог становится ключом к большой политической борьбе в легислатуре штата Вашингтон, апогеем которой стала законодательная сессия 1903 г.

Одним из вопросов, по которым развернулась ожесточённая борьба между депутатами, являлось создание центрального органа управления транспортной системой – Дорожного департамента. После про-

должительных прений, соответствующий законопроект был одобрен дорожным комитетом и впоследствии принят обеими палатами. Однако губернатор штата Генри МакБрайд (1901–1905 гг.) наложил на него вето [21. P. 488], усилив противоречия, возникшие между законодательной и исполнительной властью вокруг проблемы дорожного улучшения.

В 1905 г. при новой администрации, возглавляемой республиканцем Альбертом Мидом (1905–1909 гг.), губернаторское вето было преодолено законодателями. Согласно принятым законам [22. Ch. 7. P. 18; Ch. 174. P. 355] был создан Дорожный департамент штата Вашингтон (ДДШВ), во главе которого был поставлен дорожный комиссар, назначаемый губернатором на четыре года [22. Ch. 174. P. 355; 23. Ch. 149, § 1. P. 294]. Вместе с ним был учреждён Дорожный совет штата (ДСШ), в который входили ревизор штата, казначей и дорожный комиссар [22. Ch. 7, § 2. P. 18]. Последний занимался разработкой планов дорожного строительства, а их утверждение возлагалось на ДСШ [22. P. 18–19; 23. Ch. 149, § 4. P. 295]. Созданный Совет также принимал решения о финансировании дорожного строительства [22. Ch. 7, § 4. P. 18–19]. Необходимые средства, гарантирующие экономическое участие штата в улучшении коммуникаций, обеспечивались новым налогом, поступающим в созданный в том же году Фонд общественных дорог (ФОД) (англ. public highway fund) [Ibid. Ch. 137. P. 253]. В разное время этот налог составлял от 0,25 [Ibid. § 2. P. 252] (или 0,025 цента) до 1,25 мили [13. Ch. 64, § 1. P. 220] с каждого доллара всей налогооблагаемой недвижимой собственности в штате.

Принятые в 1905 г. законы серьёзно расширили права исполнительной власти штата в дорожном строительстве. Они позволили принимать участие в улучшении муниципальной инфраструктуры, а также развивать собственную систему дорог штата. Её истоки были обозначены легислатурой ещё в 1893 г. принятием закона о строительстве первой гужевой дороги (англ. state wagon road) через Каскадные горы [12. Ch. CXXVI. P. 403]. Однако запланированное строительство, в конечном итоге, превратилось в местечковое улучшение дорожных участков, вследствие того, что проведение работ было поручено муниципальным властям нескольких округов, а также из-за выделения недостаточного количества средств – 20 тыс. долл. [Ibid. P. 405].

Развитие дорог штата вплоть до 1907 г. было практически спонтанным процессом. Ссылаясь на позиции членов ДСШ, необходимо отметить, что проект был в основном экспериментальным: «Изначально был обозначен простой план ремонта коротких отрезков дороги без любой мысли о формировании большой системы шоссе» [7. P. 3]. Однако в 1907 г. дорожная система штата структурируется законодательно. По принятому закону «Об открытии, строительстве и улучшении дорог» [23. Ch. 151, § 1. P. 308] она классифицируется на дороги штата и дополнительные дороги. Первые строились в малонаселённых и гористых районах, их возведение финансировалось из средств Фонда общественных дорог. Дополнительные дороги представляли собой второстепенные, сезонные[3] коммуникации, построенные рядом с главными транспортными артериями. Стоимость затрат на их строительство распределялась между штатом и округами [23. Ch. 151, § 1. P. 308]. Систему дорог штата на тот момент сформировали 18 сообщений с запланированной протяжённостью около 4 тыс. км [23. Ch. 151, § 3–5. P. 309–313; 24. Ch. 61, § 1. P. 111–112; Ch. 92, § 2. P. 190; 25. December 30]. Ассигнования на их строительство с 1907 по 1911 г. составили чуть более 1 млн долл., на строительство дополнительных дорог и дорог округов было выделено около 6,3 млн долл. со стороны окружных советов [25. January 9].

Принятый в 1907 г. закон привёл к неожиданно отрицательным последствиям. Создание дополнительных дорог штата требовало серьёзных ассигнований со стороны окружных властей, которые начали выделять для этой цели средства, предназначенные для развития окружной дорожной системы [9]. Данная практика привела к негативной реакции со стороны сельской общественности, поскольку в некоторых округах «фермеры не получали на строительство подъездных путей к своим участкам и четверти от того, что платили в дорожные районные фонды» [26. December 22].

Уделяя внимание постоянной структуре дорожного полотна, ДДШВ решал проблему улучшения коммуникаций штата интенсивным путём, что предполагало проведение качественных строительных работ на относительно небольших участках дороги (до 15 км) [Ibid. April 13]. В округах проблема дорожного улучшения решалась экстенсивным путём, за счёт строительства сезонного дорожного полотна большой протяжённости, которое, однако, ежегодно приходилось ремонтировать [Ibid. December 23]. Вследствие этих факторов, выделенных со стороны окружных советов средств (6,3 млн долл.) не хватило для реализации поставленных задач.

С приходом к власти республиканца Мэриона Хэя (1909–1913 гг.) [7. P. 3], вектор дорожной политики штата был изменен. В 1911 году легислатурой был принят очередной дорожный закон, по которому штат отказывался от строительства сезонных коммуникаций и преобразовал дополнительные дороги в постоянные шоссе. С целью ослабить давление на провинциальные бюджеты и увеличить влияние исполнительных органов власти штата в муниципальном дорожном строительстве, был создан ещё один специальный Фонд постоянных шоссе (ФПШ), который пополнялся за счёт обложения населения новым налогом в размере одной мили с каждого налогооблагаемого доллара. Разработанная дорожная программа сулила более сбалансированную финансовую политику. Однако в конце законодательной сессии 1911 г. легислатурой не был принят транспортный бюджет, вследствие фракционных разногласий в республиканской партии, а также из-за отсутствия единой позиции между палатами о первоочерёдности дорожного строительства и размере планируемых ассигнований [27. P. 622–623, 773–774]. Вследствие того, что закон о транспортном бюджете не был принят, строительство дорог штата фактически приостановилось на два года[4].

Ряд коррективов в расклад сил на политической арене штата внёс 1912 г. На выборах губернатора сенсационную победу с разницей в 600 голосов одержал демократ Эрнест Листер (1913–1919 гг.). По результатам выборов в легислатуру штата, республиканцы потеряли абсолютное большинство в нижней палате, а также серьёзно уступили демократам и прогрессистам в Сенате. Новая администрация, соответствуя озвученным ранее предвыборным обещаниям [29. January 15. 1913], приступила к ревизии дорожного законодательства. Весной 1913 г. легислатурой был принят закон «О классификации общественных шоссе» [13. Ch. 65, § 1. P. 221], который разделил имеющиеся в штате коммуникации на федеральные, окружные, частные дороги и шоссе штата. Последние были сформированы на основе дорог штата и постоянных шоссе и подразделялись, соответственно, на первичные и вторичные.

В качестве первичных шоссе были утверждены семь главных магистралей:

а) шоссе Пасифик (англ. pacific highway) – 412,5 км;

б) шоссе Сансет (англ. sunset highway) – 447 км;

в) шоссе Инланд Эмпайр (англ. inland empire highway) – 232,5 км;

г) шоссе Сентрал Вашингтон (англ. central washington highway) – 202,5 км;

д) шоссе МакКлеллан Пасс (англ. mcclellan pass highway) – 400,5 км;

е) шоссе Нэшнл Парк (англ. national park highway) – 231 км;

ж) шоссе Олимпик (англ. olympic highway) – 744 км.

Все остальные транспортные артерии, открытые после принятия этого акта, должны были входить в состав вторичных шоссе [Ibid. Ch. 66, § 1–6. P. 221–224]. Согласно новому закону строительство и ремонт первичных шоссе финансировались из двух дорожных фондов – ФПШ и ФОД. Вторичные шоссе штата улучшались по преимуществу из средств Фонда общественных дорог. Развитием муниципальной инфраструктуры продолжали заниматься окружные советы. Для выполнения задач по строительству и ремонту дорожной системы, на 1913–1915 гг. из обоих фондов было выделено около 5 млн долл. [13. Ch. 63, § 1. P. 218; Ch. 76, § 1. P. 250], что в три раза превысило сумму, ассигнованную штатом на дорожное строительство с 1905 по 1913 г.

Таким образом, дорожная система штата Вашингтон была официально создана в 1889–1893 гг. Вплоть до начала XX в. значительная часть дорог находилась в собственности округов. Этот период развития дорожной системы характеризовался рядом серьёзных проблем: децентрализацией дорожной политики; недостаточным финансированием; наличием дорожной трудовой повинности, препятствующей строительству хорошей дорожной сети; контрастом между прогрессивным развитием дорожной системы в западной части штата и отсталым – в восточной; отсутствием качественного дорожного покрытия. Неразвитая дорожная система продолжала ориентироваться на потребности гужевого транспорта и не могла отвечать запросам, предъявляемым эпохой индустриализации.

Создание Дорожного департамента штата, осуществлённое в 1905 г. в результате ожесточённой политической борьбы в легислатуре, имело противоречивые последствия. С одной стороны, дорожное строительство получило серьёзный экономический импульс в виде новых налоговых поступлений, что отразилось на увеличении количества построенных и улучшенных дорог. Если в последние два десятилетия XIX в. общий объём ассигнований на дорожное улучшение составил около 1,5 млн долл., то с 1905–1913 гг. он достиг 7,5 млн долл. Количество построенных дорожных километров возросло на 3,6 тыс. – самый большой показатель за всю предыдущую историю штата. Протяжённость дорог с улучшенным покрытием увеличилась с 7 до 13,2% [30. P. 117].

С другой стороны, усиление позиций центральной власти в дорожной политике не решило некоторых насущных проблем. Рост ассигнований на дорожное строительство лишь повысил политизацию вопроса, что отразилось на расширении противоречий между политическими партиями, внутрипартийными фракциями, нижней и верхней палатой легислатуры, и, наконец, между законодательной и исполнительной ветвями власти. Создание ДДШВ не нормализовало диалог между органами власти штата и окружными муниципалитетами, но, наоборот, привело к экономическому давлению на провинциальные бюджеты со стороны штата, правовым осложнениям, выразившимся в законодательной чехарде и усилению коррупции. Наконец, не была решена проблема непропорционального развития дорожной системы в западной и восточной частях штата. Проведение дорожной политики в рассматриваемый период было ориентировано на улучшение коммуникационной системы в западных округах Вашингтона. Здесь, в среднем, более 20% дорог получили твёрдое всесезонное покрытие к 1911 г., в то время как в восточной части этот показатель едва превышал 2%, а в одиннадцати восточных округах за эти годы не было улучшено ни одного метра дороги [Ibid. P. 38].

Тем не менее прогрессивный характер развития дорожного законодательства штата на рубеже XIX–XX вв. послужил началом кардинального изменения всей дорожно-транспортной системы Вашингтона, с 1913 г. начавшей обретать тот облик, который имеет по сей день.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Показатели не включают 6 320 мотоциклов [6. P. 303].

[2] Общественную позицию по проблеме некачественных дорог в данный период времени представляли две национальные неправительственные организации: «Лига за хорошие дороги» и «Национальная ассоциация Хорошие дороги». Созданные на рубеже веков для популяризации автотранспорта и привлечения общественного внимания к проблеме дорожного улучшения, организации постепенно трансформировались в серьёзную политическую силу, повлиявшую на принятие политических решений в области дорожного законодательства на национальном и региональном уровнях (по этой проблеме см.: [18–20]).

[3] Сезонные дороги имели грунтовую поверхность и не имели водосточных дренажных систем.

[4] Следует сказать, что легислатура выделила 94 тыс. долл. на погашение задолженности перед подрядчиками [28. Ch. 93, § 1. P. 427].

ЛИТЕРАТУРА

1. Statistical Abstract of the United States. Forty-Third Number, 1920 // Prepared by the Bureau of Foreign and Domestic Commerce, under the Direction of the R.S. MacElwee. Washington : Government Printing Office, 1921.
2. Statistical Atlas of the United States // Prepared under the Supervision of Ch.S. Sloane. Washington : Government Printing Office, 1914.
3. Statistical Abstract of the United States. Twenty-Ninth Number, 1906 // Prepared by the Bureau of Statistics, under the Direction of the O.P. Austin. Washington : Government Printing Office, 1907.
4. Statistical Abstract of the United States. Thirty-Fourth Number, 1911 // Prepared by the Bureau of Statistics, under the Direction of the O. P. Austin. Washington : Government Printing Office, 1912.
5. Statistical Abstract of the United States. Thirty-Ninth Number, 1916 // Prepared by the Bureau of Foreign and Domestic Commerce, under the Direction of the E.E. Pratt. Washington : Government Printing Office, 1917.
6. Statistical Abstract of the United States. Forty-First Number, 1918 // Prepared by the Bureau of Foreign and Domestic Commerce, under the Direction of the B.S. Cutler. Washington: Government Printing Office, 1919.
7. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Subject Files. Box № 57. Folder: Highway Commission 2, 1916. State Highway Construction in Washington.
8. Statistical Abstract of the United States. Thirty-Third Number, 1910 // Prepared by the Bureau of Statistics, under the Direction of the O.P. Austin. Washington : Government Printing Office, 1911.
9. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Subject Files. Box № 57. Folder : Highway commission, 1915. State roads in Washington.
10. Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration, Central Files. Subject Files. Box № 7. Folder : State road camp № 5 Carrollton, 1909–1910.
11. Session Laws of the State of Washington, Enacted by the First State Legislature, Session of 1889–1890 / Published by Authority. Olympia : O.C. White, State Printer, 1890.
12. Session Laws of the State of Washington, Session of 1893 / Compiled by J. Price. Olympia : O.C. White, State Printer, 1893.
13. Session Laws of the State of Washington, Thirteenth Session, 1913 / Compiled by I. M. Howell. Olympia : Frank M. Lamborn, Public Printer, 1913.
14. Wells Ch. The Changing Nature of Country Roads: Farmers, Reformers, and the Shifting Uses of Rural Space, 1880–1905 // Agricultural History. 2006. Vol. 80, № 2.
15. Session Laws of the State of Washington, Seventh Session, 1901 / Compiled by S. Nichols. Olympia : Gwin Hicks, State Printer, 1901.
16. Wiebe R. The Search for Order, 1877–1920. N.Y. : Macmillan, 1967.
17. Lichtenstein A. Good Roads and Chain Gangs in the Progressive South: "The Negro Convict is a Slave" // The Journal of Southern History. 1993. Vol. 59, № 1. P. 85–110.
18. Carothers J. Good roads and how to obtain them. N.Y. : Publ. by T.B. Ventres, 1898.
19. Davis Ch. National Highways to Bring about Good Roads Everywhere. Washington D.C. : publ. by National Highway Assotiation, 1913.
20. Fuller W. Good Roads and Rural Free Delivery of Mail // The Mississippi Valley Historical Review. Vol. 42, № 1. January 1955. P. 67–83.
21. Session Laws of the State of Washington, Eight Session, 1903 / Compiled by S. Nichols. Olympia : Allen & Lamborn Printing Company, 1903.
22. Session Laws of the State of Washington, Ninth Session, 1905 / Compiled by S. Nichols. Olympia : C.W. Gorham, Public Printer, 1905.
23. Session Laws of the State of Washington, Tenth Session, 1907 / Compiled by S. Nichols. Olympia : C.W. Gorham, Public Printer, 1907.
24. Session Laws of the State of Washington, Eleventh Session, 1909 / Compiled by S. Nichols. Olympia : E.L. Boardman, Public Printer, 1909.
25. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Marion Hay. Subject Files. Box № 16. Folder : Highway commission, 1911.
26. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Marion Hay. Subject Files. Box № 16. Folder : Highway commission, 1910.
27. House Journal of the Twelfth Legislature of the State of Washington, Begun and Held at Olympia, State Capital, 1911 / Compiled by L. Grinstead. Olympia: E.L. Boardman, Public Printer, 1911.
28. Session Laws of the State of Washington, Twelfth Session, 1911 / Compiled by I.M. Howell. Olympia : E.L. Boardman, Public Printer, 1911.
29. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Subject Files. Box № 81. Folder : Penitentiary – Honor Camps, 1913–1914.
30. Pennybacker J. Mileage and Cost of Public Roads in the United States in 1909. Washington D.C. : Government printing office, 1912.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 октября 2017 г.

ROAD SYSTEM DEVELOPMENT IN THE STATE OF WASHINGTON (1889–1913). THE LEGAL ASPECT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 211–216.
DOI: 10.17223/15617793/426/25

Sergey A. Shevchenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Shevchenkovskrs@yandex.ru

Keywords: USA; Washington; road system; roads; building.

The article covers the road system development in the State of Washington in the Progressive Era. The article is based on the sources from the Washington State archives and a wide range of legislative acts adopted by the State Legislature during the period under review. Description of the state road system at the end of the 19th century is specified in the article. Certain typical issues of the state road system of that time are revealed: the absence of legal regulation, insufficient financing, construction of seasonal roadway designed for cartage transport, disproportionate development of roads in the western and eastern parts of the State, general technological backwardness. The article explains the necessity for the creation of a new all-season road system at the beginning of the 20th century and points out economic prerequisites for the construction of new roads in Washington. The article shows the conditional periodization of the state road system in the Progressive Era, which is divided into two stages: decentralized (1889–1904) and centralized (1905–1913). The main part of the article gives a detailed analysis of the legislative acts governing the development of the state road system. In particular, the following issues are considered: areas of legal and economic responsibility of municipal and state authorities; state tax policy and road construction financing procedure; applying and abolition of the so-called "public road service" practice and its impact on the development of roads in the State; political debates in the State Legislature in 1903 on the problem of the State Road Department establishment; road system management at the municipal and state levels, activities of the State Road Department and the State Highway Council; reasons of the Republican Administrations' road policy failure in 1907 and 1911. The article concludes that the road management system in Washington progressively developed from decentralized to centralized. In general, this process was progressive and led to the creation of the State highway system and construction of a large number of roads. However, at the same time centralization of the road construction had some negative consequences, such as expansion of political contradictions in the Washington State Legislature, economic pressure on municipal budgets by the State authorities, legal complica-

tions and the so-called “legislative leapfrog”, increased corruption, unresolved problems of disproportionate development of the road system in the eastern and western parts of the State.

REFERENCES

1. Bureau of Foreign and Domestic Commerce, under the Direction of R.S. MacElwee. (1920) *Statistical Abstract of the United States. Forty-Third Number, 1920.* Washington: Government Printing Office.
2. Under the Supervision of Ch.S. Sloane. (1914) *Statistical Atlas of the United States*. Washington: Government Printing Office.
3. Bureau of Statistics, under the Direction of O.P. Austin. (1907) *Statistical Abstract of the United States. Twenty-Ninth Number, 1906.* Washington: Government Printing Office.
4. Bureau of Statistics, under the Direction of O.P. Austin. (1912) *Statistical Abstract of the United States. Thirty-Fourth Number, 1911*. Washington: Government Printing Office.
5. Bureau of Foreign and Domestic Commerce, under the Direction of E.E. Pratt (1917) *Statistical Abstract of the United States. Thirty-Ninth Number, 1916*. Washington: Government Printing Office.
6. Bureau of Foreign and Domestic Commerce, under the Direction of B.S. Cutler. (1919) *Statistical Abstract of the United States. Forty-First Number, 1918*. Washington: Government Printing Office.
7. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Subject Files. Box 57. Folder: *Highway Commission 2, 1916. State Highway Construction in Washington.*
8. Bureau of Statistics, under the Direction of O.P. Austin. (1911) *Statistical Abstract of the United States. Thirty-Third Number, 1910.* Washington: Government Printing Office.
9. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Subject Files. Box 57. Folder: *Highway commission, 1915. State roads in Washington*.
10. Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration, Central Files. Subject Files. Box 7. Folder: *State Road Camp no. 5 Carrollton, 1909–1910.*
11. Authority. (1890) *Session Laws of the State of Washington, Enacted by the First State Legislature, Session of 1889–1890*. Olympia: O.C. White, State Printer.
12. Price, J. (1893) *Session Laws of the State of Washington, Session of 1893*. Olympia: O.C. White, State Printer.
13. Howell, I.M. (1913) *Session Laws of the State of Washington, Thirteenth Session, 1913*. Olympia: Frank M. Lamborn, Public Printer.
14. Wells, Ch. (2006) The Changing Nature of Country Roads: Farmers, Reformers, and the Shifting Uses of Rural Space, 1880–1905. *Agricultural History*. 80:2.
15. Nichols, S. (1901) *Session Laws of the State of Washington, Seventh Session, 1901*. Olympia: Gwin Hicks, State Printer.
16. Wiebe, R. (1967) *The Search for Order, 1877–1920*. N.Y.: Macmillan.
17. Lichtenstein, A. (1993) Good Roads and Chain Gangs in the Progressive South: “The Negro Convict is a Slave”. *The Journal of Southern History*. 59:1. pp. 85–110.
18. Carothers, J. (1898) *Good roads and how to obtain them*. N.Y.: Publ. by T.B. Ventres.
19. Davis, Ch. (1913) *National Highways to Bring about Good Roads Everywhere*. Washington, D.C.: publ. by National Highway Assotiation.
20. Fuller, W. (1955) Good Roads and Rural Free Delivery of Mail. *The Mississippi Valley Historical Review*. 42:1. January. pp. 67–83.
21. Nichols, S. (1903) *Session Laws of the State of Washington, Eight Session, 1903*. Olympia: Allen & Lamborn Printing Company.
22. Nichols, S. (1905) *Session Laws of the State of Washington, Ninth Session, 1905*. Olympia: C.W. Gorham, Public Printer.
23. Nichols, S. (1907) *Session Laws of the State of Washington, Tenth Session, 1907*. Olympia: C.W. Gorham, Public Printer.
24. Nichols, S. (1909) *Session Laws of the State of Washington, Eleventh Session, 1909*. Olympia: E.L. Boardman, Public Printer.
25. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Marion Hay. Subject Files. Box 16. Folder: *Highway commission, 1911.*
26. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Marion Hay. Subject Files. Box 16. Folder: *Highway commission, 1910.*
27. Grinstead, L. (1911)*House Journal of the Twelfth Legislature of the State of Washington, Begun and Held at Olympia, State Capital, 1911*. Olympia: E.L. Boardman, Public Printer.
28. Howell, I.M. (1911) *Session Laws of the State of Washington, Twelfth Session, 1911*. Olympia: E.L. Boardman, Public Printer.
29. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Subject Files. Box 81. Folder: *Penitentiary – Honor Camps, 1913–1914*.
30. Pennybacker, J. (1912) *Mileage and Cost of Public Roads in the United States in 1909*. Washington, D.C.: Government Printing Office.

Received: 09 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 217–222. DOI: 10.17223/15617793/426/26

УДК 35 +571. 1/5

Л.И. Шерстова

КОНЦЕПЦИЯ ФРОНТИРА И ОСВОЕНИЕ РУССКИМИ СИБИРИ

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Рассматривается возможность использования концепции фронтира применительно к сибирским материалам. Ставится вопрос о том, насколько эта концепция, выработанная в рамках иных исторических условий и другого менталитета населения, колонизирующего пространства Нового Света, пригодна для понимания процессов освоения русскими Сибири. Делается вывод о том, что концепция фронтира не способна объяснить процессы быстрого освоения Сибири русскими, и приводятся аргументы, подтверждающие этот тезис.

Ключевые слова: европейские переселенцы; Северная Америка; русские в Сибири; фронтир; ментальность; «каменщики»; исторические закономерности.

После кризиса марксистской методологии в отечественной исторической науке в 1990-е гг., казалось, что теории и концепции, выработанные западными учеными, являются не только прогрессивными по сравнению с формационной теорией, но и универсальными для рассмотрения похожих исторических процессов в других регионах планеты. При этом сохранялось идущее от эволюционизма и сохраненное в марксистской методологии представление о том, что единство человечества диктует и тождественность протекания исторических процессов у всех народов и культур. Одной из таких теорий, принятых первоначально без какой-либо адаптации применительно к сибирской истории, стала концепция фронтира, широко использовавшаяся американскими учеными при характеристике освоения Нового Света и получившая распространение в отечественной историографии в начале XXI в. [1]. Позже она была несколько адаптирована, но при этом потеряла свое первоначальное понимание [2. С. 46–49].

Основная мысль, заключенная в работе такого яркого представителя этой концепции, как Д.Дж. Бурстин, состояла в европоцентристском взгляде на процессы колонизации новых территорий и в какой-то мере «оправдывала» политику захвата новых земель и гибель местных культур [3. С. 189–199]. Действительно, фронтир – это не просто «граница», разделявшая территории белых переселенцев и индейцев Нового Света. Она была наполнена философским содержанием противостояния «цивилизации» и «дикости», а переселение европейских колонистов означало и продвижение европейской культуры. Такой взгляд на заселение европейскими переселенцами базировался как на их убеждении о превосходстве собственной культуры, так и на эволюционистском взгляде западных исследователей на развитие человечества.

Возникает вопрос, а могло ли такое убеждение существовать у русских первопоселенцев при их соприкосновении с культурой сибирских народов? Архивные материалы и научные исследования отечественных историков убедительно показывают, что культурные различия не воспринимались русскими как ментальная граница, что во взгляде на аборигенную культуру у русских переселенцев в начальный период освоения Сибири не было ни оценочных суждений, ни чувства культурного превосходства [4. С. 67–69]. И это очевидно потому, что, во-первых, русские в XVII в. не были знакомы с европейскими учениями о стадиальности развития человечества, а значит, о возможности пребывания разных народов на разных уровнях социально-экономического развития, что и предопределяло паритетные отношения.

Не следует забывать и об общем евразийском наследии как русских переселенцев и московской власти, так и сибирских народов и их властных институтов, которые имели общие истоки и не могли противопоставлять аборигенов и пришельцев на общественно-экономическом уровне [5. С. 374–378]. Православие первых русских сибиряков также не воспринималось ими как «культурное» превосходство, так как переоценивать религиозность русских того периода было бы не совсем верным. Вот что писал в своей знаменитой грамоте патриарх Филарета митрополиту Киприану: «В Сибири не носят крестов, не хранят постных дней, живут с некрещеными женами, кумами и сестрами своих жен, при отъезде же закладывают их на срок, и, не имея, чем выкупить, женятся на других» [6. С. 80].

Во-вторых, европейские идеи стали проникать в русскую элиту вместе с реформами Петра I. Но к этому времени Сибирь уже была «русской», а сама идея фронтира перестала быть актуальной. И даже массовая христианизация не провела четкой границы между аборигенами и русскими в Сибири, так как если у первых она, в лучшем случае, вобрала в себя традиционные представления, а православие вторых «обогатилось» за счет местных культов и верований.

При освоении Нового Света и Сибири изначально существовала принципиальная разница: если европейцам нужны были земли, то Московской власти в первую очередь важно было распространить свое подданство на местное население. Пушнина – вот что было целью как свободных новгородских, а затем и московских промышленников, так и государственной власти в Сибири. Власть не столько над территорией, сколько над живущим на ней населением была рецидивом евразийского наследия, наследия мощных кочевых империй Центральной Азии от гуннов до монголов, когда сила правителя опиралась на численность подданного населения, от которого зависела

боеспособность армии. В условиях «кочевого» образа жизни населения контролировать территории было бессмысленно, но «привязав» определенное количество людей к представителям господствующего слоя, можно было легко управлять ими. Этот принцип через ордынцев прочно укрепился в ранней московской государственности. Поэтому в наказах сибирским воеводам московские цари не только приказывали «разыскивать новые землицы», что было не главным, а «полнить ясашные волости» и обходиться с местным населением «с ласкою». В условиях усиления крепостного права в европейской части России именно сибирские аборигены – ясашные – были основными поставщиками пушнины. Русской власти в Сибири в начальный период колонизации не столько была нужна земля как таковая, сколько люди – еще одно тяглое сословие Московского царства [5. С. 374–378].

Процессы включения сначала народа, а потом и его территории хорошо прослеживаются при колонизации Сибири русскими в XVII в. и даже позже. Разновременное вхождение в состав России населения и его территории – явление нередкое в сибирской истории. С этим, например, связана проблема определения даты включения Хакасии. Таковой может считаться начало XVII в., когда часть предков хакасов была объясачена из Кетска и Томска и в одностороннем порядке, на правах ясачных (оставаясь кыштымами енисейских киргизов), вошла в структуру российского общества и государства. Или же 1680 г., когда киргизы признали права на своих подданных и со стороны Москвы, и те стали двоеданцами. Или 1703 г., когда, наконец, тюркоязычные группы Томь-Енисейского междуречья, фактически уже целое столетие платившие русским ясак, заполнили опустевшие после увода киргизов джунгарами земли: качинцы и аринцы с севера, моторы-койбалы с востока, сагайцы с верховьев Томи, бельтиры с юга. При этом сибирские власти не предприняли никаких мер, ограничивавших данные миграции. Наконец, датой вхождения Хакасии в Российское государство можно считать 1707 или 1709 гг., когда основанные русскими Абаканский и Саянский остроги четко обозначили территориальные границы России в бассейне Верхнего Енисея.

Аналогичная ситуация сложилась и в Горном Алтае. В результате джунгаро-китайской войны середины XVIII в. Джунгарское ханство было уничтожено, и его многочисленные подданные, среди которых были урянхайцы и теленгуты – предки современных алтайкижи и части телеутов современной Кемеровской области, бросились под защиту Колывано-Воскресенской линии. В ответ на их многочисленные просьбы о российском подданстве 2 мая 1756 г. Елизаветой Петровной был подписан Указ, который предусматривал не только подданство, но и переселение на Волгу, а также крещение просителей. Действительно, в 1757 г. значительная их часть была переселена, но бо́льшая часть, став подданными Российской империи, вновь бежала в горы, на свои традиционные кочевья. Бежали на территорию, которую русская власть вплоть до конца XVIII в. фактически не контролировала, не считая отдельных разъездов, чтобы отогнать монгольские или китайские отряды, хозяйничавшие на этой территории. Предки алтайцев вернулись на земли, которые в состав России не входили, но, будучи российскими подданными, платили дань в Бийск, в то время как их земли были за пределами линии, т.е. русской границы в Обь-Иртышском междуречье.

Так продолжалось почти 100 лет, когда российские подданные жили на землях, юридически России не принадлежащих. И только в 1864 г. после подписания Чугучакского договора была определена граница между Россией и Цинской империей, и Горный Алтай юридически стал частью Российской империи. Эти примеры наглядно демонстрируют, что фронтира, в его американском понимании, в Сибири не было – подданными сначала становились люди, а уж потом, спустя десятки лет, российскими становились и их территории. Более того, фронтир изначально опирался на продвижение белой колонизации на Запад именно как земледельческого освоения территории, и интересы местного населения вообще не принимались во внимание – ведь нужны были земли, а не люди, к тому же «дикари».

Следует заметить, что появление русских поселений в Сибири было связано не только с деятельностью центральной и местной русской власти, по приказу которых основывались русские города, крепости и остроги в Сибири. Изначально присутствовала и вольная русская земледельческая колонизация, которая в Сибири приобрела своеобразные черты. Важно отметить, что канадские трапперы тоже глубоко проникали во внутренние районы Нового Света, но они не основывали поселения за пределами фронтира. Относительно Сибири следует заметить, что в некоторых случаях вольная земледельческая колонизация опережала государственное закрепление новых земель. В данном случае показательна история заселения земель по рр. Бухтарме и Нарыму. В отечественной литературе эта группа поселенцев известна как «каменщики», т.е. «живущие в камне» – «в горах».

Вопрос о дате ее формирования может решаться только предположительно, так как архивные данные отсутствуют. Впервые сведения об этой группе поселенцев за пределами Колывано-Воскресенской линии фигурируют в донесениях коменданта «пограничной» Усть-Каменогорской крепости Густава Штрандмана в Коллегию иностранных дел графу А. Безбродко. Он сообщал, что по «его прибытию в сибирский корпус» в 1787 г., он «часто получал сообщения из разных источников, что по рекам Иртыщ и Бухтарма, в горах, прилегающих к китайской границе, находится немалое число российских беглецов с женами и детьми, имеющих там хлебопашество и прочее домашнее обзаводство, которых якобы китайцы, как они около их постов находятся, весьма приветствуют… и в нуждах не оставляют» [7. Л. 5]. Несмотря на то что из Усть-Каменогорской крепости не раз отправлялись военные команды, чтобы найти и вернуть этих русских беглецов, но «по причине непроходимости тех мест и ущелий, команды без успеха возвращались» [Там же].

Указание на то, что часть беглецов живет семьями, свидетельствует, что среди каменщиков были беглые приписные крестьяне с Колывано-Воскресенских за-

водов. Данный факт подтверждается и тем, что одним из условий их возвращения вновь в российское подданство была просьба снять с «обществ», откуда они бежали, и их родственников подати, которые они платили за беглецов, и переложить их непосредственно на них.

Таким образом, можно предположить, что основа будущих «каменщиков» формировалась за счет беглых семей из приписных деревень. Тогда самые ранние вольные поселения за линией начали формироваться в 20–30-х гг. XVIII в., когда на Алтае стали открываться рудники и заводы и потребовались крестьяне для их обслуживания. Это значит, что первые русские поселенцы могли появиться в верховьях Иртыша, на землях еще существовавшего Джунгарского ханства. И это вполне возможно, так как к этому времени уже состоялись походы в верховья Иртыша И. Бухгольца, Ступина, Лихарева, поставлены Омская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская крепости.

Несмотря на протесты джунгарских ханов на строительство русских крепостей на территории ханства, основной вектор джунгарской политики в это время был направлен не на обострение ситуации с Россией. Более того, ханство рассчитывало если не на ее поддержку, то хотя бы на нейтралитет в своем противостоянии с Цинской империей. С присоединением Восточного Туркестана Джунгария обрела контроль над торговыми путями в Центральной Азии, в связи с чем столица была перенесена с верховий Иртыша на р. Или, а прежние «коренные» земли ханства стали ее периферией, а значит, более доступными для беглецов из-за Колывано-Воскресенской линии.

К моменту начала джунгаро-китайской войны 1754–1756 гг., возможно, какая-то часть беглецов уже обитала в малодоступных горных районах Верхнего Прииртышья, подвергаясь после гибели Джунгарии набегам казахов. В связи с этим показательна политика цинских властей по отношению к русским переселенцам. Как отмечается в Донесении Густава Штрандмана в Коллегию иностранных дел, «в последние два года у них (беглецов. – *Л.Ш.*) случился неурожай хлеба, то китайцы помогли им… При том, как подданных своих, от всяких киргиз-кайсацких (казахских. – *Л.Ш.*) обид защищают» [7. Л. 5]. Такая политика Китая по отношению к русским беглым вполне вписывалась в концепцию его внешней политики – каменщики «без подданства» воспринимались как буферная зона по отношению к России. Политика создания таких лояльных, полузависимых территорий отражала древний принцип построения отношений с другими народами – окружив себя лояльным населением, можно было существовать вполне комфортно.

Для русской же власти «каменщики» – русские по происхождению – представляли геополитический интерес: вернувшись в российское подданство, они, во-первых, автоматически закрепляли за Россией неразделенные с Цинской империей территории бывшей Джунгарии в верховьях Иртыша. Во-вторых, русские рудознатцы уже проникли на Бухтарму и на «ничейной» территории, вблизи поселений каменщиков в это время уже работал Бухтарминский рудник. К тому же стало известно, что ближайшие речки и горы богаты золотом и серебром. В-третьих, каменщики превосходно знали местность между Колывано-Воскресенской линией и китайскими форпостами и могли предложить наиболее удачный вариант «для проложения между китайскою и нашею границы в тамошних местах» [7. Л. 6].

Исходя их этих соображений, Густав Штрандман вместо отряда военных, который, как и прежде, никого бы не нашел, так как беглецы, как обычно, скрылись бы в горах, в качестве агента послал к ним купца, который вел с ними торговлю. Ему было дано задание не только составить точный маршрут для возможного «нового прохода» воинских команд, но, во-первых, узнать у них, имеют ли они раскаяние в проступках их и потом, ежели имеют, то уговорить их к возвращению по-прежнему в Россию, и если они согласятся, то «прислать… для засвидетельствования того… от всего общества письменное прошение» [Там же].

Вскоре посланец вернулся и нашел их жилища за рекой Нарымом «при вершинах реки Белой и при речки Тихой, которая впадает в Бухтарму, а Тихая в Коксу разных маленьких, рассыпанных по ущельям десять деревень, в которых находились кроме женщин и дети, до трехсот человек, имеющих оружие и порох, довольно и хлебопашества. …промысел их состоит в разных зверях, которых они меняют китайцам и киргизцам (казахам. – *Л.Ш.*), а что касается до намерения, то они охотно пожелали принести Е.И.В. в проступках своих повинную, и если удостоятся счастья получить прощение, то просят чтобы позволили им остаться там или переместиться оттоль ближе к крепости Усть-Каменогорской вниз по Бухтарме или по речке Нарымке… с тем при том, дабы повелено им вместо обыкновенных денежных податей платить в казну по примеру иноверских народов ясаком» [Там же. Л. 5 об.].

Однако никакого письменного прощения о помиловании привезено не было – беглецы заявили, что значительная их часть в это время находится «на промыслах» и попросили вновь прислать к ним «когонибудь из купцов, чтобы сообщил, простили ли им их проступки» [Там же. Л. 5 об.].

Видимо, известие о возможности «вернуться в Россию» оживленно обсуждалось среди «каменщиков». Ведь среди них были не только беглые приписные крестьяне с семьями или мастеровые с заводов. Согласно рапорту от 15 августа 1791 г. в поданных списках значилось – в одном 70 человек, в том числе трое семейных, а во втором – 133 человека, из которых 61 мужчина имел семьи [Там же. Л. 11]. Непонятно, вошел ли в эти списки драгун Быков с трестами вооруженных мужчин. О нем Г. Штрандману докладывал кавалер Качка осенью 1790 г. Драгун Быков, «почитающихся у них (беглецов. – *Л.Ш.*) за старшего», в окружении вооруженных людей приехал на Бухтарминский рудник для того, чтобы узнать, если действительно «приглашают их к возвращению по-прежнему в Россию, то желают знать, простятся ли они в своих проступках… то тогда он, Быков, с 300 человек вооруженных готов показать свое усердие» [Там же. Л. 6].

Следует полагать, что общество «каменщиков» было достаточно неоднородно в сословном отноше-

нии – помимо приписных крестьян, рабочих и мастеровых с заводов и рудников в него входили беглые военные, причем не только простые солдаты или казаки. Бо́льшая его часть состояла, видимо, из мужчин разных сословий, среди которых, безусловно, было достаточно много с авантюрным характером, смелых и уверенных в себе. Характеристика «каменщиков» будет неполной без учета конфессиональных особенностей беглецов. Известно, что среди первых рабочих и мастеровых, привезенных А. Демидовым с Урала, было достаточное количество старообрядцев. Видимо, этот конфессиональный компонент увеличивался и за счет тех старообрядцев, которые отправлялись на поиски Беловодья – «земли обетованной» – не только из Сибири, но и европейской части, так как один из путей проходил через Горный Алтай. Не случайно среди условий, на которых «каменщики» вновь стали бы российскими подданными, была просьба «чтобы у них не разоряли раскольничью веру и священников к ним не определяли» [7. Л. 8 об.].

Несмотря на сословную и конфессиональную (а возможно, и этническую неоднородность), тем не менее, это общество «беглецов» было хорошо организовано и, видимо, имело свою систему управления. Оно сохраняло традиции самоуправлявшихся северорусских общин, независимый дух «казачьего круга», старообрядческую замкнутость. Будучи сплоченным, оно оказывалось неуязвимым для воинских команд, посылаемых с линии, которые не могли обнаружить их поселения, а значит, система связи между деревнями действовала постоянно, предупреждая об опасности. Имея для защиты достаточное число вооруженных людей, под командованием профессионального военного, оно могло защитить крестьян от угрозы китайских или казахских нападений, и последние, видимо, осознавали это. В то же время «каменщики» сумели наладить с ними отношения, занимаясь торговлей, в том числе охотничьими трофеями. Они были прекрасными следопытами, изучив не только горные районы, прилегающие к Бухтарме и Иртышу, но осваивали и долину Коксы. Среди их пожеланий было и стремление переселиться на «изысканных ими местах по рекам Хамиру (Кумир. – *Л.Ш.*) и Тургусуну» [Там же. Л. 8]. Последнее было очень важно, так как именно на этих реках было обнаружено золото, и поселить там российских подданных означало бы закрепление за Российской империей данных территорий.

Теория фронтира не применима к сибирской истории еще и потому, что даже в конце XVIII в. одной из главных просьб во всех прошениях «каменщиков» было исключить их из «прежних подушных податей и чтобы приказано им было плату в казну производить зверями» [Там же. Л. 5 об., 6, 7 об., 8 об., 10]. Они прекрасно понимали, что в этом случае их положение будет тождественно положению «иноверских», т.е. аборигенных народов Сибири, чье тягло определялось ясаком, а в сословном смысле они образовывали бы сословие «ясачных», в котором можно было только родиться. Определяя для себя вид повинности в виде пушнины (звериных шкур), «каменщики» – русские по происхождению люди – по своей воле уравнивались с коренным населением Сибири. Таким образом, не прослеживается ни ментальная, ни этническая, ни культурная граница между пришлым и коренным населением. Сложно представить, чтобы белый переселенец в Новом Свете не просто отождествил бы себя с индейцем, а согласился принять его статус.

Фактически все условия принятия вновь российского подданства, на которые указывали «каменщики», были выполнены. В 1792 г. они в качестве «ясашных» официально заняли свое место в сословной структуре империи. После образования в 1804 г. Томской губернии Бухтарминская ясачная волость была причислена к Бийскому округу. Согласно «Уставу об управлении инородцев» (1822 г.), «ясашные», бывшие «каменщики», официально стали именоваться по названию сословия «инородцами», а Бухтарминская ясачная волость была переименована в Бухтарминскую инородную управу и в 1824 г. насчитывала 275 р.д. [8 Л. 62]. Решением Второй ясачной комиссии (1830-е гг.) сословный статус и название органа управления были сохранены. Русские по происхождению бухтарминцы официально считались «инородцами», так как сохранялся вид их тягла – ясак. Следует отметить, что согласно имперскому законодательству русские люди не могли причисляться к инородным управам (без особого разрешения), как и принимать сословие инородцев: «…только кои происходят из рода ясачных (инородцев. – *Л.Ш.*) сохраняют это звание [9 Л. 21].

Таким образом, какой-либо существенный легальный приток извне в Бухтарминскую инородную управу был жестко ограничен, хотя в реальность рост численности управы не прекращался. В 1849 г. она насчитывала 411 р.д. [10. Л. 1167], а к концу XIX в. – 872, расселенных в основном в бассейне Бухтармы, в деревнях Сенной, Быковой, Малонарымской, Верх-Бухтарминской, Язовой, Фыкальской и т.д. К этому времени было восстановлено соответствие сословного состояния данной группы и их этнической принадлежности. В 1876 г. Бухтарминская инородная управа была преобразована в Верх-Бухтарминскую крестьянскую волость [11. Л. 280], а «инородцы» Бухтармы официально стали именоваться крестьянами, так как на них были распространены обязанности и виды податей, определенные для русских крестьян Сибири. Так закончился интересный период истории одной из русских групп, начавшей свою историю за пределами российской территории, но своим расселением определившей границы Российской империи.

Пример «каменщиков» – не единственный случай, когда русские поселенцы оказывались за пределами территории, официально принадлежащей России. Эта ситуация принципиально важна для понимания сущностных отличий колонизации Нового Света и Сибири. Внешнее сходство обманчиво – различная была мотивация переселенцев, существенно отличалось их отношение к местному населению, по-разному воспринимали они новые земли и их население. Европейские государства и Россия неодинаково определяли и свою миссию в новых землях. И если в Новом Свете фронтир как проявление цивилизации двигался с востока на запад континента, то в Сибири возникавшие в XVII в. русские города, остроги, деревни,

«рассыпались» по всей ее территории, а на южной кромке Сибири возникали рубежи, определяемые подданством проживавшего там населения, а не четкими географическими привязками. Не было фронтира как территориального разграничения между пришлым и аборигенным населением, не существовало его в культурных, хозяйственных отношениях, а главное – он отсутствовал на ментальном уровне тех, кто приходил в Сибирь. Культурное, конфессиональное, языковое разнообразие, окружавшее русских в европейской части, мало отличалось от того, с чем они встретились в Сибири. Но главным было то евразийское наследие, которое присутствовало на ментальном уровне у народов Северной Евразии, которое формировалось у их предков в результате многочисленных миграций, обменов, контактов и которое не противопоставляло их друг другу, а позволяло налаживать диалог. Не продуктивнее ли, опираясь на историю собственной страны, пытаться осмысливать исторические процессы и критичнее относиться к концепциям, появившимся на основе иного исторического материала в рамках специфических научных парадигм? Это совсем не значит, что нет исторических закономерностей, но форм их проявлений столько же, сколько народов, культур, научных исторических концепций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 2003. Вып. 3. 128 с.
2. Басалаева И.П. Критерии фронтира: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.
3. Бурстин Д.Дж. Американцы: колониальный опыт. М., 1993. 234 с.
4. Бахрушин С.В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. М., 1929. С. 67–69.
5. Шерстова Л.И. Евразийское наследие в социогенезе Сибири XVII в. // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск : ТГУ, 2010. С. 374–378.
6. Щеглов И.П. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1832. Иркутск, 1833. 778 с.
7. Российский Государственный архив древних актов. Ф. 24. Оп. 1. Д. 65.
8. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 54.
9. ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4.
10. ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 56.
11. ГАТО. Ф. 3. Оп. 49. Д. 289.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 сентября 2017 г.

THE CONCEPT OF THE FRONTIER AND THE RUSSIAN DEVELOPMENT OF SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 217–222.
DOI: 10.17223/15617793/426/26

Lyudmila I. Sherstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sherstova58@mail.ru

Keywords: European immigrants; North America; Russians in Siberia; frontier; mentality; “kamenshchiki”; historical patterns.

The article analyzes the question of how the concept of the frontier explains the process of Siberia’s annexation to the Tsardom of Muscovy. The concept of the frontier is the basis of American historiography of the New World development and it was widely spread at the turn of the 21st century in Russian historiography. There was a fundamental difference between the development of the New World and the development of Siberia. The Europeans needed land. For the Moscow authorities it was important to extend their citizenship to the local population, which could become a source of furs. Also the author examines the situation between the state and the fugitives who were outside the borders at the end of the 17th century. “Kamenshchiki” (those who live in the mountains) is not a unique case when Russian settlers were outside the territory officially belonging to Russia, then they got Russian citizenship one more time and thus determined the border between Russia and China. This situation is very important for understanding the fundamental differences between the colonization of the New World and the colonization of Siberia. The external similarity is deceptive. The settlers had a different motivation. Also their attitude toward local population was different. The settlers perceived the local population in different ways. European states and Russia had unequally determined their mission in the new lands. In the New World the frontier as a manifestation of civilization moved from the East to the West of the continent. Russian towns, fortresses, villages founded in Siberia in the 17th century were located throughout Siberia. In southern Siberia there was a border which was determined by the citizenship of the population living there, not by geographic conditions. There was no frontier as a territorial boundary between the newcomers and the aboriginal peoples. There was no frontier in cultural and economic relations. And the most important thing is that there was no frontier at the mental level of those who came to Siberia. The cultural, confessional and linguistic diversity that surrounded the Russians in the European part of Russia was not different from what they met in Siberia. The main thing was the Eurasian heritage which was at the mental level of the peoples of Northern Eurasia. This heritage was formed among their ancestors as a result of numerous migrations, exchanges, contacts; and it made possible to establish a dialogue without the opposition “civilization – savagery”.

REFERENCES

1. Rezun, D.Ya. (ed.) (2003) *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe* [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: general and special]. Is. 3. Novosibirsk: RIPEL plyus.
2. Basalaeva, I.P. (2012) Criteria for frontier: statement of the proble. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 2. pp. 46–49. (In Russian).
3. Burstin, D.J. (1993) *Amerikantsy: kolonial’nyy opyt* [Americans: Colonial experience]. Moscow: Izdatel’skaya gruppa “progress”-“litera”.
4. Bakhrushin, S.V. (1929) Sibirskie tuzemtsy pod russkoy vlast’yu do revolyutsii 1917 g. [Siberian natives under the Russian rule before the revolution of 1917]. *Sovetskiy Sever*. 1. pp. 67–69.
5. Sherstova, L.I. (2010) [Eurasian heritage in the sociogenesis of Siberia in the 17th century]. *Kul’tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in the historical context: the experience of the West Siberi-

an archaeological and ethnographic meetings]. Proceedings of the XV XV International. West-Siberian Archaeological and Ethnographic Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 374–378. (In Russian).
6. Shcheglov, I.P. (1833) *Khronologicheskiy perechen' vazhneyshikh dannykh iz istorii Sibiri. 1032–1832* [Chronological list of the most important data from the history of Siberia. 1032–1832]. Irkutsk: Izdanie Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, Tipografiya Shtaba Vostochnogo Sibirskogo voennogo okrug.
7. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 24. List 1. File 65. (In Russian).
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 144. List 1. File 54. (In Russian).
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 2. List 2. File 4. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 2. List 2. File 56. (In Russian).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 49. File 289. (In Russian).

Received: 06 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 223–228. DOI: 10.17223/15617793/426/27

УДК 94

Э.Э. Шульц

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918 г. В ГЕРМАНИИ И ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, РАЗВИТИЯ И ПАДЕНИЯ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Рассматривается история Веймарской республики через призму алгоритма Немецкой революции. Сравнительно-исторический анализ позволяет выявить общие черты Немецкой революции и Веймарской республики с событиями Великой Французской революции, революции во Франции 1848 г. и революции в России 1917–1922 гг. Автор приходит к выводу, что Веймарская республика стала таким же периодом революционного развития Германии, как и Первая республика во Франции, что обусловило ее историю, многие закономерности ее возникновения, развития и падения.

Ключевые слова: Ноябрьская революция 1918 г.; Веймарская республика; Первая республика.

В 2018 г. будет отмечаться 100-летний юбилей революции в Германии и образования Веймарской республики. В связи с этим особую актуальность приобретают ревизия наших знаний об этих событиях, возможный пересмотр подходов и устоявшихся точек зрения. В этой связи большой потенциал лежит в пересмотре датировки Немецкой революции, получившей название Ноябрьской революции 1918 г., но на самом деле «простиравшейся» значительно дальше событий 4–9 ноября и даже 11 августа 1919 г. – день подписания президентом республики Веймарской конституции. Проблема датировки и этапов Немецкой революции лежит глубже простых исторических дат и связана с пониманием социальных и политических процессов в Веймарской республике. Принципиально иные подходы позволяют объяснить короткую и особенную историю Веймарской республики и феномен прихода нацистов к власти в Германии. Подход к датировке и этапности Немецкой революции основан на сравнительном анализе и общетеоретических подходах в этих вопросах применительно ко всем мировым революциям [1. С. 11–68, 93–170].

Напомним события Немецкой революции, так как это поможет провести несколько параллелей.

3 ноября 1918 г. подняли восстание моряки Киля и Вильгельмсхафена, которые не желали больше воевать. Беспорядки охватили всю страну, кайзер Вильгельм II бежал из страны, а лидеры Социал-демократической партии Германии (СДПГ) провозгласили Германию республикой. Однако, как и в России, гражданская война в стране только начинала набирать обороты. 5 января 1919 г. (через два месяца после Ноябрьской революции) в Берлине вспыхнуло восстание, организованное только что возникшей Коммунистической партией Германии (КПГ) и «независимцами» (далее – НСДПГ). Новой власти пришлось подавлять восстания в середине и второй половине января в Берлине, Бремене, Дюссельдорфе, Мюльхайме, Халле и других городах. Однако уже 3 марта в Берлине началась всеобщая забастовка, а 5 марта – уличные бои. И снова вслед за Берлином пришлось подавлять восстания в других немецких городах: Лейпциге, Дрездене, Магдебурге, Брауншвейге – и в Баварии, где целый месяц просуществовала Баварская советская республика. Уже через год – в марте 1920 г. – произошел Капповский путч – попытка государственного переворота генералитета, за которой последовали всеобщая забастовка в Берлине и восстание рабочих в Руре. Красная гвардия Рурской области, организованная коммунистами, за 10 дней захватила основные города региона: Дюссельдорф, Эссен, Мюльхайм, Дуйсбург, Хамборн, Кирхеллен, Дорстен, Вольтен, Хальтем, Ольфег, Везель и Хилтуп. В начале апреля правительственным войскам удалось разгромить эти вооруженные части. Еще ровно через год – в марте 1921 г. – произошли новые выступления коммунистов. 22 марта 1921 г. бастующие рабочие вступили в вооруженное столкновение с полицией в Айслебене и Шраплау, а затем в саксонских Хетштедте и Рублингене, а 24 марта КПГ организовала уличные беспорядки в Гамбурге в поддержку восставшей Саксонии. Забастовки рабочих охватили обширный район Саксонии. Войскам рейхсвера пришлось брать город за городом, и только 1 апреля восстание было окончательно подавлено. Через два с половиной года – 23–25 октября 1923 г. – лидер коммунистов Эрнст Тельман поднял восстание в Гамбурге, а 9 ноября в Мюнхене произошел так называемый пивной путч, организованный лидером НСДАП Адольфом Гитлером и генералом Людендорфом. Оба выступления – слева и справа, в Гамбурге и Мюнхене, – были быстро подавлены [2. С. 50–52].

Исследователи делят Немецкую революцию на три или четыре этапа. Первый этап – 3–10 ноября 1918 г. – от восстания матросов в Киле до создания нового правительства – Совета народных уполномоченных. Второй этап – до январских боев в Берлине в 1919 г. Третий этап – до мая 1919 г. и падения Баварской советской республики или до восстания в Руре в марте 1920 г. [3. С. 72]. К этому можно добавить и период до марта 1921 г. или до ноября 1923 г. с «пивным путчем» в Мюнхене и восстанием коммунистов в Гамбурге. На наш взгляд, периодизации Немецкой революции больше подходит двухэтапный принцип: 1) Ноябрьская революция и провозглашение республики в ноябре 1918 г.; 2) январь 1919 – ноябрь 1923 г. – попытки левых и правых сил совершить «частичный откат» или «продвинуть революцию дальше», т.е. сместить вправо или еще левее. Соответственно, и датировать окончание Немецкой революции точнее ноябрем 1923 г., когда ее дальнейшее движение влево потерпело поражение и в стране закончилась гражданская война (после этих бурных событий социальный протест выплескивался на улицы, приводил к массовым манифестациям, забастовкам и беспорядкам, но не к восстаниям и большим вооруженным

столкновениям. Этот протест несколько спал в период экономической стабилизации 1926–1928 гг., но снова стал нарастать вместе с мировым экономическим кризисом 1929 г.) [2. С. 72–78, 160–161; 4. С. 80, 84–89].

Общие черты Русской и Немецкой революций бросаются в глаза. Так, революция в России и в Германии и свержение монархии стали результатом поражения в войне и военных тягот. Как и в Русской февральской, Ноябрьскую революцию 1918 г. никто не ждал и не готовил. Как и в Русской революции, все последующие выступления в Германии были спланированы и возглавлены [5. С. 95–140, 195–232]. Ноябрьская революция, как и февральская, произошла в результате забастовок рабочих и выступления ряда воинских частей в поддержку. И в России, и в Германии случился период двоевластия Советов и правительства. Выступления в Германии 1919–1921 гг. сильно походили на события 1917 г. в Петрограде: июльские события, Корниловский мятеж и т.д. Характерная особенность обеих революций заключалась в том, что к власти пришли социалисты – умеренно левые. Таким образом, в отличие от известных до этого революций, не происходило длительное движение революции «справа налево» (если в России вести отсчет только с 1917 г.), а затем в обратном направлении – революция сразу дошла до возможного крайнего левого порога. Однако в России этот предел был пройден большевиками, и революция «забрала дальше влево», а в Германии заняла «линию равновесия», с которой ни правым, ни левым не хватило сил сдвинуть республику.

Примечательно, что Германская революция 1918–1923 гг. была сходна одновременно с Русской революцией в ее февральско-октябрьской части и с Французской революцией 1848 г.: падение доверия к монарху, вооруженное восстание, отречение монарха и его отъезд за рубеж, провозглашение президентской республики. Только в Германии вместо одного «июньского восстания» (январское 1919 г. восстание спартакистов является аналогом июньского восстания во Франции в 1848 г.) последовали новые попытки как «правых», так и «левых» восстаний (1920–23 гг.).

Все революции после Великой французской рассматривались сквозь призму аналогий с событиями 1789–1799 гг., и Великая французская революция считалась и считается парадигмой для последующих революций [6. С. 62–63, 70; 7. P. 3; 8. P. 34; 9. P. 13, 15, 128].

В Германии не было первого этапа ограничения монархии, как во Франции (1789–1792 гг.), и только затем, на втором этапе, производилось свержение монархии. Здесь сыграл роль целый ряд факторов, и в первую очередь, конечно, поражение в войне: воспользовавшись слабостью власти, страна, которая уже имела демократический опыт парламента и даже сильную партию социал-демократов (самую сильную в Европе того времени), а также опыт соседних стран, в своей классической революции «перепрыгнула» первый этап.

Примечательно, что в этой части Немецкая революция находит отклик в Русской революции, в которой потенциально период ВФР 1789–1792 гг. можно сравнить с событиями революции 1905–1907 гг. (с той лишь разницей, что во французском случае победили революционеры, а в русском, на этом этапе, – монархия), но 1917 г., как и в Германии в ноябре 1918 г., начинался тоже сразу свержением монархии.

В Германии не было периода якобинской диктатуры: несколько попыток переворота и удержания власти левыми закончились поражением. Здесь сказались особенности федерализма Германии: если во Франции в 1789–1794 гг. достаточно было взять власть в Париже и диктовать волю всей стране, то в Германии Берлин не играл такой роли, а восстания и захват власти в отдельных землях воспринимались как попытки сепаратизма и позволяли противопоставить восставшим немецкую армию и добровольческие дружины (фрайкоры). Немецкие «якобинцы» проиграли, и период после 1923 г. стал движением революции вправо (что является характеристикой термидора).

Споры о том, являлись ли события 30-х гг. XX в. в Германии революцией, начались с момента прихода Гитлера к власти и продолжаются по сей день. Кроме признания или непризнания периода нацистов в Германии частью революции, существует и расхождение – считать этот феномен Термидором или Бонапартизмом [10. P. 100, 105].

Сам Гитлер неоднократно заявлял о своей революционности и повторял, что он лидер национальной революции [11. P. 237; 12. P. 81]. К «революции» Гитлера современники относились как к революции против революции, к такому явлению, что «с этих пор в Германии больше не должно было быть никаких революций» [13. С. 354]. Современники связали эти события с философскими идеями «консервативной революции» (политико-философские взгляды в Германии 20–30-х гг. XX в.) [14. С. 4–7; 15. С. 61]. Некоторые современники называли это событие «национальной революцией крестьянина» [16. С. 3–4]. Немецкий социолог Роберт Михельс ввел даже специальное понятие «реакционные революции», чтобы квалифицировать такие явления, как нацистское движение в Германии и приход Муссолини к власти в Италии [17. С. 108]. Марксистская историография считала фашистские режимы формой контрреволюции [18. С. 86]. Ряд исследователей называли события в Италии и Германии «негативной революцией» [19. P. 427]. Американский историк Джон Лукач даже считал, что, возможно, Гитлер был самым популярным революционным лидером в истории современного мира [12. P. 50], а одним из самых популярных подходов стало определение фашизма как «революции справа» [20. P. 347; 21; 22. P. 159, 167]. За то, что приход нацистов к власти в Германии можно считать революцией, выступали исследователи теории революции К. Бринтон, П. Загорин, Д. Мейсель [23. P. 276; 24. P. 133, 137; 25. P. 7; 26. P. 57], а также исследователи германской истории и периода прихода нацистов к власти М. Хаусден, М. Катер и многие другие [11. P. 238; 27. P. 2, 190–191; 28].

Марксисты (как коммунисты, так и социал-демократы) однозначно расценивали это явления как контрреволюцию [29. P. 291]. Позиция, что приход Гитлера к власти был контрреволюционным актом, стала популярна среди различных исследователей [21, 24, 30].

Однако контрреволюция есть часть революционного процесса [31]. То есть признание прихода Гитлера к власти и его политики в качестве контрреволюции является составной части немецкой революции.

Сногие эксперты считают, что приход Гитлера к власти не имеет никакого отношения к революции. Так, Эрик Хобсбаум считал, что «никакой “фашистской революции” не было», но «в фашистских движениях имелись революционные элементы, поскольку в них участвовали люди, стремившиеся к коренному преобразованию общества» [32. С. 142].

Ральф Дарендорф справедливо отмечал, что Германия после всех реформ и революций пропустила социальную модернизацию, несмотря на высокий уровень индустриализации и урбанизации. Не смогла это положение изменить и Веймарская республика. Национал-социалисты, против их воли, осуществили социальную революцию [33. P. 64, 402–438]. Джон Хайден и Джон Фаркууарсон призывали рассматривать рост социальной поддержки нацистов до 1933 г. и их политику после прихода к власти в контексте «продолжающейся немецкой социальной революции XX века» [34. P. 161]. И здесь исследователи абсолютно правы. После революции 1918 г. не была произведена экспроприация феодальных владений высшей аристократии и имущества царствовавшего дома [15. С. 59; 35. С. 131]. Немецкое общество сохраняло рудименты сословности. И что самое главное – Германия находилась в состоянии сильного социального противостояния между левыми и правыми идеями – левыми и правыми путями развития страны.

Как справедливо подметил английский историк Эрик Хобсбаум, «чего действительно достиг национал-социализм, так это радикальной чистки старой имперской верхушки власти и государственных учреждений… Разрушение старой элиты и прежних структур, после войны подкрепленное политикой оккупационных армий западных стран, в конечном итоге позволило обеспечить Федеративную Республику Германию гораздо более прочной основой, чем была у Веймарской республики в 1918–1933 годах» [32. С. 142].

Именно эти последствия определяют указанный период как часть немецкой революции. Безусловно, эти движения слева и справа внешне не очень походили на «классические» из истории Великой французской революции, но история никогда не повторяет себя с полной идентичностью, и более чем столетний промежуток между Великой французской революцией и развитием событий в Германии 20–30-х гг. XX в. изменил и внешние условия, и характер действующих лиц. Однако приход к власти нацистов в 1933 г., по сути, явился логическим продолжением движения революционного процесса в Германии, начавшегося в 1918 г. Революцию 1918 г. можно считать завершившейся с окончанием войны: путь «классической революции» от свержения самодержавия через движение влево с неизбежным откатом вправо к состоянию стабильности и частичному возврату к исходному состоянию [31]. Так, поражение Наполеона в войне привело к реставрации монархии во Франции, что, в свою очередь, вызвало новые революции – 1830 и 1848 гг. и появление Второй республики, а после 1870 г. – и Третьей. В Германии после Второй мировой войны была восстановлена республиканская форма, и стране не понадобились новые революции по аналогии с французскими.

Важен и другой аспект. Дело не в том, что «за два года революция Гитлера принесла экономический рост, полную занятость, законность и правопорядок, стабильные условия и резкое сокращение преступлений», – как писал Жак Эллюль [36. P. 199], а в том, что стояло за этим: от Гитлера ожидали социального мира в раздираемой социальным противостоянием стране, и его правительству это удалось [4. С. 75–91; 5. С. 233–266]. Такой феномен в революции называется «Бонапартизм».

Л.Д. Троцкий первым назвал фашистские режимы в Италии и Германии Бонапартизмом [37]. Нацистский режим, режимы Муссолини и Франко, португальская диктатура 1926–1974 гг. имеют сходные черты. Все эти режимы на определенном этапе проводили социально-экономические реформы, которые прямо или косвенно привели к формированию современных обществ. Демократическая составляющая была привнесена с падением этих режимов (с поражением в войне, мирным путем или в результате корректирующей революции). Все они являлись заключительной частью революций. Исключение составляет итальянский вариант, где подходящий по всем характеристикам к Бонапартизму режим Муссолини состоялся минуя революцию.

Итальянский случай полностью напоминает немецкий, только с «пропущенной» революцией в начале века. В обеих странах в 1848 г. вспыхнули восстания, в третьей четверти века наблюдались объединительные процессы. В Германии в 1918 г. произошла революция, отголоски которой завершились в 1923 г. Через десять лет к власти пришли нацисты. В Италии по завершении Первой мировой войны революции не произошло, однако в стране ширился социальный протест, который разделил общество и радикализировал его, что позволило прийти к власти фашистам в ноябре 1922 г., – эти факторы сыграли свою роль на десять лет раньше, чем в Германии. В обеих странах приход к власти ультраправых партий с элементами левой и ультралевой идеологии случился под влиянием страха общества перед левыми и ультралевыми и экономическими проблемами.

Эти режимы, за исключением Германии, были характерны для стран, которые вступили в XX в. с большими феодальными пережитками, с запущенными экономическими и социальными проблемами (Италия, Испания, Португалия). Запущенность социальных проблем, отсутствие сложившихся демократических структур и социальной базы, способной поддержать и отстаивать эти структуры, привели к такой уродливой форме. Еще одна интересная особенность – диктаторские режимы в XX в., производившие социальные и экономические изменения, показали живучесть и долголетие: Гитлер, Муссолини, Сталин, Франко, Пиночет, режим в Португалии с 1926 по 1974 г. Примечательно, что, кроме итальянского примера, все эти диктатуры были так или иначе связаны с революциями, вернее – с их окончанием.

Итак, если рассматривать Немецкую революцию как классическую по образцу Великой французской революции, то период истории Германии, называемый «Веймарская республика» рождается и заканчивается вместе с этой революцией, охватывая время от свержения монархии в ноябре 1918 г. до становления бонапартистского режима.

Таким образом, Веймарская республика с точки зрения истории революций аналогична Первой французской республике. Первая республика во Франции стала результатом Великой французской революции и существовала от даты отстранения от власти Людовика XVI 21 сентября 1792 г. до провозглашения империи Наполеоном Бонапартом 18 мая 1804 г. Таким образом, Республика появилась после первого этапа революции – конституционной монархии (1789–1792 гг.), прошла этапы умеренных, якобинцев, Термидора и прекратила существование в этапе Бонапартизма («бонапартистский режим»). Веймарская республика стала таким же периодом революционного развития Германии, как и Первая республика во Франции, что обусловило ее историю, многие закономерности ее возникновения, развития и падения. Безусловно, алгоритм революций и их влияние на историю государств имеют определенные закономерности, и, возможно, именно в этих процессах следует искать объяснения различным событиям периода этой Первой немецкой республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М. : ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
2. Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху: Электоральная история. Германии 1920-х – начала 1930-х гг. М. : ЛЕНАНД, 2016. 272 с.
3. Патрушев А.И. Германия в XX веке. М. : Дрофа, 2004. 432 с.
4. Шульц Э.Э. «Левый» и «правый» бунт в Германии 1920–30-х гг.: истоки, ход событий, результаты. Барнаул : Издательская группа «Сипресс», 2014. 149 с.
5. Шульц Э.Э. Технологии бунта (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М. : Подольская фабрика офсетной печати, 2014. 512 с.
6. Арендт Х. О революции. М. : Европа, 2011. 664 с.
7. Rosenstock-Huessy E. Revolution as a Political Concept // Revolutions: Finished and Unfinished, From Primal to Final / ed. by Paul Caringella, Wayne Cristaudo, Glenn Hughes. Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 1–7.
8. Schrecker J.E. The Chinese Revolution in Historical Perspective. Greenwood Publishing Group, 2004.
9. Selbin E. Revolution, rebellion, resistance: the power of story. London; New York : Zed Books, 2010.
10. Herzberger L. The Structure of Thermidor: Some Case Studies. Xlibris Corporation, 2007. 344 p.
11. Kater M.H. The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders 1919–1945. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1983. 415 p.
12. Lukacs J. The Hitler of History. N.Y. : Vintage Books, 1998. 279 p.
13. Нольте Э. Фашизм в его эпохе / пер. с нем. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. 568 с.
14. Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. Брянск, 2011. 312 с.
15. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М. : РОССПЭН, 2002. 336 с.
16. Сегалл Я.Е. Очерки экономической политики германского фашизма. М. : Гос. соц.-эк. изд-во, 1934. 106 с.
17. Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социс. 2000. № 1. С. 107–116.
18. Красин Ю.А. Революцией устрашенные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М. : Политиздат, 1975. 366 с.
19. Johari J.C. Contemporary Political Theory: New Dimensions, Basic Concepts and Major Trends. Sterling Publishers Pvt. Ltd, 1987. 756 p.
20. Freyer H. Revolution from the Right // The Weimar Republic Sourcebook / ed. by Anton Kaes, Martin Jay, Edward Dimendberg. University of California Press, 1994. P. 347–348.
21. Lapp B. Revolution from the Right: Politics, Class and the Rise of Nazism in Saxony. Brill, 1997. 248 p.
22. Mosse G.L. Masses and Man: Nationalist and Fascist Perceptions of Reality. Wayne State University Press, 1987. 362 p.
23. Brinton C. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N.Y. : Vintage Books, 1965. 310 p.
24. Meisel J.H. Counter-revolution: how revolutions die. Atherton Press, 1966. 237 p.
25. Zagorin P. Rebels and Rulers, 1500–1600: Volume 1, Agrarian and Urban Rebellions: Society, States, and Early Modern Revolution. Cambridge University Press, 1982. 292 p.
26. Calvert P. Revolution and Counter-Revolution Concepts in the Social Sciences. Milton Keynes : Open University Press, 1990. 90 p.
27. Housden M. Hitler. Study of a revolutionary. London ; New York : Routledge, 2000. 220 p.
28. Weber E. Revolution? Counterrevolution? What revolution? // Fascism, a Reader's Guide: Analyses, Interpretations, Bibliography / ed. by Walter Laqueur. University of California Press, 1978. P. 435–468.
29. Dutt R.P. Fascism and Social Revolution. Wildside Press LLC, 2009. 320 p.
30. Taylor S. Germany, 1918–1933: revolution, counter-revolution and the rise of Hitler. Duckworth, 1983. 131 p.
31. Шульц Э.Э. «Моделирование революций» (к дискуссии о стадиях) // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 158–173.
32. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М. : Независимая газета, 2004. 632 с.
33. Dahrendorf R. Society and Democracy in Germany. New York : Doubleday, 1967. 457 p.
34. Saunders T. Nazism and Social Revolution // Modern Germany Reconsidered: 1870–1945 / ed. by Gordon Martel. Taylor & Francis, 1992. P. 159–177.
35. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм : пер. с нем. М. : Логос, 2003. 527 с.
36. Ellul J. Autopsy of Revolution. N.Y. : Knopf, 1971. 300 p.
37. Троцкий Л.Д. Бонапартизм и фашизм: К характеристике современного положения в Европе. URL: http://revkom.com/biblioteka/marxism/trotckii/1934bonapart.htm (дата обращения: 16.07.2015).

Статья представлена научной редакцией «История» 30 сентября 2017 г.

THE NOVEMBER REVOLUTION OF 1918 IN GERMANY AND PROBLEMS OF EMERGENCE, DEVELOPMENT AND FALLING OF THE WEIMAR REPUBLIC

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 223–228.
DOI: 10.17223/15617793/426/27

Eduard E. Shults, Center of Political and Social Technologies (Moscow, Russian Federation). E-mail: nuap1@yandex.ru

Keywords: November Revolution of 1918; Weimar Republic; First Republic.

The article aims to consider the history of the Weimar Republic through the prism of the algorithm of the German revolution (that began in November, 1918 and is known as the November Revolution) and its continuation that discloses regularities of the origin, development and disappearance of the first German democracy. A comparative-historical approach to the German revolution (1918–1923), the Great French revolution (1789–1799), the French revolution of 1848, the Russian revolution (1917–1922), the events of the Italian history of the period of Mussolini, the Spanish Franco's period, the Portuguese history from 1926 to 1974 has become the cornerstone of the analysis. The author divides the German revolution into three stages: 1918–1923, 1924–1929, 1930–33. The first stage lasted from the revolt in Kiel (November 3–10, 1918) to the "beer putsch" in Munich and the revolt of communists in Hamburg in November, 1923. The open civil war in the country ended at that stage: the social protest splashed out in the streets, led to mass demonstrations, strikes and disorders, but not to revolts and big armed conflicts. This protest fell down during the economic stabilization of 1926–1928, but it began to rise again with the world economic crisis of 1929. The second stage (1924–1929) came to an end with the beginning of the world economic crisis. The third stage was connected with the new aggravation of opposition in the German society which led to the polarization and radicalization of society and, eventually, to the rise of the Nazis to power. The analysis shows that the German revolution has common features with the French revolution of 1848 and the Russian revolution in its February–October stage. Besides, the German revolution of 1918–1923 and the subsequent history of the Weimar Republic has broad analogies with the Great French and Russian revolutions in the stages known as the Thermidor and the Bonapartist regime. The author comes to a conclusion that events of the end of 1923 in Germany can be regarded as the Thermidor – a kickback of the revolution to the right, and Hitler's coming to power could be qualified as the Bonapartist regime. This period of the German history finds analogies in contemporary events: the Italian history of the period of Mussolini, Spain in Franco's period, the Portuguese history from 1926 to 1974. The author comes to a conclusion that the Weimar Republic became the same period of revolutionary development of Germany as the First Republic in France, which caused its history, many regularities of its emergence, development and falling.

REFERENCES

1. Shul'ts, E.E. (2016) *Teoriya revolyutsii: revolyutsii i sovremennye tsivilizatsii* [The theory of revolution: revolutions and modern civilizations]. Moscow: LENAND.
2. Shul'ts, E.E. (2016) *Ot Veymarskoy respubliki k Tret'emu reykhu: Elektoral'naya istoriya Germanii 1920-kh – nachala 1930-kh gg.* [From the Weimar Republic to the Third Reich: Electoral history of Germany of the 1920s – early 1930s]. Moscow: LENAND.
3. Patrushev, A.I. (2004) *Germaniya v XX veke* [Germany in the 20th century]. Moscow: Drofa.
4. Shul'ts, E.E. (2014) *"Levyy" i "pravyy" bunt v Germanii 1920–30-kh gg.: istoki, khod sobytiy, rezul'taty* [The "left" and "right" rebellions in Germany of the 1920s–1930s: origins, the course of events, results]. Barnaul: Izdatel'skaya gruppa "Si-press"s.
5. Shul'ts, E.E. (2014) *Tekhnologii bunta (Tekhnologii upravleniya radikal'nymi formami sotsial'nogo protesta v politicheskom kontekste)* [Technology of rebellion (Technology management of radical forms of social protest in a political context)]. Moscow: Podol'skaya fabrika ofsetnoy pechati.
6. Arendt, H. (2011) *O revolyutsii* [On revolution]. Moscow: Evropa.
7. Rosenstock-Huessy, E. (2012) Revolution as a Political Concept. In: Caringella, P., Cristaudo, W. & Hughes, G. (eds) *Revolutions: Finished and Unfinished, From Primal to Final.* Cambridge Scholars Publishing.
8. Schrecker, J.E. (2004) *The Chinese Revolution in Historical Perspective*. Greenwood Publishing Group.
9. Selbin, E. (2010) *Revolution, rebellion, resistance: the power of story*. London; New York: Zed Books.
10. Herzberger, L. (2007) *The Structure of Thermidor: Some Case Studies*. Xlibris Corporation.
11. Kater, M.H. (1983) *The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders 1919–1945*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
12. Lukacs, J. (1998) *The Hitler of History*. N.Y.: Vintage Books.
13. Nolte, E. (2001) *Fashizm v ego epokhe* [Fascism in its era]. Translated from Germany. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
14. Artamoshin, S.V. (2011) *Ponyatiya i pozitsii konservativnoy revolyutsii: intellektual'noe techenie "konservativnoy revolyutsii" v politicheskoy zhizni Veymarskoy respubliki* [Concepts and positions of the conservative revolution: the intellectual direction of the "conservative revolution" in the political life of the Weimar Republic]. Bryansk: Bryanskoe SRP VOG.
15. Vatlin, A.Yu. (2002) *Germaniya v XX veke* [Germany in the 20th century]. Moscow: ROSSPEN.
16. Segall, Ya.E. (1934) *Ocherki ekonomicheskoy politiki germanskogo fashizma* [Essays on the economic policy of German fascism]. Moscow: Gos. sots.-ek. izd-vo.
17. Michels, R. (2000) Demokraticheskaya aristokratiya i aristokraticheskaya demokratiya [Democratic aristocracy and aristocratic democracy]. *Sotsis – Sociological Studies*. 1. pp. 107–116.
18. Krasin, Yu.A. (1975) *Revolyutsiey ustrashennye. Kriticheskiy ocherk burzhuaznykh kontseptsiy sotsial'noy revolyutsii* [Frightened by the revolution. A critical essay on the bourgeois concepts of social revolution]. Moscow: Politizdat.
19. Johari, J.C. (1987) *Contemporary Political Theory: New Dimensions, Basic Concepts and Major Trends*. Sterling Publishers Pvt. Ltd.
20. Freyer, H. (1994) Revolution from the Right. In: Kaes, A., Jay, M. & Dimendberg, E. (eds) (1994) *The Weimar Republic Sourcebook*. University of California Press.
21. Lapp, B. (1997) *Revolution from the Right: Politics, Class and the Rise of Nazism in Saxony*. Brill.
22. Mosse, G.L. (1987) *Masses and Man: Nationalist and Fascist Perceptions of Reality*. Wayne State University Press.
23. Brinton, S. (1965) *The Anatomy of Revolution*. Revised and Expanded Edition. N.Y.: Vintage Books.
24. Meisel, J.H. (1966) *Counter-revolution: how revolutions die*. Atherton Press.
25. Zagorin, P. (1982) *Rebels and Rulers, 1500–1600: Volume 1, Agrarian and Urban Rebellions: Society, States, and Early Modern Revolution*. Cambridge University Press.
26. Calvert, P. (1990) *Revolution and Counter-Revolution Concepts in the Social Sciences*. Milton Keynes: Open University Press.
27. Housden, M. (2000) *Hitler. Study of a revolutionary*. London; New York: Routledge.
28. Weber, E. (1978) Revolution? Counterrevolution? What revolution? In: Laqueur, W. (ed.) *Fascism, a Reader's Guide: Analyses, Interpretations, Bibliography*. University of California Press.

29. Dutt, R.P. (2009) *Fascism and Social Revolution*. Wildside Press LLC.
30. Taylor, S. (1983) *Germany, 1918–1933: revolution, counter-revolution and the rise of Hitler*. London: Duckworth.
31. Shul'ts, E.E. (2015) "Modelirovanie revolyutsiy" (k diskussii o stadiyakh) ["Modeling revolutions" (to the discussion about stages)]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii.* 2. pp. 158–173.
32. Hobsbawm, E. (2004) *Epokha kraynostey: Korotkiy dvadtsatyy vek (1914–1991)* [The Epoch of Extremes: The Short Twentieth Century (1914–1991)]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
33. Dahrendorf, R. (1967) *Society and Democracy in Germany*. N.Y.: Doubleday.
34. Saunders, T. (1992) Nazism and Social Revolution. In: Martel, G. (ed.) *Modern Germany Reconsidered: 1870–1945*. Taylor & Francis.
35. Nolte, E. (2003) *Evropeyskaya grazhdanskaya voyna (1917–1945). Natsional-sotsializm i bol'shevizm* [The European Civil War (1917–1945). National Socialism and Bolshevism]. Translated from German. Moscow: Logos.
36. Ellul, J. (1971) *Autopsy of Revolution.* N.Y.: Knopf.
37. Trotskiy, L.D. (1934) *Bonapartizm i fashizm: K kharakteristike sovremennogo polozheniya v Evrope* [Bonapartism and Fascism: on the characterization of the current situation in Europe]. [Online] Available from: http://revkom.com/biblioteka/marxism/trotckii/1934bonapart.htm. (Accessed: 16.07.2015).

Received: 30 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 229–233. DOI: 10.17223/15617793/426/28

ПЕДАГОГИКА

УДК 364-056.24

Л.В. Капилевич, В.В. Гузырь

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ «ЗОНТИЧНЫЙ» ФОРМАТ МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ «ИНЖИНИРИНГ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

Работа выполнена за счет проекта ВИУ ИСГТ ТПУ 108/2017 «Люди и технологии».

Предложена «зонтичная модель» реализации подготовки магистров. Суть модели состоит в создании одноименного профиля в рамках трех направлений магистерской подготовки, которые бы позволили охватить весь жизненный цикл высокотехнологичных устройств для реабилитации лиц с ОВЗ – от конструирования и производства до эксплуатации. Выпускники программы получат значительное преимущество на рынке труда. Предлагаемая «зонтичная» магистерская программа является уникальной и имеет высокий потенциал к дальнейшему развитию.

Ключевые слова: физическая реабилитация; подготовка кадров; робототехнические системы для реабилитации; телемедицина.

Введение. Значительный рост в последнее десятилетие травм и заболеваний, связанных с нарушением мозгового и периферического кровообращения, особенно у лиц трудоспособного возраста, приводит к увеличению числа лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в России и, соответственно – увеличению социальных расходов на их содержание. В связи с этим разработка новых средств реабилитации, способствующих снижению сроков нетрудоспособности и уменьшению инвалидизации населения, является актуальной задачей отечественного здравоохранения.

Только комплексная реабилитация больных и инвалидов, утративших трудоспособность в результате инсульта, тяжелой травмы, ампутации конечностей, а также детей и взрослых с врожденными физическими дефектами и параличами помогает восстановлению или формированию простых бытовых и трудовых навыков (самообслуживание, ходьба и т.д.) [1]. При этом основополагающая роль должна отводиться устройствам, способствующим уже на ранних этапах реабилитации выполнять движения в суставах, основанные на анатомо-физиологических принципах. Наряду с восстановлением утраченных функций поражённого органа это способствует восстановлению экстракардиальных факторов кровообращения и кардио-респираторной системы. Сочетание физических упражнений с занятиями на механоаппаратах значительно улучшает результаты восстановительного лечения больного человека и заметно влияет на интерес к занятиям лечебной физкультурой. Поэтому применение механических устройств является необходимым на всех этапах реабилитационного лечения до полного восстановления утраченных функций. Однако это возможно лишь при условии их мобильности, простоте обслуживания и материальной доступности для медицинских организаций и пациентов [2].

В настоящее время в реабилитационных целях все шире используются аппаратные воздействия с проведением роботизированной механотерапии [3, 4]. Такие приборы механически изменяют подвижность суставов и состояние мышц конечностей и туловища, действуя по определенной программе, при этом используется биологическая обратная связь, и зачастую применяются игровая или виртуальная среды [5, 6]. Преимуществом робототерапии является более высокое качество тренировок по сравнению с классической лечебной гимнастикой за счёт большей их длительности, точности повторяющихся циклических движений, постоянной программы тренировок, наличия инструментов оценки успешности проводимых занятий с возможностью демонстрации пациенту. Применение автоматизированной техники позволяет повысить интенсивность проводимой терапии без привлечения дополнительного персонала, а качество оказываемой помощи остается неизменным по времени [3, 7]. Таким образом, это экономически оправдывает затраты на приобретение приборов роботизированной механотерапии.

Таким образом, для повышения общей эффективности лечебных мероприятий для пациентов с нарушениями двигательной функции (последствия травм и последствия нарушений мозгового кровообращения) важное значение имеет включение в лечебный процесс средств двигательной реабилитации на ранних этапах. Реабилитационные мероприятия должны начинаться как можно раньше, выполняться регулярно. В дальнейшем их применение должно быть непрерывным на всех этапах лечения и реабилитации. Крайне важно, чтобы использование средств двигательной реабилитации было доступным для пациентов как в условиях стационаров, реабилитационных центров, так и в домашних условиях. Высокую экономическую и медицинскую эффективность будут иметь технические средства реабилитации, не требующие постоянного участия медицинского персонала, но в то же время обеспечивающие постоянный контроль за процессом реабилитации и состоянием пациента как на основе технологий с обратной связью, так и на основе телемедицины [8, 9]. На сегодняшний день подобного рода аппараты в основном представлены импортными моделями, которые по стоимости доступны только крупным стационарам и реабилитационным центрам. Такая ситуация не позволяет обеспечить непрерывность и преемственность процесса реабилитации пациентов с двигательными нарушениями [10].

Для решения этой проблемы необходимы современные программно-технические и методические решения с

использованием внешних вспомогательных устройств обеспечения двигательной активности [11]. Важным аспектом являются импортозамещающие технологии и модульный принцип конструкции аппарата, что позволяет достичь существенного снижения цены и тем самым доступности для пациентов на всех стадиях лечения, в том числе в домашних условиях. Разработка таких средств реабилитации и внедрение их в практику позволит существенно улучшить результаты восстановительного лечения, сократит его сроки, повысит качество жизни пациентов, снизит уровень инвалидизации, будет способствовать восстановлению работоспособности. Экономический эффект при этом будет обусловлен как снижением прямых расходов за счет сокращения сроков лечения, так и косвенных – за счет сокращения в дальнейшем количества лиц, нуждающихся в социальной поддержке.

Важной проблемой организации процесса реабилитации лиц с ОВЗ является кадровая. Причем необходимы специалисты, обладающие компетенциями в различных аспектах данной проблемы – для разработки высокотехнологичных изделий реабилитационного назначения, для их конструирования и производства, а также для их эксплуатации. Все названные аспекты имеют свои особенности, но в то же время взаимосвязаны, и для повышения эффективности реабилитации необходимо, чтобы наряду с уникальными для каждой сферы деятельности компетенциями все специалисты, имеющие к ней отношение, обладали набором сходных компетенций, позволяющих им эффективно взаимодействовать друг с другом на всех этапах – от идеи и создания нового изделия до его внедрения в практику и использования в повседневной деятельности.

Цель исследования. Разработка инновационного формата магистерской программы для подготовки кадров в области инжиниринга реабилитационных и вспомогательных технологий.

Основная часть. Для решения этой задачи предложена модель реализации подготовки магистров, которую мы обозначили как «зонтичная модель» (рис. 1). Суть модели состоит в создании одноименного профиля в рамках трех направлений магистерской подготовки, которые бы позволили охватить весь жизненный цикл высокотехнологичных устройств для реабилитации лиц с ОВЗ – от конструирования и производства до эксплуатации.



Рис. 1. Схема «зонтичного формата» реализации магистерской программы по профилю «Инжиниринг реабилитационных и вспомогательных технологий»

Для реализации данной модели мы выбрали три направления магистерской подготовки:

- 15.04.06 Мехатроника и робототехника (ФГОС ВО утвержден приказом Минобрнауки РФ от 21 ноября 2014 г. N 1491);
- 12.04.04 Биотехнические системы и технологии (ФГОС ВО утвержден приказом Минобрнауки РФ от 21 ноября 2014 г. N 1497);
- 49.04.01 Физическая культура (ФГОС ВО утвержден приказом Минобрнауки РФ от 28 апреля 2015 г. N 37043).

На всех трех направлениях были разработаны программы для профиля с общим названием «Инжиниринг реабилитационных и вспомогательных технологий».

Выбор именно этих направлений для формирования зонтичной программы был обусловлен рядом причин:

- наборы компетенций, предусмотренных стандартами трех названных направлений, в сумме покрывают весь цикл реализации проекта – от идеи и конструирования до разработки методик использования и внедрения в практику;
- магистранты инженерных направлений приобретают компетенции в области реабилитации, которые позволят им успешно решать инженерные задачи в данной предметной области;
- магистранты направления «Физическая культура» в контакте с магистрантами инженерных направлений приобретут дополнительные компетенции, связанные с использованием технических устройств для реабилитации;
- возможность реализации проектного формата обучения – уже в процессе обучения будут формироваться команды, состоящие из представителей всех трех направлений, которые смогут реализовывать реальные проекты в области технических устройств для реабилитации.

Учебный план профиля по каждому направлению включает разделы, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Унифицированная структура учебного плана профиля направлений магистерской подготовки

№	Разделы учебного плана	ЗЕ
1	Дисциплины	60
1.1.	Базовая часть. Модуль общенаучных дисциплин	9
1.2.	Базовая часть. Модуль общепрофессиональных дисциплин	15
1.3.	Вариативная часть. Междисциплинарный профессиональный модуль	18
1.4.	Вариативная часть. Вариативный междисциплинарный профессиональный модуль «Инжиниринг реабилитационных и вспомогательных технологий»	18
2	Практики и научно-исследовательская работа	54
3	Итоговая государственная аттестация	6
ИТОГО		120

Дисциплины обоих модулей базовой части, а также дисциплины междисциплинарного профессионального модуля вариативной части учебного плана соответствуют направлениям подготовки и изучаются магистрантами каждого направления в общем потоке с магистрантами других профилей данного направления.

Дисциплины вариативного междисциплинарного профессионального модуля «Инжиниринг реабилитационных и вспомогательных технологий» являются общими для магистрантов всех направлений, обучающихся по данному профилю, и изучаются ими совместно. Структура данного модуля (табл. 2) была разработана с учетом необходимости формирования набора компетенций, которые позволят выпускникам программы эффективно осуществлять взаимодействие при разработке, производстве и эксплуатации высокотехнологичных устройств для реабилитации лиц с ОВЗ.

Таблица 2

Структура вариативного междисциплинарного профессионального модуля «Инжиниринг реабилитационных и вспомогательных технологий»

№	Дисциплины модуля	ЗЕ
1	Динамическая анатомия	3
2	Кинезиология человека	3
3	Реабилитационные и вспомогательные технологии	6
4	Методы контроля функционального состояния организма	3
5	Биотехнические системы и технологии	3

Набор дисциплин, предусмотренных в данном модуле, позволит сформировать такие компетенции, как:

– способность анализировать и оценивать характер и глубину двигательных нарушений у лиц с ОВЗ, возможности их коррекции техническими средствами реабилитации;

– способность определять направленность, интенсивность и характер воздействий на лиц с ОВЗ для достижения реабилитационного эффекта;

– способность выбирать технические средства, материалы и конструктивные особенности для обеспечения эффективности процесса реабилитации лиц с ОВЗ;

– способность подбирать оптимальные режимы реабилитационных воздействий, использовать средства телеметрии и телемедицины.

Второй важной отличительной особенностью «зонтичного» формата магистерской подготовки является совместная проектная деятельность обучающихся по различным направлениям в рамках практик и научно-исследовательской работы в семестре.

Учебный план данной программы включает следующие виды практической деятельности:

– педагогическая практика;

– научно-исследовательская практика;

– научно-исследовательская работа в семестре;

– преддипломная практика.

Для формирования компетенций, связанных со взаимодействием специалистов различных направлений друг с другом, предполагается уже на первых этапах обучения создание проектных групп из магистрантов, обучающихся на различных направлениях данной программы для решения комплексных задач, связанных с созданием инновационных продуктов для реализации реабилитационных и вспомогательных технологий для лиц с ОВЗ. Студенты совместно должны будут предложить идею для такого проекта, обосновать ее эффективность для реабилитации, разработать технологию ее реализации.

Данная программа предусматривает реализацию в сетевом формате:

– Подготовка магистров по направлениям 15.04.06 Мехатроника и робототехника и 12.04.04 Биотехнические системы и технологии будет осуществляться в Томском политехническом университете, в соответствующих инженерных школах в формате технологической магистратуры.

– Подготовка магистров по направлению 49.04.01 Физическая культура будет осуществляться на базе факультета физической культуры Томского государственного университета.

Между вузами предполагается заключение договора о сетевой форме реализации магистерских программ.

Часть дисциплин вариативного междисциплинарного профессионального модуля «Инжиниринг реабилитационных и вспомогательных технологий» будут преподаваться в отделении физической культуры школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета. На базе этого же отделения будет осуществляться координация практической деятельности и научных исследований магистрантов.

Программа предполагает широкие перспективы сотрудничества с предприятиями практического сектора (ООО Элеси), учреждениями, осуществляющими реабилитацию лиц с ОВЗ (г. Томск, г. Бердск, г. Новосибирск), с общественными организациями инвалидов, с некоммерческими объединениями. К преподаванию на программе будут привлечены зарубежные специалисты (в том числе с использованием дистанционных технологий). В перспективе предусматриваются зарубежные стажировки для студентов и преподавателей, совместное с зарубежными университетами выполнение магистерских диссертаций и получение двух дипломов.

Заключение. Реализация описанного формата подготовки магистров в области инжиниринга реабилитационных и вспомогательных технологий имеет широкие перспективы. Данная сфера (производство товаров и услуг для обеспечения потребностей лиц с ОВЗ) является сегодня одним из быстрорастущих секторов экономики в России и в мире, он получает поддержку международных общественных фондов. Потребность в специалистах такого профиля постоянно растет. В то же время предлагаемый формат реализации подготовки в магистратуре является уникальным, в доступных источниках мы не нашли сведений о реализации аналогичных программ в других университетах. Этот факт свидетельствует, что выпускники программы получат значительное преимущество на рынке труда. Можно заключить, что предлагаемая «зонтичная» магистерская программа является уникальной и имеет высокий потенциал к дальнейшему развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chipchase L, Williams M, Robertson VJ. Electrophysical agents in physiotherapy practice and education: Still a good idea after all these years? WCTP 2007. Vol. 93. Vancouver, Canada : Physiotherapy, 2007. P. S97.
2. Физическая реабилитация / под ред. С.Н. Попова. М. : Academia, 2013. 304 с.
3. Макарова М.Р. и соавт. Современные аспекты аппаратных методов реабилитации неврологических больных // Академический журнал Западной Сибири. 2013. Т. 9, № 3 (46). С. 60–61.
4. Masiero S., Celia A., Rosati G., Armani M. Robotic-assisted rehabilitation of the upper limb after acute stroke // Archives of Physical Medicine and Rehabilitation. 2007. № 88 (2). P. 142–149.
5. Восстановление подвижности конечностей при помощи роботизированной механотерапии // GIDMED.COM. URL: http://gidmed.com/novosti/robotizirovannajamehanoterapija. html (дата обращения: 25.04.2017).
6. Guiraud D., Stieglitz T., Koch K.P., Divoux J.L., Rabischong P. An implantable neuroprosthesis for standing and walking in paraplegia: 5-year patient follow-up // Journal of Neural Engineering. 2006. № 3 (4). P. 268–275.
7. Нурманова Ш.А. Роботизированная механизированная нейрореабилитация // Нейрохирургия и неврология Казахстана. 2013. № 1 (30). С. 3–6.
8. Claudia I. Martínez-Alcalá, Mirna Muñoz and Josep Monguet-Fierro. Design and Customization of Telemedicine Systems // Comput Math Methods Med. 2013. P. 618025.
9. Park H.S., Wu Y.N., Ren Y., Zhang L.Q. A tele-assessment system for evaluating elbow spasticity in patients with neurological impairments // Proceedings of the IEEE 10th International Conference on Rehabilitation Robotics (ICORR '07). Noordwijk, The Netherlands, 2007. P. 917–922.
10. Katsis C.D., Ganiatsas G., Fotiadis D.I. An integrated telemedicine platform for the assessment of affective physiological states // Diagnostic Pathology. 2006. № 1 (article no. 16).
11. Rogove H.J., McArthur D., Demaerschalk B.M., Vespa P.M. Barriers to telemedicine: survey of current users in acute care units // Telemedicine and E-Health. 2012. № 18 (1). P. 48–53.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 15 ноября 2017 г.

THE EXPERIMENTAL "UMBRELLA" FORMAT OF THE MASTER'S PROGRAM "ENGINEERING OF REHABILITATION AND AUXILIARY TECHNOLOGIES"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 229–233.
DOI: 10.17223/15617793/426/28

Leonid V. Kapilevich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kapil@yandex.ru
Vladimir V. Guzyr, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: guzyr@tpu.ru

Keywords: physical rehabilitation; personnel training; robotic systems for rehabilitation; telemedicine.

Personnel is an important problem in the organization of rehabilitation of persons with special needs (SN). Specialists with competencies in various aspects of this problem are needed: to develop high-tech products for rehabilitation purposes, to design, produce and use them. To solve this problem, the authors propose an "umbrella model" for training master students. The essence of the model is the creation of the same profile within the three fields of master's training that would cover the entire life cycle of high-tech devices for the rehabilitation of persons with SN – from design and production to operation. To implement this model, three fields of master's training were selected: Mechatronics and Robotics, Biotechnical Systems and Technologies and Physical Culture. Programs for the profile with the common name "Engineering of Rehabilitation and Auxiliary Technologies" were developed in the three fields. A curriculum was developed that provided basic and elective parts. Disciplines of the two modules of the basic part, as well as disciplines of the interdisciplinary professional module of the elective part of the curriculum, correspond to the fields of training; master students of each field study them in the general flow with students of other profiles of this direction. Disciplines of the elective interdisciplinary professional module "Engineering Rehabilitation and Auxiliary Technologies" are common for master students of all fields who study in this profile, and are studied jointly. The structure of this module was developed taking into account the need to develop competencies that will allow program graduates to effectively interact in the development, production and operation of high-tech devices for the rehabilitation of persons with SN. The second important distinctive feature of the "umbrella" format of the master's training is the joint project activities of students of the three fields during internships and research work in the semester. To form competencies related to the interaction of specialists from different fields with each other, at the first stages of training the creation of project teams is planned. Teams will include master students from different fields of the program to solve complex problems related to the creation of innovative products for the implementation of rehabilitation and support technologies for persons with SN. Students will jointly have to suggest an idea for such a project, justify its effectiveness for rehabilitation and develop a technology for its implementation. The implementation of the described format for training masters in the field of engineering of rehabilitation and auxiliary technologies has broad prospects. This sphere (production of goods and services to meet the needs of persons with SN) is one of the fastest growing sectors of the economy in Russia and in the world today; it receives support from international non-governmental foundations. The need for specialists of this profile is constantly growing. At the same time, the proposed format for the implementation of training in the master's program is unique; accessible sources contain information about the implementation of similar programs in other universities.

REFERENCES

1. Chipchase, L, Williams, M. & Robertson, V.J. (2007) Electrophysical agents in physiotherapy practice and education: Still a good idea after all these years? *WCTP 2007*. 93.
2. Popov, S.N. (ed.) (2013) *Fizicheskaya reabilitatsiya* [Physical rehabilitation]. Moscow: Academia.
3. Makarova, M.R. et al. (2013) Sovremennye aspekty apparatnykh metodov reabilitatsii nevrologicheskikh bol'nykh [Modern aspects of instrumentation methods of rehabilitation of neurological patients]. *Akademicheskiy zhurnal Zapadnoy Sibiri*. 9:3 (46). pp. 60–61.
4. Masiero, S., Celia, A., Rosati, G. & Armani, M. (2007) Robotic-assisted rehabilitation of the upper limb after acute stroke. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. 88 (2). pp. 142–149. DOI: 10.1016/j.apmr.2006.10.032
5. GIDMED.COM. (n.d.) *Vosstanovlenie podvizhnosti konechnostey pri pomoshchi robotizirovannoy mekhanoterapii* [Restoration of limb mobility with the help of robotic mechanotherapy]. [Online] Available from: http://gidmed.com/novosti/robotizirovannajamehanoterapija.html. (Accessed: 25.04.2017).

6. Guiraud, D. et al. (2006) An implantable neuroprosthesis for standing and walking in paraplegia: 5-year patient follow-up. *Journal of Neural Engineering*. 3 (4). pp. 268–275. DOI: 10.1088/1741-2560/3/4/003
7. Nurmanova, Sh.A. (2013) Robotizirovannaya mekhanizirovannaya neyroreabilitatsiya [Robotic mechanized neurorehabilitation]. *Neyrokhirurgiya i nevrologiya Kazakhstana – Neurosurgery and Neurology of Kazakhstan*. 1 (30). pp. 3–6.
8. Martínez-Alcalá, C.I., Muñoz, M. & Monguet-Fierro, J. (2013) Design and Customization of Telemedicine Systems. *Comput Math Methods Med*. 2013. DOI: 10.1155/2013/618025
9. Park, H.S., Wu, Y.N., Ren, Y. & Zhang, L.Q. (2007) A tele-assessment system for evaluating elbow spasticity in patients with neurological impairments. *Proceedings of the IEEE 10th International Conference on Rehabilitation Robotics (ICORR '07)*. Noordwijk, The Netherlands. pp. 917–922.
10. Katsis, C.D., Ganiatsas, G. & Fotiadis, D.I. (2006) An integrated telemedicine platform for the assessment of affective physiological states. *Diagnostic Pathology*. 1 (Article no. 16). DOI: 10.1186/1746-1596-1-16
11. Rogove, H.J., McArthur, D., Demaerschalk, B.M. & Vespa, P.M. (2012) Barriers to telemedicine: survey of current users in acute care units. *Telemedicine and E-Health*. 18 (1). pp. 48–53. DOI: 10.1089/tmj.2011.0071

Received: 15 November 2017

УДК 378

Т.А. Строкова

О ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-013-00268 «Формирование исследовательских компетенций обучающихся в системе многоуровневого университетского психолого-педагогического образования и повышения квалификации педагогических кадров».

Обосновывается понимание исследовательской деятельности как совокупности исследовательских действий, отражающих ее предметное содержание. Раскрываются процедура отбора и полный перечень исследовательских действий, подлежащих освоению студентами в период обучения в бакалавриате. На основе результатов оценки и самооценки уровня сформированности исследовательских действий студентов старших курсов делается вывод о степени их подготовленности к организации и проведению самостоятельного исследовательского поиска.

Ключевые слова: исследовательские действия; оценка; самооценка; подготовленность к исследовательской деятельности; высшая школа.

Введение. Учитель, совмещающий преподавательскую деятельность с научно-педагогической, – довольно редкое явление современной российской школы. И причину этого не следует искать только в его чрезмерной профессиональной загруженности. Постоянно сталкиваясь с актуальными проблемами образовательной практики – затруднения в обучении, воспитании и развитии детей, сложности межличностных взаимоотношений, освоение и внедрение инноваций и т. п., – он не может их успешно разрешить из-за отсутствия необходимого опыта исследовательской деятельности. Собственный творческий рост учителя тоже невозможен без развитой способности добывать и осваивать новые знания в процессе организации и проведения научно-педагогического исследования. В соответствии с требованиями Профессионального стандарта педагога [1] он должен к тому же приобщить своих учеников к поисковой деятельности, обучить их элементарным исследовательским действиям, что предполагает владение ими самим учителем.

Факт недостаточной подготовленности большей части учителей к исследовательской деятельности однозначно признается отечественными учеными [2–8]. Результаты нашего исследования также свидетельствуют, что лишь немногие из учителей способны самостоятельно подготовить и осуществить научно-педагогический поиск и успешно совмещать профессиональную и исследовательскую деятельность [9].

Уровень владения исследовательскими действиями в основном определяется активностью и творческим потенциалом самих педагогов. Однако не последнее место в этом отводится их вузовскому образованию. Российская высшая школа всегда заботилась о развитии исследовательских способностей студентов, организуя их учебно-исследовательскую и научно-исследовательскую работу. Особенно активно это направление деятельности стало осуществляться в связи с введением многоуровневой подготовки специалистов, что потребовало, в частности, определения номенклатуры исследовательских действий, подлежащих освоению обучающимися на каждой ступени образования – бакалавриате, магистратуре и аспирантуре. И хотя пока отсутствуют универсальные, единые для каждой образовательной ступени списки исследовательских действий, уже предложены научные разработки [10,11], позволяющие создавать их индивидуальные перечни в соответствии со сферой будущей профессиональной деятельности студентов и проводить интенсивную работу по их формированию.

Для усиления исследовательской подготовленности студентов многие вузы ввели в образовательный процесс учебные дисциплины, прямо ориентированные на обогащение их исследовательского опыта, повышены требования к выпускным квалификационным работам и преподавателям, осуществляющим научное руководство их подготовкой. В этой связи представляется актуальным выявление первых результатов работы высшей школы по обновленным учебным планам и программам.

Материалы и методики исследования. С целью получения информации об уровне исследовательской подготовленности студентов бакалавриата и привлечения внимания профессорско-преподавательского состава университетов к оценке качества подготовки будущих учителей к исследовательской деятельности в Институте психологии и педагогики Тюменского государственного университета проведено исследование, в котором приняли участие 112 студентов 3-го и 4-го курсов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование», и 54 преподавателя (соответственно 30,4 и 52,3% от генеральной совокупности).

Одним из исходных теоретических положений исследования стало определение исследовательской деятельности как совокупности отражающих ее предметное содержание исследовательских действий, осуществляемых в контексте научного решения актуальных профессионально-педагогических задач.

В отличие от распространенного структурно-компонентного подхода в определении содержания исследовательской деятельности, в соответствии с которым в ней вычленяются когнитивный, мотивационный, коммуникативный, технологический, гносеологический, рефлексивный и т.п. компоненты [7, 12, 13], наш способ интерпретации предметного содержания исследовательской деятельности более адекватно реализует идеи компетентностного подхода и требования ФГОС ВО, представляя результаты подготовки будущих педагогов в категориях «знает», «умеет», «владеет», принятых современными педагогиче-

ским и научно-педагогическим сообществами. Подобный способ использован, в частности, И.А. Зимней при разработке ею номенклатуры исследовательских действий для студентов бакалавриата [10. С. 30–33].

Перечень исследовательских действий, входящих в эту совокупность, определялся путем многоэтапной процедуры отбора. Первоначальный их список составлялся на основе теоретического анализа литературных источников и систематизации разноплановых свойств, который на последующих этапах дважды оценивался экспертами – вузовскими преподавателями, научными руководителями магистрантов и аспирантов и самими студентами. На заключительном этапе список исследовательских действий окончательно редактировался с соблюдением баланса между их необходимостью и достаточностью, чтобы исключить нежелательную избыточность собираемой информации.

Определение подготовленности студентов к исследовательской деятельности осуществлялось по уровню сформированности исследовательских действий с помощью оценки и самооценки. Собранные данные затем перепроверялись и уточнялись посредством наблюдений, индивидуальных и групповых бесед методом случайной выборки. Использовалась 5-мерная оценочная шкала в соответствии с условно принятыми уровнями:

– высоким – 5 баллов (исследовательское действие проявляется чётко и устойчиво);

– выше среднего – 4 балла (исследовательское действие проявляется достаточно чётко и устойчиво);

– средним – 3 балла (исследовательское действие проявляется в зависимости от ситуации);

– ниже среднего – 2 балла (исследовательское действие проявляется нечётко и редко);

– низким – 1 балл (исследовательское действие не проявляется).

Результаты исследования и обсуждение. В целом 3-курсники оценили уровень сформированности у них исследовательских действий как средний – 3,5 балла (далее – б). Минимальная оценка исследовательских действий составила 3 б, максимальная – 3,7 б. Судя по оценкам, студенты испытывают определенные затруднения лишь в «формулировании гипотезы» (3 б), «знании понятийно-терминологического аппарата педагогического исследования», «знании содержания и принципов планирования и осуществления педагогического исследования» и «знании методов научного и научно-практического педагогического поиска» (по 3,3 б) (табл. 1).

Таблица 1

Самооценка студентами уровня сформированности у них исследовательских действий

Перечень исследовательских действий	3-й курс	4-й курс	Среднее
1. Наличие интереса к исследовательской деятельности	3,4	3,8	3,6
2. Знание понятийно-терминологического аппарата педагогического исследования	3,3	3,7	3,5
3. Знание логической структуры и творческого ядра исследования	3,7	3,8	3,75
4. Знание содержания и принципов планирования и осуществления педагогического исследования	3,3	3,7	3,5
5. Знание методов научного и научно-практического педагогического поиска	3,3	3,8	3,55
6. Умение ориентироваться в актуальных проблемах образовательной практики	3,5	3,9	3,7
7. Умение находить, выбирать и работать с теоретическими и эмпирическими источниками	3,6	3,8	3,7
8. Владение практическими исследовательскими действиями:			
– формулировать тему, цель и задачи исследования	3,6	3,8	3,7
– формулировать гипотезу	3,0	3,4	3,2
– составлять списки литературы	3,6	3,8	3,7
– систематизировать собранные материалы	3,7	3,9	3,8
– проводить обзорный анализ изученных источников	3,5	3,8	3,65
– излагать собственные оценки и суждения	3,5	3,7	3,6
9. Наличие опыта индивидуальной и/или коллективной проектной деятельности	3,7	3,9	3,8
10. Владение простейшими педагогическими и психологическими методами диагностики	3,7	4,0	3,85
11. Умение оформлять и обосновывать результаты своего исследования	3,7	3,9	3,8
Средневзвешенный балл	3,5	3,8	3,65

Сравнение результатов самооценки и оценки уровня сформированности исследовательских действий преподавателями выявило существенное завышение студентами оценки некоторых из них: «знания логической структуры и творческого ядра исследования» – на 1,1 б, умений «систематизировать собранные материалы» и «излагать собственные оценки и суждения» – на 0,6 б, «умения формулировать тему, цель и задачи исследования» и «умения оформлять и обосновывать результаты своего исследования» – на 0,5 б, «умения формулировать гипотезу» – на 0,4 б.

Оценка 4-курсниками своей исследовательской подготовленности несколько выше, чем у студентов 3-го курса. Ее средневзвешенный балл составил 3,8. Самую низкую оценку, как и у 3-курсников, получило исследовательское действие «умение формулировать гипотезу» (3,4 б). На уровне выше среднего оценено «владение простейшими педагогическими и психологическими методами диагностики» (4 б); уровень сформированности еще трех исследовательских действий оценен по 3,9 б: «умения ориентироваться в актуальных проблемах образовательной практики», «умения систематизировать собранные материалы» и «умения оформлять и обосновывать результаты своего исследования». Завышение самооценки, по сравнению с оценкой, отмечено относительно уровня сформированности «умения ориентироваться в актуальных проблемах образовательной практики» (на 0,5 б), «умения формулировать гипотезу» (на 0,4 б), «умения формулировать тему, цель и задачи исследования» (на 0,3 б) и «знания логической структуры и творческого ядра исследования» (на 0,2 б).

Оценка преподавателями подготовленности к исследовательской деятельности студентов 3-го курса в целом ниже их самооценки (на 0,3 б) (табл. 2). Самую низкую оценку получил уровень сформированности у студентов: «знания студентами логической структуры и творческого ядра исследования» (2,6 б), «умения формулировать гипотезу» (2,7 б), «умения излагать собственные оценки и суждения» (2,9 б), «знания понятийно-терминологического аппарата педагогического исследования» (3 б), умений «ориентироваться в актуальных проблемах образовательной практики», «формулировать тему, цель и задачи исследования» и «систематизировать собранные материалы» (по 3,1 б). Оценка уровня сформированности остальных исследовательских действий не превысила 3,4 б. Несколько выше остальных оценены «умение находить, выбирать и работать с теоретическими и эмпирическими источниками» (3,7 б) и «владение простейшими педагогическими и психологическими методами диагностики» (3,5 б).

Таблица 2

Оценка преподавателями уровня сформированности у студентов исследовательских действий

Перечень исследовательских действий	3 курс	4 курс	Среднее
1. Наличие интереса к исследовательской деятельности	3,1	3,3	3,2
2. Знание понятийно-терминологического аппарата педагогического исследования	3	3,8	3,4
3. Знание логической структуры и творческого ядра исследования	2,6	3,6	3,1
4. Знание содержания и принципов планирования и осуществления педагогического исследования	3,4	3,6	3,5
5. Знание методов научного и научно-практического педагогического поиска	3,3	3,7	3,5
6. Умение ориентироваться в актуальных проблемах образовательной практики	3,1	3,4	3,25
7. Умение находить, выбирать и работать с теоретическими и эмпирическими источниками	3,7	4,3	4
8. Владение практическими исследовательскими действиями:			
– формулировать тему, цель и задачи исследования	3,1	3,5	3,3
– формулировать гипотезу	2,7	3	2,85
– составлять списки литературы	3,4	4,1	3,75
– систематизировать собранные материалы	3,1	3,9	3,5
– проводить обзорный анализ изученных источников	3,4	4	3,7
– излагать собственные оценки и суждения	2,9	3,5	3,2
9. Наличие опыта индивидуальной и/или коллективной проектной деятельности	3,3	4	3,65
10. Владение простейшими педагогическими и психологическими методами диагностики	3,5	4,2	3,85
11. Умение оформлять и обосновывать результаты своего исследования	3,2	3,9	3,55
Средневзвешенный балл	3,2	3,7	3,45

Преподаватели считают, что степень подготовленности 4-курсников к исследовательской деятельности тоже не велика, в среднем – 3,7 б. И хотя по сравнению с 3-курсниками у них отмечается незначительное повышение уровня сформированности некоторых исследовательских действий, прежде всего «умения находить, выбирать и работать с теоретическими и эмпирическими источниками» (4,3 б), «владения простейшими педагогическими и психологическими методами диагностики» (4,2 б) и «умения проводить обзорный анализ изученных источников» (4 б), выпускники бакалавриата, очевидно, покинут свой вуз с недостаточным уровнем сформированности таких важных исследовательских действий, как умения «формулировать гипотезу» (3 б), «ориентироваться в актуальных проблемах образовательной практики» (3,4 б), «формулировать тему, цель и задачи исследования» и «излагать собственные оценки и суждения» (по 3,5 б).

Заключение. Таким образом, и преподаватели, и сами студенты констатируют недостаточную их подготовленность к исследовательской деятельности. Как следует из результатов оценки и самооценки, студентам нехватает методологических знаний, умения организовывать и проводить научно-педагогическое исследование, свободного владения практическими исследовательскими действиями. Обращает на себя внимание и недостаточная их заинтересованность в исследовательской деятельности. Наличие у себя интереса к исследовательской деятельности 3-курсники оценили всего в 3,4 б, а 4-курсники – в 3,8 б (в среднем 3,6 б). Преподаватели дали еще более низкую оценку: 3,1 б и 3,3 б соответственно (в среднем 3,3 б).

Предпринятые вузами меры пока явно недостаточны. Нужна более интенсивная методологическая подготовка студентов, усиленная работа по формированию у них ценностно-смыслового отношения к исследовательской деятельности, их нацеленная ориентация на совмещение в будущей профессиональной педагогической деятельности ее предметного и исследовательского аспектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Профессиональный стандарт педагога // Вестник образования. 2013. № 8. С. 4–43.
2. Загвязинский В.И. Исследовательская деятельность педагога. М. : Академия, 2010. 176 с.
3. Белякова Е.Г. Проблемы моделирования практико-ориентированной исследовательской деятельности студентов – будущих педагогов в пространстве университетского образования // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные иследования. Humanitates. 2015. Т. 1, № 2 (2). С. 170–180.
4. Зданович О.В. О структуре и содержании исследовательской компетенции студентов – будущих педагогов // Вестник ТомГПУ. 2012. № 11. С. 76–79.
5. Кузнецова И.Е. Проблема формирования навыков научно-исследовательской деятельности студентов вузов // Вестник Югорского университета. 2006. № 5. С. 74–78.
6. Лекомцева Е.Н. Научно-исследовательские компетенции бакалавра // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3. С. 92–96.
7. Лукашенко С.Н. Развитие исследовательской компетентности студентов вуза в условиях многоуровневой подготовки специалистов // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 2. С. 100–104.

8. Ракитина О.В. Психолого-педагогические условия формирования научно-исследовательских компетенций. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 212.
9. Строкова Т.А. Нужен ли современной школе учитель-исследователь? // Образование и наука. 2016. № 7. С. 11–25.
10. Зимняя И.А. Исследовательская деятельность студентов в вузе как объект проектирования в компетентностно-ориентированной ООП ВПО. Для программы повышения квалификации преподавателей вузов в области проектирования ООП, реализующих ФГОС ВПО. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. 40 с.
11. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования «Уровень высшего образования Бакалавриат. Направление подготовки 44.03.01 Педагогические науки» (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 4 декабря 2015 г. № 1426).
12. Ставринова Н.Н. Формирование и оценка готовности будущего педагога к исследовательской деятельности // Омский научный вестник. 2009. № 5(81). С. 138–142.
13. Шкерина Т.А. Критерии и уровни сформированности исследовательской компетенции бакалавров – будущих педагогов-психологов // Вестник Красноярского ГПУ им. В.П. Астафьева. 2011. Вып 1. С. 122–126.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 17 января 2018 г.

STUDENTS' READINESS FOR RESEARCH ACTIVITIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 234–237.
DOI: 10.17223/15617793/426/29

Tamara A. Strokova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: strokovata@mail.ru

Keywords: researcher steps; assessment; self-assessment; readiness to research activities; high school.

Well-developed research skills are an important indicator of a specialist's training quality in any field. It is particularly important for teachers who deal with problem solving on a daily basis, and whose professional success relies on that. This research aims to investigate the degree to which students (future teachers) are prepared for research activities. The starting provision for developing the methodology of the work is the understanding of research activities as a set of actions reflecting their subject content and carried out in the context of an academic solution of urgent professional pedagogical issues. The list of research activities is based on a multistage selection procedure using the method of expert assessment. Experts include university professors (under- and postgraduate students' advisers) and third- and fourth-year undergraduate students studying teacher training at the Institute of Psychology and Pedagogical Sciences of the University of Tyumen. The degree of students' preparedness for research activities is determined by their research skills level. Regardless of the significant overvaluation (compared to the professors' assessment), the third-year students do not rate their own research skills highly, they do not consider themselves sufficiently ready to conduct research. The greatest difficulty, in the students' perspective, is the hypothesis formulation. Besides that, they lack knowledge of terminology in pedagogical research, content and principles of planning and conducting pedagogical research, including methods of scientific and practical search. The fourth-year students assess their research skills slightly higher than the third-year students do. However, they assessed themselves to be at the intermediate level, with their weakest skill being hypothesis formulation as well. The professors share these opinions and find the students unprepared for research activities (the third-year students in particular). They rated the students' skills for hypothesis, topic, aim and tasks articulation, expressing their own opinion and assessment, as well as knowing urgent educational problems and the logical and creative bases of the study the lowest. Interestingly, the students do not express particular interest in research in general. In the conclusion, based on the professors' and students' assessment of the students' low research skills level, the author supposes that such students will have troubles with organizing and conducting a competent research work, as well as with teaching other people to do it. Higher education institutions aim to improve students' methodological training, to lead them towards the values and meanings relevant to their research activities and to focus them on combining the subject and research aspects in their professional activities.

REFERENCES

1. Vestnik obrazovaniya. (2013) Professional'nyy standart pedagoga [Professional standard of the teacher]. *Vestnik obrazovaniya*. 8. pp. 4–43.
2. Zagvyazinskiy, V.I. (2010) *Issledovatel'skaya deyatel'nost' pedagoga* [Research activities of the teacher]. Moscow: Akademiya.
3. Belyakova, E.G. (2015) The problems of modeling practice-oriented research activity of student – teachers within the dimension of university education. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye isledovaniya. Humanitates – UT Research Journal. Humanities Research. Humanities*. 1:2 (2). pp. 170–180. (In Russian).
4. Zdanovich, O.V. (2012) O strukture i soderzhanii issledovatel'skoy kompetentsii studentov – budushchikh pedagogov [On the structure and content of the research competence of students – future teachers]. *Vestnik TomGPU – TSPU Bulletin*. 11. pp. 76–79.
5. Kuznetsova, I.E. (2006) Problema formirovaniya navykov nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov vuzov [The problem of forming the skills of research activities of university students]. *Vestnik Yugorskogo universiteta*. 5. pp. 74–78.
6. Lekomtseva, E.N. (2009) Nauchno-issledovatel'skie kompetentsii bakalavra [Scientific research competence of the bachelor]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 3. pp. 92–96.
7. Lukashenko, S.N. (2011) The development of research competence of university students in condition of multilevel education. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tyumen State University*. 2. pp. 100–104. (In Russian).
8. Rakitina, O.V. (2011) *Psikhologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya nauchno-issledovatel'skikh kompetentsiy* [Psychological and pedagogical conditions for the formation of research competence]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
9. Strokova, T.A. (2016) Does modern school need a teacher-researcher? *Obrazovanie i nauka – Education and Science*. 7. pp. 11–25. (In Russian). DOI: http://dx.doi.org/10.17853/1994-5639-2016-7-11-25
10. Zimnyaya, I.A. (2010) *Issledovatel'skaya deyatel'nost' studentov v vuze kak ob"ekt proektirovaniya v kompetentnostno-orientirovannoy OOP VPO* [Research activity of students in the university as an object of designing in the competence-oriented general education program ofhigher professional education]. Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov.
11. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2015) *Federal State Educational Standard of Higher Education "The level of higher education Bachelor Degree. Direction of training 44.03.01 Pedagogical sciences"* (approved by the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of December 4, 2015 No. 1426). (In Russian).
12. Stavrinova, N.N. (2009) Formirovanie i otsenka gotovnosti budushchego pedagoga k issledovatel'skoy deyatel'nosti [Formation and assessment of the future teacher's readiness for research activities]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 5(81). pp. 138–142.
13. Shkerina, T.A. (2010) Criteria and levels of formation of research competence of bachelors – future teachers-psychologists *Vestnik Krasnoyarskogo GPU im. V.P. Astaf'eva – Bulletin of* Krasnoyarsk *State Pedagogical University*. 1. pp. 122–126. (In Russian).

Received: 17 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 238–242. DOI: 10.17223/15617793/426/30

ПРАВО

УДК 343.985.4

А.С. Князьков

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ РАССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППОЙ МНОГОЭПИЗОДНОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются проблемные вопросы организации расследования преступлений следственно-оперативной группой. Отмечается необходимость системного рассмотрения отмеченных положений с учетом ряда методологических положений, в числе которых важнейшее место занимают положения о криминалистической сложности расследования преступлений, различных видах многоэпизодной преступной деятельности, стратегических и тактико-криминалистических задачах расследования, показывающих главные направления работы следственно-оперативной группы.

Ключевые слова: многоэпизодная преступная деятельность; следственно-оперативная группа; криминалистическая сложность расследования преступлений; преодоление криминалистической сложности расследования преступлений; сложные следственные ситуации; тактико-криминалистические задачи; тактико-криминалистические решения.

Авторы публикаций, посвященных проблемам расследования сложных преступлений, включающих вопросы СС [1. С. 109–114; 2. С. 66–69], алгоритмов поисково-познавательной деятельности, тактических задач и тактических решений, тактических комбинаций и тактических операций, преодоления противодействия уголовному преследованию, «обходят молчанием» вопросы специфики расследования многоэпизодных уголовных дел силами следственно-оперативной группы [3. С. 182–189; 4. С. 84–92].

В исследованиях, предметом которых выступают проблемы программирования расследования тех или иных преступлений, также отсутствует тезис о необходимости выделения специфического содержания программирования поисково-познавательной деятельности, выполняемой следственно-оперативной группой как единым организационным элементом правоохранительной деятельности [5. С. 155–172; 6. С. 297–302]. Даже в научных работах, посвященных проблемам расследования транснациональных преступлений, заведомо представляющих конгломерат преступных актов, множество причастных к их совершению лиц и ряд других негативных для расследования этих преступлений факторов, преимущественно нет положений, где бы анализировался широкий круг вопросов деятельности следственно-оперативных групп, создание которых выступает предпосылкой успешности осуществления досудебного производства. Для примера приведем одну из таких работ, в которой автор, рассуждая о психологической составляющей транснациональной следственной ситуации, называет такое обстоятельство, как взаимоотношение между представителями правоохранительных органов разных государств, но ничего не говорит о взаимоотношениях, которые бы указывали на то, что видит необходимым условием расследования названных преступлений создание следственно-оперативной группы, состоящей из российских следователей и иных должностных лиц, прежде всего сотрудников органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность [7. С. 27–32]. Лишь в отдельных публикациях криминалистическая сложность расследования транснациональной преступной деятельности определенного характера увязывается с необходимостью создания для целей уголовно-правового противодействия международной преступности такой организационно-управленческой формы, как следственно-оперативная группа [8. С. 89].

С учетом сказанного представляется необходимым высказать мнение об некоторых тесно связанных методологических положениях, которые должны быть положены в основу развернутого рассмотрения проблем расследования многоэпизодных уголовных дел силами следственно-оперативной группы.

Прежде всего заметим, что в методологическом плане, учитываемом при создании частных криминалистических методик, ставящих целью познание закономерностей расследования многоэпизодной преступной деятельности, необходимо различать многоэпизодность преступной деятельности, осуществляемой одним лицом, и многоэпизодность преступной деятельности, осуществляемой группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, а также преступным сообществом. Очевидно, что в таком случае все типичные следственные ситуации, тактико-криминалистические задачи и тактико-криминалистические решения в рамках досудебного производства могут быть изначально разделены на две группы.

В первой из них будут находиться ситуации, задачи и решения, опосредующие работу по многочисленным преступным актам, совершенным одним лицом. Разумеется, в начале уголовного судопроизводства на этапе криминалистической деятельности, часто называемом этапом проверки сообщения о преступлении, будут равнозначными частные следственные версии, касающиеся такого обстоятельства, как число лиц, причастных к совершению деяний, имеющих признаки составов умышленных преступлений. Однако сам факт выявления нескольких деяний, объединенных теми или иными признаками, указывающими на их связь с одним или несколькими причастными к названным деяниям лицами, должен незамедлительно ставить вопрос о создании следственно-оперативной группы.

Ко второй группе необходимо отнести следственные ситуации, тактико-криминалистические задачи и тактико-криминалистические решения, обусловлен-

ные необходимостью эффективной организации расследования многоэпизодной преступной деятельности, совершенной несколькими лицами в перечисленных выше трех формах соучастия. В этом случае перед исследователем должна стоять задача показа специфического содержания ситуаций, задач и решений, которые будут определять выбор тактико-криминалистических средств операционального характера и в конечном счете – тактические и стратегические задачи предварительного расследования. В организационном плане, учитывая необходимость создания следственно-оперативной группы и в том и другом случаях, имеется общая организационная черта, касающаяся начала работы по делу отдельно следователя и отдельно – сотрудников органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. На эту организационной черту указывают некоторые авторы, подчеркивая, что «первоначальное составление плана расследования… нескольких преступлений сводится лишь к описанию следственных ситуаций, к изложению перечня следственных действий и ОРМ без предварительного согласованного плана и определения участников в таких мероприятиях» [9. С. 434].

Важными с методологической точки зрения являются положения предложенной В.Д. Зеленским концепции криминалистической сложности расследования как характеристики его процесса, отражающего реально необходимые силу, средства, объем и интенсивность их применения [10. С. 9]. Теоретическая и практическая значимость названных положений состоит в требовании к разработчикам криминалистических рекомендаций и соответствующим сотрудникам правоохранительных органов в первую очередь акцентировать внимание на те обстоятельства расследования, в которых выражается организационная его сложность: специфичность познания в расследовании, дефицит информации и времени, многообразие методов расследования, специфичность организации расследования [Там же. С. 69]. Применительно к организации расследования многоактной преступной деятельности главным, определяющим признаком особой криминалистической сложности предварительного расследования, требующего создание следственно-оперативной (или следственной) группы, как раз и выступает многоэпизодность уголовного дела. Именно это обстоятельство получает свое полное выражение в таких названных В.Д. Зеленским обстоятельствах, как дефицит информации и времени для принятия оптимальных криминалистических решений, необходимость тщательного выбора методов расследования применительно к каждому из преступных деяний, специфичность познания, требующего познания каждого из преступлений в отдельности и всей совокупности преступных деяний в их взаимосвязи с друг с другом и т.д.

В целом многоэпизодность преступной деятельности обусловливает тактику и стратегию соответствующего предварительного расследования. Как справедливо указывают отдельные авторы, существенные трудности организационно-управленческого и тактического характера ведут к возникновению сложных следственных ситуаций, которые для определенной категории уголовных дел, например, преступлений против жизни и здоровья, возникают примерно в 90% случаев [11. С. 659].

Наконец, особым методологическим началом конструирования криминалистических методик, посвященных вопросам расследования следственно-опера-тивной группой рассматриваемых преступных деяний, должно является, на наш взгляд, положение о тактико-криминалистических задачах. Его теоретическая и практическая ценность обусловлена тем, что оно характеризует тактику производства следственных действий, называемую нередко, в сравнении с правоохранительной деятельностью по уголовному делу в целом, тактикой предварительного расследования. Учитывая исключительную важность доказательственной деятельности по любому акту расследования, тактика производства следственных действий, в том числе включенных в тактико-криминалистическую комбинацию и тактико-криминалистическую операцию [12. С. 42–43], показывает главное направление деятельности следственно-опера-тивной группы, а именно получение доказательств. При всей важности оперативно-розыскной деятельности в условиях преодоления криминалистической сложности расследования преступления задействование результатов оперативно-розыскных мероприятий осуществляется посредством уголовно-процес-суальной формы, в том числе путем использования этих результатов в ходе производства следственных действий [13. С. 76].

Представляется возможным, исследовав имеющиеся подходы к пониманию тактико-криминалистической задачи, предложить следующее ее определение: под тактико-криминалистической задачей необходимо понимать проблему оптимизации следственной ситуации, представленную субъектом досудебного производства в виде конкретного результата подготовки и производства следственного действия, а также фиксации его хода и результатов, требующую применения соответствующих операциональных тактико-криминалистических средств.

В литературе существуют различные подходы к классификации тактических задач, что неудивительно, поскольку это тактико-криминалистическое средство опосредует расследование в самых разнообразнейших следственных ситуациях самых различных преступлений, совершенных самими различными субъектами. Учитывая тесную связь следственных ситуаций с тактико-криминалистическими задачами, необходимо различать общие и частные тактические задачи. Если задачи первого вида заключаются в получении доказательственной информации, касающейся преступного события и причастного к его совершению лица, то решение задач второго вида (частных задач) призвано обеспечить решение первых – общих тактико-криминалистических задач.

В свою очередь, общие тактико-криминалистические задачи могут быть подразделены на задачу исследования преступного события и задачу исследования личности преступника: применительно к каждой из названных задач в дальнейшем возможно детальное структурирование. Точно так же могут быть классифицированы и частные (обеспечительные) тактико-криминалистические задачи: результатом классифицирования, в зависимости от характера проблемы, требующей своего решения в ходе работы по

делу, являются выделение познавательно-обеспечительных и организационно-обеспечительных тактических задач [14. С. 30–31]. В контексте предмета настоящей статьи сущность организационно-обеспечительных тактических задач проявляется в создании необходимых организационных условий для эффективной деятельности следователя и взаимодействующих с ним лиц, прежде всего оперативных сотрудников, при этом значимость названных задач существенно возрастает при задействовании такой формы взаимодействия, как следственно-оперативная группа.

Раскрывая методологическое значение положений тактико-криминалистической задачи для целей концептуализации деятельности следственно-оператив-ной группы, в том числе при расследовании определенного множества преступных актов, необходимо подчеркнуть специфическое место, которое занимает тактическая задача в системе тактико-криминали-стических средств. Оно предопределено тем, что тактическая задача занимает своего рода промежуточное положение между следственной ситуацией, требующей оптимизации, и тактическим решением, указывающим на необходимые для ее реализации операциональные тактические средства (тактические приемы, тактические комбинации и тактические операции). Такая тесная связь тактико-криминали-стических средств, призванных оптимизировать аналитическую деятельность субъекта досудебного производства, позволяет исследовать каждый из названных элементов в контексте его взаимосвязи с двумя другими элементами [15. С. 19–20].

В определенной мере такая точка зрения разделяется многими учеными. Так, авторы, рассматривающие проблемы точного определения характера допускаемых следователем ошибок в ходе производства по делу, акцентируют внимание на необходимость задействования для названной исследовательской цели системного подхода: результатом его применения является система «следственная ситуация – задачи расследования – решения – ошибки» [16. С. 38].

По-своему конкретизируют содержание указанных выше систем авторы, разрабатывающие частное криминалистическое учение о криминалистической операции, рассматривая частным случаем решения, предопределенного следственной ситуацией и опосредованного тактико-криминалистической задачей, решение о проведении криминалистической операции [17. С. 50–61].

Главным требованием выбора и применения тактико-криминалистических средств, используемых при производстве следственных действий членами следственно-оперативной группы, в том числе следственными действиями, включенными в тактическую операцию, должно быть требование о накоплении тактического потенциала, который будет использован в процессе дальнейшего расследования. Причем возможно говорить о накоплении как тактического потенциала следственной деятельности, так и тактического потенциала оперативно-розыскной деятельности. На наш взгляд, существуют следующие варианты накопления тактического потенциала:

а) от одного следственного действия к другому следственному действию независимо от того, кто является субъектом множества преступлений;

б) от одной тактической операции к другой, независимо от того, кто является субъектом множества преступлений;

в) от раскрытия и расследования одного преступного эпизода к раскрытию и расследованию другого преступного эпизода, совершенных одним лицом;

г) от раскрытия и расследования одного преступного эпизода к раскрытию и расследованию другого преступного эпизода, совершенных группой лиц (внутри него – от результатов производства следственных действий, прежде всего допроса, с одним участником преступного эпизода к производству следственных действий с другим участником одного преступного эпизода);

д) от одного участника многоэпизодной преступной деятельности, сотрудничающего со следствием, к другим участникам многоэпизодной преступной деятельности.

Разумеется, чем сложнее совокупность расследуемых преступлений, тем большая степень тактического риска, к которому прибегают участники следственно-оперативной группы, тем меньше возможности его преодоления. Необходимо учитывать, что с тактико-криминалистическим риском тесно связана тактико-криминалистическая ошибка, которая нередко определяется как ситуационно обусловленное упущение следователя либо выбор им неоптимального варианта реагирования на возникшую ситуацию под воздействием объективных либо субъективных факторов, влекущее за собой недостижение оптимального результата или утрату потенциальных возможностей в ходе предварительного расследования [11. С. 660]. Необходимо сказать, что полностью преодолеть тактический риск, тем более при расследовании многоэпизодных уголовных дел, не представляется возможным в силу самого феномена рисковости, и точнее будет вести речь об уменьшении возможности осложнения общей и частных следственных ситуаций в результате неточного принятия тактико-криминалистического решения.

Одним из средств уменьшения тактического риска при расследовании многоэпизодной преступной деятельности выступает тактико-криминалистическая операция. С позиции частного криминалистического учения тактико-криминалистическая операция справедливо рассматривается не только как специфическая форма взаимодействия между следователем и иными субъектами, прежде всего следователем и сотрудниками органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, но и как «…обусловленный ситуациями расследования криминалистический метод познания в практической деятельности субъекта доказывания…» [18. С. 203].

Исследуя проблемы организации деятельности следственно-оперативной группы в ситуации расследования множества совершенных одним и тем же субъектом (одними и теми же субъектами) уголовных дел, нельзя не попытаться сравнить ее с организацией деятельности следственной группы. Анализ позволяет назвать как сходства, так и отличия, причем наиболее ярко отличия проявляются в уголовно-процессуальном смысле. О такой организационной форме, как след-

ственная группа, говорит УПК РФ: в ст. 163 данного кодекса содержится широкий круг требований, касающихся создания и деятельности следственной группы. В отличие от нее, создание следственно-оперативной группы регламентируется нормативно-правовыми актами меньшей юридической силы – приказами отдельных федеральных органов исполнительной власти, в частности Министерством внутренних дел РФ.

Представляется возможным говорить о том, что с позиции криминалистической деятельности, получающей свое выражение в вопросах взаимодействия между следователями и сотрудниками органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, таких отличий гораздо меньше. Это обусловливается закономерностями поисково-познавательной деятельности в досудебном производстве, осуществляемой во взаимосвязи процессуальных и непроцессуальных форм. Достаточно посмотреть на законодательно существующую возможность привлечения к работе следственной группы сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Попутно заметим, что положение о том, что к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, не позволяет однозначно ответить на вопрос, издается ли при этом приказ органа дознания о соответствующем направлении конкретных должностных лиц этого органа и в какой форме должен реагировать на данный приказ руководитель следственного органа, формирующий следственную группу. Не дают ответа на этот вопрос и методические рекомендации по отдельным вопросам организации деятельности следственных групп. Так, в одной из методических рекомендаций Генеральной прокуратуры Российской Федерации, изданной в 2002 г. и касающейся работы следственных групп по преступлениям против личности, повторяется соответствующее положение, содержащееся в ст. 163 УПК РФ: например, нельзя узнать, может или нет изменяться количество привлеченных к работе следственной группы оперативных сотрудников, а если может – то каков в таком случае должен быть порядок. Другими словами, несмотря на подзаконный характер создания постоянно действующих следственно-оперативных групп, регламентация их деятельности, прежде всего с позиции криминалистического учения об организации расследования, ничем не уступает регламентации деятельности следственных групп, а в некоторых случаях – является более предпочтительной, поскольку чаще всего касается должностных лиц одного и того же ведомства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонович С.Л. Типичные следственные ситуации и организация расследования преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1 (28). С. 109–114.
2. Марутин А.Г. Следственные ситуации первоначального этапа расследования террористического акта // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 1-2 (24). С. 66–69.
3. Алымов Д.В. Теоретические и практические аспекты использования тактико-криминалистических алгоритмов в расследовании преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 2 (31). С. 182–189.
4. Лакомская М.Ю. Тактические операции и следственные версии как средства преодоления проблемной ситуации расследования // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 84–92.
5. Шаталов А.С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 155–172.
6. Шайхетдинов Р.Ф. Следственные ситуации и программы расследования применительно к каждой из них // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2014. № 6 (6). С. 297–302.
7. Хижняк Д.С. Транснациональная криминалистическая (следственная) ситуация: понятие и сущность // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 3 (31). С. 27–32.
8. Давыдов В.О. О классификации следственных ситуаций транснациональной преступной деятельности экстремистского характера // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-2. С. 86–92.
9. Бастрыгин А.С. Ситуационный подход как определяющий фактор организационных аспектов планирования расследования следственно-оперативной группой многоэпизодных, сложных групповых преступлений // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного университета. 2017. № 126. С. 434–470.
10. Зеленский В.Д. Криминалистические проблемы организации расследования преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 1991. 42 с.
11. Меретуков Г.М., Лунина Е.С. Сущность, природа и виды следственных ошибок, возникающих на основе следственных ситуаций на досудебном производстве // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 96 (02). С. 653–665.
12. Комаров И.М. Проблемы теории и практики криминалистических операций в досудебном производстве : автореф. дис … д-ра юрид. наук. Барнаул, 2003. 58 с.
13. Варданян А.В. Учение о следственной ситуации как методологическая основа для формирования следственных ситуаций, типичных для первоначального этапа расследования преступлений в сфере земельных правоотношений // Философия права. 2013. № 6 (61). С. 75–79.
14. Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2014. 50 с.
15. Князьков А.С. Тактическая задача как элемент поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 2. С. 12–31.
16. Головин А.Ю. Современные дефиниции ошибок в выборе стратегии и тактики расследования преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. С. 38–46.
17. Комаров И.М. Криминалистические операции и следственные ситуации в системе криминалистической характеристики расследования преступлений // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2014. № 4. С. 50–61.
18. Комаров И.М. Проблемы теории и практики криминалистических операций в досудебном производстве : дис. …д-ра юрид. наук. Барнаул, 2003. 437 с.

Статья представлена нучной редакцией «Право» 28 декабря 2017 г.

TACTICAL AND FORENSIC PROBLEMS OF INVESTIGATION OF MULTI-INCIDENT CRIMINAL ACTIVITIES BY A CRIME SCENE INVESTIGATION GROUP

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 238–242.

DOI: 10.17223/15617793/426/30
Aleksey S. Knyazkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ask011050@yandex.ru
Keywords: multi-incident criminal activities; crime scene investigation group; forensic complexity of crime investigation; overcoming the forensic complexity of crime investigation; complex investigative situations; tactical and forensic tasks; tactical and forensic solutions.

The subject of this article is the problem of investigation of multi-incident criminal cases which are complex in a forensic way. The relevance of this problem, which is expressed in the aims of this article, is determined by the necessity to search for effective forms and methods of organizing investigation of crimes which are multi-incident criminal acts, and by the unsatisfactory condition of some elaborated statements. These statements include questions of investigative situations that emerge when investigating multi-incident crimes by crime scene investigation groups, procedures and programming of search and cognitive activities they use, and others. Within this framework it is necessary to talk about some associated methodological statements the evolved consideration of investigation problems of so-called multi-incident criminal cases by a crime scene investigation group must be based on. In particular, these statements determine the use of the methods of analysis and synthesis, modeling and system approach. Primarily, it is necessary to distinguish multi-incidence of criminal activity carried out by one person and multi-incidence of criminal activity carried out by a group of persons in collusion, an organized group or a criminal community. This difference is revealed in the dissimilarity of typical investigative situations, tactical and forensic problems and solutions. Another methodological principle is a statement on the forensic complexity of investigation which predetermines the necessity of creating a crime investigation group and its activities on the whole. Finally, a methodological statement for the solution of the mentioned problem is a statement on tactical and forensic problems which, in the context of strategic aims of investigation, show the main directions of a crime scene investigation group's activity. The classification of tactical and forensic problems given in this work allows to structure the organization of investigation of multi-incident criminal activities, to consider the importance of setting objectives and solving enforcement tactical fornsic problems. In the tactical context, planning and carrying out the activities of a crime scene investigation group must consider the necessity of a constant and gradual concentration of tactical potential used during investigative actions and search activities. In this article the author gives variants of directions of activities of a crime scene investigation group in order to increase tactical potential depending on the number of persons committing a crime. Besides, the author considers the question of tactical and forensic tools of investigation and compares activities of an investigative group and a crime scene investigation group based on criminalistics.

REFERENCES

1. Nikonovich, S.L. (2014) Tipichnye sledstvennye situatsii i organizatsiya rassledovaniya prestupleniy v sfere oborota dragotsennykh metallov i dragotsennykh kamney [Typical investigative situations and organization of investigation of crimes in the sphere of turnover of precious metals and precious stones]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 1 (28). pp. 109–114.
2. Marutin, A.G. (2013) Sledstvennye situatsii pervonachal'nogo etapa rassledovaniya terroristicheskogo akta [Investigative situations of the initial stage of the investigation of the terrorist act]. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1-2 (24). pp. 66–69.
3. Alymov, D.V. (2017) Teoreticheskie i prakticheskie aspekty ispol'zovaniya taktiko-kriminalisticheskikh algoritmov v rassledovanii prestupleniy [Theoretical and practical aspects of the use of tactical and forensic algorithms in the investigation of crimes]. *Biblioteka kriminalista.* 2 (31). pp. 182–189.
4. Lakomskaya, M.Yu. (2017) Tactical operations and investigate versions as means of overcoming the problem situation of investigation. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti.* 3. pp. 84–92. (In Russian).
5. Shatalov, A.S. (2017) Algorithmization and Programming of Investigation in the Criminalistics Methodology. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki.* 2. pp. 155–172. (In Russian). DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.155.172
6. Shaykhetdinov, R.F. (2014) Sledstvennye situatsii i programmy rassledovaniya primenitel'no k kazhdoy iz nikh [Investigative situations and investigation programs for each of them]. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya.* 6 (6). pp. 297–302.
7. Khizhnyak, D.S. (2014) Transnatsional'naya kriminalisticheskaya (sledstvennaya) situatsiya: ponyatie i sushchnost' [Transnational forensic (investigative) situation: the concept and essence]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*. 3 (31). pp. 27–32.
8. Davydov, V.O. (2016) About classification of investigative situations investigations of transnational criminal activity of extremist character. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya TulGU. Economic and legal sciences*. 2-2. pp. 86–92. (In Russian).
9. Bastrygin, A.S. (2017) Situational approach as a major factor of the organizational aspects of investigation planning by an investigative team in cases of multi episode complex collective crimes. *Politematicheskiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Journal of KubSAU*. 126. pp. 434–470. (In Russian).
10. Zelenskiy, V.D. (1991) *Kriminalisticheskie problemy organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Forensic problems of organization of investigation of crimes]. Abstract of Law Dr. Diss. Krasnodar.
11. Meretukov, G.M. & Lunina, E.S. (2014) The essence, the nature and types of errors in investigations arising on the basis of investigation of the situation at a pre-trial process. *Politematicheskiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Scientific Journal of KubSAU*. 96 (02). pp. 653–665. (In Russian).
12. Komarov, I.M. (2003) *Problemy teorii i praktiki kriminalisticheskikh operatsiy v dosudebnom proizvodstve* [Problems of theory and practice of criminalistic operations in pre-trial proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Barnaul.
13. Vardanyan, A.V. (2013) Doctrine of the investigative situation as a methodological basis for the investigative situations formation typical for the initial stage of investigation of crimes in the land relations sphere. *Filosofiya prava – Philosophy of Law.* 6 (61). pp. 75–79. (In Russian).
14. Knyaz'kov, A.S. (2014) *Taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Tactical and forensic means of pre-trial proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
15. Knyaz'kov, A.S. (2011) Tactical problem as an element of the searching cognitive activity of subjects in proof in criminal cases. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2. pp. 12–31. (In Russian).
16. Golovin, A.Yu. (2015) Sovremennye definitsii oshibok v vybore strategii i taktiki rassledovaniya prestupleniy [Modern definitions of errors in the choice of strategy and tactics of investigating crimes]. In: *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* [Forensic science: yesterday, today, tomorrow]. Is. 7. Irkutsk: East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 38–46.
17. Komarov, I.M. (2014) Kriminalisticheskie operatsii i sledstvennye situatsii v sisteme kriminalisticheskoy kharakteristiki rassledovaniya prestupleniy [Forensic operations and investigative situations in the system of forensic characteristics of investigation of crimes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo*. 4. pp. 50–61.
18. Komarov, I.M. (2003) *Problemy teorii i praktiki kriminalisticheskikh operatsiy v dosudebnom proizvodstve* [Problems of theory and practice of criminalistic operations in pre-trial proceedings]. Law Dr. Diss. Barnaul.

Received: 28 December 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 243–249. DOI: 10.17223/15617793/426/31

УДК 342.5

М.Б. Колотков

ПРОСМОТР ЧАСТНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И РОЛЬ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРОМ

Исследуется процесс осуществления перлюстрации в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Предпринята попытка поиска правовой основы регулирования перлюстрационного дела, изучены процедурные вопросы осуществления такой деятельности. Исследован механизм организационного оформления перлюстрационного дела, особое внимание уделено роли перлюстрации в предотвращении совершения терактов и раскрытии уже совершенных преступлений в Российской империи.

Ключевые слова: перлюстрация; террор; цензура; почтовая корреспонденция; шифрование писем.

Во второй половине XIX в. в Российской империи нашли свое организационно-правовое оформление новые виды оперативно-розыскных мероприятий, используемые органами полиции в борьбе с террором. К ним относились негласные методы работы, а именно наружное наблюдение, использование внутренней агентуры и перлюстрация корреспонденции. Ввиду недостаточного внимания со стороны ученых-юристов к изучению процедуры осуществления перлюстрационной деятельности следует направить исследовательский взгляд именно на эту проблематику.

Согласно большому юридическому словарю под редакцией А.Я. Сухарева и В.Е. Крутских, под перлюстрацией (от лат. *perlustro* – обозреваю) понимается тайное вскрытие и просмотр государственными или иными органами пересылаемой по почте корреспонденции с целью цензуры или надзора [1. С. 427]. Как правило, основными целями перлюстрации являлись определение политических настроений в обществе, а также заблаговременное предупреждение совершения преступлений, прежде всего, политического характера.

Перлюстрация как метод розыскной деятельности применялась в различных объемах российской самодержавной властью довольно давно: документальные материалы свидетельствуют о фактах вскрытия частной корреспонденции еще в середине XVIII в. [2, 3]. Во второй половине XIX в. развитие революционного движения, появление и последующее укрепление террористической идеологии в Российской империи способствовали систематизации этой деятельности и переходу перлюстрационной работы на качественно новый уровень.

Уже при первой попытке поиска нормативных правовых актов, регулировавших процесс осуществления перлюстрации в Российской империи во второй половине XIX в., исследователь сталкивается с серьезной проблемой: такие акты либо отсутствуют, либо носят факультативный характер. Подобная ситуация вызвана, прежде всего, тем, что в рассматриваемый период процедура перлюстрации не только не регламентировалась российским законодательством, но и фактически находилась вне закона. Во-первых, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и последующие его редакции устанавливали достаточно серьезные карательные санкции за нарушение почтового Устава. Комплекс содержащихся в Уложении юридических норм по вопросам обращения с частной корреспонденцией при всей своей незначительности по объему в содержательном плане был вполне исчерпывающим. Так, ст. 1102 Уложения предусматривала в случаях, «если почтовый чиновник или почтальон или иной служитель почты не по неосторожности, а из-за каких-либо видов согласится с кем-либо передавать ему письма, адресованные на имя другого, без дозволения сего последнего, то он за сие подвергается лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и имуществ и ссылке на жилье в одну из отдаленных губерний» [4. С. 835]. Статья 1104 устанавливала ответственность за ознакомление с частной корреспонденцией: «Почтовый чиновник или служитель, распечатавший… отданное для отправления письмо, адресованное на имя другого лица, подвергается за сие удалению от должности; буде же сие учинено им для сообщения содержания письма кому-либо другому, то он приговаривается к заключению в тюрьме на время от 4 до 8 месяцев» [4. С. 837]. Во-вторых, Российская империя являлась членом Всемирного почтового союза, который объявлял перлюстрацию почтовой корреспонденции вне закона. Тем не менее перлюстрационная деятельность в Российской империи (в условиях большой секретности) осуществлялась Министерством внутренних дел без какой-либо ведомственной регламентации: никаких инструкций, циркуляров, определений или приказов, определявших порядок проведения данного вида оперативно-розыскных мероприятий, органами внутренних дел не издавалось. Именно по этой причине многие исследователи (Ф.М. Лурье, А.И. Спиридович, З.И. Перегудова, В.С. Измозик и др.) в своих трудах обращали внимание на проблему соблюдения государством принципа законности, вызванную отсутствием общих правовых норм, регулировавших процедуру перлюстрации корреспонденции в Российской империи [5–8]. При этом следует отметить, что в первые годы существования судебных уставов перлюстрация корреспонденции в особых случаях ими допускалась, т.е. была законной. Статьи 368 и 1035 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. позволяли исключительно с санкции окружного суда выемку и последующее вскрытие частной корреспонденции только тех лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование [9]. Также допускалась перлюстрация корреспон-

денции лиц, находившихся в политической ссылке: в период с 1863 по 1878 г. официальными властями было принято пять нормативных правовых актов, регламентировавших проведение этой процедуры [10. С. 18, 32, 139, 145, 242].

В Российской империи перлюстрация корреспонденции проводилась Почтовым департаментом, который наряду с телеграфным ведомством находился в распоряжении Министерства внутренних дел. Однако как в первой, так и во второй половине XIX в. представители различных административных властей, в особенности губернаторы, предпринимали неоднократные попытки нарушить это исключительное право. Так, 25 июня 1862 г. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор П.И. Гессе получил разрешение от Александра II на просмотр частной корреспонденции на вверенной ему территории [11. С. 94]. В то же время 1 декабря 1862 г. казанский губернатор П.Ф. Козлянинов через министра внутренних дел пытался вступить в переписку с начальником III Отделения с просьбой получать сведения о лицах, ведущих заграничную корреспонденцию, однако прямого разрешения на перлюстрацию так и не получил [12. С. 1–2]. 17 июня 1863 г. генерал-губернатор Северо-Западного края и Виленской губернии М.Н. Муравьев смог получить право осуществлять контроль за почтовой корреспонденцией [11. С. 191–192]. Другие генерал-губернаторы также предпринимали попытки приобрести полномочия по контролю почтовых отправлений, однако их устремления не всегда получали одобрение в столице. В частности, 9 августа 1865 г. в докладной записке Александру II Главноначальствующий над Почтовым департаментом И.М. Толстой довольно подробно отразил факт превышения полномочий генерал-губернатора Северо-Западного края К.П. фон Кауфмана в отношении Минского губернского почтмейстера Л.Н. Урбасевича по отдельным вопросам контроля почтовой корреспонденции, ссылаясь на прецедент, созданный его предшественником по должности [Там же. С. 187–192]. В результате генерал-губернатор получил отказ от Александра II с разъяснением, что отступления от почтовых правил могут быть допущены исключительно с разрешения монарха. В отношении чиновников меньшего статуса почтовое руководство занимало значительно более твердую позицию и практически никогда не предоставляло им право заниматься перлюстрацией корреспонденции.

Следует отметить, что российские монархи придавали большое значение организации перлюстрационного дела. В частности, 2 августа 1862 г. Александр II в письме своему брату Константину Николаевичу отмечал необходимость обратить особое внимание на использование перлюстрации как эффективного способа получения достоверной и объективной информации [13. С. 134]. В 1868–1878 гг. министр внутренних дел А.Е. Тимашев ежедневно доставлял отобранные в результате перлюстрации письма императору, который в ходе их прочтения накладывал резолюции, делал заметки и распоряжения, носившие исключительно секретный характер [14. С. 73].

В конце XIX – начале XX в. получаемые в ходе просмотра частной корреспонденции материалы представлялись в обзорах, отчетах и докладах органов полиции в опосредованной форме – в виде информации, полученной агентурным путем. Такие сведения применялись исключительно в розыскных целях и не использовались в ходе разбирательства по конкретному делу. Материалы перлюстрации корреспонденции первоначально сосредотачивались в 5-м отделении Особого отдела Департамента полиции, затем направлялись в соответствующее отделение по предметам ведения. Выписки и копии писем, имевшие отношение к террористической деятельности, передавались во 2-е отделение Особого отдела. Даже, на первый взгляд несущественные сведения, выявленные в ходе перлюстрации корреспонденции и вызывавшие подозрения в подготовке теракта, проверялись розыскными органами. Следует отметить высокую эффективность перлюстрации в борьбе с террором в этот период: получаемые сведения позволили предотвратить совершение многих терактов, способствовали раскрытию уже совершенных преступлений. Именно материалы перлюстрации позволили в ходе борьбы с партией «Народная воля» пресечь деятельность польской рабочей партии «Пролетариат» в 1883 г. [15. С. 55], установить одного из первых организаторов марксистских кружков М.И. Бруснева в 1892 г., раскрыть покушение на Александра III в 1887 г. [16. С. 268], ликвидировать кружок И.С. Распутина в 1895 г., рассматривавший возможность организации покушения на Николая II [17. С. 442], снизить активность нелегальных организаций социал-демократов в 1902 г. и др.

При всех трудностях правовой регламентации перлюстрационной деятельности объем просмотренной корреспонденции постоянно возрастал: если в 1858–1859 гг. во всей империи (за исключением Варшавы) было вскрыто более 106 тысяч единиц корреспонденции, в 1864–1865 гг. – более 146 тысяч, то в 1882 г. просматривалось уже порядка 380 тысяч конвертов [Там же. С. 171, 576]. По данным З.И. Перегудовой, в Санкт-Петербурге ежедневно подвергалось перлюстрации порядка 2–3 тысяч писем, из которых делалось около 20–30 выписок и копий [7. С. 278]. Например, 10 апреля 1882 г. был установлен контроль над частной перепиской известного революционера П.Г. Заичневского [18. С. 25].

Общее представление о процессе постановки перлюстрационного дела в Российской империи можно составить лишь по правовым документам, имевшим косвенное отношение к перлюстрации корреспонденции, а также по воспоминаниям должностных лиц, непосредственно связанных с этой деятельностью. Следует отметить, что период конца XIX – начала XX в. ознаменовался значительным ростом объемов почтовых отправлений всех видов: если в 1885 г. общее число отправлений превышало 281 миллион, то в 1900 г. оно составило более 2,1 миллиарда [19. С. 19; 20. С. 30–32].

Отсутствие общего легального правового регулирования перлюстрационной деятельности в государстве создавало для органов правопорядка определенные трудности в ее организации. Особенно остро это ощущалось при взаимодействии различных государственных структур, наделенных властными полномо-

чиями: в каждом конкретном случае допуск к частной переписке осуществлялся только с разрешения императора. Подобная процедура распространялась и на ведомства, осуществлявшие розыскную деятельность. Так, в письме начальника московского жандармского управления от 21 ноября 1873 г., адресованном управляющему III Отделением, отмечалось, что московский почт-директор отказался предоставлять жандармскому управлению материалы частной переписки без Высочайшего повеления в обход Министерства внутренних дел [21. С. 1]. Таких случаев в работе органов правопорядка было довольно много. В результате 3 января 1876 г., после очередной переписки Александра II с начальником III Отделения А.Л. Потаповым, император разрешил руководству этого ведомства получать частную корреспонденцию лиц, привлекаемых к политическим делам, при условии предварительного согласования подобных вопросов с министром внутренних дел [17. С. 169]. Вообще к началу XX в. перлюстрационные пункты фактически обслуживали несколько ведомств: Департамент полиции Министерства внутренних дел (материалы перлюстрации в рамках розыскной деятельности), Министерство иностранных дел, Министерство двора, а также Военное и Морское министерства (дипломатическая корреспонденция), в частности отдел иностранной статистики Морского Генерального штаба [22. С. 102, 193].

В 1881 г. после убийства Александра II в связи с увеличением масштабов террористической деятельности новый император подписал секретный указ, разрешавший министру внутренних дел осуществлять вскрытие частной корреспонденции в обход установленного Судебными уставами порядка. Официальных документов, раскрывавших содержание этого указа, как и самого документа, не сохранилось. Однако архивные материалы позволяют установить, что именно с этого момента перлюстрационная деятельность в Российской империи стала осуществляться системно и более качественно. Большое фактологическое значение для оценки состояния перлюстрационного дела в этот период имел секретный доклад министра внутренних дел Д.А. Толстого от 5 июня 1882 г. Ценность этого документа заключалась еще и в том, что в нем содержались положения определительно-установочного характера, раскрывавшие роль и место перлюстрации корреспонденции в системе государственного управления. В частности, в докладе отмечалась «полная независимость перлюстрационной деятельности от каких бы то ни было властей, кроме императорской» [23. С. 1–6]. Кроме того, из содержания доклада следует, что по состоянию на 1882 г. на территории Российской империи действовало 8 перлюстрационных пунктов: в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Вильне, Киеве, Харькове, Одессе и Тифлисе. Некоторые из перечисленных пунктов в короткие сроки были закрыты. Впоследствии на территории империи появлялись новые пункты, некоторые из них через непродолжительное время прекращали свою деятельность по разным причинам. Так, 26 октября 1886 г. для работы на сибирском направлении был организован перлюстрационный пункт в Казани, однако уже в течение года стал актуальным вопрос о необходимости его дальнейшего существования. В связи с изменением маршрутов доставки сибирской почты появилась необходимость переноса этого пункта в Томск или Тюмень. Однако 29 ноября 1890 г. по причине малозначительности получаемых сведений Александр III решил вообще отказаться от просмотра сибирской корреспонденции, а казанский пункт сохранить в качестве постоянно действующего уже непосредственно по перлюстрации своей собственной корреспонденции [24. С. 125]. Казанский перлюстрационный пункт просуществовал вплоть до второй половины 1908 г. [25. С. 20]. 12 мая 1894 г. на временной основе был открыт перлюстрационный пункт в Нижнем Новгороде, являвшимся в тот период довольно крупным торговым узлом; в мае 1910 г. был открыт временный пункт в Риге [26. С. 89].

Следует отметить, что российскому правительству удалось наладить процесс перлюстрации не только на территории империи, но и за рубежом. Так, созданное в июле 1883 г. в Париже подразделение Департамента полиции, организующее работу с заграничной агентурой, с первых дней своего существования занялось налаживанием процедуры контроля переписки революционеров-эмигрантов и уже к 1885 г. добилось на этом направлении серьезных успехов. Были установлены адреса, через которые осуществлялась переписка Веры Засулич с революционерами-террористами Российской империи, осуществлен контроль частной корреспонденции члена «Народной воли» Л.А. Тихомирова, революционера-террориста В.Л. Бурцева, революционных эмигрантов Г.В. Плеханова, А.Д. Гнатовского, Л.Э. Шишко, М.А. Стахович, а также других известных лиц: Н.А. Бердяева, Н.Ф. Анненского, Г.Г. Кугушева, Д.В. Соскиса, Н.К. Крупской и т.д. Кроме того, в 1889 г. руководитель заграничной агентуры Департамента полиции П.И. Рачковский смог добиться официального согласия французских властей о необходимости полного контроля частной переписки всех без исключения русских эмигрантов и направлении копий писем лиц, интересующих Департамент полиции, в Петербург [27. С. 71]. К началу XX в. руководство заграничной агентурой в Париже организовало работу по просмотру частной корреспонденции русской эмиграции и изготовлению с нее копий не только в Париже, но и во всей Франции, а также в Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии.

К числу ведомственных нормативных правовых актов, имевших отношение к официальной регламентации перлюстрационной деятельности, следует отнести Циркуляр министра внутренних дел от 5 января 1883 г. [28. С. 2–3]. Этот документ распространял свое действие на две категории граждан: лиц, состоящих под негласным надзором полиции, и лиц, привлеченных к дознаниям по политическим делам. Всю без исключения исходящую и поступающую на адреса этих лиц корреспонденцию в обязательном порядке следовало подвергать перлюстрации. В последующие годы в отношении этих категорий граждан было еще издано несколько циркуляров ведомственного характера, конкретизировавших и детализировавших отдельные процедурные стороны тайного просмотра

частной корреспонденции. Непосредственно сами тексты циркуляров найти не удалось, однако, по оценке, Л.И. Тютюнника, занимавшегося их изучением, можно установить, что в содержательном плане эти акты были направлены на организацию работы с лицами, в отношении которых имелись серьезные подозрения в участии в подготовке или совершении террористических актов и иных государственных преступлений [29. С. 106]. При этом текст документов содержал нормы, определявшие как цели и задачи осуществления перлюстрационной деятельности, так и порядок ее проведения.

4 января 1886 г. руководство перлюстрационной деятельностью в империи перешло из рук директора Почтового департамента к старшему цензору санктпетербургской цензуры иностранных газет и журналов (официальная должность – помощник начальника Главного управления почт и телеграфов), находившемуся в прямом подчинении у министра внутренних дел [30. С. 82]. По мнению А.И. Спиридовича, именно у этого должностного лица в конверте, опечатанном печатью министра внутренних дел, хранился секретный указ, регламентировавший процедуру перлюстрации в империи [6. С. 60]. При смене министра старший цензор предъявлял для ознакомления вышеупомянутый указ новому министру.

5 января 1895 г. для вступившего на престол императора Николая II был подготовлен доклад министра внутренних дел И.Н. Дурново «О перлюстрации», в котором отражалось состояние перлюстрационного дела в империи, отмечались наиболее значимые достижения на этом направлении, причем отдельно были отмечены успехи органов политического сыска в борьбе с террором. Примечательно, что в содержательном плане документ был подготовлен близко к тексту доклада Д.А. Толстого от 5 июня 1882 г., однако некоторые новшества все-таки существовали. Так, в докладе от 1895 г. отмечалось, что в обязанность перлюстрационных пунктов входило в том числе «задержание пересылаемых по почте прокламаций и листков противоправительственного и революционного содержания… и вообще доставление Департаменту полиции сведений, дающих ему возможность успешно бороться с революционным движением в России» [31. С. 13].

Отдельные российские исследователи, к примеру А.Ю. Кеклис, придерживаются мнения, что перлюстрационная деятельность в Российской империи во второй половине XIX в. «была делом совершенно законным» [32. С. 24]. По его мнению, Высочайше одобренный доклад министра внутренних дел И.Н. Дурново от 5 января 1895 г. в силу положений статей 53 и 55 Основных государственных законов (в редакции от 1892 г.) являлся одним из видов законов Российской империи. Поскольку доклад был принят по частному вопросу, то на основании ст. 70 Основных государственных законов он отменял действие законов общих, иными словами приобретал высшую юридическую силу [Там же. С. 23–25]. Вместе с тем не следует забывать, что не совсем ясно, получил ли этот доклад Высочайшее утверждение, поскольку, по сведениям В.С. Измозика, на докладе имеется только лишь пометка «Доложено Его Величеству. В С.-Петербурге 5-го января 1895 г. Ив. Дурново» [17. С. 580]. Остается также открытым вопрос о правильном соотнесении предметов регулирования разных нормативных правовых актов: по отношению к какому общему закону доклад министра являлся законом частным. В конце концов, в содержательном плане доклад обладал довольно низким уровнем нормативности: за исключением нескольких декларативных норм иной нормативной нагрузки в нем не содержится. Таким образом, утверждение о том, что с принятием вышеупомянутого доклада перлюстрационная деятельность в империи обрела четкие законодательные рамки, представляется некорректным даже в условиях существования норм, определявших исключительный порядок выемки и просмотра частной корреспонденции.

Следует отметить, что революционеры-террористы довольно быстро адаптировались к возможности тайного вскрытия государством частной корреспонденции: в обиход террористов постепенно вошло шифрование. Во второй половине XIX в., начиная с 1852 г., в перлюстрационных пунктах стали регулярно появляться шифрованные письма. В этой связи в 1869 г. руководство Министерства внутренних дел было вынуждено привлечь к работе по перлюстрации корреспонденции дешифровальную службу при Министерстве иностранных дел. Данной работой лично занялся руководитель дешифровальной службы Л.П. Иессен: в 1869–1872 гг. он расшифровал 14 шифров, в 1872–1878 гг. – еще несколько писем и записок [33. С. 1–22]. Однако не все шифры удавалось раскрыть: в 1870–1871 гг. несколько писем из Одессы, а также одно письмо из Херсона так и не были прочитаны сотрудниками перлюстрационного пункта. В начале XX в. масштабы использования террористическими группами шифрованной переписки существенно увеличились. Если в 1907 г. перлюстрационными пунктами было исследовано 904 письма, подготовленного с применением методики шифрования, то в 1912 г. такой корреспонденции насчитывалось 5 039 штук [31. С. 87]. Сложившаяся ситуация привела к тому, что эта сложная и трудоемкая работа была поручена одному из лучших специалистов-дешифровщиков Департамента полиции И.А. Зыбину, который за достаточно непродолжительное время смог добиться серьезных успехов.

Наряду с проблемой дешифрования остро стоял вопрос создания поддельных копий зашифрованных писем, поскольку в целях безопасности, конспирации и сохранения методики организации политического сыска было необходимо не прерывать переписку террористов друг с другом. Поскольку после дешифрования письмо необратимо теряло свой первоначальный вид, существовала необходимость создания его точной копии. Для этой работы в штате Департамента полиции была выделена специальная должность, а одним из наиболее известных подобных специалистов был В.Н. Зверев, неоднократно упоминавшийся многими мемуаристами в своих трудах.

Общая численность сотрудников, занимавшихся в конце XIX – начале XX в. перлюстрацией корреспонденции, была постоянной и менялась незначительно.

По данным В.С. Измозика, в 1908 г. штат работников перлюстрационных пунктов состоял из 39 лиц, в 1913 г. он составлял 42 должностные единицы. Однако если учитывать лиц из числа сотрудников почтового ведомства, оказывавших содействие в процедуре отбора, доставки и охраны корреспонденции, то общее число задействованных лиц будет значительно выше. В частности, по состоянию на ноябрь 1915 г. к организации процесса перлюстрации корреспонденции в Российской империи было привлечено 89 почтовых работников: 35 служащих Санкт-Петербургского почтамта, 15 сотрудников Московского почтамта, остальные – работники почтовых контор в городах, где функционировали перлюстрационные пункты [17. С. 223–224].

Примечательно, что сотрудники перлюстрационных пунктов тщательно подбирались не только с учетом лояльного отношения к режиму, неукоснительного соблюдения мер безопасности и конспирации, но и с наличием хорошего образования и знанием иностранных языков. В их число входили: сотрудники перлюстрационного пункта в Санкт-Петербурге О.К. Вейсман (шесть классов Главного немецкого училища, владел иностранными языками) [34. С. 43–45], В.И. Кривош (один курс Венской дипломатической академии, затем восточный факультет Санкт-Петербургского университета, владел иностранными языками) [17. С. 613–614], Н.В. Яблочков (Московское императорское коммерческое училище, владел иностранными языками) [Там же. С. 630]; руководитель перлюстрационного пункта в Тифлисе В.К. Карпинский (один курс юридического факультета Киевского университета, владел иностранными языками) и др. [26. С. 35].

Очередная попытка организационно-правового оформления перлюстрационного дела в Российской империи была предпринята в начале XX в., а именно после революции 1905–1907 г. Факты осуществления в условиях революционного времени перлюстрационной деятельности, проводимой в условиях строжайшей секретности, все-таки можно было зарегистрировать в материалах официальной переписки и иных документах, не имевших непосредственного отношения к тайному вскрытию корреспонденции. Об этом свидетельствуют отдельные нормативные правовые документы Департамента полиции: Циркуляр от 3 марта 1909 г., регламентировавший процедуру передачи в органы политического сыска копий перлюстрированных писем [35. С. 180]; Циркуляр от 5 июня 1910 г., требовавший неукоснительного исполнения указаний Департамента полиции по вопросам своевременной передачи копий вскрытых писем [35. С. 251]. Следует отметить, что преобразования коснулись в большей мере организационных вопросов, в то время как проблема юридической регламентации этой деятельности снова отошла на второй план. В мае 1908 г. после проверок старшего цензора Санкт-Петербургского почтамта М.Г. Мардарьева подверглись реорганизации перлюстрационные пункты в Киеве и Одессе. В феврале 1910 г. вице-директором Департамента полиции С.Е. Виссарионовым была проведена проверка работы перлюстрационных пунктов в Москве, Варшаве и Саратове. 3 апреля 1910 г. по результатам своих визитов С.Е. Виссарионов подготовил отчет товарищу министра внутренних дел П.Г. Курлову, в котором отразил несколько обоснованных предложений по реформированию системы перлюстрации в России. Однако существенных преобразований руководство органов внутренних дел осуществлять не стало, ограничившись лишь пометками и резолюциями частного характера на отчетном документе, исполнение которых впоследствии не контролировалось. В конце 1910 г. вопрос о постановке перлюстрационного дела вновь стал актуальным: в отдельные пункты были направлены цензоры, а также началась работа по составлению сметы расходов на открытие новых перлюстрационных пунктов. Однако существенных преобразований в ходе этой работы не последовало: на протяжении нескольких лет в этом вопросе наблюдались непоследовательные и бессистемные действия руководства Министерства внутренних дел [36. С. 40–78]. Например, в декабре 1910 г. была составлена новая смета на открытие перлюстрационного пункта в Вильно, в январе 1911 г. она была утверждена товарищем министра, однако уже через месяц последовала отмена принятого решения [36. С. 62]. Вообще в 1910-х гг. руководство Министерства внутренних дел по вопросам организации перлюстрационного дела в Российской империи было обеспокоено двумя проблемами: нехваткой денежных средств, а также нарушением общественного спокойствия в связи с появлением в открытой печати сведений о фактах тайного вскрытия частной корреспонденции. В 1912–1914 гг. в Департаменте полиции даже велось дело, в котором концентрировались материалы открытой печати по вопросам просмотра частной корреспонденции. Именно эти обстоятельства являлись главными причинами непоследовательного управления перлюстрационной деятельностью в данный период, что не могло не сказаться на качестве борьбы с террором. В результате в начале XX в. вплоть до исчезновения Российской империи органы перлюстрации так и не подверглись системной реорганизации, а правовые основы их функционирования даже на негласном ведомственном уровне не были четко определены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2002. 704 с.
2. Соболева Т.А. Тайнопись в истории России (история криптографической службы России XVIII – нач. XX в.). М. : Международные отношения, 1994. 384 с.
3. Из воспоминаний М.Е. Бакая. О черных кабинетах в России // Былое. 1908. № 7. С. 119–133.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XX. Отд. 1. № 19283.
5. Лурье Ф.М. Политический сыск в России, 1649–1917 гг. М. : Центрполиграф, 2006. 399 с.
6. Спиридович А.И. Записки жандарма (репринтное воспроизведение издания 1930 года) / с предисл. и под ред. С. Пионтковского. М. : Художественная литература: Фонд творческих инициатив, 1991. 263 с.
7. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М. : РОССПЭН, 2000. 432 с.

8. Измозик В.С. «Черные кабинеты» в России (XVIII – начало XX веков) // Жандармы России / сост. В.С. Измозик. СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 640 с.
9. Высочайше утвержденный Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXXIX, ч. 2, № 41476.
10. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129.
11. РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246.
12. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. 1862. Оп. 37. Д. 536.
13. Переписка Александра II с великим князем Константином Николаевичем // Дела и дни. Исторический журнал. Кн. 2. Пб. : Гос. изд., 1921. 240 с.
14. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М. : Прибой, 1929. 314 с.
15. Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях по делам о государственных преступлениях с 1 июля 1883 года по 1 января 1884 года. СПб. : Министерство внутренних дел, 1884. 80 с.
16. Поляков А.С. Второе 1 марта. Покушение на императора Александра III в 1887 г.: (материалы). М. : Издание журнала «Голос минувшего», 1919. 64 с.
17. Измозик В.С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 696 с.
18. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1.
19. Двадцатипятилетие почтово-телеграфного ведомства. 1885–1910. СПб. : Типография МВД, 1910. 19 с.
20. Почтово-телеграфная статистика за 1900 год (с кратким обзором деятельности почтово-телеграфного ведомства за тот же год). СПб. : Типография МВД, 1902. 57 с.
21. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 561.
22. Архив Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440.
23. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 333.
24. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002.
25. РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 228.
26. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000.
27. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 249. Д. 29.
28. ГАРФ. Ф. 58. Оп. 8. Д. 10.
29. Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX веков (1880–1904) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 294 с.
30. Лоскутов С.М. Правовые аспекты борьбы с террором в России во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. 157 с.
31. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001.
32. Кеклис А.Ю. Законодательное регулирование перлюстрации в Российской империи XIX – начала XX века // История государства и права. 2009. № 4. С. 23–25.
33. ГАРФ. Ф. А109. Оп. 3а. Д. 560.
34. РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 725.
35. ГАРФ. Ф. 58. Оп. 5. Д. 4.
36. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 35.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 декабря 2017 г.

EXAMINATION OF PRIVATE CORRESPONDENCE IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: THE LEGAL FRAMEWORK AND THE ROLE IN THE FIGHT AGAINST TERROR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 243–249.
DOI: 10.17223/15617793/426/31

Mikhail B. Kolotkov, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mkolotkov@yandex.ru

Keywords: interception; terror; censorship; correspondence; encryption of mail.

This article examines the implementation of postal censorship in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. The scope of the study is due to the insufficient attention to the study of postal censorship procedures on the part of legal scholars. The Russian autocratic government used postal censorship as a method of investigative activities in different volumes for quite long: documents testify to the facts of opening private correspondence back in the middle of the 18th century. In the second half of the 19th century the development of the revolutionary movement, the emergence and the subsequent strengthening of terrorist ideology in the Russian Empire contributed to the systematization of this activity and the transition of postal censorship work to a qualitatively new level. In the article, an attempt was made to search for the legal framework of postal censorship: the issues of identifying normative legal acts that regulated postal censorship in the Russian Empire are considered. Actually, in the Russian Empire, the Ministry of Internal Affairs used postal censorship (under great secrecy) without any departmental regulation: no instructions, circulars, rulings or orders governing the procedure for conducting this type of search activities were issued. The Postal Department, which, along with the Telegraph Office, was controlled by the Ministry of Internal Affairs, censored correspondence. As of 1882, the Russian Empire had eight postal censorship units. The author investigated the mechanism for the institutionalization of a postal censorship case. He paid special attention to the role of postal censorship in the prevention of terrorist attacks and in the disclosure of crimes in the Russian Empire. In the late 19th – early 20th centuries, materials obtained during the examination of private correspondence were presented in overviews and reports of the Police Department in a mediated form as information received via agents. Such materials were used exclusively for investigation purposes, and were not used in the proceedings on a particular case. Bodies of investigation checked even seemingly irrelevant information, found during the examination of correspondence, that arouse the suspicion of the preparation of a terrorist attack. It should be noted that postal censorship was highly efficient in the fight against terror in this period, the data obtained allowed to prevent many terrorist attacks and contributed to the disclosure of crimes.

REFERENCES

1. Sukharev, A.Ya. & Krutskikh, V.E. (eds) (2002) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Large dictionary of law]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M.
2. Soboleva, T.A. (1994) *Taynopis' v istorii Rossii (istoriya kriptograficheskoy sluzhby Rossii XVIII – nach. XX v.)* [Cryptography in the history of Russia (the history of the cryptographic service of Russia in the 18th – early 20th centuries)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
3. Byloe. (1908) Iz vospominaniy M.E. Bakaya. O chernykh kabinetakh v Rossii [From the memoirs of M.E. Bakay. About black cabinets in Russia]. *Byloe*. 7. pp. 119–133.
4. Russian Empire. (1845) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. XX?:1:19283.
5. Lur'e, F.M. (2006) *Politicheskiy sysk v Rossii, 1649–1917 gg.* [Political investigation in Russia, 1649–1917]. Moscow: Tsentrpoligra.
6. Spiridovich, A.I. (1991) *Zapiski zhandarma* [Notes of a gendarme]. Reprint of the 1930 edition. Moscow: Khudozhestvennaya literatura: Fond tvorcheskikh initsiativ.
7. Peregudova, Z.I. (2000) *Politicheskiy sysk Rossii (1880–1917 gg.)* [Political investigation of Russia (1880–1917)]. Moscow: ROSSPEN.
8. Izmozik, V.S. (2002) "Chernye kabinety" v Rossii (XVIII – nachalo XX vekov) ["Black offices" in Russia (18th – early 20th centuries)]. In: *Zhandarmy Rossii* [Gendarmes of Russia]. St. Petersburg: Neva; Moscow: OLMA-PRESS.
9. Russian Empire. (1864) Vysochayshe utverzhdennyy Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva ot 20 noyabrya 1864 g. [The Highly approved Criminal Procedure Charter of November 20, 1864]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. XXXIX:2:41476.
10. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1282. List 1. File 129. (In Russian).
11. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 241. File 246. (In Russian).
12. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. 1862. List 37. File 536. (In Russian).
13. Dela i dni. (1921) Perepiska Aleksandra II s velikim knyazem Konstantinom Nikolaevichem [Alexander II's correspondence with Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. *Dela i dni. Istoricheskiy zhurnal.* 2.
14. Novitskiy, V.D. (1929) *Iz vospominaniy zhandarma* [From the memoirs of a gendarme]. Moscow: Priboy.
15. Ministry of Internal Affairs. (1884) *Obzor vazhneyshikh doznaniy, proizvodivshikhsya v zhandarmskikh upravleniyakh po delam o gosudarstvennykh prestupleniyakh s 1 iyulya 1883 goda po 1 yanvarya 1884 goda* [Review of the most important inquiries carried out in the gendarmerie offices on cases of state crimes from July 1, 1883 to January 1, 1884]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
16. Polyakov, A.S. (1919) *Vtoroe 1 marta. Pokushenie na imperatora Aleksandra III v 1887 g.: (materialy)* [The second March 1. Attempt on the Emperor Alexander III in 1887: (materials)]. Moscow: Izdanie zhurnala "Golos minuvshego".
17. Izmozik, V.S. (2015) *"Chernye kabinety": istoriya rossiyskoy perlyustratsii. XVIII – nachalo XX veka* ["Black offices": the history of Russian postal censorship of the 18th - the beginning of the 20th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 265. File 1. (In Russian).
19. Tipografiya MVD. (1910) *Dvadtsatipyatiletie pochtovo-telegrafnogo vedomstva. 1885–1910* [The twenty-fifth anniversary of the postal and telegraph agency. 1885–1910]. St. Petersburg: Tipografiya MVD.
20. Tipografiya MVD. (1902) *Pochtovo-telegrafnaya statistika za 1900 god (s kratkim obzorom deyatel'nosti pochtovo-telegrafnogo vedomstva za tot zhe god)* [Postal and telegraph statistics for 1900 (with a brief overview of the postal and telegraph services for the same year)]. St. Petersburg: Tipografiya MVD.
21. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 3a. File 561. (In Russian).
22. Archive of the Office of the Federal Security Service of Russia for St. Petersburg and Leningrad Oblast. File P-74440. (In Russian).
23. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 316. File 333. (In Russian).
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1467. List 1. File 1002. (In Russian).
25. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1289. List 21. File 228. (In Russian).
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1467. List 1. File 1000. (In Russian).
27. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 249. File 29. (In Russian).
28. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 58. List 8. File 10. (In Russian).
29. Tyutyunnik, L.I. (1986) *Departament politsii v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov (1880–1904)* [Department of Police in the fight against the revolutionary movement in Russia at the turn of the 20th century (1880-1904)]. History Cand. Diss. Moscow.
30. Loskutov, S.M. (2014) *Pravovye aspekty bor'by s terrorom v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Legal aspects of the fight against terror in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Law Cand. Diss. Moscow.
31. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1467. List 1. File 1001. (In Russian).
32. Keklis, A.Yu. (2009) Zakonodatel'noe regulirovanie perlyustratsii v Rossiyskoy imperii XIX – nachala XX veka [Legislative regulation of postal censorship in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 4. pp. 23–25.
33. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A109. List 3a. File 560. (In Russian).
34. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1289. List 4. File 725. (In Russian).
35. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 58. List 5. File 4. (In Russian).
36. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 267. File 35. (In Russian).

Received: 05 December 2017

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АХМЕДОВ Теюб Ахмед оглы – канд. истор. наук, доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова (г. Якутск). E-mail: RSevoi@yandex.ru

БАШКУЕВ Всеволод Юрьевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: seva91@yahoo.com

БУРДИНА Елена Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры правовых дисциплин Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (г. Петропавловск, Казахстан). E-mail: efforelena@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна – канд. ист. наук, зам. начальника кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань). E-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru

ВОЛКОВ Иван Олегович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: wolkoviv@gmail.com

ГРУЗДИНСКАЯ Виктория Сергеевна – аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: vik11910314@yandex.ru

ГУЗЫРЬ Владимир Васильевич – канд. экон. наук, зам. директора по развитию школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета. E-mail: guzyr@tpu.ru

ДАМЕШЕК Ирина Львовна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и методики Иркутского государственного университета. E-mail: dameshek@rambler.ru

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России Иркутского государственного университета. E-mail: levdameshek@gmail.com

ДАНИЛОВА Лариса Николаевна – д-р пед. наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. E-mail: yar-da.l@mail.ru

ЕФРЕМОВ Алексей Викторович – аспирант отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (г. Ижевск). E-mail: mr-alex-efremov@mail.ru

ЗАВГОРОДНИЙ Алексей Михайлович – соискатель кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького (г. Москва). E-mail: almzav@yandex.ru

ЗВЕРЕВ Алексей Сергеевич – мл. науч. сотр. отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения Российской академии наук (г. Москва). E-mail: zvereval@inbox.ru

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета; зав. кафедрой физической культуры Томского политехнического университета. E-mail: kapil@yandex.ru

КИРИЛЮК Денис Валериевич – канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой истории России Сургутского государственного университета. E-mail: denkirilyuk@yandex.ru

КНЯЗЬКОВ Алексей Степанович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой криминалистики Томского государственного университета. E-mail: ask011050@yandex.ru

КОЗЕЛЬЧУК Татьяна Валентиновна – канд. ист. наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета. E-mail: netanja-k@mail.ru

КОЛОТКОВ Михаил Борисович – канд. юрид. наук, ст. науч. сотр. информационно-аналитического центра Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: mkolotkov@yandex.ru

КОНДРАТЬЕВА Тамара Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения и документационного управления Тюменского государственного университета. E-mail: ktamara1960@yandex.ru

КОНОПЬЯНОВА Любовь Оскаровна – аспирант кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ». E-mail: sheliaziaka@mail.ru

КОРЫЧАНКОВА Симона – Ph.D., канд. филол. наук, зав. кафедрой русского языка и литературы Университета им. Масарика (г. Брно, Чехия). E-mail: korycankova@ped.muni.cz

КРЮКОВА Лариса Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

МЕЛЬНИКОВ Владимир Павлович – академик Российской академии наук, д-р геол.-минерал. наук, научный руководитель Международного института криологии и криософии Тюменского государственного университета; гл. науч. сотр. Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: melnikov@ikz.ru

МЕТЕЛЬ Ольга Вадимовна – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: olgametel@yandex.ru.

МОРОЗОВА Татьяна Игоревна – канд. ист. наук, мл. науч. сотр. сектора истории общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: mti137@yandex.ru

НЕКРЫЛОВ Сергей Александрович – д-р ист. наук, зав. кафедрой кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: medicinahistory@yandex.ru

ОЛИЦКАЯ Дарья Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета. E-mail: d.olitskaya@mail.ru

ПЕРЦЕВ Никита Викторович – науч. сотр. сектора археологии и этнографии Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского (г. Салехард); аспирант кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета. E-mail: pertsev1991@list.ru

САБЛИН Василий Анатольевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин Вологодского государственного университета. E-mail: sablin@inbox.ru

СТЕПКИН Виталий Викторович – канд. ист. наук, учитель истории Павловской средней школы (г. Павловск Воронежской области). E-mail: archeolog@mail.ru

СТЕПНОВ Алексей Олегович – лаборант лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: ASAOM@yandex.ru

СТРОКОВА Тамара Александровна – канд. пед. наук, доцент академической кафедры методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета. E-mail: strokovata@mail.ru

СУШКО Алексей Владимирович – д-р ист. наук, зав. кафедрой «Отечественная история» Омского государственного технического университета; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института. E-mail: Alexsushko@rambler.ru

ТИШКО Анна Борисовна – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. E-mail: a.tishko@mail.ru

ФЕДОРОВ Роман Юрьевич – канд. филос. наук, ст. науч. сотр. Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук; ст. науч. сотр. Международного института криологии и криософии Тюменского государственного университета. E-mail: r_fedorov@mail.ru

ФОМИНЫХ Сергей Фёдорович – д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ШАЦКАЯ Екатерина Александровна – канд. социол. наук, доцент кафедры общеправовой подготовки Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России (г. Иркутск). E-mail: Katerina_shat@mail.ru

ШЕВЧЕНКО Сергей Александрович – канд. ист. наук, ассистент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: Shevchenkovskrs@yandex.ru

ШЕРСТОВА Людмила Ивановна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sherstova58@mail.ru

ШУЛЬЦ Эдуард Эдуардович – канд. ист. наук, директор Центра политических и социальных технологий (г. Москва). E-mail: nuap1@yandex.ru

ЭРЛИХСОН Ирина Мариковна – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. E-mail: i.erlihson@rsu.edu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2018. № 426. Январь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 января 2018 г. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 29,3. Тираж 50 экз.
Заказ № 3023. Цена свободная.

Дата выхода в свет 21 февраля 2018 г.

Редактор – Е.Г. Шумская
Корректор – Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru